КЪ ИСТОРІИ

ПРАВА

РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

КАЛМЫЦКОЕ ПРАВО.

Ѳ. Ч. Леонтовича.

ЧАСТЬ I.

Уложеніе 1822 года (текстъ).

Примѣчанія:

Составъ, источники и общій характеръ уложенія.
Общественный бытъ по калмыцкимъ уставамъ.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1880.

КЪ ИСТОРІИ

ПРАВА

РУССКИХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

КАЛМЫЦКОЕ ПРАВО.

Ѳ. И. Леонтовича.

ЧАСТЬ I.

Уложеніе 1822 года (текстъ).

Примѣчанія:

Составъ, источники и общій характеръ уложенія.
Общественный бытъ по калмыцкимъ уставамъ.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ № 3.
1880.

БИБЛИОТЕКА
Коммунистической
АКАДЕМИИ
479
36

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *П. А. Головкинскій.*

ЦЕНТРАЛЬНОГО
ФОНДА
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕХ
АКАДЕМИИ
11
25
XI

Изъ XXIX т. «Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета».

Настоящая работа представляетъ, кромѣ изданія калмыцкаго уложенія 1822 года, посильный опытъ научной разработки интересныхъ памятниковъ кочевой культуры восточныхъ инородцевъ — ойратскаго устава 1640 года и позднѣйшей его переработки у русскихъ калмыковъ. Издаваемая нынѣ первая часть моей книги состоитъ изъ текста уложенія 1822 года съ указателемъ и изъ особыхъ «примѣчаній». Въ послѣднихъ я старался, во 1-хъ, выяснить общіе вопросы о составѣ, источникахъ и характерѣ издаваемаго памятника, затѣмъ во 2-хъ, въ отдѣлѣ объ «общественномъ бытѣ» намѣтить и по возможности разъяснить коренныя начала, квалифицировавшія всю политическую и правовую жизнь калмыковъ, — начала, проявлявшіяся главнымъ образомъ въ формахъ родовыхъ союзовъ, кочевомъ бытѣ и хозяйственной ихъ культурѣ, хищничествѣ и военно-дружинномъ бытѣ, наконецъ въ сословной организаціи родовыхъ союзовъ. Разсмотрѣніе собственно «правоваго быта» по калмыцкимъ уставамъ составитъ задачу второй части моей работы, въ которую войдутъ слѣдующіе отдѣлы: объ административномъ строѣ родовыхъ союзовъ по калмыцкимъ уставамъ, о частномъ-правномъ бытѣ (отношеніяхъ имущественныхъ, семейныхъ, наслѣдственныхъ и пр.), объ уголовномъ правѣ и процессѣ.

Считаю нужнымъ сдѣлать оговорку касательно задачи моей работы. Я вовсе не имѣлъ въ виду изложить въ моей трудѣ «исторію калмыцкаго права». Моя задача гораздо тѣснѣе: въ «примѣчаніяхъ» я старался опредѣлить и выяснить возможно точно и ясно основныя положенія, развитыя калмыцкими уставами по намѣченнымъ мною вопросамъ, и только. Съ этой цѣлью, кромѣ изданныхъ мной памятниковъ, я пользовался другими источниками (напр., матеріалами по обычному праву сибиряковъ—инородцевъ, среднеазіатскихъ монголовъ и пр.), лишь на сколько это казалось мнѣ необходимымъ для возможно-правильной постановки избранныхъ мной вопросовъ. Изъ архивныхъ источниковъ мнѣ удалось воспользоваться интересной рукописью Бакунина («Описаніе калмыцкихъ народовъ», 1761 г.). Для второй части я имѣю въ виду, между прочимъ, богатый архивный матеріалъ, хранящійся въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. По главнымъ же вопросамъ, изложеннымъ въ настоящей части моей работы, я собственно не имѣлъ большой надобности въ новомъ пересмотрѣ и изученіи архивныхъ данныхъ по «калмыцкимъ дѣламъ» упомянутаго Архива, такъ какъ такія данныя давно уже извлечены и весьма обстоятельно изучены въ извѣстномъ трудѣ о калмыкахъ бар. Ѳ. А. Бюллера (нынѣ директора сказаннаго Архива), — трудѣ, служившемъ для меня по богатству архивнаго матеріала очень важнымъ пособіемъ по многимъ вопросамъ, затронутымъ въ настоящей моей работѣ.

Кромѣ необходимости въ архивныхъ работахъ, есть еще другая причина, заставившая меня отложить на время изданіе второй половины моего труда. Недавно я узналъ, что профессору монгольскаго языка

въ Петербургскомъ университетѣ, К. Ѳ. Галстунскому, посчастливилось открыть монгольскій списокъ изданнаго мной ойратскаго устава, и что уставъ уже печатается съ русскимъ переводомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто стараго испорченнаго русскаго текста ойратскаго устава, предстоитъ возможность изученія правоваго быта ойратовъ по подлинному ихъ уставу, не затрудняясь тѣми несообразностями, какія встрѣчаются почти въ каждой статьѣ устава по извѣстнымъ доселѣ русскимъ спискамъ.

Ѳ. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 3
Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ (текстъ) . . . 15

Право лицъ.

I. О духовныхъ вообще 15
II. О владѣльцахъ, чиновныхъ и зайсангахъ 25
III. О родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ 37

О судѣ

I. О судѣ вообще и о судьяхъ 41
II. О свидѣтеляхъ, о присягѣ, обыскахъ и о прочемъ 62

О внутреннемъ благоустройствѣ въ народѣ.

I. О гражданскомъ благоустройствѣ 68
II. О призрѣніи бѣдныхъ 73
III. О воспитаніи 75
IV. О повинностяхъ 77
V. О подводахъ, подводчикахъ и проѣзжихъ 77
VI. О посланцахъ 80
Военныя установленія 83

О дѣлахъ, относящихся до вѣры.

I. О дѣлахъ, относящихся до вѣры 88
II. О дѣлахъ, относящихся до брака 89
III. О наслѣдствѣ 93
IV. О долгахъ 94
V. О дѣлахъ по скотоводству 95
VI О дѣлахъ по ловлямъ и промысламъ 97
VII. О играхъ и пиршествахъ 98
VIII. О дѣлахъ врачебныхъ . . . . . —
IX. О убійствахъ намѣренныхъ . . . . . —
X. О убійствахъ ненамѣренныхъ и о средствахъ къ собственной защитѣ 99

стр

XI. О грабежахъ и разбояхъ 102
XII. О бѣглыхъ и укрывателяхъ ихъ 103
XIII. О воровствѣ 104
XIV О плутовствѣ и обманахъ 112
XV. О безчестіяхъ, обидахъ и проч 113
XVI. О прочихъ всякаго рода предметахъ 116
Указатель предметовъ 121

ПРИМѢЧАНІЯ.

Общія замѣчанія о кодификаціи калмыцкаго права 149
I Ойратскій уставъ 1640 года 151
Титулъ и распредѣленіе статей устава въ сводѣ 1822 г. (151). Русскій переводъ (156) Отмѣненныя статьи устава (157) Статьи безъ измѣненій (163) Переработанныя статьи устава (164).
II. Постановленія Зинзилинскаго собранія 165
Титулъ (166). Источники (167). Внѣшній составъ (171). Редакція (172). Новыя статьи уложенія (175).
III. Мнѣнія двухъ владѣльцевъ 176
Ихъ составъ (176). Общій характеръ (177).
IV Заключенія коммисіи калмыцкихъ дѣлъ 178
Общій характеръ и редакціонные недостатки заключеній (178) Противорѣчія (179). Направленіе работъ коммисіи (180).
V. Система изложенія уложенія 181

А. Общественный бытъ.

1. Формы родовыхъ союзовъ 183
Хотонъ (184). Аймакъ (204). Отокъ (208). Отдѣленія отока-сотни, сорока и десятки (215). Улусъ (219). Племя-нутукъ или тангачи (228) Оронъ (229) Калмыцкіе улусы въ текущемъ столѣтій (230).
2. Кочевой бытъ и хозяйственная культура родовыхъ союзовъ. . 231
Кочеванье, какъ общее явленіе «первобытной культуры» (231). Причины кочеванія монголовъ и калмыковъ (235) Распредѣленіе мѣстъ кочевья между родовыми союзами (250). Системы и порядокъ кочеваній (260). Байгучи—«сидячіе» кочевники (269). —Пастушеское право· общій характеръ и размѣры скотоводства (271), значеніе скота у кочевниковъ (273), разведеніе скота (275), прокормленіе и уходъ за скотомъ (277), охраненіе стадъ (278). — Охотничье право: общій характеръ и значеніе охоты у старыхъ монголова (294), охота по ойратскому уставу (297), охотничье право монголо-бурятъ (303). — Рыболовные и другіе промыслы байгучей (307) — Степная торговля (309).

стр

3. Хищничество и военно-дружинный бытъ родовыхъ союзовъ . 312
Значеніе и причины хищничества (312). Формы хищничества монголовъ (314) Отмѣна хищничества между ойратскими племенами (315) Смягченіе хищничества въ отношеніяхъ къ чужеродцамъ (318) — Военно-дружинное устройство ойратскихъ племенъ· военные законы древнихъ монголовъ (319), ратная служба ойратовъ (320), личный составъ ордъ (322), ратныя права и обязанности (323), военная добыча (326).
4. Общественные разряды родовыхъ союзовъ 328
Общій характеръ и происхожденіе сословій у монголовъ и калмыковъ (328) Классы привиллегированные· владѣльцы (338), табангоуты (352), заргачи и зайсанги (353) Простолюдины: люди средніе (361) и простые подвластные люди (364). Рабство (373). Ламайская духовная община (379)
Опечатки

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи» (Зинзилинскія постановленія) есть собственно переработанная редакція монгольскаго ойратскаго устава 1640 г., дѣйствовавшаго у русскихъ калмыковъ подъ титуломъ «древнихъ калмыцкихъ постановленій»[1]). Зинзилинскія постановленія были составлены въ 1822 г., по иниціативѣ русскаго правительства, на съѣздѣ калмыцкихъ родоправителей (нойоновъ и зайсанговъ) и духовенства, въ видахъ приведенія древнихъ калмыцкихъ законовъ «въ согласность съ потребностями народа»[2]).

Переработка древняго ойратскаго устава не осуществилась, — Зинзилинскія постановленія не получили законодательнаго значенія, остались неудавшейся попыткой кодификаціи калмыцкаго права. Но эта попытка имѣетъ немаловажное значеніе по отношенію ея къ *обычному праву* русскихъ калмыковъ. Констатированныя въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ

---

[1]) Текстъ ойратскаго устава 1640 г., съ замѣчаніями объ исторіи монгольскаго и калмыцкаго права, изданъ мною въ сочиненіи: «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій (Цаджинъ-Бичикъ)». Одесса 1879.

[2]) Исторія «Зинзилинскихъ постановленій» изложена нами въ сочиненіи, указанномъ въ 1-мъ примѣчаніи, стр. 30—34. Ср. также бар. Ѳ. А. Бюлера «Кочующіе и осѣдло-живущіе въ Астраханской губерніи инородцы», въ Отеч. Зап. 1846, т. XL, № 8, стр 74 и 78; № 11, стр. 5—7. К. Костенкова «Историческія и статистическія свѣдѣнія о калмыкахъ, кочующихъ въ Астраханской губерніи». Спб. 1870, стр. 19—20.

дополненія и исправленія въ древнемъ «правѣ мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» были воспроизведены на строгой почвѣ правовыхъ обычаевъ, какъ они развились и удержались въ современномъ кочевомъ быту русскихъ калмыковъ[1]) Отсюда сама собою понятна вся важность «Зинзилинскихъ постановленій», какъ одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ, служащихъ очень важнымъ подспорьемъ при изученіи обычнаго права кочевниковъ русскихъ юго-восточныхъ окраинъ. Зинзилинскія постановленія можно съ полнымъ правомъ относить, какъ и древній ойратскій уставъ монголовъ, къ самороднымъ памятникамъ исключительно степной, кочевой культуры, доселѣ составляющей, можно сказать, національную принадлежность калмыковъ и другихъ среднеазіатскихъ и сибирскихъ племенъ монгольскаго корня.

---

[1]) Къ явленіямъ, въ которыхъ сказывается вліяніе новыхъ условій жизни калмыковъ, условій, возникшихъ, какъ результатъ болѣе близкаго соприкосновенія этихъ инородцевъ съ господствующимъ русскимъ населеніемъ, нужно относить главнымъ образомъ отмѣну племенныхъ военныхъ законовъ, нормировавшихъ военно-дружинную организацію кочевыхъ родовъ калмыковъ, затѣмъ систему тѣлесныхъ наказаній, развитую въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ и почти вовсе неизвѣстную древнему ойратскому уставу, — также новую систему подсудности дѣлъ уголовныхъ — однихъ суду калмыцкому, другихъ суду и закону русскому. Въ остальномъ, за весьма малыми исключеніями, Зинзилинскія постановленія представляютъ собой лишь болѣе детальное и обстоятельное нормированіе основныхъ началъ древняго ойратскаго устава монголовъ. Такимъ образомъ, дополняя старый уставъ новыми статьями касательно наслѣдованія, родовой баранты, откочевокъ, отношеній родоправителей къ зависѣвшимъ отъ нихъ родамъ и пр., Зинзилинскія постановленія собственно не вводятъ здѣсь ничего новаго, но лишь констатируютъ то, что издавна существовало въ народныхъ обычаяхъ и мало или вовсе не затрогивалось племеннымъ уставомъ. Таковъ, напр. источникъ новыхъ статей о родовой барантѣ или отгонѣ скота, — институтѣ, бывшемъ извѣстнымъ до настоящаго времени лишь по описаніямъ наблюдателей быта калмыковъ (см. напр. П. Небольсина «Очерки быта калмыковъ Хошоутовскаго улуса», въ Библ. для чт. т. CXIII, № 6, стр. 129). Таковъ же источникъ и другихъ статей съ записанными въ нихъ народными обычаями. Болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи Зинзилинскихъ постановленій къ древнему ойратскому уставу изложено ниже, въ примѣчаніяхъ къ тексту Зинзилинскихъ постановленій.

Подлинный списокъ Зинзилинскихъ постановленій, по словамъ барона Ѳ. А. Бюлера, хранится въ архивѣ бывшаго Калмыцкаго Управленія[1]). Въ 1843 г., во время командировки въ Астраханскую губернію для изслѣдованія на мѣстѣ вопроса о древнихъ калмыцкихъ законахъ, Бюлеръ открылъ въ архивѣ суда Зарго двѣ рукописи: а) «Древнія калмыцкія постановленія. Переводъ съ права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», и б) «Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи калмыцкихъ Нойновъ, Зайсанговъ, Ламъ и Гэлюновъ». Копіи съ этихъ двухъ рукописей, вмѣстѣ съ «примѣчаніями къ рукописи — древнія калмыцкія постановленія», были пожертвованы бар. Бюлеромъ въ 1875 г. библіотекѣ Московскаго Юридическаго Общества[2]). Благодаря содѣйствію Общества, доставившаго на время въ мое распоряженіе упомянутыя рукописи, я получилъ возможность, не только ближе познакомиться, какъ съ новымъ спискомъ изданнаго мной ойратскаго устава 1640 г., такъ и съ опытомъ переработки этого устава калмыцкими родоправителями въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, но и издать, съ согласія Общества, Зинзилинскія постановленія по рукописи, принадлежащей упомянутому Обществу.

Что касается первой рукописи, то заключающійся въ ней списокъ русскаго перевода ойратскаго устава 1640 г. есть такая же копія этого памятника, какъ и изданный мною списокъ І. В. Бентковскаго[3]). Судя впрочемъ по варіантамъ[4]), открытымъ мною въ рукописи бар. Бюлера, послѣднюю нужно

[1]) См. Бюлера «Инородцы», въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр. 78.

[2]) См. мое соч.: «Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Древній монголо-калмыцкій или ойратскій уставъ взысканій». Од. 1879, стр. 182.

[3]) Кромѣ приведеннаго выше заглавія, списокъ бар. Бюлера имѣетъ въ концѣ слѣдующую скрѣпу: «Подлинный списокъ скрѣпленъ начальникомъ Отдѣленія Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Тимковскимъ. Съ спискомъ, имѣющимся въ Судѣ Зарго, вѣрно — Тит. Сов. Баронъ Бюлеръ».

[4]) Считаю не безполезнымъ указать здѣсь главнѣйшіе варіанты по новому списку, параллельно съ соотвѣтственными мѣстами по изданному мной списку Бентковскаго.

считать наиболѣе исправнымъ спискомъ ойратскаго устава въ русскомъ переводѣ.

	Списокъ Бентковскаго.	*Списокъ Бюлера.*
Стран. 65 строка 4 сн.	«Господа Зункубая»	Господа Зункабая
— 66 — 1 св.	«къ ногамъ припадаемъ для спасенія всякаго одушевленнаго. Абида Бурхана чинъ и одѣяніе воспринявшій» .	«къ ногамъ припадаемъ. Для спасенія всякаго одушевленнаго Абида Бурхана чинъ и одѣяніе воспринявшій...
— 14 — 16 св.	«о помощи всякому одушевленному просимъ Яко и сіе великое право, присудствіи его Шкджи Муніева».	. . . о помощи всякому одушевленному просимъ, яко и сіе великое право присутствій его Шакджи Муніева...
— — 20 св.	«Амосиди»	Амосидди
— — 21 св.	«Мунгальскіе»	Мунгольскіе
— — 25 св.	«князь Убуши Далай»	князь Убаши Далай.
— 68— 5 св.	«Мунгуламъ»	Мунгаламъ
— — 9 сн	«оное»	оное все
— 69— 9 св.	«Хоидъ»	Хондъ
— — 7 сн.	«и отдавать»	и оныхъ отдавать
— 71— 5 сн.	«за каждую душу по два верблюда»	за каждую душу по пяти верблюдовъ; а за подлаго человѣка за каждую душу по два верблюда (какъ и по списку Сѣв. Архива)
— 72 — 18 св.	«Чіоперю»	Чіокерю
— 74 — 8 св.	«бывшихъ по авангардіи»	съ бывшихъ по авангардіи
— 78 — 25 св.	«Убушѣ или Убасунцѣ»	Убашѣ или Убасанцѣ
—	79. Статья 24-я изложена дословно, какъ въ спискѣ Бентк., безъ сокращеній, допущенныхъ въ спискѣ Сѣв. Арх.	
—	81. Конецъ 27 й статьи («а за малые . . . скотинъ), недостающій въ спискѣ Арх. и имѣющійся въ спискѣ Бентк. есть и въ спискѣ Бюлера.	
— 81 — 12 св	«табангоутовъ»	табанагоутовъ
— 83 — 11 св.	«лжеца»	лживца
— 84 — 10 св.	«ежели же до того переночеванія не допуститъ»	ежели же до такого переночеванія не допуститъ (не пуститъ, по сп. Арх).

Вторая рукопись («Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи» и пр.) есть собственно сводъ «древнихъ калмыцкихъ постановленій» (т. е. устава 1640 г.) съ постановленіями,

---

—	86 — 10 сн. «поймать, привесть»	поймавъ привесть
—	88 — 6 св. «однакоже, что сіе, платежъ ли»	однакожъ сіе, что платежъ ли
—	90 — 1 св. «и за оною приданаго»	и за онаго приданое
—	96 — 6 св. «Ежели кто сговоренную»	Ежели кто несговоренную (какъ и по списку Архива)
—	104 — 20 св «кочуетъ»	покочуетъ
—	— — 22 св. «и онъ»	и оный
—	107 — 1 св. «краденную»	кладенную
—	108 — 5 сн. «присутствіи Зайсанга»	присутствіи своего Зайсанга

— 115 — Въ спискѣ Бентк 100 я статья начинается съ цитаты: «Ежелижъ кто оное учинитъ подлому человѣку», а въ спискѣ Бюлера ниже, съ цитаты: «А буде кто у чреватой женщины».

— 120 — Къ статьѣ: «А ежели кто убіенъ будетъ отъ такого самострѣла . . . взять сорокъ пять скотинъ», въ спискѣ Бюлера есть слѣдующая прибавка, пропущенная въ сп. Бентк.: «А за рану отъ таковаго самострѣла взять пять скотинъ».

—	124 — 3 сн. «замнутъ»	замнутъ
—	125 — 5 сн. «А съ кого посланца»	А съ кого посланцу
—	126 — 20 св. «А кто съ своей стороны перешедшаго бѣглеца»	А кто съ своей стороны неушедшаго бѣглеца
—	129 — 4 св. «ножикъ»	ножъ
—	— — 11 св. «наголище лучное, тахтуй»	нагалище лучное, тохтуй
—	130 — 5 св. «уполовникъ»	уколовникъ
—	— — 8 св. «подпруга»	подпругу
—	— — 12 св. «козлину»	казлину

— 132 — Глосса, помѣщенная въ самомъ текстѣ по сп. Бентк., въ концѣ 142-й статьи объ убійствѣ птицъ и пр. («Сіе запрещеніе учинено» и пр.), помѣщена въ спискѣ Бюлера въ выноскѣ, въ видѣ объясненія къ тексту статьи.

состоявшимися на Зинзилинскомъ собраніи въ 1822 г., вмѣстѣ съ позднѣйшими заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Статьи этого сборника изложены въ слѣдующемъ распорядкѣ:

a) На первой графѣ каждаго листа заключаются статьи древняго уложенія 1640 г, т. е. «права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» въ первоначальной его (русской) редакціи.

b) На второй графѣ изложены, параллельно съ статьями первой графы, относящіяся къ каждой изъ нихъ измѣненія и дополненія, предложенныя Зинзилинскимъ собраніемъ.

c) На третьей графѣ помѣщены особыя мнѣнія двухъ

— 133 — 11 сн. «уведетъ» | увезетъ
— 135 — 8 св. «той дѣвицы» | той дѣвки
— 136. — Въ спискѣ Бюл., какъ и Бентк., послѣ 150-й статьи слѣдуетъ молитвенная формула: «издревле всѣми добродѣтелями яко море наполненный» и пр.; но въ спискѣ Бюл. надъ этой формулой помѣщена надпись въ особой строкѣ — «заключеніе». Кромѣ того, въ этой формулѣ цитата «яко отъ Галиба Брикча древа» (по сп. Бентк.), читается такъ: «яко отъ Галба Брикча древа».
— 137. — Въ спискѣ Бюл. помѣщены въ примѣчаніяхъ двѣ глоссы — a) къ заглавію: «Галданъ Хонгъ Тайджи» глосса: «О семъ владѣтелѣ изъясненіе при окончаніи сего» (но такого изъясненія нѣтъ въ рукописи), и b) къ термину «отокъ» статьи 151 й — «часть улуса».
— 141. — Въ спискѣ Бюл. помѣщена въ выноскѣ глосса къ 161 статьѣ (именно къ термину — «Батуръ Хонгъ Тайджи»): «который былъ въ собраніи при постановленіи сего права».

Кромѣ вышеприведенныхъ варіантовъ и глоссъ, списокъ Бюлера представляетъ еще другую особенность, отличающую его отъ списка Бентковскаго. Въ первомъ спискѣ статьи сложныя разбиты на нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ; при чемъ числовое обозначеніе всей статьи обыкновенно стоитъ въ ея началѣ, при первомъ пунктѣ; номерація пунктовъ (1-й, 2-й и пр.) начинается всегда съ слѣдующаго (втораго) пункта. Къ такимъ статьямъ съ отдѣльными пунктами принадлежатъ:

Ст. 12-я, съ числящимися при ней 6-ю пунктами (пунктъ 1-й сп Бюл. соотвѣтствуетъ по сп. Бентк. пункту, обозначенному подъ *12 a*; остальные пункты въ сп. Бентк. изложены въ отдѣльныхъ строкахъ, но только безъ номераціи. Такое же изложеніе пунктовъ замѣчается и въ другихъ статьяхъ по сп Бентковскаго)

владѣльцевъ, участвовавшихъ въ собраніи, — и наконецъ —

d) На четвертой графѣ Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ отмѣчала свои заключенія по отдѣльнымъ статьямъ стараго уложенія и Зинзилинскихъ постановленій[1])

Въ своемъ изданіи сборника Зинзилинскихъ постановленій, нынѣ впервые появляющагося въ печати, я допустилъ значительныя отступленія отъ указаннаго выше плана изложенія статей по четыремъ параллельнымъ графамъ. Во 1-хъ, мое изданіе не обнимаетъ всего сборника, какъ онъ изложенъ въ

Ст. 47-я — съ 10-ю пунктами.
Ст. 50-я — съ 9-ю пунктами.
Ст. 51-я — съ 4-мя п.
Ст. 89-я — съ 9-ю п.
Ст. 90 я — съ 6-ю п.
Ст. 91-я — съ 8-ю п.
Ст. 92-я — съ 3-мя п.
Ст. 96-я — съ 4-мя п.
Ст. 106-я — съ 8-ю п.
Ст 107-я — съ 6-ю п.
Ст. 108 я — съ 2 мя п.
Ст. 125-я — съ 2-мя п.
Ст. 146-я — съ 5.ю п.

Кстати, укажемъ здѣсь въ заключеніе корректурныя ошибки, замѣченныя мною въ печатномъ текстѣ «Древняго монголо-калмыцкаго или ойратскаго устава» послѣ того, какъ изданіе вышло уже изъ печати:

Стран	127	строка	14 св.	стоитъ	«soêl»,	должно быть	«soll»
—	133	—	11 св.	—	«6 Stück»	—	«9 St.»
—	222	—	24 св.	—	«старѣйшимъ»	—	«старѣйшинъ»
—	—	—	25 св.	—	«забведеніе	—	«забвеніе»
—	226	—	12 св.	—	«Шугенга»	—	«Шуленга»
—	—	—	5 сн.	—	«Schülünga»	—	«Schülünga»

[1]) Въ концѣ всего сборника находится скрѣпа слѣдующаго содержанія: «Съ русскимъ переводомъ Зинзилинскихъ постановленій, особыхъ мнѣній двухъ калмыцкихъ владѣльцевъ и съ заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ вѣрно: Тит. Сов. Баронъ Ѳ. Бюлеръ. Вѣрность перевода удостовѣрю. Переводчикъ Ламайскаго Духовнаго Правленія. Тит. Сов. Горшковъ». Помѣта эта важна по указанію на то, что Зинзилинскія постановленія были составлены на калмыцкомъ языкѣ съ переводомъ на русскій.

рукописи бар. Бюлера, но заключаетъ въ себѣ лишь *извлеченіе* статей, непосредственно составленныхъ на Зинзилинскомъ собраніи. Въ виду того, что старый уставъ 1640 г. уже изданъ, я исключилъ изъ сборника всѣ статьи, изложенныя въ первой графѣ и взятыя изъ стараго устава. Вмѣсто изложенія текста статей, я лишь указываю номера послѣднихъ, какъ они обозначены въ самомъ сборникѣ. Отсюда выигривается сокращеніе въ объемѣ сборника, — въ моемъ изданіи онъ вышелъ почти на половину меньше, чѣмъ въ рукописи. — Во 2-хъ, сборникъ значительно сокращенъ и по другой причинѣ. Въ немъ насчитывается не малое число статей, буквально повторяющихся по два, три и четыре раза въ различныхъ мѣстахъ сборника. Изъ 224 статей, перечисленныхъ во второй графѣ сборника (т. е. принадлежащихъ къ Зинзилинскимъ постановленіямъ), 60 статей — не больше, какъ буквальное повтореніе статей, изложенныхъ въ другихъ мѣстахъ той же графы. Такія же повторенія представляетъ чуть ли не половина статей третьей графы (т. е. мнѣній двухъ членовъ Зинз. собранія). Всѣ такія повторенія я исключилъ изъ сборника и ограничился лишь тѣмъ, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалось повтореніе статьи, уже изложенной въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ, я дѣлалъ лишь ссылку на эту послѣднюю статью, съ общимъ указаніемъ ея содержанія, но безъ повторенія самаго текста статьи. Наконецъ, въ 3-хъ, я старался избѣжать значительныхъ неудобствъ, съ какими соединено принятое въ рукописи Бюлера параллельное изложеніе статей по четыремъ главнымъ графамъ (стараго уложенія, Зинзил. постановленій, мнѣній двухъ владѣльцевъ и резолюцій Ком. калм. дѣлъ). Неудобства эти состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что, при параллельности изложенія статей по графамъ, нерѣдко проходятъ цѣлые десятки страницъ, три четверти которыхъ представляютъ голыя, ничѣмъ не занятыя мѣста. Отсюда громадный объемъ всего сборника, занимающаго въ рукописи Бюлера (in folio) до 454 стр., — если удержать въ печати подобный же составъ сборника, то во всякомъ случаѣ дѣло

дойдетъ до 15 — 20 печатныхъ листовъ текста. Въ виду этого обстоятельства, всѣ параллельныя статьи, изложенныя въ рукописи по указаннымъ четыремъ графамъ, въ своемъ изданіи я свожу въ одни мѣста; т. е. по каждому номеру статей сборника приводится сначала постановленіе Зинзилинскаго собранія, затѣмъ непосредственно излагается мнѣніе двухъ членовъ и наконецъ резолюція Коммиссіи[1]).

Въ остальномъ я строго держался рукописи. Исправляя въ текстѣ грамматическія ошибки, я указываю въ выноскѣ на точное выраженіе рукописи. Кромѣ того, я считалъ необходимымъ возстановить настоящее мѣсто нѣкоторыхъ статей, которыя въ рукописи, по ошибкѣ ли переписчика, или, быть можетъ, по недосмотру самихъ редакторовъ сборника, помѣщены не тамъ, гдѣ бы имъ слѣдовало быть[2]).

Въ видахъ облегченія справокъ при чтеніи сборника, я помѣстилъ въ слѣдъ за текстомъ его статей предметный ука-

---

[1]) Первая часть каждой статьи, заключающая правило Зинзилинскаго собранія, отдѣляется отъ остальныхъ частей тѣмъ, что въ началѣ послѣднихъ двухъ частей обозначено ихъ наименованіе: *два члена* (т. е. мнѣніе двухъ членовъ Зинз. собранія) и *Ком.* (т. е резолюція Коммиссіи калмыцк. дѣлъ). Самая нумерація статей удержана таже, что и въ рукописи, т. е. общая — по статьямъ второй рубрики, т е. Зинзил. постановленій (всѣхъ статей — 224), и частная — по каждой главѣ въ отдѣльности Въ рукописи главы сводятся въ нѣсколько большихъ отдѣловъ, съ особыми заглавіями по каждому отдѣлу и главѣ, перечисленнымъ въ «оглавленіи», предшествующемъ тексту сборника Оглавленіе это впрочемъ не полно, — пропущены 10-я глава — о подводахъ и пр и 19 я о играхъ и пиршествахъ. Въ предлагаемомъ изданіи сборника его оглавленіе включено въ общее оглавленіе настоящей книги.

[2]) Напр., въ главѣ о повинностяхъ пункты 2-й и 3-й отнесены въ рукописи въ третью графу, т. е. къ мнѣніямъ двухъ владѣльцевъ; на дѣлѣ же здѣсь только повторяются 41 и 42 статьи второй графы, т. е. Зинз постановленій. Подобнымъ же образомъ вторая половина 190 ст Зинз. постановленій. по ошибкѣ, изложена не во второй (какъ бы слѣдовало), а въ первой графѣ, т. е. введена въ рядъ статей, взятыхъ изъ стараго устава 1640 г.

затель, съ глоссированіемъ техническихъ терминовъ, попадающихся въ нѣкоторыхъ статьяхъ сборника[1])

Наконецъ, я считалъ не безполезнымъ изложить въ примѣчаніяхъ нѣсколько посильныхъ соображеній касательно внѣшней формы и содержанія издаваемаго сборника и этимъ положить начало научной разработки этого мало извѣстнаго у насъ памятника, представляющаго однакожъ немаловажный интересъ въ дѣлѣ разъясненія вопроса объ обычно-правовой культурѣ нашихъ восточныхъ инородцевъ.

Ѳ. Леонтовичъ.

Одесса,
26 сентября 1879 г.

---

[1]) Опытъ подобнаго глоссированія терминовъ представляетъ третья рукопись, полученная мной вмѣстѣ съ старымъ уставомъ и Зинв. постановленіями, — «примѣчанія къ рукописи — древнія калмыцкія постановленія». Содержащіяся здѣсь глоссы составлены бар Бюлеромъ на основаніи показаній калмыцкаго Ламы, нѣкоторыхъ владѣльцевъ (Тюменей) и толмачей калмыцкаго управленія. Глоссировано до 50-ти терминовъ, встрѣчающихся въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. Въ «указателѣ предметовъ» къ изданному нами уставу большинство такихъ терминовъ объяснено по указаніямъ цитированной выше статьи бар. Бюлера и другихъ авторовъ.

ПРАВО

МУНГАЛЬСКИХЪ И КАЛМЫЦКИХЪ НАРОДОВЪ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ВЪ ЗИНЗИЛИНСКОМЪ СОБРАНІИ

КАЛМЫЦКИХЪ

Нойновъ, Зайсанговъ, Ламъ и Гэлюновъ.

ПРАВО ЛИЦЪ.

I. О духовныхъ вообще.

1. (Улож. 1640 г. ст. 6). *Ком.* Уголовный.

2. (Ул. ст. 11). *Ком.* не находя ни въ древнихъ узаконеніяхъ, ни въ Зинзилинскомъ постановленіи, правъ, коими бы присвоялося владѣніе лично Ламамъ людей собственно подвластныхъ, то сіе узаконеніе и слѣдуетъ быть отмѣнено. Ламамъ и прочему калмыцкому духовенству, у которыхъ донынѣ есть подвластные, предоставить обратить оныхъ по собственному произволу, или въ подвластность своихъ родственниковъ, имѣющихъ право на владѣніе подвластными, или въ собственность хуруловъ, коихъ тогда именовать хурульскими служителями.

1.

3. (Ул. ст. 21). Кто обезчеститъ Владѣльческаго Ламу (Архіерея), съ того взять восьмнадцать скотинъ (два верблюда, восемь четырехъ-лѣтнихъ лошадей, шесть трехъ лѣтъ рогатыя скотины и два барана) и наказать 25-ю ударами; а впрочемъ предоставляется снисхожденію Ламы. А кто обезчеститъ Бакшу́ (въ родѣ Архимандрита), достойнаго въ дарованіяхъ, съ того брать пять скотинъ и наказать 15-ю ударами; за обезчестіе Гелюнга (священника) брать четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 10-ю ударами; а кто рукою коснется,

брать пять скотинъ и наказать 10-ю ударами (штрафу взыскать въ пользу обиженнаго 18 скотинъ, а именно: два верблюда, восемь четырехъ лѣтъ лошадей, шесть трехъ лѣтъ рогатыя скотины и два барана).

Два члена. Буде кто дерзнетъ оскорбить Владѣльца или улуснаго Ламу ругательствомъ и боемъ, таковаго штрафовать девятью девять, полагая въ каждое девять одного верблюда, пять лошадей (двѣ четырехлѣтнія, двѣ трехлѣтнія и однолѣтнюю) [1]), двухлѣтнюю корову и барана съ козою; сіе количество скота, умноженное девятью девять, составляетъ 81[2]).

Ком. Сей сборъ можно замѣнить личнымъ наказаніемъ и имянно: выдержаніемъ виновнаго срочнаго времени при хурулѣ на работѣ, молитвѣ и постѣ, назначая время содержанія — по мѣрѣ преступленія, не простирая однакожъ ни въ какомъ случаѣ срока далѣе шести мѣсяцовъ; за причиненіе же таковыхъ побой, кои не должны подлежать разсмотрѣнію уголовному, опредѣлять виновному и тѣлесное наказаніе, полагать по мѣрѣ преступленія, не дозволяя однакоже наказать никогда болѣе 25 ударовъ[3]).

2.

(Ул. ст. 23). Кто Манжи́ (дьячка) обезчеститъ или побьетъ, того наказать десятью ударами и взять трехълѣтнюю рогатую скотину. (За обезчестіе словами Гецуля (дьякона) наказывать 15-ю ударами плетью, а ежели побьетъ, наказать 10-ю ударами и взыскать четырехъ лѣтъ рогатую скотину; а кто обезчеститъ Манжи́ (дьячка), того наказать 10-ю ударами плетью, а побьетъ, — взыскать трехълѣтнюю рогатую скотину).

---

[1]) Въ текстѣ по ошибкѣ сказано — «одного лѣтняго».

[2]) Мнѣніе это повторено ниже, подъ 20-й ст. Зинзиз. постановленій.

[3]) Относится къ 1 и 2 ст. Зинз. постановленій.

Два члена. Кто Гелюнга обидитъ ругательствомъ, тотъ штрафуется одинъ разъ девятью; а рукою дерзнетъ ударить, трижды девятью Кто обидитъ ругательствомъ Бандинаръ Шабинари (церковнослужителей), штрафуется 5-ю скотинами. Кто обидитъ ругательствомъ Убушу (монаха), Убушанцу (монахиню), штрафуется одною лошадью. За побои по числу знаковъ — за каждый, одною приличною лошадью.

3.

4. (Ул. ст. 22). Кто изъ духовныхъ нарушитъ самовольно свой санъ, того соединить въ сословіе простыхъ подвластныхъ людей; тѣмъ же изъ духовныхъ, на коихъ возложены свѣтскія обязанности отъ Ламы (архіерея) или владѣльца, или общества, дозволяется употреблять горячіе напитки, не подвергая штрафу; выше мѣры употребленное вмѣнять и поступать по вышеписанному законоположенію.

Два члена. Естьли кто священный санъ свой самовольно разрушитъ, лишить его половины имущества и скота.

Ком. Своевольно оставившаго духовный санъ, какъ недостойнаго носить сіе званіе, включить въ сословіе простолюдиновъ.

4.

5. Духовныя лица все заповѣданное свыше да соблюдаютъ на точномъ уставѣ священнаго сана и не ходятъ безъ оркомжи*)[1]). Лама (архіерей) постановляется въ владѣльческихъ

*) Оркомже есть поясъ изъ шелковой или другой матеріи, коимъ всякой Гелюнгъ (священникъ) опоясывается чрезъ лѣвое плечо, около живота, а Гецулъ (дьяконъ) и Манжи (дьячекъ) препоясуется только во время службы въ хурулѣ (монастырѣ).

[1]) Примѣчанія, обозначенныя *), находятся въ самой рукописи; свои же замѣтки къ тексту я обозначаю цифрами.

улусахъ по выбору Владѣльца[1]), по выбору и согласію общества. Бакши́ (въ родѣ архимандрита) въ небытность Ламы заступаетъ мѣсто; а гдѣ въ улусѣ есть Лама, по немъ (Бакши́) второй человѣкъ. Унзудъ (въ родѣ игумена) — второе лице по Бакши́. Гепкю́ (благочинный) управляетъ хуруломъ (молитвенными кибитками и духовенствомъ).

Два члена. Всякая особа, имѣющая хурулъ, т. е. приходскую церковь, должна соблюдать благочинно вышепредписанное законоположеніе; всѣ духовные должны внимательно просвѣщать себя науками и стараться по мѣрѣ успѣховъ заслужить награду и почтеніе. Безъ оркомжи (т. е. ораря) никуда не ходить; всякой несоблюдшій сіе штрафуется умѣренно отъ хурульскихъ настоятелей. Всѣмъ духовнымъ запрещается кочевать отъ монастыря, Ламы и Владѣльца отдаленно, кромѣ уволенныхъ Ламою и Владѣльцемъ по бѣдности и необходимости, и тогда имѣютъ они находиться въ мѣстахъ, приличныхъ ихъ званію; тѣ только Гелюнги могутъ входить въ народныя дѣла, кои на то будутъ имѣть дозволеніе отъ Ламы и Владѣльца, безъ чего никто изъ Гелюнговъ не можетъ даже и думать о дѣлахъ свѣтскихъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

5.

6. Кто изъ духовныхъ будетъ ходить безъ оркомжи, на того предоставляется налагать штрафъ по разсужденію знатныхъ изъ духовенства, съ ударомъ три раза палкою, держащею Гепкою (благочиннымъ) во время богослуженія въ хурулѣ, и велѣть поклониться хурулу и опять надѣть оркомжу[2]).

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ долженъ быть пропускъ — «въ улусахъ казенныхъ».

[2]) Правило о ношеніи оркомжи, изложенное въ 4-й и 5-й статьяхъ, воспроизведено еще въ Дербетевскомъ уставѣ. См. нѣмецкій текстъ устава 1640 г. по изданію Палласа, ст. 147. Въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ старое правило получило дальнѣйшее развитіе.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

6.

7. Духовные соблюдаютъ неизмѣнимо заповѣданное свыше, до ихъ сана касающееся. Гелюнгъ (священникъ) буде не сохранитъ запрещенныхъ десяти заповѣдей, то сіе есть злѣйшій корень преступленія, и естьли кто дѣйствительно въ томъ изобличится, таковаго отвращать воздержаніемъ, съ виновнаго же взыскать четырехълѣтняго верблюда въ пользу хурула (монастыря), гдѣ онъ совершалъ до того богослуженіе, со включеніемъ въ сословіе свѣтскихъ людей.

Два члена. Законъ духовенства есть истинное руководство, состоящее въ исполненіи заповѣдей, каждому особенно предложенныхъ, которыя нарушаются четырьмя преступленіями іереевъ: прелюбодѣйствомъ, лжесвидѣтельствомъ, клятвопреступленіемъ и злоупотребленіемъ святости (сія яко корень зла естьли будетъ въ точности обнаружено, взявъ въ доходъ монастыря одного четырехълѣтняго верблюда, преступника разстричь и отдать Владѣльцу для помѣщенія въ сословіе простолюдиновъ[1]).

Ком. Оставить въ своей силѣ, по мнѣнію, поданному въ Зинзиляхъ, съ присовокупленіемъ, что естьли исключаемый поступилъ въ духовное званіе изъ калмыкъ казеннаго вѣдомства, то опаго и обратить въ улусъ казенный; взятіе же отъ него верблюда отмѣнить.

7.

8. Кто увидитъ Гелюнга (священника), пьющаго вино, представивъ его къ Гепкй (благочинному), брать съ пьянаго

---

[1]) Въ этой статьѣ нужно видѣть новую редакцію правила, которымъ оканчивается вторая статья Дербетевскаго устава («und wer als ein Mitglied» и пр.). См. нѣм. текстъ устава 1640 г. п. 146.

трехълѣтнюю лошадь и отдавать его въ хурулъ (монастырь) въ услуженіе.

8.

9. Гецуль (діаконъ) буде подпадетъ сему же преступленію, подвергается наказанію 4 пункта, со взысканіемъ на хурулъ (монастырь) четырехълѣтней лошади; а самаго включить въ сословіе свѣтскихъ людей.

9.

Кто увидитъ Гецула (дьякона), пьющаго вино, тому взять трехълѣтняго барана; во второй и въ третій разъ, естьли также окажется въ пьянствѣ и не обратится къ покаянію, включать въ сословіе простыхъ людей.

10.

Манжи́ (дьячекъ) естьли впадетъ въ преступленіе, сану его несоотвѣтственное, взыскивать 3-хъ-лѣтняго барана въ пользу хурула (монастыря); во второмъ замѣчаніи включается въ сословіе простыхъ людей.

11.

Кто увидитъ Манжи́ (дьячка), пьющаго вино, тому, кто увидитъ, взять съ него пятьдесятъ копѣекъ[1]).

Два члена. Пьющаго вино Гелюнга (іерея) кто увидитъ, позволяется ему взять съ него трехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго предать духовному оштрафованію по закону. Естьли въ другой разъ пьянство его усмотрѣно будетъ, взять съ него штрафу четырехъ-лѣтнюю лошадь; а въ третій взять 4-хъ-лѣтняго верблюда.

---

[1]) Статьи 7—11 воспроизводятъ правила, изложенныя въ уставѣ Дербетевскаго улуса. См. ойратскій уставъ 1640 г. по изданію Палласа, ст. 145 и 146.

Естьли изъ Гецюлей (діаконовъ) кто впадетъ въ сію же слабость, взять съ него четырехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго судить по силѣ духовнаго закона; доказателю взыскать съ него трехъ-лѣтнюю лошадь; поступать такъ же съ бандинерами, т. е. съ прочимъ причтомъ, сему же преступленію подверженнымъ, штрафуя 3-хъ-лѣтнею лошадью, а за пьянство пятью рублями[1]).

Ком. Тоже[2]).

12.

9. Гелюнгъ (священникъ) хотя бы пожелалъ отдѣлить принадлежащую ему часть изъ имѣнія родственниковъ, состоящихъ въ свѣтскомъ званіи, коему въ томъ отказать, такъ какъ онъ уже отъ всего мірскаго отрекся, а посвятилъ себя на богослуженіе; однако родственники свѣтскаго званія, по возможности и состоянію, обязаны отъ удѣла давать подъ вьюкъ кибитки его два верблюда и дойный скотъ. Естьли Гелюнгъ и затѣмъ войдетъ съ требованіемъ на имѣніе, таковаго причислять наравнѣ съ прочими платящими подать и наряжать на службу; словомъ, отправлять ему всѣ тягости, возлежащія на людяхъ простаго состоянія, съ выдачею потомъ принадлежащей части изъ имѣнія.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ присовокупленіемъ однакоже, чтобы желающій получить себѣ слѣдующую часть изъ имѣнія могъ ею воспользоваться не иначе, какъ совершенно оставя духовное званіе.

13.

10. Буде кто изъ духовныхъ оженится, таковому велѣть развестись и принесть въ погрѣшности покаяніе; а въ про-

---

[1]) Мнѣніе относится къ 7—11 ст.

[2]) См. выше резолюцію Ком. по 6-й ст. Зимнив. постановл.

тивномъ случаѣ тому воспрещается ходить въ хурулъ и съ требами къ людямъ, включа наравнѣ съ другими отбывающими службу и подати.

Два члена. Изъ духовныхъ, какое бы лице не было, ежели имѣть будетъ наложницу, отлучать долженъ, а буде не отлучитъ, воспретить ему священнодѣйствовать въ монастырѣ и въ частныхъ домахъ исправлять требы, разстричь его и включить въ число служащихъ и платящихъ подати[1]).

Ком. Духовную особу женившуюся или дозволившую себѣ имѣть наложницу, исключить изъ духовнаго званія и обратить въ простолюдины.

14.

11. Духовныхъ особъ, имѣющихъ въ наукахъ дарованіе, награждать повышеніемъ съ воздаяніемъ почтенія по мѣрѣ познаній.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

15.

12. Каждый человѣкъ воленъ отдать своего сына къ учителю вѣры для посвященія въ духовное званіе, который до 17-ти лѣтъ долженъ обучаться грамотѣ, и естьли послѣ того оный пожелаетъ посвятиться въ діаконы или священники, тогда отецъ или[2]) ближніе родственники должны о томъ соревнованіемъ[3]) испросить позволеніе отъ Зайсанга или общества, а буде общество не изъявитъ на то согласія, признавая его нужнымъ, таковаго причислять къ свѣтскому сословію;

---

[1]) Настоящая статья съ имѣніемъ двухъ членовъ представляетъ собственно новую редакцію правилъ Дербетевскаго устава См. ойрат. уставъ 1640 г. по изд Палласа, ст. 145 и 146.

[2]) По 33 ст «и» вмѣсто «или».

[3]) По 33 ст. «соревнованіи».

естьли же будетъ согласно, объявить о томъ Зайсангу, а потомъ Владѣльцу, и по согласію уже сего послѣдняго представлять хурулу[1]).

Ком. Оставить въ его силѣ, но съ присовокупленіемъ, чтобы таковое поступленіе въ духовное званіе не иначе допускаемо было, какъ на убылыя мѣста.

16.

13. Всякой Владѣлецъ, имѣющій хурулъ (монастырь) и духовенство, долженъ наблюдать, чтобъ при хурулѣ было положенное число Гелюнговъ (священниковъ), сравнивая количество подвластныхъ, и въ случаѣ убыли пополнять недостатокъ изъ Гецулей лучшаго дарованія; на мѣста же Гецулей ставить изъ Манжи́, понятіемъ одаренныхъ[2]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

Къ ст. 15.

14. Одного сына у отца въ діакона и священника не посвящать, держась главному свѣтскому обряду, дабы тѣмъ не пресѣклось поколѣніе[3]).

Ком. Постановить къ непремѣнному исполненію, чтобы и изъ двухъ сыновей въ духовенство не посвящать.

17.

15. Кто изъ духовныхъ оставитъ мірскую жизнь временнаго свѣта, посвятитъ себя нераздѣльной Тройцѣ, Богу, вѣрѣ

---

[1]) Статья эта повторена ниже подъ № 33 Зинзил. постановл.

[2]) Статья эта повторена ниже подъ № 32 Зинзил. постановл.

[3]) Статья 15 и прибавленіе къ ней представляютъ развитіе 3-й статьи Дербетевскаго устава. См. нѣмец. текстъ устава 1640 г., первую половину статьи 147-й.

и духовенству, уготовляя для будущей (жизни) вѣчное блаженство, приметъ священный санъ Гелюнга (священника) и облачится въ ризу нетлѣнія, а послѣ того, искушась временною жизнію, обратится въ мракъ невѣденія, утопающаго сладострастія, вредящаго просвѣщенію и непорочности сердца, таковаго противника священной вѣры и нарушителя благословеннаго достоянія, какъ одного изъ непріязненныхъ калмыцкаго народа, Владѣльцы и Зайсанги должны отвращать и не допускать къ такому соблазнительному искушенію. Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить ѣздить въ судилища по дѣламъ, напримѣръ: общественнымъ, или по тяжбамъ ихъ родственниковъ и прочимъ претензіямъ, ибо сіе сану ихъ неприлично и вредно[1]).

Ком. Замѣченное въ таковыхъ поступкахъ духовенство тотчасъ обращать въ мірское званіе, — прочее же оставить въ своей силѣ.

18.

16. Естьли у кого нибудь изъ духовныхъ было бы истинное желаніе выполнять заповѣданное по ихъ *сану*, но по опредѣленію судьбы, если мірская надобность встрѣтится оказывать покровительство его родственникамъ, къ улучшенію ихъ жребія, къ чему и самая справедливость неотмѣнно потребовала бы обращать собственное его вниманіе, то сіе предоставляется на его волю вступить въ сословіе свѣтскихъ людей; но не прежде, когда объяснитъ подробно о желаніи его хурулу и Владѣльцу.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

17. *Два члена.* Священныя особы, употребляемыя по свѣтскимъ дѣламъ въ свободное время, буде захотятъ

---

[1]) Конецъ статьи. «Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить» и пр., повторенъ ниже подъ 95 ст. Зинзил. постановл.

нить горячіе напитки, могутъ, только безъ вреда себѣ, поношенія Ламѣ, Владѣльцу и обществу.

Ком. Духовенству по свѣтскимъ дѣламъ совершенно воспретить заниматься.

18. *Два члена.* Буде соблюдаемое для Владѣльца и хурула мѣсто кто потравитъ изъ Зайсанговъ, взыскать одного верблюда, а съ аймашныхъ каждаго хотона по одной лошади, а мѣсто важнаго монастыря кто потравитъ и съ тѣмъ поступить такимъ же образомъ[1]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

19. *Два члена.* Буде кто изъ подвластныхъ цѣлымъ хотонамъ вытравитъ мѣсто, охраняемое для ставки Владѣльца или главнаго монастыря, за то штрафованъ быть имѣетъ съ однимъ верблюдомъ девятью скотинами[2]).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

II. О Владѣльцахъ, Чиновныхъ и Зайсангахъ.

19.

1. (Ул. ст. 14). Кто во время сраженія избавитъ Владѣльца отъ непріятеля, таковаго жаловать тарханомъ*) и представлять къ монаршему награжденію; а ежели кто Владѣльца оставитъ и бѣжитъ, того судить, какъ измѣнника, Россійскимъ военнымъ судомъ. Кто оборонитъ отъ непріятеля Табангаутовъ**) или Зайсанга, тому дать въ награжденіе четырехъ-лѣтнюю лошадь[3]).

[1]) Мнѣніе это повторено ниже подъ № 34 Зинзил. постанов.

[2]) Повторено подъ № 34 Зинзил постанов.

*) Тарханомъ называется тотъ, который, равно наслѣдники его, освобождаются отъ всѣхъ податей; въ удостовѣреніе чего имѣютъ отъ Владѣльцевъ бумагу на привилегію.

**) Владѣльца, рожденнаго отъ матери простаго состоянія (по 67 ст. — Табунгоуты).

[3]) Повторено ниже подъ ст. 67 и 142 Зинзил. постанов

Ком. Обѣ статьи[1]) сего пункта подлежатъ къ общимъ Россійскимъ узаконеніямъ; за прикосновенность рукою или побой предавать уголовному суду и прочія обиды.

20.

2. (Ул. ст. 25—28). Кто главныхъ, среднихъ, младшихъ и мелкопомѣстныхъ Владѣльцевъ сквернными словами обнесетъ, или при публикѣ непристойно обезчеститъ, или обругаетъ, таковыхъ штрафовать и наказывать (взыскать штрафу на призрѣніе бѣдныхъ 27 скотинъ и наказать 50-ю ударами)[2]).

Два члена. (Повторено мнѣніе по 1-й статьѣ Зинзил. пост. объ оскорбленіи Владѣльца и Ламы).

Ком. Допустить положеніе, сдѣланное въ Зинзиляхъ, съ постановленія Улускаго Правленія, и съ сохраненіемъ за то правила, чтобы болѣе 25-ти ударовъ предназначено не было[3]).

21.

Буде кто противу старшихъ, среднихъ и младшихъ Владѣльцовъ оружіе обнажитъ, или безъ оружія до нихъ коснется, или заочно будетъ угрожать злодѣйскими замыслами, и то откроется на самомъ дѣлѣ, хотя бы и не было произведено сего въ натуральномъ дѣйствіи, примѣнять преступленію, и какъ древнимъ законоположеніемъ, 44-мя Владѣтелями изданнымъ, опредѣлено — казнить смертію; но поелику тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ и жестокость наказанія превышаетъ сіе наше уложеніе, то по строгомъ изысканіи преступленія, виновнаго отдавать въ тяжкое Россійское судебное мѣсто; а буде обиженный Владѣлецъ умилосердится и

---

[1]) т. е. Уложенія 1640 г. и Зинз. постановленій.

[2]) Повторено подъ ст. 206.

[3]) Мнѣніе Ком. относится къ ст. 20—28 Зинзил. постановл.

вину преступника пожелаетъ облегчить, тогда таковаго подвергаетъ наказанію (за прикосновеніе рукою отсылать въ Россійскій судъ и наказывать по Россійски)[1]).

22.

Кто обезчеститъ младшихъ Владѣльцовъ, съ того брать четырехъ лѣтъ лошадь, а за прикосновенія рукою пять скотинъ, за причиненіе же побой девять скотинъ*) и наконецъ 25-ю ударами (за прикосновеніе рукою взыскать штрафу въ пользу обиженнаго: двѣ лошади четырехъ лѣтъ, двѣ трехъ лѣтъ рогатыя скотины и одного барана)[2]).

23.

Главные, средніе, младшіе Владѣльцы и Табангауты**) и Зайсанги, за причиненные имъ побои хотя бы слѣдовало подвергать служителей, сборныхъ старостъ и старшинъ (40 кибитокъ) наказаніямъ, по уложенію тѣхъ великихъ обладателей, но поколику тогдашнія времена не сходны съ нынѣшними, почему въ замѣнъ того, смотря по важности преступленій, — сажать таковыхъ въ казаматъ, по усмотрѣнію суда, на сколько дней присуждено будетъ (арестъ отмѣнить, а предоставить разсмотрѣнію суда Зарго)[3]).

24.

Ежели бы всѣ столь честолюбивые Владѣльцы дерзнули кого обидѣть, или побить, то къ соблюденію владѣльческой чести и происхожденія должно терпѣливо сносить и за то не

---

[1]) Повтор. подъ ст. 66, 205 и 220

[2]) Повтор. ниже подъ ст. 207.

[3]) Повтор. подъ ст. 93 и 208.

*) Верблюда, четыре четырехъ лѣтъ лошади, три трехлѣтнія рогатыя скотины и барана.

**) Владѣльцы, рожденные отъ матерей простаго состоянія. (Въ 93 ст. сказано по ошибкѣ „Табнугуты“).

мстить подобнымъ образомъ, а предоставляется обиду свою искать по суду[1]).

25.

За каковые честолюбывые побои брать съ нихъ штрафу: за жестокіе пять скотинъ, за средніе двѣ скотины, трехъ и четырехъ лѣтъ, а за малые чегырехъ-лѣтняго барана. Сверхъ сего, за нарушеніе закона и несоблюденіе извѣстнаго порядка, въ примѣръ другимъ сдѣлать при публикѣ постыдный выговоръ[2]).

26.

Такимъ же образомъ, ежели кто изъ Зайсанговъ, приближенныхъ служителей, старостъ, старшинъ и управляющихъ дѣлами, по честолюбію, дерзнетъ кого изъ другихъ обидѣть, или обезчестить, или побить, таковаго предоставлять разсмотрѣнію суда и штрафовать начально благопристойнымъ образомъ, во второй сдѣлать при публикѣ постыдный выговоръ; а въ третій обвинить и лишить занимаемой должности за то, что не оправдалъ въ точности возложеннаго порученія по званію и далѣе можетъ превращать общественную пользу во вредъ. Ежели же Зайсангъ по правиламъ улѣженія осужденъ будетъ, то аймакъ поручить сыну его, а буде онаго нѣтъ или—малолѣтенъ, то до возраста ближнимъ родственникамъ[3]).

27.

Кто изъ Владѣльцевъ безъ суда сдѣлаетъ обыскъ, или нечаянную драку, или отнимать будетъ подводы, таковаго хотя бы кто и побилъ, не штрафовать; ибо поступки сіи званію Владѣльца не пристойны, слѣдовательно самъ себя обвиняетъ[4]).

---

[1]) Повторено подъ ст. 214.

[2]) Повторено тамъ-же.

[3]) Повтор. ниже подъ ст. 215

[4]) Повтор. подъ ст. 105 и 134.

28.

Всѣ управляющіе дѣлами Зайсанги и приближенные служители, ежели окажутся въ неблагопристойномъ видѣ, противномъ существенному праву, какъ то: пьянствовать, утопать въ развратныхъ забавахъ и роскошахъ, нерадивы по порученіямъ, завистливы, сварливы, склонны къ ябедамъ и подстреканію; таковые сами на себя навлекаютъ уже порокъ, хотя бы между (тѣмъ) и оправдался кто изъ нихъ, что онъ хорошаго происхожденія и не заслуживаетъ сей участи, но того не принимать, а вмѣнять прежніе его поступки въ вину (съ человѣка, исключая Зайсанга, простаго состоянія брать четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 10-ю ударами; а Зайсанга лишить аймака и управляемыхъ имъ должностей. Штрафъ сей отдавать въ общественные расходы).

3. (Ул. ст. 29).—*Ком.* Уголовный.

4. (Ул. ст. 12).—*Ком.* Сей законъ надлежитъ къ уничтоженію.

5. (Ул. ст. 10)[1]).—*Ком.* Уголовный.

29.

6. (Ул. ст. 38). Ежели по причинѣ нерадѣнія, или личной выгоды, послѣдуетъ недостатокъ въ пищѣ и содержаніи Владѣльца и злоупотребленіи и въ томъ явно кто обнаружится, за то штрафовать одною лошадью въ приходъ владѣльческаго дома и по мѣрѣ воспользованія наказать.

30.

Кто прекратитъ потребное на содержаніе главнымъ Владѣльцамъ, съ того взять девять скотинъ*), а кто учинитъ сіе младшимъ Владѣльцамъ, взять лошадь. (Взысканный штрафъ

---

[1]) См. 179 ст. Зинз постановл.

*) Верблюда, 4 четырехъ лѣтъ лошади, 3 трехъ лѣтъ рогатыя скотины и барана.

съ главныхъ Владѣльцовъ отдать на призрѣніе бѣдныхъ, а младшіе Владѣльцы сами воспользуются).

Ком. Постановить: кто не доставитъ Владѣльцу положеннаго въ свое время, обязанъ будетъ платить вдвое[1]).

31.

7. Каждый Владѣлецъ, имѣющій хурулъ, соблюдаетъ постоянно за всѣми правилами онаго, сообразно вышеписанному установленію.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

32.

(Повторена 16-я статья Зинзилинскихъ постановленій — о поставленіи духовныхъ при хурулахъ).

33.

8. (Повторена 15-я ст. Зинз. постановл.—о вступленіи въ духовное званіе, вмѣстѣ съ положеніемъ Коммиссіи по этой статьѣ).

34.

9. Кто въ запрещенномъ владѣльческомъ мѣстѣ траву потравитъ, съ того взять верблюда и восемь скотинъ; за испугъ дикихъ козъ и птицъ, кто поймаетъ, брать лошадь и оружіе, чѣмъ онъ стрѣлялъ; а кто отзовется невѣденіемъ, того не штрафовать, а предоставлять вѣдаться судомъ (штрафъ сей взыскать на призрѣніе бѣдныхъ)[2]).

---

[1]) Относится къ 29 и 30 ст.

[2]) Повтор. ниже подъ ст 87. Статья эта есть нѣсколько видоизмѣненная 37-я ст Улож 1640 г Послѣдняя приведена въ настоящемъ памятникѣ подъ 167 ст. 6 п., въ значеніи статьи, утвержденной Коммиссіей.

Два члена. Мѣсто, охраняемое для кочевья и ловли звѣря, кто потравитъ и звѣря распугаетъ, съ того взять штрафу съ двумя верблюдами девять; кто остановитъ опредѣленную Владѣльцу пищу, тотъ оштрафуется девятью скотинами. Буде кто по невѣденію вытравитъ мѣсто, охраняемое для ставки и для ловли звѣря, того не штрафовать безъ изслѣдованія[1]).

(Далѣе повторены мнѣнія двухъ членовъ подъ 18 ст. Зинз. пост. п. 18 и 19:

«Буде соблюдаемое для Владѣльца и хурула мѣсто кто потравитъ изъ Зайсанговъ»... и «Буде кто изъ подвластныхъ цѣлымъ хотонамъ вытравитъ мѣсто»...).

Ком. Оставить въ своей силѣ.

10. *Два члена.* Владѣнія одного Владѣльца и одного аймаку калмыки естьли будутъ судиться, разобрать ихъ Зайсангу; а буде особливыхъ двухъ аймаковъ подсудимые будутъ, рѣшить обоимъ Зайсангамъ; буде или (ими?) недовольны будутъ, къ Владѣльцу въ судъ явиться имѣютъ. Людей двухъ владѣній тяжбу кончить обоимъ Владѣльцамъ; буде ихъ рѣшеніемъ будутъ недовольны, просить могутъ въ верховномъ судѣ.

Ком. Въ таковыхъ разборахъ поступать по правиламъ, въ Положеніи для калмыцкаго народа 1825 года изданнымъ, съ тѣмъ, чтобы разборъ производился въ томъ улусѣ, гдѣ пребываетъ отвѣтчикъ.

35.

11. Естьли Владѣлецъ будетъ защищать вора, съ таковаго въ пользу общественныхъ расходовъ взыскать 9 скотинъ; за второй подобный поступокъ предать сужденію суда Зарго

---

[1]) Пунктъ этотъ повторенъ подъ ст. 125 и 127. VI, п. 2.

и представлять Главному Россійскому начальству на разрѣшеніе[1]).

Ком. Уголовное; поступокъ сей представлять на разсмотрѣніе высшаго начальства.

12. *Два члена* Изъ Владѣльцовъ, кто бы таковъ ни былъ, буде вмѣшается въ драки, случающіяся иногда, напротивъ чаянія, особливо при обыскахъ и при взятіи подводныхъ лошадей, таковому Владѣльцу при побоищѣ хотя какой членъ повредитъ, взыску и штрафу нѣтъ, по той предосудительности, что онъ вошелъ въ буйство, достоинству его противное[2]).

Ком. Подобные случаи представить разбирательству Коммиссіи.

13. *Два члена.* Кто по бѣдности своей кибиткою пожелаетъ проживать у россіянъ, татаръ и калмыкъ, долженъ имѣть видъ отъ Владѣльца или Зайсанга своего[3]).

Ком Зайсангамъ аймашныхъ своихъ до такой нищеты не допускать; но по своему древнему закону — стараться оныхъ всевозможными средствами поддерживать; однакоже пожелавшимъ имѣть проживаніе гдѣ либо въ постороннемъ мѣстѣ для работъ и промысловъ не возбранять и для того давать таковымъ письменные виды владѣльческимъ — Владѣльцами, а казеннымъ Правителями, на бумагѣ 50 ти коп. достоинства.

14. *Два члена.* Кто поймаетъ бѣглаго человѣка, тотъ долженъ его представить къ Владѣльцу или Зайсангу, а сіи обязаны препроводить по дистанціи, куда слѣдуетъ.

Ком. Съ тѣмъ, чтобы Владѣльцы или Зайсанги отправляли таковыхъ къ своему улусному Приставу, а въ небытности онаго, въ ближайшій Земскій Судъ.

---

[1]) Повт. ниже подъ ст. 79 и 190.

[2]) Повт. ниже подъ ст. 205.

[3]) Повт. подъ ст. 125, п. 5.

36.

15. Ежели на имя Владѣльца подлогъ окажется со стороны Зайсанга немаловажный, тогда съ него взятое взыскать и лишить зайсангскаго званія; а ежели подлогъ учинилъ извѣстный въ обществѣ человѣкъ, управлявшій дѣлами, съ того также взятое взыскать и лишить честнаго имени въ обществѣ и наказать 25-ю ударами[1]).

Ком. Предоставить разбору Улуснаго Правленія.

37.

16. Ежели Диличей[2]) (староста) доведетъ до свѣдѣнія Зайсанга, что изъ такого-то десятка одна кибитка или цѣлый хотонъ кочуетъ отдѣльно, и Зайсангъ, слышавши сіе чрезъ самаго Деличея[2]), или, не донеся Владѣльцу, не пошлетъ Ельчу (парочнаго) для возвращенія оныхъ, и тѣ откочевавшіе будутъ ограблены, или нападутъ на нихъ разбойники или непріятели и раззорятъ, или, напротивъ того, сами они соединятся въ сотоварищество съ ворами, грабителями, разбойниками, или поступать будутъ предосудительно всякому порядку, заслуживающему немаловажному суду, таковаго Зайсанга, какъ не пекущагося о благѣ народномъ, лишить аймака[3]).

Ком. Ежели таковое упущеніе окажется намѣреннымъ, то и Зайсангъ долженъ быть судимъ уголовнымъ судомъ; безнамѣреннаго же штрафовать въ пользу бѣдныхъ за первый разъ 50 руб., а за второй 100 руб., а за третій лишить аймака, но не иначе, какъ съ передачею аймака ближайшему по немъ наслѣднику.

38.

Естьли такимъ[4]) образомъ откочевавшіе частьми изъ улуса, родовъ и десятковъ, по поискамъ найдены не будутъ, тогда

[1]) Повт. ниже подъ ст. 204.

[2]) Должно быть «Демчей», какъ и значится въ 122 ст.

[3]) Повтор. подъ ст. 122.

[4]) «какимъ» по 183 ст.

Зайсангъ долженъ донести Владѣльцу, а сей обязанъ представить по начальству о учиненіи публики на разысканіе[1]) и съ того уже времени тѣ откочевавшіе люди считаются бѣглецами. Какія бы ими преступленія сдѣланы ни были, важныя или маловажныя, отвѣтственность за нихъ Зайсангу и одноодворцамъ[2]) относиться не должна Всѣ таковые откочевавшіе бѣглецы какому взысканію и наказанію подлежали, отвѣчаютъ за нихъ передержатели оныхъ по вышеписанному порядку[3]).

Ком. Допустить[4]).

39.

17. Всякой посланный не долженъ брать подводъ владѣльческихъ, ламинскихъ (архіерейскихъ), хурулу принадлежащихъ и зайсанскихъ, кромѣ экстренной государственной надобности; а ежели кто сіе учинитъ, того наказать 15-ю ударами и взыскать трехъ лѣтъ лошадь. Штрафъ сей отдавать на общественные расходы или на призрѣніе бѣдныхъ[5]).

Ком. Допустить.

40.

18. Когда Зайсангъ какимъ нибудь неправильнымъ образомъ будетъ защищать вора, принадлежащаго его аймаку*), таковаго при публикѣ постыдить, за второй подобный посту-

---

[1]) «для учиненія публики о розысканіи», по 183 ст.

[2]) Должно быть «однородцы» какъ это видно изъ ст. 89, 125 и 183, повторяющихъ настоящее правило.

[3]) Повт. подъ ст. 89, 125 и 183.

[4]) По той же самой статьѣ дана подъ № 183 иная резолюція Коммиссіи: «подъ общій законъ», т. е. статья эта отмѣняется, что явно противорѣчитъ рѣшенію Коммиссіи по ст. 38 и 89.

[5]) Повтор. ниже подъ ст. 129. Статья 39-я Зинз. постановл. есть развитіе 24-й ст. Улож. 1640 г., приведенной подъ 129 ст. Зинз. постановл.

*) вѣденію.

покъ взять штрафу пять скотинъ на общественные расходы; а въ третій судить, какъ настоящаго вора по Уложенію[1]).

Два члена. Буде Зайсанги аймашныхъ ихъ воровъ, какими бы то ни было, но противными закону средствами, защищать будутъ, за то ихъ въ собраніи посрамить слѣдуетъ и во второй разъ учинить съ ними тоже, а въ третій разъ штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ и обнаженнаго водить кругомъ всей владѣльческой ставки[2]).

Буде Зайсанги, за кого либо изъ воровъ войдя въ защиту, будутъ ходатайствовать у Ламы и Владѣльца, за то ихъ штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, коего отдать на потребу владѣльческой ставки(·); естьли отзовутся невинностію, въ томъ очистить ихъ присягою другому, въ достоинствѣ имъ подобному, съ мѣстнаго старшины*)[3]).

Ком. Утвердить по мнѣнію, въ Зинзиляхъ постановленному, съ присовокупленіемъ, чтобы третій разъ судить его судомъ уголовнымъ.

(·) Утвердить по мнѣнію, поданному въ Зинзиляхъ, но съ тѣмъ, чтобы штрафный верблюдъ былъ обращенъ въ пользу бѣдныхъ.

Два члена. По спорному о воровствѣ дѣлу Зайсангъ своихъ аймашныхъ хотя и примиритъ, нѣтъ взыску; но явное воровство долженъ предать закону[4]).

Ком. Утвердить.

Два члена. Буде Зайсангъ своего аймашнаго въ во-

---

[1]) Повтот. подъ ст. 190.

[2]) Повтор. подъ ст. 200 (п. 23).

*) Гдѣ нашелся воръ, взыскать четырехъ-лѣтняго верблюда Богамъ на жертву.

[3]) Повт. подъ ст. 111 и 200 (п. 23).

[4]) Повт. подъ ст. 199 (п. 21).

ровствѣ изобличитъ, вора не штрафовать, а только весь искъ съ него взыскать въ удовлетвореніе истца[1]).

Ком. Представить разбирательству улусныхъ судовъ.

41.

19. Младшіе Владѣльцы, командированные на службу, довольствуются опредѣленными имъ припасами изъ чести, собственнымъ провіантомъ, подводами для ѣзды и вьюка; естьли оные будутъ истощены, тогда власть ихъ не распространяется далѣе, какъ только взять на время подводы для ѣзды и вьюка и что либо посторонніе подарки; съ своихъ же подвластныхъ могутъ брать нужное по собственной волѣ.

Два члена Владѣлецъ, въ полѣ командующій войскомъ, воспользоваться можетъ изъ полученной добычи не болѣе принадлежащею ему по закону частію; напротивъ же закона податей, подводъ и другихъ повинностей требовать не имѣютъ права[2]).

Ком. Поступить по Россійскимъ военнымъ узаконеніямъ.

42.

20. По просьбѣ аймашныхъ*) на Зайсанга въ разныхъ поборахъ, подъ видомъ податей, съ нихъ собранныхъ скотомъ и деньгами, естьли не будетъ доказательствъ, положить присягу одной сторонѣ, а не обоимъ[3]).

Ком. Прежде долженъ сдѣланъ быть разборъ между владѣльческихъ Владѣльцами, а у казенныхъ

---

[1]) Повт. подъ ст. 196.

[2]) Повт. подъ ст. 146 (п. 5).

*) Аймашные — простолюдины, составляющіе аймакъ, или отдѣльный родъ, подъ управленіемъ Зайсанга (Замѣчаніе это помѣщено въ рукописи подъ 113 ст., составляющей повтореніе ст. 42-й. По видимому, замѣчаніе это писано рукою владѣльца рукописи, т. е. бар. Бюлера, какъ видно изъ сличенія съ его подписью).

[3]) Повт. подъ .ст 113 и 128 (п. 3).

— Правителями, при соучастіи мѣстныхъ Приставовъ, и естьли не откроется истину[1]), давать присягу отвѣтчику.

III. О родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ.

43.

1. (Ул. 39). Кто побьетъ отца или мать, или учителя, съ таковаго взыскивать штрафу: съ Владѣльца 18-ть скотинъ, съ Зайсанга 9 скотинъ, съ человѣка простаго состоянія 5 скотинъ и наказать 50-ю ударами плетью и велѣть всѣмъ таковымъ преступникамъ съ покорностію просить прощенія; штрафы сіи отдавать обиженному.

Ком. По 38 и 56 §§ Правилъ о управленіи калмыцкимъ народомъ предоставить разбирательству духовенства.

44.

2. (Ул. 40). (·) Ежели невѣстка побьетъ свекра или свекровь, наказать ее 30-ю ударами плетью; а ежели свекоръ или свекровь незинно причинятъ ей побои, взыскивать съ нихъ штрафу 9 скотинъ и отдать обиженной.

Ком. (·) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 4-ю статью о безчестіяхъ, обидахъ и пр.[2]).

Допустить по содержанію перевода, въ 1822 году исправленнаго, съ уменьшеніемъ ударовъ отъ каждыхъ по 5-ти.

3. (Ул. 41). *Ком.* Уголовный.

45.

4. (Ул. 147). Хотя племянники у материныхъ родственниковъ по калмыцкому праву могутъ отгонять скотъ; но не

[1]) Должно быть «истина».

[2]) См. статью 208 (п. 4) Зинзил. постановленій.

прежде, какъ пріѣхать къ той роднѣ съ возможнымъ по состоянію гостинцомъ и вѣжливымъ образомъ о томъ просить, и тогда материе родственники соотвѣтственно тому желанію должны удовлетворять.

Два члена. Три почетные племянника, объявя своему дядѣ материей стороны, имѣютъ право взять у него часть скота, какъ обрядами установлено; племянники по поколѣнію дальніе должны, объявивъ о нуждахъ своихъ, брать пособія.

Ком. Всякіе захваты, какъ вредные и нарушающіе семейныя спокойствія, уничтожить и признавать оные отнынѣ за воровство; а предоставить каждому отыскивать свое право на владѣніе цѣлаго или какой либо части по начальству чрезъ Зайсанговъ, Владѣльцовъ, Правителей, улусныхъ Судей и суда Зарго[1]).

46.

Ежели и за таковымъ законнымъ требованіемъ материе родственники не удовлетворятъ желанія просившаго, хотя бы и было у нихъ состояніе, надобно имъ засвидѣтельствовать о томъ извѣстному въ обществѣ человѣку, и потомъ ежели бы у тѣхъ родственниковъ сколько нибудь нужнаго себѣ скота и было захвачено, за то ихъ штрафу и наказанію не подвергать (племянники могутъ брать слѣдующее чрезъ посланнаго съ дозволенія суда Зарго)[2]).

47.

Племянники материей родни дѣлаютъ захватъ скота троекратно. Ежели у одного отца нѣсколько будетъ сыновей, такимъ же правомъ пользуются; а буде тѣ сыновья отдѣльнаго

---

[1]) Относится къ 45 — 48 ст. Зинз. постановл.

[2]) Повт. подъ ст 94 Зинз постановл.

имѣнія, тогда всѣ старшіе и младшіе, согласясь между собою, захватываютъ; въ противномъ случаѣ, естьли одинъ изъ нихъ кто сіе сдѣлаетъ, тогда раздѣлять съ родственниками.

48.

Ежели племянники, въ противность постановленнаго на предметъ сего учрежденія, называя себя племянникомъ, возметъ что у матерней родни, и о томъ отъ нихъ принесена будетъ жалоба суду, таковую разсмотрѣвъ, виновнаго оштрафовать по мѣрѣ преступленія.

49.

5. Всякой, не имѣющій дѣтей, ежели пожелаетъ усыновить постороннаго сына наслѣдникомъ своего имѣнія, и у того, кто усыновляетъ, есть сыновья ближнихъ родственниковъ отцовой стороны, могущіе по правамъ тѣмъ имѣніемъ наслѣдовать, тогда безъ совѣта ихъ усыновлять не въ правѣ; а ежели кто усыновитъ безъ согласія, таковому усыновленному наслѣдства не давать[1]).

Ком. Допустить, съ тѣмъ, чтобы въ выполненіи таковыхъ правъ руководствоваться Россійскимъ узаконеніемъ, на предметъ наслѣдствія существующимъ.

50.

6. Буде кто усыновитъ чужаго сына, коего родной отецъ и мать, подъ какимъ нибудь предлогомъ, пожелаютъ взять обратно и оный не достигъ еще десятилѣтняго возраста, предоставить на разбирательство суда, и когда откроется, что взявшій его въ дѣти не содержалъ приличнымъ образомъ, тогда родные отецъ и мать имѣютъ право взять его обратно съ удѣломъ изъ имѣнія на пропитаніе его; а ежели свыше

---

[1]) Повт. подъ ст. 164. Статьи 49—51 Зинв. постановл. дополняютъ 52 и 53 ст. Улож. 1640 г.

десятилѣтняго возраста, оставляется у того отца, кѣмъ призрѣнъ, въ чемъ по оному, хотя бы и воспослѣдовала претензія, суда не давать, а предоставить уже на волю того малолѣтка[1]).

Ком. Допустить.

51.

Ежели на томъ же основаніи кто приметъ въ дѣти дѣвицу, а родные отецъ и мать послѣ того будутъ претендовать о возвратѣ ея, а та дѣвица будетъ девятилѣтняго возраста, подлежитъ разсмотрѣнію суда, а свыше тѣхъ лѣтъ суда не давать. При выдачѣ же ее въ замужество, полученнымъ по обряду на сговоръ и свадьбу скотомъ должны воспользоваться оба отца, а приданое давать въ равной степени съ обѣихъ сторонъ[2]).

52.

7. Ежели отецъ, по раздѣленіи имѣнія своимъ сыновьямъ придетъ въ бѣдное состояніе; а сыновья, отзываясь, что они имѣнія отдѣльнаго, не будутъ его призирать, тогда отъ того, кто уклоняется сего, взять отъ пяти скотинъ одну въ пользу отца, а противнаго сына за непризрѣніе отца по мѣрѣ вины наказывать[3]).

Ком. Допустить съ тѣмъ, чтобы наказаніе было произведено по приговору духовной власти.

---

[1]) Повт. подъ ст. 90 и 102.

[2]) Повт. подъ ст. 91, 103 и 155.

[3]) Статья эта есть развитіе 45-й ст Ул. 1640 г., приведенной ниже въ отд. о наслѣдствѣ, предъ 162-й ст. Зинзил. постановл.

О СУДѢ.

I. О судѣ вообще и о судьяхъ.

53.

1. (Ул. 162). Судьи обязаны руководствоваться симъ уложеніемъ, ничего не измѣнять и не прибавлять, а поступать по прямой существенной правдѣ, безъ снисхожденія и поноровки родству, дружбѣ, не мстя враждѣ и ненависти, не боясь и не стыдясь сильныхъ лицъ, дѣйствуя во всемъ сходно Самодержавной воли Государя Императора, честно и обиженныхъ правосудіемъ избавлять отъ рукъ неправды.

Два члена Судьи должны судить безъ всякаго пристрастія; буде кто изъ нихъ дѣйствительно окажется въ сей слабости, того постыдить въ общемъ собраніи и во второй разъ учинить съ нимъ тоже, а въ третій отрѣшить отъ судейства.

Ком. Судить въ правду и не иначе, какъ въ силу законовъ; судамъ же Зарго́ и улуснымъ отправлять судъ въ своихъ, яко неподвижныхъ (?); штрафъ же допустить въ своей силѣ по положенію Зинзилинскому, естьли будутъ получать они жалованье; а буде нѣтъ, то довольствоваться выговорами на первый разъ, а во второй отрѣшать.

54.

Ежели судья въ какомъ дѣлѣ поддерживать будетъ несправедливую сторону и то обнаружится дѣйствительно, съ таковаго на расходы суда брать получаемое имъ жалованье; а во второй, буде такъ же поступитъ, обвинять и удалять отъ должности. (Кто изъ чиновъ суда Зарго́ будетъ поддерживать сторону виновнаго, таковаго въ первый разъ штрафовать третнымъ жалованьемъ, а во второй отрѣшить отъ должности; штрафъ сей отсылать въ казну).

Ком. Судьямъ Зарго́ и судьямъ улуснымъ нигдѣ индѣ суда не производить, кромѣ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ состоятъ они; руководствоваться имъ уложеніемъ, по точному смыслу онаго; за неправосудіе же въ первый разъ взыскивать штрафъ въ пользу того, противъ кого оно оказано, десятую часть иску, во второй вдвое, а въ третій разъ отрѣшить отъ судейства и впредь не выбирать въ оное.

55.

Судьямъ Зарго́ внѣ опредѣленнаго мѣста суда не производить, а въ противномъ случаѣ брать пени третное жалованье и употреблять на расходы Зарго́[1]).

56.

2. Когда въ присутствіе суда Зарго́ прибудутъ члены и начнутъ разсматривать и трактовать о дѣлахъ, въ то время буде кто изъ судящихся Владѣльцовъ, Зайсанговъ и простаго званія людей, по неуваженію и небреженію, обезчеститъ словомъ судъ Зарго́, или между собою судящіеся кто кого безчестно назоветъ, таковому въ первый разъ сдѣлать выговоръ и штрафовать, а ежели во второй разъ обнесетъ неприлич-

[1]) Статья эта дополняетъ начало 162-й ст. Улож. 1640 г. опредѣленіемъ пени за нарушеніе закона.

нымъ словомъ, въ просьбѣ отказать, потому что судъ Зарго́ учрежденъ по Высочайшему повелѣнію Великаго Государя, слѣдовательно всякой судящійся учтивымъ и уважительнымъ образомъ докладывать долженъ о своемъ дѣлѣ, помня, что лице Великаго Государя тамъ же присутствуетъ.

Два члена. Всякой, кто бы ни былъ изъ стрянчихъ и посланцовъ, должны тяжущихся представить въ судъ. Судьи безъ ихъ посредства имѣютъ спрашивать сами, и подсудимые — имъ отвѣчать. Также посланцу и стрянчему молчать, въ судопроизводство отнюдь не мѣшаться, а исполнять то, что судья прикажетъ; напротивъ чего буде стрянчій представлять будетъ какія либо слова своего посланца и тѣмъ учинитъ помѣшательство въ судопроизводствѣ, таковыхъ посланца и стрянчаго наказать за то въ собраніи шестью ударами каждаго по щекамъ, по дѣлу отправить посланцомъ другаго и слѣдствіе произвесть особливымъ порядкомъ.

Ком. Никто да не нарушаетъ тишины и должнаго уваженія, ни словами, ни поступками, въ судѣ Зарго́, во время отправленія дѣлъ; виновный, ктобъ онъ ни былъ, штрафуется каждый разъ въ пользу бѣдныхъ: Владѣльцы 20-ю, Зайсанги 10-ю, всѣ прочіе калмыки 5 барановъ. Другихъ же постороннихъ состояній людей — на основаніи Россійскихъ законовъ по 10 руб.

57.

3. Обязанность Яргачея[1]) (экзекутора) состоитъ въ томъ. Онъ вызываетъ къ какому либо дѣлу для разбирательства къ суду тяжущихся чрезъ нарочнаго; не хотящему судиться—ѣхать, приказываетъ удовлетворять просителя, чѣмъ слѣдуетъ, на мѣстѣ.

---

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ по ошибкѣ «Яргазек».

58.

Суда Зарго́ Яргачей (экзекуторъ), не смотря ни на какое лице, свойство и вражды, обязанъ соблюдать по судопроизводству одинаково законной порядокъ; а ежели неправильно будетъ держать сторону судящагося, взять съ него въ первый разъ четырехъ лѣтъ лошадь, рогатую скотину и барана, а въ третій удалить отъ должности и лишить честнаго имени. Штрафъ сей отдать на расходы суда Зарго́.

Два члена. Яргачею (стряпчему) посылать должно съ требованіемъ къ судоотвѣтчикамъ, объявя имъ ѣхать въ судъ, естьли споръ имѣютъ; а естьли онаго нѣтъ, должны отдать истцамъ требуемое. Надлежитъ посланному до окончанія дѣла ѣздить на своей лошади, и естьли онъ хочетъ взять ѣздовое, то онаго, хоть и на своей лошади будетъ ѣздить, до окончанія дѣла не брать, а буде возьметъ, наказать его при собраніи шестью ударами по вискамъ, ѣздовое возвратить и вмѣсто его отрядить другаго. Осужденнаго вора имѣетъ стряпчій, у кого онъ въ храненіи, наказать въ скорости чрезъ другаго человѣка или самъ. Естьли промедлитъ и дастъ ему случай прибѣгнуть подъ защиту людей знаменитыхъ, за то оштрафованъ будетъ, какъ выше узаконено[1]).

Ком. Всякой человѣкъ, по положенію судъ Зарго́, чрезъ нарочно посылаемаго отъ сего Яргачея въ судъ призываемый, долженъ явиться въ оный непремѣнно. Кто не исполнитъ сего, судъ Зарго́, разсмотрѣвъ причины отзыва, приступаетъ къ законному удовлетворенію истца; разъѣзды же нарочныхъ отъ Яргачея дѣлать на счетъ виновныхъ, по положенію суда Зарго́[2]).

---

[1]) Относится къ 57 и 58 ст Зинзил. постановл.

[2]) Относится къ 57 и 58 ст. Зинзил. постановл.

59.

Кто учинитъ побѣгъ съ военной службы, и тотъ, кто увидитъ, обязанъ поймать его и объявить; а ежели кто сего не исполнитъ и впослѣдствіи времени бѣглецъ тотъ сыщется и при допросѣ покажетъ, что его передерживалъ и скрывалъ кто нибудь зазнамо, тогда надъ передержателемъ, ежели откроется справедливо, произвести суду слѣдствіе и штрафовать по нижеприписанному: бѣглеца наказать[1]) 30-ю ударами, обратить въ полкъ на службу; передержателя, наказавъ 20-ю ударами, нарядить на службу, за очередь того, кто доказалъ о передержательствѣ, со взысканіемъ четырехъ-лѣтней рогатой скотины. Каковые штрафы Владѣльцы и Управители улусовъ, Зайсанги, должны употреблять на содержаніе сиротъ[2]).

4. (Ул. 12). — *Ком.* Уничтожить.

60.

5. (Ул. 136). Ежели истца не будетъ при судѣ и отвѣтчика или повѣреннаго, заочно суда не производить.

Два члена. Истца и отвѣтчика спрашивать и объясненія отбирать отъ каждого особо.

Ком. Утверждается.

Два члена. Стряпчій подсудимаго, у него находящагося, представляетъ на судъ къ отвѣту, ни къ кому другому, а прямо къ судьѣ, и потомъ внѣ суда посадить его должно; а съ нимъ вмѣстѣ сидѣть и самому стряпчему, показанія отбирать отъ подсудимаго чрезъ другаго стряпчаго, котораго употребить на сіе судья заблагоразсудитъ. Дѣла маловажныя и дальнѣйшихъ изслѣдованій не требующія рѣшить по порядку, начиная съ прежде вступившихъ; естьли по инымъ положены присяги — назначить сроки, а безъ присягъ — учинить взысканіе, не выходя изъ присутствія.

---

[1]) По 184 ст. «наказавъ».

[2]) Повт. подъ ст. 143 и 184.

Ком. Уничтожить, ибо учреждены по Положенію 1825 года калмыцкіе суды.

61.

6. (Ул. 137). Кто на кого будетъ имѣть жалобу, долженъ требовать отвѣтчика предстать съ нимъ къ суду и объявлять о томъ стороннему человѣку; а естьли отвѣтчикъ не поѣдетъ, въ такомъ случаѣ брать отъ судей Ельчу (нарочнаго) и взыскивать съ ослушника въ пользу посланнаго за ѣздовое*); ежели же отвѣтчикъ не будетъ повиноваться, взять съ него штрафу трехъ-лѣтнюю лошадь и велѣть ѣхать въ судъ; за неповиновеніе двукратной повѣсткѣ взыскивать тоже; а буде не явится по троекратной повѣсткѣ, давать справедливость просителю.

Два члена. Всякой тяжбу имѣющій можетъ сказать при свидѣтеляхъ своему отвѣтчику ѣхать къ суду; естьли отречется, то взять отъ стряпчаго посланца съ платою ѣздоваго. Естьли и посланца ослушается, оштрафовать его трехъ-лѣтнею лошадью и за второе ослушаніе штрафовать тѣмъ же, и за третье обвинить и справедливость отдать истцу[1]).

Ком. Кто имѣетъ съ кѣмъ судиться, тотъ долженъ соперника своего требовать въ судъ при свидѣтеляхъ. Ежели отвѣтчикъ не поѣдетъ, въ такомъ случаѣ просить отъ судей нарочнаго. Въ случаѣ же ослушанія, судъ, разсмотрѣвъ причины отзыва, приступаетъ къ законному удовлетворенію истца. Разъѣздъ нарочныхъ дѣлать на счетъ виновныхъ. Призывъ сей распространить и на суды улусные.

62.

Каждый, на кого положена присяга, долженъ являться въ назначенный срокъ непремѣнно, а буде пропуститъ срокъ,

*) Съ рубля по десяти копѣекъ.

[1]) Повт. подъ ст. 111.

въ искѣ отказывать; однакожъ судьи должны назначать день присяги, соразмѣрно мѣстному разстоянію жительства присягателя.

Ком. Утверждается.

63.

Ежели кого потребуетъ судъ, а онъ сдѣлаетъ ослушаніе и сверхъ того причинитъ посланному побои, съ таковымъ противникомъ, явно нарушившимъ отечественные законы, поступать по уложенію, наказавъ 30-ю ударами, взыскать штрафу трехъ и четырехъ-лѣтнія двѣ скотины. При таковыхъ посылкахъ нужно наблюдать, чтобъ посланный былъ постояннаго поведенія и дѣятельный, а не дурнаго обращенія и не поступающій противно правилъ всякаго порядка.

Ком. Сіе заключается въ предыдущемъ замѣчаніи на 6-ю статью[1]).

64.

Присягу принимающій или приводитель къ присягѣ есть-ли встрѣтитъ необходимость, препятствующую ему быть на мѣстѣ присяги въ назначенный срокъ, таковой долженъ прислать къ Яргачею (экзекутору) нарочнаго и нужду свою объявить, а естьли кто сего не исполнитъ, лишается иска, каковое правило просителю и отвѣтчику соблюдать во всей силѣ, не измѣнять и не сопротивляться.

Ком. Утверждается.

65.

7. Во всякомъ улусѣ народное общество не должно вѣрить и слушать ябедъ, подстреканій и ложныхъ извѣщеній. Въ семъ отношеніи держаться прославленнымъ правамъ родовымъ[2])

---

[1]) См. положеніе Коммиссіи по 61 ст. Зинзил. постановл.

[2]) По 117 ст. «родовыхъ»

нашихъ предковъ, съ древнихъ временъ доднесь существующимъ, а надобно вѣрить предпочтительно Владѣльцу, слушать со вниманіемъ и исполнять его приказанія и учрежденія безпрекословно; такимъ же образомъ должны повиноваться властямъ своимъ и тѣ народы, кои не имѣютъ владѣльцовъ, а управляемы бываютъ Зайсангами; а ежели кто осмѣлится въ противность сего постановленія между отокомъ*), аймакомъ и общества внушать не благомыслящіе совѣты, клонящіеся къ разстройству народнаго спокойствія, таковаго тотъ, кто услышитъ или узнаетъ, долженъ схватить и содержать за крѣпкимъ присмотромъ, и, извѣстя общество, представить къ Владѣльцу или улуснымъ Правителямъ, за что онаго награждать соразмѣрно обстоятельству; а виновнаго для дознанія истины судить, и естьли явно обнаружатся злонамѣренія, но по роду своему не будутъ заключать въ себѣ важнаго разстройства, а относились только вредными до общественнаго благосостоянія, таковаго, жестоко наказавъ, лишить честнаго имени, дабы тѣмъ не ослабѣлъ внѣшній порядокъ управленія; а естьли производимое разстройство было тяжко и выходило за предѣлы, тогда виновнаго предавать Россійскому суду (жестоко, значитъ, наказать 50-ю ударами)[1]).

66.

(Повторена 21 статья Зинзил. постановл. — о покушеніи къ вооруженному нападенію на Владѣльца).

67.

(Повторена 19 статья Зинзил. постановленій — объ избавленіи Владѣльца отъ непріятеля).

68.

По дознаніи о убійствѣ человѣка или о другомъ какомъ важномъ произшествіи, тотчасъ виновнаго сыскать и произво-

*) Значительная часть улуса.

[1]) Повт. подъ ст. 117.

дить слѣдствіе по калмыцкому Уложенію; а естьли точно злодѣйство будетъ обнаружено, виновнаго отсылать къ сужденію Россійскаго суда; а буде кто кого научитъ убить человѣка или соединится къ тому сотовариществовать, или, зная сіе, скроетъ, всѣхъ таковыхъ отдавать калмыцкому суду.

Два члена. Буде кто въ смертоубійствѣ человѣка явно изобличенъ будетъ, того, оштрафовавъ по калмыцкому Уложенію, предать Россійскому сужденію.

Ком. Уголовное.

69.

Ежели кто изъ подвѣдомственныхъ людей двумъ Владѣльцамъ одинъ другаго убьетъ до смерти и тотъ убійца, хотя бы его пытками допрашивали, объявитъ по самой истинѣ, что онъ ненарочно и безъ намѣренія, а во время драки, въ пьяномъ образѣ, непредвидимымъ вражескимъ дѣйствомъ. учинилъ убійство, таковаго убійцу для наказанія кнутомъ отдать въ Россійскій судъ[1]).

Ком. Уголовное.

70.

Кто увидитъ самоубійцу и избавитъ отъ смерти, предоставлять обстоятельство сіе на разбирательство суда; ежели тотъ самоубійца учинилъ сіе по болѣзни въ сумасшествіи, предоставлять надлежаще; а буде нарочно и въ здравомъ разсудкѣ сдѣлалъ, отдать въ Россійскій судъ[2])

Ком. Уголовное.

71.

Всѣхъ тѣхъ людей, кто обнаружится въ передержательствѣ бѣглецовъ, предавать Россійскому суду.

---

[1]) Повтор. подъ ст. 175 (п. 7).

[2]) Повт. подъ ст. 175 (п. 8). Статья эта дополняетъ 109 ст. Ул. 1640 г.

Ком. Всѣхъ тѣхъ людей, кои обнаруживаются въ умышленномъ передержательствѣ бѣглецовъ, какихъ бы ни было, въ томъ числѣ передержателей калмыковъ, отбывающихъ отъ службы, предавать Военному суду.

72.

(Повторена 188 ст. Зинз. пост. о подсудности дѣлъ о грабежѣ, воровствѣ и мошенничествѣ[1]).

Два члена. Вора, дѣйствительно изобличеннаго, наказать 50 ударами и посадить публично на кобылу, положить на щекахъ у него клеймы и во второй разъ учинить съ нимъ тоже; а въ третій, по калмыцкому обряду положа штрафъ, предать его наказанію Россійскому[2]).

Ком. Уголовное.

73.

Ежели случится, гдѣ нѣтъ Зайсанга, откочевка одной кибитки или хотона и окажется подобное же происшествіе, тогда штрафозать главнаго старшину[3]) и передать сужденію Россійскихъ законовъ[4]).

Ком. Принадлежитъ разбирательству улуснаго суда.

74.

Естьли кто изъ родственниковъ простаго состоянія бѣглаго со службы сокроетъ завѣдомо, того наказать 30-ю ударами и послать на службу за того, кто поймаетъ; также

---

[1]) Статья эта представляетъ развитіе статей. 186 и 187, почему ея текстъ оставленъ подъ 188 ст. и исключенъ подъ 72 ст.

[2]) Повтор. подъ ст 196

[3]) По ст. 123 «старосту».

[4]) Повт. подъ ст. 123. Статья эта замѣняетъ 165 и 166 ст. Улож. 1640 г., не внесенныя въ Зинзил. постановленія.

старшину (10 кибитокъ), (который?) знавши мѣстопребываніе бѣглеца и сокроетъ, нарядить на службу; а буде Зайсангъ, зная о томъ, скроетъ, лишить аймака и честнаго имени въ народѣ; а ежели Владѣлецъ вѣдая скрывать будетъ и не обнаружитъ, предать Россійскому суду[1]).

Два члена. Кто будетъ скрывать калмыка, тотъ оштрафуется по своему Уложенію; а русскаго утаитъ, преданъ Россійскому сужденію.

Ком. Уголовное.

75.

Ежели кто самовольно подступитъ подъ непріятеля и потеряетъ людей, таковаго отдать въ Россійскій судъ (судить военнымъ судомъ).

76

Кто по злобѣ пуститъ пожаръ, таковаго человѣка дѣйствіе, по разсмотрѣнію въ судѣ Зарго́, предавать въ Россійскій судъ для наказанія[2]).

Ком. Уголовное.

77.

Если кто по злобѣ изъ злонамѣренныхъ людей къ невинному и честному человѣку неизвѣстнымъ и тайнымъ образомъ подкинетъ мертвое тѣло, или краденное, или ограбленное хорошее имущество, вещи и деньги, или зарѣзанной скотины мясо и кожу, о томъ производить слѣдствіе суду Зарго́ и виновнаго отсылать для наказанія въ Россійскій судъ[3]).

Ком. Уголовное.

---

[1]) Повт. подъ ст. 145.

[2]) Повтор. подъ ст. 216 Статья эта составлена въ отмѣну 87 и 88 ст. Улож 1640 г.

[3]) Повт. подъ ст, 194 и 202. Статья эта дополняетъ 121 ст. Уложенія 1640 года.

78.

(·) Кто пойманъ и обличенъ будетъ въ трехъ кражахъ, таковаго дѣйствія разсматривать суду Зарго́, а потомъ для наказанія отсылать въ Россійскій судъ[1]).

Два члена. Буде кто у россіянъ, татаръ и киргизовъ и другихъ націй людей воровство учинитъ, съ таковыми поступить по силѣ вышеизъясненныхъ узаконеній и потомъ предать суду Россійскому. По наказаніи изобличеннаго вора, не ожидая прибытія Зайсанга, отдать въ смотрѣніе извѣстному человѣку; взысканіе же штрафа, слѣдуемаго съ того вора, хотя Ламы и другіе вельможи просить будутъ, не оставлять и за неуваженіе ихъ просьбы истца не обвинять[2]).

Ком. (·) Кто изобличенъ будетъ единственно въ трехъ воровствахъ мошенническихъ и не свыше 400 руб. въ каждый разъ, таковаго дѣйствія разсматривать суду Зарго́ окончательно и, простивъ въ трехъ воровствахъ, и не свыше 200 руб.—въ судѣ улусномъ.

79.

(Повторена 35 ст. Зинзил. постановл. — о защитѣ вора владѣльцемъ).

80.

Кто сманитъ или украдетъ человѣка, о томъ имѣть законное разсмотрѣніе суду Зарго́ и виновнаго для наказанія отсылать въ Россійскій судъ[3]).

Два члена. Буде кто украдетъ человѣка, штрафовать его, какъ смертоубійцу, и предать суду Россійскому.

---

[1]) Повтор. подъ ст. 196. Статья эта дополняетъ 156 ст. Ул. 1640 г.

[2]) Повторено подъ ст. 200.

[3]) Повтор. подъ ст. 199.

Ком. Уголовное.

Два члена. Буде воры сдѣлаютъ нападеніе и оружіемъ причинятъ раны, за каждаго раненнаго, взыскавъ штрафъ, положенный за смертоубійство, воровъ предавать Россійскому сужденію. За раненныхъ лошадей, сколько ихъ числомъ будетъ, за каждую дать по четырехъ-лѣтнему верблюду, а за холостые выстрѣлы взять по четырехълѣтней лошади за каждый[1]).

Ком. Уголовное.

81.

Кто у беременной женщины выбьетъ младенца, о томъ производить слѣдствіе суду, а естьли сдѣлано съ намѣреніемъ, отсылать виновнаго къ наказанію въ Россійскій судъ[2]).

Ком. Уголовное.

82.

8. (·) Великій Государь Императоръ Самодержецъ Всероссійскій, вѣрноподданному калмыцкому народу, возстановя древнія родовыя права и привиллегіи, Высочайше соизволилъ утвердить во всей ихъ силѣ и неприкосновенности, каковымъ Монаршимъ благоволеніемъ предоставлено производить и рѣшать дѣла, на основаніи родовыхъ нашихъ правъ, изложенныхъ въ Уложеніи, учрежденному въ калмыцкомъ народѣ суду Зарго́, а внутреннія въ улусахъ судебныя тяжбы Владѣльцамъ, имѣющимъ подвластныхъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, Правителямъ казеннаго вѣдомства отъ общества довѣреннымъ уполномоченнымъ.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное по 34 ст. Зинзил. постановл.: «Владѣнія одного Владѣльца и одного аймаку калмыки»...) (:) Затѣмъ прибавлено:

---

[1]) Повтор. въ отдѣлѣ о грабежахъ, XI п. 4.

[2]) Статья эта служитъ дополненіемъ ко второй половинѣ 100 ст. Ул. 1640 года.

Недостатки, кои здѣсь не описаны, смотрѣть должно въ древнемъ Уложеніи; важныя дѣла предоставлять Россійскому суду.

Ком. (·) Порядокъ обращенія калмыковъ съ просьбами установляется по правиламъ, изложеннымъ въ Положеніи 10 марта 1825 года о управленіи калмыцкимъ народомъ.

Ком. (:) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 10 статью о Владѣльцахъ[1]).

83.

(⁝) Ежели кто въ одномъ лицѣ или соединясь во множествѣ, не объявя прежде національному суду Зарго́, по Высочайшему соизволенію въ калмыцкомъ народѣ учрежденному, войдетъ съ жалобою къ Высшему Правительству или низшему начальству, что Владѣлецъ или Управитель дѣло его рѣшилъ несправедливо; а начальство, принявъ просьбу, препроводитъ въ судъ Зарго́, по Высочайшему повелѣнію въ калмыцкомъ народѣ учрежденный, съ предписаніемъ объ изслѣдованіи на самой истинной справедливости, тогда суду Зарго́ надлежитъ сообразно родовымъ правамъ представлять съ мнѣніемъ по порядку къ главному начальству[2]).

Ком. (⁝) Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на § 8 касательно порядка обращенія съ просьбами[3]).

84.

Ежели кто насильственно вторгнется къ кому либо въ домъ со многими злонамѣренными людьми, и тотъ, къ кому войдутъ, обороняя себя и домъ, изъ тѣхъ злодѣевъ кого нибудь убьетъ до смерти, долженъ убитаго или раненнаго чело-

---

[1]) См. ст. 34 Зинзил. постановленій.

[2]) Повт. подъ ст. 223.

[3]) См. 1-е положеніе Коммиссіи по предыдущей статьѣ.

вѣка представить въ судъ и объявить, и то окажется справедливо, что крайность позволила при оборонѣ своей жизни учинить убійство, а не нарочито произведено сіе дѣйствіе, таковаго не обвинять потому, что входить самовольно въ чуждый домъ съ злодѣйскимъ насильствомъ не слѣдуетъ. Это происшествіе подлежитъ своему суду[1]).

Ком. Уголовное.

85.

Если во время скопища случится драка, и кто отъ чьего удара умретъ и въ той партіи много было людей, а преступникъ убитаго или раненнаго не будетъ узнанъ, тогда надобно по догадкамъ взять изъ нихъ одного подозрительнаго и, жестоко наказуя, допрашивать; когда же изъ среды той партіи виноватаго не выдадутъ и притомъ трудно будетъ открыть слѣды сего злодѣянія, въ то время всѣхъ, на кого будетъ падать подозрѣніе, для обнаруженія сего злодѣйства допрашивать пытками, не лишая однакожъ жизни, что есть противно справедливости, а сажать таковыхъ въ тюрму, штрафовать и наказывать и наконецъ по своему закону ставить на покаяніе. (Предоставлять обслѣдованію суда Зарго)[2]).

Ком. Уголовное.

86.

Ежели кто у русскихъ или татаръ, или между калмыками нечаянно угонитъ скотъ и табунъ, таковое хищничество предоставить разбирательству и удовлетворенію хозяевъ калмыцкому суду Зарго; а виновнаго наказавъ 50-ю (·) ударами, взыскать штрафу три трехъ-лѣтъ и двѣ четырехъ-лѣтъ скотины (штрафъ, взысканный скотомъ, отдать на потребности суда Зарго)[3]).

---

[1]) Повт. подъ ст. 173.

[2]) Повт. подъ ст. 171. Статья эта дополняетъ 103 ст. Уложенія 1640 г.

[3]) Повт. подъ ст. 200.

Ком. Замѣчаніе на 22 статью о воровствѣ[1]). — (·) 25-ю ударами.

87.

(Повторена ст. 34-я Зинзил. постановл. — о потравѣ мѣста, назначеннаго для кочевья владѣльца).

88.

Буде бы за подобныя откочевки случилось предать суждению старшину надъ десятью кибитками, старосту и Зайсанга, но они на очной ставкѣ между собою учинятъ запирательство и въ томъ не изобличатся, ссылаясь одинъ, что онъ о семъ не зналъ, а другой покажетъ, что онъ объявлялъ, тогда, узнавъ[2]) истину судомъ чрезъ изслѣдованіе, и съ виновнымъ поступить по Уложенію[3]).

Ком. Судить улусному суду.

89.

(Повторена 38 я ст. Зинзил. постановл. — объ откочевавшихъ бѣглецахъ и ихъ передержателяхъ).

Ком. Утверждается, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ откочевки донести и Частному Приставу.

90.

(Повторена 50-я ст. Зинзил. постановл. — объ усыновленіи чужаго сына).

91.

(Повторена 51-я ст. Зинзил. постановл —о принятіи въ семью чужой дочери).

---

[1]) См. Полож. Ком. по 200 ст. Зинз. постановл.

[2]) По ст. 124 «дознавать».

[3]) Повтор. подъ ст. 124.

Ком. Допустить.

92.

Существенность[1]) права и обычай повелѣваютъ, чтобъ всѣ Владѣльцы старшіе, средніе, мелкопомѣстные и Табунгутъ[2]) жили между собою откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе; таковому же примѣру должны слѣдовать Зайсанги, владѣльческіе приближенные служители, сборные старосты Шюлюнгюсъ (старшіе надъ 40 кибитками), цѣлыя общества, знатныя части онаго и всѣ роды, между ими раздѣляющіеся, именующіе себя Ойридъ[3]) (калмыками), на вершинѣ шапокъ красныя кисти носящіе, живя одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначинаніями; а ежели кто будетъ поступать противу сего устава, съ того взыскивать штрафы по винѣ заслуживаемаго преступленія. (Въ концѣ пункта сказано: вмѣсто представлять главному начальству, предоставлять взысканіе штрафа разсмотрѣнію суда Зарго́, смотря по винѣ заслуживаемой)[4]).

Ком. Остается въ своей силѣ.

93.

(Повторена 23 ст. Зинзил. постановл. — о побояхъ, наносимыхъ владѣльцамъ, табангоутамъ и зайсангамъ).

Ком. Сюда относится замѣчаніе на 2-ю статью о владѣльцахъ[5]).

---

[1]) По 114 ст. «существенныя»

[2]) Должно быть — Табангоутъ.

[3]) Ойрись, по 114 статьѣ. Въ рукописи стоитъ подъ 114 ст. въ выноскѣ глосса «должно быть—Ойратъ или Ойротъ». Глосса эта, судя по почерку, принадлежитъ владѣльцу рукописи — бар. Бюлеру.

[4]) Повт. подъ ст. 114.

[5]) См. полож. Ком. по 20 ст. Зинз. постановл.

94.

(Повт 46 ст. Зинзил. постановл. — объ отгонѣ скота).

95.

9. (Повтор. конецъ 17-й ст. Зинз. пост.: «Всѣмъ духовнымъ вообще воспретить ѣздить въ судилища.... ибо сіе сану ихъ не прилично и вредно»).

Два члена. Оправдывать вора не допускать въ судъ адвоката; буде допустятъ, то рѣшеніе уничтожить; самаго его наказать 50-ю ударами и оштрафовать одною четырехъ-лѣтнею лошадью въ пользу Эрге (владѣльческаго дому[1]).

Ком. Отмѣнить по причинѣ учрежденія судовъ калмыцкихъ.

96.

10. Кто явится и объявитъ суду, что онъ имѣетъ съ кѣмъ нибудь судиться, и возьметъ для того дѣла Эльчу́ (нарочнаго); а послѣ того дѣло его окажется пустое, — за таковое неправильное взятье посланнаго по пустому дѣлу взыскать съ него въ пользу того посланнаго за ѣздовое, съ рубля по 10 коп., и по мѣрѣ вины наказать. (·)

Ком. Утвердить. — (·) Съ свѣдѣнія Владѣльцовъ и судей улусныхъ.

97.

Кто имѣетъ на комъ искъ, долженъ съ него требовать, а въ случаѣ неплатежа, если тотъ истецъ, не испрося отъ суда нарочно-посланнаго, возьметъ самъ насильно, таковаго иска уничтожить, потому что самъ въ своемъ дѣлѣ былъ судьею и посланнымъ и сдѣлалъ насиліе.

---

[1]) Повт. подъ ст. 200 (п. 23).

Ком. Утверждается.

Два члена. Буде кто изъ истцовъ съ изобличеннымъ воромъ примирится и тайно возметъ съ него искъ свой, таковыхъ вора наказать по закону и штрафъ съ него взысканный употребить на надобности Владѣльца (·), а самаго истца наказать за то 50 (··) ударами и претензію его уничтожить.

Ком. (·) на надобности общества. — (··) 20-ю ударами.

Два члена. Буде кто справедливый искъ свой возметъ самовольно и въ ночное время, за то оштрафовавъ его четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, лишить иску, верблюда отдать на потребу владѣльческой ставки, и посланному велѣть взять съ того ѣздовое, а буде кто хотя и въ день таковый же захватъ сдѣлаетъ, лишить его иску и велѣть заплатить посланному ѣздовое.

Ком. Утверждается съ тѣмъ, что, продавши верблюда, деньги подъ наблюденіемъ Владѣльца причислять къ общественнымъ суммамъ.

98.

11. Если пойманъ будетъ бѣглой человѣкъ, таковаго допросить обстоятельно, чей онъ человѣкъ? съ какого мѣста ѣхалъ и куда бѣжалъ? Не имѣетъ ли товарищей и кто они такіе? сколько числомъ и гдѣ оные находятся? самовольно или по чьему подговору бѣжали? Сіи показанія отбирать основательно на бумагѣ, а потомъ, задержавъ подъ крѣпкимъ присмотромъ, писать въ подлежащее мѣсто.

Ком. Калмыкъ отсылать въ улусный судъ, а русскаго представлять къ Частному Приставу для отсылки въ ближайшій Земскій Судъ

99.

Ежели гдѣ пойманъ будетъ воръ, не медля ни мало, приступить къ обыску и допросу, сколько чего укралъ или

ограбилъ, у кого и въ какомъ мѣстѣ и что имянно укралъ, не дѣлалъ ли кому нибудь истязаній и принужденій и не убилъ ли человѣка? Сверхъ того, нужно вывѣдать его, у кого проживалъ? кому сворованное отдавалъ, мѣнялъ и продавалъ? съ кѣмъ имѣлъ знакомство? не знаетъ ли другихъ какихъ воровъ? И естьли кого покажетъ, не упуская время, послать сыскать и вызвать, и немедленно дойти до истины и поступать судебнымъ порядкомъ. (За поимку вора взять тому, кто поймалъ, лошадь съ сѣдломъ, на которой онъ ѣхалъ, и все то, что при немъ было; а сверхъ того въ награду взять и отдать четырехъ лѣтъ верблюда)[1]).

Ком. Порядокъ допросовъ допускается.

100.

Кто изъ партіи воровъ явится и обнаружитъ о учиненномъ преступленіи, таковаго штрафу не подвергать, а только слегка наказать ( ) и обратить къ однородцамъ въ общество; ежели прежде о томъ люди знали, тогда его объявленія въ уваженіе не принимать, а обвинять[2]).

Ком. Уничтожается, ибо дѣло уголовное. — (·) Десятью ударами.

101.

Ежели случится важнѣйшее происшествіе о смертоубійствѣ человѣка и ограбленіи, отбирать допросы: гдѣ и кого именно убилъ и ограбилъ? чѣмъ убилъ и какъ ограбилъ, когда и въ какой день, около какого мѣста? Самъ ли съ намѣреніемъ дерзнулъ произвесть толь непростительное злодѣяніе или нечаянно, по неумышленности? Если же доказательствомъ и явною уликою будетъ сіе обнаружено, тогда неупустительно

---

[1]) Повт. подъ ст 109.

[2]) Повтор. подъ ст. 190. Статья эта составлена въ отмѣну 123 ст. Ул. 1640 г. См. ниже 189 ст. Зинз. постановл

принимать мѣры къ раскрытію настоящей истины, кѣмъ и какимъ образомъ такое важное злодѣйство сдѣлано, чрезъ обстоятельное производство слѣдствія.

Ком. Уголовное.

12. *Два члена* Кто воздумаетъ чрезъ постороннихъ людей просить незаконно, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій освободиться отъ Владѣльца, выбыть изъ аймаку своего Зайсанга, крестьяне—избѣгнуть власти господина, таковому, урѣзавъ носъ, учинить наказаніе 20-ю ударами плетью. Естьли его поощрилъ къ тому знатной человѣкъ, и сей оштрафуется взысканіемъ четырехъ-лѣтняго верблюда и тремя ударами по щекамъ въ полномъ собраніи; естьли научилъ его человѣкъ средняго состоянія, штрафуется трехъ-лѣтнимъ верблюдомъ и 10-ю ударами плетью при собраніи, а простолюдинъ — четырехъ-лѣтнею лошадью и 20 ударами плетью при собраніи же.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Буде кто просить будетъ чрезъ людей о неплатежѣ справедливаго иска, того наказать 30-ю ударами плетью, слѣдуемое съ него взыскать и того, кто его на сіе поощритъ, естьли изъ знатныхъ — взыскать съ него хорошую лошадь, изъ среднихъ людей — четырехъ лютнюю, а изъ простыхъ однолѣтняго жеребца.

Ком. Уничтожается.

Ком. Къ симъ узаконеніямъ прибавляются слѣдующія правила:

Никто да не накажется безъ изслѣдованія вины и суда.

Никто да не лишается имѣнія, какъ бы оно ни было, безъ изслѣдованія и безъ суда.

Все долженствуетъ состоять изъ гласности и суда.

102.

13. (Повторена 50 ст. Зинзил. постановл. — объ усыновленіи чужаго сына).

103.

(Повторена ст. 51-я Зинзил. постановл. — о принятіи въ семью чужой дочери).

II. О свидѣтеляхъ, о присягѣ, обысѣкахъ и о прочемъ.

104.

1. (Ул. 138). Кто у кого найдетъ въ ополичіе мясо украденнаго своего скота, и приглася къ обыску почетнаго человѣка свидѣтелемъ, туда пріѣдетъ, а тотъ человѣкъ усиливаясь не дастъ обыску, за то, считая его дѣйствительнымъ воромъ, судить и законно штрафовать.

Два члена. Кто при знатномъ свидѣтельствѣ не дастъ обыска, того, сверхъ взысканія иска, штрафовать по закону; а при свидѣтеляхъ, не слишкомъ благонадежныхъ, наказать взысканіемъ иска; штрафъ же положить на очистительную присягу.

Ком. Буде кого надлежитъ обыскать и онъ обыскивать себя при свидѣтеляхъ не допуститъ, тогда надлежитъ считать его дѣйствительнымъ воромъ и взыскать съ него искъ. Впрочемъ надлежитъ суду разсмотрѣть, каковы свидѣтельствующія лица.

105.

2. (Повторена 27-я ст. Зинзил. постановл. — о произвольныхъ обыскахъ владѣльцевъ).

Ком. Утверждается.

106.

3. Кто явно приведетъ слѣды воровскаго скота при свидѣтеляхъ, съ таковымъ поступать на основаніи закона объ обыскахъ; однакоже, прежде нужно суду разсмотрѣть, какого поведенія свидѣтельствующія лица[1]).

Ком. Утверждается.

107.

4. (Ул. 127)[2]). (·) Кто явно вошедшаго въ домъ хищника, или гнавшись въ погонь за его товарищами, на дорогѣ поймаетъ и убьетъ до смерти, тогда тѣхъ воровъ съ поличнымъ немедленно приводить къ ближнимъ людямъ для засвидѣтельствованія, или для записки по надлежащему въ ближайшее судебное мѣсто, таковаго въ преступленіи виновнымъ не почитать[3]).

Ком. (·) Уголовное, а касательно свидѣтельства оное допускается.

108.

Раба и рабу свидѣтелями не принимать[4]).

Два члена. Буде кто за подарки будетъ ложно свидѣтельствовать, того при собраніи народа обнажить и, наказавъ 20 ударами, слѣдуемую съ иска ему награду взыскать съ него же на требу владѣльческой ставки.

Ком. Утверждается безъ снабженія, штрафъ употребить въ пользу бѣдныхъ.

Два члена. Буде кто за кого присягнетъ изъ подарковъ, тѣ подарки отъ него отобрать при посрамленіи его

---

[1]) Статья эта есть дополненіе къ второй половинѣ 89 ст. Ул. 1640 г., гдѣ изложено постановленіе о гоненіи слѣда.

[2]) Эта статья Ул. относится къ 108 ст. Зинзил. постановл.

[3]) Повт подъ 174 ст. Зинзил. постанов.

[4]) Статья эта есть новая редакція 127-й ст. Ул. 1640 г.

въ собраніи. Искъ отказать въ пользу отвѣтчика за то, что проситель подкупилъ присягателя; тоже учинить паки съ присягателемъ, буде онъ изъ подарковъ же присяги не учинитъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ съ тѣмъ, что лжеприсягателя предавать уголовному Россійскому суду.

109.

(Повторена 99 статья Зинзил. постановл. — о допросѣ воровъ).

Ком Порядокъ допросовъ допускается.

110.

Ежели кто въ какомъ улусѣ тайнымъ образомъ продавать будетъ вино или карты, тотчасъ по объявленіи открывать чрезъ обыски безъ малѣйшаго послабленія, соблюдая при слѣдствіи большую осторожность, дабы кто невинно не пострадалъ по одному сомнѣнію, а потому обыски производить по состоянію дѣла, самые основательные, и естьли выдетъ запирательство, тогда чрезъ свидѣтелей обнаруживать истину и обвинять[1]).

Ком. Утвердить.

111.

6. (·) (Ул. 134). (·) Иски и убытки по воровству взыскивать слѣдующимъ образомъ: хозяину свой скотъ получать вдвое съ понесенными убытками, а не доказанные и безъ свидѣтельства уничтожить[2]).

Ком (·) Свидѣтелямъ не полагается никакой награды. — (··) Утверждается.

7. (Ул. 113). *Ком.* Неимущество вора долженъ засвидѣтельствовать ясашный сборщикъ, съ подтвержде-

[1]) Повт. подъ ст. 224.

[2]) Повт. подъ ст. 197.

ніемъ отъ общества, и вора отдавать хозяину украденнаго въ заработку вдвое[1]).

(Ул. 122). (·) *Два члена.* (··) Слѣды скотскіе бываютъ явны на чистомъ снѣгѣ, на пескѣ и на новой грязи, повсюду существующей; естьли скотомъ не будутъ потоптаны, таковыми тремя путями приведены слѣды, при знатномъ свидѣтельствѣ если не будутъ отведены, неотводчикъ, сверхъ заплаты иска, долженъ быть оштрафованъ; естьли сіе случится при свидѣтеляхъ, не очень вѣроятныхъ, искъ взыскать, а въ штрафѣ присягу дать; прочіе приводы слѣда, яко темные, судьи могутъ обнаруживать слѣдствіемъ.

Ком. (·) Утверждается (статья стараго уложенія). (··) Оставляется (мнѣніе членовъ).

(Ул. 2-я половина 89 ст.: «Ежели кто украденнаго у себя скота.... взять одну жестокую вещь и восемь скотинъ») (·)

Два члена. (··) Показанія тайнаго свидѣтеля объявить суду по секрету; судья, отобравъ оное, долженъ удостовѣрить въ истинѣ присутствіе присягою; естьли таковой свидѣтель опасется пріѣхать съ объявленіемъ къ суду, дѣло рѣшитъ слѣдствіемъ.

Ком. (·) Утверждается. (··) Уничтожается.

8. (Ул. 148). *Ком.* Утверждается.

Два члена. Въ судѣ, гдѣ нѣтъ свидѣтельскихъ доказательствъ, истецъ и отвѣтчикъ будутъ въ равновѣсіи, а въ случаѣ отрицанія ихъ дать обоимъ присягу; естьли будутъ у нихъ свидѣтели равнаго состоянія, такимъ же образомъ присягу учинить; естьли же у одного изъ нихъ не будетъ свидѣтелей, присяги нѣтъ, а должно судьѣ внимательно вникнуть въ характеръ и поведеніе свидѣтеля. Естьли обоихъ сторонъ показанія будутъ одно вѣ-

[1]) Такая же резолюція повторена по мнѣнію двухъ членовъ, изложенному въ 196 ст. Зинзид постановл.

роятное, а другое нѣтъ, и въ такомъ случаѣ присяги не полагать. Естьли же тяжба будетъ о человѣкѣ, верблюдѣ и прочемъ скотѣ безъ доказательства, положить присягу тому и другому.

Ком. Поступить по общимъ узаконеніямъ.

Два члена. Въ спорномъ двухъ лицъ дѣлѣ хотя не будетъ свидѣтелей, но судьи всѣ единогласно признаютъ единаго виновнымъ, дѣло рѣшать слѣдуетъ безъ присяги.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Буде избранный человѣкъ присяги устрашится и въ избѣжаніе оной Зайсанги обѣихъ сторонъ примирятся, тотъ искъ слѣдуетъ отдать на потребу владѣльческой ставки; естьли же не такъ, по закону должно присягу исполнить. Буде присяжный искъ взыщетъ самъ, въ томъ вины нѣтъ; доказателю о мирѣ, съ воромъ учиненномъ, дать четырехъ-лѣтняго верблюда; съ Зайсанговъ, утаившихъ таковое примиреніе, взять по одному четырехълѣтнему верблюду на владѣльческую ставку, и съ нихъ же взыскать доказателю по одной четырехъ-лѣтней лошади.

Ком. Уничтожается.

Два члена. Присягать должно въ опредѣленный срокъ; буде въ оный не присягнетъ, проситель теряетъ искъ. Судьи обязаны объявить число срока, опредѣленное для присяги; буде къ оному приводящему и идущему на срокъ стать воспрепятствуютъ важнѣйшія причины, о томъ должны они чрезъ посланнаго отъ себя извѣстить стряпчаго въ срокъ; естьли сего не учинятъ, лишаются права иска; такъ же поступить и съ истцомъ, какъ поступается съ отвѣтчикомъ.

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное въ 61 ст.: Всякой, тяжбу имѣющій... а за третіе обвинить и справедливость отдать истцу).

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное въ 40 ст.: Буде Зайсанги за кого-либо изъ воровъ въ защиту.... другому въ достоинствѣ имъ подобному съ мѣстнаго старшины; гдѣ нашелся воръ, взыскать четырехъ-лѣтняго верблюда Богамъ на жертву).

Ком. Утверждается.

112.

По дѣлу воровства буде назначаютъ къ присягѣ Зайсанга, должно разсмотрѣть, заслуживаетъ ли того важность претензіи; буде нѣтъ, положить присягу по мѣрѣ иска на того, кому оная будетъ соотвѣтственна. Буде вора кто изъ посторонихъ подведетъ подъ защиту Ламы и другихъ вельможъ, съ того взыскать трехъ-лѣтняго верблюда на потребу Владѣльца; а буде онъ учинитъ въ томъ запирательство, взять съ него по закону присягу[1]).

Ком. Уничтожается

113.

(Повторена 42-я статья Зинзил. постановл. — о доказательствахъ по дѣламъ о произвольныхъ поборахъ зайсанговъ).

[1]) Повт подъ ст. 200 (п. 23).

О внутреннемъ благоустройствѣ въ народѣ.

I. О гражданскомъ благоустройствѣ.

114.

1. Повторена 92-я статья Зинзил. постановл. — объ ойратствѣ или союзности родоправителей и самихъ родовъ).

Иом. Предписывается повиновеніе старшимъ во всемъ, что законно, и ежели требованіе важно, долгъ всякаго объявить о семъ въ улусѣ и Частному Приставу.

115.

Всякой человѣкъ низкаго происхожденія обязанъ повиноваться Владѣльцамъ старшимъ, среднимъ, мелкопомѣстнымъ и Табунгутамъ, воздавая достоинству ихъ приличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести; а ежели кто лично или заочно непристойныя хулы на нихъ вознесетъ и то истинѣ подтвердится, предоставлять разсмотрѣнію суда, — а ежели таковое поношеніе не будетъ заключать жестокаго оскорбленія къ ихъ чести, тогда поноситель въ проступкѣ своемъ при лицѣ публики испроситъ извиненія, или подвергать его штрафу соразмѣрно содѣянной винѣ.

116.

Каждый простой человѣкъ предпочтительно повинуется Зайсангу и старшему по немъ. Буде бы кто изъ нихъ приказалъ или научилъ кого дѣйствовать противу закона, вопреки Владѣльцомъ и обществомъ постановленнаго порядка, таковому распоряженію не слушаться; хотя бы и гибель ему отъ того послѣдовала, а явиться и донести о томъ Владѣльцу или другимъ старѣйшинамъ или къ обществу, и за то его обвинять; а въ случаѣ выполненія присуждать соразмѣрному штрафу и наказанію. (Взыскивать съ Зайсанга пять скотинъ, съ человѣка простаго состоянія двѣ трехъ лѣтъ рогатыя скотины; штрафъ сей отдать на бѣдныхъ).

117.

(Повторена 65-я статья о нарушеніи общественнаго спокойствія распространеніемъ ложныхъ слуховъ и пр)

Ком. Ежели кто дерзнетъ внушать кому либо отдѣльно или цѣлому обществу вредные и злонамѣренные совѣты, клонящіеся къ разстройству народной тишины, того представить въ улусѣ къ Частному Приставу, которой обязанъ изслѣдовать сіе при владѣльствѣ (владѣльцѣ?) или Зайсангѣ и вмѣстѣ съ виновными отсылать въ судебное мѣсто ближайшаго города.

118.

2. (Ул. ст. 3 и 4). (·) — (··) Кто съ дозволенія своего Владѣльца, а гдѣ оныхъ нѣтъ, управляющаго Зайсанга, хотя бы и былъ уволенъ на жительство въ другой улусъ, имѣя тамъ родственниковъ или для какихъ особыхъ причинъ, но чрезъ то не отдѣляется своего сословія, при надобностяхъ, а также тому владѣльцу и обществу, куда онъ добровольно пришелъ, долженъ близко подлежать. Если же послѣ того опять пожелаетъ перейти въ свой улусъ, и будто бы пріобрѣлъ тамъ

какое богатство, то при возвращеніи . долженъ взять только тотъ скотъ, какой имѣлъ до прихода туда на жительство.

Два члена. (···) Всякой обязанъ кочевать въ своемъ родѣ, Зюнахъ, Барунахъ и Зотарахъ (названіе частей); буде кто отъ рода своего кочевьемъ удалится всѣми сорока кибитками, тѣхъ соединить, а старшину штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ. Буде кто отдѣлится отъ сорока своихъ кибитокъ того хотона (т. е. сельцо), оштрафовавъ четырехъ лѣтнею лошадью, присоединить къ своему роду; буде кто, кочуя такими кривыми путями, подвергнется убыткамъ, которые взыскать съ Зайсанга въ штрафъ за слабое правленіе подчиненныхъ.

Ком. (·) Уничтожаются. — (·) Утверждается, но съ тѣмъ, что жившій въ другомъ улусѣ, при возвращеніи въ свой улусъ, ничего не лишается — (···) Утверждается.

119.

(Ул. ст. 157) (::). — (:··) Для соблюденія цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа необходимо нужно, дабы изъ владѣльческихъ и казеннаго вѣдомства людей, никто изъ среды улуса знатными частями, аймаками и родами, отнюдь не отдѣлялся. Обязанность Владѣльца, а гдѣ оныхъ нѣтъ, Правителей казеннаго вѣдомства, всѣхъ таковыхъ отшедшихъ и скитающихся собирать и присоединять надлежаше, не оставляя ни одного человѣка, къ однородцамъ, а буде у кого въ проживаніи окажутся, о таковыхъ забравъ справки, присовокуплять по принадлежности. Ежели же общество или однородцы, зная ихъ мѣстопребываніе, но не соберутъ, за то штрафовать ихъ Зайсанга, а буде онаго нѣтъ, старшаго старосту, а если онъ о семъ не зналъ, старшину 10-ти кибитокъ, перваго четырехъ-лѣтнею лошадью, втораго трехъ лѣтъ коровою, а послѣдняго трехъ-лѣтъ барашомъ. Штрафъ сей употребить на пользу бѣдныхъ.

Ком. (::) Утверждается. (') Утверждается.

Дербеты, Торгоуты и Хошоуты*) раздѣляются между собою на разныя части улусовъ; каждый Владѣлецъ, а гдѣ онаго нѣтъ, Правители казенныхъ калмыкъ обязаны настоятельно внушать и подтверждать всякаго рода Зайсангамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, старшимъ Демчеямъ (старостамъ), о непосредственномъ наблюденіи за подвѣдомственными имъ людьми, дабы ни одна кибитка не откочевала и не смѣшивалась съ другимъ улусомъ по тому уваженію, что ежели кто отдѣлится, съ тѣми могутъ случиться непріятныя послѣдствія, какъ то: откочевавшіе, соединясь съ родомъ другаго улуса, совсѣмъ для нихъ чуждымъ, могутъ имѣть близкую склонность къ воровству, особенно распутные, да и съ прочими, хотя бы и не свойственны къ тому были, можетъ случиться всякое неправильное притязаніе и какая нибудь неожиданная клевета; притомъ же въ случаѣ наряда на государственную службу, удобное средство къ скорѣйшему сбору людей, когда всѣ будутъ жить соединенно.

Ком. Утверждается.

120.

Если кто одною кибиткою или цѣлымъ отокомъ[1]) (составляющій нѣсколько кибитокъ) откочуетъ особо отъ своего рода или отъ тѣхъ сорока кибитокъ, съ коими вмѣстѣ должно находиться, съ таковаго хотона за вину взыскать четырехъ лѣтъ лошадь, а хозяина одной кибитки откочевавшаго наказать 15-ю ударами и соединить съ 40 кибитками однородцевъ. А ежели кто, ослушаясь старшины десятки[2]), кибитокъ, учинитъ откочевку и старшина, зная о томъ, не объявитъ Демчею (старостѣ) и тѣ люди жили по своему произволу, тогда слѣдуемый съ винов-

*) Три рода, составляющіе весь калмыцкій народъ.

[1]) Должно быть «хотономъ», какъ это видно изъ послѣдующаго изложенія этой статьи. Ср. также статьи 73 и 121.

[2]) Должно быть «десятка».

ныхъ штрафъ полагается на старшину съ тѣлеснымъ наказаніемъ по мѣрѣ вины, штрафу же взыскать трехъ-лѣтнюю рогатую скотину на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утверждается.

121.

Буде старшина 10-ти кибитокъ объявитъ Демчею (старостѣ), что изъ числа завѣдываемаго имъ десятка одна кибитка или цѣлый хотонъ (нѣсколько кибитокъ), выѣдъ изъ повиновенія, откочевали особо, а потомъ Демчей, слышавши, не дастъ знать о томъ своему Зайсангу и самъ не соединитъ ихъ по принадлежности въ десятокъ, за то наказать старосту и взыскать штрафу четырехъ-лѣтнюю рогатую скотину на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утверждается.

122.

(Повторена статья 37-я — объ откочевкѣ отъ родовыхъ союзовъ).

123.

(Повторена 73 ст. — объ отвѣтственности старшины по откочевкамъ).

Ком. Судить улусному суду.

124.

(Повторена 88 статья — о судѣ по дѣламъ объ откочевкахъ).

125.

(Повторена 38 статья — объ откочевавшихъ бѣглецахъ и ихъ передержателяхъ).

3. *Два члена.* (Повторено изъ ст. 34: «мѣсто, охраняемое для кочевья... не штрафовать безъ изслѣдованія»).

4. (Ул. ст. 155). *Ком.* Утверждается, исключая отрубленія перстовъ.

(Ул. вторая половина 91 статьи: «А кто въ полѣ поймаетъ какой скотъ... съ таковаго взять 27 скотинъ).

Ком. Утверждается (по послѣднему пункту: штрафъ полагать тотъ же, что и за кражу скота).

5. *Два члена.* Всѣмъ на шапкѣ имѣть кисти и всякому мущинѣ носить косу. Женщинамъ не надѣвать одежды съ двумя воротниками[1]). Законъ обязываетъ повиноваться своему Зайсангу, естьли онъ не впадетъ въ противное Владѣльцу и обществу заблужденіе; тогда не слѣдуя ему, всякій долженъ объявить о томъ обществу и Владѣльцу, а буде не объявитъ, штрафованъ будетъ[2]).

Ком. Утверждается.

Два члена. (Повторенъ 13-й пунктъ о владѣльцахъ, изъ мнѣнія по 35 ст. Зинзил. пост.: «кто по бѣдности своей... Зайсанга своего»).

II. О призрѣніи бѣдныхъ.

126.

1. (Ул. ст. 151 — 154). — Сиротъ, престарѣлыхъ и всѣхъ бѣдныхъ вообще приказывать старостамъ собирать и отдавать въ призрѣніе родственникамъ. Ежели староста сего не учинитъ, взыскать съ него штрафу одну четырехъ-лѣтнюю рогатую скотину; а естьли старшій того отдѣленія не исполнитъ сего приказанія, съ таковаго взять штрафу четырехъ-лѣтнюю

---

[1]) Правило это сходно съ 163 ст. нѣмец. текста Улож. 1640 г.

[2]) Повт. подъ 222 ст.

скотину. И когда староста не найдетъ ближнихъ родственниковъ для призрѣнія сихъ бѣдныхъ, долженъ объявить Зайсангу, который обязанъ принять на свою опеку; а ежели Зайсангъ по своему несостоянію взять на себя не можетъ, долженъ Владѣльцу донести; въ противномъ же случаѣ, буде упущены будутъ сіи способы, и кто отъ бѣдности изнурится, и сіе будетъ по обслѣдованію открыто, тогда съ виновнаго взыскать штрафу двѣ четырехъ-лѣтніе и одну трехъ-лѣтнюю рогатыя скотины. Штрафы сіи собирать Владѣльцу на содержаніе сихъ бѣдныхъ.

Примѣчаніе. Сверхъ того, для содержанія бѣдныхъ назначены штрафы, за разныя преступленія налагаемые, какъ можно сіе видѣть изъ перевода 1822 года §§ 80, 83, 86, 76, добавочныхъ къ нему пунктовъ: 19, 30, 39, 43, 44, 78 и изъ прибавленія къ переводу §§ 2, 6, 7, 12, 23 и 29-й.

Ком. Каждый старшина надъ 40 кибитками обязанъ вѣдать состояніе подвѣдомственныхъ ему людей, о сиротахъ, престарѣлыхъ, не могущихъ пропитывать себя, всѣхъ вообще бѣдныхъ. Ежели будутъ они въ тягость родственникамъ своимъ, представлять улусному суду, который, удостовѣрясь въ безпомощности ихъ, даетъ знать Владѣльцу, а сей обязанъ принимать надежнѣйшіе способы къ безбѣдному ихъ содержанію и нужному успокоенію. Необходимо, чтобы Владѣльцы учредили около ставокъ своихъ постоянныя заведенія для призрѣнія людей сего рода, не допуская ихъ бѣдствовать. Ежели же старшина будетъ оставлять бѣдныхъ безъ вниманія и Зайсангъ сіе пропуститъ, тогда перваго лишить его должности и взыскать штрафу за каждаго бѣднаго десять барановъ; а Зайсангу отказать навсегда въ управленіи аймакомъ, яко неспособному и не пекущемуся о своей собраніи. Ежели же бѣдный умретъ съ го-

лоду, что должно доказать изслѣдованіемъ, тогда старшину сорока кибитокъ и Зайсанга предать уголовному суду.

О больницѣ.

Ком. Призрѣніе больныхъ неимущихъ есть первѣйшій долгъ всякаго общества. Сюда принадлежитъ также заведеніе оспенныхъ домовъ и кибитокъ; предметы сіи должны привлечь всю попечительность и благонамѣренность Владѣльцовъ, духовенства и казенныхъ Правителей. А потому постановляется, чтобы сіи лица непремѣнно приступили къ симъ учрежденіямъ, и какое предположено будетъ образованіе сему при пособіи калмыцкаго Управленія, представить оное къ начальству по порядку. Тоже самое сдѣлаютъ они и въ отношеніи призрѣнія сумасшедшихъ. Ни одинъ человѣкъ не долженъ предаваемъ быть на произволъ случая.

III. О воспитаніи.

127.

1. Каждый въ мірской жизни изъ простонародія долженъ учиться монгольской грамотѣ (калмыцкому письму), а Зайсангскіе сыновья естьли не обучатся монгольской грамотѣ читать и писать, съ отца ихъ взыскать штрафу: трехъ-лѣтняго верблюда, а сына отдать учителю для обученія. (Люди простаго состоянія могутъ учить сына своего монгольскому письму по силѣ возможности; Зайсанги же должны учить сына на счетъ свой; за необученіе взысканные штрафы брать на призрѣніе бѣдныхъ).

Два члена. Зайсангскія дѣти естьли не будутъ просвѣщать себя науками, съ отцовъ ихъ брать за то штра-

фу по одной четырехъ-лѣтней лошади, а дѣтей отдавать учителю для обученія. Съ извѣстныхъ въ обществѣ людей за сіе упущеніе брать по четырехъ-лѣтней лошади, а съ простолюдина[1]) деньгами по одному рублю 50 копѣекъ; дѣтей же отдавать учителю для просвѣщенія, и естьли кто изъ нихъ до 15-ти лѣтняго возраста не обучится, тотъ оштрафуется.

Ком. Утверждается Зинзилинское мнѣніе.

За необученіе дѣтей брать штрафъ: съ человѣка, извѣстнаго въ обществѣ, трехъ лѣтъ лошадь, а сыновей для обученія отдать учителю; съ человѣка простаго званія естьли не обучитъ монгольскому чтенію письма, по 15-ти копѣекъ, а сыновей выучить грамотѣ

Ком. Весьма приличная была бы обязанность духовныхъ постоянно содержать народныя школы при хурулахъ, для обученія дѣтей по желанію ихъ родителей калмыцкой грамотѣ, и даже еслибъ только можно было, и русской. Владѣльцы и Правители казенныхъ улусовъ обратятъ на сей важный предметъ все свое вниманіе и планъ таковымъ учрежденіямъ представить на уваженіе начальства.

128.

Учащійся грамотѣ у учителя, естьли не просвѣтится въ искуствѣ письма до 15-ти лѣтъ, подвергается штрафу (по лѣности не обучавшагося наукъ не уважать въ обществѣ)[2]).

---

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ, сказано: «простолюдиной».

[2]) Статьи 127 — 128 представляютъ развитіе 149 ст. стараго устава, какъ онъ изложенъ въ нѣмецкой реценэіи, т. е. собственно устава Дербетовскаго улуса прошлаго вѣка. См. наше соч. «Древн. монголо.-калмыц. уставъ», стран. 146.

IV. О повинностяхъ.

1. *Два члена.* (Повторено мнѣніе по 41 ст. Зинзил. постановл.: «Владѣлецъ, въ полѣ командующій войскомъ» ...)

2. (Повторена 41 ст. Зинз. пост. о припасахъ для содержанія младшихъ владѣльцевъ).

3. (Повторена 42 ст. Зинз. пост. о разбирательствѣ дѣлъ о произвольныхъ поборахъ Зайсанговъ)[1]).

4. (Ул. ст. 20). — *Ком.* Утверждается.

5. (Ул ст. 35). — *Ком.* Утверждается.

V. О подводахъ, подводчикахъ и проѣзжихъ.

1. (Ул. ст. 20) (·). — *Два члена.* (··) Изъ общаго посланцовъ права исключаются три важнѣйшія приключенія: 1) слѣдующіе съ извѣстіемъ о приближеніи непріятеля; 2) за лекаремъ, нужнымъ для пользованія опасной болѣзни Владѣльца, и 3) за духовною особою, могутъ брать подводы, не смотря ни на какія лица. Кромѣ сихъ важныхъ надобностей ѣздить по учрежденной дистанціи, не перегоняя лошадей для дружбы и подарковъ, за что штрафовать ихъ двумя рублями, а за умершую лошадь взысканіемъ полной цѣны. У главныхъ монастырей и прочихъ знаменитыхъ особъ подводы брать запрещается; кто осмѣлится взять, тотъ заплатитъ два рубли за лошадь штрафу, а за умершую всю цѣну. Посланцу вина не пить. Буде кто добрымъ порядкомъ слѣдующаго обидитъ побоями или другимъ безчестіемъ, поступить съ нимъ суднымъ порядкомъ. Буде посланца пьянаго и ѣдущаго неблагопристойно кто побьетъ, не повредивъ его членовъ, штрафу нѣтъ.

---

[1]) Пункты 2 и 3 отнесены въ рукописи, по ошибкѣ къ мнѣніямъ двухъ членовъ.

Ком ( ) Утверждается. (··) Утверждается.

Два члена. За недачу посланцу подводъ по тремъ важнѣйшимъ надобностямъ штрафовать девятью девять (тѣмъ количествомъ скота, которое изъяснено выше), выключая изъ сего только тѣхъ людей, у коихъ есть привиллегіи не давать подводы, а тѣмъ, кто скроетъ лошадей, штрафовать четырехъ-лѣтнею лошадью.

Ком. Утверждается.

129.

2. (Ул. ст. 24) (·).—(··) (повторена статья 39-я Зипз. пост. о льготахъ отъ подводной повинности),

Ком. (·) Утверждается. (··) Утверждается.

3. (Ул. ст. 31). *Ком.* Утверждается.

130.

4. Судящимся въ судѣ Зарго́, кто понадобится къ вызову по ихъ претензіи, обязаны сами отъ себя давать посланному подводы

Ком. Утверждается.

131.

5. (Ул. ст. 32).—Ежели подводчикъ посланному поймаетъ въ подводы лошадь и о томъ въ теченіи одного дня не скажетъ хозяину, у кого поймалъ, за то взять съ подводчика штрафу въ пользу хозяина одного барана, а за цѣлыя сутки трехъ-лѣтъ рогатую скотину.

Ком. Утверждается

6 (Ул. вторая половина 35 статьи: «Ежели у проѣзжающаго человѣка пристанетъ лошадь... взять трехъ-лѣтнюю кобылу»).

Ком. Утверждается.

132.

7. (Ул. ст. 36)[1]). Кто проѣзжему не дастъ ночлега, съ того взыскать трехъ-лѣтъ кобылу и наказать пятью ударами плетью. Штрафъ сей отдавать на призрѣніе бѣдныхъ (·).

Два члена (··). На ночлегъ проѣзжающихъ всякаго рода людей принимать дозволяется, но съ тѣмъ только, чтобы при отъѣздѣ каждаго объявить человѣку знатному; естьли сего не учинитъ и въ слѣдующую ночь произойдетъ воровство въ окрестности ночлега, то все похищенное количество скота взыскать съ того, у кого проѣзжающій ночевалъ, и на владѣльческую ставку дать трехълѣтнюю лошадь. Буде не случится похищенія скота, штрафовать таковаго только трехъ-лѣтнею лошадью; а случится кража, то ночлегодателя штрафовать, какъ виноватаго, предоставя ему право скотъ взыскивать съ похитителя самому, въ избѣжаніе чего должно всякому пріѣзжающихъ на ночлегъ объявлять извѣстнымъ и почетнымъ въ обществѣ людямъ. Сіе правило положено наблюдать людямъ отъ владѣльческой ставки отдаленнымъ; а въ близости кочующимъ повелѣвается объявлять пріѣзжихъ къ нимъ на ночлегъ одному изъ Зайсанговъ, за неисполненіе чего поступать и съ ними же по вышеписанному узаконенію[2]).

Ком. (·) Утверждается. (··) Утверждается, ограничиваясь тѣмъ, что вся обязанность и отвѣтственность заключается въ томъ, чтобы о всякомъ ночевавшемъ давать знать старшинѣ надъ 40 кибитками. (Ул. ст. 111).

---

[1]) Эта статья улож 1640 г. повторена ниже, подъ 157 ст Зинзилинск. постановл. (п. 11), съ резолюціей Коммиссіи: «оставить въ своей силѣ».

[2]) Мнѣніе это воспроизводитъ правила, сходныя съ старыми законами Дербетевскаго улуса. См. ст 158 устава 1640 г. въ нѣмецкой рецензіи.

133.

8. [1]) Кто проѣзжаго путемъ человѣка худыми словами называть будетъ или шутливо обругаетъ, съ таковаго взимать штрафу трехъ лѣтъ рогатую скотину и наказать 15-ю ударами; Владѣльцу же сдѣлать выговоръ при публикѣ; Зайсангу таковой же*). Штрафъ сей отдать обиженному[2]).

Ком. Утверждается[3]).

134.

9. (Повторена 27-я статья Зинзил. постановл. — о произвольныхъ обыскахъ и другихъ насиліяхъ Владѣльцевъ; нѣтъ только конца: «слѣдовательно самъ себя обвиняетъ»).

Ком. Утверждается.

135.

Кто по привиллегіи не въ правѣ давать подводъ и будетъ защищать другихъ, повинность сію отправляющихъ, съ таковаго брать въ пользу общества трехъ-лѣтнюю лошадь.

Ком. Утверждается.

VI. О посланцахъ.

136.

1. (Ул. ст. 33). Кто посланнаго побьетъ, съ таковаго взыскать штрафу четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью; съ Владѣльца, естьли посланнаго побьетъ, взыскать четырехъ-лѣтъ верблюда, а съ Зайсанга четырехъ-лѣтъ

---

[1]) Эта статья замѣняетъ 30 ст Ул. 1640 г.

*) Сдѣлать постыдный выговоръ при публикѣ и взыскать четырехъ-лѣтнюю лошадь.

[2]) Повтор. подъ 210 ст.

[3]) Подъ 210 ст. Коммиссія отмѣняетъ постановленіе Зинз собранія.

лошадь и трехъ-лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдавать обиженному[1]).

Ком. Утверждается по мнѣнію, въ Зинзиляхъ установленному.

137.

2. (Ул. ст. 34). Кто посланному не дастъ подводы, или взятую ими подводу отъиметъ и подводчика побьетъ, съ такого взять четырехъ-лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью, а съ Зайсанга, естьли тоже сдѣлаетъ, взять четырехъ-лѣтъ лошадь, трехъ-лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдавать въ пользу посланнаго[2]).

Ком. Утверждается по мнѣнію, въ Зинзиляхъ установленному.

(Ул. изъ статьи 124-й: «А съ кого посланца по наряду ... и съ того взять вдвое»).

Ком. Утверждается.

3. (Ул. ст. 124).—*Ком.* Утверждается.

4. (Ул. начало статьи 35-й: «Въ дальній путь ѣдущій... и за то взять съ него лошадь»).

Ком. Утверждается.

5. (Ул. вторая половина 124 статьи: «Каждый посланецъ, будучи... выключается»).

Ком. Утверждается.

6. *Два члена.* Кто возметъ приказъ за печатью ѣхать посланцемъ, для публикаціи, для продажи или другаго чего бы то ни было, да не возвратитъ по окончаніи дѣла, кому слѣдуетъ, тотъ трехъ-лѣтнею лошадью оштрафованъ быть имѣетъ.

Ком.. Утверждается.

---

[1]) Повтор. подъ 212 ст.

[2]) Повт. подъ 213 ст.

Два члена. Посланцу, слѣдующему по волѣ и приказу, за содѣйствіе положено ѣздовое: съ кибитки трехъ-лѣтняя лошадь, за одного человѣка деньгами два рубля, за верблюда 1 рубль, за лошадь и корову 30 копѣекъ, барана 10 копѣекъ, за взысканіе денегъ съ каждаго рубля по 10 копѣекъ.

Ком. Утверждается.

Военныя установленія.

1. (Ул. ст. 5). *Ком.* О изложенныхъ въ семъ отдѣленіи преступленіяхъ поступать по Россійскимъ военнымъ узаконеніямъ[1]).

138.

(Ул. ст. 16). Прочіе воинскіе законы суть слѣдующіе: въ каждый нарядъ на службу являться по обвѣщенію, а кто въ срокъ не явится, таковыхъ судить и брать штрафу: съ Владѣльца девять скотинъ, съ Зайсанга четырехъ лѣтъ верблюда, съ человѣка въ обществѣ извѣстнаго четырехъ лѣтъ лошадь, съ человѣка простаго состоянія трехъ лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Два члена. Обязанъ всякій, извѣстившійся о приближеніи непріятеля, тотчасъ увѣдомить владѣльческую ставку и непремѣнно слѣдовать въ ту сторону, гдѣ непріятель; кто противъ его и въ свое время не станетъ, тотъ штрафуется, естьли Владѣлецъ, трижды девятью, Зайсангъ лучшею лошадью и четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, а рядовой воинъ четырехъ-лѣтнею лошадью.

139.

Подобному же штрафу подвергать и того, кто при возвращеніи изъ похода впередъ уѣдетъ.

---

[1]) Относится къ §§ 138—147.

140.

(Ул. ст. 18). По обвѣщеніи о пришествіи непріятеля, тотчасъ выѣзжать; а если кто не явится, налагается штрафу: съ Владѣльца девять скотинъ, съ Зайсанга двухъ четырехъ-лѣтнихъ верблюда и лошадь, съ человѣка, извѣстнаго въ обществѣ, четырехъ-лѣтъ верблюда, съ человѣка простаго состоянія четырехъ-лѣтъ лошадь; штрафъ сей отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Два члена. По учиненной публикаціи о выступленіи въ походъ, если кто въ назначенный срокъ не явится, таковой наказывается по закону — Владѣлецъ дважды девятью, Зайсангъ девятью, въ обществѣ извѣстный человѣкъ четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, а рядовой воинъ четырехъ лѣтнею лошадью.

По указу Его Императорскаго Величества командированное на службу войско, командующій Владѣлецъ, въ назначенный срокъ пріѣхавъ на сборное мѣсто, долженъ свидѣтельствовать; буде онъ въ свое время не явится, штрафовать его девятью девять, итого 81-ю скотиною; тысячнаго войска старшины штрафуются за тоже каждый четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ, сотенные начальники четырехъ-лѣтними лошадьми, а рядовые воины четырехъ-лѣтними лошадьми и 15-ю ударами плетью. Всякой Зайсангъ обязанъ съ части его слѣдуемое войско командировать поспѣшно и въ срокъ поставить на мѣсто. Буде сего не исполнитъ, за то штрафуются Зайсанги выше ста кибитокъ, аймаки имѣющіе, — четырехъ-лѣтними верблюдами, а ниже ста кибитокъ имѣющіе — лучшими лошадьми. Буде чьего Зайсанга не явятся на срокъ въ войско, то съ штрафованнаго верблюдомъ взыскивать еще четырехъ-лѣтнюю лошадь, а съ лошадью штрафованнаго Зайсанга взыскать лошадь же. Однако слѣдуетъ срокъ собранію положить соразмѣрно разстоянію мѣстопребыванія каждаго. Демичею (сборщику) за недоставленіе войска

его части на срокъ наказать 25-ю ударами и штрафовать трехъ-лѣтнею лошадью. Буде Зайсангъ командировать будетъ кого несправедливо, тотъ имѣетъ право свое объявить прежде срока и буде докажетъ оное, то съ Зайсанга взыскать ему за обиду четырехъ лѣтнюю лошадь; буде сего не учинитъ и, промедля у себя въ домѣ, пропуститъ срокъ, хотя бы онъ и справедливъ былъ, взыскать съ него Зайсангу трехъ-лѣтнюю лошадь, а самаго командировать на службу. Буде точно чередовой назначенный Зайсангомъ на службу человѣкъ, отбывая отъ службы, будетъ чинить отговорки, съ таковаго взять Зайсангу одну лошадь и, наказавъ 20-ю ударами плетью, командировать въ службу.

Кто на стражу противъ непріятеля не станетъ, съ того взять штрафу четырехъ-лѣтнихъ верблюда и лошадь.

2. (Ул. ст. 13, 69).

142[1]).

3. (Ул. ст. 14). (Повторена ст. 19-я Зинзил. постановл. объ избавленіи Владѣльца отъ непріятеля).

(Ул. ст. 68).

143.

4. (Ул. ст. 15). (Повторена 59-я ст. Зинз. постановл. о побѣгѣ съ военной службы).

Два члена. Дезертировъ, удалившихся изъ войска, наказывать по калмыцкому обряду и возвращать паки на службу. Кто же изъ таковыхъ не явится къ своему пункту, тотъ накажется двойнымъ оштрафованіемъ. Воиновъ, въ

---

[1]) Предъ этой статьей въ подлинникѣ по видимому, изложена 141-я статья, пропущенная въ спискѣ Бюлера.

отличіи и злоупотребленіи открывшихся, по мѣрѣ вины и достоинству каждаго награждать и наказывать

144.

Всѣ таковые провѣдатели бѣглецовъ должны вознаграждаться тѣмъ, чтобъ бѣглецы и передержатели оныхъ наряжаемы были въ зачетъ очереди, въ обществѣ ихъ состоящей. Сіе постановленіе должно всѣми соблюдаться безъ сопротивленія.

145.

(Повторена 74 ст. Зинзил. постановл. объ укрывательствѣ военныхъ бѣглецовъ).

146.

Отличившагося храбростію въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля вознаграждать отъ всѣхъ повинностей въ обществѣ того рода; а съ трусливымъ поступать по силѣ сего Уложенія 83 пункта и не имѣть къ нему въ улусѣ довѣрія.

5. (Ул. ст. 19). *Два члена.* На кочующихъ на границѣ людей естьли нападетъ непріятельская шайка, угонитъ лошадей, или измѣнникъ предастся непріятелю, всякой благомыслящій обязанъ ѣхать въ погоню за обоими; кто поѣдетъ, тому дать награду, а кто не поѣдетъ, того штрафовать по древнему уложенію

(Далѣе повторено мнѣніе по статьѣ 41-й Зинз. пост.: «Владѣлецъ, въ полѣ командующій . . . не имѣютъ права»).

(Ул. ст. 72 — 74).

6. (Ул. ст. 67).

7. (Ул. ст. 75).

8. (Ул. ст. 70, 71).

147.

9. Кто во избѣжаніе военной службы, состоя очереднымъ, отзовется болѣзнію, таковаго освидѣтельствовать лекарю, и буде отзывъ его дѣйствительно окажется правильнымъ, нарядить состоящаго подъ его очередью; а ежели притворно, послать на два года на службу. (Уклоняющагося болѣзнію посылать два года сряду на службу).

О дѣлахъ, относящихся до вѣры.

I. О дѣлахъ, относящихся до вѣры.

148.

1. (Ул. ст. 142)*). — Кто въ постный день убьетъ животнаго, и тотъ, кто сіе увидитъ, беретъ умерщвленное себѣ; а того, кто сіе сдѣлалъ, бьетъ, не нанося однакоже на тѣлѣ знаковъ, и на того, кто побьетъ, штрафу не налагать.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ отмѣненіемъ побой.

149.

2. Каждый человѣкъ три дни въ мѣсяцъ обязанъ поститься и соблюдать восемь запрещенныхъ заповѣдей, читать всегда, какія знаетъ, молитвы со тщаніемъ и благоговѣніемъ, и животныхъ не убивать въ постные дни.

150.

Кто по обѣщанію не соблюдетъ по уставу положенныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ три дни поста съ восемью запрещенными заповѣдями, на того налагается штрафъ: съ Владѣльца четы-

---

*) Конецъ этой статьи: «сіе запрещеніе учинено» и проч. помѣщенъ здѣсь не въ текстѣ, а въ выноскѣ.

рехъ лѣтъ лошадь, съ знатнаго человѣка четырехъ лѣтъ барана, съ человѣка посредственнаго званія три рубля, а съ человѣка низкаго состоянія 10 копѣекъ, съ удареніемъ послѣдняго трижды по щекамъ; собранныя же за сіе деньги употребить на общественные по улусу расходы.

Два члена (по статьямъ 149 и 150). Изъ подлыхъ людей, кто пожелаетъ возложить на себя эпетемію для соблюденія трехъ мацаковъ (т. е. постовъ), бывающихъ 8, 15 и 30 числъ въ каждомъ мѣсяцѣ, долженъ быть твердъ; нарушителей штрафовать — вельможей трехълѣтнею лошадью, обществу извѣстныхъ пятью рублями и по щекамъ пятью ударами, простолюдиновъ двумя рублями и семью ударами по щекамъ. Повелѣвается всѣмъ и каждому заниматься молитвою, сколько можно будетъ усерднѣе; въ день поста никто не долженъ убивать животное, — кто осмѣлится учинить сіе, позволяется тому, кто увидитъ, животное взять, самаго его бить, не вредя членовъ, и не боясь за то штрафа[1]).

Ком. (по статьямъ 149 и 150). Оставить въ своей силѣ, съ отмѣненіемъ побой.

II. О дѣлахъ, относящихся до брака.

151.

1. (Ул. ст. 46) Женщина, привезшая въ гостинецъ вино или барана, полученное ею отъ родственниковъ не вмѣнять въ подарки; а ежели будутъ оные извѣстны и значительны, то на случай разводной съ мужемъ возвращается ей половина.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

---

[1]) Статьи 149 и 150 развиваютъ каноническія правила, изложенныя въ 4-й статьѣ Дербетевскаго устава См нѣмецкій текстъ устава 1640 года, ст. 148.

152.

(Ул. вторая половина статьи 47-й: «каждую дѣвку надлежитъ отдавать отъ 14 лѣтъ и свыше»—до конца).—Отецъ или мать дочь свою должны выдавать въ замужество 15 лѣтъ и далѣе, и женихъ можетъ оную брать, а недостигшую до сихъ лѣтъ ждать, а кто преступитъ сего постановленія, того штрафовать.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

153.

(Къ той же статьѣ уложенія). Ежели отецъ или мать или родственники выдадутъ въ замужство принужденно дѣвицу, не достигшую 15-ти лѣтъ, за то съ отца или матери ея взыскать штрафу двѣ четырехлѣтнія лошади и одну трехъ лѣтъ рогатую скотину. Штрафъ сей отдавать на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ

154.

(Къ той же статьѣ уложенія) Ежели женихъ и его отецъ, мать и родственники, при сильномъ настаиваніи, возмутъ дѣвицу, не достигшую 15 лѣтъ, за то взыскать штрафу: съ отца женихова пять скотинъ; а ежелижъ женихъ самъ собою возметъ дѣвицу насильнымъ образомъ, взыскать съ него пять же скотинъ и наказать 25-ю ударами. Штрафъ, взятый съ жениха, возметъ невѣстинъ отецъ или мать.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

2. *Два члена.* (По той же статьѣ о ежегодной женитьбѣ изъ 40 кибитокъ 4-хъ человѣкъ). Изъ числа 40 кибитокъ каждогодно должны два молодые человѣка жениться.

Ком. (По тому же предмету). Допустить по содержанію уложенія мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы изъ 40 кибитокъ ежегодно

женить двухъ человѣкъ холостыхъ съ издержками отъ общества, не возбраняя впрочемъ жениться и большему количеству, но безъ издержекъ общественныхъ.

3 (Ул. ст. 49).—*Ком.* Допустить въ своей силѣ

4. (Ул ст. 50).—*Ком* Оставить въ своей силѣ.

5. (Ул ст. 51).—*Ком.* Оставить въ своей силѣ.

6. (Ул. ст. 52).—*Ком.* Допустить по содержанію уложенія Мунгулинскихъ (Мунгальскихъ?) и Калмыцкихъ народовъ съ тѣмъ, что жена и дѣти его должны непремѣнно слѣдовать съ нимъ повсюду, безъ всякаго ихъ выкупа.

155.

7. (Ул. ст. 53).—(Повторена 51 ст. Зинз. пост.—объ усыновленіи дѣвицы).

Ком. Допустить въ своей силѣ.

8 (Ул. ст. 54).—*Ком.* Утвердить въ своей силѣ.

156

9. (Ул. ст. 146).—Ежели кто приметъ къ себѣ въ домъ какого человѣка, оженитъ его на своей дочери или воспитанницѣ или рабынѣ, и тотъ принятый пожелаетъ наконецъ отъ него отойти, въ томъ да будетъ его воля; сыновей можетъ взять съ собою, а жену и дочерей можетъ оставить

157.

(Къ той же 146-й ст. ул.). Кто учинитъ насильственное прелюбодѣяніе съ замужнею женою, съ таковаго взыскать штрафу: трехъ лѣтъ рогатую скотину, четырехъ-лѣтъ лошадь и четырехъ лѣтъ барана и наказать виновнаго 50-ю ударами. Штрафъ сей отдавать ея мужу.

Ком. (По 156 и 157 ст. Зинз. пост.). О дѣвицѣ, назначенной въ приданое за владѣльческою

дочерью, поступать, какъ сказано въ семъ уложеніи (т. е. старомъ?), а относительно увоза у мужа жены, то ежели поступокъ сей будетъ учиненъ съ обоюднаго согласія, въ такомъ случаѣ предоставить разсматривать духовной власти. Буде же таковой увозъ у мужа жены учиненъ будетъ насильственно, тогда виновнаго предавать уголовному суду; мѣна же женами или замѣнъ чужою женою существовать ни въ какомъ случаѣ не должно. Прочее же все оставить въ своей силѣ.

10. (Ул. ст. 126).—*Два члена.* Буде кто по несогласію съ женою захочетъ отпустить ее, въ томъ поступить по древнему уложенію.

Ком. Предоставить разбору духовной власти.

11. (Ул. ст. 36)[1]. *Ком.* Оставить въ своей силѣ.

12. (Ул. ст. 44).—*Ком.* Уголовное.

158.

13. Хотя дѣтямъ женскаго пола наслѣдства давать не опредѣляется, но при выдачѣ въ замужство тѣ, кто получили имѣніе, обязаны обще снабжать нужнымъ приданымъ, соотвѣтственно роду ея происхожденія, по состоянію и возможности[2]).

Ком. Допустить въ своей силѣ.

159.

14. [3]). Ежели кто растлитъ невинную дѣвицу насильственнымъ блудодѣяніемъ, то виновника отдавать своему суду для произведенія изслѣдованія, и по открытіи истины жестоко штрафовать, наказавъ 50-ю ударами, взыскать девять скотинъ,

---

[1]) Правило, выработанное по этой статьѣ Зинз собраніемъ, изложено выше, подъ 132 ст

[2]) Повт. подъ ст 162.

[3]) Статьи 159 и 160 дополняютъ 92 ст улож. 1640 г.

изъ коихъ шесть отдать отцу дѣвицы, а три обратить на издержки, по производству сего употребленныя; а виноватому велѣть дѣвицу взять въ замужство [1]).

Ком. Представить разсмотрѣнію духовной власти [2]).

160.

Ежели дѣвица по любовнымъ связамъ отъ кого либо будетъ беременна, и то по суду подвердится, тогда учинившаго съ нею любодѣяніе не штрафовать и не наказывать, а велѣть взять ее въ замужство, такъ какъ сіе случилось по обоюдной между ими любви.

161.

15. Ежели отецъ или мать выдадутъ дочь свою въ замужство за противнаго ея мыслямъ жениха, и она, то обнаруживъ, выдетъ за того жениха, котораго полюбитъ, съ сего послѣдняго никакого иска не полагается, а отца и мать ея штрафовать по закону; ибо правила бракосочетанія повелѣваютъ родителямъ при выдачѣ въ замужство спрашивать желанія дочери, за кого она будетъ согласна выдти, и тогда уже брать калымъ (взыскивать штрафъ съ жениха вдвое противу имъ взятаго и отдать на призрѣніе бѣдныхъ).

Ком. Оставить въ своей силѣ съ уничтоженіемъ предположеннаго штрафа съ родителей.

III. О наслѣдствѣ.

1. (Ул. ст. 45) [3]). *Ком.* Оставить въ своей силѣ по уложенію мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ.

---

[1]) Повт. подъ ст. 218

[2]) Подъ 218 ст дана иная резолюція.

[3]) См. выше 52 ст. Зинв. постановл.

162.

2. (Повторена 158 ст. Зинз. пост. — объ отношеніи дочерей къ наслѣдству и о приданомъ).

163.

3. Ежели овдовѣвшая женщина послѣ мужа не имѣетъ сыновей, а будутъ при ней дочери, таковую по древнему калмыцкому закону отсылать къ родственникамъ, отдавъ подлежащее ей имѣніе; а ежели имѣетъ сыновей, то оные по праву имѣніемъ отца наслѣдуютъ.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

4. *Два члена.* Наслѣдникъ мужеска пола получаетъ удѣлъ свой по совершеннолѣтіи. Старшій сынъ беретъ удѣлъ съ излишествомъ. Бездѣтный кого усыновитъ, тому и наслѣдовать въ его имѣніи, а естьли послѣ усыновленія родится братъ ему, съ нимъ раздѣлить оное по равной части.

Ком. Оставить въ своей силѣ.

164.

5. (Повторена ст. 49 Зинз. пост. объ усыновленіи и наслѣдственныхъ правахъ усыновленнаго).

6. (Ул. ст. 59). *Ком.* Уголовный.

(Ул. ст. 60).

IV. О долгахъ.

1. (Ул. ст. 90). *Ком.* Коммиссіею постановленіе уже сдѣлано (?).

(Ул. ст. 161).

V. О дѣлахъ по скотоводству.

1. (Ул. ст. 89). *Ком.* Утвердить.

165.

2. (Ул. ст. 91). Ежели къ кому въ стадо придетъ сторонній скотъ, тогда хозяинъ онаго обязанъ три дни чинить публики; а послѣ публики долженъ представить тотъ скотъ Кирчѣ*), а буде не исполнитъ того, и будетъ на томъ скотѣ ѣздить, съ таковаго взыскать штрафу трехъ лѣтъ кобылу. Ежели же положитъ на тотъ скотъ тавро, тогда взыскать съ него штрафу 9 скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью. Штрафы сіи употреблять на призрѣніе бѣдныхъ.

166.

(Къ той же 91 ст. Ул.). Кто поймаетъ чужой скотъ, долженъ отдать подъ наблюденіе Кирчѣ, а ежели не доставитъ оный, съ таковаго взыскать вдвое найденнаго скота. Когда же въ теченіи трехъ-годичнаго времени тому скоту хозяина не окажется, тогда оный продать и вырученныя деньги отдать на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. (по ст. 165 и 166 Зинз. пост.). Утвердить въ полной силѣ, со включеніемъ постановленія, въ Зинзиляхъ сдѣланнаго, съ тѣмъ, чтобъ за первое воровство подвергать штрафу, а за послѣдующія наказывать отъ 5-ти до 25-ти ударовъ.

167.

3. (Ул. ст. 148). Кто у кого опознаетъ краденный свой скотъ или имѣніе и вещи, а тотъ, у кого найдено, покажетъ, что онъ купилъ, но продавца того не признаетъ, а будетъ

*) Опредѣленный Владѣльцомъ для храненія подобнаго рода скота.

представлять извѣстныхъ людей свидѣтелями, но за всѣмъ тѣмъ хозяинъ долженъ поличное получить, а тому, у кого опознато, предоставить сыскать продавца.

Ком. Утвердить.

4. (Ул. ст. 149). *Ком.* Утвердить.
5. (Ул. ст. 143 и 93). *Ком.* Утвердить.
6. (Ул. ст. 37). *Ком.* Утвердить.
7. (Ул. ст. 57). *Ком.* Уничтожить.
8. (Ул. ст. 61). *Ком.* Уничтожить.
9. (Ул. ст. 62). *Ком.* Уничтожить.
10. (Ул. ст. 63). *Ком.* Оставить въ своей силѣ.
11. (Ул. ст. 64). *Ком.* Уничтожить.
12. (Ул. ст. 118). *Ком.* Утвердить, а въ случаѣ умышленнаго убивства предавать сужденію суда Зарго́.
13. (Ул. ст. 128). *Ком.* Утвердить.
14. (Ул. ст. 145). *Ком.* Утвердить.

168.

15. (Ул. ст. 108). Естьли кто спасетъ скотъ, волками разогнатый или отъ бури, мятели и дождя разсѣянный, или утопшій въ грязи и колодцѣ, таковаго награждать по мѣрѣ спасеннаго имъ скота.

Ком. Оставить въ своей силѣ, съ дополненіемъ къ сему мнѣнія, въ Зинзиляхъ положеннаго.

16. (Ул. ст. 163). *Ком.* Утвердить.

17. *Два члена.* Найденный скотъ должно объявить стряпчему и представлять въ ставку Владѣльца. Кто сего не исполнитъ, штрафовать его трехъ-лѣтнею лошадью на потребу Владѣльца; доказателю утайки дать по 5-ти рублей съ каждой утаенной скотины. О найденномъ скотѣ публиковать трое сутокъ и потомъ, естьли можно, въ тотъ же день представить оной по порядку и смотря по раз-

стоянію мѣста. Кто найденный скотъ установленнымъ порядкомъ опубликуетъ, тому дать опредѣленную награду.

Ком. Утвердить.

18. *Два члена.* По учиненной публикѣ о найденномъ скотѣ, ни стряпчій и ниже кто изъ знатныхъ не можетъ отзываться невѣденіемъ, ибо скотъ приведя къ владѣльческой ставкѣ, какъ требуетъ того порядокъ, должно публично объявить и хранить до времени. Буде сіе учинено не будетъ, то стряпчій и знатные оштрафуются трехъ-лѣтними лошадьми.

Ком. Утвердить.

VI. О дѣлахъ по ловлямъ и промысламъ.

1. (Ул. ст. 107). *Ком.* На счетъ убивства до смерти человѣка отъ поставленнаго самострѣла, судить общимъ уголовнымъ судомъ; а по убивству скота отъ того же самострѣла, то оное утвердить.

2. (Ул. ст. 129). *Два члена.* (Повторено мнѣніе по 34 ст. Зинз. пост.: «мѣсто, охраняемое для кочевья... не штрафовать безъ изслѣдованія»).

Ком. Утвердить.

(Ул. ст. 130, 131, 132). *Ком.* Утвердить.

3. (Ул. ст. 133). *Два члена.* Кто поймаетъ упущенную ловчую птицу, тотчасъ имѣетъ оную представить въ ставку Владѣльца; за то, естьли птица ловитъ лебедей, наградить его четырехъ-лѣтнею лошадью; за прочія птицы награду чинить по достоинству. Естьли птица, которая ловитъ лебедей, будетъ другихъ людей, кромѣ Владѣльца, заплатить за нее трехъ-лѣтнюю лошадь.

Ком. Утвердить.

4. (Ул. ст. 75—79). *Ком.* Подходитъ подъ общее уголовное законоположеніе. Ктожъ на охотѣ застрѣ-

литъ лошадь, то назначенный древнимъ уложеніемъ штрафъ утвердить.

VII. О играхъ и пиршествахъ.

1. *Два члена.* Три въ году торжественные праздника, именуемые Урюсь въ Маіѣ, Цаганъ въ Февралѣ и Зуло въ Ноябрѣ, въ каждый по три дни можно играть въ карты на свои деньги для одного только удовольствія; въ прочіе же играть запрещается. Въ противность чего кто въ домѣ своемъ позволитъ играть, у того взять съ съ кибитки орко (верхнее покрывало) и котелъ,—самаго наказать 25-ю ударами плетью, и весь его доходъ уничтожить. Кто о семъ докажетъ, тому дать четырехълѣтнюю лошадь; игрокамъ же учинить наказаніе по 25 ударовъ, и съ каждаго взыскать въ пользу доказателя по одной четырехъ-лѣтней лошади.

Ком. Для обузданія страсти отъ карточной игры, между калмыцкимъ народомъ сильно укоренившейся, можно сіе допустить.

VIII. О дѣлахъ врачебныхъ.

1. (Ул. ст. 109). *Ком.* Утвердить.
2. (Ул. ст. 110). *Ком.* Утвердить.

IX. О убійствахъ намѣренныхъ

1. (Ул. ст. 8). *Ком.* Всѣ дѣла, по уголовнымъ преступленіямъ у калмыкъ происходящія, судить общими Россійскими законами, то и оставить оныя безъ всякой перемѣны.

2. (Ул. ст. 41).
3. (Ул. ст. 43).
4. (Ул. ст. 44).
5. (Ул. ст. 42).
6. (Ул. ст. 125).
7. (Ул. ст. 59).
8. (Ул. ст. 60).
9. (Ул. ст. 95).

X О убійствахъ ненамѣренныхъ и о средствахъ къ собственной защитѣ.

1. (Ул. ст. 29). *Ком.* Статьи сіи, какъ уголовныя, должны подходить подъ общее законоположеніе[1]).

169.

2. (Ул. ст. 76). Ежели случится кому вражескимъ дѣйствіемъ нечаянно и неумышленно убить человѣка, или тотъ, кто зналъ на себя покушеніе, къ охраненію своей жизни убьетъ человѣка, съ тѣми поступать, какъ ниже сего положено по калмыцкому закону.

Два члена. Буде кто, стрѣляя звѣря или птицъ изъ ружья пулею или изъ лука стрѣлою, убьетъ безъ умысла и безъ всякой злобы нечаянно человѣка или скотъ и въ томъ оправдаетъ себя яснымъ свидѣтельствомъ, не штрафовать его, а взыскать только то, что слѣдуетъ въ пользу ближнихъ.

170.

Кто, стрѣляя звѣря въ поставленную мишень какимъ нибудь оружіемъ, и та пуля перелетитъ чрезъ бугоръ или чрезъ какое нибудь защищенное мѣсто и убьетъ человѣка, или кто

[1]) Заключеніе Ком. относится къ 169—178 статьямъ Зинз. постан.

нечаяннымъ образомъ и безъ намѣренія убьетъ человѣка дубинкою или камнемъ или другимъ чѣмъ нибудь, а тотъ съ тѣмъ убитымъ между собою вражды и худыхъ замысловъ не имѣлъ, и эта истина подтвердится, таковаго неумышленнаго убійцу не наказывать и въ тюрму не сажать.

171.

3 (Ул. ст. 103). (Повторена 85-я ст. Зинз. пост. объ убійствѣ въ дракѣ скопишемъ).

172.

4. Ежели кто выстрѣлитъ изъ ружья въ непозволенномъ мѣстѣ, или, знавши, гдѣ много ходитъ людей, ружье пристрѣлитъ и тѣмъ кого ранитъ, или, заряжая ружье пулею, неосторожнымъ выстрѣломъ убьетъ человѣка, таковаго хотя бы и не должно заподлинно почитать, что онъ нарочно убилъ, но какъ онъ зналъ, что тою дорогою могутъ проходить люди, а онъ стрѣлялъ или пристрѣливалъ изъ ружья такъ не осмотрительно, за то его обвинять; для чего поставить его на покаяніе, съ подтвержденіемъ впредь сего не производить, и по мѣрѣ вины штрафовать и наказывать (взыскать девять скотинъ въ пользу родственниковъ убитаго).

173.

5. (Повторена 84 ст. Зинз. пост. объ убійствѣ грабителя, при нападеніи на домъ).

174.

6. (Повторена 107 ст. Зинз. пост. объ убійствѣ хищника, во время погони за нимъ).

175.

7. (Повторена 69 ст. Зинз. пост. о неумышленномъ убійвсѣ,т въ пьяномъ видѣ).

8. (Повторена 70 ст. Зинз. пост. о самоубійствѣ).

176.

9. При нападеніи на жизнь есть два охранительныя правила, одно къ защитѣ жизни, другое къ покушенію на жизнь, напримѣръ: кто начнетъ кого нибудь поносить и ему тѣмъ же въ защиту себя соотвѣтствовать. Ежели начиньщикъ при поношеніи подыметъ какое оружіе, равно и тому должно къ оборонѣ своей жизни поднять таковое же; а кто безъ оружія кого будетъ поносить, тому тѣмъ же возмѣрять. Сверхъ сего, постановляется къ наблюденію, когда кто кого руками побьетъ и сила его будетъ превозмогать, тогда обиженный и оружіемъ можетъ защищать свою жизнь, ибо угрозы и побои одинаково вредятъ жизни и навлекаютъ опасность; слѣдовательно, нужно всякими мѣрами обороняться.

177.

Надобно оборонять жизнь въ необходимыхъ случаяхъ, напримѣръ: когда справедливость потребуетъ произвесть дѣйствіе по горячимъ слѣдамъ, дабы тѣмъ отклонить предстоящую опасность вражды со стороны нащинщика злодѣянія, который вовлекли въ смятеніе; еслибъ самъ между тѣмъ отъ обиженнаго спасся бѣгствомъ, а тотъ обиженной, въ погонь за нимъ преслѣдуя, его умертвитъ, тогда поступокъ сего послѣдняго признавать беззаконнымъ и къ оборонѣ жизни несвойственный (несвойственнымъ?), потому что преслѣдователь не въ правѣ уже былъ на того начинщика нападать, какъ бы защищая свою жизнь, а учинилъ убійство сіе изъ одного мщенія.

178.

Другое средство при нападеніи къ защищенію самаго себя, напримѣръ: когда кто кого неправильно сильною рукою обидитъ, а сей напротивъ того переносилъ терпѣливо, изыскивая безопасныя средства къ своей жизни, дабы не произошло

смертнаго убійства; а ежели паче чаянія и за всею таковою терпѣливостію обижаемый предвидитъ знаки, устрашающіе его жизнь гибелью, чего далѣе нельзя будетъ сносить и оставлять, въ тоже время сама справедливость не запрещаетъ ожидать отъ того врага прежнихъ побой и произносимыхъ угрозъ; ибо послѣ прежнихъ побой близкое средство тому врагу завести ссору, къ затмѣнію сего и защитѣ себя. Но ежели въ противность установленныхъ правилъ, по небреженію и безпечности, не доведя о семъ до суда за всѣми имѣвшимися къ тому способами, кто убьетъ человѣка, защищая свою жизнь, таковое преступленіе разсматривать суду и преступника, посадя въ тюрьму, наказывать не кнутомъ, а жесточаѣ того, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ его вина.

XI. О грабежахъ и разбояхъ.

1. (Ул. ст. 1). *Ком.* Грабежи и разбои по общему законоположенію должны судимы быть уголовнымъ порядкомъ.
2. (Ул. ст. 2).
3. (Ул. ст. 6).

4. *Два члена.* (Повтор. мнѣніе по 80 ст. Зинз. постановл.: «Буде воры сдѣлаютъ нападеніе и оружіемъ причинятъ людямъ раны... а за холостые выстрѣлы взять по четырехъ-лѣтней лошади за каждый»).

Затѣмъ прибавлено:

Съ разбойниками поступать такъ: штрафовать ихъ и, наказавъ по закону, взыскать каждому изъ ограбленныхъ ими людей ту цѣну, каковая положена платить за человѣка.

XII. О бѣглыхъ и укрывателяхъ ихъ.

1. (Ул. ст. 3 и 7). *Ком.* Бѣглые и укрыватели ихъ должны быть судимы общими законами[1]).

179.

2. (Ул. ст. 10)[2]). Всѣхъ тѣхъ людей, кои обнаружатся въ передержательствѣ бѣглецовъ, предавать Россійскому суду.

Два члена. Кто будетъ скрывать калмыка, тотъ оштрафуется по своему уложенію, а русскаго утаитъ, преданъ будетъ Россійскому суду.

3. (Ул. ст. 55, 56).

180.

4. (Ул. ст. 104). Ежели кто злоумышленнику и бѣглому для воровства способствуя, дастъ лошадь и снабдитъ на содержаніе, съ того взыскать штрафу девять скотинъ*) и наказать 25-ю ударами плетью.

181.

(Ул. ст. 105). Естьли бѣглый или воръ, живучи у кого въ домѣ, оставитъ имѣніе и скотъ, и тотъ, у кого проживалъ, утаитъ, за то взять съ него девять скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью; взысканный же скотъ отдать на общественныя надобности

5. (Ул. ст. 125).

182.

(Ул. ст. 164). Кто поймаетъ бѣглаго человѣка, тотъ долженъ представить его къ Владѣльцу или Зайсангу, а сіи обязаны препроводить по дистанціи, куда слѣдуетъ.

---

[1]) Заключеніе Ком. относится къ 179—184 ст. Зинз. постан.

[2]) Эта статья Ул. приведена также подъ 28 ст. Зинз. пост. (п. 5), съ резолюціей Коммиссіи: «уголовный».

*) Верблюда, четыре четырехъ лѣтъ лошади, три трехъ-лѣтнія рогатыя скотины и барана.

183.

6. (Повторена 38 ст. Зинз. пост. объ откочевавшихъ бѣглецахъ).

Ком. Подъ общій законъ[1]).

184.

7. (Повторена 59 ст. Зинз. пост. о побѣгѣ съ военной службы).

Ком. За передержательство дезертировъ подлежатъ военному суду[2]).

XIII. О воровствѣ.

185.

1. Три случая воровства, именно: первый — явный грабежъ, второй — тайное воровство и третій — мошенничество съ обманомъ.

Ком. Предположеніе, въ Зинзиляхъ постановленное, чтобъ за всякое воровство и мошенничество производить начальное изслѣдованіе въ своемъ судѣ, а потомъ отсылать въ россійское судебное мѣсто, утвердить.

186.

Явное воровство и грабежъ: ежели кто кого на сухомъ пути или на водѣ, въ лодкѣ ѣдущаго, остановитъ, угрожая какимъ нибудь оружіемъ или рукой и другимъ чѣмъ нибудь,

---

[1]) По 38 ст. дана резолюція «допустить», что явно противорѣчитъ резолюціи по 183 статьѣ.

[2]) См. 143 ст Зинзил. пост., гдѣ изложено мнѣніе двухъ членовъ по тому же предмету.

или, стращая словами, потащитъ, толкнетъ, уронитъ и возметъ, или угрозами насильно отъиметъ, или во время пожаровъ или погибели на водяномъ пути или тому подобныхъ случаяхъ, чѣмъ нибудь воспользуется, или въ темную ночь ограбитъ, или отъиметъ деньги, сниметъ платье, или съ судна и повозки возметъ какое нибудь имущество.

Тайное воровство: кто безъ согласія хозяина возметъ имѣніе, ему не принадлежащее, или скотъ, или украдетъ деньги и скотъ, или какія вещи скроетъ, продастъ, смѣняетъ или передѣлаетъ, или за долгъ отдастъ, и тому подобнымъ образомъ для своей выгоды воспользуется.

187.

Воровство мошенническое съ обманомъ: кто кого среди базара, рынка или другаго сборнаго мѣста, хитрымъ умысломъ, обманетъ или самовольно что нибудь украдетъ, или испугая мгновенно что отыметъ и убѣжитъ, или у платья полу обрѣжетъ, или сорветъ часы, или саблю отыметъ, или, за купленное не заплатя денегъ, сокроется, или нарочито для обмана передѣлаетъ какую вещь, или что нибудь несоразмѣрно продастъ, словомъ сказать — нарочно и ложно всякое не принадлежащее называя своимъ, безъ согласія хозяина, присвоитъ.

188.

Изъ трехъ сихъ случаевъ, по первому — естьли какой воръ учинитъ явный грабежъ и насиліе, угрожая кому нибудь оружіемъ, что нибудь возметъ и будетъ пойманъ и обличенъ, о томъ производить слѣдствіе въ своемъ судѣ и, по изысканіи истины, отсылать въ Россійское судебное мѣсто; по прочимъ же двумъ обстоятельствамъ — о тайномъ воровствѣ и мошенничествѣ съ обманомъ, производить сужденіе, взыски и наказанія по своимъ узаконеніямъ[1]).

[1]) Положеніе Ком., изложенное подъ 185 ст. Зинз. пост., относится собственно къ 188 ст. См. мнѣніе двухъ членовъ и резолюцію Коммиссіи по 72 ст. Зинз. пост.

2. (Ул. ст. 106 и 135). *Два члена.* Кто украдетъ ловчую птицу или собаку, взыскать съ него таковыхъ же пять, покраденная птица и собака, что ловитъ и какова-го достоинства, по тому примѣру учетверить взысканіе.

Ком. Положенный штрафъ по древнему уложенію за кражу разныхъ вещей въ сей статьѣ поименованныхъ, утвердить, исключая отрѣзанія перста. Средство сіе признается необходимымъ, ибо случаи разнаго воровства между кочеваго народу почти всегдашнія; отсылать же ихъ къ суду значитъ обременять судебныя мѣста множествомъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ налагать на виновнаго наказаніе свыше мѣры сдѣланнаго имъ преступленія.

189.

3. (Ул. ст. 123) Кто увидитъ воровъ и разбойниковъ и никому о томъ не объявитъ, съ того взять штрафу одного четырехъ-лѣтняго верблюда и наказать при публикѣ 25-ю ударами. А ежели то учинитъ Владѣлецъ, взять съ него девять скотинъ*); а съ Зайсанга четырехъ лѣтъ верблюда, четырехъ лѣтъ лошадь и трехъ лѣтъ рогатую скотину. Штрафы сіи употреблять на призрѣніе бѣдныхъ.

Ком. Утвердить по сей статьѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ положеннымъ.

190.

(Въ началѣ повторена 100-я ст. Зинз. пост., составленная въ отмѣну 123 статьи на тотъ случай, когда «кто изъ партіи воровъ явится и обнаружитъ о учиненномъ преступленіи»).

Ежели кто, собравъ себѣ партію, отобьетъ у кого пойманнаго вора, съ таковаго и участвовавшихъ въ томъ взыскать

*) Верблюда, четырехъ лѣтъ четыре лошади, три трехъ лѣтъ рогатыя скотины и барана.

штрафу по пяти скотинъ съ каждаго на призрѣніе бѣдныхъ и наказать по 50-ти ударовъ плетью[1]).

(Затѣмъ повторены статьи 40 и 35 Зинз. пост. — о защитѣ вора Зайсангомъ и Владѣльцемъ)[2]).

4. (Ул. ст. 17). *Ком.* Утвердить.

5. (Ул. ст. 9). *Ком.* За кражу скота предоставить, по Учрежденію калмыцкаго народа § 35, окончательному разсмотрѣнію суда Зарго́.

191.

6. (Ул. ст. 119). Кто, опознавши чужую скотину, назоветъ своею, возметъ и присвоитъ, и въ томъ окажется ошибка, отдать таковой скотъ вдвое и мошенника наказать 20-ю ударами плетью. А естьли кто напрасно учинитъ приклепъ, того подвергать разному взысканію и наказанію.

Ком. Утвердить вмѣстѣ съ мнѣніемъ, по статьямъ симъ въ Зинзиляхъ постановленнымъ[3]).

192.

7. (Ул. ст. 122). Кто у воровъ отобьетъ скотъ, таковаго хозяинъ, смотря по количеству скота, долженъ награждать.

8. (Ул. ст. 89). *Ком.* Утвердить.

9. (Ул. ст. 148). *Ком.* Утвердить.

10. (Ул. ст. 163). *Ком.* Утвердить.

---

[1]) Статья эта замѣняетъ вторую половину 123 ст. Улож. 1640 г.: «А буде кто, собравъ» и пр. Въ рукописи эта статья, по ошибкѣ, вписана въ первомъ отдѣлѣ, гдѣ изложены статьи Ул. 1640 г.

[2]) Тамъ же вписаны и эти статьи.

[3]) Относится къ 191 и 192 ст. Зинз. пост.

193.

11. (Ул. ст. 121). Кто зарѣзанную скотину найдетъ и, никому не объявя, возметъ и употребитъ въ пищу, съ таковаго взыскать вдвое пайденной скотины и отдать хозяину той скотины.

Ком. Утвердить съ дополненіемъ мнѣнія, въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленнаго.

194.

(Повторена 77-я ст. Зинз. пост. — о подбрасываніи мертваго тѣла и пр).

195.

12. (Ул. ст. 113). Ежели у вора недостанетъ на уплату иска скота или имѣнія, тогда взыскать законнымъ порядкомъ съ того, кто съ нимъ участвовалъ въ воровствѣ.

Два члена. Буде воръ не имѣетъ дать за вину, взыскать съ него четырехъ-лѣтнихъ верблюдовъ четыре, а буде не имѣетъ оныхъ, взыскать по справочной цѣнѣ деньги.

Ком. Утвердить мнѣніе, въ Зинзиляхъ постановленное[1]).

13. (Ул ст. 147) *Ком.* Смотря по степени воровства, и штрафу и наказанію подвергать[2]).

196.

14. (Ул ст. 156). (Повторена 78-я статья Зинз. пост. объ обличеніи въ трехъ кражахъ).

Два члена (Въ началѣ повторено мнѣніе по 72 статьѣ Зинз. пост.). Изобличеннаго вора наказать прежде оштра-

---

[1]) См. положеніе Ком подъ 111 ст. (п. 7)

[2]) Ср. 45 — 48 ст. Зинз пост.

фованія; буде упустятъ его до наказанія подъ защиту важныя особы, за то съ стряпчаго, какъ точнаго начальника стражи, и наказаніи, взять штрафъ на владѣльческую ставку трехъ-лѣтняго верблюда.

Ком. По § 35 Учрежденія о калмыкахъ (т. е. «Правилъ Высочайше утвержденныхъ 10 марта 1825 г.), воровство-мошенничество не свыше 400 руб. и не болѣе трехъ разъ предоставляется разсмотрѣнію суда Зарго. Мнѣніе же двухъ членовъ, въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленное, уничтожить[1]).

Два члена. Изобличеннаго вора имущество естьли недостанетъ на платежь иска, отдать по цѣнѣ жену и дѣтей его; сихъ естьли не будетъ достаточно, учинить взысканіе съ сосѣдей; естьли и тѣмъ не наполнится претензія, то уплатить имѣютъ однородцы его.

Ком. Неимущество вора долженъ свидѣтельствовать ясашный сборщикъ, съ подтвержденіемъ отъ общества, а вора отдать хозяину украденнаго въ заработку вдвое[2])

Два члена. (Повторено мнѣніе по 40-й ст. Зинзилин пост.: «Буде Зайсангъ своего аймашнаго... взыскать сполна въ удовлетвореніе истца»).

Ком. Уничтожается.

197.

15. (Повторена 111-я ст. Зинз. пост. о взысканіи исковъ и убытковъ по воровству).

Ком. Утверждается.

16. *Два члена.* Изъ подаянія въ монастырь естьли кто лучшій скотъ перемѣнитъ худшимъ, таковаго штрафовать, выключая барана, девятью скотинами, а того,

---

[1]) Подъ 72 ст. дана Комиссіей иная резолюція.

[2]) См. резолюцію Ком. по 7 п. 111 ст. Зинз. пост

кто изъ онаго что похититъ, наказать по закону, какъ настоящаго вора.

Ком. Утвердить.

17. *Два члена.* Кто,. вора поймавъ, представитъ въ ставку Владѣльца, тому позволяется взять все при немъ имѣющееся и въ награду получить четырехъ-лѣтняго верблюда. А кто, вѣдая воровство, скроетъ, того наказать 25-ю ударами и штрафовать четырехъ-лѣтнимъ верблюдомъ въ пользу владѣльческой ставки; доказателю же взять съ вора четырехъ-лѣтнюю корову.

Ком. Утвердить.

198.

18. Кто, съ обличеннымъ воромъ скрытно примирясь, получитъ искъ, и то обнаружится, съ таковаго взыскать обратно тотъ скотъ, который взятъ у вора, и отдать въ пользу общественныхъ расходовъ, и наказать 25-ю ударами плетью; доказателю же сего дать четырехъ-лѣтняго верблюда.

Два члена. Буде кто изъ истцовъ съ изобличеннымъ воромъ примирится и тайно возметъ съ него искъ свой, таковыхъ вора наказать по закону и штрафъ съ него взысканный употребить на надобности Владѣльца, а самаго истца наказать за то 50-ю ударами и претензію его уничтожить.

Ком. По сей статьѣ, согласно мнѣнію двухъ Владѣльцевъ изъясненному, утвердить; только смотря по мѣрѣ преступленія наказать не болѣе, какъ отъ 5 до 20 ударовъ, а взысканный штрафъ употребить по надобности общества.

199.

19. (Повторена 80 ст. Зинз. пост. съ мнѣніемъ двухъ членовъ о кражѣ чужаго человѣка).

Ком. Судить общими законами, на сей случай составленными.

20. *Два члена.* Со всякимъ похитителемъ товаровъ цѣною выше одного рубля поступать по вышеписанному законоположенію, соблюдать всегда мѣру, опредѣленную штрафомъ, претендателю искъ удвоить и дать ему же овцу на сожженіе и человѣка на услугу, Богамъ на жертву трехъ-лѣтнюю лошадь, Владѣльцу верблюда, судьѣ четырехъ-лѣтнюю корову, свидѣтелю четырехъ-лѣтнюю лошадь, посланцу трехъ-лѣтнюю лошадь, палачу трехъ-лѣтнюю же лошадь, мѣстному старшинѣ верблюда; судьямъ, рѣшившимъ дѣло, взять по старшинству достоинствъ[1]).

Ком. Утвердить.

21. *Два члена.* (Повторено мнѣніе, изложенное по 40 ст. Зинз пост.: «По спорному о воровствѣ дѣлу Зайсангъ... долженъ предать закону»).

Ком. По мѣрѣ преступленія и наказаніе полагать, какъ въ подобныхъ статьяхъ опредѣляется[2]).

200.

22. (Повторена 86-я статья Зинз. пост. о хищничествѣ или угонѣ скота).

Два члена. (Повторено мнѣніе, изложенное по 78 ст. Зинз. пост.: «Буде кто у россіянъ, татаръ... истца не обвинять»).

Ком. По цѣнѣ украденнаго скота прежде разсмотрѣніе чинить въ улусномъ Правленіи, а потомъ и въ судѣ Зарго́, гдѣ по § 35 всѣ таковыя дѣла

---

[1]) Мнѣніе это почти буквально воспроизводитъ правило о штрафахъ и судебныхъ платежахъ, изложенное въ старыхъ законахъ Дербетевскаго улуса. См. нѣмецкій текстъ устава 1640 г., ст. 157-я.

[2]) Подъ 40 ст. дана по этому же предмету иная резолюція: «утвердить».

подлежать окончательному рѣшенію; а наказаніе не болѣе, какъ отъ 5 до 25 ударовъ полагать.

23. *Два члена.* (Повторено мнѣніе, изложенное по 95 ст. Зинз. пост.: «Оправдывать вора не допускать въ судѣ... въ пользу Эрге (владѣльческаго дома»).

Ком. Уничтожить.

Два члена. (Повторено мнѣніе по 40-й ст. Зинз. пост.: «Буде Зайсанги аймашныхъ ихъ воровъ... водить кругомъ всей владѣльческой ставки»).

Ком. Замѣчаніе на 18 статью о владѣльцахъ.

Два члена. (Повторено другое мнѣніе по той же 40 ст.: «Буде Зайсанги за кого либо изъ воровъ... верблюда Богамъ на жертву»).

Ком. Утвердить, сообразно замѣчанію на 18-ую статью о владѣльцахъ.

(Повторена 112 ст. Зинз. пост. о присягѣ по дѣламъ о воровствѣ)[1]).

Ком. Уничтожить.

Два члена. Буде кто изъ важныхъ особъ пойманнаго вора по человѣколюбію простить, потомъ объявить, — штрафу и наказанія не чинить; а утаитъ, — взятое отобравъ и 20-ю ударами плетью его наказать, вора же особо штрафовать и наказывать по закону.

Ком. Утвердить.

XIV. О плутовствѣ и обманахъ.

201.

1. (Ул. ст. 120). Кто на кого покажетъ ложно, что онъ воръ, таковаго наказать при публикѣ 25-ю ударами плетью;

[1]) Въ рукописи эта статья изложена, по ошибкѣ, какъ мнѣніе двухъ членовъ.

что слѣдовало ему получить въ награду за доказательство, взыскать съ него самаго на общественные расходы.

Ком. Вмѣстѣ съ мнѣніемъ въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленное утвердить; а наказаніе ни въ какомъ случаѣ не болѣе полагать отъ 5 до 15 ударовъ.

202.

2. (Ул. ст. 121). (·) — (··) (Повторена 77-я ст. Зинз. пост. о подбрасываніи мертваго тѣла).

Ком. (·) Статью древняго уложенія утвердить. (··) Уголовное.

203.

3. Кто отважится подъ предлогомъ шутокъ или нарочито для собственной выгоды воспользоваться чѣмъ либо хотя на нѣсколько нибудь дней подложно на имя Владѣльца, съ таковаго обманщика взять одну лошадь и наказать 50-ю ударами, лишивъ честнаго имени въ обществѣ.

Ком. Утвердить, но безъ всякаго наказанія.

204.

(Повторена 36-я ст. Зинз пост. о подлогѣ на имя Владѣльца)

XV. О безчестіяхъ, обидахъ и проч.

205.

1. (Ул. ст. 25—38). (Повторена 21 ст. Зинз. пост. — объ обнаженіи оружія противъ Владѣльца).

Два члена. (·) (Повторено мнѣніе по 35-й ст. Зинз. пост.: «Изъ владѣльцевъ кто бы таковъ ни былъ . . . достоинству его противное».

Ком. По статьѣ древняго уложенія судить общими законами, на случай сей постановленными. — Сюда относится замѣчаніе, сдѣланное на 2-ю статью о владѣльцахъ. — (·) Подобные случаи предоставить разбирательству Коммиссіи.

206.

(Повторена 20-я ст. Зинз. пост. о безчестіи Владѣльцевъ.

207.

(Повторена 22-я ст. Зинз. пост. о безчестіи младшихъ Владѣльцевъ).

208.

(Повторена 23-я ст. Зинз. пост., о побояхъ, наносимыхъ Владѣльцами, Табангоутами и Зайсангами другимъ).

2. (Ул. ст. 99). *Ком.* Утвердить.

3. (Ул. ст. 39). *Ком.* Замѣчаніе на 1-ю ст. о родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ.

4. (Ул. ст. 40). *Ком.* Штрафъ скотомъ за побои невѣстою, свекрови или свекру причиненные, уничтожить; а чинить по разсмотрѣнію улусныхъ судей наказаніе, съ тѣмъ, чтобы оное никакъ отъ 5 до 15 ударовъ не превышало. Въ побояхъ же свекрови невѣстку положенное число скотовъ взыскивать также съ утвержденія улуснаго Правленія.

5. (Ул. ст. 96). *Ком.* Судить общими законами.

6. (Ул. ст. 101). *Ком.* Уничтожить.

209.

7. (Ул. ст. 141). Кто къ кому подкинетъ въ домъ пасквиль или ругательное письмо, съ того взыскать: естьли къ

Владѣльцу — девять скотинъ и наказать 50-ю ударами; естьли къ Зайсангу — 5 скотинъ и наказать 25-ю ударами плетью; ежели къ простому человѣку — четырехъ-лѣтнюю лошадь и наказать 10-ю ударами плетью. Штрафы сіи отдать на общественныя повинности.

Ком. Въ Зинзиляхъ мнѣніе по сей статьѣ состоящее утвердить, но безъ всякаго наказанія.

8. (Ул. ст. 97). *Ком.* Утвердить.

9. (Ул. ст. 98). *Ком.* Утвердить.

10. (Ул. ст. 102). *Ком.* Утвердить, исключая вышибу здороваго глаза, за каковое преступленіе виновный долженъ подвергнуться сужденію по закону, на подобный случай изданному.

210.

11. (Ул. ст. 30). (Повторена 133 ст. Зинз. пост. о ругательствѣ, наносимомъ проѣзжему человѣку).

Ком. Статью древняго уложенія утвердить; а мнѣніе, въ Зинзиляхъ состоявшееся, уничтожить[1]).

211[2]).

Кто знатному человѣку въ лице плюнетъ, или земли кинетъ, или лошадь, на которой онъ сидитъ, ударитъ по головѣ, или съ лошади на землю уронитъ, съ таковаго въ пользу обиженнаго взыскать штрафу: три трехъ-лѣтнія рогатыя скотины и наказать 15-ю ударами.

Ком. Утвердить.

212.

12. (Ул. ст. 33). (Повторена 136 ст. Зинз. пост. съ резолюціей Ком. о побояхъ, наносимыхъ посланцу).

---

[1]) Резолюція же по 133 ст утверждаетъ это мнѣніе.

[2]) Статья эта замѣняетъ 99 ст. улож. 1640 г., которая въ настоящей рукописи приведена подъ 209 ст. (п. 2) и утверждена Коммиссіей.

213.

(Ул. ст. 34). (Повторена 137 ст. Зинз. пост. съ резолюціей Ком. о недачѣ посланцу подводы).

214.

13. (Ул. ст. 29). (Повторены 24 и 25 статьи Зинзил. пост. о побояхъ, наносимыхъ Владѣльцами другимъ).

Ком. За убивство предоставить общему законоположенію; а за обиды, разнымъ лицамъ наносимыя, утвердить мнѣніе, въ Зинзиляхъ постановленное, — съ постановленія улуснаго Правленія и съ сохраненіемъ того правила, чтобы болѣе 25 ударовъ назначаемо не было.

215.

(Повторена 26-я ст. Зинз. пост. о обидахъ, наносимыхъ Зайсангами и другими правителями).

14. *Два члена.* Въ дракѣ, случившейся при обыскѣ поворованныхъ вещей, естьли кому переломятъ членъ и причинятъ боевые знаки, наказать преступниковъ по мѣрѣ боя.

15. *Два члена.* Съ охраняющимъ судный порядокъ стряпчимъ кто заведетъ драку, тотъ по закону будетъ штрафованъ.

Ком. Судить по общимъ законамъ[1])

XVI. О прочихъ всякаго рода предметахъ.

216.

1. (Ул. ст. 87 и 88). (Повторена 76 ст. Зинз. пост. о поджигательствѣ).

[1]) Относится къ пункт. 14 и 15.

Ком. Судить по общимъ законамъ.

217.

2. (Ул. ст. 116) Если кто у кого изломаетъ кибитку, съ таковаго взыскать штрафу въ пользу хозяина четырехъ лѣтъ лошадь и наказать 15-ю ударами плетью.

Ком. Утвердить; но наказаніе[1]), въ Зинзиляхъ по сей статьѣ постановленное, уничтожить

3. (Ул. ст. 117). *Ком.* Утвердить.

4. (Ул. ст. 114). *Ком.* Утвердить.

5. (Ул. ст. 115). *Ком.* Утвердить.

218.

6. (Ул. ст. 92). (Повторена 159 ст. Зинзил. пост. о растлѣніи дѣвицы).

Ком. Утвердить вмѣстѣ съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ по сей статьѣ состоящимъ[2])

219.

7. (Ул. ст. 94). Кто мужеложствуя или скотоложствуя будетъ пойманъ, и тому, кто поймаетъ, виновные должны отдать по девяти скотинъ, съ наказаніемъ ихъ по 50 ударовъ плетью; а ту скотину, съ которою поймаетъ, и другихъ пять скотинъ взыскать и отдать хозяину.

Ком. Утвердить съ мнѣніемъ, въ Зинзиляхъ постановленнымъ, съ наказаніемъ отъ 5-ти до 20-ти ударовъ.

220.

8. (Повторена 21-я ст. Зинз. пост. объ обнаженіи оружія противъ владѣльцевъ).

---

[1]) Въ рукописи, по ошибкѣ, сказано — «показаніе».

[2]) Въ рукописи сказано — «состоящему».

Ком. Судить по общимъ законамъ.

9. (Ул. ст. 81). *Два члена.* Кто избавитъ человѣка отъ огня и потопа, тотъ награждается пятью скотинами. Избавляя погибающаго естьли самъ погибнетъ, то ближнихъ его награждать за него девятью скотинами.

Ком. Всякой человѣколюбивый подвигъ доводить до свѣдѣнія Коммиссіи, которой долгъ будетъ предстательствовать по мѣрѣ важности предъ высшимъ начальствомъ.

10. (Ул. ст. 82). *Ком.* Уничтожить.

11. (Ул. ст. 83). *Ком.* Утвердить.

12. (Ул. ст. 84). *Ком.* Утвердить.

13. (Ул. ст. 85). *Ком.* Утвердить.

221.

14. (Ул. ст. 86). Кто спасетъ отъ пожара чужой скотъ, таковому дать изъ онаго въ награду, смотря по числу того скота.

Два члена. Стадо скота, волками расхищаемое, кто отобьетъ, или расхищенный скотъ найдетъ, тому дать въ награду одну мертвую и одну живую скотину; буде стадо расхищенное будетъ ниже десяти скотинъ, награждать деньгами 2-мя рублями.

Ком. Статью древняго уложенія утвердить.

15. (Ул. ст. 109). *Ком.* За избавленіе отъ петли давящагося виновнаго по выздоровленіи предавать уголовному суду, а за оказанное вспоможеніе родильницѣ въ ея родахъ полагаемую награду утвердить.

16. (Ул. ст. 139). *Ком.* Утвердить.

17. (Ул. ст. 140). *Ком.* Утвердить.

18. (Ул. ст. 144). *Ком.* Утвердить.

19. (Ул. ст. 58). *Ком.* Утвердить.

20. (Ул. ст. 80). *Ком.* Утвердить.

21. (Ул. ст. 48). *Ком.* Какъ въ нынѣшнее время вообще калмыки латъ не имѣютъ, то статью-сію уничтожить.

22. (Ул. ст. 65). *Ком.* Уничтожить.

222.

23. Всякой носящій имя красной кисти, если точно рожденъ отъ прославленныхъ единоплеменниковъ, *Ойридз* именуемыхъ, по правиламъ и обычаямъ присвоеннымъ, носить на вершинѣ шапокъ красныя кисти; а кто не будетъ оной носить, брать шапки

Два члена. (Повторено мнѣніе по 125 ст. Зинзилин. пост. — пунктъ 5-й).

Ком. Утвердить Зинзилинское мнѣніе[1]).

223.

24. (Повторена 83 ст. Зинз. пост. объ обжалованіи рѣшеній Владѣльца и другихъ родоправителей).

Ком. Слѣдовать по учрежденію для калмыцкаго народа въ 1825 году Высочайше конфирмованнаго.

224.

25. (Повторена 110-я ст. Зинз. пост. о тайной продажѣ вина и картъ).

---

[1]) См. выше ст. 125 п. 5.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Адвокатъ. 95. См. повѣренный.

Арестъ (казаматъ). 23. См. наказанія.

Аймакъ. 26, 28, 34 (п. 10), 37, 40, 65, 74, 101, 119, 126, 140, 145. См. люди аймашные. — По Зинзилинскимъ постановленіямъ аймакъ имѣетъ тоже значеніе, какъ и по ойратскому уставу 1640 г., т. е. означаетъ часть рода (отока), состоящую изъ болѣе или менѣе значительнаго числа родственныхъ между собой семей (кибитокъ— до ста и больше), подчиненныхъ родовому наряду и суду своего управителя (Зайсанга).

Б.

Бакши. 1. 4. По старому уставу — духовный учитель, по Зинзил. постановленіямъ — «въ родѣ архимандрита», старшій рангъ гелюнговъ (жрецовъ, посвященныхъ), второе духовное лицо въ улусѣ послѣ ламы (главы улуснаго духовенства); въ небытность послѣдняго въ улусѣ бакши исполняетъ его обязанности. См Pallas Samml. II, 126.

Бандинаръ-Шабинари (или **бандинеры**). 2. 11. — соотвѣтствуютъ церковнослужителямъ, низшему причту. Къ нимъ относились: манжи (баньди стараго устава) и прислужники изъ простолюдиновъ, такъ назыв. хурульныхъ, т. е. приписанныхъ къ хуруламъ (духовнымъ собраніямъ, монастырямъ или капищамъ) и извѣстныхъ подъ именемъ

шабинеровъ (Schäbinäre). О значеніи послѣднихъ см. Pallas Samml. I, 222. П. Небольсина калмыки, въ Биб. для чт. 1855, № 5, стр. 44.

Баранта. См. отгонъ скота.

Баруны. 118. Соотвѣтствуютъ отдѣленію рода (отока), извѣстному подъ именемъ «сорока». См. сорока, сотня, отокъ и родъ.

Безчестье. 1, 2, 20—22, 24, 26, 56, 128 (V, 1), 205 — 215.

Безбрачіе духовныхъ. 13.

Беременность. 81.

Благоустройство въ народѣ. 114—125.

Больницы. 126.

Бракъ. 13, 51, 151—161.

Брань. 1, 2, 20, 133. См. безчестіе и обида словомъ.

Бѣглые. 35 (п. 14), 37, 38, 59, 71, 74, 98, 118, 119, 143—145, 179—184 (XII, п. 1—7).

Бѣгство изъ боя (съ непріятелемъ). 19.

Бѣдные. См. призрѣніе бѣдныхъ.

В

Вдова. 163.

Видъ на жительство. 35 (п. 13). См. откочевки.

Владѣльцы. 1, 3, 4, 6, 15 — 43, 45, 59, 65, 66, 69, 74, 82, 83, 92, 96, 97, 112, 115—119, 125—127, 133, 136, 138, 140, 145, 150, 168, 182, 189, 209. — *Владѣльцы главные* 20, 23, 30. — *Влад. старшіе.* 21, 92, 115. — *Влад. средніе.* 20, 21, 23, 92, 115. — *Влад. младшіе.* 20—23, 30, 41. — *Влад. мелкопомѣстные.* 20, 92, 115. — О значеніи владѣльцевъ см. указатель предметовъ къ изданному мной древнему ойрат. уставу, стр. 153.

Вмѣненіе (уголовное). 26, 28, 34, 35 (п. 12), 69, 84, 100, 107, 169—178, 195 (п. 13), 196.

Возрастъ. 15, 26, 50, 51, 127, 128, 152—154, 163.

Воспитаніе дѣтей. 15, 127, 128.
Воровство. См. кража.
Война. 19, 41, 75, 138—147.
Врачеваніе 168 (VIII, п 1, 2).
Вступленіе въ духовное званіе. 15, 17.
Вторженіе въ чужой домъ. 84.
Выговоръ публичный. 25, 26, 40, 53, 56, 108, 133.
Выдача головою (въ заработокъ) по преступленіямъ. 111, 196.
Вызовъ къ суду. 57, 58, 60, 61, 63, 130.
Вѣра. 148—150.

Г.

Гелюнгъ. 1, 2, 4, 7, 11, 12, 16, 17 — жрецъ (Gellong); въ іерархическомъ отношеніи соотвѣтствуетъ священнику. См. указат. предм. къ ойрат. уставу 1640 г, стр. 154.
Гепкю. 4, 5, 7 — благочинный, управляющій хуруломъ и состоящимъ при немъ духовенствомъ; считается послѣ бакши и унзуда первымъ духовнымъ лицомъ (см. ст. 4). По Палласу, гепкю (калм. Ghepku, монг. Ghezku) составляетъ въ разрядѣ гелюнговъ (Gellong) второй рангъ, подчиненный бакши и означающій родъ маршала и наблюдателя при большихъ хурулахъ. См. Pallas Samml. II, 126. Теперь у калмыковъ называется «гебке». См. П Небольсина калмыки, въ Библ. для чт. 1852, № 6, стр. 140. І В. Бентковскаго, объясненіе калм. праздниковъ, въ Сборн. стат свѣд о Ставроп. губ. 1876, вып. VII, стр. 26.
Гецуль. 2, 8, 9, 11, 16 — «служитель вѣры», духовный рангъ, средній между гелюнгомъ и манжи, соотвѣтствующій дьякону. См. указат. предм. къ ойрат. уставу, стр. 154, sub voce — Gödsüll. Ср. Бентковскаго Объяснен. праздниковъ, ст. 26.
Гласность суда. 101.
Голодъ. 126.

Гоненіе слѣда. 106, 107, 111, 177.
Господинъ (надъ крестьянами). 101.
Гостепріимство. См. проѣзжіе.
Грабежъ. 37, 72, 178 (XI, п. 1—4), 185, 186, 188.
Грамота монгольская. 127.

Д.

Дары свадебные. 151.
Darchan (тарханъ). 19 — свободный отъ податей. См. указатель предм. къ уставу 1640 г., стр. 155.
Демчей (демичей, Dämutschi). 37, 119, 120, 121, 140.= староста надъ «сорока»; старшій или главный демчей въ административной іерархіи числится послѣ зайсанга и противополагается младшему демчею. Демчей носитъ также названіе «сборщика», обязаннаго собирать съ своего отдѣленія ратниковъ (ст. 140); онъ же былъ и непосредственнымъ сборщикомъ податей. См. староста, сборщикъ и сорока. Ср. указат. предметовъ къ уставу 1640 г., s. voce «Dämütschi».
Дезертиры. См. побѣгъ изъ службы и бѣглые.
Дербеты. 119 = отдѣльное племя или большой родъ калмыковъ, — нынѣ улусы Большедербетовскій и Малодербетовскій.
Десятокъ. 37, 38, 74, 88, 119—121, 145 = отдѣленіе рода (отока), раздѣлавшагося на сорока и десятки. «Зотары», упоминающіеся въ Зинз постановленіяхъ въ значеніи «частей родовъ» (см. ст. 118), по всему видно, означаютъ именно десятки. Правители десятковъ называются въ Зинз. постановленіяхъ вообще «старшинами». См. зотары, сорока, отокъ, родъ и старшина.
Добыча (военная). 41.
Дознаніе (судебное). 65, 68.
Доказатель (обвинитель). 11, 111 (п. 8), 197 (п. 17), 198, 201. См. свидѣтель.

Доказательства (судебныя). 42, 101, 168 (VII, 1). См. признаніе, пытка, поличное, присяга, свидѣтели, улики.
Долги. 164 (IV п. 1).
Должности. 26, 28, 36.
Домъ владѣльческій (Эрге). 29, 95.
Допросъ (судебный). 59, 60, 69, 85, 98, 99, 101.
Дочь. См. бракъ, дѣти, женщина, наслѣдованіе, родители, усыновленіе.
Драка 27, 35 (п. 12), 69, 85, 215. См. обида дѣйствіемъ, побои.
Духовенство. 1—18, 95, 126, 127.
Дѣвица. 51. См женщина.
Дѣти. 15, 43—52, 158.
Дядя. 45.

Е.

Ельчи. (Eltschi, нарочный, посланный, посланецъ). 37, 57, 61, 96. = разсыльной, находящійся при судьяхъ, зайсангахъ и пр., для разъѣздовъ по служебнымъ дѣламъ, напр. для вызова въ судъ, для возвращенія перебѣжчиковъ, откочевавшихъ отъ своего рода, и пр. См. посланецъ.

Ж.

Жалоба (тяжба, искъ). 48, 61.
Жена. 151, 156, 157, 163.
Женщина. 2, 13, 43, 44, 48, 50, 51, 61, 81, 125 (п. 5), 151—163, 196, 208 (п. 4).

З.

Зайсанги. 15, 17—43, 45, 59, 65, 73, 74, 78, 88, 92, 101, 112, 113, 116—119, 121, 125—127, 132, 133, 137—138, 140, 145, 182, 189, 209. = привиллегированное сословіе «бѣлой кости»; управляютъ отоками,

аймаками и пр. О значеніи зайсанговъ см. указат. предметовъ къ ойрат. уставу 1640 г, стр 157.

Забавы. 28. См. игры и пиршества.

Заведенія для призрѣнія бѣдныхъ. 126.

Заповѣды запрещенныя. 6, 149, 150 = обѣты, которые обязаны исполнять буддисты — міряне и духовные. См. духовенство и мацакъ.

Зарго. См. судъ Зарго.

Защита жизни. См. оборона

Зотары. 118 = часть рода (отока), соотвѣтствующая десятку.

Зюны. 118 = сотенное отдѣленіе или часть отока, по примѣрному исчисленію во сто куреней. О значеніи Зюна см. указат. предмет. къ ойрат. уставу 1640 г.. стр. 171.

И.

Игры. 168 (VII, 1).

Iergatschi. См. Яргачей.

Извѣщенія ложныя. 65

Изнасилованіе женщинъ. 218.

Имущество 12, 18,45—47, 72, 101, 151, 163.

Искъ. 24, 40, 96. 97. См. жалоба.

Исключеніе изъ духовнаго званія. См. разстриженіе.

Исключеніе изъ службы 26, 28, 36, 37, 53, 54. 58, 74, 126, 145.

Исполненіе судебнаго приговора. 58, 60, 78. 97, 101, 111, 195, 196.

Истецъ. 40, 58, 60, 96.

К.

Калымъ. 51, 161 = плата за невѣсту.

Казаматъ. См. арестъ.

Кибитка. 23, 35 (п. 13), 37, 73, 74, 88, 92, 118—121, 126, 137 (п. 6), 140, 145, 154, 168 (VII, 1), 217 = жилое помѣщеніе и обыкновенная семья. Нѣсколько

кибитокъ составляютъ отдѣленія и части родовъ. О значеніи кибитки см. указат. предмет. къ уставу 1640 г., стр. 159.

Кирча. 165, 166. Соотвѣтствуетъ Kieri (кира) стараго устава, придающаго ему значеніе сыщика скота, разбѣгавшагося во время вьюги или непріятельскаго набѣга; въ Зинз. постановленіяхъ кирчѣ дается значеніе общественной должности, — его назначаетъ владѣлецъ (глава улуса или рода) для храненія приблуднаго, безхозяйнаго скота.

Кисты и косы. См. костюмъ.

Клейменіе скота, 165.

Клейменіе преступниковъ. 72.

Кнутъ (наказаніе). 69, 178.

Костюмъ. 125 (п. 5), 222.

Кочеваніе. 4, 34, 35 (п. 13), 37, 38, 73, 88, 101; 118 — 121.

Кража скота и другихъ вещей 35, 37, 40, 72, 78, 80, 95, 167, 185—200 (XIII. п. 1—23).

Кража людей. 80.

Крестьяне. 101.

Л.

Лама. 1, 3, 4, 18, 39, 40. Въ Зинз. постановленіяхъ разумѣется подъ этимъ названіемъ верховный жрецъ (архіерей, согласно съ глоссой текста Зинз пост), высшій духовный глава отдѣльнаго улуса. Въ текстѣ различается лама владѣльческій, т. е. главный жрецъ владѣльческаго улуса, управляющагося наслѣдственнымъ нойономъ («владѣльцемъ»), отъ ламы казеннаго улуса, подчиненнаго «улусному правителю» (по назначенію отъ правительства). Владѣльческій лама поставляется по выбору владѣльца, тогда какъ въ казенномъ улусѣ поставленіе ламы зависитъ отъ выбора и согласія «общества», (т. е. улуснаго схода). Объ общемъ значеніи ламы у монгольскихъ буд-

дистовъ см. указат. предм. къ ойрат. уставу 1640 года, стр. 160

Лжесвидѣтельство. 6, 108.

Лишеніе должности. См. исключеніе изъ службы.

Лишеніе жалованья. 54, 55.

Лишеніе честнаго имени. 36, 58, 65, 74, 128, 145, 203.

Ловля звѣрей и птицъ, 34, 168 (V, п. 1—4), 188 (п. 2).

Лѣченіе больныхъ. См. врачеваніе.

Люди знатные. 101, 150, 211 = принадлежащіе къ высшимъ сословіямъ — нойонамъ (владѣльцамъ) и зайсангамъ. См. указат. предмет. къ ойрат. уставу 1640 года, стр. 161.

Люди средняго состоянія (посредственнаго званія). 101, 150 = соотвѣтствуютъ «среднимъ людямъ» ойратскаго устава 1640 г. (см. указатель къ нему, стр. 161), подъ которыми разумѣлись: дворня владѣльцевъ и свободные простолюдины (тарханы или дархта и эркетенъ), не причислявшіеся къ податнымъ людямъ. Въ такомъ же смыслѣ упоминаются въ Зинзилинскихъ постановленіяхъ *люди извѣстные въ обществѣ* (138, 140), занимающіе средину между зайсангами и людьми простаго состоянія.

Люди простые или **подлые** (простаго или низкаго состоянія, простолюдины). 3, 6, 12, 13, 28, 43, 75, 101, 115, 116, 127, 138, 140, 150. 209. Въ Зинз. пост. простолюдины называются людьми *податными* (12, 13), также людьми *подвластными* (I п. 2, ст. 3, 18. п. 19, ст. 41, 82, 101 п. 12), бывшими въ родовой зависимости (безъ права откочевки) отъ владѣльцевъ или приписанныхъ къ роду и обязанныхъ въ пользу владѣльцевъ или рода податями и повинностями. По различію родовой зависимости упоминаются люди *владѣльческіе* (35 п. 13, 42, 68, 101, 119), *казенные*, т. е приписанные къ улусамъ выморочнымъ, бывшимъ въ казенномъ управленіи (35 п. 13, 42, 119), *хурульные* (гл. I п 2), *аймашные* (18 п. 18, 40, 42, 113) и пр. Подвластные простолю-

дины, состоявшіе въ genti adscriptio, отличаются отъ рабовъ въ собственномъ смыслѣ. См. бѣглые, откочевка, рабство. О «людяхъ подлыхъ» по уставу 1640 г. см. указатель къ нему, стр. 162.

М.

Малолѣтніе. 26, 50, 51.

Манжи. 2, 10, 11, 16 = тоже, что̀ банди или Mandshi, Mandshiki ойрат. устава 1640 г. (см. указатель къ нему стр. 152 и 162), т. е. «ученикъ вѣры», составлявшій первую духовную степень въ ламайской іерархіи. Въ хурулахъ при богослуженіи манжи (какъ видно изъ глоссъ, помѣщенныхъ въ текстѣ Зинз. пост.) исполняетъ роль «дьячка» (по старому уставу считался прислужникомъ).

Мать. 43, 50, 51.

Мацакъ. 148—150 = постъ, обязательный для буддиста въ опредѣленные дни каждаго мѣсяца, съ эпитеміей для мірянъ и исповѣдью для духовныхъ (въ несоблюденіи положенныхъ буддійскихъ обѣтовъ, или такъ назыв. «запрещенныхъ заповѣдей»). О значеніи калмыцкихъ постовъ см. І. В. Бентковскаго «Объясненіе калм. праздниковъ», въ Сборникѣ статист. свѣдѣній по Ставроп. губ. 1876 г., вып. VII, стр. 24—25.

Месть. 24, 27, 176—178. См. оборона жизни и имущества.

Молитва. 149. См. мацакъ.

Монастырь. 4, 13, 18, 128 (V п. 1). См. хурулъ.

Мошенничество. 72, 185, 187, 188, 191, 196.

Мужеложство. 219.

Мѣна женъ. 157.

Н.

Награды служебныя. 14, 19, 143, 146.

Награды за спасеніе погибающихъ. 220 (п. 9), 221 (п. 15).

Награды за поимку скота и птицъ. 168, 192.
Награды за поимку преступниковъ. 65, 99 144, 197 (п. 17).
Наказанія личныя:
a) *членовредительныя* наказанія. 101.
b) Наказаніе *кнутомъ*. 69, 178.
c) Наказаніе *плетью*:
1, *50 ударовъ*. 20, 43, 65, 72, 86, 97, 157, 159, 190, 196, 203, 209, 219.
2, *30 ударовъ*. 44, 59, 63, 74, 101.
3, *25 ударовъ*. 1, 22, 36, 154, 165, VII п. 1, 180, 181, 189, 198, 201, 209.
4, *20 ударовъ*. 59, 101, 108, 191.
5, *15 ударовъ*. 1, 2, 39, 120, 133, 136, 137, 211, 217.
6, *10 ударовъ*. 1, 2, 28, 101, 209.
7, *5 ударовъ*. 132.
d) *Лишеніе свободы:*
1, *выдача въ заработокъ*. 111, 196.
2, *арестъ*. 23.
e) Наказанія *осрамительныя:*
1, *клейменіе*. 72, 196.
2, *пощочина* 56, 101, 150.
3, *обнаженіе* при собраніи народа. 108.
4, *вожденіе* обнаженнымъ кругомъ владѣльч. ставки. 40.
5, *посаженье на кобылу*. 72, 196.
f) *Лишеніе честнаго имени*. 36, 58, 65, 74, 128, 145, 203.
g) *Публичный выговоръ*. 25, 26, 40, 53, 56, 108, 133.
h) *Наказанія служебныя:*
1, *лишеніе должности*. 26, 28, 36, 37, 53, 54, 58, 74, 126, 145.
2. *лишеніе жалованья*. 54, 55.

3, *наряда на службу* (военную) не въ очередь. 58, 74, 147.

і) *Наказанія духовныхъ*:

1, *разстриженіе*. 3, 6, 8—10, 13, 17.

2, *ударъ палкою* въ хурулѣ. 5.

3, *покаяніе*. 13, 85, 172.

4, *услуженіе* въ хурулѣ. 7.

Наказанія имущественныя. См. штрафы.

Наложница. 13.

Нападеніе на жизнь. 176—178.

Напитки горячіе 3, 18.

Нарочный. См. Ельчи

Нарушеніе правилъ охоты. 34.

Нарушеніе общественнаго спокойствія, 65, 117.

Насиліе. 72, 84.

Наслѣдованіе аймаковъ. 26, 37.

Наслѣдованіе имущества. 12, 45—49, 52, 158, 162—164.

Настоятель хурульный. 4. См. хурулъ.

Начальникъ сотенный. 140. См. сотня

Невѣстка. 44, 208 (п. 4).

Неправосудіе. 53, 54.

Непріятель. 19, 138, 140, 146.

Нищета. 35 п. 13.

Ночлегъ. 132.

О.

Обвинитель. См. доказатель.

Обида дѣйствіемъ. 1, 2, 21, 22, 24, 26, 126 (V п. 1), 209, 211. См. безчестіе, побои.

Обида словомъ. 1, 2, 20, 22, 24, 26, 56, 133. См. безчестіе, брань.

Обжалованіе рѣшеній суда. 34 (п. 10), 83.

Обманъ. 72, 185, 187, 188, 201—204.

Обнаженіе оружія противъ владѣльца. 21.

Оборона владѣльца (въ бою). 19.
Оборона жизни и имущества. 84, 107, 169, 176—178.
Обрядъ (обычай, обыкновеніе). Къ ст. 15, 72, 92, 115, 143, 222.
Обученіе. См воспитаніе.
Общество. 3, 4, 15, 18 (п. 17), 65, 92, 97, 100, 111 (п. 7), 116, 118, 119, 125 (п. 5), 135, 198. — «Общество» по Зинз. постановленіямъ имѣетъ нѣсколько значеній Во 1-хъ, подъ обществомъ разумѣется вообще совокупность «однородцевъ» (100) и въ этомъ смыслѣ общество, какъ *родовой союзъ*, противополагается нарядникамъ, старшинамъ — владѣльцамъ, зайсангамъ и пр. (92, 116). Въ частности подъ обществомъ разумѣется: а) цѣлый улусъ (въ такомъ смыслѣ общество противополагается владѣльцу, — 18, 116), — упоминаются «цѣлыя общества, знатныя онаго части и всѣ роды, между ими раздѣляющіеся» (92); b) отдѣленія и части улуса (65) и с) сорока, десятки и хотоны, въ отличіе отъ отоковъ и аймаковъ (65). — Во 2-хъ, обществу придается административное значеніе: рядомъ съ владѣльцемъ и другими старшинами оно имѣетъ участіе въ нарядѣ, съ извѣстными административными правами и обязанностями (3, 4, 15, 97, 111 п. 7, 116, 118, 119, 125 п. 5). Въ этомъ смыслѣ общество имѣетъ значеніе *родоваго схода* — цѣлаго улуса (3, 4, 116) и его отдѣленій и родовъ (15, 111 и 7, 119 и пр.). См. собраніе.
Обыскъ. 27, 36 (п. 12), 99, 104—111.
Обычай, обыкновеніе. См. обрядъ.
Обязательность браковъ. 154.
Одежда. 125 п. 5.
Однородцы. 38, 100, 119, 120, 196.
Опека надъ сиротами. 126.
Оркомже. 4, 5 = по старому уставу Orkimdshi, поясъ (въ родѣ ораря), — отличительный знакъ посвященныхъ духовныхъ, обязательный для постояннаго ношенія (ге-

люнгами) или только во время службы въ хурулѣ (остальнымъ причтомъ).

Освобожденіе изъ крѣпостной зависимости. 101. См. бѣглые, откочевка, право крѣпостное, люди простые.

Осѣненные дома и кибитки. 126.

Оставленіе духовнаго сана. 3, 12, 18.

Отвѣтчикъ. 42, 58, 60, 61.

Отвѣтственность по преступленіямъ: а) старшинъ (за подчиненныхъ). 37, 38; b) семьи (жены и дѣтей), однородцевъ и сосѣдей 196.

Отгонъ скота (баранта). 45—48. Обычай баранты стоитъ въ связи съ институтомъ наслѣдованія когнатовъ. По обычному праву калмыковъ, дяди обязаны, общими силами, выдѣлять племяннику (по женской линіи) наслѣдственную часть, равную въ своей совокупности части каждаго изъ нихъ. При невыдѣлѣ племянникъ имѣетъ право на насильственный выдѣлъ (по калм. «зе—бярьдыкъ—юсунъ») путемъ самосуда, въ видѣ отгона (баранта) части табуна или стада дядей. Правила такого самосуда въ дѣлѣ наслѣдованія и изложены въ 45—48 ст. Зинз. постановленій. Баранта въ указанномъ значеніи строго отличается отъ другихъ видовъ отгона скота, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «хищничества» (см. ниже). О барантѣ у калмыковъ см. П. Небольсина «очерки быта калм.», въ Биб. для чт. 1852, № 6, стр. 129.

Отдѣленіе рода. 126. Подъ «отдѣленіемъ» разумѣются, какъ части, на какія дѣлится улусъ, такъ и подраздѣленія собственно «рода», или отока, — зюны, баруны и зотары, упоминающіеся въ 118 ст. Зинз. постановленій. См. родъ, отокъ.

Отецъ. 15, 43, 47, 49, 50, 51, 52.

Откочевка. 35 (п. 13), 37, 38, 73, 88, 118, 119, 120. Простолюдины, приписанные къ своимъ родамъ, не имѣли права отдѣляться отъ нихъ путемъ откочевокъ въ другія

мѣста. Запрещеніе откочевокъ было прямымъ слѣдствіемъ родовой зависимости (genti adscriptio) простолюдиновъ.

Отокъ. 65, 120 = составная часть улуса, дѣлившаяся въ свою очередь на нѣсколько аймаковъ и другихъ отдѣленій — сорока и десятковъ. См. указатель къ уставу 1640 г., стр. 165.

Охота. См. ловля.

Очная ставка. 88.

Ойридь (ойратъ). 92, 222 = по буквальному смыслу союзникъ. Такъ называются въ Зинзил. постановленіяхъ «рожденные отъ единоплеменниковъ». Въ ойратствѣ (союзности) состоятъ всѣ роды одного племеннаго корня, обязанные взаимной помощью и охраной. Въ такомъ же ойратствѣ состоятъ высшіе классы родовыхъ нарядниковъ — владѣльцы, зайсанги и пр. Въ этомъ институтѣ, сходномъ съ «круговою порукою» земледѣльческой общины, нужно видѣть остатокъ отъ стараго ойратства, обнимавшаго съ конца XIV в. цѣлыя монгольскія племена. См. «Oeröt» въ указателѣ къ уставу 1640 г., стр. 165.

П.

Палачъ. 199 п. 20.

Пасквиль. 209.

Пастбище. 18, 34. См. скотоводство.

Передержательство бѣглыхъ. 38, 59, 71, 74, 144, 145, 179—184 (XII п. 1—7).

Перебѣжчики. См. бѣглые и откочевка.

Пиршества и праздники 168 (VII п. 1).

Плата за невѣсту. См. калымъ, бракъ.

Плата по преступленіямъ. См. штрафы.

Племянникъ. 45, 47, 48.

Плеть. См. наказанія.

Плутовство. 201—204.

Побои. 2, 22—26, 43, 44, 63, 81, 128 (V п. 1), 136, 137, 176, 208 (п. 4).

Поборы. 42. См. подати и повинности.
Побѣгъ изъ службы. 59, 74, 139, 143—145, 184.
Повѣренный 60, 95.
Повѣстка судебная. 61.
Повиновеніе старшимъ. 65, 114—116, 125 п. 5.
Повтореніе преступленій. 9—11, 26, 35, 37, 40, 53, 54, 56, 58, 72, 78, 166.
Подговоръ къ преступленію. 65, 68, 101.
Поджогъ 76, 221.
Подбрасываніе воровскихъ вещей 77.
Подарки свадебные. См. дары.
Подсудимый. 60.
Поднятіе оружія на владѣльца. 21.
Подводы и подводная повинность. 27, 35 (п. 12), 39, 41, 128 (V п. 1—9), 129—135, 137.
Подати и повинности. 12, 13, 29, 30, 35 (п. 12), 39, 41, 128—137, 146, 209.
Подсудность. 34 (п. 10), 78, 82, 84, 188, 196.
Подлогъ. 36. См. плутовство и мошенничество.
Позовъ. См. вызовъ къ суду.
Покаяніе. 13, 85, 172.
Поколѣніе. 15, 45.
Покушеніе на преступленіе. 21, 66, 176.
Поличное. 104, 107.
Порука родовая. 196. См. ойридъ.
Поставленіе въ духовный санъ. 4, 15, 16.
Постъ. См. мацакъ
Посланецъ (посланный) *владѣльческій* . 39, 128 (V п. 1), 129, 131. 136—137. см. подводы.
Посланецъ судебный. 37, 46, 56—58, 61, 63, 96, 97, 111 (п. 8), 190, 199 (п. 20). См. Ельчи.
Потрава. 18 (п. 18 и 19), 34.
Похищеніе товаровъ. 199 (п. 20).
Пощечина. 56, 101, 150. См. наказанія личныя.
Правленіе улусное. 20, 36, 200, 308 (п. 4).

Правители улусовъ (казенныхъ). 35 (п. 13), 45, 65, 82, 119, 126, 127.
Право. 28, 45, 49, 65, 82, 83, 92 и пр.
Преступленія. См. разбой, убійство и другіе виды преступленій личныхъ и имущественныхъ.
Преступленіе неумышленное. 37, 69, 169, 170.
Преступленіе нечаянное. 27.
Преступленіе по неосторожности. 172.
Преступленіе въ пьяномъ видѣ. 69.
Преступленія религіозныя. 148—150.
Преступленія духовныхъ. 3, 6—11, 13, 17.
Преступленія по должности. См. служба.
Престарѣлые. 126.
Прелюбодѣяніе. 6, 157, 160.
Примиреніе (по уголовн. дѣламъ). 40, 78, 97, 101, 111, 198.
Приданное. 51, 157, 158.
Присяга. 40, 42, 60, 62, 64, 108, 111, 112.
Присвоеніе чужаго имущества. 72.
Приписка къ роду (gentı adscriptio). 35 (п. 13), 37, 38, 73, 88, 101, 118—121.
Признаніе (на судѣ). 69.
Приблудокъ. 165, 166.
Приговоръ судебный. См. исполненіе приговора, судъ.
Призрѣніе бѣдныхъ. 20, 30, 34, 35 (п. 13), 37, 39, 40, 108, 116, 120, 121, 126, 127, 132, 138, 140, 153, 161.
Приставъ частный. 35 (п. 14), 42, 89, 117.
Пріемъ чужихъ людей. 80. См. передержательство бѣглыхъ.
Проживательство въ другихъ мѣстахъ. 35 (п. 13), 118, 119.
Процессъ. См. судъ.
Продажа вина и картъ. 110.
Проѣзжіе. 132, 133. См. подводы.

Промыслы. 168 (гл. VI п. 1—4).
Пытка. 69, 85.
Пьянство. 7—9, 11, 28.

Р.

Рабство. 80, 108, 156, 157, 196.
Разбой. 37, 178 (гл. XI п. 1—4), 189.
Разводъ. 13, 151, 156, 157.
Разгонъ звѣрей и птицъ. 34.
Разстриженіе духовныхъ. 3, 6, 8—10, 13, 17.
Раны. 80.
Растлѣніе. 159.
Расходы общественные. 28, 35, 39, 40, 150, 198, 201.
Родъ. 38, 65, 92, 118—120. Подъ «родомъ» разумѣется, во 1-хъ, всякій родовой союзъ (улусъ, отокъ, аймакъ и пр.), и во 2-хъ, собственно отокъ, который у калмыковъ въ новое время сталъ называться также «анги» (т. е. родъ). См. указат. къ уставу 1640 г. стр. 165. Въ этомъ смыслѣ Зинзил. постановленія противополагаютъ родъ, съ одной стороны, улусу, а съ другой — аймаку, сорока и другимъ отдѣленіямъ (118—120).
Родители 43—52.
Родственники. 1, 12, 15, 17, 18, 26, 43—52, 74, 126.
Рѣшенія заочныя. См. судъ заочный.

С.

Самострѣлы. 168 (гл. V, п. 1).
Самоубійство. 70, 221 (п. 15)
Самоуправство. 97.
Сборщики ясашные. 111 (п. 7), 140, 196=общее названіе родовыхъ старшинъ отоковъ, аймаковъ и ихъ отдѣленій. См. указатель къ уставу 1640 г. стр. 169.
Сборы на содержаніе владѣльцевъ. 29, 30, 34, 41, 42.
Свадьба. 51.
Свекоръ и свекровь. 44, 208 (п. 4).

Свидѣтели. 46, 61, 104—111, 167, 199 (п. 20).
Сводъ. 167.
Сговоръ брачный. 51.
Сироты. 59, 126.
Скотъ и скотоводство 165—168, 213.
Скотоложство. 219.
Служба. 12, 13, 26, 28, 36, 41, 59, 71, 74, 119, 138—147.
Служители (владѣльческіе приближенные). 23, 26, 28, 92.
Служители хурульные. Гл. I, п. 2.
Слѣдъ. См. гоненіе слѣда.
Слѣдствіе (судебное). 56, 59, 60, 68, 72, 76—78, 81, 83, 85, 99, 101, 110, 111, 117, 185, 188.
Смерть отъ голода. 126.
Смертная казнь. 21.
Собраніе. 58, 101, 108 = сходъ, «общество» другихъ статей. См. общество.
Содержаніе владѣльцевъ. См. сборы.
Содержаніе при хурулѣ (на работѣ, молитвѣ и постѣ). 1, 7.
Сокрытіе преступленія. 68.
Соперникъ (по суду). 61.
Сорока 23, 92, 118, 120, 126, 132, 154 = такъ назыв. «баруны», отдѣленія родовъ (отоковъ), состоявшія изъ сорока куреней (кибитокъ). См. указатель къ уставу 1640 г. стр 170.
Сотня (Зюнъ). 140. Въ Зинз. постановленіяхъ упоминаются «сотенные начальники»—вожди сотень, составлявшихъ военное подраздѣленіе отоковъ Но «зюны» имѣли также общее родовое значеніе, принадлежали наравнѣ съ сорока и десятками къ родовымъ частямъ или отдѣленіямъ (см. статью 118). См. указатель къ уставу 1640 г. стр 171.
Союзы родовые. См. кибитка, хотонъ, десятокъ, сорока, сотня, аймакъ, отокъ, улусъ.
Спасеніе погибающихъ. См. награды.
Ставка владѣльческая. 18, 34, 40, 97, 108, 111, 126, 132, 138, 168, 196, 197 (п. 17) = соотвѣтствуетъ

«владѣльческому двору» (Hoflager) стараго устава 1640 г. См. Эрге.

Староста. 23, 26, 37, 88, 92, 119—124, 126. Такъ называется демчей (демичей,—см. выше), стоявшій во главѣ «сорока» и отличавшійся отъ главъ другихъ родовыхъ отдѣленій — зайсанговъ (родоправителей аймаковъ и отоковъ) и старшинъ (правителей десятковъ). Зинзилинскія постановленія различаютъ старостъ старшихъ, главныхъ или сборныхъ, называвшихся «старшими демчеями» или «шюлюнгюсъ» (см. ниже), и старостъ меньшихъ, собственно демчеевъ. Сколько можно судить по указаніямъ Зинз. пост., первые непосредственно подчинялись зайсангу и стояли во главѣ небольшихъ аймаковъ или нѣсколькихъ сорока (отсюда названіе «сборные»), быть можетъ зюнъ (сотень), упоминающихся въ 117 статьѣ,—вторые же имѣли въ своемъ завѣдываніи каждый по одному сорока и подчинялись главному или сборному старостѣ. По своему служебному значенію староста относится къ «ясашнымъ сборщикамъ», завѣдывавшимъ каждый въ своемъ отдѣленіи сборомъ податей и ратниковъ; кромѣ того, къ обязанностямъ старосты принадлежатъ дѣла касательно призрѣнія бѣдныхъ, откочевокъ и вообще полиціи. См. демчей и шюлюнгюсъ

Старшина. 23, 26, 40, 73, 74, 88, 118—121, 126, 132, 140. 145, 199 (п. 20) = десятскій, Achcha, командующій десяткомъ (т. е. десятью куренями или хотонами). стараго ойратскаго устава 1640 г. Старшина, по Зинз. постановленіямъ, подчиняется непосредственно старостѣ (демчею) и въ отношеніи къ своему десятку несетъ тѣже обязанности, что и демчей къ своему сорока. См. Achcha въ указат. къ уставу 1640 г. стр. 151. Ср. выше — десятокъ и зотары.

Старѣйшина. 116 = общее названіе родовыхъ нарядниковъ — не только зайсанговъ, старостъ и пр., но и владѣльцевъ. По всему видно, подъ этимъ титуломъ разумѣются

по преимуществу высшіе родоправители, т. е. владѣльцы — правители улусовъ и зайсанги — правители аймаковъ и отоковъ (родовъ). Нарядники, стоявшіе въ родовой іерархіи ниже зайсанговъ, называются собственно «*старшими*» (92, 116, 126), въ отличіе отъ рядовыхъ членовъ сорока и пр.

Стороны (тяжущіеся) 42.

Стража противъ непріятеля. 140.

Стряпчій. 56—58, 60, 64, 111, 168 (п. 17), 196, 215 (п 15) = называется *ярлачей* (Jergatschi по уставу 1640 г.) и состоитъ при судѣ Зарго въ качествѣ исполнительнаго органа. Какъ «экзекуторъ», онъ охраняетъ «судебный порядокъ», считается «начальникомъ стражи» и исполняетъ приговоры суда. Какъ судебный приставъ, онъ вызываетъ стороны къ суду (чрезъ Ельчу) и исполняетъ другія распоряженія суда до и во время судебнаго разбирательства — отбираетъ показанія и пр. Ему же принадлежитъ мировое разбирательство сторонъ, до обращенія ихъ къ формальному суду. Наконецъ, стряпчій завѣдываетъ и нѣкоторыми дѣлами административными, въ особенности о приблудномъ скотѣ (его храненіи, публикаціи) и пр.

Судъ (судоустройство и судопроизводство). 34 (п. 10), 53—103, 130, 167.

Судъ верховный. 34 (п. 10).

Судъ Зарго 23, 35, 45, 46, 53—56, 58, 76—78, 80, 82, 83, 85, 86, 92, 130, 167 (п. 12), 190 (п. 5), 200 = судъ по дѣламъ цѣлаго улуса. О древнемъ значеніи Зарго см. мое сочин «монг.-калм. уставъ», стр. 160, sub voce — «Sargatschi».

Судъ владѣльцевъ 34 (п. 10), 82.

Судъ правителей (казен. улусовъ). 82.

Судъ зайсанговъ. 34 (п. 10).

Судъ улусный. 40, 45, 53, 54, 61, 73, 78, 88, 96, 98, 126, 208 (п. 4).

Судъ военный. 19, 71, 75, 184.
Судъ духовный 4, 5, 43, 52, 157, 159.
Судъ калмыцкій 68, 72 185, 188.
Судъ русскій. 19, 21, 35, 65, 68—78, 80—82, 145, 185, 188.
Судъ уголовный, 37, 40, 126, 157.
Судъ заочный. 60, 61.
Судъ общій (смѣстный). 34 (п. 10).
Судъ неправый. 53, 54.
Сумасшедшіе. 126
Сыновья. 26, 47, 49, 50, 52, 127.
Сходы. См. общество, собраніе.

Т.

Табангоуты. 19, 23, 92, 115 = владѣльцы, рожденные отъ матери простаго состоянія, какъ поясняетъ глосса къ 19 и 23 статьямъ Зинзил постановленій. Въ уставѣ 1640 г. дается имъ значеніе «зятьевъ владѣльцевъ, которые не ханской крови».
Тавро. 165 = клеймо, родовой знакъ (тамга). См. Tamgà въ указат. къ уставу 1640 г., стр. 172.
Тарханъ. См. Darchan
Торгоуты. 119 = особое племя калмыковъ.
Требы духовныя. 13.
Тюрма. 85, 178.
Тяжба. 17, 34 (п. 10), 82, 95. — *Тяжущіеся*. 56.
Тысяча. 140 = военное отдѣленіе улуса, отдѣльная дружина, отрядъ.

У.

Убаша и Убашанца. 2. Въ текстѣ Зинзил. постановленій значеніе ихъ глоссируется въ смыслѣ монашествующихъ (монаха и монахини), что не согласуется съ глоссой по уставу 1640 г., гдѣ убаши и убасанца означаютъ слу-

жителя и служительницу капища. По древнему каноническому праву буддистовъ, здѣсь разумѣются лица, отрекшіяся отъ міра, но еще «не посвященныя», — отъ нихъ отличаются собственно монашествующіе (шабаганци, tschebagantsi) и пустынники (отшельники, діанчи). См. указат. къ уставу 1640 г. стр. 173 и 177.

Убійство. 68, 69, 84, 85, 107, 167 (п. 12); гл. V п. 1; IX п. 1—9; X п. 1—9.

Убіеніе животныхъ. 148, 150.

Убытки судебные. 111.

Увозъ чужой жены. 157.

Укрывательство преступниковъ. 74, 179—181 (XII п. 1—7), 197 (п. 17), 200 (п. 23).

Улики. 101.

Улусъ. 35 (п. 14), 38, 65, 82, 110, 114, 117—119, 150. — Улусъ *владѣльческій.* 4, 34 (п. 10). — Улусъ *казенный.* 4, 6, 35 (п. 13). — Улусъ — отдѣльная кочевая орда, управляющаяся своимъ владѣльцемъ — нойономъ Другіе родовые союзы (аймаки, отоки и пр.) составляютъ отдѣленія улуса. См. указатель къ уставу 1640 г., стр. 174.

Унзудъ. 4 = «въ родѣ игумна»; составляетъ второе лице по бакши. Уставъ 1640 г. не упоминаетъ объ этомъ санѣ. Нѣтъ извѣстій о немъ и въ трудахъ изслѣдователей быта калмыковъ и другихъ монгольскихъ племенъ. «Undsad» (или «Гунзудъ») — терминъ, наиболѣе подходящій къ унзуду — по указаніямъ Палласа и другихъ изслѣдователей, имѣетъ иное значеніе (гецула или дьякона, отправлявшаго во время хурульной службы обязанности начальника хора). См. Pallas Samml. II, стр. 131. І. В. Бентковскаго объясненіе калмыцкихъ праздниковъ, въ Сборн. стат. свѣд. по Ставропольской губерн. вып. VII стр. 26.

Управители улусовъ. 59, 83 = собственно родоправители улусныхъ частей и отдѣленій, зайсанги, управлявшіе родами и аймаками.

Управленіе калмыцкое. 126. См. правленіе улусное.

Управляющіе дѣлами. 26, 28, 36 = лица, участвующія въ родовомъ нарядѣ, главнымъ образомъ зайсанги и подчиненные имъ старосты и старшины.

Урѣзаніе носа (наказаніе). 101.

Установленія военныя. 19, 138—147.

Усыновленіе. 49—51, 163.

Утайка найденнаго скота. 166, 168 (п. 17).

Участники въ преступленіи. 37, 68, 192.

Учитель. 43, 127, 128.

Х.

Хищничество. 86, 107, 146 (п. 5), 189. См. отгонъ скота (баранта).

Хозяинъ кибитки. 120.

Хошоуты 199 = особое племя калмыковъ.

Хотонъ. 18, 37, 73, 118, 120, 121 = нѣсколько родственныхъ кибитокъ (семей), кочующихъ нераздѣльно и имѣющихъ общее хозяйство. О значеніи хотона см. указатель къ уставу 1640 г., стр. 175.

Хурулъ. (гл. I п. 2). 1, 4, 5, 7, 8, 10, 13, 15, 16, 18, 31, 39, 127. Подъ хуруломъ разумѣются, во 1-хъ, молитвенныя кибитки и другія помѣщенія, предназначающіяся для отправленія богослуженія, и во 2-хъ, собраніе духовныхъ, живущихъ при хурулѣ и составляющихъ кочевой «монастырь». О древнемъ значеніи хурула см. указатель къ уставу 1640 г., стр. 176.

Ч.

Части улусовъ. 119=аймаки, роды и другія «отдѣленія»

Членоповрежденія. 35 (п. 12), 209 (п. 10), 215.

III.

Школы народныя при хурулахъ. 127.

Штрафы скотомъ:

a) 27 (9×3) *скотинъ.* 20.
b) *18* (9×2) *скотинъ.* 1, 43.
c) *9 скотинъ.* 22, 30, 34, 35, 43, 44, 138—140, 159, 165, 172, 180, 181, 189, 209, 219.
d) *5 скотинъ.* 1, 22, 25, 40, 43, 52, 86, 116, 154, 190, 209.
e) *3 скот.* 58, 126, 153, 157, 189, 211.
f) *2 скот.* 25, 63, 116, 136, 137.
g) *1 верблюдъ.* 6, 97, 101, 118, 127, 136, 138, 139, 189.
h) *1 лошадь.* 1, 7, 8, 22, 28—30, 34, 39, 61, 101, 118—120, 127, 132, 136—140, 150, 165, 203, 209, 217.
i) *1 рогат. скотина.* 2, 59, 119, 126, 131, 133, 138—140.
k) *1 баранъ.* 10, 25, 119, 131, 150.

Штрафы денежные. 11, 37, 96, 127.

Шюлюнгюсъ. 92 = сборный или старшій староста. Эта должность стоитъ въ связи съ «Schülüngà» по ойрат. уставу 1640 г. Послѣдній означалъ главу аймака. Въ новое время главный нарядъ въ большихъ аймакахъ отошелъ исключительно къ зайсангамъ, — шулюнга превратился въ старшаго старосту, управляющаго небольшимъ аймакомъ. О значеніи шулюнговъ см. указатель къ уставу 1640 г. стр. 170. — Ср. выше демчей, сорока и староста.

Э.

Эпитимія. 150.

Эрге. 95 = владѣльческій домъ (Oergó). См. ставка владѣльческая.

Ѣ

Ѣздовое. 58, 61, 96, 97, 139 (п. 6) = плата судебному посланцу (Ельчи).

Я.

Ябеда. 28, 65, 96.
Яргачей. 57, 58, 64. См стрянчій.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Вопросъ о пересмотрѣ мѣстныхъ законовъ русскихъ калмыковъ, возбужденный оффиціальнымъ путемъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, стоитъ въ тѣсной связи съ принятой въ то время системой кодификаціи общихъ и мѣстныхъ законовъ имперіи и въ томъ числѣ «степныхъ законовъ» восточныхъ инородцевъ. Одновременно съ мѣрами по составленію и изданію «свода степныхъ законовъ» монголо-бурятъ, тунгусовъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ[1]) предпринято было также исправленіе и дополненіе стараго устава русскихъ калмыковъ; въ обоихъ случаяхъ, какъ пересмотръ старыхъ законовъ, такъ и составленіе новыхъ, предоставлялись самимъ инородцамъ, при главномъ участіи и содѣйствіи ихъ родоправителей и духовенства. Имѣвшееся при этомъ въ виду выдѣленіе изъ общей системы кодификаціи русскаго права особой отрасли инородческихъ законовъ и обычаевъ мотивировалось одними и тѣми же причинами — необходимостію установленія у инородцевъ «образа управленія», сообразно съ ихъ народнымъ бытомъ, сложившимся съ цѣлымъ рядомъ совершенно своеобразныхъ условій общественной, преимущественно кочевой культуры,

---

[1]) Первоначальныя работы по составленію этого свода были исполнены въ 1823 г. на мѣстѣ самими инородцами и недавно обнародованы проф. Д. Я. Самоквасовымъ, въ «Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ» (Варш. 1875) Проэктъ окончательнаго свода появился лишь въ 1841 г. и тогда же обнародованъ въ печати («Сводъ степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ восточной Сибири. Спб 1841.») Какъ слышно, вскорѣ послѣдуетъ новое изданіе этого любопытнаго сборника, составляющаго теперь большую библіографическую рѣдкость.

и потому не дававшимъ никакой возможности подчинить инородцевъ вполнѣ общимъ законамъ государства.

Что касается кодификаціи калмыцкаго права, то нельзя не замѣтить, что, при всемъ консерватизмѣ, какимъ изстари отличались степняки — калмыки, два столѣтія, протекшія со времени изданія ихъ племеннаго устава (въ 1640 г.), не даромъ прошли въ жизни этихъ инородцевъ: въ ихъ быту многое измѣнилось, возникли новыя потребности, которымъ не могъ вполнѣ отвѣчать старый уставъ, составленный при иныхъ условіяхъ и порядкахъ общественной жизни народа[1]).

Тѣмъ не менѣе, рядомъ съ новыми условіями, требовавшими соотвѣтственныхъ измѣненій въ племенномъ уставѣ калмыковъ, доселѣ остаются у нихъ неприкосновенными многія бытовыя особенности и черты, изстари характеризующія общественную жизнь всѣхъ племенъ монгольскаго корня. Такова строгая родовая организація, доселѣ существующая у калмыковъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій; таковъ же кочевой, номадный строй всей ихъ жизни и связанная съ нимъ, степная (пастушеская) хозяйственная культура и т. д. Всѣ эти бытовыя особенности и черты патріархальной культуры степняковъ—калмыковъ ясно очерчиваютъ грань, въ предѣлахъ которой имѣютъ силу ихъ племенные законы, приведенные въ «согласность» съ современными потребностями народа. Въ такомъ именно направленіи и велись всѣ работы по кодификаціи калмыцкаго права, произведенныя въ 1822 г. Зинзилинскимъ собраніемъ калмыцкихъ родоправителей и духовенства и получившія затѣмъ новую переработку со стороны учрежденной въ 1825 г. Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Собственно этой Коммиссіи принадлежитъ окончательное редакти-

---

[1]) Несоотвѣтствіе стараго устава съ современными потребностями народа ясно указывается въ уложеніи, составленномъ Зинзилинскимъ собраніемъ. Нѣкоторыя измѣненія, допущенныя собраніемъ въ старомъ уставѣ, прямо мотивируются тѣмъ, что «тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ» (см. статьи 21 и 23 Зинз. постановленій).

рованіе издаваемаго нами сборника калмыцкихъ законовъ, выработанныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ и вошедшихъ въ сводъ Коммиссіи съ измѣненнымъ составомъ и распредѣленіемъ отдѣльныхъ статей. Наше изданіе, такимъ образомъ, обнимаетъ Зинзилинское уложеніе не въ первоначальной его редакціи, какъ оно было составлено собраніемъ 1822 г., но съ позднѣйшей систематизаціей его постановленій, сведенныхъ съ старымъ уставомъ.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленное и дополненное въ Зинзилинскомъ собраніи», представляетъ сводъ ойратскаго устава 1640 г. съ постановленіями Зинзилинскаго собранія, мнѣніями двухъ владѣльцовъ и заключеніями Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Мы и разсмотримъ сначала каждую изъ этихъ составныхъ частей свода въ отдѣльности, а затѣмъ уже изложимъ нѣсколько замѣчаній о сводѣ въ полномъ его составѣ.

I.

Ойратскій уставъ 1640 г. извѣстенъ въ нашемъ сводѣ подъ различными наименованіями. Зинзилинское собраніе называетъ его «калмыцкимъ уложеніемъ» (ст. 68) или просто «уложеніемъ» (ст. 82), также «уложеніемъ великихъ обладателей» (23) и «древнимъ законоположеніемъ, 44-мя владѣтелями изданнымъ» (21-я статья Зинзилинскихъ постановленій)[1]).

[1]) Послѣдній титулъ важенъ по указанію на составъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи устава. Отмѣтимъ здѣсь замѣчательное совпаденіе показанія Зинзилинскаго собранія о числѣ «владѣтелей», составившихъ уложеніе 1640 г., съ показаніемъ введенія къ послѣднему (по переводу Палласа) — о числѣ монгольскихъ и ойратскихъ «племенъ» (Stämme), родоправители которыхъ утвердили ойратскій уставъ. Какъ увидимъ ниже, Зинзилинское собраніе не имѣло въ своемъ распоряженіи, ни монгольскаго подлинника этого устава, ни нѣмецкаго перевода; между тѣмъ, въ русскомъ переводѣ уста-

Въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ мы встрѣтили три различные титулы устава: «древній законъ» (закл. Ком. по 35 статьѣ Зинзил. постановл. п. 13), «древнее уложеніе» (закл. Ком. по 4 п. главы о ловляхъ и промыслахъ, по 2 п. 188 ст., по ст. 202, 205, 210 и 221) и «уложеніе мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» (закл. Ком. по 2 и 6 п. 154 ст. и по 1 п. главы о наслѣдствѣ).

Ойратскій уставъ 1640 г. помѣщенъ въ первой графѣ нашего свода по списку, вполнѣ сходному съ изданнымъ мною спискомъ Бентковскаго и съ упомянутымъ выше (въ введеніи) спискомъ бар. Бюлера[1]). Статьи стараго устава изложены въ сводѣ безъ измѣненій въ ихъ составѣ, но съ инымъ, болѣе

ва, которымъ только и располагало Зинзилинское собраніе значится, что «великое право (т. е. уставъ 1640 г.) . . . мунгальскіе и четырехъ калмыцкихъ народовъ главные владѣтели (въ числѣ 27-ми) . . . постановили и утвердили». Значитъ, Зинзилинское собраніе констатировало вышеуказанное показаніе о числѣ лицъ, участвовавшихъ въ собраніи 1640 г, на основаніи не документальныхъ данныхъ, но какою—то другаго источника, — именно, какъ можно думать, народнаго преданія, путемъ котораго еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія сохранялась у калмыковъ память о старомъ собраніи ойратскихъ вождей, хотя при этомъ число родовъ или племенъ было перенесено преданіемъ на число родоправителей.

[1]) Профессоръ Н. А. Поповъ, въ своей рецензіи на мою книгу о монголо-калмыцкомъ уставѣ (см. Жур. Мин. Просв. 1879, Окт стр. 312—313), указываетъ на варіанты устава по старымъ печатнымъ спискамъ (1776 и 1828 г.г.), которыхъ я не могъ сличить съ изданнымъ мною спискомъ. По поводу такихъ варіантовъ, въ большинствѣ указывающихъ не только на неточности переписчиковъ, но и на намѣренную переработку статей въ позднѣйшихъ спискахъ устава, замѣчу, что всѣ списки русскаго перевода ойратскаго устава слѣдуетъ сводить къ двумъ типамъ: а) *старые* списки 1776 и 1828 г.г., сохранившіе безъ существенныхъ измѣненій первоначальную редакцію русскаго перевода устава, и b) списки *новѣйшіе*, съ переработкой нѣкоторыхъ статей, именно: изданный мной списокъ Бентковскаго, также рукописный списокъ Бюллера,—затѣмъ списокъ, помѣщенный въ первой графѣ нынѣ издаваемаго свода, и наконецъ, по видимому списокъ Мальцова. Переработка замѣчается въ особенности въ статьяхъ 106, 107, 123, 158 и проч. Оригиналомъ новыхъ списковъ послужилъ списокъ, препровожденный въ 1821 г. изъ

систематическимъ распредѣленіемъ ихъ по отдѣльнымъ главамъ свода. Это объясняется особой систематизаціей свода, въ которомъ статьи, однородныя по своему содержанію, сведены по предметамъ въ отдѣльныя главѣ. Далѣе, старый уставъ вошелъ въ сводъ не въ полномъ своемъ составѣ. Изъ него исключены

коллегіи иностранныхъ дѣлъ главному приставу Страхову и бывшій до послѣдняго времени единственнымъ рукописнымъ уставомъ, какимъ руководились калмыцкіе суды (см. мое сочин. «Древн- монголо-калмыцкій уставъ» стр. 32).

Приведу здѣсь варіанты старыхъ списковъ, какъ они указаны въ статьѣ проф. Попова.

Въ введеніи къ уставу по изданію 1776 г. къ имени Эрдени Батура сдѣлано примѣчаніе: «*нынѣшняго* владѣтеля Зонгорскихъ калмыкъ Галданъ-Череня прадѣдъ». Въ спискѣ Сѣв Архива вмѣсто «нынѣшняго» употреблено слово «*послѣдняго*». Прибавлю отъ себя, что въ спискѣ Бюллера все примѣчаніе читается такъ «*Бывшаго* владѣльца *Зюнгорскихъ* (по сп сѣв. Арх. — Зенгорскихъ) калмыкъ Голданъ *Церена* прадѣдъ».

Новые списки:	*Старые списки*:
Статья 106, п. 2. «и за *платье* за каждое брать»	«и за *палазъ*[1]) за каждое брать
— — п. 3. «за барса»	не разобраны издателями
— — п. 4. «за порешню»[2])	
Ст. 107 п. 7 «А кто найдетъ . . . *и такого* съѣстъ»	«А кто найдетъ . . и *такъ его* съѣсть»
Ст. 111. . «или ни ловлѣ звѣрей и возвратно *будучи*»	. . . «или на ловлѣ звѣрей и возвратно *пдучи*»
Ст 123 «Ежели воры *компаніею* что украдутъ, изъ той *компаніи* кто одинъ . . . платить тою *компаніею* . . . А буде кто собравъ *компанію* . . .	Вмѣсто «компанія» вездѣ употреблено слово «*артель*».

---

[1]) По замѣчанію Попова, «такъ и теперь у туркменъ называется ткань изъ верблюжьяго сукна».

[2]) У Попова прибавлено еще — «и барса», но такого мѣста нѣтъ ни въ изданномъ мной спискѣ, ни въ спискѣ Бюлера.

статьи, не имѣющія законодательнаго значенія: введеніе, съ молитвословіемъ и перечисленіемъ лицъ, участвовавшихъ въ

Ст 135 ножикъ . наголище лучное *тахтуй . . тѣслу . . .* хорошіе пахвы . . оправныя *ножны . . . иглу, шило*».

«ножъ . . . влагалище лучное . . тохтуй . . теслу . . хорошія пахви . . оправные ножницы. . . и глушило»

Ст 142. «идолопоклонники»

«*идолослужители*»

Ст. 155 «*отрубить* персты»

«*обрубить* персты»

Ст 157. «Ежели котораго отока *людей* отъ улуса своего замѣшаются» . . . Въ спискѣ Бюлера сказано «Ежели котораго отока *люди* отъ улуса своего замѣшаются» . .

«Ежели котораго отока *люди*, *отлучась* отъ улуса своего, замѣшаются» .

Ст. 158 . . . а буде сіе примется за благо, и оное должны утвердить. А ежели на сіе кто какого представленія не учинитъ, а будетъ прекословить . . претерпитъ *многій* гнѣвъ».

«а буде сіе примется за благо, и оное должны *теперь* утвердить, а ежели на сіе кто *теперь* какого представленія не учинитъ, а *послѣ* будетъ прекословить . . . претерпитъ *мой* гнѣвъ».

Ст. 160.

Присоединено примѣчаніе: «Сіе опредѣленіе видится тогожъ Галданъ Хонгъ Тайджи, или по означенному его указу другими ему представленное и имъ апробованное»

Ст. 162 «а ежели судьи изъ штрафа ко двору надлежащаго не возьмутъ и *не представятъ*, за то съ нихъ взять вдвое».

«а ежели судьи изъ штрафа ко двору надлежащаго *одного верблюда* не возмутъ и за то съ нихъ взять вдвое».

Ст 164 . . . «взять отъ десяти одну среднюю лошадь, а отъ четырехъ и отъ трехъ» . . .

«взять отъ десяти одну среднюю лошадь, *а отъ пяти плохую лошадь*, а отъ четырехъ и отъ трехъ» . . .

Ст. 165. «А кто, кромѣ опредѣленнаго къ кочеванію мѣста . будетъ цѣлый аймакъ (40 кибитокъ) *съ командующимъ*, взять» .

«А кто, кромѣ опредѣленнаго *своего* къ кочеванію мѣста . . . будетъ цѣлый аймакъ (40 кибитокъ), *съ командующаго имъ* взять» . . . Въ спискѣ Бюлера прибавлено «своего», но за то послѣдняя цитата изложена, какъ и въ моемъ спискѣ.

составленіи устава 1640 г., и заключеніе, изложенное послѣ 150 статьи («издревле всѣми добродѣтелями» . . .), затѣмъ титулъ указа Галдана и заключеніе первой его половины, изложенное въ 159-й статьѣ. Кромѣ того, въ сводъ не вошли слѣдующія девять статей: вся первая половина 47 й статьи, гдѣ подробно таксируется плата за невѣсту (до закона о брачномъ возрастѣ), вторая половина 60-й ст. (объ убійствѣ «бѣшеннаго» человѣка), вторая половина 64 ст. («А буде ѣдущаго человѣка лошадь убьетъ другаго человѣка» . . .), 112-я ст. (о «претензіяхъ», заявляемыхъ обвиненнымъ по суду противъ своего соперника), 150-я ст. (о кражѣ котла или тагана), 158-я ст. (о «прекословіи» закону), 160-я ст. (о неявкѣ въ судъ по тремъ повѣсткамъ), 165 ст. (о кочеваньи на чужомъ мѣстѣ) и 166 ст. (о приводѣ перебѣжчиковъ). Исключеніе этихъ статей изъ свода можно объяснить лишь тѣмъ, что, во 1-хъ, Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ, при составленіи своего свода, имѣла подъ руками не старый уставъ 1640 г., но исключительно постановленія Зинзилинскаго собранія, и что во 2-хъ, собраніе вводило въ свое «Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», кромѣ собственныхъ постановленій, также статьи стараго устава, оставлявшіяся собраніемъ безъ всякой перемѣны или съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, съ исключеніемъ изъ «права» лишь статей, подлежавшихъ полной отмѣнѣ. Коммиссія, составляя новый, систематическій сводъ, могла просто просмотрѣть статьи стараго устава, пропущенныя въ работѣ Зинзилинскаго собранія Но такое объясненіе годится лишь отчасти; потому что въ числѣ пропущенныхъ статей есть и такія, которыя Зинзилинскимъ собраніемъ только дополнены и видоизмѣнены, но не вовсе отмѣнены. Такова 160-я статья стараго устава, вошедшая собственно въ составъ 61 статьи Зинзилинскихъ постановленій; точно также 165 и 166 статьи стараго устава соотвѣтствуютъ 73 и 120 статьямъ Зинзилинскихъ постановленій. — Съ другой стороны, въ сводѣ Коммиссіи есть цѣлый рядъ статей стараго устава, повторенныхъ въ разныхъ мѣстахъ свода,

что́ было результатомъ принятой въ немъ, сложной систематизаціи статей по отдѣламъ и главамъ[1]).

Зинзилинское собраніе имѣло въ своемъ распоряженіи только русскій переводъ устава, присланный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1821 г. и, какъ выше замѣчено, во всемъ сходный съ изданнымъ мною текстомъ устава. Ни откуда не видно, чтобы собранію были извѣстны русскіе списки первоначальной редакціи (изд. въ 1776 и 1828 г.), также переводъ Палласа или монгольскій подлинникъ. Понятно отсюда, что статьи, невѣрно редактированныя въ старомъ русскомъ переводѣ, не могли быть вполнѣ исправлены при пересмотрѣ устава Зинзилинскимъ собраніемъ, — нѣкоторыя отмѣны сдѣланы лишь въ статьяхъ, заключавшихъ явныя несообразности[2]).

Значительная часть стараго устава (до 100 статей) вошла въ сводъ Коммиссіи 20-хъ годовъ безъ всякихъ измѣненій и дополненій, при чемъ одни статьи по заключеніямъ Коммиссіи подлежали отмѣнѣ, другія же оставлялись въ полной силѣ. Для насъ интересно прослѣдить въ общихъ чертахъ, что́ въ старомъ уставѣ предполагалось отмѣнить и что́ — утвердить, т. е. другими словами, что́ къ началу нынѣшняго столѣтія уже отжило свое время и что́ сохранилось неприкосновеннымъ въ теченіе почти двухъ-вѣковой жизни калмыковъ (1640—1822 г.г.).

---

[1]) Такихъ статей насчитывается до 32-хъ. Изъ нихъ четыре статьи повторены три раза, — статьи 29, 35, 89 и 148 Остальныя повторены два раза — ст. 3, 6, 10, 12, 14, 20, 25—28, 33, 34, 36, 41, 44, 47, 59, 60, 76, 91, 109, 113, 121. 122, 124, 125, 147 и 163.

[2]) Такимъ образомъ, 134-я статья о платѣ свидѣтелямъ (по переводу Палласа — о платѣ обвинителю) замѣнена собраніемъ новой статьей (111 й); а Коммиссія прямо отмѣнила плату свидѣтелямъ Статья 36-я — о ночлегѣ проѣзжаго у вдовы — точно также замѣнена собраніемъ 132-й статьей, хотя впрочемъ Коммиссія оставила въ силѣ и старую статью (см п. 11 подъ 157 ст. Зинз. постановл).

а) Статьи стараго устава, предположенныя при его пересмотрѣ къ полной *отмѣнѣ*, характеризуютъ вообще тѣ измѣненія, которыя произошли въ общественномъ быту калмыковъ къ началу нынѣшняго столѣтія. Кодификаціонныя работы по калмыцкому праву 20-хъ годовъ ясно показываютъ, что въ это время стали въ особенности сглаживаться основныя черты и признаки стараго политическаго быта калмыковъ — внѣшнее хищничество и связанная съ нимъ военно-дружинная организація родовыхъ союзовъ, вмѣстѣ съ отмѣной политической и отчасти административной автономіи послѣднихъ.

Старый уставъ калмыковъ имѣлъ въ виду цѣли родоваго ойратства (союзности), охрану и поддержаніе политической независимости и могущества ойратскихъ племенъ. Уставъ являлся, такимъ образомъ, нормой междусоюзной ихъ жизни, вносилъ правовыя идеи (ойратство) въ сферу внѣшнихъ племенныхъ отношеній ойратовъ, мало или вовсе не затрогивая внутренняго ихъ быта. Ойратство установлялось между монгольскими родами и племенами, не только въ видахъ ихъ охраны и защиты противъ хищничества внѣшнихъ враговъ, но и ради необходимости организовать силы и средства для собственныхъ хищническихъ предпріятій въ видахъ добыванія добычи — одной изъ главныхъ статей племеннаго хозяйства кочевниковъ. Все это неминуемо вызывало сильную квалификацію родоваго строя монгольскихъ племенъ *военно-дружинными* началами, которыя и были нормированы въ ойратскомъ уставѣ цѣлымъ рядомъ правилъ о хищническихъ предпріятіяхъ, о защитѣ отъ враговъ, о военной добычѣ и пр.

Другая задача стараго ойратскаго устава мотивировалась идеей поддержанія внутренняго мира въ ойратскихъ родахъ, въ видахъ укрощенія въ ихъ средѣ хищническихъ инстинктовъ, всосавшихся въ плоть и кровь монголовъ-кочевниковъ. Отсюда — сильный квалифицированный характеръ, какъ всѣхъ *правонарушеній*, шедшихъ въ разрѣзъ съ идеей ойратства (въ особенности разбоя, грабежа и другихъ личныхъ и имуществен-

ныхъ преступленій), такъ и направленныхъ противъ нихъ строгихъ *наказаній и штрафовъ*, поражавшихъ нарушителей ойратства и касавшихся именно того, что было наиболѣе дорого для стараго кочевника, — его степнаго хозяйства, состоявшаго въ табунахъ и стадахъ (штрафы скотомъ — преобладающая форма наказаній по уставу 1640 г.). Задачи устава въ дѣлѣ охраненія внутренняго ойратства родовыхъ союзовъ находили для себя полное подспорье въ современныхъ условіяхъ хозяйственной культуры средне-азіатскихъ кочевниковъ. Огромные штрафы скотомъ, установленные ойратскимъ уставомъ, прямо указываютъ на то, что во время его составленія степное хозяйство монголовъ велось въ обширныхъ размѣрахъ, дававшихъ полную возможность устанавлять громадные штрафы на случай правонарушеній, въ особенности направленныхъ противъ племеннаго ойратства.

Въ иномъ положеніи очутились чрезъ два вѣка русскіе калмыки — потомки старыхъ ойратовъ Зюнгаріи, перекочевавшихъ въ XVII столѣтіи въ степныя окраины юго-восточной Россіи. Удержавъ старый племенный уставъ, они однако далеко не сохранили въ своемъ быту тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ этотъ уставъ возникъ и рады которыхъ онъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе долго у различныхъ монгольскихъ племенъ.

Во 1-хъ, отъ стараго ойратства — основной политической догмы, нормируемой уставомъ 1640 г., осталось у русскихъ калмыковъ XIX столѣтія лишь темное воспоминаніе. Какъ увидимъ, Зинзилинское собраніе калмыцкихъ родоправителей говоритъ въ своихъ постановленіяхъ лишь объ институтѣ «ойридовъ» — ойратства не цѣлыхъ союзныхъ племенъ, но мелкихъ, родственныхъ между собою союзовъ, безъ стараго широкаго политическаго значенія. Въ эпоху пересмотра племенныхъ законовъ калмыки нуждались въ нормахъ не внѣшняго политическаго ойратства, но бытовыхъ отношеній *внутри* родовыхъ союзовъ. Отсюда цѣлый рядъ новыхъ правилъ, констатированныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ и вовсе неизвѣстныхъ старому уставу калмыковъ.

Во 2-хъ, отмѣна хищничества и основанной на немъ *военно-дружинной* организаціи старыхъ ойратскихъ родовъ дѣлается съ прошлаго столѣтія одной изъ главныхъ цѣлей политики русскаго правительства въ отношеніи къ калмыкамъ. Съ подчиненіемъ ихъ общему наряду государства и, слѣдоват., общегосударственной защитѣ, охрана отъ внѣшнихъ враговъ вошла въ общую систему защиты и охраны общественной безопасности; старая дружинно-родовая организація калмыцкихъ ордъ и улусовъ оказалась не нужной, — внѣшняя защита организуется теперь не самими инородцами, но цѣлымъ государствомъ. Пересмотръ стараго устава калмыковъ, предпринятый въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, и направлялся прежде всего на отмѣну ихъ племенныхъ законовъ о военномъ устройствѣ калмыцкихъ родовъ, вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ общимъ военнымъ законамъ имперіи. Такъ отмѣнены вовсе, безъ замѣны новыми правилами, статьи стараго устава о невыходѣ противъ непріятеля (5), уходѣ изъ боя (13), отбоѣ у непріятеля добычи (19), обязанности «десятковъ» по вооруженію своихъ ратниковъ (48), объ убійствѣ въ бою непріятеля и союзника, о раздѣлѣ добычи и пр. (66—75). Впрочемъ, Зинзилинское собраніе предполагало удержать въ проэктировавшемся сводѣ нѣкоторые военные законы стараго устава (о наказаніяхъ за необъявленіе о приближеніи непріятеля, о наградахъ за военныя заслуги и наказаніяхъ за неисполненіе ратныхъ обязанностей, — 14, 15, 16 и 28 ст. стараго устава), измѣнивъ и дополнивъ ихъ новыми правилами; но и эти статьи Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ предположила уничтожить, вполнѣ подчинивъ калмыковъ русскимъ военнымъ законамъ.

Въ 3-хъ, отъ старой политической независимости ойратовъ не осталось и слѣда въ современномъ быту калмыковъ, вошедшихъ въ составъ русскихъ подданныхъ наравнѣ съ остальнымъ населеніемъ государства. Старый междусоюзный нарядъ хановъ, тайшей и пр. и политическая автономія родовыхъ

союзовъ должны были исчезнуть[1]), уступивъ мѣсто общегосударственному наряду и суду, съ удержаніемъ за калмыками мѣстной автономіи и суда по племенному праву на общемъ основаніи съ другими восточными инородцами. Старыя политическія квалификаціи «лихихъ дѣлъ», шедшихъ въ разрѣзъ съ интересами ойратства (разбой, грабежъ и пр.), должны были съ теченіемъ времени потерять силу. Мало того: съ подчиненіемъ калмыковъ общей защитѣ и юрисдикціи государства, подсудность «лихихъ дѣлъ» выходила изъ непосредственной компетентности инородческихъ законовъ и судовъ и подчинялась общимъ уголовнымъ законамъ государства. Остальныя нарушенія частныхъ правъ личныхъ и имущественныхъ оставлялись по прежнему въ компетентности инородческаго права и родоваго наряда калмыковъ, — отмѣнены лишь немногія статьи стараго устава о нѣкоторыхъ квалифицированныхъ видахъ личныхъ правонарушеній. Такимъ образомъ, отмѣнены статьи, опредѣлявшія наказуемость преступленій подъ вліяніемъ старыхъ бытовыхъ воззрѣній и нравовъ, потерявшихъ позже силу; таково

---

[1]) Къ отмѣненнымъ статьямъ относится 12. а и 158 — о «нарушеніи права» и «прекословіи» ханскому указу. Нарушеніе права трактуется ойратскимъ уставомъ XVII в. въ такомъ же смыслѣ, какъ и «нарушеніе ясака» по монгольскому праву XIII в. (см. мое соч.—«монг.-калм. уставъ», стр 197, п 11 и прим. 1) Нарушеніе «права» возможно было только со стороны родоправителей, «изыначивавшихъ» его, установляя новые законы и примѣняя ихъ къ родовому наряду и пр. Нарушать ойратскій уставъ значило подрывать основу ойратства, — поддержаніе послѣдняго и было главнымъ мотивомъ указанныхъ статей. Съ паденіемъ самостоятельнаго наряда ойратскихъ главъ статьи эти теряли свой raison d'être и потому, при пересмотрѣ ойратскаго устава, отошли къ числу отмѣненныхъ статей. — Замѣтимъ, что 158 я ст., какъ она формулирована въ изданномъ мною спискѣ, совершенно вѣрно названа профессоромъ М. Ф. Будановымъ-Владимірскимъ «необыкновеннымъ постановленіемъ» (Унив. Зап. Кіев. 1879, № 9, стр 198) Но необычайность статьи исчезаетъ, если принять во вниманіе приведенные выше варіанты этой статьи по изданію 1776 г. (см. выше стр. 154): оказывается, что въ этой статьѣ выражено тоже самое правило, какъ и въ статьѣ 12. а, т. е. запрещеніе «прекословить» и нарушать законъ, утвержденный установленнымъ порядкомъ.

ученіе о нанесеніи ранъ и побоевъ деревомъ, камнемъ, кулакомъ и пр., что въ глазахъ стараго воина-кочевника считалось особенно поноснымъ и усиливавшимъ обиду; сюда же относится оскорбленіе женской стыдливости, неприличное поведеніе въ чужомъ домѣ и пр. (ст. 65, 76—79, 96, 101). Изъ статей объ имущественныхъ правонарушеніяхъ вовсе отмѣнена лишь одна статья — о кражѣ скота (9); но и то, какъ кажется, потому, что эта статья собственно была лишней, — въ уставѣ есть цѣлый рядъ другихъ правилъ о кражѣ, подробно таксирующихъ ее, смотря по цѣнности воровскихъ вещей.

Въ 4-хъ, рядомъ съ установленіемъ строгихъ мѣръ противъ внутренняго хищничества и вообще дѣяній, шедшихъ въ разрѣзъ съ основными условіями монгольскаго ойратства, старый уставъ констатировалъ также рядъ положительныхъ мѣръ въ формѣ разнаго рода услугъ ойратству, отдѣльнымъ ойратскимъ родамъ и его членамъ, какъ въ видахъ поддержанія родоваго ойратства, такъ и подъ вліяніемъ гуманитарныхъ идей буддизма, поощрявшаго пощаду жизни во всѣхъ ея видахъ и возводившаго помощь погибающимъ и страждущимъ на степень правовой догмы. Таковы правила ойратскаго устава о наградахъ за истребленіе враговъ ойратства, за оборону родоправителей и другіе военные подвиги и заслуги, — за спасеніе погибающихъ, напр. во время пожара и наводненія, за помощь путнику и пр. Съ отмѣной старыхъ формъ ойратства и съ измѣненіемъ лежавшихъ въ его основѣ политическихъ воззрѣній, возводившихъ въ юридическій долгъ чисто нравственныя дѣянія, должны были измѣниться и нормировавшія ихъ правила ойратскаго устава (статьи — 14, 15, 66—69, 81, 82, 111). Всѣ такія правила въ новое время потеряли силу въ самой жизни и потому Зинзилинское собраніе естественно пришло къ мысли о ихъ отмѣнѣ. Въ его постановленіяхъ, какъ увидимъ ниже, удержались лишь такія правила о наградахъ, которыя коренились исключительно въ гуманитарныхъ воззрѣніяхъ буд-

дизма и потому сохраняли постоянную силу религіозно-правовыхъ догмъ.

Въ 5-хъ, по гражданскому праву предполагалось отмѣнить статьи о «долгахъ» (90 и 161), о платѣ за невѣсту (47. а) и о выкупѣ родными жены, удаляемой мужемъ (126). Статьи о долгахъ отмѣнялись отчасти потому, что въ нихъ рѣчь шла объ обстоятельствахъ, имѣвшихъ временное значеніе при изданіи устава (о долгахъ старыхъ — до 1654 г., о долгѣ какого-то Булана Тайши), отчасти и потому, что Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ установила новыя правила, не приведенныя однакожъ въ составленномъ его сводѣ. Правило о платѣ за невѣсту, очевидно, имѣло силу на почвѣ ойратства, примѣнялось къ бракамъ между отдаленными ойратскими родами и не отмѣняло внутреннихъ обычаевъ каждаго племени и рода въ отдѣльности, предоставлявшихъ таксацію калыма «ряду» въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ новое время ойратское правило потеряло силу и потому было отмѣнено при пересмотрѣ стараго устава. Что касается 126-й статьи о выкупѣ жены, то справедливо замѣчено, что въ русскомъ переводѣ эта статья «совершенно перепутана»[1]), — необычайность правила о выкупѣ жены ея родными, вѣроятно, и была причиной отмѣны этой статьи.

Наконецъ въ 6-хъ, изъ постановленій процессуальныхъ отмѣнена вполнѣ лишь одна статья — о платѣ судебному посланцу людьми (ст. 12), что̀ можно объяснить измѣнившимся характеромъ крѣпостнаго права калмыковъ со времени болѣе близкаго подчиненія ихъ русской власти.

Мы указали на рядъ статей стараго ойратскаго устава, которыя, при пересмотрѣ послѣдняго въ 20-хъ годахъ, предложены были къ полной отмѣнѣ и исключенію ихъ изъ проэкти-

[1]) См. замѣчаніе объ этой статьѣ проф. Буданова-Владимірскаго, въ Унив. Изв. Кіев. 1879, № 9, стр. 200.

ровавшагося, новаго уложенія русскихъ калмыковъ. Оказывается, что къ началу нынѣшняго столѣтія отжили свое время лишь военные законы и законы, касавшіеся главнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, — тѣ и другіе предполагалось замѣнить общими законами государства. Въ остальномъ кодификація калмыцкаго права, предпринятая Зинзилинскимъ собраніемъ въ 20-хъ годахъ, строго держалась консервативной почвы обычнаго права калмыковъ. Консервативность калмыцкаго права еще болѣе выяснится изъ обзора статей стараго устава, утвержденныхъ при его пересмотрѣ безъ всякихъ измѣненій.

b) При составленіи новаго уложенія калмыковъ предполагалось ввести въ его составъ значительное число (до 61) статей стараго устава безъ всякихъ измѣненій. Большинство такихъ статей касается основныхъ началъ общественнаго и правоваго быта калмыковъ.

Сюда относятся прежде всего основныя положенія уголовнаго права. Таковы законы, запрещавшіе шаманскіе обряды (139, 140), также законы о преступленіяхъ личныхъ-членоповрежденіяхъ и выдраніи бороды и уса (98, 102), о преступленіяхъ семейныхъ и противонравственныхъ (54, 92, 94, 146), наконецъ о преступленіяхъ имущественныхъ — о кражѣ (17, 106, 123, 135) и порчѣ вещей (97, 116, 117).

Удержаны, далѣе, старыя правила о наградахъ за спасеніе погибающихъ на пожарѣ или водѣ людей, скота и вещей, — за спасеніе ребенка, котораго будетъ бить лошадь, — за отбой скота у воровъ, за излѣченіе больныхъ и наконецъ за помощь жаждущему (83—86, 110, 114, 115, 144, 163). Всѣ эти постановленія, какъ уже замѣчено, коренились въ гуманитарныхъ воззрѣніяхъ буддизма и потому сохраняли за собой силу обязательныхъ религіозно-правовыхъ догмъ.

Изъ постановленій Зинзилинскаго собранія видно также, что имъ оставлялась неприкосновенной старая система родовыхъ союзовъ съ прежней организаціей внутренняго ихъ наряда, съ прежними разрядами привиллегированныхъ и служеб-

ныхъ сословій, съ прежней системой общественныхъ повинностей, въ особенности ямской и постойной (20, 24, 31, 32, 35, 124) и съ старой системой степной полиціи (80, 155, 157).

Старыя формы хозяйственной культуры степняковъ-калмыковъ остались также безъ существенныхъ измѣненій. Скотоводство и охота — главныя формы калмыцкаго хозяйства по уставу 1640 г. — доселѣ существуютъ у калмыковъ. Относящіяся сюда статьи стараго устава (37, 63, 91, 93, 107, 108, 118, 119, 121, 128—133, 143, 145, 149) оставлены Зинзилипскимъ собраніемъ безъ всякой перемѣны или съ незначительными дополненіями.

Точно также остались безъ всякихъ измѣненій старыя статьи касательно брачныхъ отношеній — о сговорѣ, приданомъ и пр. (46, 49—51, 146).

Тоже самое нужно сказать и о главнѣйшихъ статьяхъ по процессу — о слѣдѣ, показаніяхъ свидѣтелей — рабовъ и пр. (120, 122, 127, 148).

c) Остальныя части стараго устава подверглись болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ и переработкѣ. Прежде всего бросаются въ глаза измѣненія, произведенныя въ системѣ наказаній. Большіе имущественные штрафы (скотомъ) стараго устава, разсчитанные на обширное степное хозяйство среднеазіатскихъ кочевниковъ, при измѣнившихся условіяхъ жизни русскихъ калмыковъ, требовали пониженной таксаціи; въ замѣнъ того, Зинзилипскія постановленія вводятъ весьма мало развитую въ старомъ уставѣ систему наказаній личныхъ — тѣлесныхъ (плеть), осрамительныхъ и пр. Старые законы о преступленіяхъ потерпѣли измѣненія прежде всего въ ученіи о личныхъ обидахъ (словомъ и дѣйствіемъ) — о безчестіи, побояхъ и пр. (21 — 23, 25 — 28, 30, 39, 40, 99, 100, 141), отчасти и въ ученіи объ имущественныхъ правонарушеніяхъ, именно о повторенной кражѣ и потравахъ (37, 89, 156). Впрочемъ, самые институты остались тѣже; они только

развиты нѣсколько подробнѣе и въ особенности измѣнены наказанія.

Измѣненія коснулись также нѣкоторыхъ отношеній сословныхъ и повинностныхъ. Нѣсколько измѣнены правила объ отношеніи родоправителей къ подчиненнымъ (ст. 29), о людяхъ «ламинскихъ» (11), также о перебѣжчикахъ и откочевкахъ (3, 4, 7, 55, 56, 125, 164); но и здѣсь перемѣны ограничиваются лишь болѣе подробнымъ развитіемъ институтовъ. Въ такомъ же направленіи измѣнены статьи о ямской повинности (33, 34), владѣльческихъ сборахъ (38) и призрѣніи бѣдныхъ (151—154).

Въ томъ же духѣ произведены измѣненія въ статьяхъ, относящихся къ гражданскому праву (ст 47 — о брачномъ возрастѣ и обязательности браковъ, ст. 52 и 53 — объ усыновленіи, ст 45 и 147 — о наслѣдованіи) и процессу (о судьяхъ, обвинителяхъ, позвѣ, обыскѣ и пр —ст. 134, 136—138, 162).

Такимъ образомъ, кромѣ ученія о наказаніяхъ, всѣ указанныя измѣненія имѣли болѣе редакціонный характеръ, мало касались самой сущности институтовъ. И тѣ новыя правила, которыя, какъ увидимъ ниже, Зинзилинское собраніе предлагало ввести въ составъ проэктировавшагося уложенія калмыковъ, въ существѣ вещи не представляли ничего новаго, но воспроизводили лишь то, что издавна существовало на дѣлѣ въ видѣ народныхъ обычаевъ.

II.

Постановленія Зинзилинскаго собранія калмыцкихъ родоправителей и духовенства составляютъ основную часть издаваемаго нами сборника. Мы скажемъ объ общемъ титулѣ этихъ постановленій, ихъ источникахъ, внѣшнемъ составѣ, редакціи, системѣ изложенія статей и въ заключеніе сдѣлаемъ

общую характеристику (по формѣ и содержанію) новыхъ правилъ, предложенныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ въ составъ проэктировавшагося калмыцкаго уложенія.

а) Зинзилинское собраніе призвано было для составленія новаго «уложенія» калмыковъ Оно само называетъ свои постановленія «*уложеніемъ*»[1]), а въ другомъ мѣстѣ «*переводомъ 1822 года*» (см. примѣч. къ 126-й статьѣ Зинз. постановл.). Подъ послѣднимъ титуломъ постановленія Зинзилинскаго собранія упоминаются также въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Такъ, Коммиссія утвердила 44-ю статью Зинзилинскихъ постановленій слѣдующей резолюціей: «допустить по содержанію *перевода въ 1822 году исправленнаго*»[2]). Въ заглавіи второй графы издаваемаго нами свода, гдѣ помѣщены постановленія Зинзилинскаго собранія, стоитъ такой титулъ: «измѣненія и дополненія Зинзилинскаго собранія» Кромѣ того, въ заключеніяхъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ находимъ слѣдующія названія работъ Зинзилинскаго собранія: «*Зинзилинскія постановленія*» (закл. Ком. по 2 п. I гл. и ст. 165) или — «постановленія, въ Зинзиляхъ сдѣланныя» (закл. Ком. по 165 ст.), — также «*положенія*, сдѣланныя въ Зинзиляхъ» (ст. 20), и *Зинзилинскія мнѣнія* или мнѣнія поданныя въ Зинзиляхъ (ст. 6, 40, 127 и пр.).

---

[1]) «поелику тогдашнее время не сходствуетъ съ настоящимъ и жестокость наказанія (по старому уставу) превышаетъ *сіе наше уложеніе*» . . . Здѣсь «древнему законоположенію 44-мя Владѣтелями изданному», т. е. уставу 1640 г. (установившему смертную казнь за поднятіе оружія противъ владѣльцевъ), прямо противополагается новое уложеніе Зинзилинскаго собранія, смягчившаго «жестокость» наказаній стараго устава. Такой же смыслъ имѣетъ «уложеніе» въ 146 статьѣ, гдѣ Зинзилинское собраніе дѣлаетъ ссылку на 83-й пунктъ «сего уложенія». Значеніе такой ссылки будетъ разъяснено ниже (см. пунктъ *d* этой же главы).

[2]) Происхожденіе этого титула объясняется тѣмъ, что и русскій текстъ устава 1640 г. по всѣмъ главнымъ спискамъ называется «переводомъ съ права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» (см. мое сочин. «древн. монг.-калм уставъ», стр 11).

b) При изученіи Зинзилинскаго «уложенія» въ цѣломъ его составѣ прежде всего возникаетъ вопросъ о его *источникахъ*. Откуда калмыцкіе родоправители и духовные главы (жрецы) черпали свои постановленія? Составляли ль они сборникъ кодифицированнаго обычнаго права калмыковъ, или же напротивъ—изданное ими уложеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ сборникъ законовъ, «изобрѣтавшихся» калмыцкими родоправителями по ихъ субъективному усмотрѣнію, безъ соображенія съ обычнымъ правомъ народа? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы дается самымъ уложеніемъ Зинзилинскаго собранія Въ немъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ ссылокъ и указаній на источники отдѣльныхъ статей: старые законы, «обряды, родовыя права, преданія и обычаи» служили главнымъ источникомъ Зинзилинскихъ постановленій.

Главной основой Зинзилинскаго уложенія служилъ прежде всего *старый ойратскій уставъ*, имѣвшій значеніе сборника кодифицированнаго обычнаго права калмыковъ. Зинзилинское собраніе извлекало изъ стараго устава руководящія начала и приспособляло ихъ къ современнымъ правовымъ воззрѣніямъ и обычаямъ народа. Большинство институтовъ Зинзилинскаго уложенія взято, какъ мы видѣли, изъ стараго устава, — институты только болѣе выяснены и дополнены.

Другимъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія нужно считать мѣстные *законы Дербетевскаго улуса*, сохранившіеся въ добавленіи къ нѣмецкому переводу стараго устава (см. мое сочин. — «монг.-калм. уставъ», стр. 145—150). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, при пересмотрѣ устава 1640 г., Зинзилинское собраніе имѣло подъ рукой Дербетевскіе законы, какъ это видно изъ буквальнаго сходства нѣкоторыхъ статей Зинзилинскаго уложенія и Дербетевскихъ законовъ, большинство которыхъ вошло въ составъ Уложенія съ бо́льшими или меньшими измѣненіями. Такимъ образомъ, 4 и 5 ст. Зинз. постановленій (о ношеніи «оркомжи») — не больше, какъ развитіе 147 статьи Дербетевскаго устава; такое же соотвѣтствіе замѣчается между 7—11 ст. Зинз. пост. (о пьян-

ствѣ духовныхъ) и 145—146 ст. Дербет.; 13 ст. Зинзил. (о безбрачіи духовныхъ) = 146 Дерб ; 15 ст. Зинз. (о вступленіи въ духовное званіе) = 147 Дерб ; 24—27 Зинз. (объ обидахъ, наносимыхъ родоправителями другимъ лицамъ) = 151 и 164 Дерб.; 125 и 222 Зинз. (объ одеждѣ—ношеніи косъ и кистей) = 163 Дерб.; 127 и 128 Зинз. (о воспитаніи) = 149 Дерб.; 148 и 150 Зинз. (о постахъ, убіеніи животныхъ, заповѣдяхъ и пр.) — 148 Дерб.[1]). Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ Зинзилинское уложеніе вошло до 20 статей, взятыхъ изъ старыхъ Дербетевскихъ законовъ.

Не менѣе важнимъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія было *каноническое право* ламаитовъ, имѣвшее своихъ проводниковъ на Зинзилинскомъ собраніи въ лицѣ мѣстныхъ ламъ и гелюнговъ (жрецовъ) Дѣло въ томъ, что значеніе ламайскаго духовенства въ общественной жизни калмыковъ было громадно до послѣдняго времени (см. напр. статью Бюлера о калмыкахъ, въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр. 99, 120 и слѣд.). По отзыву, данному въ 1810 г. главнымъ приставомъ калмыковъ

[1]) Такое же сходство съ Дербетовскими законами можно найти въ мнѣніяхъ двухъ членовъ Зинз. собранія. Для бо́льшей наглядности мы изложимъ здѣсь параллельно 157 статью Дербет. устава и 20-й пунктъ главы о воровствѣ по Зинз. уложенію:

«Wer Waaren, mehr als einen Rubel an Werth stiehlt, soll dem, der es entdeckt, ein Pferd, an die Gotzenhutte ein Pferd, an den Fursten ein Kameel, an jeden der Richter eine Kuh, an den Unterrichter (Jergatschi) ein Pferd, an den Gerichtsboten ein Pferd, noch uber die zuerkannte Strafe, erlegen».

«Со всякимъ похитителемъ товаровъ, цѣною выше одного рубля, поступить по вышеписанному законоположенію, соблюдать всегда мѣру, опредѣленную штрафомъ, — претендателю искъ удвоить и дать ему же овцу на созженіе и человѣка на услугу, Богамъ на жертву трехъ-лѣтнюю лошадь, владѣльцу — верблюда, судьѣ четырехъ-лѣтнюю корову, свидѣтелю четырехъ-лѣтнюю лошадь, посланцу 3-хъ-лѣтн. лошадь, палачу 3.хъ-лѣтн. же лошадь, мѣстному старшинѣ верблюда, судьямъ, рѣшившимъ дѣло, взять по старшинству достоинствъ».

о ихъ судѣ и расправѣ, «духовные вмѣшиваютъ въ судопроизводство нѣкоторыя правила вѣры, которыя у калмыковъ составляютъ какъ будто духъ невидимой, но законодательной власти духовенства» (см. тамъ же, стр. 73). Тѣмъ болѣе такая «власть» должна была сказаться при пересмотрѣ калмыцкаго устава въ 1822 г., когда значеніе ламайскаго духовенства удерживалось еще въ полной силѣ. Въ Зинзилинскомъ уложеніи есть цѣлыя главы (о духовныхъ и дѣлахъ вѣры) и ряды статей (3, 6 — 13, 15, 17, 18, 148 — 150), основанныхъ на системѣ такъ назыв. «запрещенныхъ заповѣдей», или обѣтовъ, какимъ обязаны посвящать себя буддисты — міряне и духовные. Объясненіе такихъ обѣтовъ, какъ и правилъ о вступленіи въ духовенство, его правахъ и пр., даютъ буддійскія каноническія книги[1]), относящіяся вообще къ числу главныхъ источниковъ новаго уложенія калмыковъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Зинзилинское собраніе, стоявшее на почвѣ своего мѣстнаго каноническаго права, стремилось къ возстановленію чистоты буддійскихъ правилъ жизни, которымъ далеко не отвѣчала дѣйствительная жизнь калмыцкаго духовенства, какъ это видно изъ показаній современныхъ наблюдателей, рисующихъ вообще неприглядную картину отношеній ламайскаго духовенства къ мірянамъ, съ ихъ демонализующимъ вліяніемъ на послѣднихъ, любостяжательностью, вмѣшательствомъ въ мірскія дѣла и пр.[2]). Въ этомъ отношеніи Зинзилинское собраніе стояло на высотѣ своей задачи, имѣло въ виду поднять бытъ калмыцкихъ духовныхъ на уровень буддійскихъ идеаловъ Отсюда цѣлый рядъ новыхъ статей, до значительной степени ограничивавшихъ права духов-

---

[1]) Наприм., переведенный г. Минаевымъ «Буддійскій служебникъ», извѣстный подъ именемъ «Пратимокша—Сутра».

[2]) Интересныя данныя о положеніи ламайскаго духовенства у калмыковъ и другихъ восточныхъ инородцевъ изложены въ трудахъ Палласа, Преосвящ. Нила, Бюлера и др.

ныхъ. Таковъ характеръ правилъ, изложенныхъ въ 12-й ст. объ имущественныхъ правахъ гелюнговъ (посвященныхъ, жрецовъ) и основанныхъ на буддійскомъ ученіи объ отреченіи «посвященныхъ» отъ всего мірскаго; таковъ же источникъ 17 и 18 статей, направленныхъ противъ вмѣшательства духовныхъ въ общественныя дѣла, — или 148—150 статей, основанныхъ на буддійскомъ ученіи объ обѣтахъ («запрещенныхъ заповѣдяхъ») касательно соблюденія постовъ, молитвъ, чтенія книгъ, воздержанія отъ убіенія животныхъ и пр.[1]).

Наконецъ, кореннымъ источникомъ Зинзилинскаго уложенія нужно считать *обычное право* калмыковъ. Зинзилиское собраніе нерѣдко ссылается въ своихъ постановленіяхъ на «обычай» (ст. 92), «обыкновеніе» (115), «обрядъ», иногда «калмыцкій обрядъ» (къ ст. 15, 45, 72, 92, 115, 143, 222), «правило» (ст. 222), «преданіе» (115), «права», иногда «родовыя права предковъ» (ст. 28, 45, 49, 65, 83, 92). Всѣ новыя правила, записанныя Зинзилинскимъ собраніемъ въ проэктировавшееся уложеніе калмыковъ, взяты изъ ихъ народныхъ обычаевъ. Таковъ источникъ постановленій объ откочевкахъ (ст. 37, 38, 118—121), о родовой барантѣ (ст. 45—48) и пр. Обычай баранты называется «калмыцкимъ правомъ» и производится, «какъ обрядами установлено». По 49-й статьѣ ближніе родичи наслѣдуютъ «по правамъ». Статьи о Ельчи (37, 57, 61, 96 и пр.) и Яргачеѣ (57, 58 и др.) трактуютъ о старинныхъ институтахъ калмыцкаго суда, извѣстныхъ еще уставу 1640 г., — Зинзилинское собраніе только болѣе отчетливо объясняетъ сущность этихъ институтовъ, какъ они сложились въ судебныхъ обычахъ калмыковъ. Изъ того же источника взяты всѣ новыя правила о процессѣ. По 83 статьѣ судъ Зарго рѣшаетъ дѣла «сообразно родовымъ правамъ»; наказанія и штрафы нерѣдко назначаются просто «по калмыцкому

---

[1]) Ср. «объясненіе праздниковъ» Бентковскаго, въ Сборн. статистич. свѣд. о Ставроп. губ. VII, стр 24.

обряду» (ст. 72 и 143). Таковъ же источникъ статей о вызовѣ въ судъ (61), дознаніи и слѣдствіи (68), исполненіи судебныхъ приговоровъ (97), слѣдѣ (106, 111) и пр. Правила о повиновеніи родоправителямъ (ст. 65, 115, 116) предписываютъ воздавать имъ «приличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести», какъ и вообще требуютъ отъ всѣхъ «держаться прославленнымъ правамъ родовымъ нашихъ предковъ, съ древнихъ временъ доднесь существующимъ» (ст. 65). На Зинзилинскомъ собраніи записывались не только старые народные обычаи, о которыхъ едва есть намеки въ уставѣ 1640 г. (напр. обычай мѣны женъ, упоминающійся въ 157 ст. Зинз. пост.), но и современные обычаи, выработавшіеся въ жизни инородцевъ въ новое время и требовавшіе соотвѣтственныхъ измѣненій въ старомъ уставѣ. Обычаи послѣдняго рода напр. несомнѣнно легли въ основу новой системы тѣлесныхъ наказаній, введенныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ: система эта практиковалась задолго до Зинзилинскаго собранія, — послѣднее лишь записало въ своемъ уложеніи обычаи, выработавшіеся въ практикѣ калмыцкихъ судовъ.

с) Зинзилинское уложеніе, въ томъ видѣ, какъ оно изложено во второй графѣ издаваемаго нами свода калмыцкихъ законовъ, стоитъ изъ 224-хъ статей. Но, во 1-хъ, въ составѣ уложенія недостаетъ вовсе одной статьи, именно 141-й, которая по видимому пропущена переписчикомъ[1]). Во 2-хъ, въ уложеніи насчитывается 61 лишнихъ статей, представляющихъ буквальное повтореніе статей, воспроизведенныхъ въ другихъ мѣстахъ[2]).

---

[1]) Счетъ статей въ уложеніи идетъ правильно до 140 статьи; слѣдующая за ней статья отмѣчена не 141, а 142, — затѣмъ счетъ статей идетъ правильно до самаго конца. Возможность пропуска въ этомъ мѣстѣ можно допустить уже въ виду того, что такіе же пропуски замѣтны въ 1-й графѣ и въ оглавленіи свода (пропущены 10 и 18 главы).

[2]) Именно: 32, 33, 66, 67, 79, 87, 89—91, 93, 94, 102, 103, 105, 109, 113, 114, 117, 122—125, 128 п. 2 и 3, 129, 134, 142, 143, 145, 155, 157, 162, 164, 171, 173—175, 183, 184, 190, 194, 196, 197, 199, 200, 202, 204—208 210, 212—216, 218, 220, 223, 224

Нѣкоторыя изъ такихъ статей повторяются три и четыре раза; напр., правило объ обнаженіи оружія противъ Владѣльцевъ буквально повторяется въ статьяхъ 21, 66, 205 и 220; правила о розысканіи перебѣжчиковъ — въ ст. 38, 89, 125 и 183; статья 51-я воспроизведена также подъ ст. 91, 103 и 155, какъ и ст. 19-я — подъ ст. 67 и 142 и пр. Всѣ эти повторенія — результатъ принятой въ сводѣ системы распредѣленія статей по отдѣльнымъ главамъ: постановленія сложныя, касавшіяся нѣсколькихъ предметовъ, буквально воспроизводились въ соотвѣтственныхъ главахъ. Такимъ образомъ, правило объ обнаженіи оружія противъ владѣльцевъ повторено въ 4-хъ главахъ — о владѣльцахъ, судѣ, безчестьяхъ и въ послѣдней главѣ — о разныхъ предметахъ. Точно также правило о перебѣжчикахъ воспроизведено въ слѣдующихъ главахъ: о владѣльцахъ, судѣ, благоустройствѣ и бѣглыхъ. Есть и такія повторенія, которыя трудно объяснить, — напр. статьи 50 и 51 воспроизведены два раза въ одной и той же главѣ о судѣ (первая подъ ст. 90 и 102, вторая подъ 91 и 103). За вычетомъ всѣхъ повторенныхъ статей оказывается, что Зинзилинское собраніе составило всего 162 новыхъ статей въ замѣнъ или дополненіе къ старому уставу.

d) Есть основанія заключать, что Зинзилинское уложеніе первоначально имѣло иную *редакцію*, отличную отъ той, какую оно получило въ издаваемомъ нами сборникѣ. Поводъ къ такому заключенію даютъ нѣкоторыя статьи уложенія, въ которыхъ есть ссылки на другія его правила и статьи, при чемъ между ссылкой и указываемой статьей не оказывается никакого соотвѣтствія Подобную ссылку мы нашли въ 146 статьѣ Зинзилинскаго уложенія, предлагающей «съ трусливыми (въ бою съ непріятелемъ) поступать по силѣ *сего* уложенія (т. е. составленнаго собраніемъ 1822 г) 83 пункта». Здѣсь разумѣется не 83 ст. стараго устава, но и не постановленіе Зинзилинскаго собранія, изложенное въ нашемъ сводѣ во второй графѣ подъ соотвѣтственнымъ номеромъ. Очевидно, здѣсь дѣ-

лается ссылка на какую-то иную статью уложенія[1]) и именно по первоначальной его редакціи, составленной Зинзилинскимъ собраніемъ и затѣмъ измѣненной Коммиссіей при составленіи ею нашего свода. Все это становится понятнымъ, если допустимъ, что Коммиссія, измѣняя систему распредѣленія статей Зинзилинскаго уложенія, не обратила вниманія на то, что соотвѣтственно съ такимъ измѣненнымъ распредѣленіемъ статей нужно было измѣнить и находящіяся въ нихъ ссылки одной статьи на другую. Въ нашемъ сводѣ, такимъ образомъ, остались старыя ссылки въ томъ самомъ видѣ, какъ они были сдѣланы при первомъ редактированіи уложенія Зинзилинскимъ собраніемъ, — подобныя ссылки, понятно, не подлежатъ никакой провѣркѣ въ нашемъ сводѣ, при переработанной въ немъ системѣ распредѣленія статей Зинзилинскаго уложенія.

Вопросъ о первоначальномъ составѣ Зинзилинскаго уложенія, до переработки его Коммиссіей, объясняется до нѣкоторой степени примѣчаніемъ къ 126-й статьѣ этого уложенія, (о призрѣніи бѣдныхъ) Здѣсь говорится о назначеніи штрафовъ по преступленіямъ на содержаніе бѣдныхъ, «какъ можно сіе видѣть» изъ такихъ-то параграфовъ (точно указанныхъ въ текстѣ) «перевода 1822 года», «добавочныхъ къ нему пунктовъ» и «прибавленій къ переводу». Значеніе «перевода 1822 г.» мы объяснили выше, въ отдѣлѣ о титулахъ, подъ какими упоминается Зинзилинское уложеніе въ изданномъ нами сводѣ. Въ данномъ случаѣ примѣчаніе къ 126 статьѣ дѣлаетъ ссылки на другія статьи того же уложенія; но мы напрасно стали бы провѣрять всѣ эти ссылки по уложенію, какъ оно изложено въ нашемъ сводѣ, — мы не найдемъ никакого соотвѣтствія между параграфами, перечисленными въ указанномъ примѣчаніи, и соотвѣтственными статьями уложенія. Ясное дѣло, что примѣчаніе къ 126 статьѣ имѣло въ виду иной составъ уложенія, отличный отъ состава, полу-

[1]) Ближе всего по содержанію подходитъ къ указанной ссылкѣ 19-я статья Зинз. уложенія по нашему своду.

ченнаго имъ въ переработанномъ сводѣ Коммиссіи. Точно также, руководясь составомъ уложенія по этому своду, мы не найдемъ никакихъ объясненій, въ какомъ отношеніи къ «переводу 1822 г.» стояли «добавочные къ нему пункты» и «добавленія къ переводу». Изъ примѣчанія къ 126 статьѣ видно одно: въ этомъ мѣстѣ само Зинзилинское собраніе, перечисляя свои постановленія о назначеніи штрафовъ въ пользу бѣдныхъ, дѣлаетъ указаніе на составъ работъ, произведенныхъ собраніемъ по пересмотру и исправленію стараго калмыцаго устава, — работъ, которыя и были изложены собраніемъ въ трехъ упомянутыхъ памятникахъ, взятыхъ затѣмъ Коммиссіей калмыцкихъ дѣлъ въ основу составленнаго ею свода. Трудно сказать, въ чемъ разница и каково отношеніе между указанными тремя работами Зинзилинскаго собранія. Можно только догадываться, что подъ «переводомъ 1822 г.» («исправленнымъ», какъ добавляетъ заключеніе Коммиссіи по 44 статьѣ) разумѣлась основная работа Зинзилинскаго собранія, въ которую входили статьи стараго устава, принятыя собраніемъ безъ всякихъ перемѣнъ, вмѣстѣ съ статьями, исправленными и дополненными собраніемъ. Въ «добавочныхъ къ переводу пунктахъ» могли быть изложены собраніемъ новыя статьи, составленныя имъ на основаніи народныхъ обычаевъ и другихъ источниковъ, о которыхъ не было рѣчи въ старомъ уставѣ. Наконецъ, «прибавленіи къ переводу» могли содержать въ себѣ правила, заявленныя на собраніи двумя владѣльцами и изложенныя въ 3-й графѣ нашего свода. Этимъ-то матеріаломъ и могла воспользоваться Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ при составленіи своего «Права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ», сводя въ немъ упомянутые три памятника въ одно мѣсто (именно по тремъ параллельнымъ графамъ, введеннымъ въ составъ изданнаго Коммиссіей «Права») и измѣнивъ по иной системѣ (именно по отдѣльнымъ главамъ) принятый въ работахъ собранія порядокъ изложенія отдѣльныхъ статей. Намъ неизвѣстна судьба подлинныхъ работъ Зинзилинскаго собранія, на которыя мы нашли указанія въ примѣчаніи къ 126 статьѣ

изданнаго нами сборника; вѣроятно, ихъ слѣды можно открыть въ дѣлахъ бывшей Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ калмыцаго управленія. — Въ заключеніи замѣтимъ, что указаннымъ обстоятельствомъ (т. е. переработкой уложенія, составленнаго Зинз. собраніемъ) объясняется и другая особенность, встрѣченная мной въ изданномъ мною сборникѣ: въ немъ нѣкоторыя постановленія Зинзилинскаго собранія помѣщены не во второй графѣ, какъ бы слѣдовало, а въ первой или третьей, т. е. отнесены къ составу стараго устава или къ мнѣніямъ двухъ членовъ[1]). Еслибы распредѣленіе статей по графамъ производило само собраніе, то свои собственныя рѣшенія оно не причислило бы ни къ старому уставу, ни къ мнѣніямъ двухъ владѣльцевъ; и наоборотъ — Коммиссія, составляя систематическій сводъ работъ Зинзилинскаго собранія, легко могла смѣшать отдѣльныя статьи и помѣстить ихъ въ ненадлежащихъ мѣста свода.

е) Кромѣ измѣненій въ старомъ уставѣ, указанныхъ нами въ первой главѣ, Зинзилинское собраніе ввело въ свое уложеніе рядъ новыхъ правилъ, взятыхъ изъ обычаевъ и другихъ источниковъ. Измѣненія статей стараго устава состояли, какъ мы видѣли, въ простыхъ редакціонныхъ поправкахъ[2]), въ сокращеніи[3]) или развитіи статей[4]) и наконецъ въ измѣненіи самыхъ институтовъ. Что касается новыхъ правилъ, выработанныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ, то мы разсмотримъ ихъ содержаніе въ пятой главѣ настоящихъ примѣчаній; здѣсь же лишь замѣтимъ, что въ своихъ новыхъ правилахъ Зинзилин-

---

[1]) Мнѣнія двухъ членовъ по 2 и 3 пунтамъ главы о повинностяхъ изложенныя въ слѣдъ за 128 ст. Зинз. улож. составляютъ собственно повтореніе 41 и 42 ст. Зинз. уложенія, и потому неправильно помѣщены въ 3-й графѣ. Точно также подъ 190 ст. Зинз. уложенія неправильно внесена въ 1-ю графу вся вторая половина 3-го пункта главы о воровствѣ; здѣсь изложено новое правило собранія и повторены статьи 40 и 35.

[2]) Ср. напр. 60 ст. Зинз. улож. и 136 ст. стараго устава.

[3]) Ср. 132 ст. Зинз. улож. и 36 ст. стараго устава и пр.

[4]) Напр. 162 ст. развита въ 53—55 статьяхъ новаго уложенія.

ское собраніе дополняетъ постановленія стараго устава о сословіяхъ (духовенствѣ, владѣльцахъ, зайсангахъ и простолюдинахъ), отчасти о родовомъ нарядѣ и повинностяхъ, также объ отношеніяхъ права гражданскаго, уголовнаго и процесса. Особенно интересны правила, взятыя изъ народныхъ обычаевъ напр. объ «ойридахъ» (ст. 92, 222), о родоправителяхъ — ихъ правахъ и обязанностяхъ (24 — 28, 35, 40 — 42, 65, 115 и пр.), имущественныхъ правахъ супруговъ, насильныхъ бракахъ, (151, 152, 161), наслѣдованіи женщинъ и родовой барантѣ (45—48, 158, 163), усыновленіи и воспитаніи дѣтей (49—51, 127, 128). Точно также въ уголовномъ правѣ уложенія находимъ цѣлый рядъ новыхъ институтовъ. Кромѣ новой системы тѣлесныхъ наказаній, сюда относятся правила объ уголовномъ вмѣненіи, въ особенности о состояніи необходимой обороны (84, 107, 176—178), также о явномъ грабежѣ, тайномъ воровствѣ, мошенничествѣ съ обманомъ и пр. (185—188). Наконецъ, уложеніе излагаетъ подробное ученіе о подсудности дѣлъ, обязанностяхъ судей и другихъ исполнительныхъ лицъ (Яргачея и Ельчи) и объ отдѣльныхъ процессуальныхъ дѣйствіяхъ — о вызовѣ въ судъ, дознаніи, допросѣ, обыскѣ, слѣдѣ, присягѣ, исполненіи приговоровъ и ихъ обжалованіи (57, 58, 61 и др.).

III.

Мнѣнія двухъ владѣльцевъ составляютъ третью часть «Права мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ, исправленнаго и дополненнаго въ Зинзилинскомъ собраніи». Всѣ такія «мнѣнія» (болѣе 100 статей) изложены въ видѣ отдѣльныхъ правилъ, служащихъ дополненіемъ или измѣненіемъ постановленій собранія калмыцкихъ родоправителей. Нѣкоторыя мнѣнія воспроизводятъ тѣже самыя правила, что и постановленія всего собранія, придавая послѣднимъ лишь болѣе точную редак-

цію[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Зинзилинское собраніе измѣняло правила стараго устава, мнѣнія двухъ владѣльцевъ настаиваютъ нерѣдко на удержаніи послѣднихъ. Иногда вся цѣль мнѣній заключается въ разъясненіи сущности и деталей институтовъ стараго устава. Такимъ образомъ, имущественные штрафы (скотомъ) опредѣляются въ этомъ уставѣ по системѣ девятериць; но каковъ именно составъ послѣднихъ, уставъ не разъясняетъ, — разъясненіе такое дается мнѣніями двухъ владѣльцевъ, руководившихся въ этихъ случаяхъ старыми народными обычаями. Таково напр. разъясненіе состава штрафа 9×9 въ мнѣніи по 1-й статьѣ Зинзилинскаго уложенія: здѣсь точно опредѣляется, сколько и какого рода скотъ отчисляется въ составъ упомянутаго штрафа. Наконецъ, два владѣльца въ своихъ мнѣніяхъ дополняютъ правила Зинзилинскаго собранія указаніемъ на старые обычаи, — напр., по 4-й статьѣ объ обязанностяхъ хурульныхъ владѣльцевъ, по 13-й статьѣ о безбрачіи духовныхъ и пр. Подобныя дополненія нерѣдко также указываютъ на новыя правила, напр. о невмѣшательствѣ духовныхъ въ свѣтскія дѣла (ст. 4), о смѣстныхъ судахъ (ст. 34) и пр. Указанныя добавленія излагаются нетолько по отдѣльнымъ статьямъ Зинзилинскихъ постановленій, но и въ видѣ самостоятельныхъ добавочныхъ правилъ къ цѣлымъ главамъ, безъ всякаго отношенія къ статьямъ уложенія[2]).

Изъ сказаннаго видно, что правила, предложенныя двумя калмыцкими владѣльцами на Зинзилинскомъ собраніи, нельзя назвать собственно «особыми мнѣніями», въ которыхъ бы высказывалась рознь воззрѣній, разногласіе въ средѣ членовъ собранія.

---

[1]) Такъ, мнѣніе по 6-й статьѣ Зинз. уложенія болѣе точно констатируетъ, въ чемъ именно состоитъ нарушеніе «запрещенныхъ заповѣдей», самая же сущность правила осталась безъ всякой перемѣны

[2]) Такія самостоятельныя добавленія изложены: въ 17—19 пунктахъ главы о духовныхъ, 3, 5 и 6 п. главы о гражд. благоустр.; 1 — 3 п. гл. о повинностяхъ; 1 — 7 п. гл. о подводахъ и пр. Изъ мнѣній двухъ владѣльцевъ составлена отдѣльная глава — о играхъ и пиршествахъ.

По всему видно, авторы «мнѣній», изложенныхъ въ 3-й графѣ нашего свода, являлись въ собраніи знатоками обычнаго права калмыковъ, вносили изъ него въ проэктировавшееся уложеніе нѣкоторыя детали народныхъ обычаевъ, давали разъясненія и дополненія къ положеніямъ, развитымъ ойратскимъ уставомъ и уложеніемъ Зинзилинскаго собранія. Это были прежде всего сторонники стараго «калмыцкаго обряда», хотя въ тоже время они стояли и за новые порядки, именно тамъ, гдѣ эти порядки вызывались современными потребностями народа (напр. въ дѣлѣ устраненія духовенства отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла мірянъ и пр.).

IV.

Заключенія Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ составляютъ четвертый отдѣлъ издаваемаго нами сборника. Коммиссія давала свои заключенія по отдѣльнымъ статьямъ стараго устава и Зинзилинскихъ постановленій, и притомъ въ смыслѣ утвердительномъ или отрицательномъ («оставить въ своей силѣ», «утвердить», «допустить», — «отмѣнить», «поступить по общимъ узаконеніямъ», «уголовный» и пр.). По нѣкоторымъ статьямъ изложены также мотивированныя резолюціи, съ изложеніемъ новыхъ правилъ, замѣняющихъ статьи стараго устава или Зинзилинскихъ постановленій (ст. 3, 29, 53 и пр.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что заключенія Коммиссіи нерѣдко страдаютъ большими недостатками, въ особенности поражаютъ явными противорѣчіями, что́ было результатомъ не совсѣмъ удовлетворительной системы изложенія параллельныхъ статей по отдѣльнымъ графамъ сборника. Многія статьи Зинзилинскаго уложенія изложены въ нашемъ сводѣ отдѣльно отъ соотвѣтственныхъ статей стараго устава и потому имѣютъ характеръ новыхъ правилъ, тогда какъ на дѣлѣ они только нѣсколько измѣняютъ или дополняютъ старый уставъ. Такъ,

34-я статья Зинз. постановленій (о потравѣ мѣста, назначеннаго для кочевья владѣльцевъ) изложена въ значеніи новаго правила, самостоятельно выработаннаго Зинзилинскимъ собраніемъ; между тѣмъ, статья эта составлена лишь въ замѣну 37-й статьи устава 1640 г., и потому она должна бы стоять параллельно съ послѣдней статьей, которая однакожъ въ сборникѣ помѣщена въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 167 п. 6). Такихъ параллельныхъ статей, изложенныхъ въ разныхъ мѣстахъ сборника, наберется до 20-ти[1]). Заключенія Коммиссіи по такимъ статьямъ по большей части противорѣчатъ одно другому, — Коммиссія нерѣдко утверждала и новое правило Зинзилинскаго собранія, и отмѣненную имъ статью стараго устава. Такъ поступила Коммиссія, напр., съ 34-й статьей Зинз. уложенія, составленной въ отмѣну 37 статьи стараго устава: Коммиссія утвердила старый и новый законы. Точно также утверждены 39 ст. Зинз. улож. и отмѣненная ею 24 ст. стараго устава, помѣщенная въ нашемъ сборникѣ не параллельно съ первой статьей, какъ бы слѣдовало, но въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 129 Зинз. пост.). Ср. также резолюцію Коммиссіи по 211 ст. Зинз. улож. и по 99 ст. стараго устава, помѣщенной въ нашемъ сборникѣ — въ главѣ о безчестіяхъ (п. 2.).

Особенной же путаницей отличаются заключенія Коммиссіи по такимъ статьямъ, которыя буквально повторяются въ нѣсколькихъ мѣстахъ сборника. Статья 38-я Зинз. улож. (объ откочевкахъ) отмѣчена резолюціей — «допустить»; но таже самая статья воспроизведена подъ № 183, но уже съ отрицательной резолюціей — «подъ общій законъ». Второе мнѣніе 2-хъ владѣльцевъ по 40 статьѣ Зинз. улож. («по спорному о воровствѣ дѣлу» и пр.) утверждено Коммиссіей безъ всякаго

---

[1]) Именно: ст. 39 Зинз. улож. = 24 ст. стараго устава; ст. 49—51 = 52—53 — ст. 52 = 45 — ст. 55 = 162 — ст. 70 = 109 — ст. 73 = 165 и 166 — ст. 76 = 87 и 88 — ст. 77 = 121 — ст. 78 = 156 — ст. 81 = 100 — ст. 85 = 103 — ст. 100 = 123 — ст. 106 = 89 — ст. 133 = 30 — ст. 159 и 160 = 92 — ст. 211 = 99.

измѣненія, а по 20 пункту 199 статьи (гдѣ повторено тоже самое мнѣніе) дана иная резолюція, значительно измѣняющая правило, выраженное въ упомянутомъ мнѣніи 2-хъ владѣльцевъ. Статья 132 Зинз. улож. (о ночлегѣ проѣзжихъ), составленная въ отмѣну 36-й статьи стараго устава, утверждена коммиссіей съ отмѣной послѣдней статьи; но таже 36 статья стараго устава приведена въ другомъ мѣстѣ (см. ст. 157 п. 11), съ иной резолюціей Коммиссіи: «оставить въ своей силѣ». По 133 статьѣ Зинз. улож. дана резолюція — «утверждается», а по 210 ст. (составляющей буквальное повтореніе 133 ст.),— «статью древняго уложенія утвердить, а мнѣніе, въ Зинзиляхъ состоявшееся (т. е. туже 133-ю статью), уничтожить». Ср. также резолюціи Коммиссіи по 159 и 218 статьямъ Зинзил. уложенія, воспроизводящимъ одно и тоже правило.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что если собраніе калмыцкихъ родоправителей и духовенства, дополняя и исправляя старые племенные законы калмыковъ, отнеслось съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу и вообще стояло на высотѣ своей задачи, то далеко не то можно сказать о характерѣ работъ Коммиссіи калмыцкихъ дѣлъ. Противорѣчія и другіе недостатки, замѣчаемые въ заключеніяхъ Коммиссіи, указываютъ вообще на поспѣшность и неудовлетворительность ея работъ, не представлявшихъ вполнѣ разработаннаго матеріала для окончательнаго составленія проэкта калмыцкаго уложенія. Быть можетъ, всѣ эти недостатки работъ Коммиссіи и были въ числѣ причинъ, почему не доведенъ былъ до конца опытъ кодификаціи калмыцкаго права въ 20-хъ годахъ. Неуспѣху такого опыта могло содѣйствовать также и то направленіе, какое приняла Коммиссія въ своихъ работахъ по пересмотру и исправленію калмыцкихъ законовъ. Какъ видно изъ заключеній Коммиссіи, послѣдняя вступила на несвоевременный, если не совсѣмъ ложный, путь «руссификаціи»[1]), ломки и переработки «въ русскомъ духѣ»

[1]) Весьма здравыя мысли по вопросу о «руссификаціи» нашихъ кочевыхъ инородцевъ изложены въ запискѣ къ «Мотивированной временной инструкціи уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области», составленной быв-

калмыцкихъ установленій и обычаевъ, такъ бережно сохраненныхъ Зинзилинскимъ собраніемъ. Такое направленіе работъ Коммиссіи проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ ея заключеній, отмѣнявшихъ наиболѣе характерные въ національномъ отношеніи институты калмыцкаго права. Кромѣ законовъ военныхъ, уголовныхъ и судебныхъ, Коммиссія предполагала также отмѣнить правила Зинз. собранія о такихъ обычно правовыхъ институтахъ калмыковъ, какъ баранта, наслѣдованіе усыновленныхъ, выкупъ жены и дѣтей (при оставленіи усыновителя усыновленнымъ), мѣна женъ и пр., съ замѣной племенныхъ институтовъ калмыковъ чуждыми институтами по русскому праву (см. ст. 45—49, 111 п. 8, 154 п. 6, 156 и пр.).

V.

«Право мунгальскихъ и калмыцкихъ народовъ» въ переработкѣ 20-хъ годовъ значительно разнится отъ устава 1640 г., не только бо́льшей полнотой и разработкой содержанія, но и внѣшнимъ своимъ составомъ, отличающимся опредѣленной систематизаціей и порядкомъ изложенія отдѣльныхъ статей. Весь сборникъ раздѣляется на 28 главъ, каждая съ особымъ титуломъ; при чемъ главы сгруппированы въ пять большихъ отдѣловъ, именно: право лицъ (изъ 3-хъ главъ), о судѣ (изъ 2-хъ гл.), о внутреннемъ благоустройствѣ въ народѣ (изъ 7 гл.), о военныхъ установленіяхъ (изъ 1 гл.), и дѣлахъ, относящихся до вѣры (изъ 16 гл.). Нужно впрочемъ замѣтить, что группированіе главъ по отдѣламъ строго выдержано только въ первой половинѣ сборника: къ послѣднему (пятому) отдѣлу относится собственно только 13-я глава, — всѣ послѣду-

---

шимъ военнымъ губернаторомъ этой области, ген.-май. Гейнсомъ (въ 1878 г.). Авторъ изложилъ въ своей запискѣ рядъ интересныхъ наблюденій, между прочимъ, надъ правовымъ и хозяйственнымъ бытомъ киргизовъ.

ющія главы не имѣютъ никакой внутренней связи съ титуломъ («о дѣлахъ вѣры») послѣдняго отдѣла, къ составу котораго редакторы сборника причислили эти главы.

Что касается распредѣленія самыхъ главъ, то не видно, чтобы въ его основу было положено общее начало дѣленія законовъ на государственные, гражданскіе, уголовные и пр. Дѣло въ томъ, что Зинзилинское уложеніе по своему содержанію отличается такимъ же уголовно-процессуальнымъ характеромъ, какъ и уставъ 1640 г.: во всѣхъ главахъ уложенія большинство статей относится къ уголовному праву и процессу. Отношеніемъ этихъ-то правилъ уголовно-процессуальныхъ къ положительнымъ законамъ, опредѣляющимъ общественныя и частноправныя отношенія, какъ кажется, скорѣе всего можно опредѣлить систему изложенія отдѣльныхъ главъ въ нашемъ сборникѣ. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи сборникъ распадается на двѣ различныя половины: въ первыхъ 20-ти главахъ законы уголовные и судебные изложены совмѣстно съ соотвѣтственными опредѣлительными законами — о сословіяхъ, управленіи, повинностяхъ, семейныхъ отношеніяхъ и пр.; во второй же половинѣ сборника (главы 21—28) выдѣлены исключительно законы уголовные — объ убійствѣ, грабежѣ, разбоѣ и пр., при чемъ въ соотвѣтственныхъ главахъ повторяются уголовныя статьи, воспроизведенныя въ первой половинѣ сборника.

Въ составѣ первой половины сборника можно выдѣлить также двѣ различныя части. Въ первыхъ 13-ти главахъ излагаются постановленія объ общественныхъ отношеніяхъ — о сословіяхъ, родоправителяхъ, судѣ, повинностяхъ и пр., тогда какъ въ послѣдующихъ шести главахъ (14—19) рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, касающихся семейной и промысловой жизни отдѣльныхъ лицъ[1]). Такимъ образомъ, по своему содержанію

---

[1]) Глава 20-я о дѣлахъ врачебныхъ обнимаетъ только двѣ статьи устава 1640 г. и потому собственно не входитъ въ счетъ главъ Зинз. улож. Въ 3-й главѣ изложены правила «о родителяхъ, дѣтяхъ и родственникахъ»,

Зинзилинское уложеніе раздѣляется на три отдѣла: а) уголовно-процессуальныя и опредѣлительныя правила объ отношеніяхъ общественныхъ, b) такія же правила объ отношеніяхъ частно-правныхъ и с) исключительно уголовные законы о преступленіяхъ личныхъ и имущественныхъ. Мы разсмотримъ содержаніе Зинз. улож. сравнительно съ уставомъ 1640 г. по слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: объ общественномъ бытѣ, частно-правномъ бытѣ, уголовномъ правѣ и процессѣ.

А. Общественный бытъ. Въ уставѣ 1640 г. и Зинзилинскомъ уложеніи констатированы всѣ существенныя черты, характеризующія общественный бытъ народовъ «родовой культуры». Въ обоихъ памятникахъ мы находимъ указанія на главнѣйшія формы *родовыхъ союзовъ*, со всѣми типическими ихъ признаками и свойствами, и прежде всего *кочевымъ и военно-дружиннымъ строемъ*, придававшимъ родовымъ союзамъ характеръ бродячихъ ордъ и дружинъ, занятыхъ добываніемъ военной добычи, скотоводствомъ и охотой. Военно-кочевая, хищническая организація родовъ осложнялась *теократизмомъ*, развившимся въ формѣ жреческихъ буддійскихъ общинъ. На той же почвѣ родоваго хищничества развилась своеобразная *сословная организація*, строго-дисциплинированный внутренній *нарядъ* и хищническія формы *экономическаго быта* кочевыхъ родовъ и племенъ. Въ порядкѣ всѣхъ этихъ вопросовъ мы и разсмотримъ общественый бытъ калмыковъ, какъ онъ обрисовывается въ ихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ.

1. *Формы родовыхъ союзовъ.* Общественный бытъ монгольскихъ племенъ изстари основывался на физіологическихъ началахъ кровнаго происхожденія отъ общихъ предковъ. Тѣже

т. е. о такихъ отношеніяхъ, которыя, при родовомъ бытѣ калмыковъ, имѣли важное общественное, а не одно частноправное значеніе. Этимъ можно объяснить, почему редакторы сборника помѣстили означенныя правила въ отдѣлѣ не о частно-правныхъ, но общественныхъ отношеніяхъ, именно отнесли ихъ къ ученію «о правѣ лицъ» по различію сословнаго, служебнаго и родоваго ихъ значенія въ общественныхъ союзахъ.

самыя начала лежали въ основѣ общественной организаціи родовыхъ союзовъ ойратовъ XVII вѣка и доселѣ удерживаются безъ существенныхъ измѣненій въ быту современныхъ калмыковъ. Уставъ 1640 г. и Зинзилинское уложеніе указываютъ на существованіе у калмыковъ довольно сложной градаціи родовыхъ союзовъ, образовавшихся у нихъ съ незапамятныхъ временъ и доселѣ еще до значительной степени сохранившихъ свои первобытныя формы. Къ такимъ союзамъ принадлежатъ: хотонъ, десятокъ, сорока, сотня, аймакъ, отокъ и улусъ. Въ эпоху стараго ойратства существовали, кромѣ того, сложныя родовыя федераціи — племена (тангачи, нутукъ), подъ которыми разумѣлись союзы нѣсколькихъ родственныхъ улусовъ, и «оронъ» — федераціи нѣсколькихъ союзныхъ племенъ. Зинзил. уложеніе знаетъ только первичныя формы улусныхъ союзовъ,— нутукъ и оронъ потеряли въ его время старый политическій характеръ. Различіе между исчисленными родовыми союзами высказывается въ бо́льшей или меньшей близости или дальности степеней кровнаго родства, лежащаго въ основѣ всѣхъ этихъ союзовъ. Близость родовыхъ связей характеризуетъ главнымъ образомъ хотонъ и ближайшіе за нимъ союзы; но затѣмъ связи эти болѣе и болѣе сглаживаются съ каждой дальнѣйшей ступенью, занимаемою союзомъ въ родовой лѣстницѣ. На послѣднихъ ступеняхъ племенныхъ союзовъ (нутукъ и оронъ) родство сохраняется лишь путемъ родословныхъ преданій, — родовое сознаніе племенъ и ойратскихъ союзовъ (оронъ) поддерживалось единствомъ другихъ бытовыхъ интересовъ — хищничества и самообороны отъ внѣшнихъ враговъ.

Хотонъ (Chotton, Chottun) — первичный родовой союзъ, изъ котораго затѣмъ образовались всѣ послѣдующія, сложныя формы родовой жизни калмыковъ. Уставъ 1640 г. говоритъ о хотонѣ, какъ институтѣ, общемъ для всѣхъ монгольскихъ племенъ, принадлежавшихъ къ ойратскому союзу (см. ст. 2 по списку Палласа), — въ уставѣ есть указанія на составныя части хотона (кибитки), на личныя и имущественныя отношенія родичей, принадлежавшихъ къ хотону, и пр. Зин-

зилинское уложеніе, кромѣ того, разъясняетъ основныя начала хотоннаго устройства, выражающіяся въ родовой порукѣ и зависимости хотонныхъ частей (кибитокъ) безъ права откочевки (см. ст. 18 и 18 и 19, ст. 37, 73, 119—121, 196). Вообще говоря, въ обоихъ сборникахъ хотонъ трактуется, какъ изстарпнный родовой союзъ, коренившійся въ народныхъ обычаяхъ. Нельзя опредѣлить съ полной достовѣрностію время образованія хотоннаго устройства у калмыковъ. Несомнѣнно лишь одно: хотонъ, по самому существу своему, представляетъ такой союзъ, съ котораго должна была начаться родовая организація старыхъ кочевниковъ, и потому изслѣдователи не безъ основанія полагаютъ, что въ хотонѣ нужно видѣть первый зародышъ и основаніе монгольскаго рода[1]). Какъ показываютъ наблюденія надъ современнымъ бытомъ различныхъ монгольскихъ племенъ, хотонное устройство сохраняется доселѣ въ народныхъ обычаяхъ, не только русскихъ калмыковъ, но и сибирскихъ монголо-бурятъ и китайскихъ монголовъ. Вмѣстѣ съ другими племенными институтами, калмыки перенесли съ собой въ русскія степи и свои старые хотоны, доселѣ удержавшіеся у нихъ безъ существенныхъ измѣненій[2]). Какъ видно изъ устава 1640 г., названіе «хотонъ» было общеупотребительнымъ у всѣхъ ойратскихъ племенъ; у монголовъ китайскихъ сохранилось также не менѣе древнее названіе хотона, извѣстнаго у нихъ подъ именемъ «уртó», «уртэ» или «ордо» и означающаго отдѣльное кочевье, стойбище, подвижное село изъ нѣсколькихъ юртъ, кочующихъ нераздѣльно съ своими стадами[3]). Такими же родовыми группами изъ нѣсколькихъ юртъ изстари живутъ сибирскіе монголо-буряты; каждая изъ

[1]) См. Палласа Samml. I, 190. Небольсина Очерки быта калм. Хошоут. улуса, въ Биб. для чт. 1852, CXIII, 31 и 61. Костенкова о калмыкахъ, 31, 32.

[2]) См. Тимковскаго Путеш I, 20 и пр. Небольсина, въ Библ. 1852, № 5, стр. 31. Бентковскаго, въ Сборн. по Ставр. губ. I, 68.

[3]) «Ордо» означаетъ также отдѣльную ставку особенно родовыхъ вождей. См. Тимковскаго I, 20, 319, III, 311. Іакинѳа Зап. о монг. I, 188.

такихъ группъ, подобно калмыцкому хотону и уртó китайскихъ монголовъ, составляетъ союзъ нѣсколькихъ юртъ, въ своей совокупности образующихъ отдѣленіе бурятскаго улуса[1]).

Хотонъ имѣетъ значеніе группы нѣсколькихъ родственныхъ между собой семей (кибитокъ), кочующихъ вмѣстѣ на одномъ стойбищѣ съ общимъ степнымъ хозяйствомъ и происходящихъ одна отъ другой путемъ физическаго наростанія отдѣльныхъ поколѣній. Личный составъ хотона, какъ показываютъ по крайней мѣрѣ современные обычаи калмыковъ, опредѣляется 4-мя или 5-ю степенями кровнаго родства, сводящаго въ одну родовую группу лицъ, непосредственно происходящихъ другъ отъ друга (отъ прадѣда и до внуковъ включительно). Такимъ образомъ, у русскихъ калмыковъ «хотономъ называется купа близкихъ родственныхъ семей, сообща, нераздѣльно живущихъ въ данной мѣстности. Эту купу родственниковъ составляли прадѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками»[2]). По Зинзилинскому уложенію, хотонъ составляетъ кочевое «сельцо» изъ нѣсколькихъ родственныхъ семействъ (кибитокъ), которыя «вмѣстѣ должны находиться» (ст. 119—121). Такой же составъ близкихъ родичей характеризуетъ и уртó китайскихъ монголовъ, у которыхъ родственныя семьи рѣдко живутъ отдѣльно, но всегда имѣютъ свои кочевья неразлучно съ цѣлымъ родовымъ союзомъ[3]).

Главную составную часть хотона составляетъ *юрта* или *кибитка* (по монг. Gârr — гэръ или гыръ)[4]). По словамъ Пржевальскаго, «универсальное жилище монгола составляетъ войлочная юрта (гыръ), которая одна и таже во всѣхъ зако-

---

[1]) См Щапова Бурят. улусн родов. община, въ Изв. Сибир. отдѣла Имп. Геогр. Общ 1875, № 3—4, стр. 129.

[2]) См Небольсина Очерки, въ Библ. 1852, № 5, стр. 31.

[3]) См. Тимковскаго Путеш III, 311.

[4]) По Палласу русская кибитка происходитъ отъ калм. КуÞit, означающей небольшую подвижную лавочку См. Pallas Saml. I, 112, 174, 190. Ср. Тимковскаго Пут. I, 20. Іакинѳа Зап. I, 171, 188.

улкахъ его родины»[1]). Таже самая юрта составляетъ доселѣ обычное жилье и у русскихъ калмыковъ. «Нынѣшніе калмыки живутъ до сихъ поръ неизмѣнно въ такихъ же кибиткахъ, или, какъ ихъ выразительно называлъ Несторъ, вѣжахъ, въ какихъ живали когда-то Гунны, Авары, Печенѣги, Половцы, Мадьяры и Монголы, но нѣтъ сомнѣнія, живутъ при той же бытовой обстановкѣ и теперь сохранившіеся ихъ потомки въ средней Азіи»[2]). Въ уставѣ 1640 г. и Зизилинскомъ уложеніи кибитка упоминается въ двухъ различныхъ значеніяхъ: въ смыслѣ *жилаго помѣщенія*, войлочной юрты (Filzhutte, Wohnung), которую можно «вытащить» или «разломать», какъ и всякую другую вещь (см. уст. 1640 г. по рус. тексту — 85, 116,—по Палл. 74, 104; Зинз. улож. гл. VII, 1,—ст 217), и въ смыслѣ обыкновенной *семьи*, живущей въ отдѣльномъ помѣщеніи, кибиткѣ (уст. 1640 г. ст. 13, 47, 166; Зинз. улож. 37, 73, 120 и пр.)[3]). Нѣсколько такихъ кибитокъ или юртъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности, и составляетъ то, что называется у калмыковъ хотономъ[4]). Связью,

---

[1]) См. Пржевальскаго Монголія, I, 34.

[2]) См. Бентковскаго, одна изъ причинъ, задерживающихъ развитіе коннозаводства и пр., въ Сборн стат. свѣд. по Ставр. губ., I, 114. — Древность монгольскаго обычая жить въ подвижныхъ, войлочныхъ юртахъ видна изъ одной древней Зюнгарской пѣсни, приписываемой преданіемъ женѣ монгольскаго (Усуньскаго) хана Гуньмо (за 107 лѣтъ до Рожд. Христ.), въ которой говорится, что этотъ ханъ «живетъ въ бѣдной хижинѣ, обтянутой войлоками, — пища его — мясо, питье его — молоко» (см. Іакинѳа Описаніе Чжуньгаріи, I, 46). Здѣсь наглядно изложена общая формула монгольскаго кочеваго быта. Въ такихъ же юртахъ жили племенные вожди монголовъ въ эпоху Чингисова ханства. Изъ показаній Рюйсбрука видно, что въ половинѣ XIII в. (въ 1255 г.) ханъ Мынгэ принималъ пословъ Людовика IX въ своей юртѣ, посреди которой горѣлъ на очагѣ (какъ и у теперешнихъ калмыковъ) коровій навозъ съ терновымъ кустарникомъ и полынью (см. Voyages en Asie, par Bergeron, I, 71).

[3]) У бурятъ юрта также означаетъ жилье и семью, какъ составную часть бурятскаго улуса См. Щапова Бурят. улусн. община, 129.

[4]) Впрочемъ, у теперешнихъ калмыковъ не всегда собраніе кибитокъ въ одномъ мѣстѣ составляетъ хотонъ. Такъ, собраніе близъ владѣльческой

сводящею юрты въ одинъ хотонъ, считается кровное родство принадлежащихъ къ нему лицъ и семей и общее ихъ хозяйство, ведущееся сообща, цѣлымъ союзомъ родичей.

Въ составѣ хотона различается «большая кибитка» (старѣйшая, родительская) отъ кибитокъ сыновей и другихъ дальнѣйшихъ родичей, принадлежащихъ къ хотону.

Большая кибитка составляетъ средоточіе хотона и называется Oergo (Ordo), эрге или урга (куря, курень). Это главная юрта, гдѣ держится общее огнище (курень) и хозяйство хотона. Въ древности подъ ордо и урга разумѣлось жилое помѣщеніе, становище старшихъ родовыхъ вождей. И теперь главное становище (Hoflager) родовыхъ вождей называется ордо или эрге (см. Зинз. улож. ст. 95; ср. уставъ 1640 г. по тексту Палласа — 15, 17, 32 и пр.). Затѣмъ и каждый хотонъ имѣетъ свой общій курень или Oergò, какъ средоточіе цѣлаго союза. Остальныя хотонныя кибитки, не имѣющія самостоятельнаго огнища, не относятся къ куренямъ, но носятъ особыя названія — Chascha или хошъ. Курень служитъ жильемъ старшихъ членовъ хотона — отца или вообще хотоннаго старѣйшины; остальные члены, особенно взрослыя дочери, семейные сыновья и другіе дальніе родичи располагаются въ отдѣльныхъ хошахъ[1]).

Первичный видъ хотона представляетъ одиноко-кочующая юрта (семья). Каждая такая юрта имѣетъ, по монгольскому обычаю, одного «воина», т. е. мужа съ женой и дѣтьми, такъ что среднимъ числомъ въ каждой юртѣ числится по 4—5 душъ[2]).

ставки кибитокъ, сидящихъ на одномъ мѣстѣ и занятыхъ уходомъ за коровами, не есть еще хотонъ; здѣсь названіе другое — «цагаръ», т. е. приближенные или дворня. См. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр 62.

[1]) О значеніи хотоннаго куреня и хоша см Палласа Samml. I, 112, 174—175, 190. Тимковскаго Пут. I, 4, 20. Іакинѳа Зап. I, 171, 188 Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 61. Бентковскаго Жилище и пища калмыковъ, въ Сборн. стат свѣд. по Ставроп губ I, 89.

[2]) Тимковскаго Пут. III, 296. Небольсина, 61.

Обыкновенно же хотонъ имѣетъ сложный составъ, что́ зависитъ отъ общаго обычая кочевниковъ — жить на общемъ стойбищѣ или кочевьѣ, посемейно, въ особыхъ юртахъ Такимъ образомъ, у калмыковъ по издавна заведеннымъ обычаямъ «отецъ съ женатыми сыновьями никогда не живетъ въ одной кибиткѣ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ. Каждый женатый сынъ имѣетъ отдѣльную кибитку, въ которую онъ первый разъ входитъ въ день свадьбы. Отецъ взрослой дочери тоже старается дать ей особую кибитку, въ которой она до замужства живетъ съ подростающими сестрами, если ихъ имѣетъ, или съ тѣми подругами, которыя бѣднѣе ея. Сыновья — подростки и холостяки, находясь всегда въ отлучкѣ при пастьбѣ скота, не очень нуждаются въ особомъ помѣщеніи и даже зимою укроются гдѣ нибудь и какъ попало... Холостые сыновья богатыхъ калмыковъ, которые сами не выпасываютъ скота, а только наблюдаютъ за хозяйствомъ, тоже имѣютъ отдѣльную кибитку, называемую хошъ, въ отличіе отъ кибитокъ семейныхъ, и въ особенности отъ родительской или большой, т. е. старшей, такъ называющейся въ знакъ уваженія къ старшимъ въ семействѣ»[1]). Такихъ отдѣльныхъ кибитокъ въ хотонѣ можетъ накопиться отъ 2-хъ и 3-хъ до нѣсколькихъ десятковъ[2]).

---

[1]) См Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. по Ставр. губ. I, 88 — 89. — Тѣже обычаи находятъ наблюдатели у китайскихъ монголовъ. У нихъ до брака или до возраста сыновья и дочери обыкновенно живутъ вмѣстѣ съ родителями. Если въ семьѣ, кромѣ законной жены, еще есть наложницы, какъ это доселѣ въ обычаѣ у китайскихъ монголовъ и отчасти у калмыковъ, то они живутъ вмѣстѣ въ юртѣ мужа. Въ случаѣ женитьбы, новобрачный получаетъ отъ отца особую юрту (гэръ или хошъ); тогда онъ называется уже «гэртэ», т. е домовитый или хозяинъ. Сыновья и по женитьбѣ имѣютъ кочевья свои неразлучно съ отцомъ семейства, сколько то дозволяетъ пространство пастбищъ, необходимыхъ для скотоводства. См. Тимковскаго Пут. III, 311. Пржевальскаго Монголія I, 48.

[2]) См. Небольсина Очерки, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 62 Тимковскій, путешествуя по Монголіи въ 20-хъ годахъ, имѣлъ случай видѣть отдѣльно кочевавшіе урто или хотоны до 20-ти и даже до 50-ти юртъ въ каждомъ (см. Тимковскаго Путеш I, 319).

Самый составъ кибитокъ и распредѣленіе ихъ въ хотонѣ опредѣляются изстаринными родовыми обычаями. У современныхъ калмыковъ кибитки сыновей и другихъ членовъ хотона обыкновенно располагаются близь отцовской кибитки, по обычной формѣ, одинаково соблюдающейся у всѣхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. По калмыцкимъ обычаямъ кибитки разставляются такъ, что изъ нихъ образуется болѣе или менѣе правильный кругъ. Средину хотона занимаетъ кибитка родительская, а отъ нея уже, въ обѣ стороны, полукружіемъ, ставятся кибитки остальной семьи. При этомъ «наблюдается порядокъ старшинства по рожденію и родству, такъ какъ и дальніе обѣднѣвшіе калмыки не отдѣляются отъ своего родственнаго хотона. Позади первой линіи становится второй рядъ кибитокъ, принадлежащихъ бѣднякамъ или вообще прислугѣ. Словомъ, въ разстановкѣ кибитокъ строго соблюдается родовой порядокъ, отъ котораго ни въ какомъ случаѣ не отступаютъ»[1]). Весь этотъ кругъ кибитокъ замыкается въ промежуткахъ между крайними кибитками изгородью, съ общимъ входомъ для всѣхъ кибитокъ. Образуемый такимъ образомъ дворъ служитъ загономъ для скота и временнымъ стойбищемъ для степняковъ-калмыковъ до слѣдующей перекочевки на новыя стойбища. Эта-то группа кибитокъ съ дворомъ и со всѣмъ въ немъ находящимся и есть то, что калмыки называютъ хотономъ. Подобныя же группы родственныхъ семей кочуютъ по сосѣдству новыми хотонами и въ своей совокупности образуютъ нерѣдко обширную сѣть родовыхъ союзовъ, комбинирующихся въ цѣлые ряды племенныхъ федерацій — десятковъ, сорока и пр[2]).

---

[1]) См. Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. стат свѣд. по Ставроп. губ. I, 88—89.

[2]) См. Палласа Saml. I, 112—114, 119. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 62. — Таковъ же составъ хотоновъ у монголо-бурятъ. Мы приведемъ ихъ описаніе изъ статьи Щапова о «бурятской улусной родовой общинѣ». «Каждый улусъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ невысокихъ жердяныхъ загородей, представляющихъ большею частію видъ круга или эллипсиса. Въ каждой такой загороди одна, двѣ, три и болѣе юртъ

Такое внѣшнее устройство удерживаетъ хотонъ при всякихъ передвиженіяхъ на новыя мѣста кочевья. Семьи одного хотона кочуютъ нераздѣльно, держась общихъ стойбищъ и общаго пастьбища для своихъ табуновъ и скота. Большая кибитка (т. е отцовская, а если отецъ умеръ, то кибитка матери) служитъ средоточіемъ хотона; въ ней живетъ хотонный старшина, производятся всѣ домашнія работы, хранятся общіе припасы и другіе предметы хотоннаго хозяйства. Здѣсь же имѣетъ мѣсто общій очагъ или огнище (курень) и общій «котелъ», изъ котораго довольствуются пищею всѣ семьи хотона, какъ бы ни былъ великъ ихъ численный составъ[1]). Хотонное

съ разными пристройками . . . Въ одной изъ этихъ юртъ живетъ старшій въ семьѣ бурятъ, старикъ со старухой, иногда съ какими нибудь сиротами—сродственниками. Въ другой, рядомъ стоящей юртѣ живетъ сынъ этого старика съ своей женой и съ своими дѣтьми. Если у старика есть еще женатые сыновья, то и они живутъ въ особыхъ юртахъ, но все въ одной и той же общей загороди, по обѣ стороны юрты отца . . . Далѣе, рядомъ, вблизи, въ другой подобной загороди живутъ ближайшіе родственники главы первой группы юртъ, напр. его братья съ своими семьями, съ своимъ единокровнымъ родомъ, — и тутъ опять, въ одной общей загороди, по срединѣ стоитъ юрта старшаго въ родѣ, по бокамъ же стоятъ юрты его сыновей. Дальше, въ болѣе отдаленныхъ загородяхъ живутъ болѣе отдаленные родственники и называются уже сосѣдями. Такимъ образомъ, улусная родовая община, по мѣрѣ взаимнаго отдаленія или развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе развѣтвляется, распадается на особыя отдѣльныя загороди или группы юртъ. Наконецъ, наиболѣе отдаленные сродичи обособляются въ особый улусъ, и повторяютъ тоже организацію, тотъ же строй улусной родовой общины Вся же группа подобныхъ, большею частію сосѣднихъ, близколежащихъ другъ къ другу улусовъ, въ общей совокупности, все-таки представляетъ одинъ родъ, одну родовую общину, объособляясь только, въ видѣ особыхъ геологическихъ вѣтвей, въ болѣе близкія улусныя родовыя общины, такъ же какъ эти улусныя родовыя общины подраздѣляются на общины семейныя» (см. Изв. Сибир отдѣла Имп Геогр Общ. 1875. № 3 и 4, стр. 129).

[1]) См. Бентковскаго Жилище и пр., въ Сборн. стат. свѣд. по Староп. губ. I, 89. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5. стр. 61. Іакинфа Зап. о Монг. I, 171.—И у бурятъ все общее въ ихъ хотонахъ, всѣ работаютъ сообща и имѣютъ общую пищу, какъ одна семья. См. Щапова цитиров. статью, 129.

огнище (курень) имѣло особенное значеніе въ обиходѣ кочевниковъ. Огнище было символомъ родоваго наряда и потому считалось неприкосновеннымъ для посторонняго[1]) По ойратскому уставу 1640 г. кто воткнетъ дерево въ мѣсто кибитки, гдѣ устроено огнище (im Bezirk des Feuerplatzes, по списку Палласа), тотъ подлежитъ штрафу, ибо «этимъ вторгается во власть» хозяина кибитки (рус. 117, Палл. 105)[2]). По этимъ-то общимъ огнищамъ и котламъ обычай изстари установлялъ, какъ будетъ сказано ниже, административно-военный составъ ойратскихъ союзовъ, — бо́льшее или меньшее число хотонныхъ куреней составляло родовыя отдѣленія — десятки, сорока, сотни, отоки и пр.

Личный составъ хотона опредѣляется строгими родовыми началами. Родовая іерархія и старшинство высказываются, какъ выше замѣчено, во внѣшнемъ строѣ хотона, въ распредѣленіи его кибитокъ на мѣстахъ кочевья; тѣмъ болѣе іерархическое начало родоваго старшинства должно было отражаться въ личномъ составѣ хотона[3]). Во главѣ хотоновъ стоятъ

[1]) Но здѣсь имѣли также значеніе религіозныя воззрѣнія стараго шаманства, удержавшіяся у калмыковъ-буддистовъ до позднѣйшаго времени.

[2]) Тоже правило удержано безъ измѣненія въ Зинзилинскомъ уложеніи (ст. 217 п. 3). Кромѣ огнища, въ старину у монголовъ считался неприкосновеннымъ также порогъ главнаго куреня или ставки. По «великой Ясѣ» XIII в. предается смерти тотъ, кто ступалъ ногой на порогъ ставки воеводы (Березина Очеркъ внутр устр Джуч. улуса. 33). Да и вообще всякая ставка съ общимъ огнищемъ считалась въ старину какъ бы святыней. По свидѣтельству Плано-Карпини, у старыхъ монголовъ казнили того, кто мочился въ ставкѣ, если не заплатитъ шаману за ея очищеніе; Чингисовъ уставъ грозитъ тѣмъ же наказаніемъ тому, кто мочится въ воду или пепелъ (см. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ», 191). Нѣчто подобное находимъ въ ойратскомъ уставѣ 1640 г., освобождающемъ отъ взысканія за осквернѣніе чужаго жилья лишь въ томъ случаѣ, если оно сдѣлано въ пьяномъ видѣ или по нуждѣ (см. ст. рус. 65, Палл. 56). Въ Зинз. уложеніи это правило отмѣнено (ст. 221 п. 22).

[3]) У среднеазіатскихъ монголовъ родство имѣетъ значеніе только по мужскимъ линіямъ. Родство съ женской стороны вовсе не принимается въ разсчетъ, напр., въ дѣлѣ браковъ: дѣти отъ родныхъ брата и сестры могутъ свободно вступать въ бракъ, какъ и двѣ сестры могутъ идти за одного мужа

старшіе родичи — дѣдъ или отецъ, глава старѣйшей семьи, отъ которой происходятъ всѣ остальные члены хотона. Семья старѣйшая живетъ въ «большой кибиткѣ», является главнымъ представителемъ хотона. Его нарядомъ заправляетъ хозяинъ (ага) — старецъ, старѣйшина, хотонный старшина (Chottuni Acha, Dorfalteste, хозяинъ кибитки, — см. уставъ 1640 г. по списку Палл. 140, 157; Зинз. улож. 120)[1]. Старшина— полный хозяинъ и распорядитель хотона; остальные члены относятся къ нему съ безусловнымъ повиновеніемъ[2]. Хотонный ага завѣдываетъ въ особенности скотоводствомъ и всѣмъ степнымъ хозяйствомъ хотона; онъ наряжаетъ на работы взрослыхъ членовъ хотона, разбираетъ споры между ними и пр.[3]. Въ отношеніи къ остальному персоналу хотона его глава имѣетъ значеніе патріархальнаго родовладыки, владѣвшаго челядью на правахъ господина. Въ такой зависимости находится *жена* и даже *жены съ наложницами*[4]. Такимъ образомъ, жена, из-

---

и пр. Но родство въ мужскомъ колѣнѣ столь важно, что въ самыхъ отдаленныхъ степеняхъ онаго бракъ недозволителенъ, если женихъ и невѣста принадлежатъ къ одному роду, ясу (см. Тимковскаго Пут. III, 311—312)

[1]) См. Палласа Saml. I, 191 Небольсина Очерки, въ Биб. для чт 1852, № 5, стр. 31.

[2]) Точно также у среднеазіатскихъ монголовъ строго развито безусловное повиновеніе родоначальникамъ. Старшіе члены монгольскихъ родовъ, въ особенности старики, пользуются большимъ уваженіемъ; совѣты и даже приказанія ихъ всегда свято исполняются. Обычай запрещаетъ произносить самое имя старшихъ, въ особенности отца и матери. (См Тимковск. III, 340. Ржевальск. I, 50, 57)

[3]) На самостоятельный хотонный судъ калмыковъ даетъ указаніе уставъ 1640 г. (въ перев. Палласа): «Nahe Verwandte konnen sich untereinander nicht verklagen; ja wenn sich auch Geschwisterkinder untereinander bestehlen, die mogen sich selbst vergleichen» (Палл ст. 128).

[4]) Уставъ 1640 г. указываетъ на то, что въ его время у калмыковъ допускалось многоженство: «*ежели за однимъ мужемъ будучи двѣ жены* одна другую убьетъ до смерти» и пр. (ст. 44). Статья эта отмѣнена Зинзил уложеніемъ (см. ст. 157 п. 12). Въ переводѣ Палласа есть намекъ и на наложницъ (Палл. 38 и 145).

гоняемая мужемъ, выкупается у послѣдняго тѣмъ, кто ее возьметъ къ себѣ (см. уст. 1640 г. Палл. 113); есть и другіе случаи выкупа женъ (см. рус. уст. 1640 г. ст. 52, 146; ср. 66 и 67). И въ другихъ отношеніяхъ хотонное устройство калмыковъ не признаетъ равноправія въ отношеніяхъ семейныхъ: убійство жены (впрочемъ покинутой) приравнивается уставомъ 1640 г. къ убійству раба (ст. 43). Тѣмъ не менѣе женскій персоналъ въ хотонахъ не безправенъ, — мать въ отношеніи къ другимъ членамъ семьи пользуется большимъ значеніемъ. Она напр. одинаково съ отцомъ вліяетъ на бракъ дѣтей (рус. уставъ 1640 г. ст. 146), а въ домашнемъ нарядѣ хотона является самостоятельной хозяйкой. Степные обычаи предоставляютъ все внутреннее хозяйство въ хотонахъ женщинамъ и невольникамъ. Старшая жена хотоннаго главы считается обыкновенно главной хозяйкой «родительской кибитки», — обычай освобождаетъ ее отъ управленія кибиткой лишь въ старости, когда завѣдываніе хотоннымъ хозяйствомъ переходитъ обыкновенно къ старшей снохѣ[1]). Вообще у калмыковъ женщина всегда играла въ домашнемъ обиходѣ роль главной рабочей и производительной силы, выносившей на своихъ плечахъ всѣ заботы и труды кочеваго хозяйства. «Замужняя калмычка, въ семействѣ своемъ, полная хозяйка дома, и затѣмъ все, что прямо къ ней не относится, лежитъ на обязанности мужа. Но обстановка кочевой жизни такова, что бо́льшая часть домашнихъ хлопотъ выпала на долю женщины. Приготовленіе пищи, молочныхъ скоповъ и напитковъ, многихъ принадлежностей одежды и жилища, уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе, ежедневно озабочиваютъ трудолюбивую калмычку. Въ такихъ занятіяхъ она проводитъ круглый годъ и всю жизнь, если не дождется женитьбы сына. Тогда только всѣ домашніе хлопоты переходятъ на сноху»[2]).

[1]) См. Небольсина Очерки, въ Библ. для чт. 1852, № 5, стр. 61.

[2]) См. Бентковскаго Женщина-калмычка, въ Сборн. статист. свѣд. по Ставроп. губ III, 97. Тѣже явленія наблюдаются у сибирскихъ монголобурятъ и китайскихъ монголовъ. По словамъ Щапова, жена, взятая изъ чу-

Низшую, служебную челядь хотона составляютъ *дѣти* и *дальнѣйшіе родичи* (племянники, невѣстки, внучата и пр.). Отношенія ихъ къ старшимъ членамъ хотона опредѣлялись у калмыковъ самымъ закономъ: рядомъ съ признаніемъ дисциплинарной власти отца и другихъ старшихъ родичей, въ уставѣ 1640 г. и Зинз. уложеніи есть статьи, ограждающія также личныя права дѣтей въ отношеніи къ отцу, невѣстки къ свекру и пр. (рус. уст. 1640 г. 39—41; ср. Зинз. уложеніе 43, 44, — см. ниже гражданское право). Родовое же старшинство лежало въ основѣ взаимныхъ отношеній дѣтей и другихъ младшихъ членовъ хотона; таковъ, напр., перевѣсъ старшаго сына въ дѣлѣ наслѣдованія и пр. (Зинз. уложеніе 163 п. 4)[1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда личный составъ хотона изсякалъ и онъ ограничивался одной бездѣтной семьей, выступали на первый планъ интересы поддержанія рода, вызывав-

---

жаго, дальняго рода, является въ бурятскомъ хотонѣ «настоящею рабынею, работницею». Она все въ юртѣ дѣлаетъ — и коровъ или кобылъ доитъ, и шубы и турсуки берестенные шьетъ, и войлоки вываливаетъ и пр. (См. Изв. Спб отд 1875, № 3 и 4 стр 139). По древнему монгольскому праву изъ числа женъ одна всегда считалась старшей гл обр по времени брака, но иногда старшинство давалось женѣ по знатности ея рода (см. мое соч. Древ. монг.-калм уставъ, 194—195). Точно также у китайскихъ монголовъ доселѣ допускается имѣть нѣсколько женъ, или лучше — одну законную жену и нѣсколько наложницъ, живущихъ вмѣстѣ съ первой Законная жена считается старшей и управляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Монголка, находясь въ полномъ подчиненіи мужу, подобно калмычкѣ, весь вѣкъ проводитъ въ юртѣ, занимаясь уходомъ за дѣтьми и различными работами по хозяйству (Пржевальскаго Монг I, 49; ср. Тимковскаго Путеш. III, 319)

[1]) Тѣже начала родоваго старшинства имѣли силу еще въ древнемъ монгольскомъ правѣ. По «великой ясѣ» XIII в. «старшинство дѣтей разсматривается соотвѣтственно степени ихъ матери»; не было различія между дѣтьми, прижитыми отъ законной жены и наложницы,—различіе выражалось лишь въ томъ, что старшій въ родѣ пользовался и большими правами (напр. по наслѣдованію) сравнительно съ младшими (см. мое соч. монг. калм. уставъ 194—195). Различіе между дѣтьми наложницы и законной жены появилось у средне-азіатскихъ монголовъ лишь со времени изданія нынѣ дѣйствующаго у нихъ уложенія (см. Іакинѳа Зап. IV, 232. Пржевальскаго Монг. I, 49).

шіе особый институтъ *пріемышей*. Уставъ 1640 г. допускаетъ ихъ лишь при бездѣтности семьи (см. рус. 52 и 53); Зинз. уложеніе, кромѣ того, требуетъ, чтобы пріемыши не «усыновлялись» безъ совѣта съ ближними родичами отцовой стороны, если у послѣднихъ есть сыновья (ст. 49)[1]. Пріемышъ, вступавшій въ новую семью при соблюденіи означенныхъ условій, пользовался всѣми правами челядинцевъ.

Наконецъ, въ составъ калмыцкихъ хотоновъ входитъ *прислуга* — служители и служительницы, рабы (уст. 1640 г. 42, 47, 70, 71), составляющіе главную рабочую силу калмыцкихъ кибитокъ. По своему положенію «служители» значительно сближаются съ хотонной челядью, что́ объясняется родовой организаціей, включавшей первыхъ въ составъ родовъ подъ общимъ титуломъ челяди. Отсюда, между прочимъ, довольно высокое наказаніе за убійство раба и рабыни (уставъ 1640 г. ст. 42).

Переходя къ *экономическому строю* калмыцкаго хотона, какъ онъ представляется по уставамъ (1640 и 1822 г г.) калмыковъ, мы замѣчаемъ, что въ основѣ всей хозяйственной ихъ культуры лежали тѣже родовыя начала, проявлявшіяся путемъ имущественной общности и солидарности въ видахъ поддержанія рода. Хозяйство въ хотонѣ, какъ уже замѣчено, ведется сообща; степная культура, состоявшая въ скотоводствѣ и соединенной съ нимъ, подвижной жизни хищника-кочевника, поддерживалась лишь связями личной отваги и удачи

---

[1]) Тотъ же институтъ пріемышей доселѣ существуетъ у средне-азіатскихъ монголовъ. По нынѣ дѣйствующему у китайскихъ монголовъ уложенію бездѣтныя лица, не имѣющія преемниковъ, должны брать въ свою семью пріемышей прежде всего изъ своего же рода, а если нѣтъ однородцевъ, то и изъ другихъ фамилій (см. Іакинфа Зап. о Монг. IV, 231—232; Тимковскаго Путеш. III, 353). Родовые интересы поддерживаются прежде всего собственными элементами рода. Такой же смыслъ имѣетъ и приведенное въ текстѣ правило Зинз. уложенія, которое лишь констатируетъ обычное начало родоваго преемства и усыновленія, но не создаетъ собственно новаго закона.

въ видахъ скопленія добычи, какъ главнаго предмета кочеваго хозяйства. Хищническій элементъ исчезаетъ лишь въ домашнемъ обыходѣ, внутри хотонныхъ кибитокъ, — сюда не вмѣшивался хищникъ-кочевникъ, проводившій всю жизнь въ степи, у табуна, на охотѣ или въ хищническихъ набѣгахъ. Въ кибиткѣ господствуетъ, какъ мы знаемъ, женское хозяйство. Все, что ни пріобрѣтается кочевникомъ, въ видѣ ли военной добычи или другимъ путемъ (охоты и пр.), все это входитъ въ общую массу хотоннаго хозяйства. Ниже, когда будемъ говорить объ имущественныхъ отношеніяхъ, мы увидимъ, что у калмыковъ изстари господствовали родовыя, или лучше сказать, зародышевыя формы вещнаго права. Имущественная общность, господствовавшая между членами хотона, не давала мѣста индивидуальной собственности[1]). Оттого-то между членами общаго огнища и котла не имѣли мѣста и имущественныя правонарушенія; понятно отсюда, почему уставъ 1640 г. не подвергаетъ взысканію взятіе или просто кражу вещей у близкихъ родныхъ, даже у родныхъ по матери (ст. 147), — правило, отмѣненное лишь при пересмотрѣ калмыцкихъ законовъ Коммиссіей калмыцкихъ дѣлъ (см. Зинз улож. ст. 195 и 13). На этой-же почвѣ родовыхъ отношеній держится еще доселѣ у калмыковъ институтъ семейной баранты, формированный впервые Зинзилинскимъ уложеніемъ на основаніи старыхъ народныхъ обычаевъ калмыковъ (Зинз. улож. ст. 45—48)[2]).

Хотонное устройство представляетъ и другую характерную черту родоваго быта: оно основывается на началахъ ро-

---

[1]) Тоже самое явленіе замѣчается у монголо-бурятъ. «Въ предѣлахъ единокровно-родовой общины чувство собственности не мыслимо. Не только между отцомъ и сыновьями въ одноулусной загороди, въ одномъ кругѣ единокровно-родственныхъ юртъ, все общее — и скотъ, и пастбы и утуги, и продовольствіе, но и во всей одноулусной группѣ юргъ дальнихъ сродичей еще мало своего, собственнаго, еще многое общее» . . . См. Щапова бурят. община, въ Изв. Сибир. отд. 1875, № 3 и 4 стр. 138.

[2]) См. ниже отдѣлъ о наслѣдованіи имущества. Ср. Небольсина Очерки въ Биб. для чт. 1852 № 6, стр. 129.

довой *солидарности*, *отвѣтственности* и *поруки*. Тѣсное родовое устройство быта калмыковъ проявляется въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ институтовъ, развитыхъ старымъ ойратскимъ уставомъ и Зинзилинскимъ уложеніемъ въ формѣ обязательнаго для однородцевъ призрѣнія бѣдныхъ, какъ и вообще взаимной помощи, въ особенности страждущимъ и погибающимъ (уст. 1640 г. ст. 81—86, 109, 144, 151—154; Зинз. улож. ст. 126, 220 п. 9, ст. 221 и пр.)[1]. Съ другой стороны, въ отношеніяхъ между членами хотона, какъ и вообще между однородцами, господствуетъ родовая повинность круговой поруки и отвѣтственности. На этомъ началѣ, какъ увидимъ, основано все ученіе стараго ойратскаго устава объ уголовномъ вмѣненіи. Наказаніе, извѣстное подъ именемъ «разоренія» (потокъ и грабежъ Рус. Правды), простирается не только на виновнаго, но и на всю его «фамилію» — жену, дѣтей и внучатъ (ст. 16); такая же отвѣтственность близкихъ родичей имѣла мѣсто и въ другихъ случаяхъ, особенно если виновный неизвѣстенъ или его не выдаютъ однородцы (см. ст. 53 и 58 по изд. Палласа; ср. также рус. изд. ст. 19, 41, 59, 80, 89, 122 и пр.). Въ силу того же начала родные убитаго, его ближніе, «наслѣдники», получаютъ за него плату (рус. 19, 44, 59 и пр.). Родовая порука не исчезаетъ и въ позднѣйшихъ калмыцкихъ уставахъ — въ законахъ Дербетовскаго улуса (см. уставъ 1640 г. по изданію Палласа, ст. 153) и въ Зинзилинскомъ уложеніи, дозволяющемъ «отдавать по цѣнѣ жену и дѣтей» и привлекать къ отвѣтственности другихъ однородцевъ, если на удовлетвореніе иска недостанетъ имущества вора (ст. 196).

Въ связи съ родовой солидарностію и порукой стоялъ другой институтъ родоваго быта средне-азіатскихъ кочевниковъ,

---

[1]) См. ниже объ общественныхъ повинностяхъ. Тѣже начала взаимной помощи въ нуждѣ, несчастіи, сиротствѣ и пр. лежатъ въ основѣ бурятской «улусной родовой общины» и ея отдѣленій. См. Щанова, 131.

— институтъ *родовой зависимости* (genti adscriptio), принадлежащей къ числу оригинальныхъ явленій кочеваго быта монгольскихъ племенъ[1]). Въ другомъ мѣстѣ мы указали на то, что genti adscriptio ойратскаго права монголовъ есть проявленіе одного изъ общихъ, дисциплинирующихъ началъ военно-родоваго порядка. «Роды—боевыя орды монгольскихъ хищниковъ, естественно, были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ личный составъ не убавлялся изгойствомъ ихъ членовъ изъ родоваго ойратства, — чтобы всегда была въ наличности и наготовѣ достаточная боевая и служебная сила въ лицѣ родовыхъ вождей—нарядниковъ и отдѣльныхъ дружинниковъ, по первому зову шедшихъ на защиту своего рода или отправлявшихся въ хищническое предпріятіе, въ видахъ добыванія для своихъ родовъ средствъ къ жизни (добычи)»[2]). По этому вопросу Зинзилинское уложеніе даетъ интересныя указанія. Оно запрещаетъ откочевки кибитокъ, цѣлыхъ хотоновъ и родовъ «для соблюденія цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа», въ особенности же мотивируетъ установленіе родовой зависимости необходимостью бо́лѣе организованной и дѣйствительной защиты и охраны кочевниковъ родовымъ нарядомъ, вмѣстѣ съ сдержкой ихъ отъ «предосудительныхъ поступковъ». Зинзилинское уложеніе требуетъ, «дабы ни одна кибитка не откочевала и не смѣшивалась съ другимъ улусомъ по тому уваженію, что ежели кто отдѣлится, съ тѣми могутъ случиться непріятныя послѣдствія, какъ-то: откочевавшіе, соединясь съ родомъ другаго улуса, совсѣмъ для нихъ чуждымъ, могутъ имѣть близкую склонность къ воровству, особенно распутные, да и съ прочими, хотя бы и не свойственны къ тому были,

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, genti adscriptio не было развито другими народами и составляетъ національную оригинальность права монголо-калмыцкаго. Римскому и древне-германскому праву, напр., этотъ институтъ вовсе не извѣстенъ Терминъ «genti adscriptio» мы взяли по аналогіи съ средневѣковымъ glebae adscriptio.

[2]) См. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ», 225.

можетъ случиться всякое неправильное притязаніе и какая нибудь неожиданная клевета; притомъ же въ случаѣ наряда на государственную службу, удобное средство къ скорѣйшему сбору людей, когда всѣ будутъ жить соединенно» (ст. 119)[1]). Ради такихъ служебно-полицейскихъ цѣлей «гражданскаго благоустройства» (какъ гласитъ титулъ главы объ откочевкахъ) Зинзилинское собраніе удержало старый ойратскій институтъ genti adscriptio, санксированный русской властію еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія[2]). Кромѣ того, запрещеніе откочевокъ изъ родовыхъ союзовъ зависѣло въ сильной степени отъ условій кочевой культуры старыхъ ойратовъ, — условій, не измѣнившихся и въ быту русскихъ калмыковъ. Какъ видно изъ устава 1640 г., каждый родовой союзъ, слагавшійся изъ большаго или меньшаго числа хотоновъ, въ территоріальномъ отношеніи обнималъ нѣсколько частей, кочевья которыхъ располагались въ сосѣднихъ мѣстахъ, — весь районъ, занятый такими кочевьями, входилъ въ составъ одного союза. Обычаемъ требовалось вообще, чтобы родовыя части соединялись пространственно, держали свои кочевья вблизи другъ друга[3]). Мало того: уставъ ойратскій и Зинзил. уложеніе предполагаютъ опредѣленную систему кочевья для каждаго союза, — разверстку между ними опредѣленныхъ мѣстъ для стойбищъ и путей передвиженія ихъ при выборѣ пастьбища для своихъ стадъ и табуновъ. Оттого каждый союзъ имѣлъ право кочевать лишь на опредѣленныхъ для него мѣстахъ, — за перекочевку на чужое мѣсто штрафуется весь союзъ или же его часть, если она самовольно, «не послушавъ

---

[1]) Въ другой статьѣ (37) Зинзилинское собраніе указываетъ на то, что «откочевавшіе будутъ ограблены, или нападутъ на нихъ разбойники или непріятели и раззорятъ, или, напротивъ того, сами они соединятся въ сотоварищество съ ворами, грабителями, разбойниками, или *поступать будутъ предосудительно* всякому порядку, заслуживающему немаловажному суду».

[2]) См. мое соч. — «Древн. монг.-калм. уставъ», 256.

[3]) См. Палласа Saml I, 190.

своего командующаго», отдѣлялась отъ своего рода и «примѣшивалась» къ другому (уст. 1640 г. ст. 165). Такія же правила развиты и въ Зинз. уложеніи. Запрещеніе откочевокъ оно распространяетъ не только на «роды», но и на отдѣльныя кибитки и хотоны. Такимъ образомъ, каждый хотонъ и каждая кибитка должны кочевать съ тѣмъ родомъ, «съ которымъ вмѣстѣ должны находиться» (Зинз. улож. ст. 120); хотонъ и кибитка, «вышедшія изъ повиновенія и откочевавшія особо, соединяются по принадлежности» къ своему роду; причемъ штрафуются сами откочевавшіе и старшины тѣхъ родовъ, къ которымъ послѣдніе приписаны (тамъ-же, 37, 38, 73, 119—121). Отдѣляться отъ своего рода для кочевья въ другихъ мѣстахъ Зинзилинское уложеніе допускаетъ лишь по бѣдности, одною кибиткою и то не иначе, какъ съ разрѣшенія и «по виду» старшихъ родоправителей — зайсанговъ или владѣльца (тамъ же, ст. 35, п. 13)[1]).

Родовая зависимость не придавала, впрочемъ, вполнѣ замкнутаго характера родовымъ союзамъ калмыковъ. Хотонное устройство допускало *выдѣленіе* челяди изъ семьи и хотона. По древнему закону ойратовъ (существовавшему до изданія устава 1640 г.), сынъ, достигшій зрѣлаго возраста, могъ отдѣлиться отъ отцовской семьи, съ выдѣломъ части стада, и образовать самостоятельный курень, «um unmittelbar des rechtmässigen Fürsten Unterthan zu sein»[2]). Послѣдняя цитата прямо указываетъ на политическій и именно финансовый мотивъ, лежавшій въ основѣ изложеннаго закона. Дѣло въ томъ, что у старыхъ монголовъ дани и повинности (военная и др.) распредѣлялись по числу самостоятельныхъ куре-

[1]) Кромѣ калмыковъ, родовая зависимость удержалась до послѣдняго времени также у китайскихъ монголовъ. Въ монгольскомъ уложеніи, составленномъ въ концѣ XVII в., изложенъ рядъ правилъ о перебѣжчикахъ, сходныхъ съ правилами ойратскаго устава 1640 г. Всякій, кто «долго жилъ» въ знамени (отдѣленіи аймака), не въ правѣ былъ его оставлять, подъ угрозою наказанія бѣглыхъ и ихъ передержателей. См. Іакинѳа Зап. о монг. IV, 230, 299 и слѣд.

[2]) См. мое соч. «Древ. монг.-калм. уставъ», 203.

ней и «котловъ», — увеличеніе послѣднихъ было въ прямомъ интересѣ монгольскихъ хановъ, поощрявшихъ поэтому своими законами дробленіе большихъ хотоновъ и выдѣленіе изъ нихъ самостоятельныхъ куреней. Не видно, чтобы въ эпоху ойратскаго устава 1640 г. запрещались подобныя же выдѣленія хотонныхъ частей; напротивъ, можно думать, что, не смотря на родовую зависимость, добровольное изгойство практиковалось ойратскими обычаями, лишь бы изгойныя части не выходили изъ состава тѣхъ аймаковъ и родовъ, къ которымъ были приписаны ихъ родительскіе хотоны. Путемъ такихъ выдѣленій роды естественно разростались въ своемъ количественномъ составѣ и потому «выдѣленія» вполнѣ совпадали съ родовыми интересами кочевниковъ. Тоже право свободнаго выдѣла предоставлялось пріемышамъ. По уставу 1640 г., если самъ пріемышъ хочетъ отойти, «въ томъ дается воля»; но онъ могъ взять съ собой только сыновей,—жена же и дочери его оставлялись у того, кто его женилъ (рус. 146; тоже и по Зинзил. улож. 156). По другой статьѣ пріемышъ при выдѣлѣ долженъ былъ выкупить жену и дѣтей, какъ и за воспитанницу уплачивался выкупъ, если она отходила къ природному отцу, по требованію послѣдняго (рус. 52, 146). Выкупъ семьи пріемыша отмѣнила Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ,—жена и дѣти должны слѣдовать за нимъ (154, п. 6).

Съ другой стороны, родовое устройство калмыцкихъ хотоновъ вызывало въ извѣстныхъ случаяхъ также *подневольное изгойство*, именно если тотъ или другой челядинъ шелъ въ разрѣзъ съ родовыми интересами[1]). По уставу 1640 г. родовому изгойству могли подлежать старшіе родичи и челядь. Лишеніе семьи, т. е. иначе — изгойство изъ хотона, грозитъ явнымъ убійцамъ и татямъ (изобличеннымъ въ трехъ кражахъ), какъ и отцу, виновному въ убійствѣ сына (рус уст. 1640 г. ст. 41; Палл. ст. 58, 136). Такому же изгойству могла подле-

[1]) Преступникъ, изгнанный навсегда изъ своего рода, называется у калмыковъ «андынъ»—тоже, что изгой по древнему русскому праву. См. Биб. д. чт. 1852, № 6, стр 132.

жать жена по односторонней волѣ мужа; въ такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, послѣдній получалъ за нее выкупъ отъ того, кто принималъ ее къ себѣ (Палл. 113, Зинз. улож. 157 п. 10). Кто увозилъ жену другаго, послѣдній могъ получить въ замѣнъ жену «уводца» или выкупъ со стороны ея ближнихъ родичей; этотъ обычай мѣны женъ не отмѣнялся и Зинзил. собраніемъ — уничтоженіе его предположено было лишь Коммиссіей, переработавшей уложеніе Зинзилинскаго собранія (см. рус. уставъ 1640 г. ст 146; Зинз. улож. 157). Далѣе, сынъ совершенно отдѣлялся отъ отцовской семьи, если поднималъ оружіе противъ родителей; за убійство ихъ онъ, кромѣ того, лишался собственной семьи (жены и дѣтей), т. е. становился полнымъ изгоемъ (рус. уст. 1640 г. ст. 41; Палл. 36). Еще меньше встрѣчало препятствій изгойство пріемышей: если пріемный отецъ не могъ терпѣть (nicht mehr leiden mag) пріемыша, то былъ въ правѣ выгнать его отъ себя безъ всего (голымъ, ganz kahl); право изгойства ограничивалось лишь въ отношеніи къ пріемной дочери,—ее запрещалось удалять по произволу воспитательницы (уст. 1640 г. по изд. Пал. ст. 127)[1]).

Наконецъ, калмыцкіе законы даютъ указанія на полный *раздѣлъ* и *распаденіе* хотоновъ. Уставъ 1640 г. допускаетъ даже возможность «разоренія» со «всей фамиліей», «съ дѣтьми и внучаты». Полное изгойство цѣлыхъ родовыхъ союзовъ являлось послѣдствіемъ нарушенія требованій ойратства, когда данный союзъ или его глава оказывался виновнымъ въ родовой измѣнѣ: «кто увидитъ приближеніе великаго непріятеля, или о томъ чрезъ кого увѣдаетъ, да другимъ не объявитъ, и того съ дѣтьми и со внучаты (т. е. цѣлымъ хотономъ) раззорить и самаго его со всею фамиліею умертвить» (рус. 16), —а по списку Палласа — «dessen Haabe soll geplündert

[1]) Кромѣ преступленія, изгойство было результатомъ лишенія степнаго хозяйства. Байгуша (Baigutsch)—полный бѣднякъ, лишившійся скота; онъ выходилъ «изъ степи», т. е. изъ состава рода, шелъ на сторону въ работники или же отдавался въ невольники (Jassir). Какъ въ осѣдлой общинѣ лишеніе участія въ обладаніи общинной землей влекло изгойство, такъ и въ кочевомъ родѣ лишеніе «стада» отзывалось для кочевника такимъ же результатомъ. См. Пал. Saml. I, 116. Бюлера въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 8; № 8, стр. 97.

und er *mit den seinigen* zum Sklaven gemacht werden» (ст. 13). Съ отдачей въ рабство и разореніемъ хотонъ выходилъ изъ общаго родоваго строя въ безправное состояніе изгойства,—явленіе, во многомъ аналогическое съ древнерусскими институтами изгойства, потока и грабежа. — Далѣе, хотонъ могъ распасться вслѣдствіе вымиранія хотонныхъ семей; по калмыцкому праву сироты вообще отдаются на попеченіе однородцамъ (Зинз. улож. 126). Наконецъ, распаденіе хотоновъ на самостоятельныя части являлось вообще естественнымъ результатомъ разростанія хотонныхъ семей. Случаи раздѣла хотоновъ могли имѣть мѣсто главнымъ образомъ въ большихъ союзахъ, когда съ смертію старшихъ родичей — нарядниковъ и съ разростаніемъ поколѣній утрачивалось живое сознаніе родоваго единства и отдѣльныя части союза, по своей численности, могли составить новые хотоны, обладавшіе достаточными личными силами и матеріальными средствами для устройства отдѣльныхъ куреней съ самостоятельныхъ хозяйствомъ. Раздѣлъ хотонныхъ семей — первый моментъ, съ котораго начиналось для расходившихся родичей дѣйствіе наслѣдственнаго права по родовымъ обычаямъ кочевниковъ. На этотъ-то моментъ и указываетъ 39 статья ойратскаго устава (по списку Палласа): «Ihr Vater! gebt euren Söhnen ihr Erbtheil nach Gebühr» (по рус. списку—«по обыкновенію»). При имущественной общности хотоновъ, единствѣ огнища, котла и хозяйства, въ нихъ не имѣло мѣста наслѣдственное право, по существу своему предполагающее индивидуализацію имущественнаго оборота, чего не было при родовомъ устройствѣ хотоновъ, — все ихъ имущество разсматривалось общей принадлежностью союзовъ. Имущественная общность прекращалась лишь въ моментъ распаденія хотона на части: между расходившимися родичами раздѣлялось все хотонное имущество по родовымъ «обыкновеніемъ», которыя будутъ разсмотрѣны ниже, въ отдѣлѣ о наслѣдованіи имуществъ.

Хотонное устройство не исчерпываетъ всѣхъ формъ родоваго быта калмыковъ. Съ разростаніемъ и раздробленіемъ

первичныхъ хотоновъ на ихъ составныя части, образовавшія изъ себя съ теченіемъ времени новые хотоны, между ними не прекращались родовыя связи. Интересы взаимной помощи и самообороны сводили ихъ въ новыя, болѣе сложныя, родовыя федераціи. По ойратскому уставу 1640 г. и Зинзилинскому уложенію къ такимъ родовымъ федераціямъ относятся *аймаки* (или *цзисаи*) — союзы нѣсколькихъ хотоновъ, кочующихъ нераздѣльно на данной мѣстности и находящихся между собой въ близкихъ степеняхъ родства, т. е. происходящихъ отъ одного, общаго имъ всѣмъ, родоваго вождя, или старѣйшины хотона, отъ котораго разродился весь аймакъ[1]). Аймаки изстари встрѣчаются у всѣхъ монгольскихъ племенъ, хотя и не вездѣ съ одинаковымъ значеніемъ. Въ старину *аймань* (у восточныхъ монголовъ) и аймакъ (у западныхъ—зюнгарцевъ) соотвѣтствовали тангачи (племя, поколѣніе) калмыковъ; и теперь у китайскихъ монголовъ аймаки удерживаются въ значеніи калмыцкихъ улусовъ[2]).

Въ устройствѣ аймаковъ могло на первыхъ порахъ поддерживаться тоже самое родовое старѣйшинство между хотонами одного аймака, какое имѣло силу въ устройствѣ самихъ хотоновъ. Но затѣмъ, съ разростаніемъ и усложненіемъ аймаковъ, родовыя отношенія между ихъ частями могли сохраняться и поддерживаться лишь традиціоннымъ путемъ, безъ прежняго, живаго сознанія іерархическихъ связей и старѣйшинства ихъ происхожденія[3]). Уставъ 1640 г. не знаетъ никакихъ различій въ родовомъ старшинствѣ между частями аймаковъ и различаетъ ихъ только въ количественномъ отношеніи, говоря о большихъ и малыхъ аймакахъ (уст. по сп. Палл. 1 и 2).

---

[1]) См. Бентковскаго Жилище, въ Сборн. по Ставроп. губ. I, 93. Костенкова Ист. и стат. свѣд. о калм., 31.

[2]) См. Іакинфа Зап. о монг. II, 129—132, 134, 162, 221. Подъ цзисаями первоначально разумѣлись у калмыковъ небольшіе удѣлы, дававшіеся духовенству для его содержанія; но затѣмъ тоже наименованіе было перенесено и на аймаки. См. Костенкова ист. и стат. свѣд. о калмыкахъ, 31.

[3]) См Небольсина Очерки, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 32.

Подобно хотону, аймакъ не имѣетъ опредѣленнаго численнаго состава, зависящаго отъ фактической численности аймашныхъ родичей. Въ старое время аймаки вообще отличались многочисленнымъ составомъ. Еще въ прошломъ вѣкѣ, по свидѣтельству Палласа, калмыцкій аймакъ имѣлъ видъ значительной орды и состоялъ изъ 300 и болѣе куреней (Orko, т. е. собственно хотоновъ); у торгоутовъ встрѣчались аймаки до 1000 и больше кибитокъ[1]). Въ новое время составъ аймаковъ значительно уменьшился. Глоссы къ русскому тексту устава 1640 г. уже 40 кибитокъ считаютъ аймакомъ (ст. 165). Зинзилинское уложеніе различаетъ аймаки большіе, обнимающіе больше 100 киб, и малые—ниже этой нормы (ст. 140).

Личный составъ аймака слагается изъ «сосѣдей», подъ общемъ именемъ «людей аймашныхъ», т. е. членовъ родственныхъ между собой хотоновъ, кочевья которыхъ располагались по сосѣдству, на смежныхъ стойбищахъ, однимъ аймакомъ, съ общимъ, аймашнымъ нарядникомъ (Зинз. улож. 40, 42, 196)[2]). Родовой нарядъ въ аймакахъ имѣетъ наслѣдственный характеръ и отправляется «командующими» изъ привиллегированнаго сословія зайсанговъ—старшими (въ большихъ аймакахъ) и младшими (подъ общимъ именемъ шуленгъ — въ небольшихъ аймакахъ, см. уст. 1640 г. ст. 89, 165, 166,—Палл. 79, 109). Въ Зинз. уложеніи есть указаніе на переходъ аймака отъ зайсанга къ «ближайшему по немъ наслѣднику»—къ сыну, а если его нѣтъ или онъ малолѣтенъ, то до возраста къ ближайшимъ родственникамъ (Зинз. улож. 26, 37; см. ниже, отдѣлъ о родовомъ нарядѣ). Нарядъ аймашнаго зайсанга обнималъ судъ[3]),

---

[1]) Палласа Saml. I, 190—191.

[2] «Сосѣди» по 196-й статьѣ противополагаются «женѣ и дѣтямъ», т. е членамъ хотона, и «однородцамъ»—членамъ одного отока (рода), и потому подъ сосѣдями нужно разумѣть именно «людей аймашныхъ», т. е. членовъ нѣсколькихъ хотоновъ по сосѣдству кочевавшихъ другъ возлѣ друга.

[3]) По 34 ст. и 10 Зинз. улож., калмыки одного аймака судятся ихъ зайсангомъ; если же въ дѣлѣ участвуютъ калмыки двухъ аймаковъ, то дѣло рѣшается совмѣстно ихъ зайсангами (смѣстный судъ)

сборъ податей и отправленіе другихъ общественныхъ повинностей (напр. по призрѣнію бѣдныхъ), нарядъ аймашныхъ на службу и общій полицейскій надзоръ — по откочевкамъ и пр. (Зинз. улож. 28, 42, 119, 127, 140 и пр.)

Связь аймашныхъ частей съ цѣлымъ союзомъ имѣетъ такой же зависимый характеръ, какъ и связь, существовавшая между кибитками одного хотона. По уставу 1640 г. самовольно никто не могъ уходить съ своимъ кочевьемъ изъ родоваго аймака и «примѣшиваться» къ другому роду. Уходившихъ изъ своего аймака уставъ предписываетъ возвращать назадъ и, какъ ослушниковъ, наказывать штрафами въ пользу ихъ старѣйшинъ. Въ этомъ случаѣ, въ составъ родовой поруки входила обязанность всего аймака и его старшинъ слѣдить, чтобы никто не откочевывалъ и не оставлялъ своего аймака; иначе штрафуются аймашные старшины и цѣлый аймакъ (рус. 165, 166; Палл. 140). Тѣже правила удержаны и Зинз. уложеніемъ, требовавшимъ подъ угрозою штрафа, чтобы «никто изъ среды улуса знатными частями, аймаками и родами, отнюдь не отдѣлялся»; мало того: уложеніе штрафуетъ даже того, «кто вздумаетъ просить незаконно, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій,—выбыть изъ аймаку своего зайсанга» (Зинз. уложеніе ст. 101 п. 12, ст. 119).

Аймашное устройство, подобно хотонному, основывается наконецъ на началѣ родовой поруки и солидарности. Принадлежать къ аймаку, какъ и ко всякому другому родовому союзу, значило находиться подъ его «защитой» (Schuz—по выраженію 140 ст. ойратскаго устава по списку Палласа) и вмѣстѣ съ тѣмъ нести сообща всѣ тяготы и повинности союзной жизни. Начало отвѣтственности и поруки по преступленіямъ констатируется, напр., 89-й статьей стараго устава о слѣдѣ: командующій аймакомъ долженъ отвести слѣдъ или выдать вора съ платежемъ штрафа «за слабое его смотрѣніе». И по Зинз. уложенію родовая порука имѣетъ мѣсто не только между ближайшими родичами одного хотона, но и касается также «со-

сѣдей» и «однородцевъ», т. е. проникаетъ въ устройство аймаковъ и отоковъ (Зинз. улож. ст. 196).

Въ свою очередь, нѣсколько аймаковъ, разросшихся изъ одного родоваго союза и имѣвшихъ общаго родоначальника, составляетъ по калмыцкимъ законамъ отдѣльную родовую единицу, подъ общимъ названіемъ *отока* (см. законы Галдана, ст. 151—153, 157, 166,—Палл. 173; Зинз. ул. 65, 120)[1]). Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что отокъ въ значеніи постояннаго родоваго союза появился у калмыковъ въ позднѣйшее время и первоначально входилъ лишь въ военно-дружинную организацію ойратскихъ племенъ. Уставъ 1640 г. вовсе не знаетъ ни отока, ни «рода», въ значеніи особой родовой федераціи.

---

[1]) Глубокій знатокъ монгольской старины, Палласъ, описывая общественный бытъ монгольскихъ племенъ, различаетъ три родовые союзы, на которые дѣлились калмыки и другія ойратскія племена, — улусъ, аймакъ (съ его административными подраздѣленіями—десятками и пр.) и хотонъ. Отоки отнесены Палласомъ не къ родовой, но къ военной организаціи племенъ, въ значеніи военныхъ дружинъ (знаменъ), совокупность которыхъ и составляла въ военномъ отношеніи большую орду — улусъ (см Saml I, 190 и 221) Послѣдующіе изслѣдователи полагаютъ, что у калмыковъ изстари существовали отдѣльные союзы нѣсколькихъ аймаковъ подъ названіемъ «родъ» (анги), и что подъ отокомъ разумѣлась земля, занятая кочевьями одного рода. Такъ поставленъ вопросъ у Небольсина (Биб. для чт. СХШ, 32) и Костенкова (ист. и стат. свѣд. о калм., 31) Еще иначе разрѣшается данный вопросъ Бюлеромъ: по его словамъ, еще въ прошломъ столѣтіи у калмыковъ улусы дѣлились на отоки и лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи стали въ дѣловыхъ бумагахъ замѣнять отокъ словомъ родъ (Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 21, прим 4). Дѣло въ томъ, что воззрѣніе Палласа вполнѣ вѣрно въ отношеніи къ древнему времени. Подобно тому, какъ у восточныхъ монголовъ существовало дѣленіе на поколѣнія и ихъ части—аймаки и знамена — хошу (хошуны) или небольшіе удѣлы и роды (см. Іакинфа Зап. о монг. II, 131, 162), такъ и западныя ойратскія племена дѣлились на родовые союзы — улусы, аймаки и хотоны. Подобный порядокъ существовалъ у ойратовъ еще въ эпоху изданія устава 1640 г.; лишь послѣ него появилось дѣленіе улусовъ на постоянные родовые союзы — отоки, которые въ нынѣшнемъ столѣтіи, глав обр. съ Зинз. уложенія, стали называться родами, какъ это и констатируетъ Небольсинъ.

«Анги» (родъ) было общимъ названіемъ всякаго родоваго союза, начиная съ хотона и оканчивая федераціей цѣлыхъ племенъ (оронъ); самый терминъ «родъ» (Geschlecht) встрѣчается только въ указѣ конъ—тайши Галдана[1]). Въ значеніи родового союза, занимающаго средину между улусомъ и аймакомъ, родъ появляется впервые въ Зинз. уложеніи (см. ниже). Уставъ 1640 г. знаетъ лишь три родовыя градаціи въ составѣ союзныхъ племенъ: улусы, аймаки (большіе и малые) и хотоны. Объ отокѣ нѣтъ нигдѣ ни слова въ уставѣ; въ его время отокъ еще не входилъ въ общую систему родовыхъ союзовъ и встрѣчался лишь въ многолюдныхъ улусахъ въ формѣ большаго аймака[2]). Подъ послѣднимъ, очевидно, слѣдуетъ понимать институтъ, который въ законахъ Галдана является подъ спеціальнымъ титуломъ отока. Изъ 157 статьи указа Галдана видно, что и въ его время не вездѣ существовали отоки въ значеніи отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ, — встрѣчались такія улусныя части, «которыя въ отокахъ еще не были»[3]), т. е. иначе говоря, были такія отдѣленія улусовъ, которыя въ родовомъ отношеніи прямо дѣлились на аймаки, безъ переходной градаціи отоковъ.

Дѣло въ томъ, что первоначально подъ отоками (знаменами, Ottok) разумѣлись исключительно военныя подраздѣленія ойратскихъ племенъ и улусовъ на малыя орды или дружины, съ числовыми дѣленіями на сотни, десятки и пр., въ составѣ которыхъ ойратскія орды, по своимъ военнымъ обычаямъ, предпринимали хищническіе набѣги, перекочевывали съ мѣста на

---

[1]) Именно въ 141 ст. (по изданію Палласа)—о судѣ по спорамъ между элѣтами и бухарскими монголами: «Wir wollen diesem nun mit uns verwandten *Geschlecht* (Chotton Volk, städt. Bucharen) sein Recht als Verwandten wiederfahren lassen».

[2]) Въ такомъ смыслѣ говоритъ первая статья устава 1640 г. о хищническомъ нападеніи на «grossen Aimak oder ganzen Nutuk» а 2-я ст. — о нападеніи на «kleinen Aimak oder Chotton».

[3]) Ихъ велѣно «вновь раздать также по отокамъ». См. 157 ст. стараго устава.

мѣсто или скучивались для отраженія враговъ. Являясь въ «полѣ» въ роли хищниковъ, старые кочевники соединялись по «родству», соотвѣтственно съ отдѣлами котораго дѣлились и ихъ боевыя дружины, группировавшіяся по знаменамъ (отокамъ) однородцевъ или лучше—одноулусниковъ Это были временные, чисто военные союзы, въ которые могли входить разнородныя части улусовъ съ опредѣленнымъ численнымъ составомъ, безъ значенія самостоятельныхъ родовыхъ союзовъ. Лишь въ эпоху усилившихся въ XVII вѣкѣ между ойратскими племенами, кочевыхъ передвиженій и хищничества, могла явиться необходимость въ постоянной организаціи отоковъ, въ пріуроченіи къ нимъ административно—родоваго значенія, наравнѣ съ аймаками и другими родовыми «отдѣленіями» улусовъ. Въ общую систему родовыхъ союзовъ отоки вошли послѣ изданія ойратскаго устава 1640 г.; по крайней мѣрѣ законы Галдана трактуютъ объ отокахъ, какъ уже объ общемъ дѣленіи улусовъ съ опредѣленной функціей въ ряду другихъ родовыхъ градацій.

Въ законахъ Галдана отокъ приравнивается и даже часто смѣшивается съ аймакомъ (см. напр. ст. 166). Различіе между ними выражалось больше всего въ численномъ, военно-административномъ составѣ и роли отока, въ отличіе отъ исключительно родоваго характера аймака, не имѣвшаго строгаго дружиннаго строя. Первоначально во главѣ отоковъ могли стоять старѣйшіе по происхожденію аймаки, управлявшіеся древними родовыми вождями; въ военномъ отношеніи къ такимъ аймакамъ примыкали другіе, родственные союзы, составляя въ общей сложности одну дружину (знамя, отокъ). Позже, когда въ народномъ сознаніи стало утрачиваться начало старѣйшинства одного родоваго союза предъ другимъ, отоки окончательно вошли въ общую систему народныхъ дѣленій съ значеніемъ непосредственныхъ «отдѣленій», или родовыхъ частей улусовъ. На этой ступени развитія и является отокъ въ законахъ Галдана, какъ союзъ не только съ военно-дружиннымъ характеромъ, но и съ опредѣленной, адмистративно-родовой функціей,

приравнивавшей его къ аймаку и другимъ улуснымъ союзамъ. Ниже, въ отдѣлѣ о дружинномъ устройствѣ по калмыцкому праву, мы разсмотримъ военное значеніе отока; теперь же ограничимся замѣчаніемъ о немъ въ общемъ, административно-родовомъ отношеніи.

Отокъ представляетъ совокупность нѣсколькихъ родственныхъ аймаковъ, имѣвшихъ одного общаго родоначальника и подраздѣлявшихся по «куренямъ» на числовыя отдѣленія (сотни, сорока и десятки), которыя въ своей совокупности и составляли цѣлый отокъ. Отокъ означалъ собственно военно-административное отдѣленіе или часть улуса, дѣлившагося на «знамена» (отоки), т. е. небольшія родовыя орды, какими улусъ обыкновенно перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто, выходилъ на войну и пр., — союзъ, имѣвшій свой постоянный родовой нарядъ и отправлявшій опредѣленную общественную функцію наравнѣ съ другими улусными частями[1]). Съ такимъ значеніемъ является отокъ въ законахъ Галдана (рус. 151—153, 157, 166; Палл. 137) Отокъ упоминается затѣмъ въ Зинзилинскомъ уложеніи, какъ «значительная часть улуса» (ст. 65); но самый терминъ «отокъ» употребленъ въ уложеніи всего лишь разъ[2]), — онъ вездѣ замѣняется словомъ «родъ» (по калм. анги). Въ значеніи стараго отока, родъ противополагается въ уложеніи то улусу и десятку (ст. 38), то аймаку (119), то сорока (120). По 119 статьѣ «аймаки и роды» одинаково называются «знатными частями улуса» и въ этомъ смыслѣ отличаются отъ меньшихъ его частей — десятковъ, сорока и пр.[3]). Какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ, у нихъ подъ родомъ до настоящаго вре-

---

[1]) См Бюлера, въ От. Зап 1846, № 7, стр. 21. Небольсина, въ Виб. для чт 1852, СХШ, 32. Костенкова о калм. 31.

[2]) Отокъ упоминается, кромѣ того, въ 120 статьѣ; но, какъ замѣчено нами въ примѣчаніи къ этой статьѣ, контекстъ статьи указываетъ здѣсь не на отокъ, но хотонъ. См. выше стр. 71.

[3]) Но въ Зинз уложеніи подъ родомъ разумѣется нерѣдко и вообще родовой союзъ — улусъ, отокъ, аймакъ и пр. См. напр. ст. 92, 118 и ор.

мени разумѣется часть улуса, слагающаяся изъ нѣсколькихъ родственныхъ аймаковъ, — наименованіе «отокъ» удержалось за землей, занимаемой кочевьями одного рода отдѣльно отъ чужеродцевъ[1]).

Выше замѣчено, что «сосѣдями» назывались люди аймашные, т. е. члены родственныхъ хотоновъ, кочевавшихъ по сосѣдству, на смежныхъ стойбищахъ, однимъ аймакомъ. Въ отличіе отъ аймака, отокъ или позднѣйшій родъ слагается изъ *однородцевъ*[2]), соединенныхъ одинаковымъ кровнымъ происхожденіемъ и подчиненныхъ общему родовому наряду. Подобно аймаку, отокъ управляется старѣйшиной изъ сословія зайсанговъ. Между зайсангами оточными и аймашными не было въ общемъ, іерархическомъ смыслѣ никакихъ реальныхъ отношеній власти и подчиненія, — тѣ и другіе непосредственно подчинялись военно-административному наряду своихъ улусныхъ вождей («владѣльцевъ», нойоновъ). Во главѣ отока стоялъ «старѣйшій» зайсангъ — глава старѣйшаго или же болѣе сильнаго въ данное время, родоваго аймака, подобно тому, какъ и въ родовой градаціи улусовъ, изъ какихъ состояло цѣлое племя, стоялъ во главѣ улусной федераціи улусъ старѣйшій и болѣе обширный, вождь котораго считался въ тоже время вождемъ (тайшей) цѣлаго племени. Значеніе оточнаго зайсанга поднималось собственно въ военное время, когда онъ являлся вождемъ всѣхъ аймаковъ и другихъ родовыхъ «отдѣленій» (десятковъ, сотень и пр.), принадлежавшихъ къ его

---

[1]) См. Библ. для чт. CXIII, 32. Костенкова о калм., 31.

[2]) Какъ выше замѣчено, различіе между семейными членами, сосѣдями и однородцами по 196-й ст. Зинз. уложенія совпадаетъ съ различіемъ между хотономъ, аймакомъ и отокомъ (родомъ). Впрочемъ, въ другихъ статьяхъ терминъ «однородцы» употребляется въ общемъ значеніи и обозначаетъ «рожденныхъ отъ единоплеменниковъ», т. е. принадлежащихъ по своему происхожденію къ одному родовому союзу, будетъ ли это отокъ, аймакъ, улусъ и пр. См. Зинз. улож. 38, 100, 119, 222.

отоку, — другіе аймашные правители становились къ нему въ подчиненныя отношенія военной дисциплины.

И въ отношеніи къ кочевымъ интересамъ отокъ имѣлъ организацію, общую съ аймакомъ Въ обоихъ кочевья и стойбища распредѣляются по «родству». Отоки и аймаки располагаются съ своими хотонами и сгадами въ предѣлахъ земельныхъ участковъ («отоковъ», какъ называются теперь общинныя земли калмыцкихъ родовъ), отводимыхъ кочевникамъ по «родамъ» и другимъ «отдѣленіямъ» изъ общихъ улусныхъ земель для стойбищъ и пастьбы скота. Изъ предѣловъ данной разверстки такихъ «отоковъ» (мѣстъ кочевья) никто не могъ выходить путемъ отдѣленія отъ своего рода и откочевки въ другія мѣста. Въ этомъ отношеніи законы Галдана развили цѣлую систему правилъ объ откочевкахъ изъ отоковъ, въ которыхъ нужно видѣть лишь не болѣе, какъ примѣненіе къ отокамъ формулированныхъ ойратскимъ уставомъ 1640 года, обычныхъ началъ кочевой организаціи ойратскихъ племенъ. Такимъ образомъ, законы Галдана вмѣняютъ каждому зайсангу, управляющему отокомъ, подъ угрозою штрафа и лишенія «чина» (т. е. отнятія отока и наряда въ немъ), заботиться о собраніи людей, разошедшихся по другимъ улусамъ (рус. 151, 152). «Ежели котораго отока люди, отлучась отъ своего улуса, замѣшаются съ людьми другаго улуса», то законы Галдана предписываютъ «такихъ людей собирать и опредѣлять ихъ по прежнимъ отокамъ; а буде найдутся и такіе, которые въ отокахъ еще не были, и ихъ вновь раздать такожде по отокамъ» (см. рус. 157; ср. выше стр. 154—варіанты къ этой статьѣ). Откочевавшія части отока штрафуются, а «приводца», способствовавшій возвращенію ихъ на прежнее мѣсто, получаетъ опредѣленную плату, взимаемую съ каждой кибитки отока или аймака (къ которымъ приписаны откочевавшія части), не выключая и ихъ «командующихъ» (рус. 165, 166). Тѣже правила удержаны въ Зинзилинскомъ уложеніи безъ существенныхъ измѣненій (см. ст. 38, 118—120 и пр.).

По отокамъ распредѣлялись, далѣе, всѣ общественныя тяготы и повинности — поставка ратниковъ, платежъ податей, призрѣніе бѣдныхъ и пр. (Палл. 131, 132; рус. 153, 154 и пр.). Изъ старыхъ калмыцкихъ законовъ не видно, чтобы, кромѣ отвѣтственности по откочевкамъ, распространялась на отоки родовая порука по другимъ преступленіямъ; но существованіе этого начала въ обычномъ правѣ калмыковъ констатируется Зинзилинскимъ уложеніемъ, записавшимъ обычное правило объ общей отвѣтственности по преступленіямъ, не только ближайшихъ родичей (членовъ хотона) и сосѣдей, но и «однородцевъ»—членовъ одного рода или отока (ст. Зинз. улож. 196). Ойратство (союзность), въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно нормировано уставомъ 1640 г., не только обязывало ойратовъ ко взаимной родовой помощи и защитѣ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на нихъ повинность родовой поруки и отвѣтственности, равно проникавшей во всѣ сферы союзной жизни кочевниковъ. Тоже самое ойратство удерживалось у калмыковъ и въ эпоху Зинзилинскаго уложенія. Въ его время измѣнилась не сущность этого института, но лишь съузились предѣлы тѣхъ родовыхъ союзовъ, въ которыхъ прежде высказывалась его сила и дѣйствіе: у калмыковъ новаго времени ойратство связываетъ, какъ замѣчено выше (см. стр. 158), не цѣлыя союзныя племена, но лишь мелкіе, родственные между собой союзы—роды, аймаки и другія родовыя части и «общества». Любопытная формула родоваго ойратства современныхъ калмыковъ изложена въ 92 статьѣ Зинзилинскаго уложенія, обязывающей «жить между собою откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе», не только владѣльцевъ, зайсанговъ и другихъ родоправителей, но и «цѣлыя общества, знатныя части онаго и всѣ *роды*, между ими раздѣляющіеся, именующіе себя ойридъ»[1]). Какъ видно изъ 222-й статьи уложенія, ойридомъ

[1]) Внѣшнимъ символомъ родоваго ойратства считается «ношеніе на вершинѣ шапокъ красныхъ кистей»—(см. ст. 92). Ойриды, какъ показываетъ

(ойратомъ, союзникомъ) именуется всякій по родству, — кто «рожденъ отъ прославленныхъ единоплеменниковъ». Всѣ такіе роды и общества въ качествѣ ойратовъ обязываются уложеніемъ «жить одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначинаніями», и подъ угрозой штрафовъ при несоблюденіи условій родоваго ойратства (Зинз. улож. 92).

Отоки, какъ военно-административныя единицы, имѣли сложный составъ и раздѣлялись на числовые отдѣлы—*сотни, сорока и десятки.* По замѣчанію изслѣдователей, числовыя дѣленія возникли у монголовъ изъ хищническихъ условій дружинно-родоваго быта, — «изъ воинственности, въ которую обратилась развитая междоусобными распрями алчность къ добычѣ»[1]). Изъ фрагментовъ Чингисовой «ясы» XIII в. видно, что военно-дружинная организація монголовъ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ она держалась у различныхъ племенъ до позднѣйшаго времени, была нормирована еще Чингисомъ, раздѣлившимъ свои орды (улусы или тьмы) на тысячи, сотни и десятки, поставивъ особыхъ начальниковъ по каждой части (десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ), съ запрещеніемъ послѣднимъ мѣнять свои посты[2]). Такое же дружинное дѣленіе лежало позже въ основѣ всей военной организаціи ойратскаго союза Зюнгаръ и другихъ монгольскихъ племенъ. Главнымъ базисомъ такой организаціи считалось опредѣленное число «куреней» и «котловъ»—хотонныхъ семей, составлявшихъ въ различныхъ комбинаціяхъ отдѣльныя дружины и орды, на какія дѣлились улусы и цѣлыя племена. Тоже самое числовое дѣленіе является въ уставѣ 1640 г. изстариннымъ народнымъ учрежденіемъ,

---

222-я ст., обязательно носятъ такія кисти и даже получаютъ «имя красной кисти».

[1]) Небольсина, въ Биб для чт. CXIII, 32.

[2]) См. мое соч. «Древ. монг.-калм. уставъ», стр 192, 195. Ср. Березина Очерки внутр. устр. Джуч улуса, 47.

существовавшимъ въ улусахъ независимо отъ дѣленія ихъ по аймакамъ. Уставъ констатируетъ три главныя числовыя дѣленія улусовъ: десятки, сорока (съ ихъ половинами—двадцатками) и сотни, которыя опредѣлялись по примѣрному исчисленію главныхъ кибитокъ (куреней), т. е. семей и хотоновъ, жившихъ общимъ хозяйствомъ и довольствовавшихся общимъ, родительскимъ «котломъ»[1]). Въ военное время или при кочевыхъ передвиженіяхъ нѣсколько сотень съ ихъ отдѣленіями составляли одинъ отокъ (знамя) — отрядъ или небольшую орду, а въ мирное время, кочуя нераздѣльно на смежныхъ стойбищахъ, отправляли опредѣленныя (административныя) функціи родовой жизни кочевниковъ. Ко времени ойратскаго главы Галдана всѣ эти дружинно-административныя части ойратскихъ улусовъ получили окончательную организацію, были сведены въ отоки — непосредственныя части большой орды (улуса), каждая съ своимъ особымъ «командующимъ». Эта-то система улусныхъ частей удержалась у калмыковъ до новѣйшаго времени, когда вмѣстѣ съ ослабленіемъ между ними стараго хищничества потеряла силу прежде такъ строго развитая, военная организація родовыхъ союзовъ, — десятки и другія отдѣленія сохраняются доселѣ у калмыковъ въ значеніи простыхъ административныхъ подраздѣленій родовъ. Зинзилинское уложеніе въ этомъ отношеніи не вводило въ существѣ ничего новаго, но лишь болѣе отчетливо развило и выяснило старые институты, нормированные ойратскими законами XVII в. Такимъ

---

[1]) См. Небольсина, въ Библ. для чт CXIII, 32, Костенкова 31. О десяткахъ см. уст рус. 155, Пал 77, 135. О двадцаткахъ—рус. 47, Пал 41. О сорока—рус. 47, 48, 165 и пр. О сотнѣ — Пал. 41. — О десяткахъ и другихъ числовыхъ дѣленіяхъ у китайскихъ монголовъ см. Іакинѳа Зап. о Монг II, 128, 162, 165; IV, 227, 261. Тимковскаго Путеш. Ш, 189, 328, 346. Пржевальскаго Монг. I, 9, 101, 160, 287 По замѣчанію историковъ, въ числовомъ дѣленіи Чингисовыхъ ордъ «не могла соблюдаться ариѳметическая точность, и названія эти были болѣе номинальныя, чѣмъ дѣйствительныя» (см. Березина Очерки внутр. устр. Джучіева улуса, 47). Таковъ же характеръ и тѣхъ десятковъ, сотенъ и пр., которые упоминаются въ калмыцкихъ законахъ.

образомъ, уложеніе говоритъ объ «отдѣленіяхъ» или «частяхъ» рода — зюнахъ (сотняхъ), барунахъ (сорока) и зотарахъ (десяткахъ)[1]). Самое устройство всѣхъ этихъ родовыхъ отдѣленій по уложенію почти тоже, что́ и по старому уставу. Сотенному зайсангу (Saissan uber Hundert) послѣдняго (Пал. 41) соотвѣтствуетъ «сотенный начальникъ» уложенія (ст. 140), Schülünga стараго устава = шюлюнгюсъ улож. (ст. 92)[2]); старый Damùtschi = демичей (демчей) или староста сорока (37, 119, 140 и пр.); наконецъ старый десятскій (Achcha), командующій десяткомъ = старшина десятка по уложенію (23, 26 и пр., — см. выше стр. 139). Всѣ эти «чины» находятся между собой въ іерархическихъ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ и ведутъ родовой нарядъ въ своихъ отдѣленіяхъ. По первоначальному своему назначенію десятки и другія отдѣленія улусовъ имѣли въ виду по преимуществу цѣли военныя —нарядъ ратниковъ, ихъ сборъ въ потребныхъ случаяхъ и пр.[3]); затѣмъ къ военнымъ потребностямъ примкнули также задачи обще-административныя — тягловыя, полицейскія и пр. Такимъ образомъ, по уставу 1640 г. и Зинз. уложенію десятки и другія родовыя части отправляютъ сообща всѣ общественныя повинности, разверстываемыя между ними по родству. Они поставляютъ ратниковъ съ оружіемъ и припасами[4]),

---

[1]) Объ отдѣленіяхъ вообще см Зинз. ул. 118, 126. О сотняхъ—118 и 140. О сорока—23, 92, 118, 120, 126, 132, 154. О десяткахъ—37, 38, 74, 88, 119, 120, 121 и пр Уложеніе упоминаетъ также о тысячѣ (ст. 140), но лишь въ значеніи военнаго отряда. Двадцатки устава 1640 г. неизвѣстны Зинзил. уложенію.

[2]) Впрочемъ, значеніе послѣдняго нѣсколько иное, чѣмъ стараго шуленги. Послѣдній былъ нарядникомъ аймака, тогда какъ первый отнесенъ къ старостамъ (т е. главамъ сорока) съ титуломъ «главнаго» или «сборнаго» старосты По видимому, такъ назывался шуленга, завѣдывавшій нѣсколькими сорока, быть можетъ—сотнею.

[3]) См. Библ. для чт CXIII, 32. Костенкова о калмыкахъ 31.

[4]) Зайсанги, демчеи и другіе старосты въ потребныхъ случаяхъ наряжаютъ войско каждый по свой части (Зинз. улож. 140). По старому уста-

платятъ улуснымъ правителямъ подати и другіе сборы[1]), отвѣчаютъ за общій порядокъ (по надзору за откочевками, за ворами, лихими людьми и пр.)[2]), доставляютъ содержаніе бѣднымъ[3]); мало того: десятки и сорока принимаютъ самое близкое участіе въ семейной жизни своихъ членовъ, — содѣйствуютъ (въ видахъ поддержанія рода путемъ нарожденія новыхъ поколѣній) умноженію между ними браковъ, вспомоществуя въ платежахъ за невѣсту (на общественный счетъ) и пр.[4]). Весь этотъ кругъ родовыхъ обязанностей установлялъ самую крѣпкую солидарность между отдѣленіями родовъ, естественно сводилъ десятки и ихъ комбинаціи въ весьма тѣсныя бытовыя связи и отношенія. Въ силу такихъ связей всѣ родовыя отдѣленія вмѣстѣ держались съ своими кочевьями на общихъ стойбищахъ, вмѣстѣ передвигались по своимъ кочевымъ путямъ, вмѣстѣ же шли въ хищническія предпріятія и наконецъ сообща защищались отъ враговъ, подъ «командою» своихъ родовыхъ старшинъ, старостъ и зайсанговъ.

ву сорока ежегодно должны снаряжать по 2 латы складчиной, «чтобы увеличить число хорошо вооруженныхъ ратниковъ» (рус 48), правило это отмѣнено Зинз уложеніемъ, такъ какъ «въ нынѣшнее время вообще калмыки латъ не имѣютъ» (ст. 221 и 21).

[2]) Тягловой характеръ отдѣленій рода виденъ между прочимъ изъ названія ихъ старшинъ ясашными сборщиками (даже по Зинз улож. —111 п. 7, 140, 196). О платежѣ податей по отокамъ и его отдѣламъ см. уставъ 164[0] г. по списку Пал. ст. 131

[3]) По уставу 1640 г. старшина 10-ти киб. наблюдаетъ, чтобы въ его отдѣленіи не было воровства, а о явныхъ татяхъ доноситъ зайсангу и пр. (Пал. 77). Законы Галдана прямо говорятъ, что десятки учреждаются «для прекращенія воровства» и «для лучшаго порядка» (рус. 155). Тѣже повинности лежатъ на сорока (Пал 131 и 132).

[4]) См. зак Галдана ст. 153 и 154; Зинз улож. 126.

[5]) По уставу 1640 г. сорока ежегодно должно женить 4-хъ холостыхъ, по одному изъ десятка, съ обязанностью давать вспоможеніе въ платѣ калыма, если вслѣдствіе отказа въ пособіи не состоятся браки, то штрафуются старшины и весь десятокъ или сорока (рус. 47). На Зинз. собраніи предполагалось уменьшить число браковъ (до 2-хъ) съ издержками отъ общества (Зинз. улож. 154).

Родовое ойратство не ограничивалось установленіемъ опредѣленной организаціи внутри аймаковъ и отоковъ съ ихъ родовыми отдѣленіями. Интересы ойратства требовали, чтобы сѣть родовыхъ связей раскидывалась возможно дальше, — чтобы въ видахъ родовой самозащиты и охраны мелкіе союзы, аймаки и отоки, сводились въ широкія политическія единенія и федераціи. Такой федераціей ойратскихъ родовъ и является по уставу 1640 г. и позднѣйшимъ калмыцкимъ законамъ *улусъ*, принадлежащій къ наиболѣе древнимъ институтамъ роднаго быта калмыковъ[1]). Подъ улусомъ разумѣется опредѣленная форма родовыхъ союзовъ, на какіе непосредственно распадалось отдѣльное кочевое племя (тангачи). Улусъ представляетъ собой совокупность нѣсколькихъ аймаковъ и отоковъ съ ихъ частями (сотнями, сорока и десятками), происходившими отъ общаго имъ всѣмъ, племеннаго корня. Каждый такой союзъ родовъ имѣетъ видъ большой орды, кочевавшей со всѣми своими частями отдѣльно отъ другихъ одноплеменныхъ улусовъ и управлявшейся своимъ родовымъ вождемъ—наслѣдственнымъ нойономъ, зависѣвшимъ отъ главы цѣлаго племени

---

[1]) Дѣленіе народа на улусы (тьмы) извѣстно было у монголовъ еще въ эпоху Чингиса (см. Березина Очерки внутр. устр. Джуч улуса, 47) и удерживалось у ойратскихъ племенъ до половины прошлаго вѣка, а у русскихъ калмыковъ и бурятъ существуетъ доселѣ улусное устройство. Улусъ имѣетъ нѣсколько значеній. Онъ обозначаетъ вообще народъ, люди («олунъ—улусъ»—множество людей), также орду, военную дружину, иногда сословіе простолюдиновъ («хара—улусъ» черный или подлый людъ), власть племеннаго вождя (такой-то союзъ составлялъ улусъ нойона и пр.). Въ уставѣ 1640 г. улусъ упоминается въ смыслѣ жилаго мѣста, также аймака или роднаго союза вообще и цѣлаго племени въ особенности—наконецъ въ значеніи собственно совокупности нѣсколькихъ аймаковъ и родовъ, составлявшихъ часть даннаго племени (см. мое соч. «Древн. монг.-калм. уставъ» стр. 174). Въ Зинз. уложеніи улусъ упоминается вездѣ въ собственномъ, техническомъ значеніи, какъ союзъ нѣсколькихъ, однопленныхъ родовъ и аймаковъ (см. ст. 38, 65, 82, 110, 118, 119 и пр.) Объ улусномъ устройствѣ бурятъ см. цитированную выше статью Щапова, въ Изв. Сиб. отд. V, стр. 128 и слѣд.

(тайши)[1]). Въ отношеніи къ родовой іерархіи одноулусники составляютъ удѣлъ, «владѣніе» (Fürstenthum — устава 1640 г. по сп. Пал. ст. 1) улуснаго родоправителя, нойона (отсюда послѣдній называется въ калмыцкихъ законахъ «владѣтелемъ», «владѣльцемъ», княземъ); они сообща, по-улусно, отправляютъ повинность ратную, платятъ дани и другіе сборы на содержаніе ихъ «владѣльца». Какъ «владѣніе» родоправителя, улусъ могъ дробиться между членами его рода, могъ сдѣлаться также вымороченымъ (напр. за бездѣтною смертію владѣльца или вслѣдствіе изгойства послѣдняго за измѣну родовому ойратству и пр.)[2]) и въ такомъ случаѣ перейти къ родоправителямъ другихъ улусовъ (съ раздѣломъ или безъ него). Отсюда образовалось позже раздѣленіе калмыцкихъ улусовъ на *владѣльческіе и вымороченые*. Зинзилинское уложеніе различаетъ «владѣльческіе» улусы, бывшіе въ управленіи наслѣдственныхъ «владѣльцевъ» (нойоновъ), отъ улусовъ «*казенныхъ*», или вымороченыхъ, завѣдывавшихся правителями (по назначенію отъ правительства)[3]). — Изъ общаго, улуснаго строя выдѣлялись у калмыковъ «цзисаи» (аймаки) и отоки — удѣлы, предоставлявшіеся духовенству для его содержанія, въ значеніи особаго «*ламинскаго*» улуса, состоявшаго изъ аймаковъ и

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 186—190. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 21. Костенкова о калм. стр. 30—33

[2]) Случай изгойства улусныхъ родоправителей предусмотрѣнъ въ уставѣ 1640 г. Нойоны (князья), которые нарушали миръ междоусобной войной и хищническимъ разореніемъ большаго аймака или цѣлаго нутука (племени), лишались своего «княжества», дѣлившагося между другими князьями, соединившимися противъ князей-хищниковъ (см. Палл. ст. 1)

[3]) Объ улусахъ владѣльческихъ и казенныхъ см. Зинз. улож. 4, 6, 34 (п. 10), 35 (п. 13), 82, 119 и пр. Случаи вымороченности улусовъ встрѣчались у калмыковъ до послѣдняго времени. Такъ, улусы Багацохуровскій и Эркетеневскій, по смерти ихъ послѣдняго нойона Дондукова, съ 1786 г. поступили въ казну. Въ томъ же году и Дербетевскій улусъ, какъ вымороченый, сдѣлался казеннымъ. См. Костенкова, 55, 57.

«людей ламинскихъ», «хурульскихъ» или «шебинеровъ» (Schäbinäre»), и управлявшагося улуснымъ ламой[1]).

По своему составу улусъ имѣлъ сложный характеръ. Въ административномъ и военномъ распредѣленіи его частей господствовали тѣже обычныя начала родоваго старѣйшинства, которыя лежали въ основѣ улуснаго устройства монголовъ еще въ эпоху Чингисова ханства и удержались затѣмъ въ организаціи ойратскихъ племенъ XVII—XVIII вѣковъ[2]).

Центромъ улуса служитъ *владѣльческая ставка* или курень (Oergö, Hof, Hoflager, дворъ) улуснаго вождя — нойона, съ принадлежавшимъ къ нему непосредственно владѣльческимъ отокомъ[3]). По уставу 1640 г. и Зинзилинскому уложенію, ставка или дворъ (эрге) владѣльца — центръ, къ которому стягивается весь улусъ въ случаѣ военнаго предпріятія; здѣсь сосредоточивается улусная управа и судъ, — въ ставку владѣльца представляется и пойманный воръ, и найденный скотъ; «на потребу» владѣльческой ставки идутъ штрафы съ виновныхъ и пр.[4]). Къ владѣльческой ставкѣ примыкаютъ, особымъ кругомъ, ставки (хоши, Chascha) владѣльческихъ думцевъ

---

[1]) Объ улусѣ и аймакѣ ламинскомъ и людяхъ ламинскихъ см. уставъ 1640 г ст 6, 11. О Schabinäre'ахъ см. Палласа Saml. I. 174 — 175, 221 — 222.

[2]) Дѣленіе Чингисова ханства на десятки, сотни и пр. замыкалось общимъ подраздѣленіемъ улусовъ на ханскую тысячу, правое и лѣвое крыло, которыя назывались вмѣстѣ великимъ улусомъ (улугъ-улусъ). См. Березина о Джуч. улусѣ, 47—48 Дѣленіе на лѣвую и правую сторону, съ старшинствомъ первой, доселѣ существуетъ у китайскихъ монголовъ (Іакинѳа Зап. IV, 210). Тоже самое устройство улусовъ существовало у калмыковъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, какъ показываютъ наблюденія Палласа (Saml. I, 221 —222). Мы приведемъ ниже нѣсколько данныхъ изъ его труда.

[3]) Такое же положеніе имѣла ханская ставка (орду) съ ханской тысячей въ Чингисовомъ ханствѣ. См. Березина о Джуч. ул. 43, 48.

[4]) См. уст. 1640—рус. 13, 28, 162. Пал. 15, 17, 32, 151, 152, 155, 157. Зинз. улож. 40, 95, 97, 132, 138, 168 (п. 17), 197 (п. 17).

(Sargatschiner), придворныхъ служителей и воиновъ[1]). По калмыцкимъ законамъ, къ владѣльческой ставкѣ приписываются особыя мѣста для пастьбы владѣльческаго скота, для охоты и пр. (уставъ 1640 г. 37; Зинз. улож. ст. 18 п. 18,—ст. 34).

Остальныя улусныя части располагаются по кочевьямъ отдѣльными отоками и ихъ подраздѣленіями по дружинно-родовой системѣ кочевья ближайшихъ или дальнѣйшихъ по родству удноулусниковъ. По изстаринному обычаю, державшемуся у калмыковъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, отоки, состоявшіе изъ старѣйшихъ «подданныхъ» владѣльческой ставки и связанные между собой ближайшимъ родствомъ, всегда, при всякихъ перекочевкахъ и на временныхъ стойбищахъ, въ мирное и боевое время, держались направо отъ владѣльческой ставки, составляли *правое крыло* улуса (Baaron-Ottok); остальные отоки, принадлежавшіе по «родству» къ другимъ племеннымъ частямъ и, какъ союзники, вошедшіе въ составъ улуса вслѣдствіе войны и по другимъ причинамъ, никогда не смѣшивались съ правыми отоками и считались *лѣвымъ крыломъ* улуса (Süün-Ottok). Отдѣльно отъ владѣльческаго улуса съ его правыми и лѣвыми отоками располагаются, по обычаю, аймаки и отоки *ламинскаго* улуса[2]).

Отношенія между улусными частями перваго порядка (правыми отоками или родами) опредѣлялись по строгимъ началамъ родовой солидарности и ойратства. Здѣсь имѣла мѣсто такая же тѣсная связь между улусомъ и его частями, какъ и въ родовыхъ союзахъ низшаго порядка (хотонахъ, аймакахъ и пр.). Къ этимъ-то улуснымъ частямъ прежде всего относятся правила, развитыя уставомъ 1640 г. и Зинз. уложеніемъ о

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 227. Особый кругъ хошей, расположенныхъ у владѣльческой ставки, составляютъ кибитки «цагаръ» — простолюдиновъ, занятыхъ уходомъ за дойнымъ скотомъ владѣльца. См. Биб. для чт. 1852 № 5, стр. 62.

[2]) См. Палласа Saml. I, 221 и слѣд.

родовой зависимости и ойратствѣ, — правила, въ силу которыхъ никто изъ одноулусныхъ родичей не могъ оставлять своего улуса и всякій перебѣжчикъ, уходившій изъ своего улуса въ другой, подлежалъ возврату въ старый свой родъ. На дѣлѣ улусныя откочевки могли случаться больше всего во время замѣшательствъ при внутреннихъ раздорахъ, непріятельскихъ набѣгахъ и пр. Уставъ 1640 г. и требуетъ, чтобы «люди, уходившіе въ такихъ замѣшательствахъ отъ одного нойона къ другому, были выдаваемы назадъ»[1]). Откочевки производились не только отдѣльными кибитками, но и цѣлыми родами—аймаками и даже улусами[2]). Понятно отсюда, почему составители устава 1640 г. высказываютъ особенную заботу о такомъ жизненномъ для ойратскихъ союзовъ вопросѣ, какъ откочевки одноулусныхъ частей[3]). Установленіемъ genti adscriptio ойратскіе законодатели думали сохранить ту организацію и цѣльность родовыхъ союзовъ, которыя должны были лежать въ основѣ всего ойратства племенъ: каждый, въ силу такого ойратства, долженъ былъ всю жизнь свою стоять на стражѣ у своего роднаго куреня и цѣлыхъ союзовъ, безсмѣнно нести повинности ратника и тяглаго плательщика податей и сборовъ «на потребу» племенныхъ вождей и пр. Изгойство, шедшее въ разрѣзъ съ ойратствомъ и строго запрещаемое уставомъ 1640 г., тѣмъ не менѣе постоянно вызывалось въ

---

[1]) См. конецъ 2 й статьи по списку Палласа.

[2]) Уставъ засталъ такихъ перебѣжчиковъ-ойратовъ у монголовъ (восточныхъ) и наоборотъ, — именно ойратскіе улусы Баргу Баатудъ и Хоидъ, находившіеся у восточныхъ монголовъ съ 1618 до 1628 г. Имъ велѣно оставаться на мѣстѣ и впредь. На будущее же время уставъ предписалъ выдавать перебѣжчиковъ безъ всякаго задержанія, распредѣляя ихъ «по родству», къ какому роду кто принадлежалъ до откочевки. Затѣмъ установлены правила суда на случай споровъ о перебѣжчикахъ, — о пожиткахъ, выдаваемыхъ вмѣстѣ съ перебѣжчиками, о штрафахъ, пособникахъ, передержателяхъ и пр. См. ст. 3, 4, 7, 55, 56, 104, 105, 125 и пр

[3]) Въ уставѣ 1640 г. насчитывается до 20-ти статей, посвященныхъ вопросу объ откочевкахъ.

жизни самими тяготами ойратства, — отсюда появленіе элѣтовъ (недовольныхъ, нашихъ изгоевъ) и перебѣжчиковъ (Sabssar), уходившихъ изъ стѣснительныхъ узъ ойратства въ другія привольныя мѣста и отдававшихся подъ защиту чужеродныхъ союзовъ и племенъ. Противъ такихъ движеній изгойства установляется цѣлый рядъ новыхъ правилъ въ законахъ Галдана, когда ойратство монгольскихъ племенъ вообще стало клониться уже къ полному упадку и изгойство стало обнимать не только мелкіе родовые союзы, но и цѣлые улусы и племена, выходившія изъ ойратства, т. е. становившіяся элѣтами и Sabssar[1]). Такія же цѣли и задачи «цѣлости и благосостоянія калмыцкаго народа», какъ мы видѣли, преслѣдовало въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и Зинз. собраніе калмыцкихъ родоправителей, обобщая и развивая общія начала родовой зависимости, формулированныя собраніемъ ойратскихъ вождей въ 1640 г.[2]).

Инымъ составомъ и организаціей отличались лѣвые отоки калмыцкихъ улусовъ и потому на нихъ не такъ безусловно простирались и требованія родовой зависимости (genti adscriptio). Въ такихъ отокахъ группировались «союзники»[3]), отдававшіеся подъ защиту улуса при дальнемъ племенномъ родствѣ,— напр. изъ изгоевъ (элѣтовъ, Sabssar), уходившихъ изъ отдаленныхъ улусовъ и пр Дѣло въ томъ, что у народовъ первичнаго родоваго типа господствуетъ полная племенная замкнутость и исключительность: у нихъ немыслимо вторженіе чужеродныхъ элементовъ, — ихъ могло привязывать лишь одно рабство. Не то видимъ у народовъ, у которыхъ родовой

---

[1]) Законы Галдана усилили отвѣтственность правителей отоковъ за разбродъ людей, установили награды за поимку перебѣжчиковъ, расширили штрафы и пр. См рус. 151, 152, 157, 164, 166. Пал. 140.

[2]) Зинз. улож. 35 (п. 13), 37, 38, 73, 88, 101, 118—121.

[3]) Въ положеніи такихъ союзниковъ, напр., были у восточныхъ монголовъ ойратскіе Choitbatut'ы, ушедшіе въ 1618 г., какъ констатируетъ уставъ 1640 г. (см. ст. 3).

быть сильно квалифицированъ военно-дружинными интересами требовавшими численнаго могущества боевыхъ силъ кочевыхъ ордъ и дружинъ. Послѣднія, вмѣстѣ съ развитіемъ внутри себя института родовой зависимости, въ тоже время теряли старую замкнутость, принимали въ свой составъ цѣлыя наслоенія чуждыхъ элементовъ, хотя и не смѣшивались съ ними,—ассимиляція ихъ могла быть плодомъ лишь долгой совмѣстной жизни. Такія, внѣшно-привходившія въ составъ кочевыхъ ордъ, союзныя части стояли отдѣльно отъ другихъ родовыхъ частей, съ своей особой организаціей, и связывались съ послѣдними не столько по родству, сколько лишь интересами взаимной защиты и общими тягловыми отношеніями. Въ составъ подобныхъ элементовъ могли привходить изгои изъ родовыхъ союзовъ[1]), принимавшіеся въ другомъ мѣстѣ въ качествѣ союзниковъ. Сюда же могли примыкать и части такихъ улусовъ, которыя по 1-й статьѣ устава 1640 г. лишались самостоятельнаго родоваго наряда и подлежали раздѣлу между другими улусными правителями, или же улусы малые, которые не могли вести по малочисленности отдѣльнаго наряда и потому отдавались подъ защиту другихъ, болѣе сильныхъ улусовъ[2]). Установлявшіяся этимъ путемъ связи могли быть болѣе или менѣе крѣпки, смотря по конкретнымъ условіямъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Мало того: интересы воинственнаго пле-

---

[1]) Говоря объ устройствѣ хотоновъ, мы имѣли случай указать на изгойство по преступленіямъ не только отдѣльныхъ лицъ и семей, но и цѣлыхъ родовыхъ союзовъ Изгойство большихъ союзовъ могло быть результатомъ внутреннихъ раздоровъ, когда сильнѣйшій союзъ вовсе изгонялъ слабѣйшаго изъ территоріи племенной кочевки. Въ концѣ прошлаго вѣка торгоутская орда, по словамъ Палласа, имѣла въ числѣ лѣвыхъ отоковъ подобныхъ «перебѣжчиковъ» (Sabssar) изъ другихъ улусовъ, раздѣлявшихся на небольшіе отоки (Saml. I, 221—222).

[2]) Такъ, послѣ ухода калмыковъ въ 1771 г въ Китай, часть Зюнгаръ, оставшихся отъ большой зюнгарской орды, перекочевавшей въ среднюю Азію, присоединилась къ торгоутскому улусу въ составѣ лѣваго отока. См. Палласа Saml. I, 222.

мени требовали разширенія родовой защиты и на иностранцевъ, когда они являлись не какъ враги, но какъ союзники, предлагавшіе подъ условіемъ защиты свои услуги кочевымъ союзамъ. Если старое монгольское право безнаказанно допускало убійство чужеземца, какъ врага, то условія ойратства позднѣйшаго времени смягчали и съ этой стороны родовую замкнутость и очужденность,—допускали возможность принятія подъ охрану ойратства и инородцевъ—союзниковъ. Требованія эти были уже сознаны монгольскими ойратами въ эпоху изданія устава 1640 г.: въ немъ запрещается, подъ угрозою штрафа, убивать перебѣжчиковъ отъ другихъ народовъ, искавшихъ защиты у ойратовъ. Мало того: уставъ прямо поощряетъ особыми наградами тѣхъ, кто приведетъ улусному правителю (нойону) подобныхъ перебѣжчиковъ (рус. 125). Институтъ «пріемышей», имѣвшій мѣсто, какъ мы видѣли, въ хотонномъ устройствѣ, находилъ для себя почву и въ организаціи другихъ ойратскихъ союзовъ: тамъ и здѣсь прививка стороннихъ элементовъ вызывалась интересами поддержанія родовой культуры. Наконецъ, чужеродные элементы въ калмыцкихъ улусахъ могли развиться путемъ общихъ браковъ, что́ опять было въ политическихъ интересахъ ойратства — раскидывать возможно шире сѣть родовыхъ союзовъ. Такой чуждый элементъ въ эпоху устава 1640 г. проникъ даже въ княжескіе роды (нойоновъ), въ лицѣ такъ назыв. табангоутовъ, имѣвшихъ значеніе «зятьевъ владѣльцевъ, которые не ханской крови»[1]). Всѣ эти улусныя части, въ общей сложности, входили въ составъ улусовъ особыми, именно лѣвыми отоками. Къ нимъ-то, по всему видно, относится 49-й статья устава 1640 г. (по списку Палласа): «кто при *чужой* ордѣ (bey einer fremden Horde) прожилъ продолжительное время и захочетъ уйти, тотъ можетъ

---

[1]) См. мое соч. о монг.-калм. уставѣ, 172 По Зинз. уложенію табангоуты — «владѣльцы, рожденные отъ матери простаго состоянія» См. выше стр. 141.

взять съ собой изъ имущества, прижитаго въ ней, только половину», — другая часть имущества какъ бы за «пожилое», въ вознагражденіе за защиту орды, отходила къ послѣдней. Въ этомъ правилѣ можно видѣть косвенную мѣру удержать такіе внѣшніе элементы въ составѣ ойратскихъ союзовъ. Во всякомъ же случаѣ здѣсь еще нѣтъ рѣчи о правѣ отока или аймака удерживать при себѣ такія уходящія части: это были свободные элементы улусовъ, на которые не простиралась родовая зависимость.

Наконецъ, отдѣльно отъ владѣльческаго улуса располагались съ своими кочевьями аймаки и отоки ламинскаго улуса. Центромъ его была ставка («куря») главнаго хурула или капища, при которомъ устроялись ставки ламы, низшаго духовенства и хурульныхъ служителей. Послѣдніе раздѣлялись на отдѣльные цзисаи (аймаки), приписанные къ хуруламъ[1]). Какъ духовная община буддійскихъ жрецовъ, стоявшая во главѣ ламинскаго улуса, не имѣла никакой родовой связи и представляла сбродъ изъ разныхъ мѣстъ «посвященныхъ», «отшельниковъ» и пр., такъ и сами шебинеры стояли внѣ общей организаціи родовыхъ союзовъ, состояли изъ людей, передававшихся родоправителями хуруламъ и ламамъ изъ разныхъ родовыхъ союзовъ. Тѣмъ не менѣе отношенія шебинеровъ къ буддійской общинѣ опредѣлялись по началу родовой зависимости, какъ это видно изъ 11 статьи устава 1640 г. о выкупѣ «изъ рукъ ламинскихъ» ближнихъ родственниковъ[2]). И въ тягловомъ отношеніи ламинскій улусъ выходилъ изъ общаго родоваго наряда: онъ

---

[1]) По описанію Палласа, духовный улусъ (Schabinâre), находившійся при торгоутской ордѣ, былъ посвященъ верховному Далай-Ламѣ (въ Тибетѣ) и различнымъ буддійскимъ божествамъ Онъ раздѣлялся на нѣсколько (именно 8) отоковъ — Lamain, Bakschi, Burchanin, Sunkabain, Chutuktin-Schabinare и пр. (Saml. I, 222 ср. ib. 174—175).

[2]) См. также Зинз улож. гл. I, п. 2 Здѣсь по положенію Коммиссіи, ламинскіе люди изъяты изъ личнаго владѣнія ламъ и оставлены въ «собственности» хуруловъ.

управлялся улуснымъ ламой и пользовался льготнымъ положеніемъ, — шебинеры платили подати и другіе сборы не нойону или тайшѣ, какъ владѣльческіе улусные люди, но лишь одному ламѣ или мѣстному хурулу, къ которому они были приписаны[1]).

Такова въ существенныхъ чертахъ внутренняя организація калмыцкихъ улусовъ. Нѣсколько улусовъ одного родоваго корня составляли въ своей совокупности *племя* — нутукъ или тангачи. Въ значеніи племени нутукъ (Nutuk) упоминается въ уставѣ 1640 г. (ст. 1 по списку Палл.). По указанію Палласа, нутукъ еще въ прошломъ столѣтіи означалъ самостоятельно дѣйствующую орду, цѣлое племя или большой, независимый улусъ[2]). Въ настоящее время у калмыковъ названіе нутука носитъ собственно мѣстность, на которой расположены кочевья цѣлаго племени (тангачи)[3]). Въ смыслѣ племени древніе калмыцкіе законы говорятъ также о народѣ, Stämme и Geschlecht[4]). Въ составѣ племени замѣчалось господство тѣхъ же іерархическихъ началъ родоваго старѣйшинства, на которыя мы указывали выше, говоря объ организаціи родовыхъ союзовъ низшаго порядка — аймаковъ, отоковъ и пр. Въ ряду одноплеменныхъ улусовъ различались улусы, которые, по своему старѣйшинству или обширности и политическому значенію, стояли во главѣ цѣлаго племени, и улусы меньшіе, уступавшіе первымъ въ силѣ и значеніи. Сообразно съ такой градаціей улусовъ одного племени распредѣлялся между ними и племенной нарядъ: вождь старѣйшаго или обширнѣйшаго улуса считался вмѣстѣ съ тѣмъ главой цѣлаго племени, подъ общимъ титуломъ тайши (тайджи), — ему подчинялись вожди (ной-

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 222.

[2]) Палласа Saml. I, 188, 222.

[3]) См. Костенкова о калмыкахъ, 30—31.

[4]) См. введеніе къ уставу 1640 г Законы хана Галдана называютъ Oelat'овъ (русскихъ калмыковъ) и Chottonisches Volk (бухарскихъ монголовъ) общимъ именемъ Geschlecht (см уст. 1640 г по сп. Палл 141).

оны) остальныхъ улусовъ, въ которыхъ нарядъ распредѣлялся между наслѣдственными нойонами по родству, сообразно съ ихъ родовымъ старѣйшинствомъ или силой улусовъ и самыхъ нойоновъ[1]).

Племенные союзы (нутуки) монголовъ имѣли значеніе самостоятельно дѣйствующихъ ордъ и во взаимныхъ отношеніяхъ пользовались политическою независимостью Болѣе тѣсныя, правовыя связи между племенами установлялись, или путемъ подчиненія слабѣйшихъ племенъ болѣе сильному, или же путемъ добровольныхъ союзовъ и компромиссовъ, въ родѣ федераціи монгольскихъ ойратовъ конца XIV вѣка и проч. Возникавшія этимъ путемъ федераціи нѣсколькихъ независимыхъ племенъ, извѣстныя у монголовъ подъ общимъ титуломъ *оронг* (ойратъ, Oerot)[2]), представляли собой высшую форму племенной союзности (ойратства), какой достигали монголы въ теченіе всей своей исторической жизни. Изъ личнаго состава монгольскихъ вождей, участвовавшихъ въ составленіи ойратскаго устава 1640 г., видно, что въ началѣ XVII вѣка среднеазіатскіе монголы разбивались на нѣсколько независимыхъ племенныхъ федерацій, которыя можно подводить подъ общій типъ оронъ[3]). Во главѣ такихъ племенныхъ федерацій стояли

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 186 и слѣ. Костенкова о калмыкахъ 30—31.

[2]) Оронъ — союзъ многихъ племенъ; Oerát или ойратъ — союзникъ. Ойрату противополагаются: *Oelot* (Элѣты, Элюты) — недовольный, отдѣлившійся, изгой (см 141 ст. стар. устава по сп. Палл.,—калмыки доселѣ называютъ себѣ элетами, — см. Небольсина, въ Биб. CXIII, 34). *Хари* (Chari)— чуждый, отдѣлившійся отъ союза (Сказаніе о Дерб-ойрат. Тюменя, 11); *калмыкъ* — отсталый, отдѣлившійся (см. Костенкова о кал., 3).

[3]) Въ введеніи къ уставу, гдѣ поименно перечислены монгольскіе вожди — составители устава, упоминается семь вождей, стоявшихъ во главѣ независимыхъ оронъ, подъ титулами хановъ и конъ-тайшей (хонгъ-тайджи) a) Эрдени Засакту ханъ, b) Тюшету ханъ, c) Дайчинъ хонгъ тайджи, d) Эрдени хонгъ-тайджи, e) Дайбунгъ хонгъ-тайджи, f) Эрдени Батуръ хонгъ тайджи (глава ойратскихъ племенъ Чоросъ, Хойтъ, Хошотъ и Торгоутъ) и g) Гуйши Номинъ ханъ.

конъ-тайши (хонгъ-тайджи) и ханы, каковыми считались вожди (тайши) племенъ, первенствовавшихъ въ данномъ ойратскомъ союзѣ. Цѣлью подобныхъ федерацій была организація совокупныхъ силъ союзниковъ (ойратовъ), въ видахъ расширенія племеннаго хищничества и степной культуры кочевниковъ на возможно широкіе территоріальные районы, какъ и ради взаимной поддержки и защиты племенной независимости и обороны совокупными силами отъ хищническихъ нападеній внѣшнихъ враговъ.

У русскихъ калмыковъ племенное устройство съ самостоятельнымъ нарядомъ тайшей (позже хановъ) существовало до бѣгства большинства калмыцкой орды въ Китай въ 1771 г. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ уничтоженіемъ званія калмыцкаго хана исчезаетъ старый политическій характеръ племеннаго единства калмыковъ. Они разбились на отдѣльные улусы, управляющіеся своими нойонами «независимо» одинъ отъ другаго[1]). Калмыцкіе улусы стали съ тѣхъ поръ объединяться не самостоятельнымъ нарядомъ и политической организаціей цѣлаго племени, но одной внѣшней властью русскаго правительства. Зинзилинское уложеніе знаетъ лишь одно улусное дѣленіе народа; въ его время уже потеряло всякое значеніе старое автономическое дѣленіе народа на ойратскія, политически-организованныя племена (нутукъ, позднѣйшее ханство). «Дербеты,

---

[1]) Въ 1771 г. были упразднены званія хановъ и ихъ намѣстниковъ и повелѣно, чтобы каждый владѣлецъ «своими людьми правилъ независимо» (см. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 27). Правда, въ 1800 г. былъ возстановленъ старый политическій строй калмыковъ. Они снова были объединены въ одно «ханство», управляющееся своимъ выборнымъ главою (намѣстникомъ ханства), съ непосредственной зависимостью отъ Государя и пр. Но подобный порядокъ существовалъ не долго; съ смертью намѣстника въ 1803 г., это званіе болѣе уже не возобновлялось. Съ этихъ поръ калмыки живутъ по-улусно, управляясь отдѣльно своими улусными владѣльцами (нойонами). См. Костенкова о калмыкахъ, 17—18, 34. Ср. Калмыцкая степь Астрах. губ. Ш. Стат.—хозяйств. описаніе калм. степи, Костенкова, 122.

Торготы и Хошоуты», упоминающіеся въ 119-й статьѣ Зинз. уложенія, глоссируются въ текстѣ въ смыслѣ «трехъ родовъ, составляющихъ весь калмыцкій народъ», и именно (какъ ясно видно изъ контекста статьи) не въ значеніи старыхъ автономическихъ племенъ, но только улусовъ, каковыми они и были дѣйствительно въ 20-хъ годахъ. Такимъ образомъ, Зинзилинское уложеніе удержало старое племенное устройство калмыковъ лишь во внутренней организаціи улусовъ и ихъ отдѣленій; но и то нѣкоторые улусы лишились самостоятельнаго улуснаго наряда, — именно въ значеніи выморочныхъ отошли въ казенное вѣдомство. Въ настоящее время калмыцкіе улусы, по своему территоріальному и племенному составу, значительно утратили старое родовое единство. Большинство ихъ, напротивъ, представляетъ помѣсь разнородныхъ племенныхъ частей, занимающихъ своими кочевьями различныя мѣста юго-восточныхъ русскихъ степей[1]).

2. *Кочевой бытъ и хозяйственная культура родовыхъ союзовъ.* Бродячій характеръ стадныхъ соединеній людей составляетъ общую, типическую черту быта не только хищниковъ

---

[1]) Въ настоящее время калмыки, занимающіе кочевьями степи юго-восточныхъ окраинъ Россіи, раздѣляются въ территоріальномъ отношеніи на *астраханскихъ*, *ставропольскихъ*, *терскихъ* (по р. Тереку, на Кавказѣ) и такъ назыв *базовыхъ* (*донскихъ*). Въ астраханской степи калмыки размѣстились 7-ю улусами: багацохуровскій эркетеневскій, яндыковскій, икицохуровскій, харахусо-эрденіевскій, хошоутовскій и мало-дербетевскій. Старый больше-дербетевскій улусъ кочуетъ въ настоящее время въ двухъ различныхъ мѣстахъ: главная часть, подъ общимъ названіемъ ставропольскихъ калмыковъ, имѣетъ свои кочевья близъ Ставрополя (на Волгѣ) по р. Куньей-Воложкѣ; другая состоитъ изъ базовыхъ или донскихъ калмыковъ, кочующихъ на отведенныхъ для нихъ земляхъ близъ Романовской станицы (въ Землѣ Войска Донскаго). — По своему племенному происхожденію, калмыки представляютъ смѣсь различныхъ племенъ — потомковъ старыхъ монгольскихъ ордъ, перекочевавшихъ въ XVII стол. въ русскія степи изъ Зюнгаріи, сѣвернаго Тибета и пр. Между ними находятся потомки старыхъ *зюнгаръ и дербетовъ*; изъ нихъ образовались нынѣшніе улусы больше — и малодербе-

—звѣролововъ и рыболововъ, бродившихъ въ замкнутыхъ районахъ лѣсовъ, озеръ, тундръ и пр. ради хищническаго добыванія пищи (войной, звѣро- и рыболовствомъ), но и степняковъ-скотоводовъ, двигающихся съ стадами прирученнаго скота по безмѣрнымъ и открытымъ степямъ и районамъ залежей солончаковъ и песчаныхъ розсыпей. Архаическій строй бродячей жизни доселѣ сохраняется у нѣкоторыхъ племенъ сѣверной Америки, у тундровыхъ инородцевъ Сибири и пр. По словамъ Вайца, описавшаго общественный бытъ сѣверо-американскихъ индійцевъ, «добывая средства къ пропитанію охотой на буйволовъ, восточные Дакота (инд. племя сѣв. Америки) *переселяются постоянно вслѣдъ за ними* съ мѣста на мѣсто»[1]). И сибирякъ, житель сѣверныхъ тундръ, точно также «переселяется» за стадами оленей и пр. «Путики»[2]) и «ухожья»

товскій. Часть этихъ племенъ встрѣчается также въ улусахъ икицохуровскомъ и хошоутовскомъ и между ставропольскими калмыками. Потомки другаго монгольскаго племени — *торгоутовъ* (тергетъ) вошли въ составъ улусовъ: икицохуръ, багацохуръ, яндыкъ, эркетень и харахусо-эрдени. Часть торгоутовъ вошла также въ составъ уральскаго козачьяго войска и башкиръ (Оренб. губ. въ Челябин. уѣздѣ). Племя *хойтъ* (хойотъ) теперь почти исчезло; остатки его встрѣчаются въ хошоутовскомъ улусѣ и отчасти между ставропольскими калмыками Наконецъ *хошоуты* образуютъ особый улусъ того же имени и частію входятъ въ составъ улуса икицохуровскаго. Хошоутовскій улусъ предстаавляетъ смѣсь чужеродцевъ, — кромѣ хошоутовъ, есть зюнгары, хойты и торгоуты. См. Небольсина, Очерки быта калм. Хошоут. улуса, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр 34—35, 41. Костенкова о калмыкахъ, стр. 55.

[1]) Убитые ими буйволы служатъ къ пропитанію цѣлаго племени. Когда мяса животныхъ становится недостаточно для прокормленія всѣхъ и каждаго, Дакоты поставлены въ необходимость обратиться къ людоѣдству и пожертвовать жизнью старѣйшихъ членовъ въ интересахъ остальныхъ». (См. Waitz Die Indianer Nord-Amerika's, 1865, стр 89 и слѣд.). Замѣчено, что у бродячихъ племенъ-охотниковъ война и охота во всѣхъ ея видахъ ведутся одинаково,—охотникъ ведетъ войну съ человѣкомъ и звѣремъ.

[2]) Т. е. лѣсныя тропы со слѣдами звѣрей, на которыхъ ставятся ловушки и по которымъ ходятъ охотники.

современныхъ звѣролововъ русскаго сѣвернаго Поморья[1]) несомнѣнно практикуются ими съ незапамятныхъ временъ. Такой же изстаринный характеръ имѣютъ и тѣ «пути», по которымъ сѣверные рыболовы по народному обычаю ведутъ промыслы водные (по морямъ, рѣкамъ, озерамъ, и пр.)[2]). Рыболовъ точно также передвигается по воднымъ берегамъ, идя по «путямъ», вслѣдъ стадами рыбъ и морскихъ звѣрей, какъ и лѣсной звѣроловъ передвигается по «путикамъ», выслѣживая звѣрей въ сибирскихъ лѣсахъ и тундрахъ или американскихъ преріяхъ. Если теперешніе тундровые инородцы Сибири, промышляющіе рыбными и звѣриными ловитвами, называются «сидячими», то это понятіе чисто-относительное: въ передвиженіяхъ по своимъ «путямъ» и «ухожьямъ» они, правда, не дѣлаютъ такихъ «размаховъ» на сотни и тысячи вестъ, какъ кочевники-степняки (монголы, киргизы и др.); но это не даетъ еще права отчислять «сидячихъ» инородцевъ къ осѣдлому люду. Бытъ такихъ инородцевъ, не смотря на ихъ сидячесть, все таки бытъ кочевой; онъ только не достигаетъ такой широкой организаціи и растяжимости, какъ у степныхъ кочевниковъ, напр. у средне-азіатскихъ монголовъ или русскихъ калмыковъ (особенно въ былое время). И между послѣдними изстари водились и доселѣ встрѣчаются «сидячіе» кочевники — такъ назыв «байгучи» (Baigutsch), лишавшіеся стадъ и потому отстававшіе отъ своихъ родовъ, — выходившіе «изъ степи» и осѣдавшіе напр. по рѣчнымъ берегамъ для рыболовства и пр. Тѣмъ не менѣе байгучи не оставляютъ и здѣсь своихъ кочевыхъ привычекъ и обычаевъ, все-таки кочуютъ, хоть и безъ «размаховъ» своихъ родичей — зажиточныхъ скотоводовъ, далеко углубляющихся въ степь[3]). «Сидѣнье» калмыцкихъ

[1]) См. Ефименка, Сборникъ народн. юрид. обычаевъ Арханг. губ. 1869, стр 79.

[2]) Тамъ же, стр 80 и др.

[3]) См Небольсина Очерки, въ Библ. для чт № 5, стр. 50 и слѣд.; № 7, стр. 36. Палласа Saml. I, 116. Бюлера Инородцы, въ Отеч. Зап. 1846, № 7, стр. 8.

байгучей, какъ и тундровыхъ охотниковъ и рыболововъ сѣвернаго Поморья и Сибири, не имѣетъ ничего общаго съ «зажитьями» старыхъ колонизаторовъ — пахарей съ ихъ крѣпкими осѣдлыми общинами.

Если стадная бродячесть присуща быту лѣсныхъ звѣролововъ и рыболововъ, то она получаетъ еще болѣе сильный и организованный характеръ въ жизни хищныхъ степняковъ-кочевниковъ. Ихъ промыслъ въ существѣ тотъ же, что и первыхъ, — хищничество во всѣхъ его видахъ и формахъ, добываніе пропитанія путемъ войны съ людьми и животными. Старый монголъ временъ Чингиса, по самому закону («великой ясѣ» XIII в), т. е. обязательно, былъ не только воинъ, но и охотникъ: монгольскій вождь требовалъ, чтобы монголъ «велъ войну съ животными (облавы), когда онъ не ведетъ ея съ людьми»[1]). Но хищничество степнаго кочевника осложняется новымъ, бытовымъ элементомъ, мало извѣстнымъ стаднымъ союзамъ охотниковъ, — скотоводствомъ, т. е. прирученіемъ и уходомъ за стадами тѣхъ самыхъ животныхъ, война съ которыми составляетъ главный промыслъ охотника. Лишенный мѣстными условіями степной жизни того богатства лѣсной культуры, какое доставляютъ звѣроловные районы для охотника, добывающаго войною съ животными пропитаніе для цѣлаго племени, степной кочевникъ долженъ былъ рано озаботиться прирученіемъ и разведеніемъ стадъ, въ видахъ обезпеченія собственнаго существованія. Здѣсь хищничество осложняется болѣе мирнымъ элементомъ — скотоводствомъ, представляющимъ для степняка основную статью племеннаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ развивающимъ въ его быту бродячесть до широкихъ размѣровъ. Съ такимъ двойственнымъ характеромъ и развился у всѣхъ степныхъ племенъ монгольской расы кочевой бытъ, такъ сказать всосавшійся въ ихъ плоть и кровь. Ихъ родовые союзы изстари и до настоящаго времени сохраняютъ характеръ

---

[1]) См. D'ohsson, Hist de Mongols, I, 404. Ср Березина Очерки. 32. Мое соч.—Древ. монг.-калм уставъ, 193, п. 27.

бродячихъ ордъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто съ своими стадами и табунами и весьма далекихъ отъ усвоенія бытовыхъ привычекъ и обычаевъ осѣдлой жизни. Отсюда и право монгольскихъ племенъ, естественно, развилось и окрѣпло на почвѣ степной, бродячей культуры и неразрывно связанной съ ней, хозяйственной системы степняковъ-скотоводовъ. Мы разсмотримъ въ настоящемъ отдѣлѣ общія причины, поддерживавшія кочевой строй всей общественной культуры калмыковъ, затѣмъ главныя формы кочевыхъ движеній и наконецъ основныя черты степнаго хозяйства калмыковъ, держась главнымъ образомъ данныхъ, воспроизведенныхъ по этимъ вопросамъ въ калмыцкихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ.

Кочевую жизнь, господствующую доселѣ у большинства восточныхъ инородцевъ и въ особенности у инородцевъ монгольскаго корня, нельзя считать «дѣломъ произвольнымъ, безцѣльнымъ бродяжничествомъ, чѣмъ-то въ родѣ дурной привычки и легко устранимымъ капризомъ»[1]). Шатанье современныхъ калмыковъ, киргизовъ и другихъ восточныхъ инородцевъ есть результатъ многовѣковой ихъ жизни; оно неразрывно связано со всей ихъ общественной культурой. Есть цѣлый рядъ коренныхъ причинъ, въ силу которыхъ привились къ инородцамъ и доселѣ держатся въ ихъ быту кочевыя тяготѣнія и инстинкты, — причинъ, въ виду которыхъ нѣтъ никакой возможности ни воспретить инородцамъ «безтолковое шатанье», ни искусственно завести у нихъ осѣдлую культуру, безъ существеннаго вреда и потрясенія всей жизни и обыхода кочевниковъ.

Основная причина, почему кочеванье всегда и вездѣ появлялось у народовъ такъ назыв. первобытной культуры, кроется въ томъ, что тогда средства къ пропитанію племенъ легче добываются не столько организованнымъ трудомъ, сколько силой

---

[1]) См. цитированнуювыше записку къ «мотивированной инструкціи» Гейнса, стр. 15.

физической, хищничествомъ, войной съ людьми и животными. Первобытное хищничество — коренная почва кочевой культуры лѣсныхъ звѣролововъ. Тоже самое хищничество вызываетъ кочевой строй у степняковъ-скотоводовъ и придаетъ сильную политическую организацію ихъ родовымъ союзамъ. Но, кромѣ хищничества, кочеванье поддерживается у степняковъ и другими бытовыми условіями — всѣмъ строемъ и характеромъ хозяйственной (скотоводческой) культуры степняковъ, — тѣмъ, что эта культура имѣетъ по преимуществу бродячій, подвижной объектъ: степнякъ-скотоводъ слѣдуетъ за своимъ стадомъ съ мѣста на мѣсто, примѣняясь къ степнымъ условіямъ ухода и прокормленія скота, какъ и охотникъ переселяется вслѣдъ за дикимъ стадомъ, въ видахъ мѣстныхъ удобствъ его истребленія на свои нужды. Затѣмъ кочевая культура находитъ для себя пищу въ цѣломъ складѣ интеллектуальныхъ свойствъ и воззрѣній кочеваго народа. Вошедши въ его плоть и кровь, кочеванье пріобрѣтаетъ въ его быту строгій традиціонный характеръ, становится однимъ изъ главныхъ проявленій народнаго характера и поддерживается рядомъ бытовыхъ привычекъ, убѣжденій и вѣрованій религіозныхъ и иныхъ, придающихъ кочевому быту народа окоченѣлый, строго-консервативный характеръ и развивающихъ нерѣдко до поразительныхъ размѣровъ народную привязанность къ кочевому «шатанью», вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ осѣдлой жизни и присущей ей общественной и хозяйственной культурѣ.

Тѣже самыя условія вызвали и затѣмъ постоянно поддерживали кочевую культуру у всѣхъ племенъ монгольской расы и въ томъ числѣ у русскихъ калмыковъ. У старыхъ монголовъ политическая сила и могущество родовыхъ союзовъ зависѣла, какъ отъ военной ихъ организаціи, такъ и отъ возможности быстрыхъ военныхъ предпріятій и передвиженій, т. е. отъ кочеваго строя хищническихъ ордъ и дружинъ, осужденныхъ на постоянную жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, не только ради пріобрѣтенія добычи и господства надъ сосѣдними племенами, но и въ видахъ защиты отъ внѣшняго хищничества.

Въ виду этого старые монголы скучивались въ воинственныя орды, вся жизнь которыхъ строго приспособлялась къ цѣлямъ хищничества и самообороны и придавала имъ видъ подвижныхъ, военныхъ лагерей, откуда во всякое время и при всякомъ положеніи высылались военныя дружины, годныя къ быстрымъ передвиженіямъ (наступательнымъ и оборонительнымъ). Такія орды, по первому зову вождя, легко снимались съ своихъ подвижныхъ стойбищъ и стягивались у его ставки съ тѣмъ, чтобы распространить затѣмъ свои хищническіе набѣги нерѣдко на широкіе территоріальные районы. Все это обусловливало особый, подвижной строй жизни такихъ строго-воинственныхъ племенъ, какъ монгольскія въ былое время, — жизни, вполнѣ приспособленной къ постояннымъ, хищническимъ передвиженіямъ отдѣльныхъ дружинъ и цѣлыхъ боевыхъ ордъ. Если осѣдлая община преслѣдовала колонизаціонныя цѣли территоріальнаго расширенія нерѣдко также съ оружіемъ въ рукахъ, то она все таки не нуждалась въ постоянномъ, лагерномъ строѣ жизни всего народа: для этого она выдѣляла изъ себя особый общественный элементъ — подвижную «дружину», стоявшую на стражѣ колонизаціоннаго наряда своей общины. У старыхъ кочевниковъ такой дружиной являлся весь народъ, выходившій въ цѣломъ своемъ составѣ въ «поле» для хищничества или для самозащиты. Отсюда-то у монголовъ уже въ Чингисово время кочевая культура признавалась «необходимымъ условіемъ монгольскаго быта»[1]), и именно потому, что «перемѣна образа жизни произведетъ перемѣну и въ характерѣ народномъ»: отмѣна кочеваго строя воинственнаго племени неминуемо отразится въ невозможности хищническихъ набѣговъ въ старыхъ, широкихъ размѣрахъ, а съ нимъ и легкаго скопленія племенной добычи, служащей для воинственныхъ кочевниковъ главнымъ источникомъ народнаго богатства. Поддержа-

[1]) См. Березина Очеркъ внутр. устройства Джуч. улуса 47. Quatremère Hist. de Mongols, 68

ніе въ народѣ воинственнаго духа и необходимость постоянной жизни съ оружіемъ въ рукахъ — политическіе мотивы кочевой жизни старыхъ монголовъ. Тѣже самые мотивы имѣли мѣсто и въ быту ойратовъ XVII—XVIII вѣковъ; у нихъ старое племенное хищничество не отмѣнялось, но лишь ограничивалось предѣлами ойратскихъ союзовъ, — уставъ 1640 г. организуетъ внѣсоюзное хищничество, какъ одну изъ основныхъ цѣлей племеннаго ойратства. При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что и ойратское право должно было считать кочеванье народа политическимъ принципомъ ойратства. Позже хищничество начинаетъ значительно смягчаться; но оно и доселѣ еще не вполнѣ исчезло въ быту монгольскихъ племенъ. У калмыковъ, даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, не смотря на то, что, подъ вліяніемъ политики русской власти[1]), хищничество потеряло прежній политическій характеръ, въ жизни тѣмъ не менѣе оно практиковалось до послѣдняго времени, въ особенности въ формѣ отгона скота, значительно поддерживающаго кочевые инстинкты калмыковъ[2]).

---

[1]) До конца прошлаго вѣка само правительство, какъ увидимъ ниже, въ собственныхъ интересахъ поддерживало воинственный духъ и хищничество калмыковъ, а потому считало полезнымъ поддержаніе и ихъ кочевой жизни. Политика правительства начинаетъ измѣняться въ этомъ отношеніи лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи

[2]) По словамъ Костенкова, даже въ новѣйшее время случалось, что калмыки, совершивъ отгонъ скота, обыкновенно въ пополненіе его убыли, напр. послѣ падежа въ суровыя зимы (какъ это было въ 1831 — 1822 или 1859—60 г.г.), чтобы скрыть слѣды, раньше обыкновеннаго откочевывали съ зимнихъ стоянокъ на лѣтнія кочевья, гдѣ легко укрыться отъ всякихъ преслѣдованій. (См. Костенкова Опис. калмыцкой степи, 123) — Интересны указанія на положенія этого дѣла у киргизовъ—сосѣдей калмыковъ, такихъ же хищническихъ кочевниковъ, какъ и эти послѣдніе. У нихъ досель не исчезли инстинкты и обычаи воинственнаго племени,—хищничество въ видѣ баранты практикуется у киргизовъ издавна въ широкихъ размѣрахъ, и притомъ не только въ отношеніи къ другимъ народамъ, но и къ своимъ же однородцамъ, особенно въ формѣ мести и отгона скота. Это-то хищничество и у киргизовъ, какъ и калмыковъ, есть одна изъ причинъ, поддерживающихъ

Кромѣ собственнаго хищничества воинственнаго племени, путемъ безпрерывныхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто добывавшаго себѣ племенное богатство въ видѣ военной добычи съ сосѣдей, кочевой бытъ находилъ также могучую поддержку въ неотложныхъ и насущныхъ интересахъ самозащиты и береженья родовыхъ союзовъ и кормившихъ ихъ стадъ и табуновъ отъ расхищенія и баранты сосѣднихъ кочевниковъ. Кочевой складъ жизни, давая возможность быстрыхъ наступательныхъ

между ними кочеванье. По этому поводу Левшинъ говоритъ, что «месть одного частнаго человѣка другому, участіе, принимаемое въ оной семействами ихъ, аулами (хотонами калм.), отдѣленіями, даже цѣлыми родами, и возникающія изъ того, безпрерывныя баранты принуждаютъ иногда сотни кибитокъ оставлять обыкновенныя жилища свои, и для избѣжанія преслѣдованій, безвозвратно переходить на другія отдаленныя мѣста. Такимъ образомъ цѣлый народъ каракалпаковъ, бывшій независимымъ, имѣвшій своихъ хановъ, и кочевавшій по р. Сырѣ, отъ частыхъ нападеній и мщенія киргизовъ за древнія обиды, разсѣялся, и въ концѣ минувшаго столѣтія потерялъ политическое бытіе свое Въ 1740 году большая часть Средней Орды и ханъ ея Абуль-магметъ кочевали на Ори и Хобдѣ; Абуль-хаиръ жилъ тогда болѣе на берегахъ Сыра, или Кувана. Теперь видимъ совсѣмъ противное ни одинъ изъ родовъ Средней Орды не приближается къ Оренбургу. Подобно сему, многіе аулы Алимулинскаго поколѣнія, зимовавшіе всегда на Сырѣ, по враждѣ съ однородцами своими, которыхъ покровительствуетъ Хивинскій ханъ, въ 1821 году пришли на зиму къ Илеку. Въ тоже время нѣсколько другихъ ауловъ, обыкновенно кочевавшихъ у границъ нашихъ, удалились къ Хивѣ» (см. Левшина Опис. Кирг.—Кайсацк. ордъ, Ш, 29—30 Ср. Гейнса записку къ «мотивиров инструкціи», 71—75). Все это сильно поддерживаетъ кочевыя движенія между киргизами, въ большинствѣ они не обнаруживаютъ никакого побужденія къ переходу въ осѣдлый бытъ. По словамъ Левшина, правительство русское нѣсколько разъ «всѣми средствами старалось пріохотить кого нибудь изъ нихъ, хоть для примѣра, къ осѣдлости, но всѣ попеченія остались тщетными» (см. опис., 29). Лишь въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тургайской области явились болѣе реальные признаки полуосѣдлаго быта. Большая же часть киргизской степи (кромѣ сѣверныхъ уѣздовъ) съ ея исключительно кочевымъ населеніемъ, «едва ли способна къ культурной жизни, — здѣсь могутъ жить только кочевники и скотоводы» (см. Записки Гейнса, 28 — 29). Почти тоже нужно сказать и о калмыцкой степи: если не навсегда, то надолго, она осуждена почвен-

движеній, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ защитѣ отъ внѣшнихъ набѣговъ, путемъ отступательныхъ движеній въ глубь степи — въ ея болѣе безопасныя и привольныя мѣста. Кочеванье, такимъ образомъ, придаетъ степнымъ племенамъ военную силу и могущество и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечиваетъ ихъ безопасность, организуетъ быстрыя отступленія предъ сильнымъ врагомъ и этимъ сдерживаетъ его отъ разрушительныхъ набѣговъ[1]).

ными и климатическими условіями, какъ и всѣмъ складомъ застарѣлыхъ привычекъ и обычаевъ своего кочеваго населенія, къ скотоводной, бродячей, а не колонизаціонно-земледѣльческой культурѣ.

[1]) Эти-то политическіе мотивы легли въ основу отрицательнаго рѣшенія русскаго правительства въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія по вопросу о томъ, «полезно ли будетъ поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа, или дозволить это только небольшому числу калмыковъ»? Дѣло въ томъ, что, въ соотвѣтствіе съ предпринимавшимися при Екатеринѣ II мѣрами по колонизаціи свободныхъ казенныхъ земель, возникъ въ 1764 г., по одному частному случаю, вопросъ объ осѣдломъ водвореніи калмыковъ на отведенныхъ имъ земляхъ. Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что поселеніе цѣлаго калмыцкаго народа признано тогда «совершенно неполезнымъ». Для насъ важно знать самые мотивы такого рѣшенія. Они сводятся къ двумъ положеніямъ: во 1-хъ, само правительство извлекаетъ пользу изъ кочеваго образа жизни калмыковъ, и во 2-хъ, они сами находятся въ такомъ положеніи, что приведеніе ихъ къ осѣдлости не принесетъ имъ пользы. Въ обоихъ отношеніяхъ русское правительство признало кочеванье «необходимымъ условіемъ калмыцкаго быта» чуть ли не на томъ же самомъ основаніи, какъ и законы монголовъ XIII в въ отношеніи къ ихъ современному быту, т. е смотрѣло на калмыцкую орду, какъ на военную силу, которая, по своей подвижности и военно-кочевой организаціи, вполнѣ пригодна для наступательныхъ и оборонительныхъ движеній противъ хищныхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. Все это какъ нельзя наглядно высказано въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ 5 іюля 1764 г. по вопросу о водвореніи цѣлаго калмыцкаго народа. «Они (т е. калмыки) расположеніемъ своимъ въ степяхъ и частыми переходами съ мѣста на мѣсто удерживаютъ въ страхѣ сосѣднихъ варваровъ, которые никогда не знаютъ съ точностію мѣста ихъ пребыванія, и на великій или малый улусъ попасть могутъ, почему калмыки и служатъ нѣкоторымъ прикрытіемъ пограничнымъ жилищамъ отъ набѣговъ варварскихъ народовъ, а въ безпрерывномъ передвиженіи по степи находятъ

Въ настоящее время у калмыковъ потеряли старую силу и значеніе политическіе мотивы кочевой жизни, т. е. хищничество и военно-дружинная организація родовыхъ союзовъ. Но за то въ ихъ быту доселѣ остаются неприкосновенными другія явленія, которыя, въ свою очередь, постоянно поддерживали и еще долго будутъ поддерживать кочевую культуру этихъ инородцевъ. Сюда относится своеобразный складъ экономическаго быта калмыковъ, съ его особыми почвенными и климатическими условіями, къ которымъ кочевникъ безусловно долженъ приспособлять весь свой общественный бытъ.

Физическія условія и свойства калмыцкой степи изслѣдованы болѣе тщательнымъ образомъ въ сравнительно недавнее время (въ теченіи 1860—61 г.г.), именно Кумо-Манычской экспедиціей, учрежденной министерствомъ госуд. имуществъ въ 1859 г.[1]). Этой же экспедиціи мы обязаны разъясненіемъ вопроса о зависимости кочевой культуры кальмыковъ отъ фи-

---

и собственную безопасность отъ нападенія хищниковъ. Въ случаѣ поселенія всего калмыцкаго народа, степи большею частію опустѣютъ и сдѣлаются сборищемъ и убѣжищемъ тѣхъ варварскихъ народовъ, поводомъ къ набѣгамъ и къ водворенію ихъ тамъ; тогда жилища калмыковъ будутъ подвержены опасности и ихъ придется охранять, какъ и русскія селенія», притомъ: «легкое войско, каково калмыцкое, необходимо для тамошнихъ мѣстъ; а перемѣна образа жизни произведетъ перемѣну и въ характерѣ народномъ»... «Калмыцкій народъ своимъ древнимъ обычаямъ весьма преданъ, легкомысленъ, невѣріемъ еще преисполненъ къ оставленію настоящаго образа жизни и къ воспріятію другаго» По этому признано «совершенно неполезнымъ» водвореніе цѣлаго народа: «довольно будетъ, когда только нѣкоторые изъ калмыковъ поселятся для размноженія еще очень рѣдкихъ жилищъ и для умноженія же со временемъ тамошнихъ нерегулярныхъ войскъ . . . Но пока калмыцкій народъ еще въ такомъ состояніи остается, что по всякимъ и маловажнымъ причинамъ тревожиться можетъ, по-тѣхъ-поръ нужно наблюдать, чтобъ о учиненіи изъ нихъ и нѣкоторой части заселеніемъ стараться искуснымъ и сколь возможно такимъ образомъ, чтобы всякое могущее быть съ ихъ стороны сомнѣніе и поводъ къ колебаніямъ предупреждены были» (П. С. З. № 12198).

[1]) Ея труды изложены въ отдѣльномъ сборникѣ: Калмыцкая степь Астрах. губерніи по изслѣдованіямъ Кумо-Манычской экспедиціи Спб. 1868.

зическихъ условій мѣстъ ихъ кочевья, — вопроса о томъ, что «калмыки потому и кочевой народъ, что въ это положеніе его ставятъ физическія условія страны», что въ этихъ условіяхъ кроется причина, почему послѣдняя всегда представляла и теперь представляетъ пустыню, годную лишь для жизни кочевника-скотовода и вовсе не способную къ земледѣльческой культурѣ[1]). Площадь калмыцкаго кочевья представляетъ ровную, безлѣсную, едва лишь взбуренную степь, сложенную изъ горизонтальныхъ платовъ песчанника, степнаго известняка и солончаковъ. Чернозема въ глубинѣ степи вовсе нѣтъ; почва пропитана вездѣ солью, почему въ степи не можетъ быть иной растительности, кромѣ полыни, ковыля, солянокъ и пр. Хорошія кормовыя травы развиваются слабо и гибнутъ скоро вслѣдствіе бездождія и лѣтняго зноя[2]). Малая производительность почвы влечетъ за собой недостатокъ въ степи мѣстъ, годныхъ не только для хлѣбопашества, но и для постоянныхъ пастбищъ и сѣнокосовъ. Оттого калмыки не имѣютъ возможности, ни заготовлять необходимые запасы сѣна для прокормленія стадъ и вынуждены держать ихъ постоянно на подножномъ корму, ни держаться однихъ мѣстъ, безъ постоянныхъ передвиженій съ одного кочевья на другое, для пріисканія свѣжаго подножнаго корма для скота[3]).

Калмыцкая степь представляетъ и другой коренной недостатокъ. Именно, при отсутствіи въ степи хорошаго водоснабженія, возникаетъ для кочевника необходимость постоянно переходить съ мѣста на мѣсто, для отысканія площадей, болѣе или менѣе обильныхъ проточною или почвенною водою[4]).

---

[1]) См. Калмыц степь, II, 76. Ср. Костенкова о калмыкахъ, 149.

[2]) Калмыц. степь, II, 65, 67, 70—71.

[3]) Костенкова о калмыкахъ, 88, 106, 108.

[4]) Лица, близко знакомыя съ калмыцкимъ бытомъ, полагаютъ даже, что этотъ недостатокъ есть основная причина кочеваній калмыковъ, и что необходимость въ пріисканіи свѣжихъ кормовъ для скота — «второстепенная» причина передвиженій калмыковъ. См. Бентковскаго Воды и степи, въ Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. I, 112.

Какъ показали изслѣдованія Кумо-Манычской экспедиціи, въ калмыцкой степи вовсе нѣтъ постоянныхъ проточныхъ водъ[1]). Калмыки пользуются почвенною водою изъ вырываемыхъ въ степи ямъ, называемыхъ копанями или худуками. Копани разсыпаны группами по всей степи, на разстояніи одна отъ другой въ 10—30, а иногда и до 50—70 верстъ. Копани эти благодѣяніе для кочевника: они не удерживаютъ его на одномъ мѣстѣ, а дозволяютъ перекочевки, необходимыя для прокормленія скота. Но не всѣ худуки одинаково годны; не вездѣ добывается изъ нихъ хорошій водопой, въ нѣкоторыхъ содержится солоноватая вода, а есть такіе солончаки, гдѣ невозможно никакое водоснабженіе, ни въ формѣ копаней, ни въ видѣ большихъ загражденій и скоповъ воды, годной для употребленія[2]).

Такимъ образомъ, малая производительность почвы, недостатокъ въ калмыцкой степи мѣстъ, удобныхъ для постоянныхъ пастбищъ и земледѣлія, отсутствіе проточныхъ водъ и вообще хорошей системы водоснабженія, составляютъ коренныя причины, заставляющія степное населеніе держаться кочеваго образа жизни и дѣлающія невозможнымъ прочное заселеніе и колонизацію калмыцкой степи[3]). Самый характеръ и направленіе кочевыхъ движеній степняковъ зависятъ отъ различій въ

---

[1]) Причина — лѣтнее бездождіе и горизонтальность почвеннымъ пластовъ. Въ бассейнахъ же, куда приносится вода съ окружающихъ степь возвышенностей, въ лѣтнее время вода быстро высыхаетъ или же портится, дѣлается вовсе не годной для употребленія, становясь солоноватой или горьковато-затхлой отъ настоя камышемъ

[2]) Какъ показываютъ изслѣдованія Кумо-Манычской экспедиціи, устройство въ степи большихъ загражденій и скоповъ невозможно вообще. вода быстро высыхаетъ лѣтомъ или же портится и засыпается песками. Си. Калм. степь, II, 72—74. На недостатокъ у калмыковъ хорошаго водоснабженія и на существованіе у нихъ системы худуковъ указывалъ еще въ прошломъ столѣтіи Палласъ. См. Saml I, 123.

[3]) См. Калм. степь, III, 56. Ср. Костенкова Очерки восточ. и западн. Манича. 1861, и его же Ист. и стат. свѣд. о калм. 108.

климатическихъ условіяхъ степной жизни. Различія эти происходятъ «отъ значительно большаго восточнаго положенія степи, отъ открытости ея съ сѣвера и востока дѣйствію холодныхъ вѣтровъ и наконецъ отъ самаго характера степи — мѣстности безгорной, безлѣсной и безводной». Побережья (Каснія и Волги) обладаютъ климатомъ морскимъ—умѣреннымъ, но и сильно измѣнчивымъ; внутри степи, напротивъ, господствуетъ климатъ континентальный, съ сильными жарами лѣтомъ и съ шурганами (зимними бурями), снѣжными заносами и гололедицей зимой, безъ всякихъ убѣжищъ для скота и людей, какъ въ побережьи, съ его болѣе или менѣе закрытыми низменностями (займищами), поросшими камышемъ и кустарниками. Въ виду такихъ климатическихъ различій калмыки могутъ кочевать въ срединѣ степи лишь лѣтомъ и совершенно оставляютъ ее зимой, раскочевывая въ побережной полосѣ умѣреннаго климата[1]).

При такихъ же почти физическихъ условіяхъ кочевья жили калмыки въ старину въ среднеазіатскихъ степяхъ. Какъ видно изъ описаній путешественниковъ, посѣщавшихъ Монголію въ различныя времена, общая физіономія ея степей таже, что и калмыцкой степи: тоже отсутствіе производительной почвы, годной для земледѣлія и постоянныхъ пастбищъ; тотъ же недостатокъ водоснабженія, ограничивающагося (особенно въ срединѣ степи — знаменитой Гоби) устройствомъ обычныхъ у монголовъ и другихъ среднеазіатскихъ кочевниковъ копаней (худуковъ); тѣже рѣзкія различія въ климатѣ степи, представляющей возвышенную плоскость безводную и безлѣсную, съ переносными песчаными розсыпями и солончаками, дающими

[1]) Лишь немногіе скотоводы, имѣющіе обширныя стада, остаются на зиму въ степи, для прокормленія скота на подножномъ кормѣ, рискуя потерять свой скотъ при первомъ шурганѣ или во время снѣжныхъ зимъ и гололедицы, когда скотъ, не будучи въ силахъ пробить ледяную кору, остается безъ корма и погибаетъ цѣлыми стадами См. Калм. степь, III, 57—58. Костенкова о калм. 106, 108. Ср. Палласа Samml. I, 122.

скудную растительность, высыхающую отъ лѣтней жары, съ рѣдкими растительными оазисами и группами худуковъ, годныхъ сколько нибудь для степныхъ перекочевокъ и временныхъ стойбищъ. Лишь полосы южная (между великой стѣной и Гоби) и сѣверная (Халха и Зюнгарія) представляютъ болѣе благопріятныя условія для кочевой и отчасти (мѣстами) осѣдлой культуры; но и здѣсь лѣтнія жары и засухи южной полосы, какъ и суровыя зимы Халхи и Зюнгаріи, вынуждаютъ степное населеніе къ постояннымъ перегонамъ стадъ для пріисканія свѣжаго подножнаго корма лѣтомъ (обыкновенно въ сѣверныхъ частяхъ степи) и болѣе теплыхъ, южныхъ стойбищъ зимой[1]).

Таковы физическія условія степи, въ силу которыхъ из-

---

[1]) См. Іакинфа Зап. о Монг. II, 145 и слѣд. Тимковскаго Путеш., III, 287. Пржевальскаго Монголія, I и др. Въ силу тѣхъ же самыхъ физическихъ условій страны существуетъ кочевой бытъ у киргизовъ и другихъ среднеазіатскихъ племенъ. Интересныя замѣчанія о причинахъ постоянныхъ перекочевокъ у киргизовъ изложены въ цитированной выше запискѣ Гейнса. Указавъ на значеніе скота въ жизни степняка-кочевника и на непропорціональность между производительностію страны и обширностію размѣровъ степнаго (скотоводческаго) хозяйства киргизовъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ передвиженій съ мѣста на мѣсто (см. ниже), авторъ говоритъ далѣе, что кочеваніе зависитъ еще отъ особенныхъ условій зимняго хозяйства. Мы приведемъ здѣсь соображенія автора по этому вопросу, въ виду того, что соображенія эти вполнѣ подходятъ и къ условіямъ кочевой жизни калмыковъ. «Зимовки, или мѣста, на которыхъ кормится скотъ зимою, выбираются самымъ тщательнымъ образомъ и повсемѣстно занимаютъ самыя лучшія части степи. По невозможности для киргиза накашивать сѣно для прокормленія скота въ теченіе всей зимы, послѣдній тебенюетъ, т. е. достаетъ на зимовкахъ самъ себѣ кормъ изъ-подъ снѣга. Кормить лѣтомъ скотъ на зимовкахъ не только нельзя, но, сберегая траву на зиму, нужно отгонять его оттуда на лѣтовки, пустыя, никѣмъ не занятыя и наименѣе производительныя части степи. Оттого лѣтомъ стадамъ приходится дѣлать большіе концы для своего прокормленія уже потому, что лѣтовки занимаютъ наименѣе плодородныя части даже киргизской степи. Всѣ эти факты обусловливаютъ необходимость кочеваній, которыя иногда бываютъ очень далекими». Говоря затѣмъ о необходимости оставлять скотъ на подножномъ

стари существуетъ у калмыковъ кочеванье, перегонъ скота съ одного мѣста на другое. Калмыкъ кочуетъ въ видахъ прокормленія и охраны скота, приспособляясь къ мѣстнымъ, именно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ степи. Но такіе перегоны зависятъ также отъ самаго характера и направленія хозяйственной культуры калмыковъ,—отъ подвижности, бродячести ея основнаго объекта—стадъ и табуновъ, и отъ исключительнаго значенія послѣднихъ въ степномъ хозяйствѣ. Въ своихъ стадахъ степнякъ имѣетъ главный источникъ племеннаго богатства, — изслѣдователи быта степныхъ кочевниковъ не безъ основанія говорятъ, что они «живутъ почти исключительно для стадъ»[1]). Для своего благосостоянія кочевникъ нуждается въ широкомъ развитіи скотоводства — единствен-

---

корму круглый годъ, авторъ замѣчаетъ, что «на каждаго киргиза приблизительно приходится скота въ 8 разъ болѣе, чѣмъ на каждаго европейца, т. е. еще во столько же разъ труднѣе заготовлять сѣна для своего скота. Если къ тому предположить, что киргизская степь едва ли не въ десять разъ менѣе производительна чѣмъ Европа, то можно предположить также, что киргизу, по сравненію съ европейцемъ, нужно употребить въ 80 разъ болѣе труда для заготовленія скоту сѣна, — т. е. заготовлять сѣно для своего скота онъ не можетъ . . и долженъ оставлять свой скотъ на подножномъ корму круглый годъ. Сохраняя же на зимовкахъ подножный кормъ, необходимо переходить лѣтомъ на менѣе богатыя травою части степи, или кочевать на такъ назыв. лѣтовкахъ» См. Гейнса Зап къ «мотивир инстр». 18—21.

[1]) Левшина Опис. кирг. Ш, 18. Интересны и въ этомъ отношеніи замѣчанія Гейнса о значеніи скота для киргиза. «Киргизъ живетъ для скота — единственнаго источника своего существованія. Всѣ его мечты, желанія и интересы группируются около стадъ, какъ около исключительной причины его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Если у киргиза много скота — всѣ его нужды удовлетворены, онъ большой, важный, уважаемый человѣкъ Безопасность и неприкосновенность его стадъ есть вопросъ, касающійся всѣхъ родичей, которые смотрятъ на его богатство, какъ на предметъ общественнаго интереса и гордости». Для кочевника охрана скота—главная, если не единственная цѣль въ жизни: «киргизъ живетъ для своего скота, примѣняетъ свою жизнь къ жизни стадъ, подчиняетъ нужды семьи и свои привычки соображеніямъ объ удобствѣ стадъ. Благополучіе скота ставится выше

ной хозяйственной статьи, которая при мѣстныхъ условіяхъ можетъ поддерживать существованіе степнаго человѣка. Возможно бо́льшее накопленіе и сбереженіе стадъ и табуновъ — жизненная цѣль скотовода; чтобы не выйти изъ степи и родовой защиты въ безпомощное и безправное состояніе «байгучи» (бѣдняка, изгоя, лишившагося стада), степнякъ бережетъ и кормитъ свой скотъ, направляя его движеніе по обычнымъ кочевымъ путямъ. Безъ передвиженія и перегона стадъ, ихъ накопленіе и богатство встрѣчало бы неодолимая препятствія въ условіяхъ степи, мало производительной, безъ полныхъ удобствъ прокормленія и охраны стадъ Изъ этой-то непропорціональности между производительностію степи и обширными размѣрами степнаго скотоводства, сама собою, вытекаетъ необходимость постоянныхъ перегоновъ скота съ одного стойбища на другое, отъ худука къ худуку, отъ одного растительнаго оазиса къ другому, — необходимость захватывать для перекочевокъ болѣе или менѣе широкіе территоріальные районы (причемъ «размахъ» такихъ захватовъ зависитъ отъ плодородія почвы и количества пасущагося скота), расползаться въ степи, избирая въ ней лучшія мѣста для зимняго кочевья и менѣе удобныя для лѣтовокъ[1]).

благополучія души и семьи . . . Общій характеръ и детали (степной жизни) сложились изъ необходимости тяжкимъ трудомъ охранять и кормить стада въ мало производительной степи». См. Гейнса Зап. 16—18.

[1]) На непропорціональность широкаго развитія скотоводства, какъ главнаго условія благосостоянія степныхъ кочевниковъ, съ мѣстными удобствами кочевья, указываютъ почти всѣ изслѣдователи быта калмыковъ, какъ на одну изъ причинъ, поддерживающихъ между ними кочевые инстинкты. Еще Палласъ утверждалъ, что «широкое развитіе скотоводства заставляетъ калмыковъ, какъ и всѣхъ пастушескихъ народовъ, мѣнять по временамъ пастбища, чтобы искать для своихъ стадъ свѣжіе корма» и пр. (См. Samml. I, 122). По словамъ Левшина, «первый и почти единственный источникъ богатства киргиз. ордъ состоитъ въ скотоводствѣ, а для поддержанія онаго въ такой же обширности, въ какой оно теперь, необходимы мѣста пространныя, которыя не могутъ и не должны имѣть точныхъ предѣловъ» (Описаніе

Такимъ образомъ, кочеванье калмыковъ, какъ и другихъ степныхъ племенъ, населяющихъ среднеазіатскія равнины, нужно считать главнымъ политическимъ и экономическимъ принципомъ всей ихъ общественной культуры. Отсюда понятно, на сколько кочевые обычаи и инстинкты должны были вкорениться въ народной жизни степняковъ, сростись съ характеромъ народа, со всѣмъ складомъ его бытовыхъ воззрѣній и вѣрованій. По отзыву изслѣдователей, наблюдавшихъ кочевой бытъ у калмыковъ и другихъ восточныхъ инородцевъ, они «свято хранятъ перешедшій къ нимъ отъ предковъ обычай кочевой жизни, чрезвычайно къ нему привязаны, — наклонность къ нему усвояется привычкой, пріобрѣтаемой съ дѣтства и укореняющейся по мѣрѣ достиженія зрѣлыхъ лѣтъ»[1]). Крѣпость кочевыхъ обычаевъ калмыковъ, приверженность ихъ къ привольной, подвижной жизни въ своихъ безпредѣльныхъ степяхъ, всегда имѣлись въ виду правительствомъ, при возбужденіи вопроса объ осѣдломъ водвореніи калмыковъ. Цитированный вы-

---

кирг. Ш, 26). Ставя вопросъ: «отчего зависитъ кочеванье», Гейнсъ прежде всего имѣетъ въ виду непропорціональность между производительностью степи и большими размѣрами стадъ, ею кормящихся. «Чѣмъ пустыннѣе и непроизводительнѣе страна, и чѣмъ больше скота пасется въ одномъ стадѣ, тѣмъ скорѣе истребляется на опредѣленномъ мѣстѣ кормъ и тѣмъ требуется большая площадь земли для его пропитанія. Отъ этихъ двухъ условій и зависитъ необходимость кочеванія киргизскихъ стадъ по степи. Степь — мало производительна, количество же скота у киргизовъ непропорціонально велико, что и заставляетъ ихъ передвигаться съ своими стадами на большія разстоянія или кочевать. Пока скотъ не подобралъ кормовъ въ окрестности, киргизъ никогда не станетъ кочевать; когда же его стада, вытравивши кормъ и побуждаемыя голодомъ, станутъ уходить все далѣе и далѣе отъ аула, киргизъ поднимается со своимъ семействомъ и слѣдуетъ за стадами, только направляя ихъ по принадлежащимъ ему кочевымъ путямъ. Кочеваніе происходитъ медленно и на небольшія разстоянія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ сравнительно богатые корма; но оно по необходимости производится почти безостановочно и на далекія разстоянія въ бѣдныхъ частяхъ степи» (Гейнса Зап 18).

[1]) См. Бюлера Инородцы, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 90.

ше отзывъ коллегіи иностр. дѣлъ (1764 г.) мотивируетъ «неполезность» ихъ водворенія, между прочимъ, тѣмъ, что «калмыцкій народъ своимъ древнимъ обычаямъ весьма преданъ, легкомысленъ, невѣріемъ еще преисполненъ къ оставленію настоящаго образа жизни и къ воспріятію другаго». Тотъ же самый мотивъ выставляла мѣстная администрація и позже (именно въ 1834 г.), когда снова былъ поднятъ вопросъ о водвореніи калмыковъ: астраханскій губернаторъ отозвался отрицательно, ссылаясь на то, что «они всякую перемѣну въ домашнемъ ихъ быту, съ обычаями предковъ не согласную, считаютъ какъ бы за грѣхъ»[1]). Кочевые степняки крѣпко держатся своей подвижной жизни, между прочимъ, и въ силу народныхъ убѣжденій въ томъ, что «они должны потерять свободу», лишь только перейдутъ къ осѣдлому быту[2]). И это понятно: кочевые обычаи равно дороги и для стараго хищника-монгола, и для современнаго калмыка-скотовода. Первый дорожилъ преимущественно политической стороной кочеванья, видѣлъ въ немъ гарантію личной и племенной свободы и могущества; второй привязанъ къ перегонамъ по кочевымъ путямъ и урочищамъ прежде всего въ интересахъ хозяйственнаго благосостоянія и свободы, — видитъ въ кочеваньи главное условіе прокормленія и охраны стадъ, а слѣдов. и возможную въ степи гарантію его матеріальнаго богатства, удерживающую его отъ перехода въ безпомощное и почти безправное состояніе байгучей.

Наконецъ, къ интересамъ политическимъ и экономическимъ, взростившимъ кочевой бытъ калмыковъ, примыкаютъ также интересы и воззрѣнія религіозныя, въ свою очередь вліявшія до значительной степени на укорененіе въ народной жизни степняковъ кочевыхъ инстинктовъ и привычекъ. По буддійскимъ обычаямъ, рытье земли, уничтоженіе растительности

---

[1]) Бюлера Инородцы, въ От. Зап. 1846, № 10, стр. 75, 88.

[2]) Левшина Опис. Кирг. Кайс. ордъ, III, 29.

и орошеніе, т. е. главныя операціи земледѣльческой культуры, принадлежатъ къ «pâci» — проступкамъ противъ обѣтовъ (запрещенныхъ заповѣдей Зинз. улож.), требуемыхъ отъ буддійской духовной общины[1]). Не касаясь прямо мірянъ-буддистовъ, правила эти, рядомъ съ воззрѣніями политическими и экономическими, могли однако, хоть и косвенно, но тѣмъ не менѣе сильно вліять на общее нерасположеніе ламаитовъ-монголовъ и калмыковъ къ земледѣлію и вкоренять и безъ того глубокую и исконную привязанность ихъ къ кочевой культурѣ.

Показавъ причины, отъ которыхъ зависитъ кочеванье калмыковъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію его по самому существу, какъ одного изъ основныхъ институтовъ общественной культуры этихъ инородцевъ. Мы коснемся здѣсь, главнымъ образомъ, распредѣленія мѣстъ кочевья между родовыми союзами и самой системы и порядка кочевыхъ передвиженій, смотря по условіямъ мѣста и времени кочевки[2]).

Уже замѣчено нами, что главнымъ мотивомъ стараго ойратства монгольскихъ племенъ было расширеніе племеннаго хищничества и степной культуры кочевниковъ на возможно широкіе, территоріальные районы (см. выше стр. 230). Отсюда естественно вытекало основное начало кочеваго права ойратовъ, — начало *общинно-племенныхъ* отношеній кочевниковъ къ разъ

---

[1]) Въ «Пратимокша-Сутра» (будд. служебникѣ) встрѣчаемъ три правила, относящіяся къ нашему вопросу: «если духовный станетъ рыть или заставитъ рыть землю, это pâci» (п. 10); «уничтоженіе растительности есть pâci» (п. 11); «если духовный сознательно станетъ поливать траву или кирпичи водою съ живыми существами» (п. 20). См. Прат.-Сутра, въ переводѣ Минаева, стр. 43—44.

[2]) Калмыцкіе уставы даютъ указанія, главнымъ образомъ, по вопросу о распредѣленіи мѣстъ кочевья между родовыми союзами; система же кочевыхъ передвиженій опредѣляется исключительно обычнымъ правомъ. По послѣднему вопросу мы приведемъ главнѣйшія данныя, извлеченныя изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ инородцевъ, несомнѣнно слѣдующихъ въ своихъ кочевыхъ передвиженіяхъ изстариннымъ народнымъ обычаямъ.

добытымъ ими силой оружія или инымъ путемъ занятымъ ими, территоріальнымъ районамъ. И далѣе: всѣмъ кочевымъ народамъ присуще воззрѣніе на мѣста ихъ кочевокъ, какъ на общеплеменное поприще ихъ хищнической культуры, — старый кочевникъ не зналъ лично и не признавалъ за другими индивидуальнаго права собственности на землю. Земля, служившая у древнихъ монголовъ исключительно для пастбищъ, составляла общее достояніе цѣлаго племени и распредѣлялась его родоправителями между отдѣльными родами по мѣрѣ надобности и мѣстнымъ удобствамъ, при чемъ ханы могли жаловать землю лишь въ «потомственную аренду»[1]). Извѣстны, кромѣ того, племенныя стремленія монголовъ къ территоріальнымъ захватамъ, — стремленія, въ полной силѣ обнаружившіяся въ эпоху Чингисова ханства и поддерживавшіяся позднѣйшими ойратскими союзами. Захваты эти коренятся въ упомянутомъ воззрѣніи кочевниковъ на территорій, какъ на общеплеменное достояніе ихъ хищнической дѣятельности. Тамъ же слѣдуетъ искать объясненія причинъ тѣхъ постоянныхъ приливовъ и отливовъ кочевыхъ ордъ, какими наполнена исторія монгольскихъ и калмыцкихъ движеній вплоть до послѣдней четверти прошлаго вѣка. Считая своимъ племеннымъ территоріемъ все пространство, занятое кочевьями ойратскихъ племенъ, каждое изъ этихъ послѣднихъ, въ силу ойратскаго права, могло свободно производить свои перекочевки въ предѣлахъ кочеваго территорія ойратовъ, — могло передвигаться съ своими стадами на свободныя мѣста, не занятыя другими, союзными племенами. Такъ выходцы изъ Зюргаріи и Монголіи перекочевывали въ XVII и XVIII вѣкахъ въ свободныя степи приволжскихъ и алтайскихъ калмыковъ и прибайкальскихъ бурятъ, и именно въ силу основнаго начала ойратскаго права монголовъ объ общинноплеменномъ обладаніи всѣмъ территоріемъ, занятымъ кочевьями отдѣльныхъ союзныхъ родовъ и ордъ. Въ силу же ойратства

---

[1]) См. Березина Очеркъ внут. уст. Джуч. ул., 39, 46.

русскихъ калмыковъ съ центральными стойбищами среднеазіатскихъ монголовъ[1]) происходили до конца прошлаго вѣка и обратныя перекочевки калмыцкихъ родовъ и цѣлыхъ ордъ изъза Урала и Волги въ глубь среднеазіатскихъ степей[2]). — Тоже самое начало общеплеменнаго пользованія землей высказывается въ принятой калмыцкими уставами (1640 и 1822 г.г.) системѣ распредѣленія мѣстъ кочевья между родовыми союзами и затѣмъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, было санксировано русскими законами. Такимъ образомъ, калмыкамъ предоставлена для общаго кочевья, на правахъ общинно-родоваго пользованія, обширная степная площадь (слишкомъ 10 мил. десятинъ) въ Астраханской губерніи и другихъ степныхъ мѣстностяхъ юго-восточной Россіи[3]). На всемъ пространствѣ общаго кочевья калмыковъ встрѣчаются лишь незначительные

---

[1]) До окончательнаго распаденія ойратскаго союза въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, калмыки принадлежали къ этому союзу; почему у нихъ, напр, получили силу законы ойратскаго главы Галдана, изданные чрезъ 30—40 лѣтъ послѣ прикочевки калмыцкой орды въ русскія степи и признанія ею русской власти. Послѣднее не мѣшало имъ принадлежать къ среднеазіатскому ойратству, быть въ этомъ отношеніи такими же «двоеданцами» какъ и алтайскіе калмыки (до половины XVIII в.) или урянхайцы (до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія) См. мое соч. — Древн. Монг.-калм. уставъ, 231 — 232.

[2]) Этимъ объясняется и извѣстная катастрофа 1771 г. Причины ея — не одни мѣстныя обстоятельства (напр., водвореніе нѣмецкихъ колоній, слухи о переселеніи калмыковъ во внутреннія губерніи для насильственнаго водворенія и пр.), но главн. обр. старыя ойратскія связи калмыковъ съ среднеазіатскими родичами. Перекочевка калмыцкой орды въ 1771 г.—неудавшійся опытъ сплоченія монголовъ и освобожденія ойратскихъ племенъ отъ чужеземной зависимости.

[3]) Какъ извѣстно, калмыки съ 1630 г. заняли своими кочевьями степь между рѣками Ураломъ и Волгою. Вскорѣ они признали надъ собой русскую власть, но еще долго не были опредѣлены границы земель, предоставленныхъ имъ для кочевья, и потому калмыки свободно занимали всѣ пустынныя пространства луговой (лѣвой) стороны Волги, а иногда перекочевывали и на нагорную сторону. Лишь подъ конецъ XVII в. правительство признало необходимымъ обозначить предѣлы кочевья калмыковъ: въ 1687 г. ханъ Аюка, по требованію правительства, обязался «кочевьемъ улусовъ своихъ отъ Вол-

оазисы частныхъ владѣній, какими разновременно надѣлялись (съ половины прошлаго вѣка) немногіе нойоны и зайсанги, получавшіе въ надѣлъ на правѣ собственности участки казенныхъ земель[1]).

ги рѣки не отходить», съ тѣмъ, «чтобъ отнюдь никто на нагорную сторону рѣки Волги сами владѣльцы не ходили и людей своихъ не посылали» (П. С. З. № 2207, §§ 1 и 3; ср. № 2291). Послѣ ухода калмыцкой орды въ 1771 г. оставшаяся часть калмыковъ постепенно стала сосредоточиваться на правой сторонѣ Волги, пока не послѣдовалъ (въ 1800 г.) указъ объ отводѣ калмыкамъ «во владѣніе всѣхъ тѣхъ земель (нагорной стороны Волги), на коихъ до ухода за границу калмыки имѣли свое кочевье» (ib. № 19575). Въ 1802 г. имъ отведено отъ Царицына до береговъ Каспія «количество земли, нужное для пастьбы стадъ и табуновъ ихъ, такъ чтобы разныя орды въ кочевьяхъ своихъ стѣснены не были, и чтобъ къ угодьямъ земель калмыцкихъ отдалить всякое постороннихъ людей къ нимъ притязаніе» (ib. № 20248). Наконецъ, начало *общаго* пользованія степью было вполнѣ формулировано положеніемъ 1806 г. объ отводѣ земель для калмыцкаго кочевья: положеніе привело въ извѣстность, сколько нужно калмыкамъ земли по числу кибитокъ для пастбищъ и для перемѣны кочевья сообразно времени года, и съ этою цѣлью предоставило имъ нагорную степь для *общаго* кочевья всего народа, позволивъ владѣльцамъ, поочереди, переходить лѣтомъ за р. Волгу (ib. № 22135, п. 1 и 2). Современное положеніе (1847 г.) «объ управленіи калмыцкимъ народомъ» считаетъ земли, отведенныя ему отъ казны, «состоящими у нихъ на *правѣ общаго пользованія*» (ib. II, т. XXII, № 1144, § 6) Ср. Костенкова о калм. 71, 78, 86. Калм. степь по изслѣд. Кумо-Ман. экспед. III, 97. Бюлера, въ Отеч. Зап. 1846, № 8, стр, 70, 71; № 10, стр. 78. Сборн. ст св. по Ставр. губ I, 78.

[1]) См. Биб. для чт. CXIII, № 5, стр. 47, 50 и др, Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. II, 97. Первый опытъ участковаго надѣла калмыковъ землей, и именно съ цѣлью осѣдлаго водворенія, сдѣланъ былъ въ 1744 года, когда часть калмыковъ (крещеныхъ) была переведена въ Ставрополь (на Волгѣ) съ цѣлью водворенія; но и доселѣ калмыки здѣсь занимаются исключительно скотоводствомъ, — участки же свои обыкновенно отдаютъ въ обработку русскимъ крестьянамъ (см. Неѳедьева о волжскихъ калм. 56. Отеч. Зап. 1844, т. 35; 1846, № 10, ст. 64—65). Что касается калмыковъ астраханской степи, то здѣсь опыты надѣла землей на правахъ собственности съ цѣлью водворенія начинаются съ 1764 г.; но, какъ уже замѣчено мной, частныя владѣнія составляютъ доселѣ едва замѣтные оазисы на обширномъ пространствѣ калмыцкой степи, состоящей въ общемъ владѣніи калмыцкихъ улусовъ и ихъ родовыхъ отдѣленій (см. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 10, стр. 75, 77 Кос-

Общеродовыя кочевья распредѣлялись еще у старыхъ монголовъ на основаніи «потребностей»[1]). И ихъ потомки, перекочевавшіе въ XVII вѣкѣ въ русскія степи, получили для «общаго кочевья» земли, «сколько нужно по числу кибитокъ, для пастбищъ и для перемѣны кочевья, сообразно времени года» (см. П. С. З. № 20248 и 22135)[2]). Распредѣленіе мѣстъ кочевья между родами зависѣло изстари отъ родоправителей. Еще при Чингизидахъ было у монголовъ такъ заведено, что «никто не смѣетъ жить нигдѣ, кромѣ того мѣста, которое онъ (великій ханъ) ему назначитъ. Онъ назначаетъ, гдѣ кочевать воеводамъ, тысячники сотникамъ, сотники десятникамъ», — сообразно съ этимъ и «пастбища раздѣлялись между народомъ на основаніи потребностей и по волѣ начальства»[3]). Тотъ же самый порядокъ, въ существѣ вещи, удерживается доселѣ у калмыковъ. По свидѣтельству Палласа, «для предотвращенія безпорядковъ и споровъ, князья (нойоны) во всѣ времена года вступаютъ въ соглашенія о мѣстахъ, гдѣ они могутъ передвигаться съ своимъ народомъ»[4]). Обычай общихъ соглашеній родоправителей (на родовыхъ сходахъ) констатируется и позднѣйшими указаніями источниковъ. Въ 1806 г. при приведеніи въ исполненіе изданнаго въ этомъ году положенія объ отводѣ калмыцкихъ земель, занимаемыхъ калмыками по общему «согласію» ихъ владѣльцевъ (П. С. З. № 22135, § 2), послѣдніе были созваны на сходъ и отобрано отъ нихъ «согласіе на непремѣнное назначеніе зимнихъ кочевьевъ, кото-

---

тенкова о калм. 73 и слѣд.) Съ 1862 г. какъ будетъ сказано ниже, постепенно вводится въ калмыцкой степи новая система степнаго хозяйства — по участкамъ земель, отводимыхъ на извѣстныхъ условіяхъ родоправителямъ и отдѣльнымъ родамъ (аймакамъ), съ опредѣленнымъ размѣромъ земли (см. Костенкова о калм. 89—90).

[1]) Березина Очеркъ, 46.

[2]) Ср. Небольсина, въ Биб. для чт. 1852, № 5, стр. 50 и слѣд.

[3]) См. мое соч. — Древн. монг.-калм. уставъ, стр. 274.

[4]) Палласа Saml. I, 122.

рыя они, полюбовно между собою расположивъ, учинили о томъ письменное постановленіе»[1]).

Первоначально калмыки свободно кочевали по всей степи, занятой ими при первой перекочевкѣ ихъ въ русскіе предѣлы, безъ точнаго опредѣленія границъ земель, предоставленныхъ имъ для общаго кочевья. Лишь съ конца прошлаго вѣка (именно съ 1687 г.) правительство стало заботиться о томъ, чтобы были обозначены предѣлы калмыцкаго кочевья, съ отводомъ имъ земель, съ которыхъ они не должны были переходить на другія мѣста[2]). Но при этомъ указана была лишь общая грань калмыцкаго кочевья, безъ точнаго и подробнаго разграниченія ихъ между улусами[3]). И въ настоящее время русскіе законы признаютъ калмыцкую степь общимъ владѣніемъ улусовъ, не установивъ ни опредѣленныхъ границъ между улусами, ни опредѣленныхъ пространствъ для кочевки улусныхъ родовъ[4]): все это зависитъ отъ обычаевъ и соглашенія улусныхъ правителей. Оттого кочевыя движенія производятся все таки правильно, по однимъ и тѣмъ же извѣстнымъ мѣстамъ, предоставленнымъ каждому улусу въ отдѣльности[5]). Въ этомъ случаѣ русскій законъ собственно лишь констатировалъ изстаринную систему распредѣленія мѣстъ кочевья по обычному праву калмыковъ. По старому ихъ уставу требуется, чтобы каждый родъ и индивидъ кочевалъ на своемъ мѣстѣ (по статьѣ 165, «кто, кромѣ опредѣленнаго къ кочеванію

---

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 71. По нынѣ дѣйствующему положенію 1847 г. объ управленіи калм. народомъ, распредѣленіе мѣстъ для кочевокъ между улусами, какъ и наблюденіе за правильностію кочевокъ, принадлежатъ главному попечителю и мѣстнымъ улуснымъ попечителямъ. П. С. З. II, т. XXII, № 1144, § 221. Ср. Костенкова о калм., 108.

[2]) Костенкова о калм. 71, 78.

[3]) Нефедьевъ говоритъ, что «при перекочевкахъ не наблюдается никакого разграниченія, ни раздѣленія между улусами земель, но это не нарушаетъ согласія». См. о волж. калм. 116.

[4]) Межами ограничены лишь земли хошоутовскаго улуса.

[5]) См. Калм. степь, III, 97.

мѣста, будетъ кочевать на чужомъ мѣстѣ» . . .) и имѣлъ свои опредѣленныя урочища, предназначенныя для кочевыхъ стойбищъ и пастьбы скота. Такія урочища, по свидѣтельству очевидцевъ, «издавна и безобидно распредѣленныя между улусами, вошли уже въ обычай и не измѣняются безъ особенной надобности и заявленій о томъ народа»[1]). Система кочевыхъ урочищъ приспособляется къ родовымъ развѣтвленіямъ и комбинаціямъ, существующимъ въ средѣ кочующихъ на нихъ инородцевъ. По калмыцкому праву кочевыя угодья и урочища распредѣляются между скотоводами по-улусно (уст. 1640 г. ст. 157; Зинз. улож. ст. 38, 118, 119), — начало, принятое затѣмъ и русскими законами[2]). Въ настоящее время калмыцкая степь раздѣляется между улусами по болѣе или менѣе широкимъ полосамъ, на пространствѣ которыхъ передвигаются по кочевымъ путямъ калмыцкія стойбища[3]). Внутри улусныхъ полосъ распредѣленіе кочевья регулируется между родами не сплоченно, большими массами[4]), но по родовымъ группамъ и и отдѣленіямъ — родамъ (отокамъ), аймакамъ и пр.[5]). Полосы кочевья родовыхъ группъ тянутся болѣе или менѣе длинной лентой (путями) по всей улусной полосѣ, не пріурочены къ данному и неизмѣнному пункту улуснаго кочевья. Кочеваніе внѣ своихъ полосъ, на «чужихъ» мѣстахъ, запрещается изстари калмыцкимъ правомъ, какъ и русскими законами[6]). На-

[1]) См. Костенкова о калм 109

[2]) По положеніямъ 1806 и 1847 гг. земли распредѣляются поулусно, — каждый улусъ кочуетъ отдѣльно на опредѣленной ему землѣ, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, назначенныхъ для очереднаго кочевья (на лѣвой сторонѣ Волги) или для общаго пользованія калмыковъ всѣхъ вообще улусовъ (мочаги и калм. базаръ). Очередное кочевье теперь оставлено калмыками по неудобству и отдается въ арендное содержаніе киргизамъ въ пользу калм. об ществ. капитала (Костенкова о калм. 78)

[3]) См. Калм. степь, III, 97; Костенкова о калм. 110—116.

[4]) По замѣчанію Левшина, при кочеваньи большимъ числомъ на одномъ мѣстѣ, «стадамъ ихъ бываетъ тѣсно». См. Опис. кирг ордъ. III, 24.

[5]) См. уставъ 1640 г. ст. 157, 165. Зинз. улож. 37, 38, 118—120.

[6]) Положеніе 1806 г, допускаетъ, впрочемъ, вкочевки калмыковъ въ дачи владѣльческія въ случаѣ суровыхъ зимъ (§ 10).

конецъ, родовое право на данное кочевье признается не только за цѣлыми родовыми союзами, но и за каждой кибиткой и индивидомъ. По Зинз. уложенію кто, съ дозволенія владѣльца, уволенъ на жительство въ другой улусъ, тотъ «не отдѣляется своего сословія», — если пожелаетъ затѣмъ перейти въ свой улусъ, то опять можетъ кочевать въ своемъ родѣ (ст. 118).

Система общинно-участковаго, по-улуснаго распредѣленія мѣстъ кочевья калмыковъ выросла на почвѣ физическихъ условій степныхъ урочищъ, приноровлена какъ нельзя лучше къ этимъ условіямъ и вообще имѣетъ безусловно необходимое значеніе для степняковъ-скотоводовъ, съ ихъ большимъ скотоводствомъ, которое можетъ идти успѣшно лишь подъ условіемъ обширности и разнообразія кочевыхъ урочищъ, распредѣляемыхъ между скотоводами примѣнительно къ мѣсту и времени кочевокъ. Система эта до послѣдняго времени не испытывала никакихъ существенныхъ измѣненій; но съ 60-хъ годовъ, рядомъ съ поулуснымъ распредѣленіемъ степи, правительство стало вводить новую систему—распредѣленіе степныхъ земель на постоянные (аймачные) участки, съ постепенной отмѣной существующей системы общеродовыхъ, поулусныхъ полосъ калмыцкаго кочевья Новая система возникла, какъ результатъ правительственныхъ мѣръ относительно осѣдлаго водворенія калмыковъ; для чего признано было необходимымъ болѣе раціональное устройство ихъ степнаго хозяйства, именно на такихъ началахъ, которыя «могли бы пріучить народъ къ постепенному переходу отъ кочевой жизни къ осѣдлой». Но, какъ полагали мѣстные администраторы, стоявшіе за новую систему, «при общинномъ пользованіи степью, осуществленіе этой мѣры невозможно: какъ бы ни была правильно распредѣлена степь между улусами, какіе бы ни были введены строгіе порядки въ отношеніи кочевокъ, ничто не можетъ служить гарантіею для безобиднаго пользованія пастбищами. Право сильнаго будетъ невольно проявляться на каждомъ шагу. И можетъ ли хозяинъ—скотоводъ, устроившій свое степное хозяйство, быть увѣреннымъ, что онъ будетъ пользоваться избраннымъ имъ

участкомъ постоянно»? Руководясь этимъ взглядомъ, министерство госуд. имуществъ въ 1862 г. разрѣшило отводъ калмыкамъ, для устройства степнаго ихъ хозяйства, участковъ земли въ опредѣленныхъ размѣрахъ[1]), при чемъ участки отводятся такъ, чтобы зайсангъ и всѣ калмыки его аймака находились въ одномъ мѣстѣ[2]). — Мѣры эти не привели, однакожъ, къ упроченію осѣдлости между калмыками: получившіе надѣлы на указанныхъ условіяхъ не имѣютъ доселѣ прочныхъ поселеній, появившихся лишь у весьма немногихъ владѣльцевъ и зайсанговъ, получившихъ въ прежнее время на правѣ собственности участки казенной земли[3]). И это понятно: обширное скотоводство — единственная хозяйственная статья, сколько нибудь обезпечивающая степнаго скотовода въ мало производительной степи, не даетъ возможности дробить степь на постоянные участки, съ уничтоженіемъ общиннаго пользованія, т. е. безъ возможности передвигаться по степнымъ урочищамъ, смотря по времени и мѣсту кочевья. Для поддержанія обширнаго скотоводства, по вѣрному замѣчанію Левшина, необходимы «мѣста пространныя», которыя (и это самое главное) «не могутъ и не должны имѣть точныхъ предѣловъ», т. е. должны находиться въ общемъ, безраздѣльномъ пользованіи[4]). Если поулусное распредѣленіе степи по обычному праву дѣй-

---

[1]) Нойонамъ по 1500 десят., зайсангамъ аймачнымъ по 400, безаймачнымъ по 200 дес. на семью; для простолюдиновъ принята норма надѣла на душу муж. пола отъ 20 до 60 дес., смотря по удобству избираемой земли.

[2]) Съ непремѣннымъ условіемъ приступить, въ теченіи года, къ устройству хозяйственныхъ заведеній, въ особенности базовъ, или загоновъ для скота, иначе участки передаются другимъ калмыкамъ. См. Костенкова о калм., 88—89.

[3]) См. Сборн. ст. св. по Ставр. губ II, 97. Къ 1869 году были отведены надѣлы на указанныхъ условіяхъ 1 владѣльцу, 48 зайсангамъ и 7070 простолюдинамъ (изъ 68 тысячъ по ревизіи 1869 г.), въ количествѣ 709 т. десятинъ (изъ 8 милліоновъ дес., состоящихъ у калмыковъ въ общемъ пользованіи). См. Костенкова о калм. 89, 96, 150—160.

[4]) См. Левшина Опис. Кирг. ордъ, III, 26.

ствительно не вполнѣ гарантируетъ безобидное пользованіе пастбищами, то это зависитъ не отъ «общинности» владѣнія степью, а скорѣе отъ нравовъ народа, въ плоть и кровь котораго всосалось хищничество. Отъ него не спасетъ и система постоянныхъ надѣловъ: и при ней не всегда возможно «безобидное» пользованіе пастбищами, хоть уже потому напр., что эта система идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ народа. И далѣе: «общинность», сама по себѣ, не уничтожаетъ въ скотоводѣ увѣренности въ прочномъ положеніи его хозяйства, хотя бы своимъ кочевьемъ онъ не пользовался постоянно, подобно тому, какъ и общинникъ-земледѣлецъ можетъ вести относительно успѣшно свое осѣдлое хозяйство, не смотря на то, что его хозяйство должно приспособляться къ требованіямъ періодическихъ передѣловъ земель. Осѣдлое водвореніе народа не предполагаетъ непремѣнно отмѣну общиннаго пользованія хозяйственными угодьями, будутъ ли это степныя урочища скотовода, или поля, обработываемыя землепашцемъ. Съ другой стороны, нѣтъ надобности вводить систему участковыхъ надѣловъ, чтобы дать возможность степнымъ скотоводамъ устроивать базы для охраны скота въ зимнее время и другія хозяйственныя заведенія. Киргизы, вовсе не знающіе участковыхъ надѣловъ, тѣмъ не менѣе, гдѣ только можно, заготовляютъ запасы корма для скота, дѣлаютъ для него землянки и загоны и пр [1]). «Общинность» извѣстна и звѣроловамъ сѣвернаго Поморья: они устраиваютъ на общія средства «общественные» станы (рыбачьи жилья съ припасами) и кушни (общественныя хижины на ловчихъ путяхъ), колодцы и пр.[2]). И калмыцкіе базы и другія степныя заведенія могли бы устроиваться подобнымъ же образомъ (т. е. на общественныя средства цѣлыхъ улусовъ или родовъ). Вообще говоря, новая система надѣловъ, сама по себѣ, безъ радикальной перемѣны и улучше-

[1]) См. Левшина. III, 23. Гейнса Зап., 29.

[2]) См. Ефименко Сборн. юрид. обыч. Арханг. губ. 81—83

нія физическихъ условій степи, не можетъ уничтожить необходимость для степнаго скотовода приспособляться къ этимъ условіямъ (имѣть напр. въ отдѣльныхъ мѣстахъ пастбища лѣтнія и зимнія и пр.)[1]). Участковая система, введенная въ 1862 г., принесла бы сколько нибудь благотворные результаты, еслибы можно было основать ее на улучшеніи почвенныхъ и климатическихъ свойствъ степи, — сдѣлать ее одинаково плодородной, многоводной, защищенной (путемъ искуственнаго лѣсоводства) отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ и пр. Пока же эти условія существуютъ въ степи, до тѣхъ поръ мѣры, подобныя указаннымъ, будутъ имѣть лишь палліативный характеръ, принесутъ пользу немногимъ, привиллегированнымъ скотоводамъ, въ прямой ущербъ всей массѣ кочеваго населенія степи[2]).

Что касается самаго порядка передвиженій, или перегоновъ скота по улуснымъ полосамъ степныхъ урочищъ и угодій, то по этому вопросу калмыцкіе уставы даютъ лишь нѣкоторыя указанія, которыя мы дополнимъ данными, извлеченными изъ обычнаго права калмыковъ, производящихъ свои перекочевки по изстариннымъ народнымъ обычаямъ.

---

[1]) По замѣчанію Левшина, водвореніе степныхъ скотоводовъ на постоянныхъ надѣлахъ можетъ повести лишь къ одному результату: скотоводы должны будутъ имѣть двоякія жилья (зимнія и лѣтнія) или уменьшить свое скотоводство, — изъ состоянія богатыхъ пастуховъ перейти въ состояніе бѣдныхъ земледѣльцевъ. См. Опис. Кирг. ордъ, III, 27, 30.

[2]) Кумо Манычская экспедиція, констатируя хозяйственное значеніе физическихъ условій калм. степи, слѣдующимъ образомъ высказала полное осужденіе новой системы участковыхъ надѣловъ, вводимой въ замѣнъ обычнаго и приноровленнаго къ степнымъ условіямъ, поулуснаго распредѣленія степи: «при отсутствіи проточной воды, при изобиліи солончакопесчаныхъ розсыпей и при недостаткѣ пастбищъ, калм. степь представляетъ нѣкоторыя удобства для кочевыхъ калмыковъ, занимающихся исключительно скотоводствомъ. Болѣе правильныя начала хозяйства немыслимы здѣсь до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ улучшить физическія условія степи» — искуственнымъ орошеніемъ и луговодствомъ, удобреніемъ солонцоватой почвы и пр. (См. калм. степь, Ш, 155—159). Всѣ эти улучшенія, проэктированныя экспедиціей, остаются доселѣ лишь въ значеніи простыхъ pia desideria...

Не должно предполагать, по словамъ Небольсина, что «кочевка эта производится въ совершенно нераспутанный разбродъ и представляетъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности открыть основныя начала и правила: все, касающееся до кочевья калмыковъ, при небольшомъ вниманіи къ дѣлу, весьма легко усвоить, а постигнувъ укорененную временемъ и обычаями систему этой перекочевки, измѣняемую только вслѣдствіе особенныхъ топическихъ условій и сокращенія числа удобныхъ для кочеванья мѣстъ, почти всегда навѣрное можно сказать, гдѣ именно родъ или извѣстная часть его, въ данное время, занимаетъ степь своими кибитками . . . На посторонній взглядъ размѣщеніе это безпорядочно, но знакомый съ дѣломъ тотчасъ замѣтитъ, что на каждой отдѣльной мѣстности размѣстилась одна общая группа семей, издавна соединенныхъ вмѣстѣ единствомъ родства и единствомъ интересовъ»[1]). Подобно всѣмъ кочевымъ скотоводамъ, калмыки производятъ свое кочеванье по опредѣленнымъ, степнымъ «путямъ» и «полосамъ», намѣчаемымъ кочевниками въ районахъ ихъ родоваго кочевья отъ одного урочища къ другимъ, издавна находящимся въ пользованіи отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ. Пути и полосы такихъ перекочевокъ освящены временемъ и народнымъ обычаемъ; измѣненіе ихъ направленія и размѣровъ, безъ соображенія съ обычаями и нуждами народными, по замѣчанію изслѣдователей, знакомыхъ съ бытомъ кочевниковъ, водворило бы въ степи лишь одни насилія и безпорядки, безъ существенной пользы для дѣла[2]). Какъ видно изъ показаній Палласа, калмыцкія орды въ прошломъ вѣкѣ совершали свои перекочевки по общему, круговому пути[3]). Затѣмъ, съ распредѣленіемъ степи

---

[1]) Биб. д. чт. 1852. № 5, стр. 49—51.

[2]) Гейнса Зап. 28.

[3]) Калмыки, кочевавшіе между Дономъ и Волгою, проводили зиму въ южныхъ частямъ степи, затѣмъ съ наступленіемъ весны подвигались на западъ и сѣверъ къ Дону и Сарпѣ, лѣто проводили въ верхнихъ частяхъ Дона, откуда перекочевывали на востокъ къ Волгѣ, осень проводили въ ея низменностяхъ и наконецъ въ ноябрѣ приближались къ своимъ старымъ зимовкамъ.

на отдѣльныя улусныя полосы, каждый улусъ кочуетъ по особымъ путямъ, въ предѣлахъ улусныхъ полосъ[1]). Для избѣжанія споровъ между однородцами, кочующими въ одномъ направленіи и въ предѣлахъ одной кочевой полосы, обычное право обязываетъ каждый родовой союзъ держаться своихъ кочевыхъ путей, усвоенныхъ каждому роду обычаемъ и взаимнымъ соглашеніемъ родоправителей. По Зинз. уложенію каждый долженъ кочевать въ своемъ родѣ — сотнѣ, сорока и десяткѣ; отдаляться кочевьемъ отъ рода значитъ, по уложенію, «кочевать кривыми путями» — отклоняться отъ родовыхъ путей, съ вторженіемъ въ кочевые интересы сосѣднихъ родовъ. Откочевки, какъ мы видѣли, строго запрещавшіяся уставомъ 1640 г. и Зинз. уложеніемъ, и состояли въ кочеваньи по необычнымъ, «кривымъ» путямъ, съ болѣе или менѣе значительными отклоненіями отъ родовыхъ путей[2]).

Территоріальные размѣры и величина пространствъ, проходимыхъ во время ежегодныхъ перекочевокъ, или такъ назыв. «размахи» кочевыхъ путей, опредѣляются, съ одной стороны физическими условіями степи, т. е. плодородіемъ почвы и водоснабженіемъ, съ другой — количествомъ стадъ, перегоняемыхъ по кочевымъ путямъ отъ одного урочища къ другому. Можно принять за общее правило, что каждый родъ проходитъ

Такой же круговый путь совершала орда, кочевавшая на луговой сторонѣ Волги (Палл. Saml. I. 122—123.

[1]) Небольсина, въ Библ. CXIII, № 5, стр. 50—57. Калм. степь, 98—99.

[2]) «Отклоняться въ значительной степени отъ родовыхъ путей нельзя, потому что иначе будетъ потравленъ кормъ на кочевьяхъ, принадлежащихъ другому роду. Тогда аулы (калм. хотоны), принадлежащіе къ этому послѣднему роду, не будучи въ состояніи прокормить свои стада на потравленныхъ мѣстахъ, въ свою очередь принуждены будутъ перегнать стада на чужія лѣтовки, т. е. вытравить ихъ и вытѣснить оттуда третій родъ и т. д. Потому даже небольшое отклоненіе отъ своихъ кочевыхъ путей приводитъ къ дракамъ, кровопролитію и гибели скота въ огромныхъ размѣрахъ». См. Гейнса Зап. 24.

съ своими стадами такое пространство кочевыхъ путей, какое необходимо для прокормленія скота. Чѣмъ больше скотоводъ имѣетъ скота и чѣмъ менѣе хорошаго подножнаго корма на его родовыхъ путяхъ, тѣмъ больше онъ долженъ углубляться въ степь и тѣмъ шире дѣлать кочевые «размахи» (простирающіеся иногда отъ 25 до 300 и болѣе верстъ), чтобы скотъ могъ «нагуляться» въ степи, т. е. откормиться и легче переносить трудное для стадъ, зимнее время[1]).

Направленіе кочеваній по родовымъ путямъ опредѣляется, по обычаю, движеніемъ главной ставки, дающей общее направленіе зависящимъ отъ нея родовымъ союзамъ. Поднимаясь съ зимнихъ стойбищъ, калмыки начинаютъ свое кочеванье, подвигаясь всегда въ внутрь степей, по путямъ, идущимъ въ противоположныя зимнему кочевью стороны[2]) Вообще говоря, направленіе кочевыхъ путей регулируется прежде всего распредѣленіемъ въ степи пастбищныхъ урочишъ и группъ худуковъ (копаней). Перекочевка состоитъ въ перегонѣ скота по степи, въ направленіи отъ одного пастбища или худука къ другому; вытравивъ кормъ въ одномъ урочищѣ, скотоводъ переходитъ въ другое мѣсто и т. д.[3]). Затѣмъ, кромѣ распредѣленія въ степи урочищъ и худуковъ, кочеванье по степнымъ путямъ регулируется условіями климатическими; сообразно съ такими условіями перекочевки разбиваются на извѣстные періоды, въ теченіе которыхъ скотоводъ держится на опредѣленныхъ мѣстахъ. На этомъ основаніи у калмыковъ, какъ и у

---

[1]) См. Нефедьева о волж. Калм. 110. Небольсина, въ Библ. CXII, № 5, стр. 49, 53, 55, 56. Рѣзкія различія въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ киргизской степи требуютъ отъ скотоводовъ большихъ размаховъ. Средніе размѣры ежегодныхъ перекочеваній южныхъ киргизовъ составляютъ отъ 600 до 800 верстъ. Иргизскіе киргизы описываютъ въ своихъ кочеваньяхъ большія кривыя,—нѣкоторые изъ нихъ откочевываютъ ежегодно на сѣверъ за 1000 и болѣе верстъ. См. Гейнса, 21—22, 24.

[2]) Нефедьева, 115—116.

[3]) См. Костенкова о калм. 109.

другихъ кочевыхъ народовъ, установились системы періодическихъ кочевокъ — весеннихъ, лѣтнихъ, осеннихъ и зимнихъ.

По издавна установившемуся у калмыковъ обычаю, сезонъ ихъ кочеванія открывается весной[1]) и обыкновенно совпадаетъ съ главнымъ праздникомъ калмыковъ — новымъ годомъ («Цаганъ-сара», бѣлый мѣсяцъ). Прежде калмыки поднимались съ зимнихъ стойбищъ уже въ первыхъ числахъ февраля[2]); теперь кочевой сезонъ начинается нѣсколько позже — въ концѣ февраля или даже въ началѣ марта[3]). Предварительно подъема съ зимнихъ стойбищъ, производится, по изстариннымъ обычаямъ, развѣдка мѣстъ, куда должно направляться кочеванье. У калмыковъ обычай этотъ существовалъ еще во время пребыванія ихъ въ среднеазіатскихъ степяхъ: Хоурлукъ, предъ перекочевкой въ русскія степи, посылалъ соглядатаевъ и передовыхъ для развѣдки мѣстностей по р. Эмбѣ, Яику и Волгѣ[4]). Такой же обычай развѣдокъ мѣстъ кочевья чрезъ передовыхъ дозорщиковъ существовалъ у калмыковъ еще въ прошломъ вѣкѣ[5]) Послѣ распредѣленія степи въ нынѣшнемъ столѣтіи на улусныя полосы, одноулусники, постоянно кочуя на однихъ мѣстахъ, ближе познакомились съ условіями своего кочевья; почему теперь, повидимому, вовсе вышелъ изъ употребленія обычай предварительныхъ развѣдокъ и посылки со-

---

[1]) О весеннихъ кочевкахъ см. Палласа Saml. I, 122—123. Неѳедьева о волж. калм. 112—116. Н. З—въ о ставроп. калм., въ От. Зап. 1844, т. 35. Небольсина о хоушоут. калм., въ Биб. д. чт. CXIII, № 5, стр. 50—53, № 6, 120. Калм. степь, III, 78. Костенкова о калм. 109.

[2]) Неѳедьева, 112, 116.

[3]) Костенкова о калм. 109. Калмыки ставропольскіе, кочующіе сѣвернѣе астраханскихъ, уходятъ съ зимовокъ въ степь еще позже — въ половинѣ или концѣ марта. См. От. Зап. 1844, т. 35.

[4]) Небольсина. въ Биб. CXIII, № 7, стр. 4.

[5]) По словамъ Палласа, если калмыцкая орда поднималась съ своихъ стойбищъ, то предварительно посылали впередъ дозорщиковъ, для избранія лучшихъ мѣстъ для ставки хана и нойоновъ, ламы и пр. См. Saml. I. 124.

глядатаевъ; по крайней мѣрѣ по этому предмету нѣтъ никакихъ указаній въ источникахъ[1]). Время подъема съ стойбищъ въ старину объявлялось чрезъ особыхъ вѣстовщиковъ (глашатаевъ); въ настоящее время объявленіе о снятіи съ кочевья дѣлается родоправителями (владѣльцами) особыми знаками, напр. воткнутой близь владѣльческой ставки пикой и пр.[2]). Уставъ 1640 г. требуетъ, чтобы при откочевкѣ не оставлять огонь на мѣстѣ, съ котораго улусъ покочуетъ; кто, послѣ ухода послѣдняго, во время потушитъ огонь и этимъ предупредитъ распространеніе степнаго пожара, тому полагается опредѣленная плата (ст. 80). Съ момента поднятія кочевниковъ съ зимнихъ стойбищъ начинается для нихъ сезонъ постоянныхъ кочеваній, или перегоновъ скота по степнымъ урочищамъ. Въ теченіе весенней кочевки скотоводы постепенно переходятъ съ зимовокъ на лѣтнія кочевья, совершая медленно движеніе по степи отъ одного пастбища или худука къ другому, смотря по количеству подножнаго корма и водопоя. Къ концу апрѣля или въ началѣ мая калмыки находятся уже на лѣтовкахъ[3]). Въ улусахъ, для которыхъ отведены отдѣльныя мѣста для лѣтняго и зимняго кочевья (напр. хошоутовскій улусъ имѣетъ зимовку въ степи на нагорной сторонѣ Волги, а лѣтовку на луговой, лѣвой), весенняя перекочевка на лѣтнія стойбища производится безостановочно, пока скотоводы не проникнутъ

---

[1]) Обычай развѣдокъ сохраняется у киргизъ. Развѣдки производятъ у нихъ «кушбащи» — вожаки, имѣющіеся въ каждомъ аулѣ (калм. хотонѣ). Путемъ развѣдокъ кушбащи дастъ направленіе перекочевкѣ своего аула, руководясь обычными правилами кочеванья по путямъ и полосамъ, въ предѣлахъ которыхъ каждый родъ имѣетъ право кочевать. По обычному праву вожакъ, выбравъ мѣсто для кочевья своего рода, обязанъ поставить на немъ условный знакъ, а если этого нельзя, то начертить на землѣ родовую тамгу. См. Гейнса Зап. 23. Ср. Небольсина, въ Биб. CXIII, № 7, стр. 4.

[2]) Палласа Saml. I. 124. Неѳедьева, 112.

[3]) Калм. степь, III, 98. Костенкова о калм. 109.

въ глубь степи, на принадлежащія имъ мѣста лѣтовокъ, гдѣ они и раскидываются по отдѣльнымъ урочищамъ[1]).

Для лѣтняго кочевья избираются всегда сѣверныя части улусныхъ полосъ, идущія по урочищамъ въ срединѣ степи. Какъ на стойбищахъ, такъ и во время перекочевокъ, скотоводы-однородцы всегда держатся вмѣстѣ, по сосѣдству, не отставая другъ отъ друга, но и не смѣшиваясь кочевьями[2]). Все кочевье, покрытое кибитками однородцевъ, кочующихъ по сосѣдству, называется «таборомъ»[3]). Таборъ одноулусниковъ кочуетъ въ томъ же улусно-родовомъ строѣ, на какой мы указывали, говоря объ организаціи улусовъ по военно-дружинному началу. Каждый таборъ имѣетъ свой общій центръ, которымъ служитъ главная или владѣльческая ставка (эргё)[4]); затѣмъ располагаются кочевья правыхъ и лѣвыхъ родовыхъ группъ, подобно тому, какъ и въ хотонѣ въ обѣ стороны отъ главной (родительской) кибитки идутъ хоши остальныхъ родичей. Какъ самые роды, по мѣрѣ развѣтвленія родовыхъ линій, все болѣе и болѣе развѣтвляются, распадаясь на отдѣльныя одноулусныя группы, такъ и ихъ таборы развѣтвляются и расходятся въ стороны по отдѣльнымъ кочевымъ группамъ; болѣе отдаленные родичи обособляются въ свои таборы, кочующіе въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главныхъ центровъ улуснаго кочевья. Всѣ такія однородныя и одноулусныя группы въ территоріальномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое, занимаютъ своими кочевьями данную степную полосу, передвигаясь въ ней по опредѣленнымъ родовымъ путямъ и стойбищамъ.

Центральное мѣсто въ таборѣ занимаетъ владѣльческая ставка (лѣтняя и зимняя), съ находящимися при ней хуруломъ,

---

[1]) Небольсина, въ Биб. CXIII, № 5, стр. 51 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 55, 56.

[3]) Тамъ же, стр 47.

[4]) Въ казенныхъ улусахъ центральное мѣсто кочевья составляетъ «хурд»—хурульная ставка. См. Небольсина, № 5, стр. 47. Неѳедьева, 110.

базаромъ и улуснымъ управленіемъ[1]). Мѣста, предназначенныя для кочевья владѣльческой ставки, по калмыцкому праву, никто изъ постороннихъ не можетъ ни занимать стойбищемъ, ни стравливать скотомъ, ни охотиться на нихъ. Всѣ эти мѣста считаются «запрещенными», наравнѣ съ мѣстами, предназначенными для кочевья хуруловъ,—за нарушеніе изложеннаго правила полагается въ Зинз. уложеніи опредѣленный штрафъ (ст. 17, 19, 34)[2]). Въ обѣ стороны отъ центральной ставки владѣльца располагаются по кочевьямъ стойбища родовыхъ частей улуса. Какъ уже замѣчено, роды кочуютъ совмѣстно съ своими отдѣленіями по группамъ родственныхъ хотоновъ и кибитокъ[3]), не сомкнутой массой, а нѣсколько въ разбродъ, чтобы дать больше простора своимъ стадамъ. Роды и аймаки разбиваются по мѣстнымъ удобствамъ на нѣсколько частей: «въ одномъ мѣстѣ виднѣется только одна кибитка, въ другомъ ихъ выставленъ десятокъ, въ третьемъ куча кибитокъ огородилась въ правильный хотонъ»[4]).Болѣе сплоченный видъ имѣютъ кочевыя группы у ставропольскихъ калмыковъ, составляющихъ больше-дербетовскій улусъ: поселенные въ 1744 г. на сравнительно небольшомъ кочевьѣ, они въ настоящее время разбиваются на 18 хотоновъ[5]), каждый въ составѣ отъ 13 кибитокъ до 200 (хотонъ Бадьмы Намжинова) и даже до 447 киб. (хотонъ Малзы Санджинова); такъ что каждый хотонъ, по своему

[1]) Нефедьева, 110. Небольсина, № 5, стр. 47. Ср. Палласа. Saml. I, 122.

[2]) См. Палласа Saml. I, 122.

[3]) Такъ, у хошоутовъ нѣкоторые роды (напр. Керетъ), кочевавшіе прежде нераздѣльно, теперь съ разростаніемъ разбиваются на кочевьяхъ въ нѣсколько отдѣльныхъ группъ, кочующихъ обыкновенно по сосѣдству. См. Небольсина, № 5, стр. 50.

[4]) Тамъ же, стр. 51.

[5]) Нѣсколько хотоновъ составляетъ одинъ родъ; напр. родъ Икитуктуновъ разбитъ на 4 хотона. Но есть хотоны, изъ коихъ каждый числится отдѣльнымъ родомъ.

составу, представляетъ довольно значительный, кочевой поселокъ[1]).

Сезонъ кочеванія по степнымъ урочищамъ и худукамъ внѣ зимнихъ стоянокъ обыкновенно длится съ февраля до половины ноября, когда скотоводы возвращаются снова на свои зимовки. Во время перекочевокъ калмыки останавливаются на лѣтнихъ стойбищахъ обыкновенно на короткое время, пока не вытравятъ кормовъ въ избранномъ мѣстѣ; затѣмъ кочевья перебираются на другія урочища, вездѣ отыскивая подножный кормъ и худуки для скота[2]). Съ наступленіемъ осени, въ теченіи августа и сентября, скотоводы приближаются къ своимъ зимовкамъ, по тѣмъ же путямъ, по какимъ они шли въ началѣ кочеваго сезона къ лѣтнимъ кочевьямъ, находя снова кормъ на мѣстахъ, потравленныхъ весной. Кочуя лѣтомъ на сосѣднихъ урочищахъ, одноулусные роды скотоводовъ одновременно снимаются съ лѣтнихъ стойбищъ и перекочевываютъ на зимовки тѣмъ же порядкомъ, въ какомъ шли и на лѣтовки[3]).

Зимовки избираются обыкновенно въ южныхъ мѣстахъ степи и по побережьямъ Каспія и Волги, въ низменностяхъ, защищенныхъ отъ зимнихъ стужъ зарослями и пр. Большин-

---

[1]) Ставропольскихъ калмыковъ числится теперь до 10 тысячъ (въ 1744 г. переведено было въ Ставрополь до 3 тыс. крещенныхъ калмыковъ) душъ, сгруппированныхъ въ 1759 кибитокъ. См. Списокъ населенныхъ мѣстъ по Ставроп. губ., изд. Ставр. губ стат. комит. по свѣдѣніямъ за 1873 годъ, вып. VI, стр. 54, 107.

[2]) Нефедьева, 112, 115. Костенкова о калм. 109.

[3]) Палласа I. 123. Небольсина № 5, стр. 53. Костенкова, 110. Тѣже порядки соблюдаются и у киргизъ при осеннихъ откочевкахъ. «Возвращаются южные киргизы на зимовки съ тѣмъ расчетомъ, чтобы прогнать стада чрезъ безплодную степь во время дождей и пониженія температуры, т. е. когда на ней снова появится трава. Всѣ киргизы вообще, приближаясь къ зимовкамъ, не пускаютъ свой скотъ на тѣ мѣста, которыя предназначаются для его прокормленія зимой. До снѣга они держатъ стада на осеннемъ стойбищѣ; когда же наступаетъ полная зима и снѣгъ станетъ довольно глубокъ, все кирг. хозяйство передвигается на зимнее стойбище» См. Гейнса Зап. 24.

ство скотоводовъ остается на зимнихъ стойбищахъ безъ передвиженій; но есть роды, обладающіе большими стадами, которые и зимой не перестаютъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, по лѣтнему обычаю, раскидываясь съ своими кибитками и стадами по степнымъ пастбищамъ и худукамъ. На зимовкахъ калмыки остаются въ теченіе зимнихъ мѣсяцовъ (съ ноября до февраля) до наступленія весны, когда опять по всей степи начинаются кочевыя передвиженія скотоводовъ[1]).

Такъ изъ года въ годъ идетъ кочевая жизнь степнаго скотовода-калмыка, періодически перегоняющаго свои стада по мало производительной степи, въ видахъ прокормленія и охраны скота, составляющаго для кочевника исключительный источникъ его благосостоянія и богатства. Но чуть только по какому либо несчастному случаю гибнетъ стадо (въ зимнія бури или шурганы, также вслѣдствіе хищническихъ отгоновъ, падежей и пр.), калмыкъ изъ обезпеченнаго и богатаго скотовода-кочевника превращается въ «байгучи», и вовсе выходитъ изъ степи: для него нѣтъ больше надобности совершать со своими однородцами обычныя передвиженія по степи. Эти «убогіе» калмыки снискиваютъ для себя и своей семьи пропитаніе, нанимаясь, съ дозволенія владѣльцевъ, въ работы на рыбныхъ ловляхъ и пр. Средину между байгучами, вовсе выходящими изъ степи, и полными скотоводами, углубляющимися въ нее и совершающими всѣ изложенныя операціи кочеваго быта, занимаютъ калмыки «сидячіе», тоже обѣднѣвшіе, не вовсе лишившіеся скота, но не имѣющіе его на столько, чтобы нужно было далеко углубляться въ степь, подобно другимъ однородцамъ, обладающимъ большими стадами. Такіе калмыки «отстаютъ» на кочевыхъ путяхъ, обыкновенно кочуютъ вблизи зимнихъ стойбищъ или же по рѣчнымъ побережьямъ (Волги и пр.), чтобы восполнять свое скудное степное хозяйство дру-

---

[1]) См. Палласа Saml. I. 128, 126. Неѳедьева, 115. Небольсина, № 5, стр. 52. Калм. степь, III, 98. Костенкова о калм. 110

гими промыслами, главнымъ образомъ рыболовствомъ. «Сидячіе» калмыки встрѣчаются въ особенности въ хошоутовскомъ улусѣ: большинство его родовъ слагается изъ двухъ группъ— исключительно скотоводовъ, кочующихъ въ глубинѣ степи круглый годъ, и обѣднѣвшихъ, «сидячихъ» рыболововъ, снискивающихъ себѣ пропитаніе на волжскихъ рыболовныхъ ватагахъ. Обыкновенно они кочуютъ по рѣчнымъ островамъ и побережьямъ, нерѣдко оставаясь на одномъ мѣстѣ въ теченіе всего сезона обычныхъ кочеваній степняковъ[1]). Словомъ, у калмыковъ повторяется тоже самое явленіе, какое имѣетъ мѣсто въ быту всѣхъ кочевыхъ скотоводовъ: роды, ихъ части и отдѣльные индивиды, не обладающіе значительными стадами, постепенно отстаютъ отъ своихъ однородцевъ, углубляющихся въ степь на далекія пространства, и наконецъ вовсе выходятъ изъ степи, обращаются въ «убогихъ людей», байгучей[2]). Этотъ-то классъ байгучей и сидячихъ калмыковъ, по бѣдности отставшихъ отъ своихъ родовъ и снискивавшихъ для себя пропитаніе «кривыми» (т. е. не обычными въ степи) путями, и имѣютъ въ виду старый уставъ 1640 и Зинз. уложеніе, изложившія ученіе о призрѣніи и пропитаніи людей убогихъ (уст. 1640 г. ст. 151—154; Зинз. улож. 126). Пропитаніе убогихъ, предоставленіе имъ средствъ и возможности снова войти въ составъ своихъ родовъ, не отставать на кочевыхъ путяхъ и не обращаться въ бѣдняковъ, — все это составляетъ по калмыцкому праву одну изъ характерныхъ общественныхъ повинностей родовыхъ союзовъ, обязанныхъ въ собственныхъ родовыхъ интересахъ не допускать въ своей средѣ развитія байгучества и «сидячей» бѣдности—этихъ первичныхъ формъ

---

[1]) См. Небольсина, № 5, стр. 50—57; № 7, стр. 36. Нѣкоторые изъ такихъ бѣдняковъ (именно изъ первой группы рода Еркетенъ въ Хошоут. улусѣ) были доведены до необходимости вовсе бросить кочевую жизнь и поселиться въ особой деревушкѣ (Половинка). См. указан. статью Небольсина.

[2]) См. Гейкса Зап. 24.

народнаго пролетаріата, какъ онъ развивается и существуетъ у всѣхъ кочевниковъ родоваго типа[1]).

Таковы формы кочеваго быта калмыковъ. Какъ замѣчено выше, кочеванье нельзя считать безцѣльнымъ шатаньемъ степняковъ по ихъ родовымъ путямъ и урочищамъ. Возникнувъ изъ условій всей ихъ общественной жизни, кочеванье затѣмъ и находило постоянную поддержку въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ и въ особенности въ условіяхъ хозяйственной культуры. Кочеванье изстари существовало и доселѣ существуетъ у калмыковъ, какъ и у всѣхъ степныхъ народовъ, преимущественно въ видахъ развитія и поддержанія единственно возможной и доступной въ степи хозяйственной формы — *скотоводства*, т. е. содержанія и охраны, береженья стадъ и табуновъ: ради удобствъ ихъ прокормленія степнякъ-калмыкъ изстари ведетъ кочевую жизнь. Основныя начала этой-то хозяйственной формы, развившейся на кочевой почвѣ, и нормируются калмыцкими уставами, обрисовывающими въ существенныхъ чертахъ весь оригинальный складъ хозяйственнаго быта калмыковъ. Въ этомъ отношеніи ойратскій уставъ 1640 г. и Зинзилинское уложеніе могутъ быть съ полнымъ правомъ названы памятниками исключительно кочевой хозяйственной культуры, какъ она вообще развивается въ бродячемъ быту степняковъ-скотоводовъ. Скотоводство да охота — главныя и, можно

---

[1]) Тѣже начала родоваго призрѣнія существуютъ въ обычномъ правѣ другихъ кочевниковъ монгольскаго корня, напр у бурятъ (см. Щапова объ улусной общинѣ, 131). Изслѣдователи быта киргизовъ также находятъ въ ихъ обычномъ правѣ институтъ родоваго призрѣнія, сходный съ такимъ же институтомъ по калмыцкому праву. «Киргизы смотрятъ на состояніе богача—родственника, какъ на общественное достояніе. Вспомоществованіе бѣднымъ родственникамъ до 14-го колѣна включительно (джилу) есть обязанность богатаго человѣка, требуемая отъ него обычаями, особенно въ несчастные года. Отъ богатаго родственника бѣдные киргизы пользуются скотомъ не только для собиранія скопомъ, но и для ѣзды и перевозки тяжестей во время кочеваній.» См. Гейнса Зап. 16.

сказать, исключительныя отрасли степнаго хозяйства, о которыхъ трактуютъ калмыцкіе законы; о хозяйственныхъ формахъ, свойственныхъ земледѣльческой культурѣ, нѣтъ и намека въ калмыцкихъ уставахъ. Въ нихъ все вертится только около стадъ и табуновъ, — все сводится къ интересамъ степнаго хозяйства. Калмыцкіе уставы XVII—XIX вѣковъ являются, такимъ образомъ, вполнѣ типическими представителями степной культуры кочевниковъ; въ нихъ записаны нерѣдко до подробностей народные хозяйственные обычаи, въ особенности же касательно охраны и береженья стадъ отъ расхищенія со стороны людей и хищныхъ животныхъ, какъ и отъ убыли подъ вліяніемъ силъ физической природы (степныхъ бурь или шурановъ, пожаровъ и пр.).

Уже не разъ замѣчено нами, что скотоводство — единственная отрасль степнаго хозяйства, которая по мѣстнымъ условіямъ можетъ служить для калмыковъ источникомъ племеннаго богатства. Въ силу такого исключительнаго своего значенія, скотоводство необходимо должно вестись въ степи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, громадные штрафы скотомъ (не только на десятки, но и сотни и тысячи штукъ), установленные старымъ ойратскимъ уставомъ, ясно указываютъ на то, что степное хозяйство ойратовъ велось въ XVII вѣкѣ на весьма широкую ногу. У теперешнихъ калмыковъ значительно съузились размѣры степнаго хозяйства; но и у нихъ бытовыя условія опредѣляютъ извѣстную хозяйственную норму, ниже которой скотоводъ считается уже бѣднякомъ. По словамъ Палласа, стада составляютъ главное богатство калмыковъ и числятся у нихъ сотнями и тысячами. «Лишь тотъ считается у нихъ человѣкомъ, могущимъ существовать самостоятельно, кто можетъ владѣть десяткомъ коровъ съ однимъ быкомъ и восемью кобылами съ жеребцомъ»[1]). При степномъ хозяйствѣ, стоящемъ ниже этой нормы, калмыкъ уже не

[1]) Палл. Saml. I, 116.

въ состояніи идти рядомъ съ болѣе зажиточными однородцами и потому отстаетъ отъ нихъ, выходитъ «изъ степи», а слѣдов. и изъ родоваго союза. Но, съ другой стороны, во всей обстановкѣ степнаго быта есть цѣлый рядъ условій (почвенныя и климатическія свойства степи, хищничество и пр.), мѣшающихъ надлежащему развитію степнаго хозяйства калмыковъ, — условій, въ силу которыхъ оно никогда не могло сдѣлаться у степняковъ прочною гарантіей народнаго благосостоянія. Если прибавимъ къ этому строго консервативный, неподвижный характеръ всего быта степныхъ кочевниковъ, то намъ будетъ вполнѣ понятенъ отзывъ очевидцевъ, близко знакомыхъ съ условіями калмыцкаго хозяйства: «хозяйство это, какъ велось 200 лѣтъ назадъ, такъ ведется и нынѣ, — ни по улучшенію, ни по сбереженію стадъ, калмыки до сихъ поръ не сдѣлали ни одного шага впередъ»[1]). И такимъ именно консерватизмомъ отличаются тѣ хозяйственныя формы, какія констатируются въ калмыцкихъ уставахъ 1640 и 1822 годовъ: уставы въ этомъ отношеніи не даютъ собственно ничего новаго, что̀ изстари не существовало бы въ народныхъ обычаяхъ, и что̀ вносило бы «улучшеніе» въ такой жизненный для степняковъ вопросъ, какъ сбереженіе и охрана ихъ стадъ. Мы разсмотримъ здѣсь развитыя калмыцкимъ правомъ, обычно-правовыя нормы степнаго хозяйства, въ особенности же касательно главнаго вопроса, стоящаго въ калмыцкихъ уставахъ на первомъ планѣ, именно вопроса объ охранѣ и береженьи стадъ отъ расхищенія и убыли подъ вліяніемъ разнообразныхъ хищническихъ условій степнаго быта кочевниковъ.

Главныя статьи степнаго хозяйства калмыковъ, какъ и другихъ восточныхъ инородцевъ, составляютъ стада и табуны верблюдовъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ[2]). Скотъ для

---

[1]) Калмыцк. степь, III, 124.

[2]) Конскіе табуны, по обычаю, дѣлятся на «косяки» — изъ опредѣленнаго числа кобылицъ съ жеребцомъ, приблизительно къ нормѣ самостоятельнаго хозяйства, на какую указываетъ Палласъ (см. выше). Въ уставѣ 1640

кочеваго степняка составляетъ все: безъ него онъ не сдѣлаетъ шагу; это необходимое подспорье во всѣхъ сферахъ степнаго обыхода кочевниковъ. Только подъ условіемъ обладанія громадными конскими табунами старые монголы могли совершать свои хищническія предпріятія и передвиженія,—только многочисленные табуны давали монголамъ возможность являться въ роли воиновъ-хищниковъ, производившихъ быстрые военные набѣги на сосѣднія племена. Стада и табуны даютъ доселѣ кочевникамъ главную рабочую силу, приспособленную къ передвиженіямъ подвижныхъ юртъ и всего скарба кочевниковъ по безконечнымъ степнымъ путямъ. Стада нужны для степняковъ, не только въ видахъ хищничества и кочевыхъ передвиженій, но и какъ источникъ, дающій для нихъ пищу[1]), одежду и другія вещи, необходимыя для домашняго обыхода[2]), и какъ исключительный предметъ степной торговли (продажи скота, шкуръ, шерсти и пр.). Мало того: какъ видно изъ стараго ойратскаго устава, всѣ финансовыя и тягловыя операціи велись у ойратовъ на счетъ скота, замѣнявшаго у нихъ денежныя платежныя единицы. Скотъ былъ главнымъ предметомъ всѣхъ сборовъ на содержаніе родоправителей (см. уст. 1640, ст. 38 и друг.); скотомъ же исключительно оплачивались громадные штрафы по преступленіямъ. Штрафы и другіе судебные пла-

---

года перечисляются всѣ главные роды калм. скота — верблюды, лошади, рогатый скотъ, овцы и козы (ст. 89, 135 и пр.)

[1]) До какой степени обычное право монголовъ регламентируетъ ихъ степное хозяйство, показываетъ древняя «яса» XIII в., въ одномъ изъ фрагментовъ (именно 8) которой такъ опредѣляется способъ приготовленія въ пищу: «когда хотятъ ѣсть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умретъ, и тогда можно ѣсть мясо его; но если кто зарѣжетъ животное, какъ рѣжутъ мусульмане, того зарѣзать самаго.» См. мое соч — Др. монг. — калм. уст. 191.

[2]) Въ уставѣ 1640 г. (ст. 135 и др.) упоминается цѣлый рядъ подобныхъ вещей. арканъ (веревка изъ конскаго волоса и овечьей шерсти), узда ремянная, жилы, кожаный кубикъ, пахвы ременныя, попона, овчина, козлина, мерлушка, войлочная епанча (бурка) и пр. Ср. Костенкова о калм. 127.

тежи и пошлины падали всегда на степное хозяйство калмыка, нерѣдко разоряя его почти въ такой же степени, какъ и хищничество и другія причины расхищенія степныхъ стадъ и табуновъ[1]).

При такомъ бытовомъ значеніи стадъ, какъ исключительной статьи степнаго хозяйства калмыковъ, понятно само собою, что разведеніе и охрана скота во всѣхъ его видахъ составляютъ не одинъ индивидуальный интересъ того или другаго лица, но общій, насущный интересъ цѣлыхъ родовыхъ союзовъ. Существованіе послѣднихъ, ихъ родовое значеніе и богатство, стоятъ въ неразрывной связи съ многочисленностію и благосостояніемъ ихъ стадъ, считающихся поэтому не столько индивидуальной «собственностію» лица, сколько родовымъ, общимъ «владѣніемъ» цѣлыхъ союзовъ родичей. Родовые старшины являются лишь «хозяевами» — распорядителями родовымъ стадомъ, сберегаемымъ на «потребу» всѣхъ родичей, живущихъ на одномъ, общемъ хозяйствѣ и «котлѣ».

Касательно *разведенія* стадъ калмыцкіе уставы даютъ указанія лишь на обычно-правовыя правила о принадлежности приплода «хозяину» скота и о знакахъ (тамга) укрѣпленія за нимъ права на владѣніе вновь нарождающимся или инымъ способомъ пріобрѣтаемымъ скотомъ.

Обычное право калмыковъ признаетъ за общее правило, что кому въ стадѣ принадлежитъ самецъ и самка, тотъ считается хозяиномъ и происшедшаго отъ нихъ *приплода*. Калмыцкіе уставы, цѣнящіе скотъ «непраздный» дороже гулящаго, постановляютъ, что, въ случаѣ кражи непразднаго скота, берется обыкновенный штрафъ, положенный вообще за скотскую кражу, но съ набавкой «за то, что во чревѣ будетъ послѣ февраля»

---

[1]) Тоже самое находимъ и у другихъ инородцевъ. У киргизовъ ханскіе сборы и штрафы (ханлыки, бійлыки, тогузы и пр.) разоряли не только отдѣльныхъ хозяевъ, но и нерѣдко цѣлые роды См. Гейнса Зап. 85.

(Zagansara, Hornungschein, весенній приплодъ, — см уст 1640 ст. 89; Зин. улож. 192 п. 8). При отдачѣ хозяину «отбылаго» (приблуднаго) скота до истеченія года со времени ухода его изъ хозяйскаго стада, хозяинъ получаетъ и приплодъ отъ отбылаго скота, но лишь въ половинномъ составѣ (половина удерживается какъ бы въ вознагражденіе за пожилое); но затѣмъ скотъ, пробывшій внѣ своего стада больше года и учинившій въ это время приплодъ отъ самцовъ новаго хозяина, отдается прежнему владѣльцу безъ всякаго приплода (уставъ 1640 ст. 149; Зинз. улож 167 п. 4)[1]).

Тамги — знаки укрѣпленія правъ хозяина на принадлежащій ему скотъ. О нихъ упоминается въ статьѣ ойратскаго устава о «прибыломъ» скотѣ, съ запрещеніемъ занявшему его полагать свое «клеймо» (Tamgà) на чужой скотъ (уст. 1640 ст. 91; Зинз. улож. 165). Введеніе родовыхъ знаковъ у монгольскихъ племенъ приписывается еще Чингису; по крайней мѣрѣ извѣстно, что при Чингизидахъ тамги были въ употребленіи въ монгольскихъ родахъ, и что, подчиняя себѣ сосѣднихъ кочевниковъ, старые монголы давали имъ родовыя тамги, для отличія родовъ другъ отъ друга[2]). Тамги употребляются, не только съ послѣдней цѣлью, но и для тавра, или клейменія скота, съ цѣлью различенія, что кому принадлежитъ. У теперешнихъ калмыковъ свои особыя тамги имѣютъ не только каждый родъ, но и всякій достаточный скотоводъ, для выжиганія клейма или тавра на лошадяхъ, верблюдахъ и рогатомъ скотѣ. По обычаю, молодой приплодъ таврятъ по достиженіи

---

[1]) Въ силу того начала, что кому принадлежитъ самецъ, тому отдается и приплодъ отъ него. Впрочемъ, уставъ по редакціи Палласа нѣсколько иначе формулируетъ вторую половину статьи: «приплодъ, появившійся въ это время чрезъ случку съ чужимъ жеребцомъ или быкомъ, остается у того, кто хранилъ скотъ, если число его не превышаетъ 2×9; а если больше, то изъ приплода можно требовать часть съ самкою» (см. Палл. ст 130).

[2]) См. мое соч. Др. монг.-калм. уст. 244. Ср. Биб. для чт. CXIII, № 5 стр. 37.

года, какъ и при покупкѣ взрослаго скота выжигаютъ родовую тамгу новаго хозяина[1]).

Къ числу главныхъ хозяйственныхъ операцій и заботъ кочевыхъ скотоводовъ принадлежитъ *прокормленіе* и уходъ за скотомъ во время перекочевокъ и на стойбищахъ. Древнее монгольское право ставило на счетъ родовыхъ вождей одно изъ главныхъ требованій — «не допускать войско терпѣть голодъ и жажду, а четвероногихъ — отощать»[2]). Дѣйствительно, необезпеченность средствъ прокормленія скота производитъ одно изъ тяжелыхъ бѣдствій въ степи — «безкормицу», нерѣдко являвшуюся причиной гибели скота цѣлыми стадами[3]). Накопленіе запасовъ кормовыхъ травъ, по крайней мѣрѣ на зимнихъ стойбищахъ, должно бы поэтому составлять одну изъ существенныхъ заботъ скотоводовъ. Но, какъ уже замѣчено, калмыки въ этомъ отношеніи доселѣ не подвинулись почти ни на шагъ впередъ, сравнительно съ ойратскими скотоводами XVII вѣка, едва ли также имѣвшими возможность заготовлять кормовые запасы для своихъ стадъ въ широкихъ размѣрахъ[4]). Все дѣло прокормленія скота издавна ограничивается у калмыковъ лишь держаніемъ его на постоянномъ подножномъ кор-

---

[1]) Тамгу выжигаютъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, обыкновенно на бедрѣ. Овецъ и другой мелкій скотъ таврятъ, дѣлая на животныхъ разныя замѣтки, въ видѣ ушныхъ надрѣзовъ и пр. Подобныя же тамги въ обычаѣ и у другихъ степныхъ инородцевъ. По старымъ киргизскимъ законамъ, всякое поколѣніе, родъ и отдѣленіе должны имѣть свою собственную тамгу для клейменія всего скота и имущества. См. От. Зап. 1846, № 8, стр. 99. Биб. д. ч. CXIII, № 5, стр. 37; № 7 стр. 34. Калм. степь III, 130, 137. Березина Очеркъ 49. Мое соч Др. монг. уст. 244, 247.

[2]) Мое соч. — Др. монг. уст. 197 п. д.

[3]) Калм. степь, III, 125.

[4]) По крайней мѣрѣ уставъ 1640 г. нигдѣ не упоминаетъ о кормовыхъ запасахъ, напр. о кражѣ или поджогѣ сѣна и пр., вѣроятно потому, что у среднеазіатскихъ ойратовъ въ его время и не было въ общемъ обычаѣ сѣнокошеніе.

му[1]), путемъ перегона стадъ съ одного пастбища на другое, въ предѣлахъ обычнаго кочевья родовыхъ союзовъ.

Наиболѣе существенный вопросъ, на который обращено все вниманіе составителей калмыцкихъ уставовъ въ дѣлѣ скотоводческой культуры, состоитъ въ нормированіи выработанныхъ народными обычаями мѣръ въ видахъ *охраненія* стадъ, какъ отъ хищничества самыхъ кочевниковъ и дикихъ звѣрей, такъ и отъ убыли вслѣдствіе вредныхъ вліяній климатическихъ (напр. степныхъ зимнихъ бурь или шургановъ) и другихъ причинъ, нерѣдко производящихъ разореніе и обнищаніе степнаго населенія на цѣлые десятки лѣтъ[2]). Всѣ эти мѣры, выработанныя въ давнее время ойратскими племенами путемъ бытовой практики въ среднеазіатскихъ степяхъ и затѣмъ записанныя ойратскими вождями въ уставѣ 1840 г., практикуются калмыками въ неизмѣнныхъ формахъ до нашихъ дней. Зинзилинское уложеніе лишь нѣсколько подробнѣе разъясняетъ старые, обычноправовые институты хозяйственной полиціи степи; самая же

---

[1]) Лишь въ улусахъ, кочевья которыхъ примыкаютъ къ побережнымъ займищамъ (мѣстностямъ, заливаемымъ рѣчными разливами), заготовляются болѣе значительными скотоводами запасы сѣна при худукахъ зимняго кочевья. (См. Библ. CXIII, № 7, стр 34—35) Но это далеко не общее правило въ безплодной калмыцкой степи, — большинство ея кочеваго населенія поставлено мѣстными условіями въ невозможность имѣть для скота кормовые запасы и потому держитъ его круглый годъ на подножномъ корму.

[2]) У калмыковъ ежегодно гибнетъ по нѣсколько тысячъ головъ отъ шургановъ, безкормицы, болѣзней и пр. Сохранились извѣстія даже чутъ не о поголовномъ разореніи, обнимавшемъ все кочевое населеніе степи. Въ суровую зиму, напр., 1798 г. отъ одной безкормицы и шургановъ калмыки потеряли болѣе полмилліона головъ скота; въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія рядъ суровыхъ зимъ снова отнялъ у калмыковъ почти половину стадъ. По замѣчаніямъ очевидцевъ, всю эту убыль въ стадахъ калмыки могутъ пополнять, при отсутствіи капиталовъ, лишь путемъ естественнаго приплода, или же прибѣгать къ хищническимъ средствамъ — къ обычной барантѣ, или отгонамъ скота, въ свою очередь отзывающимся не менѣе сильнымъ разореніемъ степнаго хозяйства цѣлыхъ родовъ, вмѣстѣ съ пониженіемъ общаго уровня народнаго благосостоянія въ степи. См. Калм. степь, Ш, 125.

сущность институтовъ остается вполнѣ вѣрной началамъ, развитымъ старымъ уставомъ ойратовъ. Въ этомъ случаѣ Зинз. уложеніе вполнѣ подтверждаетъ вѣрность изложеннаго выше наблюденія Кумо-Манычской экспедиціи о томъ, что калмыцкое хозяйство «какъ велось 200 лѣтъ назадъ, такъ ведется и нынѣ» и пр.

Охраненіе стадъ лежитъ на обязанности пастуховъ (Damall)[1]), упоминающихся въ ойратскомъ уставѣ (по сп. Палл. 21). Уставъ указываетъ также на случаи, когда стадо пасетъ самъ хозяинъ (ст. 61), какъ и на стада, пасущіяся въ степи безъ хозяина и пастуха (ст. 62). По современнымъ обычаямъ калмыковъ, особые пастухи имѣются лишь у зажиточныхъ скотоводовъ, держащихъ отдѣльно свои стада и табуны; большинство же степнаго населенія, состоящее изъ не богатыхъ скотоводовъ, держитъ общинныхъ пастуховъ, приставляемыхъ по найму однородцами къ общему стаду, въ которое сгоняется скотъ нѣсколькихъ сосѣднихъ хозяевъ, кочующихъ въ одномъ таборѣ [2]). Въ калмыцкихъ уставахъ нѣтъ точныхъ опредѣленій объ обязанностяхъ пастуховъ въ отношеніи къ уходу и охраненіи стадъ; судя впрочемъ по даннымъ, констатированнымъ въ «степныхъ законахъ» другихъ кочевыхъ инородцевъ, можно принять за общее правило, что пастухъ отвѣчаетъ только за убыль и всякій ущербъ въ стадѣ, происшедшій вслѣдствіе его «несмотрѣнія» [3]).

---

[1]) Дамалъ упоминается также въ степныхъ законахъ монголо-бурятъ, но съ значеніемъ родоправителя, сходнаго съ калмыцкимъ демчеемъ. См. Самоквасова Сборн. об. пр. Сиб. инор. 109, 145.

[2]) Калм. степь, III, 134, 137.

[3]) Такимъ образомъ, по киргизскому обычному праву, «кто наймется что либо стеречь, а оное у него покрадутъ, или скотина отъ болѣзни сдохнетъ, то долженъ о семъ въ тоже время объявить хозяину или стороннимъ людямъ, и тогда освобождается уже отъ взысканія; буде же не объявитъ, то платитъ искъ сполна; равнымъ образомъ, буде отъ несмотрѣнія сторожа утонетъ скотина въ тинѣ, въ водѣ или во рву, то также обязанъ платить,

Калмыцкое право различаетъ нѣсколько видовъ *расхищенія* и *убыли* стадъ. Рядомъ съ «хищничествомъ», совершаемымъ «съ умыслу» индивидовъ, стоитъ расхищеніе стадъ независимо отъ воли человѣка — расхищеніе дикими звѣрьми, убыль отъ шургановъ и пр. Хозяйственные интересы охраненія

что оная стоила; за раненную же отъ звѣрей и съѣденную никакого взысканія не полагается». (См. Самоквасова Сборн 275). Точно также по тунгусскому праву, кто обязался смотрѣть за чужимъ скотомъ, отвѣчаетъ если скотъ отлучится и затеряется и если хозяинъ скота не будетъ о томъ увѣдомленъ не дальше 3-хъ дней; если хозяинъ будетъ находиться въ отдаленности, то должно дать знать ближнимъ старшинамъ и «разгласить о сей потерѣ народу»; безъ такого разглашенія, платитъ за утраченный скотъ тотъ, кто обязался смотрѣтъ за нимъ (тамъ же 57). Особенно интересны обычаи найма пастуховъ у якутовъ, у которыхъ въ обычаѣ отдавать бѣднымъ свой скотъ для пастьбы. «Средство сіе даетъ способы первымъ (богатымъ) умножать скотоводство, послѣднимъ (бѣднымъ) на пропитаніе и оплачиваніе податей и повинностей. И такъ, богатые, въ томъ числѣ и русскіе разнаго званія люди, отдаютъ бѣднымъ и посредственнаго званія Якутамъ опредѣленное количество скота, а именно: отъ 10 до 40 штукъ одному семейству, на одинъ годъ, съ мая до мая же мѣсяца другаго года, за плату, условленную и взаимно соглашенную; напр., кто беретъ на содержаніе 20 скотинъ рогатаго, тому дѣлается плата деньгами 20 руб. на пропитаніе, въ число содержимаго имъ скота, 4 коровы дойныхъ, полагая удой оныхъ отъ 10 до 15 руб не въ счетъ содержимаго скота, одинъ быкъ для впреганія, полагая тѣло онаго отъ 3 до 5 руб.; за сію, а иногда и превосходящую плату, содержатель, именуемый *скотникомъ*, обязанъ лѣтомъ скотъ пасти, зимой кормить сѣномъ, заготовленнымъ на своихъ мѣстахъ, къ веснѣ вывести тучнымъ и здоровымъ; удой съ тельныхъ коровъ, исключая отданныхъ ему на пропитаніе, скопя въ маслѣ и кисломъ молокѣ, доставить хозяину скота, осенью въ октябрѣ мѣсяцѣ, скотъ сберегать отъ всякой гибели и траты, а въ противномъ случаѣ, за утерянную, украденную или инымъ какимъ образомъ погиблую скотину платитъ въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами, ограничиваясь одними случаями падежа отъ повѣтрія и натуральной болѣзни, а также и обнаруженіемъ вора, укравшаго скотину, ибо тогда платежъ производитъ воръ» (тамъ же, 237—238). По обычному праву вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, «нанявшіеся пасти оленей, въ случаѣ упадка, мясо употребляютъ въ пищу, а кожу отдаютъ хозяину; за небрежную утрату взыскивается часть или половина цѣны, съ лишеніемъ иногда довѣрія. Если для голода употребляется въ пищу нѣкоторое число скота, то оставляется безъ иска, но кожи хозяину возвращаются» (тамъ же 23).

стадъ регулируютъ систему штрафовъ за хищничество людей; въ видахъ же возмѣщенія имущественнаго вреда скотоводовъ и охраненія стадъ отъ гибели установляется калмыцкимъ правомъ система наградъ за спасеніе расхищаемаго скота, вмѣстѣ съ общей повинностью скотоводовъ помогать другъ другу въ бѣдѣ и съ другими мѣрами по охраненію и собиранію «отбылаго» скота и пр. Къ хищничеству, совершаемому людьми, отнесены калмыцкими уставами — умерщвленіе и истязаніе животныхъ, насильное присвоеніе и пользованіе чужимъ скотомъ, воровство и въ собственномъ смыслѣ хищничество, или отгонъ скота (баранта). Затѣмъ калмыцкое право установляетъ рядъ мѣръ на случай расхищенія стадъ дикими или бѣшенными животными, гибели ихъ во время степныхъ пожаровъ, также отъ утопанія въ «грязи» и водѣ, въ случаѣ утраты и гибели стадъ во время зимнихъ вьюгъ и урагановъ (шургановъ) и пр.

Умерщвленіе и *истязаніе* скота мотивируются какъ наказуемыя дѣянія, не только хозяйственными интересами, но и буддійскими религіозными воззрѣніями. Истязаніе и мученіе животныхъ вообще считаются дѣйствіями, «запрещенными» для послѣдователей буддійскаго ученія, съ его проповѣдью «состраданія» ко всему живому и въ особенности догматомъ (развитымъ донельзя у ламаитовъ) перерожденія и переселенія душъ (люди, не исполняющіе буддійскихъ обѣтовъ и догматовъ, осуждены къ переселенію душъ между прочимъ въ «безсмысленныхъ животныхъ») [1]). Умерщвленіе чужаго скота штрафуется калмыцкимъ правомъ различно, смотря по тому, про-

---

[1]) Пратимокша-Сутра относитъ къ числу 4-хъ смертныхъ грѣховъ (pârâjinâ) «посвященныхъ» преднамѣренное умертвленіе живыхъ существъ: «тотъ духовный, кто преднамѣренно умертвитъ живое существо, . . . отлучается и исключается отъ сожительства» (стр. 30, п. 3); если духовный умышленно лишитъ жизни живое существо, это pâcі» (стр. 48, п. 61). Тѣже правила обязательны для мірянъ—ламаитовъ въ дни «обѣтовъ» (въ посты, мацаки), — по Зинзил. уложенію, кто въ постный день убьетъ животное, того другой, заставшій на этомъ, долженъ побить, не нанося только на тѣлѣ

изведено ли оно «съ умыслу» (злодѣйствуя) или «по легкомыслію». Въ первомъ случаѣ проступокъ приравнивается къ кражѣ скота; во второмъ — хозяинъ скота получаетъ вознагражденіе (голова въ голову) и, кромѣ того, виновный штрафуется (лошадью) [1]). Въ уставѣ 1640 г. упоминается также изувѣченіе скота [2]).

Скотоводъ лишается, далѣе, возможности пользоваться скотомъ на свою «потребу» въ случаѣ *присвоенія* его другимъ, — если кто, «чужую скотину назвавъ своею, будетъ владѣть» (уст. 1640, ст. 119), «станетъ на томъ скотѣ ѣздить, положитъ свое клеймо, острижетъ» (91), «будетъ доить чей скотъ» (145) [3]) и пр. Зинз. уложеніе считаетъ вообще

знаковъ и безъ поврежденія членовъ, и взять себѣ убитое (ст. 148 и 150). Ульженіе хоринскихъ бурятъ запрещаетъ вообще духовнымъ убивать животныхъ (см. Самоквасова Сборн 107). О ламайскомъ догматѣ переселенія душъ въ «безсмысленныхъ животныхъ» въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу см. Бентковскаго Взглядъ на кочев культуру калмыковъ и причины ея живучести, 25, 29.

[1]) Уст. 1640 г. ст. 118, 128. Зинз. улож. 167, п 5 и 12. — По бурятскому праву, намѣренное изувѣченіе и умерщвленіе скотины наказывается лозами, съ возмездіемъ хозяина за убытокъ. См Самоквасова сборн. 97. Тоже правило встрѣчается въ старыхъ «степныхъ законахъ» тунгусовъ: «кто съ намѣреніемъ или по злости изувѣчитъ или убьетъ скотину, тотъ платитъ за убытки и наказывается тѣлесно». См. мое соч. Др. монг уст. 242, п. 6.

[2]) Нанесеніе ранъ лошади штрафуется верблюдомъ (ст. 80). По бурятскому праву, подлежитъ взысканію вредъ, наносимый чужой скотинѣ, если кто «нещадно погонитъ или начнетъ бить и оттого она погибнетъ или ушибется» (См. Самоквасова Сбор. 140, 159, 181). Точно также по обычаямъ тунгусовъ, вотяковъ, остяковъ и самоѣдовъ, всякій наказывается, кто изувѣчитъ или «приведетъ въ худобу» чужую скотину. См. тамъ же, 22, 56.

[3]) Уставъ 1640 г. дозволяетъ доить чужой скотъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, когда у верблюдицы верблюженокъ «померъ», кобыла отлучилась отъ жеребенка или корова отдѣлилась въ полѣ. См уст 1640, ст. 145. Зин. улож. 167 п 14. — Употребленіе въ работу и даже остриженіе «прибылаго» (приблуднаго) скота дозволяется послѣ того, какъ сдѣлано о приблудкахъ объявленіе установленнымъ порядкомъ. См. уст. 1640 ст. 91.

мошенничествомъ, если «кто, опознавши чужую скотину, назоветъ своею, возметъ и присвоитъ, и въ томъ окажется ошибка» (ст. 191). Во всѣхъ такихъ случаяхъ калмыцкое право установляетъ частные платежи, въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ владѣльцемъ скота [1]).

Особый видъ расхищенія стадъ составляетъ по калмыцкому праву *воровство*. Дѣло въ томъ, что бытовыя условія жизни калмыковъ такъ сложились, что воровство и другія формы хищничества практикуются у нихъ доселѣ, какъ дѣянія не особенно преступныя, къ которымъ они нерѣдко прибѣгаютъ въ нуждѣ, особенно въ случаѣ грозящей круглымъ разореніемъ убыли стадъ вслѣдствіе падежа скота отъ безкормицы и пр. (единственнымъ средствомъ избѣжать бѣды является тогда воровство или отгонъ скота, для пополненія погибшихъ стадъ). Подъ вліяніемъ особыхъ бытовыхъ условій, при какихъ изстари живутъ калмыки, ихъ уставы и народные обычаи еще во многомъ держатся первобытныхъ воззрѣній на имущественныя правонарушенія вообще и воровство въ частности. Первычному родовому строю вовсе неизвѣстна идея «собственности» и неприкосновенности чужаго имущества. При родовой общности всей жизни, безъ всякой индивидуализаціи имущественнаго оборота, внутри родовъ, какъ уже замѣчено, нѣтъ мѣста имуще-

---

[1]) За присвоеніе чужаго скота уставъ 1640 г. назначаетъ въ пользу хозяина плату въ 5 скотинъ (ст. 119); по Зинз. уложенію хозяинъ получаетъ скотъ вдвойнѣ, а виновный, кромѣ того, наказывается 20-ю ударами плетью (ст. 191). За наложеніе клейма къ чужой скотинѣ положена плата 9 скот., а по Зинз. уложенію еще 25 ударовъ (уст. 1640 ст. 91; зинг. ул. 165); за доеніе и употребленіе въ работу—плата кобылой (уст. 1640 ст. 91, 145). По бурятскому праву присвоеніе чужаго скота оплачивается, какъ и воровство; за ѣзду, употребленіе въ работы и снятіе шерсти съ чужой скотины положена плата «сполна» или «по оцѣнкѣ» и наказаніе лозами (см. Самоквасова сбор. 129, 131, 159). Точно такие «степные законы» тунгусовъ запрещаютъ ѣзду и остриженіе чужаго скота, подъ угрозой платы и наказанія «приличнымъ образомъ.» (См. тамъ же, 56).

ственнымъ правонарушеніямъ, — послѣднія являются лишь въ отношеніяхъ между цѣлыми родами. Но и здѣсь вкоренившіяся въ кочевомъ быту хищническія формы жизни мало благопріятствуютъ выясненію въ сознаніи хищниковъ идеи о безусловной неприкосновенности чужаго имущества: хищникъ добываетъ средства къ жизни силой, въ видѣ добычи; откуда бы она ни шла и какъ бы ни пріобрѣталась, для хищника безразлично,— лишь бы достигалась ближайшая цѣль — удовлетвореніе его нуждъ, путемъ ли добычи, грабежа или инымъ способомъ. Хищническіе инстинкты вводятся въ извѣстные предѣлы лишь въ пору болѣе или менѣе организованнаго сплоченія (ойратства монголовъ XIII и слѣд. вѣковъ) дружинно-родовыхъ союзовъ, особенно у степняковъ-скотоводовъ, для которыхъ становятся вопросомъ жизни и смерти хозяйственные интересы сбереженія стадъ—единственнаго источника ихъ благосостоянія. Лишь съ этихъ поръ «ойратское» (союзное) право степняковъ начинаетъ мало по малу создавать рядъ болѣе или менѣе строгихъ нормъ, въ видахъ охраны и поддержанія указанныхъ интересовъ. Ойратскія правила о воровствѣ, грабежѣ и пр. мотивируются лишь односторонними началами хозяйственнаго быта скотоводовъ, но еще мало проникаются общей идеей «правонарушенія», помимо бытовыхъ условій, вызвавшихъ нормы ойратскаго права: гдѣ такія условія не имѣютъ силы, тамъ не примѣняются и выросшія на ихъ почвѣ нормы; тамъ дѣйствуютъ первычныя воззрѣнія и порядки. На такой именно ступени общаго, культурнаго развитія стоятъ калмыцкіе уставы XVII—XIX вѣковъ. Калмыцкое право считаетъ наказуемымъ, въ смыслѣ общественнаго преступленія, лишь кражу, учиненную внѣ тѣсныхъ родовыхъ союзовъ,—между близкими родичами, даже съ матерней стороны, калмыцкое право не признаетъ кражи и другихъ имущественныхъ правонарушеній и не облагаетъ ихъ никакимъ наказаніемъ по суду общественной власти [1]). Такъ и

[1]) «На родича нельзя жаловаться», — за кражу или взятіе имущества родичей «не взыскивать», «штрафу не имать», — родичи мирятся сами между собой — «mogen sich selbst vergleichen», — всѣ эти формулы имѣютъ въ

въ данномъ случаѣ: кражу чужаго скота калмыцкіе уставы наказываютъ не въ смыслѣ дѣянія, преступнаго вообще, но главнымъ образомъ потому, что она идетъ въ разрѣзъ съ интересами хозяйственной культуры скотоводовъ, — это институтъ не столько уголовнаго права, сколько степной хозяйственной полиціи [1]). Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ разсматривать положенія калмыцкихъ уставовъ о скотскихъ кражахъ, имѣю-

---

своей основѣ примитивныя идеи права, свойственныя родовому сознанію кочевниковъ (см уст 1640 г. — рус. 147, Палл. 128). Лишь Коммисія калмыцкихъ дѣлъ, при пересмотрѣ Зинз уложенія, продположила отмѣнить старыя правила о кражѣ между родичами и подвергать ее наказанію на общемъ основаніи. См. зинз. уложеніе 45—48, 195 п. 13.

[1]) Интересы уголовной юстиціи требуютъ лишь наказанія вора, — изъ нихъ нельзя вывести институтъ кражи скота въ томъ сложномъ составѣ, какой она имѣетъ по калмыцкому праву. Въ составъ этого института входитъ система наградъ за отбой воровскаго скота, институтъ «гоненія слѣда» и пр. — все это объясняется интересами не столько уголовнаго права, сколько степной полиціи. — Бытовое значеніе скотскихъ кражъ у кочевниковъ очень хорошо выяснено въ цитированной выше запискѣ Гейнса. «Согласно пониманію киргизовъ, кража скота не есть дѣло безчестное или преступленіе. Киргизъ знаетъ и видитъ существовавшихъ и существующихъ до нынѣ въ степи батырей, которые составили себѣ не только положеніе, но и репутацію лихихъ и всѣми уважаемыхъ людей, вслѣдствіе кражи скота въ обширныхъ размѣрахъ. Такое наивное отношеніе къ угону чужаго скота не есть результатъ нравственной порчи киргиза»... «Они не видятъ грѣха въ похищеніи чужаго скота, вслѣдствіе своего азіатскаго воспитанія и вытекающаго отсюда своеобразнаго пониманія добра и зла. Киргизы знаютъ, что Чингизъ-ханъ началъ свою міровую карьеру отгонами чужихъ стадъ; они слыхали также, что сперва ханы, а потомъ султаны и родоначальники брали у всякаго скотъ, который имъ нравился, безъ того, чтобы ихъ называли безчестными; они слышатъ и до сихъ поръ, какъ народные пѣвцы воспѣваютъ какихъ то невѣдомыхъ намъ героевъ за ихъ лихіе набѣзды на далекіе аулы враждебныхъ родовъ съ цѣлью угона скота; они видятъ даже теперь, что воръ можетъ остаться безнаказаннымъ. Если скотъ выкрадывался прежде всѣми уважаемыми людьми, — значитъ, отгонъ чужаго скота дѣло не особенное злое. Такъ дѣлалось отцами и дѣдами киргизовъ, такъ дѣлается ими и теперь». Зап. 75—76. *

щихъ не маловажное, бытовое значеніе въ отношеніи къ хозяйственной культурѣ калмыковъ-скотоводовъ.

Главный интересъ скотовода — отбить во что бы то ни стало воровской скотъ, выслѣдить его по горячимъ слѣдамъ, то есть имѣть возможность воротить безъ особенныхъ усилій расхищенный скотъ. Кто бы ни отбылъ скотъ изъ воровскихъ рукъ, скотоводъ по обычаю платитъ за оказанную помощь. Калмыцкое право таксируетъ въ этихъ случаяхъ количество награды, смотря по тому, отбитъ ли скотъ съ бою или безъ драки; въ первомъ случаѣ слѣдуетъ двойная плата [1]). Такая же награда полагается тому, кто откроетъ и выслѣдитъ воровской скотъ: по калмыцкому праву обвинитель (Ankläger) вообще получаетъ девятую часть выслѣженнаго имъ скота [2]). Съ другой стороны, установляя систему наградъ за отбой и открытіе воровскаго скота, калмыцкое право организуетъ родовую помощь противъ расхищенія стадъ (обязывая скотоводовъ, кочующихъ въ одномъ таборѣ, помогать другъ другу въ дѣлѣ «обыска» и «гоненія слѣда» воровскаго скота) и вообще подробно раскрываетъ сущность основныхъ процессуальныхъ институтовъ, спе-

---

[1]) При отбоѣ съ драки платится: отъ 5 ти скотинъ лошадь, отъ 4—3-хъ — кобыла трехлѣтняя, отъ 2-хъ жеребенокъ двухъ лѣтъ, отъ 1-й — баранъ. Кто отниметъ безъ драки, беретъ изъ отбитаго скота — отъ 10-ти лошадь, отъ 5-ти жеребенка, отъ 4—1-й барана. См. уст. 1640 ст. 163. Зинз. уложеніе утвердило эту таксацію (ст. 168 п. 16; ст. 192). Сходныя же правила находимъ въ бурятскомъ правѣ: поимщику платится за верблюда 2 барана, за большую скотину — одинъ, за барана по 10 коп. Если воръ при поимкѣ скрылся и оставилъ свою лошадь, послѣдняя отдается поимщику. При этомъ поимщикъ долженъ «показать къ доказательству настоящій слѣдъ»; иначе онъ не только не получаетъ награды, но и остается въ подозрѣніи (См. Самоквасова Сборн. 156—457.

[2]) См. уст. 1640 — рус. 9, 134 и пр; Палл. 119, 153 и пр. Въ русскомъ текстѣ «обвинитель» не правильно обозначенъ словомъ «свидѣтель» Въ Зинз. уложеніи обвинитель называется «доказателемъ» (ст. 11, 197 п. 17, 198, 201). У бурятъ «открыватель» получаетъ четверть «ялы» — пени за воровство, а у тунгусовъ опредѣленную плату—5 руб. (Самоквасова; 53, 129).

ціально направленныхъ противъ расхищенія стадъ [1]). Самая таксація штрафовъ за воровство скота имѣетъ въ виду возмѣщеніе убытковъ скотоводовъ, вмѣстѣ съ полицейскими цѣлями— воздержанія въ кочевомъ населеніи хищническихъ инстинктовъ путемъ установленія громадныхъ платежей за всякое воровство и въ особенности за расхищеніе стадъ [2]).

Организованное хищничество, разсчитанное спеціально на расхищеніе стадъ кочевниковъ, извѣстно въ калмыцкомъ правѣ подъ именемъ *«отгона скота»*, также *«хищничества»* (баранты). Въ основѣ хищничества лежатъ тѣже бытовыя условія степной жизни, на какія мы указали только что, говоря о скотскихъ кражахъ; баранта доселѣ практикуется почти у всѣхъ кочевниковъ, какъ дѣяніе «не составляющее тяжкаго преступленія». Баранта вообще обусловливается всей хищнической обстановкой кочевой жизни степняковъ: «праздность, не разлучная съ кочевымъ бытомъ, нерадѣніе о своевременномъ обезпеченіи своихъ нуждъ, остатокъ удальства и наѣздничества, а весьма часто страсть къ скотоводству и неимѣніе его», большіе скотскіе падежи и укоренившійся обычай пополненія убыли стадъ путемъ легкой наживы, — главныя причины, постоянно

---

[1]) Сюда относится въ особенности обыскъ и гоненіе слѣда. Мы разсмотримъ ихъ ниже, въ отдѣлѣ о процессѣ.

[2]) Калмыцкое право таксируетъ штрафы за скотскую кражу по системѣ девятериць, именно: за верблюда — 15×9 скота, за кладенную лошадь и жеребца — 10×9, за большую скотину 9×9, за кобылу 8×9; за корову, жеребенка и барана 6×9. Изъ этой платы хозяинъ получаетъ за свой скотъ вдвое, остальная часть слѣдуетъ владѣльцу (нойону). См. уставъ ст. 9, 89. Зинз. улож. 111, 192, п. 8. — Система девятериць установлена еще монгольскимъ правомъ временъ Чингиса. По «великой ясѣ» скотокрадство оплачивается вообще вознагражденіемъ «вдевятеро», т. е. воръ долженъ былъ возвратить хозяину украденный скотъ, съ прибавкою девяти такихъ же скотинъ. «Если онъ не въ состояніи уплатить этого штрафа, то брали у него дѣтей, а когда не было и дѣтей, то (предписывалось) зарѣзать самаго какъ барана» см. мое соч. Др. моног. уст. 191, п. 29). По ойратскому уставу 1640 года несостоятельный воръ отдается въ рабство до отработки штрафа (ст. 113).

поддерживающія институтъ баранты у всѣхъ степныхъ кочевниковъ, съ ея главнымъ результатомъ — расхищеніемъ стадъ, нерѣдко влекущимъ за собой полное нищенство и разореніе цѣлыхъ родовыхъ союзовъ. Баранта у калмыковъ имѣетъ, такъ сказать, свой сезонъ, усиливается въ особенности во время раскочевокъ и сближенія улусовъ зимой, когда, послѣ большой убыли стадъ вслѣдствіе шургановъ или безкормицы, организуются нерѣдко цѣлыя банды отгонщиковъ, производящихъ расхищеніе скота безъ разбора, у своихъ одноулусниковъ и чужеродцевъ. Изъ калмыцкихъ уставовъ видно, что, подобно воровству, не имѣющему преступнаго характера между близкими родичами, и родовая баранта доселѣ признается между послѣдними въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ вполнѣ легальный институтъ (см. ниже о наслѣдованіи имущества). Вообще же говоря, ойратскія основы калмыцкаго права вполнѣ отрицаютъ правомѣрный характеръ баранты, главнымъ образомъ въ видахъ охраны интересовъ хозяйственной культуры степныхъ скотоводовъ, и потому въ калмыцкихъ уставахъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ противъ отгоновъ стадъ. Такимъ образомъ, калмыцкое право, съ одной стороны, установляетъ за «отбой» отогнаннаго скота такія же награды, какъ и за отбой скота изъ рукъ обыкновеннаго вора[2]), а съ другой — обязываетъ однородцевъ взаимной помощью, требуетъ отъ всѣхъ, кто услышитъ и узнаетъ о шайкахъ барантовщиковъ, ѣхать въ погоню, гнаться для отбоя отогнаннаго скота, подъ угрозою большихъ штрафовъ[3]). Во время погони за хищниками вполнѣ до-

---

[1]) См. От. Зап. 1846, № 8, стр. 90, 99. Калм. степь, III, 123.

[2]) По уставу 1640 г. за отбой у барантовщиковъ скота дается въ награжденіе половина отбитаго скота. Если кто по безсилію и не отобьетъ скота и еще понесетъ самъ утраты, то послѣднія все таки возмѣщаются. По Зинз. уложенію, «кто поѣдетъ (въ погоню за хищниками), тому дать награду». Уст. 1640 ст. 19. Зинз. улож 146, п. 5.

[3]) Именно, знатный, не выѣхавшій въ погоню, лишается половины своего имущества и скота, посредственный—9-ти скотинъ, подлый — 5-ти (уст. 1640 г. 19). По Дербетовскимъ законамъ, каждый кто узнаетъ о воровской

зволителенъ степной самосудъ — остатокъ отъ родовой мести: отмѣнивъ послѣднюю въ обыкновенныхъ случаяхъ, ойратское право удержало ее въ дѣлѣ баранты и вообще хищничества[1]). Самое наказаніе хищниковъ по калмыцкому праву имѣетъ значеніе такой же отвѣтной баранты («въ отмщеніе»), какая установлена издавна киргизскимъ правомъ. Хищники, кромѣ возвращенія похищеннаго, подвергаются сами почти полному разоренію. Впрочемъ, въ старомъ уставѣ не установлено наказанія за «отгонъ скота» въ собственномъ смыслѣ, но говорится вообще о разбоѣ и хищническомъ расхищеніи цѣлыхъ улусовъ, аймаковъ и хотоновъ путемъ набѣговъ организованныхъ шаекъ[2]). Наказаніе за «отгонъ скота» въ точномъ смыслѣ установлено Зинз. уложеніемъ[3]). Институтъ отгона скота имѣетъ мѣсто также въ правѣ другихъ восточныхъ инородцевъ. Особенно интересны правила, существующія у киргизовъ и тунгусовъ. У киргизовъ доселѣ держится въ обычаѣ баранта («барымта»). Ихъ право допускаетъ отгонъ скота, прежде всего какъ законную мѣру удовлетворенія обиженнаго, въ значеніи «баранты въ отмщеніе», если самъ обидчикъ не сдѣлаетъ удовлетворенія (см. ниже—о процессѣ). Кромѣ баранты «въ отмщеніе», киргизское право знаетъ также «безвинную» баранту, какъ дѣяніе,

---

шайкѣ, долженъ подъ угрозою штрафа преслѣдовать и ловить, — поимщики, приводящіе хищниковъ «reichlich belohnt werden sollen» (см. уст. Палл. ст. 161). По Зинзилинскому уложенію «всякій благомыслящій обязанъ ѣхать въ погоню; а кто не поѣдетъ, того штрафовать по древнему уложенію» (ст. 146, п. 5).

[1]) По Зинз. уложенію, «кто явно вошедшаго въ домъ хищника, или гнавшись въ погонь за его товарищами, на дорогѣ поймаетъ и убьетъ до смерти, таковаго виновнымъ въ преступленіи не почитать». Требуется только «тѣхъ воровъ съ поличнымъ» заявить немедленно ближнимъ людямъ для засвидѣтельствованія или для записки въ ближайшее судебное мѣсто. См. ст. 107.

[2]) За расхищеніе большихъ родовыхъ союзовъ положено лишеніе всего имущества, а за расхищеніе небольшаго аймака или хотона — штрафъ въ опредѣленной нормѣ, именно: 100 панцырей, 100 верблюдовъ и 1000 лошадей, вмѣстѣ съ возвращеніемъ похищеннаго (уст. 1640 ст. 1 2).

[3]) Именно 50 ударовъ плетью и штрафъ 5 скотинъ. См. Зин. улож. 86

запрещаемое обычнымъ правомъ. По «степнымъ законамъ» киргизовъ, констатированнымъ ими въ 1824 году, «кто сдѣлаетъ отгонъ или баранту скота или лошадямъ безвинно, съ того обращается таковая баранта сполна», причемъ барантовщики должны вознаградить все, что было повреждено или утрачено во время погони за ними; «болѣе же никакихъ наказаній не полагается». Баранта дозволяется «въ отмщеніе за таковую же», при чемъ скотъ взыскивается только «штука въ штуку»; если при барантѣ въ отмщеніе, кто отгонитъ болѣе, нежели сколько у него угнано, то излишнее возвращается «претендателямъ» и «тѣмъ дѣло оканчивается». Изложенныя правила показываютъ, что киргизское право далеко не такъ строго смотритъ на баранту, какъ право калмыцкое: у киргизовъ «безвинная» баранта имѣетъ какъ бы значеніе насильнаго займа, насильно же вознаграждаемаго, — барантовщикъ собственно не несетъ никакого наказанія. Между тѣмъ, баранта отзывалась чрезвычайно вредно на всемъ степномъ хозяйствѣ. По словамъ очевидцевъ, еще не такъ давно случалось, что «на отгонъ украденнаго скота воръ отвѣчалъ отгономъ стадъ у родственниковъ барантача, такъ что послѣдніе принуждены бывали дѣлать тоже относительно родовичей вора. Такимъ образомъ, баранта разгоралась иногда въ рядъ взаимныхъ грабежей, отъ которыхъ страдали цѣлые роды, и прекратить которую становилось крайне трудно». Притомъ, нужно имѣть въ виду, что во время операцій баранты угоняемый скотъ рѣдко оставался въ цѣлости, но большею частію погибалъ, что вліяло сильно на общее обнищаніе скотоводовъ. Всѣ эти соображенія и были причиной того, что теперь преступленія по барантѣ подчинены русскимъ законамъ[1]). Почти такой же первобытный характеръ «безвинной» баранты удерживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отгонъ скота и по степнымъ законамъ тунгу-

[1]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 247. Самоквасова Сборн. 268, 269, 275. Гейнса Зап. 64, 71—75.

совъ: отгонъ, сдѣланный «въ бѣдности, отъ голода» («когда оный человѣкъ показывалъ и сказывалъ многимъ изъ общества и потомъ съѣлъ» отогнанный скотъ), наказывается гораздо слабѣе воровства — лишь «тѣлесно», съ «платежемъ головою убитаго скота»[1]).

Хищничество кочевниковъ — не единственная причина, мѣшающая надлежащему развитію степнаго хозяйства калмыковъ. Расхищеніе стадъ является въ еще бо́льшей степени, какъ результатъ не менѣе хищнической, внѣшней обстановки степнаго хозяйства: стада гибнутъ отъ неблагопріятныхъ *почвенныхъ, климатическихъ и санитарныхъ условій* степи — отъ повальныхъ болѣзней, расхищенія со стороны дикихъ звѣрей, также отъ степныхъ пожаровъ, распутицы и ливней, песчаныхъ урагановъ, зимней гололедицы, стужъ (шурганов) и пр.[2]). Въ калмыцкихъ уставахъ констатируется рядъ обычныхъ мѣръ противъ расхищенія стадъ во всѣхъ этихъ случаяхъ[3]). На первомъ планѣ стоитъ здѣсь установленіе наградъ за отбой скота отъ хищныхъ звѣрей, также за спасеніе его

---

[1]) Въ остальныхъ случаяхъ отгонъ скота наказывается наравнѣ съ воровствомъ, т. е. у виновнаго отбирается имущество и онъ самъ жестоко наказывается. См. Самоквасова Сбор. 29, 40, 50.

[2]) Особенно гибельна для стадъ степная зима, съ ея гололедицей, глубокими снѣгами, буранами, безкормицей и пр. «Во время гололедицы на помощь стадамъ является хозяинъ съ своими родными и семействомъ, работаютъ день и ночь надъ разламываніемъ льда, чтобы дать возможность скоту достать кормъ». Въ глубокіе снѣга скотоводъ опять помогаетъ скоту — отгребать снѣгъ. Во время бурановъ, ливней, стужъ и ураганов скотъ разбѣгается по направленію вѣтра и гибнетъ нерѣдко цѣлыми стадами За стадомъ идетъ хозяинъ, иногда погибающій съ скотомъ. Нерѣдко послѣ шургана богатый скотоводъ обращается въ круглаго бѣдняка. См. Гейнса Зап. 25—26. Калм. степь, III, 57—58. Костенкова о калм., 106—108.

[3]) Въ калмыцкихъ уставахъ нѣтъ никакихъ правилъ касательно падежа скота отъ повальныхъ болѣзней. За то «въ степныхъ законахъ» другихъ инородцевъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ правилъ. Такъ, по обычному праву монголо-буратъ, если скотъ изгибнетъ отъ прилипчивой болѣзни, то засви-

во время степныхъ пожаровъ, распутицы и шургановъ[1]). Калмыцкое право гарантируетъ чужой скотъ отъ «бѣшенныхъ» животныхъ (возлагая отвѣтственность на хозяевъ домашнихъ животныхъ, если они въ бѣшеномъ видѣ нанесутъ вредъ чужому скоту)[2]), и обезпечиваетъ права скотоводовъ на скотъ,

---

дѣтельствовавъ старшинамъ, должно отвезти отъ скотскаго выпуска и дорогъ въ отдаленное мѣсто и закопать глубоко въ землю. Если начнется падежъ скота, должно немедленно объявить старшинамъ и сдѣлать обвѣщеніе, подъ угрозой платы за павшій скотъ у другихъ скотоводовъ, не обвѣщенныхъ своевременно Зараженный скотъ удалить на особое урочище и воспретить строго, дабы съ благополучныхъ скотомъ не смѣшивать и того же часа испросить знающихъ ламъ для прекращенія болѣзни. Съ зараженнымъ скотомъ близь чужаго стойба не прикочевывать; его хранить въ отдаленности отъ здороваго скота; кто сего не сдѣлаетъ и дастъ распространиться заразѣ, тотъ платитъ за половину павшаго скота въ чужихъ стадахъ. Если въ улусѣ появится зараза на всѣхъ вообще, то здоровый скотъ удалить отъ больнаго, оставивъ послѣдній на прежнемъ мѣстѣ подъ особымъ присмотромъ. Тѣже самыя правила въ обычаѣ у тунгусовъ, вогуловъ и пр. (См Самоквасова, 32, 56, 140, 156, 182). Мое соч. — Др. монг.-калм. уставъ, 225 п. 19.

[1]) Такимъ образомъ, въ уставѣ 1640 г. находимъ слѣдующія правила. Кто отъ волковъ оборонитъ овецъ беретъ изъ нихъ одну живую, а другую зарѣзанную волками; если овецъ будетъ меньше 10-ти, то хозяинъ долженъ дать оборонителю 5 стрѣлъ (ст. 108). Кто отъ степнаго пожара (Steppenfeuer) освободитъ большое число скота, беретъ въ награду двѣ скотины, а немного—одну (ст. 86). Кто высвободитъ изъ грязи свалившійся отъ усталости скотъ, получаетъ за верблюда корову, за лошадь барана и пр. (ст. 108). По Зинз. уложенію, кто спасетъ скотъ, волками разогнатый или отъ бури, мятели и дождя разсѣянный, или утопшій въ грязи и колодцѣ, тотъ награждается по мѣрѣ спасеннаго имъ скота (ст. 168). Кто спасетъ отъ пожара чужой скотъ, тотъ также получаетъ награду по числу скота. Кто отобьетъ стадо скота, расхищаемое волками, или найдетъ расхищенный скотъ, получаетъ въ награду одну мертвую и одну живую скотину; если расхищенное стадо будетъ меньше 10-ти штукъ, награждать 2-мя рублями (ст. 221).

[2]) Именно, хозяинъ бѣшенной собаки платитъ пятую часть искусаннаго ею скота (уст. 1640 ст. 57. Зин. улож. 167 п. 7). — Плата не производится, если самцы (верблюды и пр.) побьются между собой (уст. 1640 ст. 63; зинз. ул. 167 п. 10). Подобныя же правила развиты обычнымъ правомъ монголо-бурятъ и тунгусовъ (см. Самоквасова Сборн. 35, 59, 142, 159).

павшій или разбѣжавшійся отъ хищныхъ звѣрей, во время вьюги, морозовъ и пр. Павшую въ такихъ случаяхъ скотину запрещается постороннему присвоивать, никому не объявя и до истеченія извѣстнаго срока (10 дней), подъ угрозою штрафа[1]). Для розыска скота, разбѣгавшагося во время шургановъ, въ приходъ непріятельскій и пр., существуетъ по калмыцкому праву въ каждомъ улусѣ особый скотскій сыщикъ или посыльный, подъ названіемъ кира (Кіегі, по Зинз. уложенію кирча). Его назначаетъ улусный владѣлецъ (нойонъ)[2]) По просьбѣ скотоводовъ, потерпѣвшихъ разбродъ стадъ, владѣлецъ, посылаетъ, для розыска разбѣжавшагося скота, своего киру, объѣзжавшаго всѣхъ аймачныхъ старшинъ (шуленгъ) и спрашивавшаго о «прибыломъ» (приблудномъ) скотѣ. Если послѣдняго не было въ данномъ мѣстѣ, старшина долженъ былъ удостовѣрять это собственной присягой; за утайку прибылаго скота при розыскѣ калмыцкое право назначаетъ большіе штрафы. Всякій, въ чьемъ стадѣ появится приблудный скотъ или кто найдетъ его въ полѣ, долженъ, по обычаю, въ теченіе трехъ дней, публиковать (чинить «публики») о найденномъ скотѣ и затѣмъ представлять его своему старшинѣ (по Зинз. уложенію кирчѣ). Кто утаитъ прибылой скотъ, будетъ употреблять его въ работу до окончанія срока публикаціи, также передастъ въ другія руки или же продастъ, тотъ во всѣхъ такихъ случаяхъ штрафуется почти такъ же, какъ и за воровство. Прибылой скотъ хранится въ теченіе 3-хъ годичнаго срока; если по истеченіи этого времени не явится хозяинъ скота, то по Зинзилинскому уложенію послѣдній продается и вырученная сумма отдается на призрѣніе бѣдныхъ. Наконецъ, калмыцкіе уставы назначаютъ награду за поимку бѣглаго

---

[1]) См. Уст. 1640 ст. 93, 108, 143. Зин. улож. 167 п. 5, ст. 193. У бурятъ и другихъ инородцевъ см. Самоквасова Сбор. 55, 56, 131, 139, 158

[2]) По Зинз. уложенію, кирча назначается владѣльцемъ для храненія разбѣжавшагося изъ разныхъ мѣстъ скота и пойманнаго въ чужихъ стадахъ, (ст. 165, 166).

скота и затѣмъ плату (по годно) за содержаніе его до отдачи хозяину или, при его неявкѣ, — до распродажи прибылаго скота[1]).

Таково «пастушеское право» калмыцкихъ уставовъ. Возникнувъ и развившись на почвѣ кочевой культуры степняковъ-скотоводовъ, оно нормируетъ одну изъ главныхъ сторонъ ихъ хозяйственнаго быта — береженье стадъ, какъ основной статьи племеннаго богатства кочевниковъ. Какъ уже замѣчено, для теперешняго калмыка скотоводство — главный и, можно сказать, исключительный источникъ пропитанія, доступный для него по мѣстнымъ условіямъ степной жизни. Не такъ было у его предковъ, въ особенности въ эпохи политической ихъ самобытности. Старый монголъ былъ не только скотоводъ, но и хищникъ, занятый добываніемъ средствъ къ жизни (добычи), путемъ постоянной войны и охоты надъ дикими животными. Отсюда у всѣхъ монгольскихъ племенъ, рядомъ съ пастушескимъ правомъ, изстари существуетъ *охотничье право*, съ его обычно-правовыми нормами «ловитвъ», которыя вмѣстѣ съ скотоводствомъ составляли основную форму кочевой культуры старыхъ монголовъ. Коренныя начала охотничьяго права были заложены въ обычномъ правѣ монголовъ еще въ эпоху Чингисовой «ясы», затѣмъ преемственно перешли въ ойратское право XVII вѣка и сохранились въ позднѣйшихъ «степныхъ законахъ» калмыковъ, бурятъ и другихъ инородцевъ монгольскаго корня. Нужно

---

[1]) Именно, за содержаніе прибылаго скота въ теченіе года положена слѣдующая плата: за 10 и больше головъ—2 скотины, за 3 до 9-ти — 1 скот.; за двѣ скотины не полагается никакой платы Объ всѣхъ изложенныхъ правилахъ см. уставъ 1640 г. — рус. 91, 148, 149; Палл. 93, 129. Зин. улож. 165, 166, 168 п. 17. — Подобныя же правила существуютъ въ обычномъ правѣ монголо-бурятъ и тунгусовъ, именно: о «пришатившемся» (приблудномъ) скотѣ — 7-ми дневномъ срокѣ публикаціи, явкѣ, пользованіи, штрафахъ за утайку, платѣ находчику скота, неявкѣ хозяина въ 3-хъ годичный срокъ и обращеніи пришатившагося скота въ пользу того, кто его нашелъ и содержалъ См Самоквасова Сбор. 54, 56, 128, 130, 131, 139, 155, 156, 158, 159.

впрочемъ замѣтить, что охотничьи обычаи, записанные въ калмыцкихъ уставахъ, едва ли имѣютъ какое либо практическое значеніе для теперешнихъ калмыковъ, — изученіе ихъ уставовъ съ этой стороны важно лишь въ научномъ отношеніи, по указаніямъ на старый охотничій бытъ монгольскихъ племенъ. Дѣло въ томъ, что, какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ калмыковъ, мѣстныя условія калмыцкой степи, исключительно содѣйствуя скотоводческой культурѣ, мало благопріятны для звѣриныхъ и птичьихъ «ловитвъ». Оттого «теперь калмыки давно позабыли охоту предковъ въ болѣе счастливое для монголовъ время. Охота самострѣлами, облавами съ беркутами, соколами и балабанами осталась только смутнымъ преданіемъ въ разсказахъ немногихъ стариковъ»[1]). Эти — то мѣстныя условія, уничтоживъ въ степномъ населеніи старые обычаи ловитвъ, слагавшіеся въ цѣлую систему охотничьяго права, вмѣстѣ съ прекращеніемъ былаго хищничества, а съ нимъ и лагернаго, военно — дружиннаго строя всей жизни калмыковъ, болѣе и болѣе развиваютъ въ нихъ типъ мирныхъ степняковъ-скотоводовъ, исключительно занятыхъ уходомъ и береженьемъ своихъ стадъ, безъ прежнихъ хищническихъ инстинктовъ, питавшихся въ старое время военными и охотничьими предпріятіями.

Древнее монгольское право временъ Чингиса трактовало звѣриную охоту въ такомъ же смыслѣ, какъ и ратную службу, т. е. въ значеніи промысла, обязательнаго для каждаго взрослаго монгола. По Чингисовымъ законамъ, каждый индивидъ былъ воиномъ и въ тоже время охотникомъ, по первому зову родоправителей отправлявшимся въ хищническій набѣгъ на сосѣдей или, въ мирное время, выходившимъ на звѣриныя облавы и другія охотничьи предпріятія. Какъ уже замѣчено, Чингисъ требовалъ, чтобы монголъ велъ войну съ животными,

---

[1]) См. Бентковскаго Взглядъ на кочевую культуру калмыковъ, 40.

если не ведетъ ее съ людьми[1]). Взглядъ монгольскаго права на охоту, какъ на военную школу, вырабатывавшую въ старыхъ хищникахъ родовую доблесть и вообще поддерживавшую въ нихъ воинскіе нравы, высказывается ясно въ «изрѣченіяхъ», приписываемыхъ Чингису и служащихъ дополненіемъ къ его «великой ясѣ»: «воины должны, подобно тому, какъ *занимаясь охотою, отличаютъ имена свои*, означать каждый имя и славу свою, когда занимаются войной»[2]). Въ силу такихъ воззрѣній, приравнивавшихъ охоту къ войнѣ, какъ равно обязательные промыслы для кочевниковъ — монголовъ, ихъ старое охотничье право, естественно, должно было сложиться въ формѣ такихъ же строгихъ правовыхъ нормъ и по тѣмъ же самымъ образцамъ, какъ и ихъ военно-дружинное устройство. И дѣйствительно, такой складъ и характеръ монгольскаго охотничьяго права подтверждается, не только дошедшими до насъ фрагментами Чингисова устава, но и свидѣтельствомъ современниковъ объ охотничьемъ бытѣ старыхъ монголовъ. Въ числѣ франгментовъ «великой ясы» сохранилось, между прочимъ, слѣдующее строгое правило монгольскаго охотничьяго права, которое, по самому существу своему, могло возникнуть только на почвѣ воззрѣній на охоту въ смыслѣ обязательной службы или повинности: «Онъ (Чингисъ) предписалъ наказывать воиновъ за небрежность, — охотниковъ, упустившихъ звѣря на облавѣ, подвергать наказанію палками, иногда и смертной казни»[3]). Таковъ же характеръ звѣриныхъ «облавъ» старыхъ монголовъ по описаніямъ современниковъ: участіе въ облавахъ обязательно для всѣхъ, на кого укажетъ вождь; самыя облавы производятся съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ веденія войны,—старый монголъ въ роли охотника подчинялся такой же военной дисциплинѣ и порядку, какъ и являясь воиномъ въ пору хищническихъ набѣговъ на сосѣдей[4]).

---

[1]) См. Березина Очеркъ, 47. D'Ohsson. Hist. d. Mong. I, 404.

[2]) См. мое соч. — Др. монг. уст 196, п. 6.

[3]) См. тамъ же 193, п. 27.

[4]) Приведемъ здѣсь описаніе монгольскихъ облавъ, какъ оно изложено

Въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. весьма подробно развито охотничье право, въ основу котораго несомнѣнно легли старые обычаи звѣриныхъ облавъ и ловитвъ, какъ они были выработаны многовѣковой практикой монголовъ въ среднеазіатскихъ степяхъ. Тѣже самые обычаи безъ существенныхъ измѣненій воспроизведены и въ Зинзилинскомъ уложеніи калмыковъ. Не видно впрочемъ, чтобы ойраты XVII вѣка практиковали свои облавы и ловитвы въ значеніи такихъ же обязательныхъ промысловъ, какъ облавы старыхъ монголовъ Чингисова ханства[1])

въ сочиненіи Доссона (Histoire des Mongols, I, 404—406, объ охотѣ у монголовъ см. также Quatremère Hist. des Mong. 165, Hammer Geschichte d. Gold. Horde, 47. 187—189). Начало зимы обыкновенно было временемъ большихъ облавъ, походившихъ на военныя предпріятія. Сначала посылались передовые для дознанія, въ изобиліи ли накопились звѣри. Затѣмъ, по ихъ показаніямъ, отправлялся приказъ въ роды, кочевавшіе въ окрестностяхъ на данномъ районѣ, о нарядѣ опредѣленнаго числа людей изъ каждаго десятка (такъ чтобы изъ нихъ образовался кругъ, облегавшій избранное для охоты мѣсто) и о производствѣ охоты на звѣрей въ назначенномъ для того урочищѣ Отряды эти (подобно военному строю ратниковъ) раздѣлялись на правое и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во главѣ крыло съ центромъ и имѣли во главѣ своихъ старшинъ, отправлявшихся на охоту въ сопровожденіи женъ и наложницъ. Кругъ охотниковъ, сначала широкій, постепенно съуживался, пока охотники не сходились вплотную плечо о плечо, вокругъ мѣста (въ окружности до 2—3-хъ лье), назначеннаго для охоты и огораживавшагося тогда войлоками, связанными веревками. Охотники должны были внимательно смотрѣть, чтобы звѣри не уходили изъ ограды за небрежность наказывали охотниковъ палочными ударами (а по уст. Чингиса—и смертною казнію) Ханъ входилъ въ ограду первый съ женами и наложницами и занимался стрѣльбой въ безмѣрное количество звѣрей всѣхъ породъ, собравшихъ на тѣсномъ пространствѣ. Послѣ хана, возвращавшагося на возвышенность въ центрѣ окружности, охоту продолжали подъ его наблюденіемъ принцы крови. нойоны и воеводы, за ними выходили низшіе вожди и затѣмъ простые охотники. Охота длилась много дней. Когда въ оградѣ оставалось немного звѣрей, имъ давали по просьбѣ стариковъ свободу, чтобы расплодились для будущей охоты Послѣ раздѣла добычи между участниками въ охотѣ, воины возвращались въ свои кочевья.

[1]) Старый обязательный характеръ облавной охоты удерживается до настоящаго времени, какъ видно, лишь у китайскихъ монголовъ. По ихъ

Тѣмъ не менѣе въ ойратскомъ уставѣ удерживаются старыя обязательныя правила облавной охоты и другихъ ловитвъ, несоблюденіе которыхъ сопровождается иногда значительными штрафами для охотниковъ.

Охота извѣстна въ калмыцкихъ уставахъ подъ именемъ «ловитвы», «ловли» звѣриной и птичьей[1]). Предметомъ охоты служатъ: дикія козы, волки, барсы, видры, россомахи, бобры, соболи, лисицы, бѣлки, корсаки, дикія кошки, порешни, горностаи и вообще дикіе звѣри; изъ птицъ упоминаются лебеди и утки[2]). Какъ уже замѣчено, по каноническимъ правиламъ буддистовъ убіеніе животныхъ допускается лишь въ извѣстное время, именно не въ дни обѣтовъ (посты, мацаки), а для духовныхъ вообще считается смертнымъ грѣхомъ лишеніе жизни всякаго живаго существа[3]). Въ уставѣ 1640 г. русской рецензіи запрещено также убывать нѣкоторыя породы птицъ и животныхъ — дикихъ красныхъ утокъ, воробьевъ, собакъ и змѣй, «кромѣ тѣхъ (змѣй), которыя водятся на Аланъ-Уула»[4]). По смыслу глоссы, помѣщенной въ текстѣ къ этой (142-й) статьѣ, «сіе запрещеніе учинено для того, что идолопоклонники во *всякомъ* животномъ вѣрятъ быть равному духу, яко и въ человѣкѣ». Но глосса эта не разъясняетъ, почему именно

уложенію, выходъ и нахожденіе на облавахъ. въ теченіе опредѣленнаго срока, обязательно для каждаго монгола въ такой же мѣрѣ, какъ и пребываніе въ походѣ противъ непріятеля: никто не имѣетъ права уходить изъ облавы въ свои кочевья, «не ожидая очереди». См Іакинѳа Зап. о Монг. IV, 259.

[1]) См. уст 1640 ст. 111, 129, 131, 132; Зин ул 169.

[2]) Уст. 1640 ст. 37, 76, 106, 131, 142; Зин. ул 34, гл. VI, п. 3, ст. 169.

[3]) Зин. ул 148, 150. Ср. Пратимокша — Сутра, 30, 48.

[4]) См. уст. 1640 ст. 142. Въ рукописномъ спискѣ Зинз уложенія приписана къ 1 п. главы о дѣлахъ, относящихся до вѣры (здѣсь помѣщена 142 ст. стараго устава объ убійствѣ змѣй и пр), очевидно, рукою владѣльца рукописи, слѣдующая глосса къ этому выраженію: «Уула-гора, Аланъ-пестрая. Полагаютъ, что она находится въ мѣстахъ прежняго кочеванія ойратовъ (калмыковъ) въ великой Монголіи на Тибетѣ».

сдѣлано исключеніе для немногихъ животныхъ, — указываемый здѣсь ламаитскій догматъ переселенія душъ касается всѣхъ «безсмысленныхъ животныхъ», а потому строгое его толкованіе должно бы вести къ полному запрещенію, не только всякихъ ловитвъ, но и пользованія плодами скотоводства. Чтобы понять значеніе изложеннаго правила, слѣдуетъ имѣть въ виду, что статья 142-я, какъ она изложена въ русскихъ спискахъ ойратскаго устава, принадлежитъ къ числу статей, невѣрно переданныхъ русскимъ переводчикомъ, и что смыслъ этой статьи вполнѣ исправляется болѣе подходящимъ къ дѣлу переводомъ этой же статьи въ нѣмецкомъ спискѣ Палласа (ст. 124). Дѣло въ томъ, что 142 статья русскаго перевода есть не больше, какъ развитіе 139 и 140 статей — о шаманскихъ обрядахъ, при совершеніи которыхъ у старыхъ монголовъ, а теперь у нѣкоторыхъ восточныхъ инородцевъ, слѣдующихъ шаманству, употребляются птицы и животныя[1]). У Палласа статья по этому предмету (124) и поставлена въ прямую связь съ изложеннымъ въ предыдущей статьѣ запрещеніемъ обрядовъ шаманскихъ: «если онъ (шаманъ, Zauberer) будетъ кого либо *пугать* животными (красными утками и пр.), *появляющимися* во время шаманскихъ обрядовъ (напр. изъ тѣла шамана и пр.), то штрафуется лошадью». На томъ же основаніи запрещено производить «волхвованіе» обыкновенными змѣями, кромѣ красныхъ горныхъ змѣй (Палл. 124).

Звѣриныя ловитвы производились «облавами», на которыя выходили «знатною компаніею»[2]), т. е. большими охотничьими отрядами или артелями, по обычаю облавныхъ охотъ старыхъ монголовъ. Для облавныхъ ловитвъ отводились особыя «запрещенныя мѣста» — заповѣдныя урочища, предназначавшіяся для большихъ облавъ по приказамъ главныхъ родоправителей[3]).

---

[1]) См. Палласа Saml. II, 17, 341—347.

[2]) См. уст. 1640 г. ст 76, 129.

[3]) См. уст. 1640 ст. 37. Значеніе «запрещенныхъ мѣстъ объясняетъ уложеніе китайскихъ монголовъ: у нихъ существуютъ для облавъ «заповѣд

Въ такихъ заповѣдныхъ мѣстахъ производились облавы на дикихъ козъ и прочихъ звѣрей[1]). Охота въ заповѣдныхъ мѣстахъ не въ обычное время облавъ, какъ и вообще разгонъ въ нихъ звѣрей, запрещаются уставомъ 1640 г. подъ угрозой довольно строгихъ штрафовъ; развѣ кто учинитъ это «невѣдѣніемъ», т. е. если не знаетъ объ объявленномъ запрещеніи одиночной охоты въ данномъ мѣстѣ, предназначаьшемся для большихъ облавъ[2]).

Уставъ 1640 г. констатируетъ обычаи облавной охоты, въ особенности установляетъ штрафы за несоблюденіе осторожности при облавной стрѣльбѣ и гарантируетъ охотничьи права облавщиковъ на добычу. По всему видно, облавы ойратовъ XVII вѣка производились по тѣмъ же правиламъ, какъ и у старыхъ монголовъ. »Знатная компанія», т. е. цѣлые отряды охотниковъ, собиравшихся вокругъ облавнаго урочища (очевидно, по назначенію ойратскихъ тайшей или нойоновъ, какъ въ старину великихъ хановъ), «порядочно объѣзжаютъ» звѣрей, находившихся въ облавномъ мѣстѣ; причемъ охотники, по обычаю, не должны «распудить», разгонять звѣрей, подъ угрозой значительнаго штрафа[3]). Затѣмъ, каждый, участвующій въ облавѣ, долженъ соблюдать обычный порядокъ охоты — держаться въ назначенномъ для него мѣстѣ, «напередъ не выскакивать, чрезъ одинъ или нѣсколько «перестрѣловъ», — иначе

ные» или «облавные мѣста», гдѣ, подъ угрозой большихъ наказаній, запрещено «воровски промышлять» или «воровски добивать» соболей и другихъ звѣрей; охота здѣсь производится облавою въ опредѣленное время, по назначенію правительства. См Іакинфа Зап. о Монг. IV, 264—265.

[1]) Уст. 37, 76.

[2]) За разгонъ звѣрей въ запрещенныхъ мѣстахъ положенъ штрафъ — 1 верблюдъ и 8 скотинъ (уст. 37). Въ Зинз. уложеніи сказано объ «испугѣ дикихъ козъ и птицъ»; виновный даетъ лошадь и оружіе, которымъ стрѣлялъ, тому, кто его увидитъ, но онъ свободенъ отъ штрафа, если «отзовется невѣдѣніемъ» (ст. 34).

[3]) Именно 5-ти лошадей По Чингисову уставу, небрежность охотника въ этомъ случаѣ наказывается, какъ уже замѣчено, гораздо строже палками, а иногда и смертію. См. выше.

грозитъ новый штрафъ[1]). Охотничье право калмыковъ гарантировало, далѣе, права облавщиковъ на добычу: если кто при облавной охотѣ подстрѣлитъ дикаго звѣря и онъ уйдетъ съ стрѣлой, охотникъ долженъ объявить о томъ прочимъ и затѣмъ въ правѣ требовать вознагражденія (въ количествѣ 5-ти скотинъ) отъ того, кто «сыскавъ звѣря утаитъ»[2]). Наконецъ, уставъ 1640 г. требуетъ осторожнаго обращенія съ оружіемъ во время облавъ и въ случаѣ (хотя бы нечаяннаго) убійства или пораненія на охотѣ людей и скота (даже прострѣленія платья), облагаетъ виновныхъ штрафами, впрочемъ значительно меньшими сравнительно съ штрафами за тѣже преступленія въ обыкновенныхъ случаяхъ[3]). Зинзилинское уложеніе собственно не прибавило (кромѣ правила объ убійствѣ на охотѣ) никакихъ измѣненій касательно облавъ, — въ его время, по видимому, они стали у калмыковъ уже выходить изъ обычая. По Палласу, въ прошломъ столѣтіи у нихъ устраивались облавы обыкновенно на волковъ, истребленіе которыхъ было, между прочимъ, въ интересахъ охраненія стадъ и табуновъ отъ ихъ расхищенія. У теперешнихъ калмыковъ, какъ замѣчено, облавныя ловитвы вовсе вошли изъ обычая[4]).

Кромѣ охоты облавной, производившейся «знатною компанію», въ калмыцкихъ уставахъ есть рядъ постановленій объ

---

[1]) Кто выскочитъ чрезъ три перестрѣла, даетъ лошадь, черезъ два — барана, чрезъ одинъ — 5 стрѣлъ См. уст. 1640 ст. 130.

[2]) Вообще кто утаитъ звѣря раненнаго другимъ, хотя бы на немъ не было стрѣлы, у того берется лошадь, на которой ему случится при томъ быть. Точно также, запрещается присвоять чужую стрѣлу. которую хозяинъ ищетъ. См. уст. 1640 ст 131, 132.

[3]) Правила объ облавахъ изложены въ ст. 76—79, 129—132 устава 1640 г. По Зинз. уложенію не полагается штрафа, если кто, охотясь на звѣря, убьетъ безъ умысла и всякой злобы, нечаянно, человѣка или скотину; въ такихъ случаяхъ взыскивается лишь то, «что слѣдуетъ въ пользу ближнихъ» (ст. 169).

[4]) См. Палласа Saml. I. 148. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 7. стр. 25. Бентковскаго Взглядъ на кочев. культуру, 40.

охотѣ въ одиночку и небольшими артелями[1]), выходившими на звѣриныя и птичьи ловитвы посредствомъ «ловчихъ птицъ и собакъ». Охотничьи обычаи калмыковъ гарантируютъ право охотника на «упущенную» имъ на охотѣ или въ иномъ мѣстѣ ловчую птицу, установляя награды за ея поимку. Право на награду признается за тѣмъ, кто пойманную птицу немедленно представитъ въ ставку владѣльца Самое количество награды опредѣляется различно, смотря по общественному положенію хозяина птицы и по «достоинству» послѣдней[2]). Съ другой стороны, убійство и кража ловчихъ птицъ и собакъ наказываются опредѣленными штрафами, смотря и здѣсь по «достоинству» ловчихъ птицъ [3]).

Наконецъ, охотничье право калмыковъ установляетъ правила касательно ловли звѣрей и птицъ посредствомъ постановки въ извѣстныхъ мѣстахъ самострѣловъ, капкановъ, тенетъ и птичьихъ сѣтей; особенно подробно говорятъ калмыцкіе уставы о ловлѣ самострѣлами. Обычаемъ требовалось, чтобы о всякомъ самострѣлѣ, поставленномъ для звѣря, охотникъ объявлялъ своимъ сосѣдямъ (по сп. Палл. — «den ganzen Nachbarschaft»); необходимо было не только объявить о само-

---

[1]) Въ прежнее время калмыки устраивали охоту съ беркутами и другими птицами, собравши артель не менѣе пяти человѣкъ Двое, посадивъ беркута на шестъ, ѣхали по срединѣ, составляя центръ охоты, а трое отъ ѣзжали въ разныя стороны (соблюдая въ такихъ случаяхъ обычный порядокъ движеній — въ походѣ, перекочевкахъ и на охотѣ); затѣмъ спускали беркута, который и гнался за замѣченнымъ звѣремъ. Ближайшій къ беркуту охотникъ, давъ знать остальнымъ, скакалъ за птицей и подбиралъ пойманаго звѣря. Въ такомъ же порядкѣ шла охота и дальше (Бентковскаго Взглядъ, 39). Теперь калмыки производятъ артельно (обыкновенно парами— въ двѣ, три и больше паръ) охоту на сайгаковъ. (Небольсина, въ Библ. СХШ, № 7, стр. 25).

[2]) За ловчую птицу владѣльца (т. е. улуснаго нойона) полагается награда больше, чѣмъ другихъ лицъ; и затѣмъ, птица, ловящая лебедей, оплачивается дороже, чѣмъ та, которая ловитъ менѣе цѣнныхъ птицъ и звѣрей Зин улож. гл. VI, п. 3

[3]) За убійство птицы полагается платежъ лошадью, а за кражу—взы-

стрѣлѣ, но и точно указать самое мѣсто его постановки, — только подъ условіемъ такого указанія сосѣдямъ охотникъ освобождался отъ наказанія на случай убійства или пораненія самострѣломъ кого либо изъ людей или скота[1]). Право на добычу принадлежитъ хозяину самострѣла. Отсюда — кто найдетъ раненнаго звѣря, долженъ объявить другимъ о находкѣ, — присвоеніе звѣря безъ объявленія подлежитъ штрафу. На томъ же основаніи взятіе звѣря изъ чужаго капкана оплачивается наравнѣ съ воровствомъ. Самые снаряды ловитвъ — тенета, капканы и пр., считаются неприкосновенной принадлежностью охотника, — виновный въ ихъ кражѣ по старому уставу подлежалъ отрубанію перстовъ или, если ихъ жалѣлъ, штрафу 5 скотинъ[2]).

Въ такихъ же формахъ развито охотничье право въ «степныхъ законахъ» одноплеменныхъ съ калмыками инородцевъ, въ особенности монголо бурятъ. Въ сборникѣ Самоквасова записанъ рядъ охотничьихъ обычаевъ бурятъ, рѣшительно тождественныхъ съ калмыцкими обычаями, какъ они формулированы въ изучаемыхъ нами уставахъ. Для насъ въ особенности важны данныя изъ охотничьяго быта бурятъ, касающіяся такихъ вопросовъ, которые мало выяснены въ калмыцкихъ уставахъ, напр. вопросовъ объ артельной формѣ звѣриныхъ промысловъ, добычѣ и раздѣлѣ ея по общиннымъ началамъ и пр. Въ видахъ болѣе полнаго ознакомленія съ основными началами охотничьяго права по обычаямъ ойратскихъ племенъ, у которыхъ въ старое время имѣлъ силу уставъ 1640 г., мы изложимъ

сканіе «такихъ же пяти птицъ или собакъ»; взысканія эти могутъ быть «учетверены», смотря по ихъ достоинству. См. уст. 1640, ст. 133; Зин. улож. 188 п. 2.

[1]) При объявленіи о мѣстѣ охоты, хозяинъ самострѣла былъ свободенъ отъ штрафа, положеннаго за убійство, и платитъ родичамъ убитаго только «жестокую вещь», т. е. панцырь, пищаль или саблю. (См. уст. 107.)

[2]) Уст. 1840 ст. 106, 107, 135.

здѣсь главныя положенія охотничьяго права бурятъ, формулированныя ими на родовыхъ сходахъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія[1]).

Буряты изстари занимаются, кромѣ скотоводства, также звѣриными и птичьими промыслами, въ лѣсахъ и прочихъ мѣстахъ, на земляхъ, принадлежащихъ всему ихъ «обществу». На общинныхъ земляхъ и лѣсахъ устраиваются общія облавы, ставятся самострѣлы и другія ловушки, производятся также промыслы въ одиночку — гонитвы за звѣрями и пр. Кромѣ того охотничьему праву бурятъ извѣстны отдѣльныя звѣроловныя мѣста, отдаваемыя «во владѣніе по закону» частнымъ лицамъ, — промыслы на такихъ мѣстахъ безъ дозволенія владѣльцевъ обычное право бурятъ наказываетъ, какъ и всякое другое нарушеніе частныхъ промышленныхъ и имущественныхъ правъ[2]). — Облавы составляются «общей и многолюдной артелю» звѣролововъ. Если они «положатся», что «пріобрѣтенное уравнительно получить на общую артель», то обычное право требуетъ основываться на томъ же уравнительномъ порядкѣ и при возможныхъ во время облавъ убыткахъ или бѣдствіяхъ. Вообще артельное начало облавныхъ ловитвъ установляетъ солидарность артельщиковъ въ дѣлѣ добычи и убытковъ, какъ это имѣетъ мѣсто при всякомъ артельномъ промыслѣ. Если при многолюдныхъ облавахъ падетъ у кого лошадь или случится убытокъ, «сколько ихъ (артельщиковъ) было при сей облавѣ, то должны заплатить половинную часть, а уловъ должны раздѣлить пополамъ»; на томъ же основаніи, если при «стрѣляніяхъ» кто изломаетъ лукъ или стрѣлу, «въ платежѣ сего должна участвовать та сторона, съ которой былъ тотъ изломавшій». Въ силу же артельнаго начала, все взысканное на

---

[1]) Охотничье право бурятъ изложено въ сборникѣ Самоквасова, на стр. 84, 130, 137, 141, 143, 150, 159, 186, 187.

[2]) См. Самоквасова, 84, 159.

облавѣ съ похитителей убитыхъ звѣрей «съѣхавшіеся на облаву люди должны раздѣлить»[1]). — Кромѣ облавъ, производящихся многолюдными артелями, охотничье право бурятъ установляетъ правила объ охотѣ небольшими артелями, «ежели кто либо два или три человѣка или же больше согласятся идти на звѣроловство». Промыслъ въ такой формѣ ведется также по обычнымъ артельнымъ началамъ: «ежели одного изъ нихъ (артельщиковъ) отъ чего либо издохнетъ лошадь или какой съ нимъ нечаянно послѣдуетъ убытокъ, то сіе должны раздѣлить по равнымъ частямъ; уловъ звѣрей раздѣлить таковымъ же образомъ, однакоже, должны поступить въ сходность начальнаго ихъ условія»[2]). — Обычаи установляютъ также правила одиночной охоты, въ особенности касательно правъ охотника на добычу. Такъ, кто изловитъ кѣмъ либо раненнаго звѣря, тотъ беретъ лучшую часть, а прочее отдаетъ тому, кто въ началѣ обранилъ. Кто подстрѣлитъ звѣря и послѣдній уйдетъ, а потомъ его подстрѣлитъ другой, — добыча дѣлится между ними пополамъ; но если первый охотникъ не подстрѣлитъ звѣря, а только за нимъ гонится въ слѣдъ, другой же застрѣлитъ, въ такомъ случаѣ «первогнавшійся» не въ правѣ ничего требовать. Да и вообще охотничье право бурятъ далеко не чуждо первобытныхъ воззрѣній на охотничью добычу, какъ предметъ общаго пользованія. Воззрѣнія такія лежатъ въ основѣ слѣдующаго обычая бурятской охоты: «буде кто повстрѣчается съ тѣмъ, кто при видѣ его убилъ соболя, лисицу или волка, то убившій онаго долженъ видѣвшему отъ избытка своего улова дать переднія двѣ лапы, а ежели убьетъ большаго звѣря, или дикую козу, или же кабана, видѣвшій долженъ получить отъ того промысла стегно мяса»[3]). — Наконецъ, обычное право бурятъ касается ловли звѣрей и птицъ посредствомъ самострѣловъ—луковъ, также звѣроловныхъ ямъ, крежей и тому по-

[1]) См. Самоквасова, 130, 137, 187.
[2]) Тамъ же, 186—187.
[3]) Тамъ же, 143, 187.

добныхъ ловушекъ. По охотничьему праву Хоринскихъ бурятъ, никто не долженъ вырывать звѣроловныхъ ямъ отъ скотскаго выпуска ближе 20 верстъ и не ставить самострѣловъ ближе 7 верстъ; обычное же право бурятъ Селенгинскихъ вообще запрещаетъ приготовлять для улова звѣрей ловушки — ямы, луки и пр., въ разстояніи отъ жилищъ ближе 20 верстъ, особенно «потаенно» на стойбищахъ скота При томъ, «для предосторожности», каждый охотникъ, ставящій ловушки, долженъ объявить о томъ улуснымъ жителямъ; тогда только охотникъ остается безъ взысканія, въ случаѣ какого либо вреда или убытка, происшедшаго отъ его ловушки для людей или скота (по хоринскому праву охотникъ, даже при соблюденіи сказанныхъ условій, платитъ убытокъ, но безъ наказанія, если напр. въ устроенную имъ яму или иную ловушку что-либо «повергнется»). Всяое похищеніе добычи изъ чужихъ ловушекъ оплачивается по бурятскому праву значительными штрафами и наказаніемъ лозами[1]).

---

[1]) См Самоквасова. 130, 141, 159, 186. Подобныя же правила находимъ въ «степныхъ законахъ» другихъ восточныхъ инородцевъ. Обычаи киргизовъ, напр, установляютъ довольно строгія взысканія за порчу и похищеніе чужихъ сѣтей, капкановъ и другихъ ловушекъ, за кражу охотничьихъ собакъ, беркутовъ и пр. (См. Самоквасова, 274, 277). Охотничье право тунгусовъ—въ существенныхъ чертахъ тоже, что и бурятъ. Такъ, «большія облавы» производятся «артелями», которыя платятъ сообща за пропажу коня или верблюда у кого либо изъ артельщиковъ; за порчу и утрату другихъ вещей платятъ тѣ, «кто съ нимъ (т. е. хозяиномъ вещи) при одномъ огнищѣ въ облавѣ находились»; при «однодневныхъ» облавахъ дѣла о пропажѣ вещей рѣшаются родовыми старшинами Для звѣроловства отводятся каждому роду (наслегу) отдѣльныя мѣста, на которыхъ производятся облавы и ставятся самострѣлы (стрѣлебные на звѣрей луки), петли, пасти и другія ловушки, также копаются звѣроловныя ямы и производятся одиночныя ловитвы. Обычаи запрещаютъ, во 1-хъ, выкапывать (какъ и у бурятъ) звѣроловныя ямы внутри стойбищъ общества и отъ скотскаго выпуска ближе 20 верстъ, а самострѣлы — ближе 5 верстъ отъ скотскихъ «пристоевъ» и выпусковъ, и во 2-хъ, ставить самострѣлы и стрѣлебные луки на «черную землю», пока снѣгъ не выпадетъ (снаряды эти снимаются и убираютея прежде растаянія и

Право пастушеское и охотничье исчерпываетъ собой хозяйственныя формы, нормированныя въ калмыцкихъ уставахъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій калмыцкой степи, старыя облавы и ловитвы, какъ уже замѣчено, вышли изъ обычая между калмыками. Мало того: тѣже самыя условія постоянно обездоливаютъ значительную часть степнаго населенія путемъ расхищенія стадъ и такимъ образомъ отрываютъ его и отъ главнаго степнаго промысла-скотоводства, обращая зажиточныхъ скотоводовъ нерѣдко въ круглыхъ бѣдняковъ — «байгучей», вынужденныхъ вслѣдствіе лишенія стадъ вовсе выходить изъ степи и пріискивать пропитаніе на сторонѣ, путемъ найма въ заработки и пр. Классъ такихъ байгучей, отставшихъ отъ степныхъ промысловъ, былъ вполнѣ извѣстенъ между монголами уже въ эпоху ойратства второй половины XVII вѣка, какъ это ясно видно изъ постановленій конъ-тайши Галдана о собираніи и пропитаніи людей убогихъ, уходившихъ по бѣдности изъ своихъ родовыхъ союзовъ (уст. 1640 ст. 151—154). Тотъ же классъ байгучей-калмыковъ не исчезалъ никогда и въ русскихъ степяхъ: какъ показываютъ данныя изъ исторіи русскихъ калмыковъ, классъ людей, выходившихъ по бѣдности изъ положенія скотоводовъ и обращавшихся къ другимъ заня-

---

сгона снѣга). Одиночная охота производится по тѣмъ же обычаямъ, что и у бурятъ (см. Самоквасова, 34, 35, 38, 50, 54, 59, 61—63). У якутовъ каждый членъ наслега (отока калмыковъ) производитъ «невозбранно» во «владѣніи» своего рода звѣриные промыслы, «не разсчитывая того, что угодья состоятъ въ участкѣ одного или нѣсколькихъ родниковъ»; чужеродецъ можетъ промышлять въ чужомъ наслегѣ лишь съ дозволенія мѣстныхъ жителей, или «мимоходомъ и мимоѣздомъ» стрѣляя птицъ и звѣрей или ставя на нихъ «морды» и сѣти «для одного пропитанія», но не въ значеніи постояннаго промысла. Луки и ловушки нельзя ставить внутри селеній и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ходятъ люди и скотъ, да и то требуется «предостереженіе» жителей. Есть также правила объ одиночной охотѣ (о помощи во время охоты, о ловлѣ въ «погоню» за звѣремъ и пр.), о похищеніи ловчихъ снарядовъ и добычи (тамъ же, 213—214), Сходныя же правила охоты изложены въ «степныхъ законахъ» вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ (тамъ же, 22).

тіямъ, въ особенности къ заработкамъ на *рыболовныхъ* и *соляныхъ промыслахъ*, доселѣ не только не умаляется между калмыками, но, напротивъ, сильно прогрессируетъ и въ настоящее время обнимаетъ большинство кочеваго населенія калмыцкой степи. Уже въ первой половинѣ прошлаго вѣка классъ байгучей-рыболововъ достигалъ значительныхъ размѣровъ[1]); но тогда число ихъ должно было относиться въ болѣе умѣренной пропорціи къ прежнему населенію калмыцкой степи, въ большинствѣ состоявшему изъ зажиточныхъ скотоводовъ. Не то оказалось послѣ ухода калмыцкой орды въ 1771 г., когда стала устанавливаться иная пропорція между зажиточными скотоводами и байгучами-рыболовами. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія треть населенія калмыцкой степи состояла уже изъ круглыхъ бѣдняковъ, жившихъ заработками на рыбныхъ и другихъ промыслахъ[2]). Чрезъ 20 лѣтъ байгучество уже обнимало не треть, но бо́льшую половину населенія калмыцкой степи[3]),— не видно, чтобы приняты были и въ послѣдующее время какія либо мѣры противъ развитія степнаго пролетаріата, грозящаго обнять чуть не все населеніе калмыцкой степи. Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ лишь одни указанія на рыболовный (въ 135 ст. уставѣ 1640 г. упоминаются рыбьи сѣти) и другіе

---

[1]) Изъ калмыцкихъ дѣлъ видно, что въ 1741 г. 13-ть астраханскихъ рыбопромышленниковъ наняли для рыболовнаго промысла изъ байгучей 6400 кибитокъ или 12800 душъ муж. пола См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 97.

[2]) Въ это время изъ 28 тысячъ муж. пола степнаго населенія было 9 тыс. калмыковъ, вовсе оставившихъ скотоводство и нанимавшихся въ рабочіе въ другихъ мѣстахъ, преимущественно у рыбопромышленниковъ и на соледоломняхъ. См. Бюлера тамъ же, 97.

[3]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ во время переписи калмыковъ въ 1868—69 гг., изъ 65 тысячъ муж пола населенія калм степи было 37 тыс., жившихъ рыболовствомъ; скотоводы обнимали лишь съ небольшимъ треть степнаго населенія (25 тыс), хлѣбопашцевъ—всего 203 души; затѣмъ занимавшихся ремеслами 138 д и полныхъ байгучей - нищихъ, жившихъ на обществ. призрѣніи, — 1300 душъ м п (см. Костенкова о калм. 168).

промыслы и работы, ради которыхъ обѣднѣвшимъ калмыкамъ (байгучамъ) не «возбраняется» имѣть по письменнымъ видамъ проживаніе гдѣ либо въ постороннемъ мѣстѣ (Зинз. улож. ст. 35, п. 13). Какъ видно изъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ, между ними встрѣчаются цѣлые родовые союзы, которые, лишившись скота по разнымъ причинамъ, снискиваютъ пропитаніе путемъ заработковъ, главнымъ образомъ нанимаясь въ «ловецкое (рыболовное) дѣло» цѣлыми «ватагами» — артелями чернорабочихъ (неводчиковъ и пр.). Калмыки отправляются въ ловецкую работу обыкновенно въ двѣ «путины» (срока) — весеннюю и осеннюю, артелями въ двѣ или три лодки (съ тремя ловцами каждая); при чемъ артели калмыцкія предлагаютъ лишь рабочія руки, — снастями и кормомъ зачасаются отъ нанимателей впередъ, въ счетъ заработковъ, выплачиваемыхъ обыкновенно по количеству улова въ концѣ каждой путины. При установившейся между калмыками системѣ аргельнаго найма съ хозяйской ссудой, безъ самостоятельныхъ ловецкихъ запасовъ артели, въ результатѣ большею частію выходитъ, что калмыкъ-рыболовъ всегда остается въ «недоловѣ», т. е. въ долгу у предпринимателя. Ловейкое дѣло служитъ, поэтому, для бѣднякa-калмыка лишь источникомъ пропитанія, изо дня въ день, но не даетъ ему возможности скоплять сбереженія, чтобы, пріобрѣвши скотъ, снова войти въ одну колею съ своими зажиточными однородцами, ведущими предковскій, скотоводческій промыслъ[1]).

Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ также немного указаній на обычаи *степной торговли*. Старый уставъ 1640 г. вовсе не касается этого вопроса; лишь въ законахъ конъ-тайши

---

[1]) См. Небольсина, въ Библ. д. чт. CXIII, № 5, стр. 50; № 7, стр. 39. калм. степь, III, 100—101. Костенкова о калм. 73, 132.—Изъ тѣхъ же бѣдняковъ-байгучей составляются «ватаги»-артели, обыкновенно изъ 10-ти человѣкъ, для работъ въ соляныхъ озерахъ — для ломки соли, складки ея въ бугры (бунты), для перевозки соли съ озеръ къ пристанямъ и пр. (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 97. Небольсина въ Биб. CXIII, № 7, стр. 40).

Галдана находимъ три статьи (143, 157 и 158) — о запрещеніи людской торговли (рабами, въ особенности плѣнными), о наказаніяхъ за кражу товаровъ и о заявленіи родовымъ старшинамъ о всякихъ прибывающихъ иноземныхъ гостяхъ (послѣ чего ихъ только можно принимать на ночлегъ и пр.)[1]). По наблюденіямъ изслѣдователей калмыцкаго быта, «не было до сихъ поръ примѣра, чтобы кто либо изъ калмыковъ занимался, какъ купецъ, постоянною торговлею какими нибудь товарами»[2]). И это понятно: при несложности потребностей домашняго обыхода кочевниковъ, а также въ силу неразвитости имущественнаго оборота внутри родовыхъ союзовъ, мало усвоившихъ начала индивидуальной собственности, кочевые роды вовсе не развиваютъ сложной системы мѣновыхъ оборотовъ между самими однородцами,—у кочевниковъ имѣетъ мѣсто лишь первычная форма торговли — «гостьба», торгъ съ заѣзжими, «чужими гостями». Самъ кочевникъ-скотоводъ, вѣчно занятый уходомъ за своими стадами и табунами, не имѣетъ возможности и интереса (подобно осѣдлому хлѣбопашцу, пользующемуся періодически значительнымъ досугомъ для торговли въ своей общинѣ и для отъѣздной купли, гостинства) отлучаться далеко отъ своего кочевья и, напротивъ, находитъ для себя болѣе выгоднымъ тутъ же на мѣстѣ, въ своихъ кочевьяхъ, сбывать заѣзжимъ купцамъ скотъ и другіе предметы несложнаго степнаго хозяйства. И дѣйствительно, такъ изстари ведется торговое дѣло у калмыковъ и другихъ кочевыхъ скотоводовъ. Своимъ «кибиточнымъ» мастерствомъ кочевникъ удовлетворяетъ лишь самыя необходимыя и простыя нужды домашняго обыхода[3]);

---

[1]) Въ Зинз. уложеніи повторена статья о кражѣ товаровъ (ст. 199, п. 20) и прибавлено новое правило, запрещающее тайную продажу вина и картъ (ст. 110).

[2]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 96.

[3]) Замѣтимъ кстати, что нѣкоторые изслѣдователи, черезчуръ идеализирующіе бытъ калмыковъ, находятъ у нихъ «*ремесленность*» почти въ такой же степени развитой, какъ и у осѣдныхъ народовъ, — открываютъ у

все, что выходитъ изъ сферы незатѣйливыхъ знаній кочеваго мастера, пріобрѣтается степняками путемъ мѣноваго торга съ «чужими» гостями. Въ калмыцкой степи, можно сказать, доселѣ держатся тѣже самые обычаи мѣновой «купли—гостьбы», какую въ старину вели новгородскіе ушкуйники съ волжскими кочевниками. Теперешніе гости—«коробейники» и гуртовщики (русскіе, армяне, хивинцы и пр.) разъѣзжаютъ съ «коробьями» красныхъ товаровъ по калмыцкимъ кочевьямъ и производятъ здѣсь непосредственный обмѣнъ товаровъ на продукты кочеваго хозяйства калмыковъ. Мѣстомъ постоянной «гостьбы» служитъ въ каждомъ улусѣ владѣльческая ставка, по сосѣдству съ которой обыкновенно располагаются заѣзжіе купцы особой группой кибитокъ, образующихъ кочевой «базаръ» и передвигающихся вмѣстѣ съ калмыками съ одного кочевья на другое[1]). Сбытъ скота и другихъ предметовъ кочеваго хозяйства (шерсти, мѣховъ и пр.) производится калмыками обыкновенно во время перекочевокъ съ зимнихъ стойбищъ (съ марта и до іюля), на весенніхъ базарахъ и ярмаркахъ (у владѣльческихъ ставокъ), куда прикочевываютъ скотоводы съ продажнымъ скотомъ и съѣз-

---

калмыковъ, напр., классы мастеровъ экипажныхъ, литейныхъ, мебельныхъ и пр (см. Небольсина, въ Библ. для чт. 1852 № 7, стр. 38). Больше подходятъ къ дѣлу показанія о ремесленности калмыковъ, собранныя въ извѣстномъ трудѣ Кумо-Манычской экспедиціи («Калм. степь» и пр.), гдѣ этотъ вопросъ поставленъ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. «Ремесленность распространена между калмыками для домашняго обыхода, и то въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, не удовлетворяющихъ даже всѣхъ нуждъ народа, такъ что большая часть вещей, необходимыхъ въ быту калмыковъ, пріобрѣтается на сторонѣ и отъ купцовъ (заѣзжихъ), находящихся въ улусахъ. Калмыки поучаются разнымъ мастерствамъ одинъ отъ другаго. При кочевомъ бытѣ, они не могутъ имѣть постоянныхъ мастерскихъ, а каждый мастеровой работаетъ, когда есть къ тому возможность и необходимость для домашняго обыхода или по заказу другихъ». (См Калм. степь, III, 152—153). Выше указано, что по переписи 1868—69 г. приходилось на всю калм. степь лишь 138 ремесленниковъ изъ калмыковъ.

[1]) См Нефедьева о волж. калм. 111. Небольсина, № 7, стр. 48, 51, 53. Костенкова о калм. 129.

жаются изъ соѣднихъ мѣстъ купцы (гуртовщики и сгонщики). Скотскій торгъ въ улусахъ ведется по мелочамъ и оптомъ, чаще всего на «бирку» (въ долгъ) или на мѣну баранами и пр.[1]).

3. *Хищничество и военно-дружинный бытъ родовыхъ союзовъ.* Родовые союзы старыхъ монголовъ, какъ уже замѣчено не разъ, являлись боевыми дружинами, совершавшими постоянные хищническіе набѣги и предпріятія ради наживы, добыванія съ сосѣдей дани и добычи, составлявшей вмѣстѣ съ звѣриными ловитвами и скотоводствомъ основную статью племеннаго богатства хищныхъ кочевниковъ. Постоянная жизнь кочевника съ оружіемъ въ рукахъ условливалась, какъ примитивными формами добыванія средствъ къ жизни, такъ и необходимостію самоохраны и самозащиты противъ хищническихъ нападеній другихъ враждебныхъ племенъ. Лишенный организованныхъ средствъ защиты, находимыхъ осѣдлымъ людомъ въ общинахъ-укрѣпленіяхъ (градахъ) или въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ и лѣсныхъ захолустьяхъ, степной кочевникъ бродитъ съ своими стадами по открытымъ равнинамъ, полагаясь лишь на собственную отвагу, силу своихъ мускуловъ и меткость руки, вооруженной лукомъ и стрѣлой. Степнякъ долженъ постоянно держаться на чеку, быть на сторожѣ у своихъ стадъ и табуновъ, сплачивать личныя силы, чтобы отбиваться отъ хищнаго звѣря и набѣговъ враждебнаго племени, и чтобы въ свою очередь имѣть возможность хищническаго добыванія средствъ къ жизни.

---

[1]) Калмыки-товарищи составляютъ родъ артелей, подбирающихъ изъ своего скота гурты на продажу. «У калмыковъ гуртовщики не назначаютъ особой цѣны за каждую скотину отдѣльно, а берутъ нѣсколько головъ у нѣсколькихъ хозяевъ и назначаютъ среднюю цѣну, безъ различія хорошей скотины отъ дурной, предоставляя калмыкамъ послѣ произвести между собой дробный разсчетъ. Калмыки привыкли къ этого рода продажѣ скота, и чтобы избѣжать распрей при раздѣлѣ выручки между нѣсколькими хозяевами, стараются укомплектовать гуртъ такимъ образомъ, чтобы всѣ быки и коровы

Отсюда необходимость вооруженной, лагерной жизни съ оружіемъ въ рукахъ, — здѣсь корень боеваго, военно дружиннаго строя всей жизни степныхъ кочевниковъ.

И съ другой стороны, боевая жизнь съ оружіемъ въ рукахъ, постоянныя военныя предпріятія и хищничество, возникшія изъ примитивныхъ условій всей жизни кочевниковъ, являлись вмѣстѣ съ тѣмъ той бытовой почвой, которая исключительно поддерживала между ними родовое сознаніе. Хищничество подогрѣвало и закрѣпляло родовыя связи новыми узлами, завязывавшимися съ каждымъ наростающимъ поколѣніемъ родичей: въ хищническихъ интересахъ родичи держались всегда сплоченно, смыкались въ сложныя и организованныя родовыя группы и федераціи. Гдѣ народъ ведетъ стадную, лагерную жизнь хищныхъ степняковъ-кочевниковъ, тамъ въ основѣ всего народнаго быта непремѣнно будутъ лежать начала кровнаго родства. Родовыя формы и хищничество — двѣ неразрывно связанныя стороны примитивной жизни воинственныхъ кочевниковъ, бродившихъ съ своими организованными родами и стадами по безмѣрнымъ степямъ и равнинамъ.

На почвѣ всѣхъ этихъ условій развился и упрочился хищническій, дружинно-родовой бытъ монгольскихъ племенъ. Ойратскій уставъ 1640 г. и имѣлъ въ виду развить рядъ формулъ дружинно-родоваго «ойратства» — сплоченія воинственныхъ племенъ въ одно политическое цѣлое, съ строго-организованнымъ строемъ могучей кочевой орды, управляемой сильнымъ нарядомъ своихъ родовыхъ вождей. Отмѣняя внутреннее хищничество и рознь между отдѣльными племенами, сводя ихъ въ одинъ «оронъ», ойратскій уставъ тѣмъ самымъ направлялъ

были одинаковыхъ достоинствъ. Бараны также покупаютъ оптомъ, но съ допущеніемъ брака худыхъ, тощихъ или больныхъ, если таковые имѣются въ гуртѣ». См. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 7, стр 49—50. О степной торговлѣ калмыковъ см. тамъ же, стр. 46—54. Нефедьева о вож. калм. 111. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 94—96. Костенкова о калмы. 129.

всю дружинно-родовую организацію этихъ племенъ на внѣшнее хищничество и усиленіе политической ихъ силы и могущества. Почвой такого ойратства и послужили изстаринныя начала воинственно-родоваго быта старыхъ монголовъ, — начала, взятыя ойратскимъ уставомъ изъ стародавшихъ народныхъ обычаевъ и получившія въ немъ лишь опредѣленную и стройную организацію. Въ этомъ отношеніи едва ли можно указать на другой памятникъ первобытной степной культуры, въ которомъ съ такого обстоятельностію была бы развита вся детальная обстановка дружинно-родоваго быта старыхъ хищныхъ кочевниковъ, какъ это мы находимъ въ ойратскомъ уставѣ монголовъ XVII вѣка, обрисовывающемъ въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ типическія черты военно-дружиннаго, хищническаго быта монгольскихъ племенъ. — Мы изложимъ здѣсь главнѣйшія данныя калмыцкихъ уставовъ касательно племеннаго хищничества, военной организаціи родовыхъ союзовъ и пр.

Какъ извѣстно, кочевая культура вовсе не знаетъ строго-отрицательныхъ воззрѣній на *хищничество*, появляющихся у народовъ осѣдлаго типа Для кочевника хищничество являлось необходимымъ и потому всеобщимъ и дозволеннымъ промысломъ, лишь бы оно не вторгалось въ сферу ближайшихъ, междусоюзныхъ интересовъ однородцевъ; тѣмъ болѣе, что всѣ виды и формы хищничества связывались для кочевника всегда съ личной отвагой и доблестью: добывая путемъ хищничества племенное богатство, кочевникъ становился славнымъ дружинникомъ, достигалъ родоваго почета и значенія. Это-то хищничество, съ его конечной и — для кочевника — вполнѣ законной цѣлью — добываніемъ дани и добычи, составляло исконный обычай у всѣхъ монгольскихъ племенъ. Въ ойратскомъ уставѣ констатировано нѣсколько формъ и видовъ родоваго хищничества, практиковавшагося у монголовъ съ незапамятныхъ временъ. Таково хищническое нападеніе большой, организованной орды на цѣлые улусы и «нутуки», — нападеніе, ведущееся въ формѣ войны, съ разореніемъ и плѣномъ людей, расхищеніемъ имущества и пр.; таковы отдѣльныя хищническія

предпріятія на небольшихъ пространствахъ, безъ организованной войны, — предпріятія «воровскихъ бандъ», шаекъ хищниковъ, собиравшихся безъ участія главныхъ родовыхъ вождей, по иниціативѣ мелкихъ родовыхъ союзовъ, съ цѣлью отгона скота и пр.; наконецъ, сюда относятся личныя дѣйствія отдѣльныхъ индивидовъ, собственной отвагой и хищничествомъ доставлявшихъ добычу для своихъ родовыхъ союзовъ[1]). Всѣ эти формы хищничества не имѣютъ мѣста лишь между близкими родичами, какъ въ силу имущественной общности родовыхъ отношеній (значитъ—по недостатку предмета для хищничества), такъ и въ силу общей солидарности родовыхъ союзовъ. Напротивъ, въ собственныхъ интересахъ послѣднихъ хищничество и направлялось всегда за предѣлы родовъ; оно и предпринималось ради накопленія ихъ матеріальныхъ средствъ въ видѣ добычи, входившей въ общую массу родоваго имущества. Племенное хищничество монголовъ проявлялось въ отношеніяхъ, не только къ чуждымъ народамъ, но и къ одноплеменникамъ отдаленныхъ родовыхъ степеней, утратившимъ непосредственныя родовыя связи и жившимъ разрозненнымъ племеннымъ бытомъ. Противъ этой-то племенной розни и враждебности и направлялось ойратство, созданное въ концѣ XIV в. зюнгарскими племенами и затѣмъ въ началѣ XVII в. обнявшее большинство монгольскихъ племенъ. Правовые обычаи, развившіеся на почвѣ ойратства, и легли въ основу устава 1640 г., стремившагося къ отмѣнѣ хищничества между ойратскими племенами.

Отмѣна племеннаго хищничества по началамъ ойратства, формилированнымъ въ уставѣ 1640 г., не могла осуществиться однимъ фактомъ изданія послѣдняго. Для этого нужно было вести долгую и упорную борьбу со всѣмъ хищническимъ складомъ кочевой жизни, — нужно было, что называется, клинъ

---

[1]) О хищничествѣ см. уст. 1640 г. ст. 1, 2, 6, 17, 19. 66 и пр.; Зин. улож. 86, 107, 146, 189. См. выше объ отгонахъ скота.

клиномъ выгонять, противопоставляя правильно организованную силу старымъ племеннымъ инстинктамъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ принципами ойратства и предпочитавшимъ бытовые обычаи хищничества. Такъ и дѣлаетъ уставъ 1640 г.: междусоюзному хищничеству онъ противопоставляетъ легальную месть ойратства въ примитивной формѣ войны, со всѣми ея послѣдствіями — военной добычей, ея раздѣломъ и пр. Уставъ и начинается статьей объ отмѣнѣ междоусобныхъ войнъ, хищническихъ набѣговъ и грабежей между союзниками, противопоставляя имъ военную силу ойратства; въ этомъ случаѣ реакціей является тоже самое хищничество, но лишь въ легальныхъ и организованныхъ формахъ. Тѣже воинственные способы прекращенія племеннаго хищничества примѣняются и къ другимъ его видамъ, нарушавшимъ миръ между союзными племенами, улусами и ихъ составными частями (см. уст. 1640 г. ст. 1, 2, 6, 123, 163 и пр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ установляются особые органы, обязанные слѣдить за прекращеніемъ родоваго хищничества въ мелкихъ союзахъ, — каковыми являются въ особенности старшины родовыхъ отдѣленій — десятковъ, сорока и пр. (см. уст. 1640 г. сп. Палл. 131, 132, 135, 162). Мало того: ойратскіе обычаи обязывали цѣлые родовые союзы слѣдить одинъ за другимъ въ дѣлѣ родоваго хищничества, — и потому, если напр. въ отокѣ формируется хищническая партія, то по обычаю (nach den Reguln) за этимъ дѣломъ долженъ строго слѣдить другой (сосѣдній) аймакъ и принимать обычныя въ такихъ случаяхъ мѣры (уст. по сп. Палл. 137; ср. также 153). Отрицая такимъ образомъ хищничество, ойратское право вмѣстѣ съ тѣмъ требовало, чтобы междусоюзные споры и столкновенія ойратовъ разрѣшались не хищнической расправой, но союзнымъ нарядомъ, замѣнявшимъ собой старую систему племеннаго хищничества. Начало это, ясно и отчетливо формулированное въ законахъ Галдана[1]), выражаетъ общій

[1]) Уст. по сп. Палл 141: «всѣ судебныя дѣла между элетами (собств.

ойратскій принципъ, въ силу котораго племена, вступавшія въ ойратство, отказывались отъ взаимнаго хищничества и обязывались не только всѣ столкновенія между собой умиротворять путемъ междусоюзнаго наряда, но и оказывать вмѣстѣ съ тѣмъ взаимную помощь на случай внѣшнихъ набѣговъ и другихъ племенныхъ несчастій[1]). Родовое самоуправство и месть дозволительны по началамъ ойратства лишь противъ врага, грозящаго жизни (уст. по сп. Палл. 52), а по Зинз. уложенію — вообще противъ явныхъ хищниковъ (ст. 107). Тѣже самыя ойратскія начала до значительной степени смягчали старыя хищническія отношенія родоправителей къ подчиненнымъ членамъ родовыхъ союзовъ, предоставляя послѣднимъ право самозащиты въ случаѣ крайняго произвола «старшихъ». Въ этомъ отношеніи замѣчательны въ особенности законы Дербетовскаго улуса: предписывая подчиненнымъ повиноваться своимъ старшинамъ, законы эти, однакожъ, допускаютъ для первыхъ, даже въ отношеніи къ владѣльцамъ (Fürsten), случаи законнаго сопротивленія, когда владѣлецъ, «унижая свое достоинство, дозволяетъ себѣ гнусные поступки съ своими подданными и долженъ винить самъ себя, если кто либо въ гнѣвѣ нападетъ на него лично, — за что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію» (ст. 151).

калмыками) и бухарскими монголами (въ то время примкнувшими къ ойратству) должны быть точно изслѣдуемы. Мы хотимъ за этими родственными намъ народами признать право родства, не смѣшивать неправды съ справедливостью и не причинять имъ ни малѣйшей обиды. Съ ними должно судиться вполнѣ по старымъ законамъ».

[1]) Принципы ойратства лежали въ основѣ не только общей повинности родовъ и цѣлыхъ союзныхъ племенъ являться на помощь для отпора врагамъ или для наказанія своихъ членовъ и родовъ, нарушавшихъ миръ и условія ойратства, но и дали начало личной обязанности каждаго родича-ойрата оказывать помощь союзнику въ нуждѣ, спасая его личность и имущество и пр. См. уст. 81—86, 108, 109, 111 и пр. Объ ойратствѣ по Зинз. уложенію мы говорили уже выше, см. стр. 214—215.

Извѣстны, далѣе, отношенія старыхъ кочевниковъ къ чуждымъ для нихъ племенамъ и народамъ: чужеродецъ въ старину былъ синонимъ врага; за нимъ не признавалось никакой правоспособности, — его личность и имущество одинаково служили для первобытнаго кочевника предметомъ хищнической добычи. Чужеродецъ, взятый кочевымъ хищникомъ въ открытомъ бою или застигнутый имъ въ расплохъ, становился его родовымъ рабомъ, — его имущество обращалось въ добычу хищника и его рода[1]). Тѣмъ не менѣе монгольское ойратство и основанные на немъ дружинные интересы, какъ замѣчено выше (см. стр. 225), до значительной степени сглаживали старую родовую замкнутость и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяли на смягченіе хищническихъ отношеній ойратовъ къ чужеродцамъ, появлявшимся между ними въ значеніи не враговъ, но союзниковъ, искавшихъ у нихъ защиты и покровительства, — такихъ чужеземцевъ ойратскій уставъ запрещаетъ убивать подъ угрозою штрафа (ст. 125). Въ этомъ отношеніи законы Галдана дѣлаютъ новый шагъ впередъ: отмѣняя продажу плѣнныхъ рабовъ (ясырей)[2]), законы эти значительно уменьшали интересъ добыванія ихъ путемъ военныхъ набѣговъ, именно прекращали одинъ изъ старыхъ промысловъ воинственныхъ племенъ — торговлю плѣнными невольниками, бывшую значительнымъ источникомъ племеннаго

[1]) О хищничествѣ среднеазіатскихъ монголовъ см. Пржевальскаго Монголія, I, 286. Мы указали выше (см. стр. 240), что русское правительство до начала нынѣшняго столѣтія пользовалось въ собственныхъ интересахъ обычнымъ хищничествомъ калмыковъ, — не только не препятствовало, но даже поощряло ихъ набѣги на сосѣднихъ азіатскихъ кочевниковъ, противъ которыхъ калмыцкая орда служила живымъ оплотомъ

[2]) «Мы хотимъ, чтобы чужеземцы не продавались у насъ какъ рабы кто это увидитъ, тотъ уполномочивается задерживать покупателя и продавца вмѣстѣ съ платежной суммой. Кто тайно продаетъ или покупаетъ людей, съ того взыскивается если онъ завѣдомо это дѣлалъ, двойная цѣна и рабъ дѣлается свободнымъ... Если господинъ плѣннаго (erbeuteten) раба не можетъ терпѣть у себя, то пусть лучше совсѣмъ нагаго изгонитъ отъ себя, чѣмъ продавать» (уст. по ст. Палл. 142).

богатства хищниковъ. Уставъ Дербетовскаго улуса идетъ еще дальше въ дѣлѣ смягченія хищническихъ отношеній калмыковъ къ чужеродцамъ. Запрещая хищничество въ отношеніи къ посланцамъ русскихъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, Дербетовскіе законы вмѣстѣ съ тѣмъ расширяютъ на ближайшихъ сосѣдей (русскихъ, кубанцевъ, черкесовъ, крымчаковъ и киргизовъ) ойратскія правила, запрещавшія грабежи и хищническіе набѣги на союзные роды и племена, и вполнѣ гарантируютъ для чужеродцевъ свободный доступъ въ родовые союзы калмыковъ въ значеніи заѣзжихъ «гостей» (купцовъ)[1]).

Теперь посмотримъ, въ какихъ формахъ осуществлялось *военно-дружинное устройство* ойратскихъ родовъ и племенъ,— каковы основныя начала *военныхъ законовъ*, нормировавшихъ дружинный бытъ этихъ племенъ.

У монголовъ, какъ и вообще у всѣхъ воинственныхъ кочевниковъ, каждый взрослый членъ рода былъ воиномъ, посвящавшимъ себя суровой, лагерной жизни воинственныхъ ордъ. Обычаи боевой жизни, сложившіеся у монголовъ еще въ эпоху Чингисова ханства и формулированные впервые въ «великой ясѣ» монголовъ[2]), могли затѣмъ держаться въ быту отдѣльныхъ племенъ до позднѣйшаго времени. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что старые народные обычаи лежали въ основѣ военнаго устройства ойратовъ, нормированнаго въ уставѣ 1640 г. Въ немъ изложены правила о выходѣ противъ непріятеля и о мѣрахъ на случай внезапныхъ нападеній, — о правахъ и обязанностяхъ вождей и простыхъ воиновъ особенно въ боевое время, въ частности объ оборонѣ въ бою вождей и другихъ ратниковъ, объ отбоѣ у непріятеля добычи, объ убій-

---

[1]) См. уст. по сп. Палл. 154, 158, 161.

[2]) См. мое соч. — Др. монг.-калм. уст., стр. 191 и слѣд., п. 6, 7, 9, 18—20, 22, 27. «Изрѣченія» п. 6—10, 12. О военномъ устройствѣ среднеазіатскихъ монголовъ см. Зап. о Монг. IV, 227, 251—253, 261. Тимковскаго Путеш. III, 189—190. Пржевальскаго Монг. 1, 62 и др.

ствѣ въ бою своихъ союзниковъ и непріятелей и наконецъ о военной добычѣ. Зинзилинское уложеніе, въ отдѣльной главѣ о »военныхъ установленіяхъ», излагаетъ вмѣстѣ съ законами стараго устава дополнительныя правила о «нарядѣ» на службу и сборѣ ратниковъ, о наградахъ за военныя заслуги и о наказаніяхъ за неявку на службу, трусость, дезертирство и пр. Племенныя «установленія» калмыковъ Коммисія калмыцкихъ дѣлъ предположила замѣнить русскими военными законами (см. 1 п. гл. о воен. установленіяхъ).

По старымъ обычаямъ монголовъ, каждый родовой союзъ (десятокъ) обязанъ былъ въ военное время выставлять въ походъ опредѣленное число ратниковъ, снаряжая ихъ оружіемъ и припасами на свой счетъ[1]). Ойратскій уставъ точно также требуетъ, чтобы каждый являлся въ поле, при первой вѣсти о непріятельскомъ набѣгѣ или по первому зову вождя, предпринимавшаго военный походъ. Снаряженіе ратниковъ въ такихъ случаяхъ лежало на обязанности ихъ ближайшихъ родовыхъ союзовъ, что видно между прочимъ изъ 48 статьи устава, обязывающей каждое «сорока» ежегодно изготовлять двѣ новыхъ латы, въ видахъ увеличенія числа хорошо вооруженныхъ ратниковъ. Установляя немедленную явку ратниковъ при первой вѣсти о приближеніи непріятеля, ойратскій уставъ требуетъ также, чтобы каждый, получавшій свѣдѣніе о непріятельскомъ набѣгѣ, сообщилъ о томъ въ другія мѣста (ст. 5), — иначе не сдѣлавшій оповѣщенія считается измѣнникомъ и подвергается разоренію и обращенію въ рабство съ семьей[2]). Такое же оповѣщеніе должно имѣть мѣсто и при полученіи свѣдѣнія о небольшихъ воровскихъ партіяхъ (ст. 17). Оповѣщеніе дѣлается не только всѣмъ окрестнымъ жителямъ, но и въ особенности улусному вождю: всякій, узнавшій о приближеніи непріятеля,

---

[1]) См. Березина Очеркъ, 64.

[2]) См. уст. по тексту Палл. 13. По русскому тексту виновный подлежитъ смерти со «всею фамиліею». См. ст. 16.

долженъ былъ безъ замедленія спѣшить самъ или послать гонца въ владѣльческую ставку, для извѣщенія владѣльца о непріятельскомъ вторженіи; посланцу въ такихъ случаяхъ каждый долженъ помогать немедленной дачей подводы, подъ угрозою большаго штрафа при отказѣ (ст. 20). По полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля или вообще о военной тревогѣ, всѣ «чины» собираются къ своему вождю (владѣтелю) въ вооруженномъ видѣ; не явившемуся въ «собраніе» грозитъ лишеніе «имѣнія» и потеря свободы (ст. 18). Кто, получивъ свѣдѣніе о возгорѣвшейся войнѣ, не выйдетъ противъ непріятеля и своевременно не откроетъ военныхъ дѣйствій, тотъ наказывается, какъ врагъ; владѣльцы (Fürsten), которые, въ пору военной тревоги, не соберутъ своего «народа» и не явятся съ нимъ въ общую орду, штрафуются большими пенями (ст. 5). Уставъ наказываетъ даже тѣхъ, кто только несвоевременно явится, замедлитъ безъ особыхъ причинъ вступить въ бой съ врагомъ (см. уст. по сп. Палл., конецъ 10-й ст.). Сборнымъ мѣстомъ на случай военной тревоги служитъ дворъ (Hoflager) или ставка улуснаго вождя (владѣльца, Fürsten), куда каждый, узнавъ о тревогѣ, долженъ немедленно являться (уст. по сп. Палл. 15). Подобныя же правила находимъ въ законахъ Дербетовскаго улуса[1]) и въ Зинз. уложеніи. «Наряды на службу» производятся по уложенію на основаніи «очереди». Если зайсангъ будетъ командировать кого несправедливо, тотъ имѣетъ право свое объявить прежде срока наряда, — пропустивши срокъ, ратникъ, назначенный не въ очередь, тѣмъ не менѣе командируется на службу[2]). Явка по

---

[1]) Уст. по тексту Палл. стр. 150: «Кто узнаетъ о военной тревогѣ, долженъ немедленно увѣдомить князя и всѣдѣ о томъ оповѣстить. Всѣ, кто услышитъ оповѣщеніе, должны тотчасъ вооружаться и собираться въ той сторонѣ, гдѣ есть опасность». Кто пренебрежетъ этимъ и останется дома безъ законныхъ причинъ, тотъ штрафуется, также какъ и тотъ, кто, при призывѣ къ войнѣ, замедлитъ явиться къ опредѣленному времени.

[2]) По 147 ст. Зин. улож., состоящій на очереди освобождается отъ наряда лишь по болѣзни освидѣтельствованіемъ лекаря.

наряду на службу имѣетъ мѣсто тотчасъ по обвѣщеніи о приближеніи непріятеля (о чемъ каждый немедленно извѣщаетъ владѣльческую ставку) или о сборѣ войска въ походъ. Сроки «собранія» (въ той сторонѣ, гдѣ непріятель), назначаются «соразмѣрно разстоянію мѣстопребыванія каждаго,» при чемъ уложеніе штрафуетъ за неявку въ собраніе вождей (командующаго владѣльца, тысячныхъ старшинъ, сотенныхъ начальниковъ и пр.) и рядовыхъ воиновъ. Каждый родовой старшина (зайсангъ, демчей и пр.) долженъ «съ части его слѣдуемое войско командировать поспѣшно и въ срокъ поставить на мѣсто». Очередные наряды на службу предназначаются не только для военныхъ походовъ, но и для «стражи» противъ непріятеля; во всѣхъ такихъ случаяхъ неявка на службу оплачивается по уложенію болѣе или менѣе значительными штрафами (см. Зин. улож. 138, 140, 147).

Ойратскія орды, собиравшіяся для военныхъ предпріятій или для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, имѣли опредѣленный личный составъ. Во главѣ ордъ и отдѣльныхъ дружинъ стояли вожди подъ разными наименованіями: Zerregin — Jassool — высшій вождь большой орды (улусный нойонъ, тайша или доблестный дружинникъ), Jassooltschinèr — вожди отдѣльныхъ дружинъ — тысячъ, сотенъ, десятковъ и пр. Какъ видно изъ устава 1640 г., вождями ордъ и дружинъ являлись родоправители — владѣльцы главные и малые, табангоуты и зайсанги (ст. 13); Зинз. уложеніе упоминаетъ о «командующемъ владѣльцѣ», управлявшемъ большимъ отрядомъ, затѣмъ о тысячныхъ старшинахъ, сотенныхъ начальникахъ, зайсангахъ и демчеяхъ, ставившихъ войска съ своей части (ст. 140). — Контингентъ воиновъ («рядовыхъ» по Зинз. улож.) слагался также изъ нѣсколькихъ служебныхъ подраздѣленій: воиновъ, «бывшихъ по авангардіи», прапорщиковъ (знаменщиковъ, хорунжихъ), трубачей, «ближнихъ владѣльцевыхъ воиновъ» (тѣлохранителей вождя — Erketèn и Usdèn) и «двора его служителей», — затѣмъ простыхъ ратниковъ. (Уст. 1640, ст. 13). Распредѣленіе ратниковъ въ боевые отряды, по воинскимъ обы-

чаямъ монголовъ, опредѣлялось родомъ и составомъ ихъ вооруженія. Въ уставѣ 1640 г. указаны всѣ главные роды вооруженія монгольскаго воина — латы съ полнымъ убором, панцырь, шишакъ, пищаль, сабля, копье и сайдакъ (колчанъ) съ луконъ и стрѣлами; сообразно съ родомъ оружія различались рядовые воины — панцырники, латники, лучники и пр. (ст. 13, 50). Боевая организація ойратовъ установлялась обычаями, сложившимися въ теченіи долгихъ вѣковъ боевой жизни монгольскихъ племенъ. Выше мы уже замѣчали, что каждый улусъ въ военномъ отношеніи представлялъ большую орду, раздѣлявшуюся на знамена — отоки, съ распредѣленіемъ ихъ на центръ, правыя и лѣвыя знамена (въ уставѣ упоминается также «авангардія», — ст. 13), дѣлившіяся на числовыя дружины — тысячи, сотни, сорока и десятки. Кромѣ ратниковъ, въ составъ военной орды входилъ обозъ, состоявшій изъ скота и другихъ предметовъ продовольствія орды, бравшей съ собой въ походъ скотъ, даже дойныхъ коровъ, кобылъ и пр[1]).

Военное право калмыковъ подробно опредѣляетъ ратныя обязанности вождей и простыхъ воиновъ. Каждый «командующій» вождь долженъ являться на сборное мѣсто и «свидѣтельствовать» ратниковъ[2]). Владѣльцы, зайсанги и другіе старшины, которые на войнѣ и въ бою «плохо держатся» (schlecht halten), подлежатъ взысканіямъ; старшина, который не способенъ къ поддержанію въ воинахъ дисциплины, не держитъ ихъ въ должномъ повиновеніи, лишается своего «commando», тотчасъ передающагося другому лицу. Вождь, допустившій важныя ошибки въ военныхъ дѣйствіяхъ, кромѣ отрѣшенія отъ долж-

---

[1]) См. Палласъ Saml. I, 226. См. тамъ же описаніе военныхъ построеній и самыхъ битвъ, стр. 222—224.

[2]) «Великая Яса» предписываетъ ханамъ «лично дѣлать осмотръ войску и вооруженію, предъ выступленіемъ въ битву, представлять имъ все съ чѣмъ воинъ совершаетъ походы и осматривать все до иголки и до нитки» См. мое соч. — Др. монг. уст. 192, п. 18.

ности, предается суду (уст. по сп Палл. 10, 162; Зинз. улож 140). Никто изъ вождей и простыхъ ратниковъ не въ правѣ былъ уходить изъ войска до окончанія похода; особенно строго наказывался уходъ изъ самаго боя съ непріятелемъ (по трусости) и вообще дезертирство (уст по рус. сп. 13; по сп. Палл. 10, 150; Зинз. улож. 59, 74, 139, 143, 144, 184). Напротивъ, военная доблесть и отвага поощряются разными преимуществами и почетными наградами (уст. по рус. сп. 15; по сп. Палл. 150)[1]). Въ особенную заслугу ойратскіе законы ставятъ оборону вождей въ бою, освобожденіе ихъ отъ рукъ непріятельскихъ: освободитель владѣльца (Fürsten) жалуется по закону тарханомъ (или, какъ выражается уставъ по списку Палласа, «der soll in der Ulus desselben Darchan seyn»), т. е. причисляется въ своемъ улусѣ къ привиллегированному классу вольныхъ людей, обѣленныхъ съ потомствомъ отъ всѣхъ податей на основаніи тархэнныхъ грамотъ. И напротивъ, кто оставитъ владѣльца безъ обороны (въ плѣну), того уставъ предписываетъ «разорить и умертвить». За оборону отъ непріятеля табангоутовъ, зайсанговъ и другихъ «чиновъ» установлялась награда, равная пенѣ, какой подлежалъ бы обороненный за уходъ изъ боя (уст. 14)[2]). Уставъ касается и другихъ случаевъ, когда за военныя дѣйствія назначается награда, именно — за оборону человѣка, «ретирующагося» отъ непріятеля, и за оборону ратника, который «во время сраженія напередъ въ непріятеля въѣдетъ и непріятелемъ сильно утѣсненъ будетъ» (уст. ст. 68, 69). Кромѣ обязательной обороны

---

[1]) По Зин. уложенію» отличившагося храбростію противъ непріятеля вознаграждать отъ всѣхъ повинностей въ обществѣ того рода», а трусливаго штрафовать и «не имѣть къ нему въ улусѣ довѣрія». См. ст. 146.

[2]) Въ послѣднемъ случаѣ уставъ по сп. Палласа устанавляетъ награду, какъ и за освобожденіе князя (владѣльца). Ст. ст. 11. — Зинз. уложеніе также назначаетъ за избавленіе владѣльца отъ непріятеля пожалованіе тарханомъ, съ представленіемъ къ монаршему награжденію; кто оставитъ владѣльца и бѣжитъ, судится какъ измѣнникъ. За оборону табангоутовъ и зайсанговъ дается въ награду лошадь. (См. ст. 19).

вождей и ратниковъ, ойратское право признаетъ для всякаго обязательнымъ закономъ оборону отъ непріятеля скота и имущества союзниковъ; за отбой добычи изъ рукъ непріятельскихъ отдается половина отбитой добычи тѣмъ, кто преслѣдовалъ непріятеля и отнялъ у него добычу, — и на оборотъ, кто не выйдетъ въ погоню за непріятелемъ, тотъ подлежитъ значительному штрафу (уст. 19).

Военные обычаи ойратовъ не оставляли также безъ вознагражденія родичей, терявшихъ въ лицѣ павшихъ въ бою ратниковъ своихъ родовыхъ защитниковъ и работниковъ. Кто падетъ въ бою по наряду вождей, того родичи по уставу получаютъ вознагражденіе, равное за оборону отъ непріятельскаго нападенія; меньшая плата полагается, если павшій въ бою шелъ въ походъ по собственной охотѣ, а не по общему родовому наряду. Точно также за павшаго въ бою зависимаго человѣка получалъ вознагражденіе его господинъ (уст. 19, 70 и 71)[1]). Ойратскій уставъ предусматриваетъ также случаи убійства въ бою союзника вмѣсто непріятеля «невѣдѣніемъ»: вознагражденіе, платившееся въ такихъ случаяхъ, не было наказаніемъ, но лишь платой за потерю (Verlust) родичами убитаго (ст. 75).

Вмѣстѣ съ правилами о вознагражденіи за павшихъ въ бою родичей — ойратовъ, военные обычаи монголовъ таксируютъ также платежи за истребленіе непріятелей. За убійство «командующаго» получается въ награду жена убитаго; за панцырника побѣдитель получаетъ его панцырь; помощникамъ, участвовавшимъ въ бою, дается — одному шишакъ или латы, а другимъ товарищамъ остальное имущество павшаго; если на убитомъ не окажется панцыря, то побѣдитель беретъ въ на-

[1]) 70 и 71 статьи устава по русскому списку говорятъ о зависимыхъ людяхъ, павшихъ на войнѣ. По списку же Палласа статья 63 трактуетъ о вознагражденіи родичей за убитыхъ на войнѣ по наряду князей, а 64 ст. — о ратникахъ, шедшихъ на войну не по наряду (ohne Befehl).

граду жену убитаго (уст. 66 и 67). Военные обычаи среднеазіатскихъ ойратовъ XVII в. касательно побѣжденныхъ непріятелей хорошо иллюстрируются военнымъ ярлыкомъ, изложеннымъ въ Абаканской «писаницѣ». Здѣсь предписывается безпощадное истребленіе непріятелей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ (при чемъ констатируется рядъ обычаевъ, соблюдавшихся при ихъ избіеніи и погребеніи — сотнями, въ курганахъ), вмѣстѣ съ пощадой жизни беззащитныхъ и слабыхъ («безгласныхъ и невздорныхъ» по выраженію ярлыка), въ особенности женщинъ, въ видахъ рожденія отъ нихъ новыхъ воиновъ-защитниковъ ойратства[1]).

Военныя предпріятія велись старыми кочевниками въ строго-разрушительныхъ формахъ и сопровождались всѣми послѣдствіями хищничества и борьбы враждебныхъ родовъ и племенъ — ихъ взаимнымъ истребленіемъ и разореніемъ. Добыча — главная цѣль всякаго военнаго предпріятія кочевниковъ. Отсюда понятно, почему ойратскій уставъ такъ строго регламентируетъ правила о военной добычѣ, въ особенности запрещаетъ захватъ ея безъ родоваго раздѣла, гарантируя въ этомъ случаѣ права дружинъ и отдѣльныхъ ратниковъ, несшихъ всѣ тяжести войны и получавшихъ свою долю въ общей воинской добычѣ[2]). Въ первой же статьѣ устава находимъ указанія на военную добычу и именно въ случаѣ междусоюзнаго

---

[1]) См. мое соч. — Др. монг.-калм. уст. 235—237.

[2]) Особыя правила о раздѣлѣ добычи существовали у монголовъ еще при Чингисѣ. По современнымъ извѣстіямъ, монголы «по завладѣніи городомъ, дѣлятъ добычу на пропорціональныя части между высшими и низшими: велика-ли, мала ли эта добыча, всегда оставляютъ одну (десятую) долю для поднесенія императору Чингису, всему же остальному составляется роспись. Отсутствующіе чины имѣютъ также свою долю». Добыча и дань замѣняли жалованье, служили содержаніемъ войскъ Извѣстно также, что тарханы, въ числѣ другихъ вольностей, владѣли сполна добычей, доставшейся имъ въ сраженіи, безъ выдѣла изъ нея доли въ пользу вождя и безъ зачисленія добычи въ составъ родоваго имущества. См. Березина Очеркъ, 63, 64—65. Ср. мое соч.— Др. монг. уст. 272.

хищничества. Улусъ и все имущество родоправителей (Fürsten, владѣльцевъ), нарушавшихъ ойратство нападеніемъ на союзные роды, составляли военную добычу монгольскихъ и ойратскихъ вождей, выходившихъ противъ хищниковъ, — половина добычи шла на удовлетвореніе пострадавшихъ, другая же по военнымъ обычаямъ дѣлилась на равныя части между ойратами. Тѣже порядки могли имѣть мѣсто и при раздѣлѣ добычи, пріобрѣтавшейся путемъ военныхъ предпріятій и нападеній на враждебныя племена, не принадлежавшія къ ойратству. Предметомъ добычи были плѣнные, ихъ оружіе, стада и другое непріятельское имущество. Все это составляло добычу цѣлыхъ ордъ и дружинъ, вступало въ раздѣлъ между ратниками, участвовавшими въ военныхъ операціяхъ. Изъ добычи прежде всего выдѣлялась часть, изъ которой производилось вознагражденіе родичамъ павшихъ въ бою ратниковъ; кромѣ того, какъ уже замѣчено, вооруженіе, снятое съ убитыхъ непріятелей, составляло личную добычу убившихъ ихъ ратниковъ (уст. 66, 67). Затѣмъ, остальная добыча вступала въ общій раздѣлъ между вождями и другими ратниками. Ойратскій уставъ не констатируетъ правилъ, какими руководились при раздѣлѣ добычи; вѣроятно, здѣсь многое зависѣло отъ вождей, во всякомъ случаѣ получавшихъ значительную долю изъ общей добычи. Уставъ касается, главнымъ образомъ, вопроса о захватѣ и кражѣ добычи до ея раздѣла. Такимъ образомъ, кто въ боевой суматохѣ отниметъ у другаго захваченную имъ у непріятеля добычу или снятое съ убитаго врага оружіе, подъ тѣмъ уставъ предписываетъ застрѣлить лошадь; кромѣ того, виновный лишается всей слѣдуемой ему доли изъ общей добычи и еще приплачиваетъ 9 скотинъ (уст. по сп. Палл. 60; по сп. рус. 72). Затѣмъ, кто до прошествія трехъ дней (вѣроятно, со времени захвата добычи) что изъ раздѣльной (т. е. подлежащей раздѣлу) добычи украдетъ, съ того берется «впятеро»; если же кража произведена по истеченіи указаннаго срока, то штрафъ платится, какъ за обыкновенную кражу (уст. 73, 74).

4. *Общественные разряды родовыхъ союзовъ.* У монголовъ изстари установилось раздѣленіе народа на отдѣльные общественные классы или разряды съ наслѣдственнымъ характеромъ. Разряды эти нельзя подводить подъ общій типъ кастъ, съ различными расовыми корнями, — кастъ, образовавшихся подъ квалификаціями внѣшней силы (господства завоевателей)[1]) или теократизма (господства жречества) и получавшихъ замкнутый, наслѣдственно-расовый характеръ. «Кости бѣлыя и чорныя», какъ называются у монголовъ классы лицъ привиллегированныхъ и простолюдиновъ, не означали происхожденія ихъ отъ различныхъ расовыхъ корней: тѣ и другіе классы выросли изъ одной родовой кости, лишь получившей различную окраску по своимъ концамъ подъ вліяніемъ квалификацій, подъ какими развивался родовой бытъ монголовъ. Происхожденіе ихъ изъ одного племеннаго корня не дало возможности установиться между монгольскими сословіями кастовой замкнутости и исключительности, но всегда допускало и допускаетъ переходъ отдѣльныхъ лицъ изъ одного класса въ другой. Съ другой стороны, юридическія сословія, слагающіяся на почвѣ квалификацій хозяйственныхъ и политическихъ, по принципу спеціализаціи занятій и труда, доселѣ остаются чуждыми общественному строю монгольскихъ племенъ, —имъ вовсе неизвѣстны юридическіе классы по родамъ и характеру занятій (сельчанъ—земледѣльцевъ, горожанъ—ремесленниковъ, купцовъ и пр.); всѣ эти сословныя наслоенія — исключительный плодъ общественной культуры осѣдлыхъ народовъ (по преимуществу арійской расы) Корни, установившіе грань между различными монгольскими сословіями, нужно искать не въ «правѣ сильнаго» и не въ принципѣ раздѣленія труда

[1]) Нѣкоторые изслѣдователи быта калмыковъ полагаютъ, что сословія у монголовъ развивались первоначально на почвѣ завоеванія и подчиненія побѣжденныхъ племенъ побѣдителямъ, получившимъ привиллегированное значеніе «бѣлой кости», въ противоположность приниженному положенію побѣжденныхъ, образовавшихъ низшій классъ «черной кости». Привиллегіи бѣлой

и «экономическихъ отличій»[1]) сословій, но въ первоначальныхъ условіяхъ родоваго быта монголовъ, съ его позднѣйшими наслоеніями и квалификаціями, развившимися подъ вліяніемъ военно-дружинной, кочевой культуры монгольскихъ племенъ.

Первые элементы, изъ которыхъ развились позднѣйшіе сословные разряды монголовъ, нужно видѣть въ родовомъ различіи между «старѣйшимъ», «бо́льшимъ» въ родѣ, его главой, вождемъ, и остальной родовой «челядью», младшими членами рода, — различіи, которое и позже въ существѣ вещи удерживалось въ противуположеніи племенныхъ главъ и вождей (нойоновъ и зайсанговъ, вообще «знатныхъ») остальному народу (Ulus), «зависимымъ» или тяглымъ (Albatu), вообще простолюдинамъ, людямъ «подлымъ» (Chara-köö, хара-кюнъ, черный народъ, смердъ). И тамъ, и здѣсь, все построялось на отношеніяхъ родоваго старѣйшинства — защиты старшихъ и подчиненія имъ младшихъ родичей, связанныхъ общимъ родовымъ сознаніемъ, солидарностію родовыхъ интересовъ. «Бѣлыя кости» (Цаганъ-ясынъ или Цаганъ-іоста) и образовались изъ потомковъ

кости первоначально были «правомъ сильнаго, перешедшимъ позже въ потомственное». См. Костенкова о калм. 29.

[1]) Такія отличія между сословіями по уставу 1640 г. находитъ П. М—ѣевъ, въ статьѣ по поводу моей книги — Др. монг.-калм. уставъ (въ Журн гражд. и угол. пр. 1879 VI, 148). Дѣло въ томъ, что въ экономическомъ отношеніи монголы разбивались собственно на два класса — неимущихъ «байгучей» и болѣе или менѣе зажиточныхъ скотоводовъ, и только; но не отъ различій въ экономической состоятельности зависѣли сословныя привиллегіи «знатныхъ» и служебности «подлыхъ». И между знатными могли быть люди бѣдные (каково теперь у калмыковъ большинство «безаймашныхъ» зайсанговъ), какъ и между «подлыми» и «средними» людьми попадались богатые скотоводы. Не богатство давало «знатному» право на улусъ или аймакъ, но исключительно его происхожденіе. «Знатные, средніе и подлые люди» отличаются, по уставу, другъ отъ друга не «экономически», но именно сословными правами и служебностями, лежавшими на отдѣльныхъ разрядахъ въ силу принциповъ служебно-родовыхъ, а не экономическихъ.

первычныхъ родовыхъ вождей, тогда какъ «черныя кости» (Хара-ясынъ или Хара-іоста), по воззрѣніямъ монголовъ[1]), составляютъ потомковъ остальной родовой «челяди», связанныхъ однако съ бѣлой костью принципомъ кровнаго происхожденія отъ одного племеннаго корня. Подобное противоположеніе первичныхъ общественныхъ элементовъ, выработавшихъ позже сложную градацію сословныхъ разрядовъ, проглядываетъ и въ ойратскомъ правѣ монголовъ эпохи устава 1640 г. Въ послѣднемъ нерѣдко классъ племенныхъ вождей (нойоновъ, Fürsten) противополагается народу въ смыслѣ зависимой, служебной челяди, простонародья (подлыхъ, gemeine, — см. уст. по сп. Палл. 2, 105 и пр.)[2]). Здѣсь лежитъ коренное различіе со-

---

[1]) Оба термина «бѣлыя и черныя кости» — не больше, какъ образныя выраженія идеи родоваго происхожденія высшихъ и низшихъ классовъ народа отъ извѣстныхъ общеплеменнымъ корней. «Костями» (ясынъ) среднеазіатскіе монголы и русскіе калмыки выражаютъ идею происхожденія по мужской (отцовской) линіи, — происхожденіе по женской (материнской линіи) называется образно «Machan» (мясо). Бѣлыя и черныя «ясынъ» и «махапъ» равнозначительны съ высшимъ или низшимъ, «знатнымъ» или «подлымъ» происхожденіемъ (см. Палласа Saml. I, 24). Быть можетъ, монголы, бывшіе въ старину въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ южно-азіатскими племенами (индійцами и пр.), заимствовали отъ нихъ эти образныя выраженія, имѣвшія у послѣднихъ племенъ дѣйствительное значеніе, но мало подходившія къ общему складу и характеру общественнаго быта монголовъ. Бѣлый (Цаганъ) и черный (Хара) цвѣта, по преданію, были приняты еще Чингисомъ за національные цвѣта. Весь свой народъ Чингисъ назвалъ «Куке» (синій): «я желаю, чтобы синій монголъ былъ величайшимъ надъ всѣмъ, что только движется на землѣ». При Чингисѣ же высшіе классы монгольскихъ вождей отличались названіемъ «бѣлой кости», а простолюдины назывались «черной костью». Со времени принятія ламаизма получили религіозное значеніе также цвѣта красный (Уланъ) и желтый (Шара) См. Бентковскаго въ Сборн. ст св. по Ставр. губ II, 137. Березина Очеркъ, 48.

[2]) Въ такомъ же смыслѣ употребляется въ древнихъ славянскихъ памятникахъ — «челядь», «плкъ», «народъ», позже — смерды, люди черные, тяглые, подлые и пр. Въ Рус Правдѣ, напр., классъ князей нерѣдко противополагается смердамъ, какъ и въ другихъ памятникамъ — людямъ чернымъ и пр.

словій, свойственное монгольскому праву, — различіе, которое впервые развилось на почвѣ родоваго старѣйшинства главъ первичныхъ хотоновъ и подчиненія имъ хотонной челяди, затѣмъ постоянно удерживалось на послѣдующихъ стадіяхъ родовыхъ осложненій, разроставшихся въ аймаки, улусы и цѣлыя племена. На всѣхъ этихъ родовыхъ ступеняхъ удерживалось коренное противуположеніе между племенными вождями и зависимой челядью. Параллельно съ разростаніемъ потомковъ вождей въ болѣе или менѣе численные, привиллегированные роды, остававшіеся въ главѣ наряда вновь возникавшихъ племенныхъ союзовъ и ихъ отдѣленій, шло также разростаніе родовой челяди, разбивавшейся на многочисленные, служебно-родовые классы по всѣмъ родовымъ союзамъ и цѣлымъ племенамъ. Съ каждой родовой ступенью первоначальныя простыя, патріархальныя отношенія между вождями и челядью, народомъ (Ulus), диференцировались и осложнялись новыми, преимущественно дружинно-родовыми квалификаціями народной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ диференцировались и осложнялись и разряды вождей и челяди. Въ каждомъ изъ нихъ шла своя организація и расчлененіе составныхъ частей въ обособленные разряды,— образовалась съ теченіемъ времени цѣлая родовая лѣстница служебно-родовыхъ «чиновъ», съ цѣпью переходныхъ стадій между первычными разрядами вождей и служебной челяди. Въ результатѣ всего процесса развитія оказалось, что родовые классы, стоявшіе на первыхъ порахъ о бокъ другъ съ другомъ, тѣсно связанные единствомъ родовыхъ цѣлей и интересовъ, очутились въ концѣ развитія на крайнихъ точкахъ длинной цѣпи отдѣльныхъ общественныхъ разрядовъ. Старыя различія родоваго старѣйшинства, ставившаго на первыхъ порахъ единственную разграничительную черту между «старшими» и «младшими», измѣнились подъ конецъ почти до неузнаваемости, приняли въ себя столько новыхъ элементовъ, что отъ стараго порядка остался лишь одинъ скелетъ, — все же содержаніе его наполнилось новыми началами и распорядками. Тѣмъ не менѣе оба разряда (вождей и челяди) доселѣ не исчезли:

каждый изъ нихъ принялъ лишь сложный составъ, но старыя связи между ними не вовсе порвались и приняли лишь иное направленіе и иной составъ.

Такимъ образомъ, «люди знатные, благородные» (Vornehme, Edle), противополагаются въ ойратскомъ уставѣ «низшимъ», «простолюдинамъ», «людямъ подлымъ» (Geringere, Geringste и пр.) въ смыслѣ людей «чиновныхъ» и не чиновныхъ, различавшихся по своимъ особымъ, служебно-родовымъ правамъ и сервитутамъ и дробившихся сообразно съ такими служебными сервитутами на отдѣльные классы, «чины», безъ потери однако родовыхъ связей, объединявшихъ ихъ въ два коренные разряда монгольскихъ родовыхъ сословій[1]). Оба класса знатныхъ и низшихъ людей одинаково служатъ общимъ племеннымъ интересамъ, — «чины» знатные — въ качествѣ родовыхъ вождей въ боевое время и родоправителей въ мирное, чины низшіе — въ качествѣ простыхъ ратниковъ и тяглецовъ, обязанныхъ опредѣленными личными и вещественными служебностями на общую пользу своихъ родовыхъ союзовъ и ихъ вождей и родоправителей. Классы высшіе стоятъ безсмѣтно у родоваго наряда, дѣйствуютъ въ роли вождей и родоправителей, «командующихъ» родовыми союзами въ военное и мирное время, считались поэтому ранговыми, «чиновными»; классы низшіе отправляли служебно родовые сервитуты, несли тягло черное, «не чиновное», въ роли простыхъ ратниковъ и податныхъ тяглецовъ. Всѣ «чины» связывались однимъ интересомъ, равно дорогимъ и близкимъ для каждаго, — служеніемъ дѣлу племенной безопасности и охраны родовъ отъ хищничества внѣшняго врага. Духъ строгой дисциплины и іерархическихъ отношеній между этими классами, съ подчиненіемъ низшихъ преобладающему

[1]) О прямомъ противоположеніи знатныхъ подлымъ см. уст. 1640 г. ст 99, 117, 126 141. О чиновныхъ и нечиновныхъ (по Палласу Fürsten u. gemeinen) — уст. 2; ср 5, 13, 19, 47, 51, 54 и пр., Палл 8, 9, 40, 95 и пр. Тѣ же различія извѣстны и Зинз. ложенію, см. ст. 101, 150 и пр.

вліянію старшаго сословія вождей, — военно-дисциплинарное значеніе послѣднихъ въ средѣ другихъ общественныхъ классовъ, были естественнымъ результатомъ всего общественнаго строя монгольскихъ племенъ, развившагося по типу дружинно-родоваго порядка и вызваннаго необходимостью постоянной лагерной жизни съ оружіемъ въ рукахъ. Военная диктатура вождей и родоправителей, сложившаяся и постоянно поддерживавшаяся въ силу хищническихъ условій всего быта народа, исконныхъ внутреннихъ раздоровъ и хищничества между враждебными племенами, постепенно сосредоточила въ рукахъ разросшагося класса вождей всѣ прерогативы родоваго наряда, и развила почти неограниченное значеніе власти «знатныхъ», вмѣстѣ съ подчиненіемъ низшихъ классовъ народа исключительно служебнымъ отношеніямъ къ классамъ высшимъ, «чиновнымъ». Съ другой стороны, условія родоваго быта, не дававшія мѣста развитію индивидуальныхъ началъ въ сферѣ правоспособности и все пріурочивавшія къ родовымъ союзамъ и классамъ, привели къ весьма естественному результату, — къ тому, что отдѣльное лице, не облеченное въ большей или меньшей степени «чиновными» прерогативами, не принадлежавшее къ классамъ, стоявшимъ во главѣ военно родоваго наряда, трактовалось, какъ индивидъ, почти совершенно безправный въ отношеніи къ своему родовому союзу и его главамъ старшимъ и меньшимъ.

Но на этомъ развитіе не остановилось. Основные общественные разряды людей знатныхъ и низшихъ, въ силу установленія разнообразныхъ, служебно-родовыхъ отношеній, разбивались на отдѣльные «чины», отправлявшіе различныя функціи въ родовой іерархіи общественныхъ разрядовъ. По ступенямъ и рангамъ родоваго наряда, у котораго стояли люди знатные, послѣдніе раздѣлялись на «начальствующихъ» или «командующихъ» нойоновъ, владѣтелей или владѣльцевъ (Fürsten, князей) — классъ племенныхъ вождей, связанный родовымъ правомъ на нарядъ въ улусахъ и племенахъ, и на подчиненныхъ первымъ «зайсанговъ» — нарядниковъ меньшихъ родовыхъ союзовъ—отоковъ и аймаковъ,—лицъ, составлявшихъ съ владѣль-

цами одинъ привиллегированый классъ людей «бѣлой кости». Одновременно же съ обособленіемъ правящихъ классовъ шло расчлененіе классовъ и въ средѣ людей низшихъ — «черной кости», — отъ людей «подлыхъ», простыхъ дружинниковъ-тяглецовъ, отдѣляются «люди средніе» или «посредственные» (Mittelmässige, Wohlhabende, Gemeine), какъ переходная стадія отъ знатныхъ къ подлымъ, — стадія, обнимавшая ближайшую дружину вождей и служившихъ имъ людей вольныхъ (Darchan и Erketèn), обѣленныхъ отъ повинностей остальныхъ простолюдиновъ (подлыхъ). Пользуясь нѣкоторыми сословными и индивидуальными привиллегіями, «средніе» люди замѣтно тянутъ къ правящимъ классамъ бѣлой кости и изъ нихъ дѣйствительно отдѣльныя лица, служебно-родовыми заслугами выдѣлявшіяся изъ «подлыхъ», нерѣдко путемъ родовыхъ пожалованій переходили въ высшіе, правящіе классы; средніе люди представляли так. обр. въ составѣ простонародья переходный контингентъ, изъ среды котораго высшія сословія черпали новыя силы, ихъ освѣжавшія и не дававшія имъ возможности замкнуться въ расовыя, обособленныя касты Съ другой стороны, люди средніе, не участвуя въ родовыхъ прерогативахъ правящихъ сословій, тянули къ «подлымъ», составляли съ послѣдними одинъ классъ простолюдиновъ, подчинявшихся въ служебно-сословной іерархіи родовому наряду людей бѣлой кости.

Вся эта своеобразная организація общественныхъ разрядовъ въ составѣ родовыхъ союзовъ монголовъ была естественнымъ результатомъ тѣхъ же самыхъ бытовыхъ вліяній и квалификацій, въ силу которыхъ вообще воинственные роды и племена, какъ уже замѣчено выше (см. стр. 237), принимали въ цѣломъ своемъ составѣ характеръ болѣе или менѣе организованныхъ, военныхъ дружинъ, осужденныхъ бытовыми условіями на постоянную лагерную жизнь, съ строгимъ подчиненіемъ военной дисциплинѣ и диктатурѣ племенныхъ вождей. Военныя орды и дружины и приспособляются къ условіямъ и требованіямъ ихъ воинственной жизни прежде всего путемъ организа-

ціи своихъ общественныхъ классовъ по типу дружинно-родовыхъ «чиновъ», отправляющихъ опредѣленныя служебныя функціи въ составѣ своихъ родовъ-дружинъ и цѣлыхъ племенныхъ ордъ. Сословная организація монголовъ сложилась собственно на той же самой почвѣ, какъ и служебная организаціи дружинъ у старыхъ германцевъ и славянъ. Общій, сословный строй древне-русской дружины, съ ея вождями, князьями-нарядниками, затѣмъ мужами (огнищанами, княжими боярами), отроками княжими (молодью) и наконецъ людинами (простыми дружинниками), представляетъ, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, замѣчательную параллель съ дружиннымъ строемъ цѣлыхъ родовъ и племенъ монгольскихъ, разбивавшихся въ своемъ составѣ исключительно на дружинные классы вождей (нойоновъ) княжихъ мужей (зайсанговъ), отроковъ (узденей, эркетенъ и пр) и простыхъ людиновъ или дружинниковъ. Монгольскія сословія, развившись исключительно на почвѣ интересовъ родоваго хищничества, не имѣютъ ничего общаго съ сословной организаціей осѣдлыхъ народовъ: у послѣднихъ родовое хищничество отходитъ на второй планъ и наконецъ вовсе вытѣсняется экономическими интересами колонизаціонно-осѣдлой культуры, разграничивающей осѣдлыхъ общинниковъ по классамъ въ силу «экономическихъ отличій», а не интересовъ дружинно-родовыхъ, какъ это было у монголовъ и другихъ племенъ воинственно-кочеваго типа.

Внѣ родовыхъ классовъ, стоявшихъ на различныхъ ступеняхъ дружинно-родовой организаціи монголовъ, существовали, съ одной стороны — рабы (Jassir), а съ другой — духовная корпорація ламайскихъ буддистовъ (Chubarag). Оба класса организовались у монголовъ не по общимъ дружинно-родовымъ началамъ, но или на почвѣ «права сильнаго», какъ классъ ясырей — большею частію плѣнныхъ чужеродцевъ, также изгоевъ, вышедшихъ изъ родовыхъ союзовъ по преступленіямъ и въ наказаніе выданныхъ «головой» въ рабство, или же на почвѣ «теократизма», какъ классъ старыхъ монгольскихъ шамановъ, позже (съ конца XVI в.) ламаитовъ-буддистовъ, со-

ставлявшихъ въ составѣ монгольскихъ родовъ своего рода status in statu, — корпорацію, облеченную особыми правами и служебностями и стоявшую внѣ дружинно-родовой организаціи монголовъ—мірянъ.

Изложенныя начала сословной организаціи монголовъ образовались въ глубокой древности, — Чингисъ засталъ ее уже вполнѣ сложившеюся. Уже въ его время существовали родовые классы «бѣлой кости» (высшіе, княжескіе роды, служилые вельможи, беки и пр.) и простолюдины «черной кости», шаманы и наконецъ плѣнные рабы[1]). Какъ въ эпоху «великой ясы» XIII в., такъ и во время ойратскаго устава XVII в., монгольскія сословія разграничивались, главнымъ образомъ, по началу дружинно-родовыхъ привиллегій и серватутовъ и имѣли ранговой, чиновный характеръ, допускавшій возможность перехода изъ одного класса въ другой и пр. Военно-дружинная организація монголовъ, приписываемая преданіемъ Чингису, собственно лишь придала окончательную санкцію тѣмъ фактическимъ отношеніямъ, которыя необходимо должны были установиться въ быту отдѣльныхъ монгольскихъ племенъ еще въ первоначальныя эпохи ихъ хищнической родовой жизни. Сложившіяся путемъ самой жизни, общественныя формы и наслоенія въ Чингисовомъ уставѣ только подведены были къ общему знаменателю; съ тѣхъ поръ окончательно были закрѣплены за высшимъ классомъ племенныхъ вождей дружинно-родовыя прерогативы, за классами низшими — соотвѣтственные сервитуты. Эта-то сословная организація легла въ основу ойратства монголовъ XVII в.; многихъ детальныхъ подробностей уставъ 1640 г. вовсе не касается, и именно потому, что старые народные обычаи такъ прочно держались въ быту ойратовъ, что не было никакой надобности въ ихъ нормиро-

[1]) См. Березина Очеркъ. 48 и слѣд.

ваніи и введеніи въ уставъ[1]) Зинзилинское уложеніе тоже въ существѣ дѣла ничего не вводитъ новаго въ сословную организацію калмыковъ. Послѣдняя потерпѣла нѣкоторыя измѣненія лишь въ послѣднее время, подъ вліяніемъ русскихъ законовъ, старавшихся по возможности приспособить калмыцкія сословія къ общему типу сословій по русскому праву (напр. приравнивая калмыцкихъ нойоновъ и зайсанговъ къ русскому дворянству, простолюдиновъ—къ крестьянамъ и пр. Въ старину да и теперь существовало и существуетъ довольно рѣзкое, бытовое разграниченіе между отдѣльными классами калмыковъ[2]); по ихъ уставамъ и обычаямъ каждое сословіе имѣетъ свою ранговую честь, сообразно съ которой налагаются штрафы и опредѣляется все общественное и личное положеніе отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ выше, «знатнѣе» было положеніе лица въ обществѣ, чѣмъ ближе стояло оно къ родовому наряду, тѣмъ строже цѣпилась его сословная и личная честь и тѣмъ шире и прочнѣе оно пользовалось общей правоспособностью, принижавшейся болѣе и болѣе съ каждой низшей ступенью въ распорядкѣ сословій. Въ настоящее время уже перестали имѣть старую силу въ быту калмыковъ тѣ условія, на почвѣ которыхъ развилась у нихъ своеобразная сословная организація; но, по самому свойству и характеру всякихъ общественныхъ

---

[1]) Среднеазіатскіе монголы доселѣ раздѣляются на четыре сословія: князей и другихъ вельможъ (старыхъ тайшей, нойоновъ и пр.), простолюдиновъ, духовныхъ и рабовъ, при чемъ сословная организація ни мало не измѣнилась сравнительно съ старымъ временемъ См. Іакинѳа Зап. о Монг. I, 161 и слѣд.; IV, 203 и пр. Его же статист. описаніе Манджуріи, Монголіи пр. 59. Пржевальскаго Монг. I, 150—161.

[2]) По свидѣтельству Бентковскаго, «простой калмыкъ не посватаетъ дочь зайсанга, а послѣдній дочь владѣльца. Неровные браки не въ обычаѣ у народа, и допускаются только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то не иначе, какъ по предложенію старшей стороны. Въ этомъ случаѣ калмыки крайне щекотливы и соединеніе бѣлой кости съ черною считаютъ дѣломъ, равнымъ семейному несчастію». См. Женщина—калмычка, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. II 150.

наслоеній, отличающихся всегда и вездѣ строгимъ консерватизмомъ, пройдетъ еще, быть можетъ, не мало времени, когда организація эта вступитъ на новый путь развитія, сообразно съ современными условіями общественной культуры калмыковъ.

Послѣ общихъ замѣчаній объ общественныхъ разрядахъ по калмыцкому праву, мы сдѣлаемъ затѣмъ очеркъ основныхъ его положеній о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности, ограничиваясь при этомъ главнымъ образомъ данными, изложенными въ ойратскомъ уставѣ 1640 г. и Зинзилинскомъ уложеніи[1]).

а) *Классы привиллегированные.* Къ людямъ «знатнымъ», «благороднымъ» (бѣлой кости) ойратскій уставъ и Зинзилинское уложеніе относятъ: владѣльцевъ, табангоутовъ и зайсанговъ. Различіе между этими классами опредѣлялось характеромъ и составомъ главнаго наряда, имѣвшаго мѣсто въ улусахъ и племенахъ, и наряда подчиненнаго — въ отокахъ и аймакахъ съ отдѣленіями. Въ свою очередь, разнообразіе наряда въ обѣихъ формахъ установляло цѣлую лѣстницу чиновныхъ «рангов.», на какіе дробились владѣльцы, табангоуты и зайсанги.

Владѣльцы (владѣтели) въ калмыцкихъ уставахъ означаютъ *нойоновъ*, т. е. вообще классъ старшихъ вождей, или родоправителей, стоявшихъ во главѣ цѣлыхъ улусовъ и племенъ (тангачи). Званіе нойона первоначально принадлежало только потомкамъ Чингиса и его братьевъ по мужскому колѣну; позже его стали присвоять и дальніе родичи хановъ, происхо-

---

[1]) Положеніе калмыцкихъ сословій по русскимъ законамъ, а также на основаніи современнаго обычнаго права калмыковъ, довольно обстоятельно изложено въ цитированныхъ уже не разъ статьяхъ Бюлера, Костенкова, Небольсина и пр. Но здѣсь весьма мало выясненъ вопросъ о сословіяхъ по калм. уставамъ. Пробѣлъ этотъ восполняется въ настоящихъ замѣткахъ.

дившіе изъ побочныхъ линій[1]). По уставу 1640 г. владѣльцы раздѣляются на великихъ или главныхъ, чиновныхъ и меньшихъ или малыхъ (ст. 12, 13, 25, 26 и пр.). Зинзилинское уложеніе различаетъ также владѣльцевъ главныхъ или старшихъ, среднихъ, младшихъ и мелкопомѣстныхъ (ст. 20 — 23, 30, 92, 115).

Къ *великимъ* (*главнымъ*, *старшимъ*) *владѣльцамъ*[2]) относятся по ойратскому уставу ханы, конъ-тайши (хонгъ-тайджи) и тайши (тайджи). Это были вожди племенные, стоявшіе въ главѣ «оронъ» и «тангачи», — старѣйшіе родоправители цѣлаго ойратскаго союза или отдѣльнаго племени. На первомъ планѣ стояли *ханы* и *конъ-тайши* — вожди цѣлыхъ оронъ, не зависѣвшіе ни отъ какой другой родовой власти. Въ силу ойратства имъ подчинялись *тайши*[3]) — правители отдѣльныхъ племенъ, кочевавшихъ самостоятельно или въ союзѣ съ другими ойратскими племенами.

---

[1]) Нойонъ — господинъ, властелинъ, начальникъ, предводитель (отъ глагола «нойолху», властвовать, имѣть начальство). См. Костенкова о калм. 30. Въ введеніи къ уставу 1640 г. говорится о «князьяхъ» въ такомъ же смыслѣ, какъ въ текстѣ о «владѣтеляхъ» и «владѣльцахъ». Въ спискѣ Палласа безразлично употребляются выраженія Nojonn и Fürst. Нойонъ, въ значеніи знатнаго лица, принадлежавшаго къ сословію родоправителей, упоминается въ монгольскихъ источникахъ, современныхъ первымъ Чингизидамъ. См. Березина Очеркъ 56, 63. Среднеазіатскіе монголы доселѣ употребляютъ это названіе въ смыслѣ «господина». (См. Тимковскаго Путеш. I, 103). Тангутскіе чиновники называются домынѣ нойонами. См. Пржевальскаго Монг. I, 289.

[2]) Въ уставѣ по сп. Палласа они называются «grosse Fürsten» и противополагаются geringen Fürsten. См. ст. 22.

[3]) По первоначальному своему значенію, «тайцзу» употреблялось въ смыслѣ прародителя, какъ называли Чингиса китайскіе историки. При Чингисѣ титулъ «тай-ши» носили визири. См. Тимковскаго Путеш. III, 186. Изв. Сибир. отд. Геогр. Общ. 1875, V. № 3, стр 88. Теперешніе князья среднеазіатскихъ монголовъ носятъ общій титулъ «тайцзи» (см. Зап. о Монг. Іакинфа, IV, 203). По толкованію Палласа, Taidshi, Tayschi = Aufseher,

Второй рангъ монгольскихъ князей, по ойратскому уставу, составляютъ *владѣтели чиновные* (26, 29, 38, 46). Въ уставѣ они постоянно перечисляются въ слѣдъ за великими владѣльцами, занимаютъ среднее мѣсто между ними и владѣльцами меньшими. Это были нойоны ранговые или улусные, управлявшіе отдѣльными улусами, на какіе дробилось самостоятельное племя (тангачи); ихъ можно приравнивать къ «среднимъ князьямъ» по ярлыкамъ Золотой Орды. Какъ видно изъ введенія и 12 и 13 статей устава, между улусными нойонами были такіе, которые, не нося титула тайши, по рангу причислялись однако къ «главнымъ владѣтелямъ»[1]) Вѣроятно, это были вожди такихъ улусовъ, которые по чему либо отдѣлялись отъ главнаго племени и составляли отдѣльныя орды, — ихъ нойоны подчинялись, подобно тайшѣ, непосредственно ойратскому главѣ (конъ-тайшѣ). Быть можетъ, эти были также улусные нойоны, получавшіе отъ племенныхъ вождей особыя привиллегіи, возвышавшія ихъ на степень тайшей.

Третій рангъ князей слагается изъ *владѣтелей малыхъ* или *меньшихъ* (ст. 5, 12, 13, 27, 29 и пр), перечисляющихся въ уставѣ послѣ главныхъ и чиновныхъ владѣльцевъ. Это были нойоны не-чиновные, не имѣвшіе своихъ улусовъ и жившіе при ставкѣ племеннаго тайши или улуснаго нойона (русскіе изгойные князья или титулованные князья теперешней Монголіи, не получившіе удѣловъ)[2]).

Wachter; конъ-тайши, Chuntaidshi = Schwanen — Fürst, лебединый князь, вольный, ни отъ кого независимый. Saml. I. 186—188.

[1]) По 12 и 13 статьямъ устава такое значеніе имѣютъ «подобные Мергень Дайчингу и Чюкерю владѣльцы» (einer Fürst wie Mergen Daitsching oder Schüker). Оба упомянутые владѣльца перечислены въ введеніи къ уставу, въ числѣ лицъ, участвовавшихъ на съѣздѣ «главныхъ» владѣтелей, составившихъ уставъ 1640 г.

[2]) Сюда могли относиться князья боковыхъ линій, не участвовавшіе въ управленіи улусами, также дѣти улусныхъ нойоновъ и пр. На изгойныхъ князей указываетъ первая статья ойратскаго устава (по списку Палласа):

У русскихъ калмыковъ исчисленные ранги нойоновъ существовали до бѣгства большинства калмыцкой орды въ 1771 г. Какъ замѣчено выше (стр. 230), калмыки съ этихъ поръ разбились на отдѣльные улусы, управляющіеся своими нойонами независимо одинъ отъ другаго. Зинзилинскіе уложеніе знаетъ собственно два ранга владѣльцевъ: «главныхъ» или «старшихъ», стоящихъ во главѣ улуснаго наряда и управляющихъ каждый своимъ улусомъ по праву родоваго старѣйшинства, — и владѣльцевъ «младшихъ», безъ самостоятельнаго участія въ улусномъ управленіи, живущихъ при ставкѣ старшихъ владѣльцевъ. Различіе между владѣльцами «средними, младшими и мелкопомѣстными» имѣло характеръ не столько ранговой, сколько «помѣстный» (смотря по личному достатку каждаго[1]).

Классъ нойоновъ связывался въ одно цѣлое родовымъ правомъ на нарядъ въ улусахъ, — правомъ *«начальствовать»* (нойолху), т. е. правомъ участія въ племенномъ нарядѣ, отправленія функцій родоправителей въ мирное время и вождей въ пору военныхъ движеній. Распредѣленіе этого права, по существу самаго дѣла, должно было основываться на началѣ родоваго *старѣйшинства*, по такъ назыв. удѣльной системѣ, несомнѣнно практиковавшейся у монголовъ при родовомъ строѣ ихъ политическаго быта. Въ каждомъ самостоятельномъ племени (тангачи) старѣйшій и бо́льшій улусъ находился въ непосредственномъ «владѣніи» и нарядѣ старѣйшаго родича въ ряду нойоновъ цѣлаго племени, по званію тайши считавшагося

князья, нарушавшіе ойратство междоусобной войной, лишались своихъ улусовъ, раздѣлявшихся между другими князьями.

[1]) По ранговой чести уложеніе различаетъ только два класса владѣльцевъ—старшихъ и младшихъ, какъ это видно изъ статей (20—22) о безчестіи. Точно также и по «содержанію» (сборамъ скотомъ въ пользу владѣльцевъ) владѣльцы дѣлились только на указанные два разряда: за прекращеніе содержанія установляется различный штрафъ по различію владѣльцевъ главныхъ и малыхъ, — не видно, чтобы полагались особые оклады содержанія для владѣльцевъ среднихъ и мелкопомѣстныхъ. См. Зинз. улож. 30.

вмѣстѣ съ тѣмъ главой послѣдняго; остальные улусы распредѣлялись между другими племенными нойонами (сыновьями и братьями тайши) въ значеніи родовыхъ удѣловъ, бывшихъ въ нарядѣ и кормленіи нойоновъ. По свидѣтельству монгольскихъ бытописателей, у монголовъ по изстаринному обычаю званіе тайши и управленіе его родовымъ улусомъ и всѣмъ племенемъ переходило къ старѣйшему сыну и вообще къ старшему въ родѣ; князья меньшіе получали въ удѣлъ другіе улусы или ихъ части, надъ которыми они считались такими же самостоятельными нарядниками, какъ и тайши надъ своимъ улусомъ, — въ отношеніи же къ послѣднему они оставались въ «послушаніи». Если старшая линія нойоновъ вымирала, то мѣсто тайши занималъ старѣйшій родичъ изъ ближайшей родовой вѣтви, — его улусъ переходилъ къ третьимъ родичамъ и т д., и такимъ образомъ воспроизводилось «лѣствичное восхожденіе» родовыхъ нарядниковъ изъ одного улуса въ другой, отъ наряда въ меньшихъ родовыхъ союзахъ къ наряду цѣлаго племени и наконецъ ойратскаго союза. При выморочности улуса, послѣдній по обычаю присоединялся къ улусу тайши или его старшаго сына, вообще вступалъ въ обычные порядки наслѣдованія улусныхъ правъ. Но нерѣдко случалось, что улусы несвободные пріобрѣтались путемъ захвата сильными нойонами боковыхъ линій; отсюда тѣ постоянныя усобицы и междоусобія изъ-за улусовъ, какими наполнена исторія политическихъ движеній монголовъ, — усобицы, вынуждавшія иногда тайшей нарушать родовые порядки не обычнымъ распредѣленіемъ улусовъ и ихъ частей, не только въ видахъ усиленія собственной власти и значенія, но и ради прекращенія усобицъ между враждующими родами нойоновъ[1]).

Тѣже самые обычаи перенесли съ собой калмыцкіе ной-

[1]) См. Палласа Saml. I, 186—188. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 5, стр. 32—33 Костенкова о калм. 30, 36, 40. Іакинѳа Зап. о Монг. I, 162. Березина Очеркъ, 44, 48—51.

оны и въ русскія степи[1]). «Старѣйшинство» между ними и «управленіе калмыцкимъ народомъ» принадлежали по народнымъ «обыкновеніямъ» старшему по родовому происхожденію между наличными нойонами. Такимъ образомъ, послѣ нойона-отца старшій сынъ получалъ «старшинство и управленіе» надъ

[1]) Обычаи эти записаны были еще въ прошломъ вѣкѣ бывшимъ секретаремъ коллегіи иностр. дѣлъ, Василіемъ Бакунинымъ, въ его интересной рукописной лѣтописи калмыцкихъ дѣлъ («Описаніе калмыцкихъ народовъ, а особливо изъ нихъ Торгоутовъ, и поступковъ ихъ хановъ и владѣльцовъ, сочинен. Стат. Сов. Вас. Бакунинымъ 1761 года»), также акад. Палласомъ—въ «Путешествіи» и «Samlungen» (см. выше). Кромѣ того, въ цитированномъ не разъ сочиненіи Бюлера (въ От. Зап. 1846 № 11, стр. 17 и др.) констатированы нѣкоторые обычаи наслѣдованія калмыцкихъ улусовъ на основаніи тщательнаго изученія «калмыцкихъ дѣлъ» прошлаго вѣка и первой четверти текущаго. На основаніи указанныхъ источниковъ мы изложимъ здѣсь главныя данныя по занимающему насъ вопросу. — Замѣтимъ здѣсь кстати что, благодаря благосклонному вниманію управленія Имп. публ. библіотеки, доставившаго въ мое распоряженіе рукопись Бакунина, я получилъ возможность ближе съ ней познакомиться и убѣдиться въ томъ, что проф. Н. А. Поповъ (въ рец. на мою книгу объ ойрат. уставѣ, въ Жур. Мин. Пр. 1879, окт., 305) сильно преувеличилъ значеніе упомянутой рукописи, говоря, что безъ нея «нельзя пускаться въ разсужденія о судьбѣ калмыцкаго устава на русской почвѣ до XIX вѣка». Дѣло въ томъ, что сочиненіе Бак. имѣетъ видъ лѣтописнаго разсказа (по годамъ), глав. обр., о «поступкахъ» калмыцкихъ хановъ, съ начала прошлаго вѣка до 1735 г. (за прежнее время сообщены краткія свѣдѣнія). Кромѣ интересныхъ свѣдѣній о порядкѣ преемства власти хановъ и улусн. нойоновъ да замѣтокъ о бракахъ между нойонами, лѣтопись Бак. исключительно трактуетъ о сношеніяхъ калм. хановъ съ русскимъ правительствомъ, о войнахъ и пр. Словомъ, рукопись Бак. даетъ матеріалы, имѣющіе важное значеніе для общей исторіи калмыковъ, но ни словомъ не касается ихъ юридическаго быта и еще менѣе «судьбы ихъ устава на русской почвѣ». Лишь въ началѣ разсказа помѣщено объ этомъ всего 5—6 строкъ, ничего не прибавляющихъ къ тому, что давно уже извѣстно объ исторіи калм. устава: «1640 года всѣ мунгальскіе*) и калмыцкіе ханы и знатные нойоны, т. е. князья, которыхъ мы называемъ владѣльцами, съѣзжались въ одно мѣсто, и 5-го числа сентября постановили свое уложеніе, по которому мунгалы и калмыки между своими народами и донынѣ расправу чинятъ». (Рукоп. стр. 2).

*) Обращаемъ на это обстоятельство вниманіе проф. Кистяковскаго, отрицающаго общеплеменный характеръ устава 1640 г.

прочими владѣльцами — «родными своими меньшими братьями и племянниками» и пр.)[1]). Улусные владѣльцы обыкновенно еще при жизни раздѣляли свои улусы между взрослыми сыновьями по старшинству, а если владѣлецъ умиралъ безъ всякаго распоряженія, то его улусъ дѣлили сами наслѣдники, — и «дѣлежъ этотъ бываетъ между ними неровный»[2]). Равенства не могло быть по существу родовыхъ отношеній (высказывающихся въ этомъ случаѣ въ монгольской пословицѣ — «старшему десять, младшему четыре): старшій, какъ «большакъ», получалъ бо́льшій улусъ, сравнительно съ младшими родичами, уступавшими въ правахъ предъ старшимъ въ родѣ. На такихъ основаніяхъ улусные владѣльцы «поручали» послѣ себя улусы старшимъ родичамъ, раздѣляя ихъ на удѣлы между ними по старшинству[3]). Дѣти отъ «подложницъ» (наложницъ) не устраня-

---

[1]) На такомъ основаніи ханство, по смерти Хоурлука, перешло къ его сыну, Шукуръ-Дайчингу. Тоже самое было и позже· «По смерти Шукуръ-Дайчинга получилъ правленіе надъ Торгоутскимъ народомъ сынъ его Пунцукъ», «Пунцукъ умре около 1669 г., поруча по себѣ правленіе калм. народа старшему своему сыну, Аюкѣ»; на томъ же основаніи въ 1722 г. ханъ Аюка просилъ Петра Великаго о «учиненіи по немъ наслѣдникомъ старшаго сына его Черенъ Дондука». См. Бакунина о калм., стр. 2, 3. 12.

[2]) См. Путешествіе Палласа, изд. 1809.

[3]) Въ рукописи Бакунина (стр 12) сообщены слѣд. любопытныя свѣдѣнія о раздѣлѣ въ 20-хъ годахъ прошлаго вѣка между наслѣдниками улуса Чакдоржана, брата Аюки-хана «Чакдоржанъ до смерти своей *взрослыхъ* сыновей своихъ *отдѣлилъ* и далъ имъ изъ улусовъ своихъ, а имянно: Дасангу (старшему) тысячу, Баушадаю Дорже пятьсотъ. Нитанъ Дорже 200, Гунцикъ Джану 100, Дондукъ Даше 400, Данжинъ Дорже 400 и Бату 400 кибитокъ а затѣмъ у Чакдоржана оставалось 4 тысячи кибитокъ, которыми владѣлъ самъ, и изъ того прочимъ *малолѣтнимъ* дѣтямъ своимъ, отъ одной матери съ Дондукъ Дашею рожденнымъ (всего 5 чел.), также особливыхъ частей не назначилъ а при смерти своей *завѣщалъ* дать имъ изъ оныхъ улусовъ своихъ по *надлежащей части*, а оставшее затѣмъ *раздѣлить всѣхъ по справедливости* и всѣмъ имъ *быть въ союзѣ* и *кочевать вмѣстѣ* и отдавать *послушаніе старшему изъ нихъ брату* Дасангу, которому отдалъ и присанную отъ Далай ламы къ Аюкѣ на ханство, а Аюкою въ 1713 г отданную ему Чакдоржану при *публикованіи* его ханскимъ наслѣдникомъ *печать*. По смерти Чакдоржановой (въ 1722 г.,) дѣти его къ созженію тѣла его *собирались ѣсть*, и притомъ въ

лись отъ правъ на улусы наравнѣ со всѣми нойонами[1]). Послѣ бездѣтнаго владѣльца обычай призывалъ въ качествѣ его улусныхъ наслѣдниковъ-племянниковъ[2]) и дальнѣйшихъ родичей. Если послѣ старшаго родича (напр. сына) оставались дѣти и улусное наслѣдованіе открывалось по смерти ихъ отца, то въ такомъ случаѣ имѣло силу родовое право представленія, — въ права отца вступали его дѣти, устранявшіе другихъ родичей[3]). Всѣ эти порядки, выработанные народными обычаями, невсегда соблюдались: нерѣдко улусы добывались путемъ захвата силой[4]), младшими родичами помимо старшихъ, откуда

твердомъ содержаніи завѣщанія отца своего учинили между себя присягу и съ тѣмъ посылали отъ себя нарочныхъ и дѣду своему Аюкѣ *хану, который то апробовалъ и подтвердилъ*».

[1]) «У него же Чардоржана былъ старшій сынъ Бату, рожденный отъ подложницы, однакоже почитался въ числѣ его дѣтей и нойоновъ» (рукопись Бакунина, стр. 11 на обор.) Какъ видно изъ предыдущаго примѣчанія Бату, какъ старшему, дано въ удѣлъ, при раздѣлѣ улуса, 400 кибитокъ, тогда какъ другія дѣти получили меньше.

[2]) Такъ, послѣ бездѣтной смерти владѣльца Чемета (внучатаго брата Аюки хана) его улусъ долженъ былъ перейти по калмыцкимъ «обыкновеніямъ», къ Чеметеву племяннику, двоюроднаго его брата сыну Намсѣ (Рукоп. Бакунина, 11).

[3]) Такой случай записанъ у Бакунина касательно представительства внуковъ. При Аюкѣ ханѣ его прямымъ наслѣдникомъ считался Чакдоржанъ (см. выше примѣч. о раздѣлѣ его улуса), по смерти котораго (при жизни его отца—Аюка хана) «по ихъ калмыцкому обыкновенію, ханству былъ законный наслѣдникъ» старшій сынъ умершаго, Дасангъ, т. е. внукъ настоящаго хана Аюки. (Рукоп. Бакунина, стр. 14 оборот.).

[4]) Приведемъ изъ Бакунина нѣсколько указаній на подобные захваты и возникавшія изъ нихъ междоусобія между калмыцкими владѣльцами. Стр. 2 (оборот.): «Пунцукъ же старался двоюродныхъ своихъ братьевъ и ихъ дѣтей улусами *обезсилить*, и для того ихъ между себя приводилъ въ ссоры, а противнаго себѣ роднаго племянника своего, именуемаго Джалбу, разбилъ и его самаго поймалъ и отдалъ въ Россію, а улусомъ его завладѣлъ». Стр. 3 (обор.): Въ 1672 г. Аюка ханъ разбилъ своего двоюроднаго дядю Дугара и завладѣлъ его улусомъ. «Да и прочихъ владѣльцовъ онъ Аюка для *обезсиливанія* ихъ часто приводилъ въ ссоры и въ междоусобія». Стр. 11: Въ 1711 г. Чакдоржанъ «улусомъ Чекметевымъ завладѣлъ силою», устранивъ законнаго наслѣдника, племянника умершаго владѣльца — Намсу. Чрезъ 12

возникали постоянныя распри и междоусобія между калмыцкими нойонами, нерѣдко оканчивавшіяся разореніемъ цѣлыхъ улусовъ. Въ случаѣ выморочности улусовъ они подлежали раздѣлу между родичами другихъ родовыхъ линій на основаніи общихъ монгольскихъ обычаевъ (см. выше). Съ конца прошлаго вѣка, какъ уже замѣчено, выморочные улусы калмыковъ стали переходить въ казенное вѣдомство, съ подчиненіемъ ихъ завѣдыванію особыхъ правителей, по назначенію правительства (см. выше, стр. 220). Наконецъ, и вся удѣльная система наслѣдованія улусовъ, возбуждавшая на дѣлѣ постоянныя междоусобія между калмыцкими владѣльцами, замѣнена въ новое время (положеніемъ 1834 г.) системой майоратнаго наслѣдованія улуса старшимъ въ родѣ, безъ раздробленія его между нѣсколькими наслѣдниками[1]). Что касается улусныхъ правъ женщинъ, то, по изстаринному народному обычаю, права эти принадлежатъ только мужскому поколѣнію, происходящему отъ «бѣлой кости» и не распространяются на лицъ, произходящихъ отъ «Machan». По народному «іосунъ» (обычаю), вдова умершаго владѣльца, его дочери и сестры, не участвуя въ улусномъ дѣлежѣ, имѣли право пользоваться только содержаніемъ и получали приданое отъ дѣйствительнаго владѣльца; вдова,

---

лѣтъ снова возгорѣлось междоусобіе между калмыцк. нойонами по поводу указаннаго выше раздѣла улуса Чакдоржана. «Онъ Аюка (ханъ) проча по себѣ ханство сыну своему, отъ послѣдней его жены Дармы Балы рожденному, Черенъ Дондуку предъ смертію своею захотѣлъ внука своего Дасанга (старшаго сына умершаго предъ тѣмъ Чакдоржана), который по ихъ калмыцкому обыкновенію ханству былъ законный наслѣдникъ, *обезсилить* и для того въ 1723 г. научилъ Дасанговыхъ родныхъ братей на Дасанга жаловаться» и требовать отъ него прибавки къ удѣламъ, даннымъ имъ при общемъ раздѣлѣ отцовскаго улуса, «являясь недовольными опредѣленными отъ отца частями». Послѣ долгихъ переговоровъ дѣло дошло до междоусобной войны, которую не могло прекратить даже вмѣшательство русскаго правительства: улусъ Дасанга былъ разоренъ, — онъ самъ съ частію своихъ улусниковъ долженъ былъ спасаться, ушедши къ Астрахани подъ защиту русскихъ (Рукоп. Бакунина, 14—16).

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11. стр. 17.

при малолѣтствѣ наслѣдника улуса, обыкновенно могла завѣдывать улусомъ до его совершеннолѣтія, — бездѣтныя же вдовы вовсе не могли управлять улусами[1]).

Нойоны, имѣвшіе право на нарядъ въ улусахъ, при вступленіи въ свое званіе по обычаю должны были получить признаніе отъ другихъ родичей на родовыхъ собраніяхъ (хурулахъ или хуронахъ) и утвержденіе со стороны высшихъ родоправителей (улусные нойоны утвердались тайшами, эти — ханами)[2]). Этого мало: со времени признанія среднеазіатскими монголами тибетскаго ламаизма господствующимъ народнымъ культомъ (въ концѣ XVI вѣка), утвердилось правило, въ силу котораго тибетскій Далай-Лама, какъ верховный глава монголовъ-ламаитовъ, сообщалъ ихъ высшимъ ойратскимъ главамъ ранги хановъ и тайшей, — обычай, державшійся и у русскихъ калмыковъ еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка[3]).

---

[1]) Рукоп Бакунина, стр. 11: въ 1711 г. Бату, жена владѣльца Чемета, осталась бездѣтною вдовою, «а по калмыцкимъ обыкновеніямъ улусами Чеметевыми (т. е. мужа) она, *какъ бездѣтная*, владѣть не могла». См. обстоятельное изслѣдованіе вопроса о правахъ женщинъ на улусы по «калмыцкимъ дѣламъ» въ статьѣ бар. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр 17—21.

[2]) Обычай избирательныхъ родовыхъ сходокъ извѣстенъ у монголовъ еще въ эпоху Чингизидовъ, когда собирались для избранія хановъ великіе родовые сеймы — курилтаи, изъ князей и другихъ сановниковъ (см. мое соч. Др. монг. уст 176). Изъ словъ Бакунина о раздѣлѣ улуса Чакдоржанова видно что тѣже обычая имѣли мѣсто у калмыковъ еще въ прошломъ вѣкѣ, когда назначеніе улуснаго главы и распредѣленіе улуса между нойонами закрѣплялось ими на общемъ собраніи присягой «въ твердомъ содержаніи» сдѣланныхъ распоряженій. Оттуда же видно, что при этомъ требовалось также утвержденіе высшей родовой власти — въ данномъ случаѣ хана (Рукопись Бакунина, 12).

[3]) См. Палласа Saml. I. 26, 59. — Выше приведена изъ Бакунина цитата, изъ которой видно, что ханъ Аюка, получилъ отъ Далай Ламы печать на ханство (см. выше, стр. 344). Тамъ же подъ 1735 г. описана церемонія принятія ханомъ Черенъ Дондукомъ «даннаго ему отъ Далай Ламы ханскаго чина». (Рукоп Бакунина, стр. 105). См. ниже отдѣлъ о духовенствѣ—Далай Лама и политическія права духовенства.

Нойонъ, становившійся у наряда въ своемъ улусѣ или племени, по началамъ родоваго быта получалъ надъ младшими своими родичами-нойонами право «старшинства и управленія»[1]). Въ свою очередь, родовыя отношенія требовали, чтобы младшіе нойоны «отдавали послушаніе» старшему и всѣ вмѣстѣ были «въ союзѣ», или, по выраженію Зинзилинскаго уложенія, «жили между собой откровенно на подобіе братьевъ, одинъ другаго любить и воздавать приличное по достоинству почтеніе» (ст. 92)[2]). Если на дѣлѣ столкновенія между родоправителями большею частію разрѣшались правомъ сильнаго, съ оружіемъ въ рукахъ, то по крайней мѣрѣ по идеямъ родоваго ойратства столкновенія эти примирялись или властью высшихъ родоправителей[3]), или собраніемъ всѣхъ родичей-нойоновъ, какъ это установлено было обычаями монголовъ еще въ XIII вѣкѣ[4]).

Въ отношеніи къ родовымъ союзамъ, нарядъ надъ которыми сосредоточивался въ рукахъ нойоновъ-владѣльцевъ, послѣдніе по ойратскому уставу и Зинз. уложенію пользуются цѣлымъ рядомъ прерогативъ, непосредственно связанныхъ съ улусными правами нойоновъ, какъ природныхъ правителей улусовъ и племенъ.

Таково прежде всего право «начальствованія» въ войнѣ

---

[1]) Какъ напр. въ XVII вѣкѣ преемникъ калмыцкаго хана Хоурлука, Шукуръ Дайчингъ надъ другими нойонами (Бакунина, 2).

[2]) Калмыцкій нойонъ Чакдоржанъ, распредѣляя между наслѣдниками свой улусъ, завѣщалъ «всѣмъ имъ быть въ союзѣ и кочевать вмѣстѣ и отдавать послушаніе старшему изъ нихъ» (Бакунина Рукоп. 12),—формула, вполнѣ выражающая сущность ойратскихъ отношеній родоправителей.

[3]) Такъ въ прошломъ вѣкѣ споры между улусными владѣльцами нерѣдко разбирались калмыцкимъ ханомъ (Бакунина Рукоп. 14 и пр.).

[4]) «Изрѣченія» Чингиса предписываютъ: «если изъ нашего рода кто нибудь поступитъ вопреки утвержденному уставу», то послѣ вразумленій и другихъ мѣръ «пусть соберутся всѣ родственники, составятъ общее совѣщаніе и положатъ, что съ нимъ дѣлать». (См. мое соч. — Др. монг. уст. 197).

и мирѣ. Въ силу этго права нойоны являлись военными вождями и потому назывались «командующими владѣльцами» (Зинз. улож. 140), получая извѣстную долю въ военной добычѣ, хотя бы сами лично и не участвовали въ военномъ предпріятіи. Въ военное время особенно поднималось значеніе тайшей, какъ верховныхъ военачальниковъ: въ силу военныхъ обычаевъ имъ предоставлялось располагать другими вождями-нойонами по своему усмотрѣнію, назначать ихъ и смѣщать, какъ на это ясно намекаютъ напр. законы Дербетовскаго улуса (уст. 1640 по сп. Палл. 162)[1]). Съ другой стороны, владѣльцы по калмыцкому праву имѣютъ значеніе главныхъ родоправителей въ мирное время. Зиз. уложеніе такъ формулируетъ отношенія подчиненныхъ членовъ родовыхъ союзовъ къ ихъ владѣльцамъ: «надобно вѣрить предпочтительно владѣльцу, слушать со вниманіемъ и исполнять его приказанія и учрежденія безпрекословно. Всякій человѣкъ низкаго происхожденія обязанъ повиноваться владѣльцамъ, воздавать достоинству ихъ приличныя родовымъ преданіямъ и обыкновенію почести» (ст. 65, 115). Каждый нойонъ, стоящій у родоваго наряда, трактуетъ по ойратскому уставу низшихъ, какъ своихъ «чиновъ» (Bedienet), съ правомъ наказанія, смѣщенія и милованія, правомъ тарханства и пр. (уст. 14, 18, 29 и пр.)[2]). Далѣе, какъ племенные главы, нойоны являлись чуть ли не исключительными законодателями: въ дѣлѣ изданія законовъ или, по крайней мѣрѣ, общихъ уставовъ участвовали съ нойонами до позднѣйшаго времени лишь одни духовные чины; исторія Зинз. улож. показываетъ, что у калмыковъ въ новое время право это

---

[1]) См. Костенкова о калм. 31.

[2]) Ойратскій уставъ предоставляетъ дисциплинарныя права (даже право смерти) въ отношеніи къ подчиненнымъ, не только владѣльцамъ, но и всякому, кто находится «въ службѣ» или при дѣлахъ у владѣльца (см. уст. 29). Право тарханства также было общей прерогативой главныхъ владѣльцевъ; въ Джучіевомъ улусѣ этимъ правомъ пользовались даже ханши, дававшія ярлыки, впрочемъ съ согласія хана См. Березина Очеркъ, 44.

распространялось вообще на всѣ классы «бѣлой кости» (въ составленіи уложенія участвовали и зайсанги). Съ улуснымъ и племеннымъ нарядомъ владѣльцевъ соединялось, наконецъ, право суда и расправы въ высшей инстанціи, вмѣстѣ со сборомъ судныхъ штрафовъ и пошлинъ; по Зинз. уложенію владѣльческій судъ ограниченъ лишь внутренними дѣлами улусовъ[1]).

Общій характеръ отношеній владѣльцевъ къ подчиненнымъ имъ родовымъ союзамъ опредѣлялся, вообще говоря, военно-дружиннымъ строемъ всей общественной жизни кочевниковъ, строгой лагерной дисциплиной и диктатурой родоправителей, самовластіе и произволъ которыхъ достигали почти неограниченныхъ размѣровъ, особенно въ старое время политической самобытности монголовъ. Въ ойратскомъ уставѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ спеціальныхъ гарантій противъ самовластія владѣльцевъ. Установляя значительные штрафы за оскорбленіе и другія обиды, наносимыя владѣльцамъ, уставъ ничего не говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда сами владѣльцы дозволяютъ произвольныя дѣйствія въ отношеніи къ подчиненнымъ[2]). Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ статья о «нарушеніи права» (ст. 12. а); но и здѣсь отъ произвола родо-

---

[1]) Уст. 1640 по рус. списку, 10 и др., по сп. Палл. 164, 166. Зинз улож 34 (п. 10), 82, 97, 112 и пр. — Ср. Палласа Saml I, 186—189.

[2]) Ст. 29-я стараго устава, запрещающая произволъ младшимъ владѣльцамъ и зайсангамъ, вовсе не касается главныхъ владѣльцевъ, которые собственно распоряжались судьбой своихъ подвластныхъ. «Съ усиленіемъ самовластія нойоновъ, произволъ не имѣлъ границъ: въ извѣстныхъ случаяхъ они брали отъ простолюдиновъ сколько вздумается, нерѣдко лишая ихъ послѣдняго достоянія» .. Вообще самовластіе и деспотизмъ хановъ не имѣли предѣловъ относительно имущества подвластныхъ и ихъ личности. «Ханы и нойоны, нерѣдко безъ всякаго суда и расправы, лишали жизни простолюдиновъ и дозволяли такіе поступки, какъ напр. внука хана Аюки Натыра-Дорджи, который не пропускалъ почти ни одного дня, не совершивъ хоть одного убійства. Если не попадался ему человѣкъ, то онъ убивалъ попавше-

правителей (владѣльцевъ и зайсанговъ) гарантируются не столько отдѣльныя лица и родовые союзы, сколько собственно «уставъ и обычай», лежавшіе въ основѣ монгольскаго ойратства (см. выше, стр. 160, примѣч.). Гарантіи подчиненныхъ противъ произвола владѣльцевъ формулируются впервые въ законахъ Дербетовскаго улуса (см. уст. по сп. Палл. 151) и особенно усиливаются въ Зинз. уложеніи, внесшемъ въ калмыцкое право цѣлый рядъ новыхъ положеній о «честолюбивыхъ» поступкахъ, «званію владѣльца непристойныхъ»[1]).

Матеріальное содержаніе владѣльцевъ всѣхъ ранговъ извлекалось, не только изъ ихъ частнаго имущества, но и, главнымъ образомъ, путемъ взиманія съ народа податей и натуральныхъ сборовъ, особенно скота, собираемаго для нихъ «на пищу». Всякое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи со стороны плательщиковъ и сборщиковъ оплачивается по калмыцкимъ законамъ большими пенями (см. уст. 1640 г. по рус. сп. 14, 37, 38; по сп. Палл. 131, 139 Зинз. улож. 29, 30, 41)[2]). Какъ привиллегированный классъ, владѣльцы пользуются по калмыцкому праву льготами отъ податей и повинностей низшихъ классовъ (напр. ямской и пр.); имъ отводятся особыя «запрещенныя» мѣста для пастьбу скота, охоты и пр. (Зинз.

еся ему подъ руку животное». (См. Костенкова о калм. 37, 40. Ср. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 64, 112). Въ общемъ ученіи о преступленіяхъ, какъ увидимъ ниже, калмыцкое право слѣдуетъ системѣ штрафовъ — бо́льшихъ для владѣльцевъ и меньшихъ для лицъ другихъ разрядовъ.

[1]) Таковы слѣдующія положенія: «еслибы всѣ столь честолюбивые владѣльцы дерзнули кого нибудь обидѣть, или побить, то къ соблюденію владѣльческой чести и происхожденія должно терпѣливо сносить и за то не мстить подобнымъ образомъ, а предоставляется обиду свою искать по суду» (ст. 24). «За каковые честолюбивые побои брать съ нихъ штрафу» въ опредѣленномъ размѣрѣ (25). «Кто изъ владѣльцевъ безъ суда сдѣлаетъ обыскъ, или нечаянную драку, или отнимать будетъ подводы, такового хотя бы кто и побилъ не штрафовать; ибо поступки сіи званію владѣльца непристойны, слѣд. самъ себя обвиняетъ» (27). См. также ст. 35, п. 11 и 12.

[2]) Что касается лицъ женскаго пола, принадлежавшихъ къ владѣльческому классу, то по обычаямъ они также получаютъ содержаніе отъ улу-

улож. 34, 39). Наконецъ, калмыцкое право гарантируетъ личныя и имущественныя права владѣльцевъ (особенно главныхъ) громадными штрафами, смотря по рангу каждаго, напр. въ случаѣ убійства, личныхъ обидъ и пр. (уст. 26 и др.; Зинз. улож 20 — 23). Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній изстари признавалась за нойонами и санксирована теперь русскими законами[1]).

Переходный рангъ отъ владѣльцевъ къ зайсангамъ составляютъ по калмыцкому праву табангоуты и заргачи, тянувшіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ, а въ другихъ — къ зайсангамъ.

Табангоуты[2]), по объясненію, имѣющемуся въ русскомъ текстѣ устава 1640 г, были «зятья владѣльцевъ, которые не ханской крови», т. е. по своему происхожденію не принадлежали къ нойонамъ. О нихъ упоминаетъ также Зинзилинское уложеніе; но значеніе ихъ глоссируется здѣсь въ нѣсколько иномъ смыслѣ, именно какъ «владѣльцевъ, рожденныхъ отъ матери простаго состоянія» (ст. 23). Въ калмыцкихъ уставахъ они перечисляются въ ряду общественныхъ классовъ между владѣльцами меньшими и зайсангами. По уставу 1640 г. табангоуты, подобно владѣльцамъ, дѣлятся на чиновныхъ и малыхъ или меньшихъ (ст. 26, 27 и др.); первые перечисляются въ слѣдъ за чиновными владѣльцами, стоятъ выше меньшихъ владѣльцевъ. Въ Зинз. уложеніи нѣтъ раздѣленія табангоутовъ на чиновныхъ и меньшихъ. Есть отношенія, когда они приравниваются къ владѣльцамъ, напр. по безчестію, сбо-

---

совъ въ видѣ сборовъ скотомъ и пр. Но право на улусное содержаніе удерживается ими, когда они живутъ при владѣльцѣ; и за то, съ другой стороны, если вдова владѣльца жила внѣ его улуса, то послѣ ея смерти имуществомъ ея пользуются тѣ, среди кого она жила. (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 17—21).

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114.

[2]) См. уст. 1640, ст. 12—14, 26, 27, 29, 38, 46. Зинз. улож. 19, 23, 92, 115.

рамъ скота на пищу, платѣ за невѣсту (уст. 1640 ст. 26, 27, 38, 46), — по Зинз. уложенію также по вопросу объ ойратствѣ и «послушаніи» простолюдиновъ (ст. 92, 115). Въ другихъ случаяхъ табангоуты тянутъ къ зайсангамъ; напр. по вопросу объ оборонѣ изъ непріятельскихъ рукъ оба класса приравнены другъ къ другу (уст. 14; Зинз улож 19).

Въ одномъ рангѣ съ табангоутами считаются по уставу 1640 г. *Sargatschi* (Sargatschiner, заргачи), или по русскому тексту — *главные народные управители* (рус, 12, 13, 29; Палл. 10, 11)[1]). Въ уставѣ заргачи стоятъ рядомъ съ табангоутами, между меньшими владѣльцами и зайсангами Сюда относились члены «зарго» (тоже, что наша старая княжеская дума) — совѣта, состоявшаго при племенныхъ родоправителяхъ-тайшахъ и ханахъ. Послѣдніе избирали своихъ совѣтниковъ и думцевъ[2]) изъ дальнихъ родичей и знатныхъ зайсанговъ, участвовавшихъ въ высшемъ нарядѣ и судѣ по дѣламъ цѣлаго племени[3]). Съ уничтоженіемъ ханскаго достоинства у русскихъ калмыковъ, старый зарго удержался въ значеніи улуснаго судебнаго учрежденія, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлались подсудными сами владѣльцы[4]).

Рядомъ съ владѣльцами калмыцкое право ставитъ *зайсан-*

---

[1]) Въ Зинзил. уложенію заргачи не упоминаются въ ряду общественныхъ разрядовъ.

[2]) Изъ 12 и 13 статей устава видно, что при тайшахъ въ его время состояло по четыре заргачи Переводъ монгольскаго термина «Sargatschi» выраженіемъ «главные народные управители» можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что переводчикъ устава, при составленіи своего перевода, имѣлъ въ виду калм. зарго, учрежденный въ 1761 г. при намѣстникѣ ханства на новыхъ основаніяхъ и извѣстный на офиціальномъ языкѣ подъ именемъ «главнаго народнаго Зарго» или управленія См. Костенкова о калм. 14.

[3]) См. Палласа Saml. I, 188—189.

[4]) См. ниже объ администраціи въ родовыхъ союзахъ Объ исторіи зарго у русскихъ калмыковъ см. Костенкова о калм. 14 и слѣд., также Бюлера цитиров выше статью.

тобз (зайсянъ, дзайсангъ, цзайсангъ, сайдутъ, Sajïsan)[1]), считаетъ тѣхъ и другихъ классами привиллегированными, по народнымъ воззрѣніямъ равно принадлежавшими къ «бѣлой кости». Въ ойратскомъ уставѣ упоминаются два главные разряды зайсанговъ — знатныхъ или старѣйшихъ и меньшихъ[2]). Подъ старѣйшими разумѣются зайсанги аймачные, оточные и сотенные[3]); остальные зайсанги, подъ общимъ именемъ низшихъ, не имѣли своихъ аймаковъ и отоковъ, жили при ставкѣ старшихъ зайсанговъ-родичей или, по назначенію владѣльца, управляли родовыми отдѣленіями — сорока, двадцатками и пр.[4]). Знатными назывались въ особенности зайсанги, пріобрѣвшіе своими заслугами знаменитость и получавшіе отъ своихъ нойоновъ титулъ тархановъ, освобождавшій ихъ отъ общихъ служебныхъ повинностей простыхъ зайсанговъ; изъ знатныхъ зайсанговъ тайши обыкновенно избирали своихъ думцевъ (Sargatschi)[5]). Остальные зайсанги, не пользовавшіеся льготами тархановъ, считались служилыми или ранговыми и раздѣлялись, какъ замѣчено, на старшихъ и меньшихъ (тоже, что́ теперь аймачные зайсанги и безаймачные или изгойные[6]). Зинзилинское уложеніе ничего не говоритъ о разрядахъ зайсанговъ и разумѣетъ

---

[1]) Въ калмыцкихъ уставахъ зайсанги извѣстны также подъ общимъ именемъ *ясашныхъ сборщиковъ*. См. уст 1640 ст. 28, 29, 47 и пр. Зинз. улож. 111 п. 7, 140, 196 Ясакъ—подать.

[2]) Уст. по рус. сп. 12, 13; по сп. Палл. 41, 132, 133.

[3]) Объ аймачныхъ зайсангахъ см. уст. Палл. 162; объ оточныхъ въ смыслѣ старѣйшихъ — уст. Палл. 132. Въ ст 41 по сп. Пал. «Saissanen über Hundert» (сотенные) въ значеніи старшихъ противополагаются «geringere Saissanen».

[4]) Въ 47 ст. устава по рус. сп. упоминаются ясашные сборщики (т. е. зайсанги) сорока и 20-ти кибитокъ.

[5]) О знатныхъ зайсангахъ см. уст. 12, 13. Ср. Палласа Saml. I. 189, 192. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114—116.

[6]) Безаймачными зайсангами называются братья и другіе родичи старшаго зайсанга—управителя аймака, которые жили при его ставкѣ и отличались отъ простолюдиновъ только почетнымъ происхожденіемъ. См. Небольсина въ Библ. СХШ, № 5, стр. 32. Костенкова о калм. 52.

подъ ними лицъ, стоявшихъ у наряда меньшихъ родовыхъ союзовъ, главнымъ образомъ родовъ и аймаковъ. По объясненію изслѣдователей, «тотъ изъ хотонныхъ старѣйшинъ, который по прямой линіи происходилъ отъ главы перваго хотона (хотона-родоначальника) получалъ названіе зайсяна или зяйсанга и управлялъ цѣлымъ аймакомъ»[1]) Многіе изъ зайсанговъ происходятъ отъ дальнихъ родичей нойоновъ, которымъ послѣдніе поручали ближайшее завѣдываніе и надзоръ за подвластными имъ калмыками, сажая ихъ у наряда отдѣльныхъ аймаковъ[2]). Когда не было на лице родичей, нойоны поручали надзоръ за кочевьями въ выморочныхъ аймакахъ особымъ довѣреннымъ лицамъ изъ простолюдиновъ, жаловали имъ грамоты на зайсангское званіе, въ особенности за личныя услуги и вѣрную службу[3]). Кромѣ того, сами аймачные калмыки могли избирать изъ среди себя достойнаго и способнаго простолюдина въ свои зайсанги въ случаѣ пресѣченія ихъ зайсангскаго рода, или когда ихъ зайсангъ лишался владѣльцемъ своего званія; избранные по обычаю утверждались владѣльцами выдачей зайсангскихъ грамотъ. Есть, наконецъ, указанія, что права на званіе зайсанговъ въ старину сообщали и тибетскіе Далай-Ламы[4]). Званіе зайсанга, пріобрѣтенное тѣмъ или другимъ способомъ, имѣло «по калмыцкимъ обыкновеніямъ» наслѣдственный характеръ, переходило отъ отца къ дѣтямъ и т. д. (какъ указываютъ на это офиціальные памятники прошлаго вѣка, — см. П. С. З. XII, № 9110). По старымъ обычаямъ,

---

[1]) См. Небольсина, въ Библ. СХІІІ, № 5, стр. 32.

[2]) Такими родичами нойоновъ считались въ прошломъ вѣкѣ зайсанги Туктунова и Бурулова родовъ въ Дербетовскомъ улусѣ. См. Костенкова о калм. 49. Ср. Палл. Saml. I. 191.

[3]) См. Палласа Saml. I, 191. Ср. От. Зап. 1846, № 11, стр. 34 и слѣд. Доселѣ сохраняется преданіе о пожалованіи нойономъ Тундутовымъ въ званіе зайсанговъ нѣсколькихъ человѣкъ своей прислуги, которымъ даны въ управленіе цѣлые роды, не имѣвшіе зайсанговъ или выморочные. См. Костенкова, 49.

[4]) Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 114, 115; № 11, стр. 33—34, 36

зайсангскій нарядъ распредѣлялся по той же удѣльной системѣ, какъ и нарядъ нойоновъ: въ старину зайсанги дѣлили (съ согласія своихъ владѣльцевъ) свои аймаки между дѣтьми мужескаго пола по обычнымъ у монголовъ наслѣдственнымъ порядкамъ[1]). И позже случалось, чтъ отецъ—зайсангъ давалъ, кромѣ старшаго сына, наслѣдовавшаго его званіе, также части аймака меньшимъ сыновьямъ; но, какъ замѣчаютъ изслѣдователи, нойоны соглашались на это только «изъ отмѣнной милости», не въ примѣръ другимъ[2]). У калмыковъ, вообще говоря, утвердилось правило безраздѣльнаго наслѣдованія зайсангскаго званія по старшинству рожденія (отъ отца къ старшему сыну)[3]). Такой порядокъ признаетъ уже Зинз. уложеніе, хотя есть указанія, что до положенія 1834 г. владѣльцы могли отдавать аймаки болѣе достойнымъ наслѣдникамъ, не стѣсняясь ихъ старшинствомъ по рожденію[4]). Право зайсанговъ дробить аймаки между дѣтьми, какъ и право владѣльцевъ дѣлать выборъ между наслѣдниками, окончательно отнято было у зайсанговъ и владѣльцевъ положеніемъ 1834 г., узаконившимъ переходъ аймаковъ къ «старшему въ родѣ».

Въ отношеніи къ своимъ владѣльцамъ-нойонамъ зайсанги имѣли значеніе ихъ ближайшихъ дружинниковъ, изъ коихъ наиболѣе доблестныхъ и довѣренныхъ нойоны брали къ себѣ въ думцы, другихъ же сажали у наряда родовыхъ союзовъ, на которые дѣлились улусы, въ значеніи своихъ намѣстниковъ, управлявшихъ этими союзами ихъ именемъ и властью. Предоставляя данный аймакъ извѣстному лицу, нойонъ могъ по ста-

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 191. По калмыцкому праву дѣти женскаго пола не наслѣдуютъ ни улусовъ, ни аймаковъ (См. Бюлера, въ От. Зап 1846, № 11, стр. 17—20).

[2]) См. Коттенкова, 50.

[3]) См. Небольсина. Библ. СХШ, № 5, стр. 32.

[4]) См. Нефедьева о калм. 94. Статьи 26 и 37 Зинз. уложенія показываютъ, что по уложенію аймаки переходятъ къ старшему сыну, «а буде онаго нѣтъ или — малолѣтенъ, то до возраста ближнимъ родственникамъ».

рымъ обычаямъ и отнять его, съ передачей его другому, принимавшему званіе зайсанга[1]). На такое право нойоновъ даютъ указаніе законы Дербетовскаго улуса, хотя впрочемъ, по смыслу этихъ законовъ, права нойоновъ въ этомъ случаѣ были уже не безграничны: нойонъ могъ смѣстить зайсанга и передать его должность другому лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, при безпорядкахъ въ аймакѣ въ мирное время, особенно же если въ пору войны зайсангъ не держитъ въ повиновеніи свою дружину[2]). Еще болѣе ограничено право нойоновъ смѣщать зайсанговъ въ Зинз. уложеніи. Въ немъ точно указаны случаи, когда зайсангъ подлежитъ смѣщенію, именно только за извѣстныя преступленія, слѣдоват. по суду, а не по произволу владѣльца, причемъ владѣлецъ не могъ передать его аймакъ, кому хотѣлъ (какъ было въ старину): аймакъ во всякомъ случаѣ передавался «ближайшему по немъ наслѣднику», т. е. старшему сыну отставленнаго зайсанга и т. д. [3]). Въ Зинз. уложеніи уже вполнѣ опредѣлилось сословно-наслѣдственное значеніе званія зайсанговъ.

---

[1]) См. Костенкова, 32. Палласа I, 191. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 115, № 11, стр. 33 и слѣд.

[2]) См. уст. по сп. Палл. 162.

[3]) См. Зинз. улож. 26, 28, 36, 37, 74 и пр. По словамъ Неведьева, каждый владѣлецъ, въ случаѣ неудовольствія на подвластнаго зайсанга, можетъ наказать его, на что нѣтъ и претензій, но лишать званія, отъ предковъ наслѣдованнаго, или отобрать у него аймакъ безъ суда, права не имѣетъ; впрочемъ, по смерти такихъ зайсанговъ, которые оставляютъ много дѣтей, владѣльцы властны отдавать аймаки ихъ въ управленіе тѣмъ изъ наслѣдниковъ, коихъ найдутъ болѣе достойными, не стѣсняясь старшинствомъ ихъ по рожденію». (См. Свѣд. о волж. калм 94). Вопросъ о смѣщеніи зайсанговъ владѣльцами окончательно разъясненъ судебной практикой калмыковъ, именно рѣшеніемъ суда Зарго 30 сент. 1842 г., опредѣлившимъ, что «ни аймачные, ни безъаймачные зайсанги не должны быть низводимы въ другое званіе безъ судебныхъ приговоровъ, равномѣрно и назначать вновь зайсанговъ изъ простолюдиновъ, безъ особеннаго начальственнаго дозволенія, калмыцкіе владѣльцы не могутъ». (См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 34, ср. тамъ же № 8. стр. 115).

Съ другой стороны, старѣйшіе зайсанги имѣютъ въ своемъ подчиненіи низшихъ зайсанговъ своего отока или аймака, наблюдаютъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей; по законамъ Дербетовскаго улуса старшій зайсангъ, напр., объявляетъ низшимъ, управлявшимъ сорока и пр., приказанія нойоновъ, чтобы «никто не отговаривался невѣдѣніемъ»; вообще на старшихъ лежала отвѣтственность за всѣ дѣйствія младшихъ[1]). Зинз. уложеніе констатируетъ отношенія между зайсангами по «такому же примѣру», какъ и между владѣльцами, — слѣдуя началамъ ойратства, уложеніе требуетъ, чтобы зайсанги, какъ и другіе служители и старосты съ цѣлыми «обществами», жили «одинъ съ другимъ подобно братьямъ, союзомъ неразрывнымъ, доставляя довлеемое вспомоществованіе и почтеніе, согласуясь съ добрыми предначертаніями», подъ угрозой штрафовъ за поступки «противу сего устава» (ст. 92).

Тѣже ойратскія, служебно-родовыя начала опредѣляютъ по калмыцкому праву и отношенія зайсанговъ къ подчиненнымъ имъ родовымъ союзамъ. По изстариннымъ обычаямъ, зайсанги являются ближайшими родовыми нарядниками отоковъ и аймаковъ, составлявшихъ ихъ «родовое достояніе», какъ это доселѣ существуетъ и у калмыковъ алтайскихъ и бурятъ, управляющихся своими родовыми старшинами подъ общимъ именемъ «зайсановъ»[2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда цѣлые улусы, по выморочности, лишились своихъ родовыхъ владѣльцевъ, зайсанги являются общимъ народнымъ учрежденіемъ калмыковъ; Зинз. улож. указываетъ на «народы» (т е. выморочные улусы), которые не имѣютъ владѣльцовъ, но управляются зайсангами», (ст. 65). Зайсангамъ усвоялась старымъ ойратскимъ уставомъ въ существѣ таже дисциплинарно-родовая власть, какъ и нойону въ его улусѣ, даже съ правомъ жизни и смерти[3]). Статья 153-я устава прямо называетъ подчиненныхъ зайсангу

[1]) Уст по сп. Пал. 132, 135, 137, 167 и пр.

[2]) См. Самоквасова Сборн. 3, 105; Бюлера въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 35.

[3]) Ст. уст. 29.

простолюдиновъ его «подданными». Начало «послушанія» и «повиновенія» зайсангамъ констатируется и Зинзилинскимъ уложеніемъ: «законъ обязываетъ повиноваться своему зайсангу» (ст. 125 п. 5)[1]; но такое повиновеніе обязательно лишь до извѣстныхъ предѣловъ, именно пока «онъ (зайсангъ) не впадетъ въ противное владѣльцу и обществу заблужденіе: тогда не слѣдуя ему, всякій долженъ объявить о томъ обществу и владѣльцу, а буде не объявитъ, штрафованъ будетъ» (ст. 125 п. 5)[2]. Вмѣстѣ съ тѣмъ уложеніе грозитъ лишеніемъ аймака и должностей «всѣмъ управляющимъ дѣлами» зайсангамъ, если они «окажутся въ неблагопристойномъ видѣ противномъ существующему праву»[3], какъ и въ томъ случаѣ, если зайсангъ «по честолюбію, дерзнетъ кого изъ другихъ обидѣть, или обезчестить, или побить» и этимъ «не оправдаетъ въ точности возложеннаго порученія по званію и далѣе можетъ превращать общественную пользу во вредъ»[4]. Въ отношеніи къ людямъ «подвластнымъ», т. е состоявшимъ въ genti adscriptio, зайсанги не пользовались тѣми правами, какими въ этомъ случаѣ располагали нойоны, — права зайсанговъ распространялись лишь на людей (собственно рабовъ), лично ими пріобрѣтенныхъ[5] Зайсанги собирали (почему въ калм. законахъ назыв. «ясашными сборщиками») въ пользу своего нойона

---

[1]) Точно также по 116 статьѣ: «каждый простой человѣкъ предпочтительно повинуется зайсангу и старшему по немъ».

[2]) Тоже требованіе выражено въ 116 статьѣ: «буде бы кто изъ нихъ (зайсанговъ и старшихъ по нихъ) приказалъ и научилъ кого дѣйствовать противу закона, вопреки владѣльцомъ и обществомъ постановленнаго порядка, таковому распоряженію не слушаться, хотя бы и гибель ему отъ того послѣдовала, а явиться и донести о томъ владѣльцу или другимъ старѣйшинамъ или къ обществу».

[3]) Т. е. если будутъ, «пьянствовать, утопать въ развратныхъ забавахъ и роскошахъ, нерадивы по порученіямъ, завистливы, сварливы, склонны къ ябедамъ и подстрекательству» и пр (ст. 28)

[4]) См. Зинз. улож 26. Ср. также ст. 40.

[5]) См. Костенкова, 50.

подати, сборы и другіе платежи съ аймаковъ и доставляли ихъ въ владѣльческую ставку [1]); но не видно, чтобы зайсанги участвовали въ «сборахъ скотомъ на пищу» и въ податяхъ, собиравшихся въ пользу нойоновъ, — Зинз. уложеніе, напротивъ, прямо запрещаетъ зайсангамъ «поборы, подъ видомъ податей, съ нихъ (аймачныхъ) собранныхъ скотомъ и деньгами» [2]). Зайсанги, какъ и владѣльцы, вообще пользуются издавна льготами отъ податей, ямской повинности и пр. [3]).

Права личныя зайсанговъ гарантированы калмыцкими законами въ статьяхъ о безчестіи и пр.; но законы эти (собственно Зинзил. уложеніе, распространившее тѣлесныя наказанія на большинство преступленій, съ уменьшеніемъ штрафовъ скотомъ, господствующихъ въ старомъ уставѣ) не даютъ категорическихъ указаній на освобожденіе зайсанговъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Есть извѣстія, что въ старое время зайсанги въ этомъ случаѣ приравнивались къ простолюдинамъ, — еще въ концѣ прошлаго вѣка калмыцкій зарго (судъ) присуждалъ ихъ за преступленія къ тѣлеснымъ наказаніямъ [4]). По Зинз. уложенію во всѣхъ случаяхъ, когда за данное преступленіе опредѣляется наказаніе, смотря по общественному положенію виновнаго, зайсанги наравнѣ съ владѣльцами облагаются только штрафами, такъ какъ простолюдины, кромѣ того, подлежатъ еще и тѣлеснымъ наказаніямъ [5]).

---

[1]) См. уст. 131 и др.; Зинз. улож. 42.

[2]) Зин. улож. 42. Прежде зайсанги пользовались нѣкоторыми повинностями, прислугой и сборами съ аймачныхъ; теперь аймачный зайсангъ пользуется особымъ кибиточнымъ сборомъ. въ видѣ оброка. (См. Костенкова, 50. Бентковскаго, въ Сборн. ст св по Ставр. губ I, 93). Вдовы и дочери зайсанга не имѣютъ права на полученіе содержанія изъ доходовъ аймака. (См. Бюлера, въ От. Зап 1846, № 11, стр. 21).

[3]) См. Зин. улож. 39 Ср. Костенкова, 49.

[4]) См. Костенкова, 52.

[5]) См. Зинз. улож. 28, 36, 43. 74, 133, 136, 137, 189 и пр. Есть лишь одна статья, устанавливающая «удары по щекамъ въ полномъ собраніи» (на сходѣ народа) съ штрафомъ для *знатныхъ* людей, уличенныхъ въ подущеніи зависимыхъ людей къ незаконной просьбѣ объ освобожденіи отъ владѣльца

b) *Простолюдины* составляютъ низшій классъ людей «черной кости». Въ калмыцкихъ уставахъ «люди простые» противополагаются знатнымъ и раздѣляются на людей «среднихъ» и подлыхъ», собственно «простолюдиновъ»[1]). Общественное положеніе обоихъ классовъ зависѣло отъ большей или меньшей близости ихъ къ родовому наряду и отъ характера служебно-родовыхъ отношеній простолюдиновъ къ владѣльцамъ и ихъ родовымъ союзамъ. Раздѣленіе простонародья на классы людей среднихъ и низшихъ доселѣ существуетъ у калмыковъ безъ существенныхъ измѣненій[2]).

Люди средніе или *посредственные* (Mittelmässige, Wohlhabende, Gemeine) устава 1640 г. соотвѣтствуютъ «людямъ средняго состоянія», «людямъ посредственнаго состоянія» или «людямъ въ обществѣ извѣстнымъ» по Зинз. уложенію, нынѣ называющимся вообще «почетными» простолюдинами. Средній классъ составляетъ въ простонародьи своего рода служилую аристократію, — разрядъ лицъ, образующихъ переходную ступень отъ подлыхъ къ знатнымъ. Изъ этого класса по преимуществу отдѣльныя лица переходили въ зайсанство путемъ пожалованія зайсанскихъ ярлыковъ и пр. Къ классу среднихъ людей относились: владѣльческіе служители и воины-

---

и пр Но здѣсь наказаніе назначается вообще для знатныхъ, т. е. не только для зайсанговъ, но и для *нойоновъ*, и затѣмъ упомянутое наказаніе имѣетъ собственно характеръ наказанія *осрамительнаго*, какъ и вожденіе голымъ при собраніи и пр За тоже самое дѣло простолюдинъ подвергается наказанію плетьми—главной формѣ тѣлесныхъ наказаній, установленныхъ Зина. улож.

[3]) Въ уставѣ 1640 г есть цѣлый рядъ статей, въ которыхъ люди «средніе» и »подлые», подъ общимъ именемъ простолюдиновъ, противополагаются владѣльцамъ и зайсангамъ (см ст 19, 51, 54, 58 и др.). И Зинз. уложеніе противополагаетъ знатныхъ людей — по однимъ статьямъ вообще «простолюдинамъ», «людямъ простымъ», «простаго состоянія (28, 43, 74, 133), по другимъ—«людямъ средняго состоянія» («посредственнаго состоянія») или «людямъ въ обществѣ извѣстнымъ» и «людямъ простаго» или «низкаго состоянія» (36, 101 п. 12, 138, 140, 158)

[2]) См. Небольсина. въ Библ. СХШ. № 5, стр. 44 и слѣд.

стражники, затѣмъ почетные простолюдины — Darchan и Erketèn, не причислявшіеся къ податнымъ лицамъ.

Владѣльческую дворню составляли *служители придворные*, «двора его (владѣльца) служители», — «fürstliche Bedienter, welche in Diensten und Geschäften ihres Fürsten verfahren müssen» (уст. 1640 ст. 13, 28, 29 и пр.; по сп. Палл. 24 и пр.). Зинз уложеніе называетъ этотъ классъ владѣльческими приближенными служителями, «управляющими дѣлами» и занимающими «должности» при владѣльцахъ; въ служебномъ отношеніи они стоятъ между зайсангами и старостами или управителями сорока (23, 26, 28, 29). Въ настоящее время къ «дворовымъ» относятся «кетёчинеры», «демчи» и «чигачинаръ». Первый классъ составился изъ потомковъ служителей, избиравшихся прежде изъ разныхъ родовъ къ владѣльцу и постоянно находившихся при ёргё — владѣльческой ставкѣ и кибиткахъ членовъ семьи владѣльца; изъ кетечинеровъ избирались главный конюхъ (мерге), главный слуга (сеевина — въ родѣ дворецкаго) и другія лица, отправлявшія разныя личныя службы при владѣльцѣ и его семьѣ. Кетёчинеры составляютъ высшій классъ владѣльческой дворни; значеніе низшихъ слугъ имѣютъ при владѣльческой ставкѣ «демчи» и «чигачинаръ». Демчи—выборные изъ всѣхъ родовъ и ихъ отдѣленій, находившіеся постоянно при владѣльческой ергё въ значеніи посыльныхъ; ихъ отряжали хотоны (каждый по одному) для общихъ нуждъ владѣльца и самихъ хотоновъ. Чигачинаръ — кумысники, изготовлявшіе кумысъ для владѣльческой ставки и завѣдывавшіе ея дойнымъ скотомъ [1]).

Второй классъ среднихъ людей составляли *ближайшіе владѣльцевы воины* — «уздени» (Usdèn) или тѣлохранители нойоновъ и простые дружинники — «панцырники» и «латники», жившіе при владѣльческой ставкѣ въ качествѣ ея постоянныхъ стражниковъ (уст. по рус. сп. 13; по сп. Пал. 10, 22).

---

[1]) См. Библ. СХШ, № 5, стр. 44 и слѣд.

Изъ нихъ образовался теперешній классъ почетныхъ простолюдиновъ, извѣстный у калмыковъ подъ именемъ «мергечютъ» — стрѣлковыя сотни изъ лучшихъ ратниковъ, не смѣшивавшихся съ прочей сборной ратью и постоянно находившихся лично при владѣльцахъ [1])

Къ среднимъ людямъ относились, наконецъ, два класса почетныхъ простолюдиновъ — *Darchan* и *Erketèn* (теперешніе «дархта» и «еркете»). Подъ тарханами — простолюдинами (тарханы были и въ классѣ зайсанговъ) разумѣлись лица, принадлежащія къ разнымъ родамъ простыхъ калмыковъ и отличившіяся особенною доблестію при военныхъ дѣйствіяхъ, — ратники, сдѣлавшіеся «извѣстными въ обществѣ», въ особенности спасеніемъ владѣльцевъ въ бою изъ рукъ непріятельскихъ. Классъ еркете составляютъ потомки кётёчинеровъ и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ калмыковъ и выслуживавшихся у тайшей какими либо особенными нератными подвигами. «Считаться въ своемъ улусѣ тарханомъ» значило быть вольнымъ, обѣленнымъ отъ родовой зависимости и тягла (genti adscriptio) людей подлыхъ; тарханы пользовались податными и служебными льготами и были изъяты отъ подчиненія и подсудности меньшимъ родовымъ нарядникамъ (зайсангамъ и пр.), съ непосредственною зависимостью отъ одного владѣльца. Такими же льготами пользовались и еркете. Обѣленіе обоихъ классовъ закрѣплялось особыми льготными ярлыками (нашими тарханными грамотами), дававшимися тайшами тарханамъ и еркетенамъ съ ихъ потомствомъ [2]).

Всѣ исчисленные классы среднихъ людей находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ родовому наряду и пользовались въ своихъ родахъ льготнымъ положеніемъ, отличавшимъ ихъ отъ людей подлыхъ. Изъ Зинз. уложенія видно, что не только «приближенные служители», но и вообще «извѣстные въ об-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. уст. 1640 г. ст. 14; сп. Пал. 10; Зин. улож. 19. Ср. Библ. д. чт. СХШ, № 5, стр. 45 и сл. Мое соч Др. монг. уст 155, 156.

ществѣ люди», т. е. всѣ классы среднихъ людей «управляли рѣлами» (см. напр ст. 36), состояли въ личной службѣ при владѣльческой ставкѣ (какъ по преимуществу владѣльческіе служители и воины) и приставлялись къ низшимъ родовымъ должностямъ въ десяткахъ и другихъ отдѣленіяхъ, управлявшихся по Зинз. уложенію не зайсангами, но почетными простолюдинами. При наступленіи войны тарханы, еркете, приближенные воины и часть служителей, отправлявшихся съ своимъ владѣльцемъ на войну, каждый разъ давали ему присягу на вѣрную службу, съ обѣтомъ защиты владѣльца и его семьи [1]), чего не требовалось отъ простыхъ ратниковъ, обязанныхъ вѣрностію въ силу genti adscriptio. Почетные простолюдины, по словамъ Палласа, были свободными «вассалами», имѣвшими собственныхъ «подданныхъ», т. е. рабовъ [2]). Изъ устава 1640 года и Зинз. уложенія видно, что средніе люди пользовались бо́льшими личными гарантіями сравнительно съ простыми людьми; но въ отношеніи къ тѣлеснымъ наказаніямъ почетные простолюдины не отличались отъ подлыхъ, — разница между ними замѣчается лишь въ томъ, что почетные наказывались меньшимъ числомъ ударовъ плетьми, но за то они платили штрафы больше простыхъ людей (Зин. улож. 28, 36).

Остальная масса кочевниковъ-скотоводовъ, не принадлежащихъ къ людямъ знатнымъ и среднимъ, относится по калмыцкимъ уставамъ къ «сословію *простыхъ подвластныхъ людей* («людей простыхъ» или «подлыхъ», «низкихъ», «людей простаго» или «низкаго состоянія») [3]). Наименованіе простолюдиновъ «подвластными» [4]) указываетъ на ихъ родовую зависимость (genti adscriptio), по различію которой упоминаются «люди владѣльческіе», т. е. приписанные къ улусамъ, имѣв-

---

[1]) См. Библ. д. чт. CXIII, № 5, стр. 45.

[2]) См. уст. 1640 сп. Пал. 10, примѣч.

[3]) См уст. 1640 ст. 13, 19, 47, 51 и пр., Зинз. улож 3, 6, 12, 13, 28, 43, 75 и пр.

[4]) О «людяхъ подвластныхъ» см. Зинз. улож. 3, 6, 18 (п. 19), 41 и пр.

шимъ своихъ родовыхъ нойоновъ-владѣльцевъ [1]), — люди «казенные», приписанные къ выморочнымъ улусамъ, бывшимъ въ казенномъ управленіи [2]), — люди «аймашные» [3]) и пр. Въ тягловомъ отношеніи простолюдины называются также людьми податными, «платящими подать», «отправляющими всѣ тягости, возлежащія на людяхъ простаго состоянія», служащихъ и платящихъ подати» [4]).

Калмыцкіе уставы признаютъ за подвластными людьми гражданскую правоспособность, гарантируютъ ихъ жизнь, честь, имущество и пр. Жизнь простолюдина у старыхъ ойратовъ, какъ и у всѣхъ воинственныхъ кочевниковъ, щадилась и гарантировалась на равнѣ съ жизнію знатныхъ, — здѣсь не могло быть сословныхъ различій [5]). За то въ дѣлѣ личной чести «подлый» далеко не такъ строго гарантируется, какъ люди другихъ разрядовъ. Въ старомъ уставѣ и Зинзилинскомъ уложеніи говорится только о «безчестіи», наносимомъ лицамъ привиллегированныхъ классовъ, — о безчестіи подлаго нѣтъ ни слова. Общимъ характеромъ отличается правило объ обидѣ въ видѣ «матерней брани», которая по видимому наказывавалась одинаково, кому бы ни наносилась, что объясняется родовыми воззрѣніями [6]). Лишь обида дѣйствіемъ, наносимая подлому, штрафуется калмыцкими уставами, но значительно

---

[1]) См. Зинз. улож. 35 (п. 13), 119. Они же называются «людьми подвѣдомственными владѣльцамъ» (тамъ же, 69).

[2]) Тамъ же.

[3]) Зинз. улож. 18 (п. 18), 35 (п. 13), 40 и пр.

[4]) Тамъ же, 12, 13.

[5]) Сословныя различія замѣтны только въ статьяхъ, трактующихъ о такихъ случаяхъ, когда кто либо лишается жизни не вслѣдствіе преступленія, но другихъ случаевъ, напр. пожара, нападенія бѣшеныхъ животныхъ или вслѣдствіе паденія камней, сваленныхъ съ горъ чужимъ скотомъ и пр.; хозяинъ животныхъ платитъ вознагражденіе, смотря по состоянію убитаго, при чемъ за «подлаго» платится меньше, чѣмъ за знатнаго и средняго (уст 1640, ст. 58, 61, 88).

[6]) Уст. 1640 по сп. Палласа 25.

меньше обиды, нанесенной знатному [1]). Такимъ же образомъ гарантируются семейныя права: знатный болѣе подлаго обезпеченъ отъ насилія, напр. увода жены, дочери и пр. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда за преступленіе опредѣляется штрафъ сообразно съ общественнымъ положеніемъ виновнаго, установляется низшая норма штрафа для подлаго и высшая для знатнаго [2]). Что касается имущественныхъ правъ, то по калмыцкимъ уставамъ простолюдины имѣютъ свой скотъ и другіе пожитки, изъ своего скота уплачиваютъ штрафы, даютъ приданое, платятъ калымъ и пр. [3]); за кражу скота и за другія имущественныя правонарушенія калмыцкое право установляетъ штрафы безъ сословныхъ различій, что объясняется указаннымъ выше значеніемъ степнаго хозяйства у кочевниковъ-калмыковъ.

Но всѣ указанныя гарантіи имѣютъ въ виду лишь огражденіе простолюдиновъ отъ обидъ и насилій со стороны другихъ лицъ, но не ихъ владѣльцевъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ почти совершенно стирались всѣ личныя и родовыя права простолюдиновъ, и именно потому, что они считались «людьми подвластными», бывшими въ наслѣдственной genti adscriptio [4]). Возникнувъ, какъ уже замѣчено нами, изъ служебно-родовыхъ условій быта степныхъ кочевниковъ, родовая зависимость удерживалась у калмыковъ до послѣдняго времени со всѣми ея

---

[1]) Уст. 1540. ст. 99, 100, 141; Зинз. улож. 209. 211.

[2]) Уст. 13, 19, 47, 51 и пр. Обратное отношеніе замѣчается въ дѣлѣ таксированія тѣлесныхъ наказаній: главнымъ наказаніемъ подлыхъ считается по Зинз. уложенію наказаніе тѣлесное — имущественные штрафы имѣютъ второстепенный характеръ. Какъ уже замѣчено, люди средніе подвергаются меньшему тѣлесному наказанію и большему штрафу, а знатные вовсе изъяты отъ перваго и облагаются имущественными штрафами и другими видами наказаній (осрамительныхъ и пр.).

[3]) Уст. 13, 19, 47 и пр.

[4]) О родовой зависимости калмыковъ см. выше, стр. 199—207, 213, 222—224, 227.

послѣдствіями, и прежде всего почти полной безправностью подвластныхъ людей, находившихся въ «подвластности» нойоновъ, «владѣвшихъ подвластными въ собственности» [1]). Въ прошломъ столѣтіи русскіе законы, признавъ крѣпостную зависимость калмыковъ, лишь санксировали то, что уже давнымъ-давно существовало въ калмыцкомъ правѣ. Признаніе русскимъ законодательствомъ родовой зависимости калмыковъ — простолюдиновъ и «владѣльческихъ» правъ нойоновъ начинается съ манифеста 16 ноября 1737 г. [2]); въ указѣ 1744 г. уже прямо говорится, что калмыки, долженствующіе по указу 1737 г. быть у владѣльцевъ «неотъемлемыми», стали «быть уже равно яко ихъ крѣпостные» [3]). Послѣдняя цитата впрочемъ указываетъ на то, что законодатель понималъ дѣйствительное положеніе вопроса о крѣпостной зависимости калмыковъ (въ смыслѣ genti, а не glebae adscriptio) по ихъ обычному праву, и потому лишь уподобляетъ калмыковъ крѣпостнымъ, но не говоритъ, что это прямо крѣпостные: калмыки приписывались не къ землѣ (подобно крѣпостнымъ крестьянамъ) и не къ лицу владѣльца, но къ родамъ, и были въ неограниченномъ «управленіи» ихъ родоправителей [4]). Родовая зависимость калмыковъ въ старыхъ формахъ, вполнѣ признанная Зинз. уложеніемъ, существовала до 30-годовъ нынѣшняго столѣтія, когда уничтожено было право владѣльцевъ отчуждать людей подвластныхъ, установлены нормальные сборы въ пользу первыхъ и вообще старый произволъ владѣльцевъ поставленъ въ извѣстные предѣлы, съ сохране-

---

[1]) Зинз. улож. гл. I. п. 2.

[2]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 256, примѣч. I. Манифестомъ 1737 г. о переписи крестьянъ было повелѣно оставлять калмыковъ у тѣхъ лицъ, отъ кого были объявлены, «*неотъемлемыми*» (П. С. З. т. X, № 7438).

[3]) П С. З. т. XII, № 8941.

[4]) Впрочемъ, наше законодательство не усвоило вполнѣ различія между зависимостью калмыковъ и осѣдлыхъ крестьянъ, и потому напр. положеніе о калмыкахъ 1825 г (§ 28) называетъ людей подвластныхъ «собственными людьми» владѣльцевъ — «господъ собственныхъ калмыковъ».

ніемъ за ними однако всѣхъ «принадлежащихъ имъ по происхожденію правъ и управленія подвластными калмыками» [1]).

По калмыцкимъ уставамъ нельзя указать ни на одно право подвластныхъ калмыковъ, которое бы совершенно не стиралось дисциплинарно-родовой властью владѣльцевъ. Если владѣльцы меньшіе и зайсанги, какъ видно изъ 29 статьи стараго устава, могли, «за государево дѣло во исполненіе права», распоряжаться личностью подчиненныхъ до jus vitae et necis, то тѣмъ болѣе такое право могло въ широкихъ размѣрахъ практиковаться главными владѣльцами надъ ихъ подвластными, — запрещеніе произвольныхъ дѣйствій, формулированное этой статьей, вовсе не касается старшихъ нойновъ, вполнѣ располагавшихъ судьбой подвластныхъ. Изъ калмыцкихъ дѣлъ видно, что въ прошломъ вѣкѣ еще вполнѣ сохранялся между калмыцкими владѣльцами стародавній обычай, «не только родовыхъ калмыковъ своихъ, но и зайсанговъ, за ихъ продерзости, такъ и по причинѣ злобы, тайнымъ образомъ предавать смерти» [2]). Неограниченная, дисциплинарно-родовая власть владѣльцевъ, какъ уже замѣчено, вполнѣ констатируется Зинзилинскимъ уложеніемъ, требовавшимъ отъ подвластныхъ «безпрекословнаго» послушанія всѣмъ распоряженіямъ владѣльцевъ, безъ ограниченій, какимъ подчинялись зайсанги въ отношеніи къ своимъ аймачнымъ [3]). Владѣльцы вполнѣ располагали личностью своихъ подвластныхъ, могли переводить ихъ къ себѣ въ дворовые, брать въ служители, давать въ услуженіе другимъ, отдавать въ приданое, дѣлить между наслѣдниками и даже продавать, въ особенности байгучей, несостоятельныхъ должниковъ и пла-

---

[1]) Продажа калмыковъ окончательно запрещена въ 1825 (п. С З. № 30528). Положеніемъ 1834 г устранены и другія злоупотребленія владѣльцевъ, въ особенности по сбору податей и пр. См. также положеніе 1847 г. (§ 32), доселѣ дѣйствующее у калмыковъ безъ всякихъ измѣненій.

[1]) П. С. З. т. XII, № 9110.

[2]) Зинз. ул. 65, 115; ср. 116 и 125 п. 5.

тельщиковъ податей и пр. [1]). Всѣ это вполнѣ подтверждается старыми калмыцкими дѣлами, въ которыхъ сохранилось множество указаній на отношенія владѣльцевъ къ ихъ подвластнымъ калмыкамъ; послѣднихъ они «продавали, дарили и отдавали за свои долги цѣлыми семействами разнымъ лицамъ другихъ сословій и званій» [2]). Съ изданіемъ указа 1737 года, признавшаго крѣпостную зависимость подвластныхъ, всѣмъ дозволялось покупать калмыковъ «неотъемлемо», — торговля калмыками производилась открыто на рынкахъ; люди продавались иногда за ничтожную цѣну. Калмыцкіе нойоны и зайсанги воровали и отбивали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи; не смотря на строгіе штрафы, установленные (въ 1749 г.) за кражу калмыковъ, послѣдняя не прекращалась до тѣхъ поръ, пока вовсе не отмѣнено было право владѣльцевъ продавать подвластныхъ калмыковъ [3]). Право это не разъ подтверждалось въ прошломъ столѣтіи (напр. въ 1785 г.) и начало ограничиваться лишь въ начальныхъ годахъ текущаго столѣтія (установленіемъ въ 1808 г. срока обязательнаго служенія калмыковъ у лицъ, пріобрѣвшихъ ихъ мѣной или покупкой, и ограниченіемъ въ 1819 г. правъ владѣльцевъ на купленныхъ калмыковъ 25-ти лѣтнимъ возрастомъ), пока на-

---

[1]) Уст. 1640 ст 47, 70, 71, 146. Ср Палласа Saml. I, 116.

[2]) См. Костенкова о калм. 41. У киргизовъ обычное право считаетъ вообще рабами калмыковъ, бывшихъ у нихъ въ крѣпостной зависимости. «Надъ состоящими у киргизовъ въ работѣ калмыками хозяева ихъ имѣютъ неограниченное право, могутъ наказывать ихъ по винѣ и даже безъ вины; въ послѣднемъ случаѣ, еслибы слуга и вздумалъ на хозяина своего пожаловаться, просьба нигдѣ не пріемлется, изъ сего исключаются, однако, отпущенные на волю, которые пользуются уже наравнѣ съ прочими общественнымъ правомъ». Калмыки наравнѣ съ скотомъ входятъ въ составъ штрафовъ, платившихся за убійство людей и скота и пр. См. Самоквасова Сборн. 249 ?58, 260.

[3]) Костенкова о калм. 41 и слѣд — Всѣ, кто хотѣлъ, закрѣпощали и продавали калмыковъ, даже рыбопромышленники своихъ рабочихъ за недоловъ рыбы и другіе долги. См. тамъ же, 43.

конецъ въ 1825 г. вовсе не была воспрещена продажа калмыковъ [1]).

Точно также имущество людей подвластныхъ, обязанныхъ наслѣдственной и безсмѣнной повинностію доставлять содержаніе для своихъ владѣльцевъ, было, можно сказать, въ неограниченномъ пользованіи калмыцкихъ родоправителей. Они сами, по своему усмотрѣнію, облагали своихъ податныхъ тяглецовъ (албату) податными и другими сборами для себя, своей семьи и на общія улусныя нужды (оцѣнка ихъ дѣлалась владѣльцами же), не стѣсняясь при этомъ ни количествомъ сборовъ, ни способомъ ихъ взиманія. Есть указанія, что владѣльцы иногда просто отбирали скотъ и пожитки своихъ подвластныхъ [2]). Право владѣльцевъ взимать неограниченные поборы ясно констатируется Зинз. уложеніемъ, дозволяющимъ владѣльцамъ, не только старшимъ, но и меньшимъ, брать съ своихъ подвластныхъ «нужное» (подати, сборы скота, подводы и пр.) «по собственной волѣ» (ст. 82) [3]). Въ этомъ отношеніи можно сказать, что какъ въ отдѣльномъ хотонѣ всѣмъ неограниченно распоряжался отецъ или хотонный старшина, такъ и въ цѣломъ улусѣ безконтрольнымъ хозяиномъ былъ его родовой владѣлецъ-нойонъ. Первыя попытки ограничить хозяйственный произволъ калмыцкихъ владѣльцевъ появляются со стороны русскаго правительства не раньше второй половины прошлаго вѣка въ видѣ установленія нормальнаго сбора «албана» (подати); но предпринимавшіяся съ этой цѣлью мѣры

---

[1]) П. С. З. № 30528. И по положеніямъ объ управленіи калмыковъ 1834 и 1847 г. владѣльцамъ воспрещено продавать, закладывать и дарить кому бы то ни было подвластныхъ имъ калмыковъ. См. Костенкова, 41—47.

[2]) П. С. З. т. XII, № 9110. Зайсанги, имѣвшіе неограниченный надзоръ за аймаками, содѣйствовали владѣльцамъ въ угнетеніи подвластныхъ и облагали ихъ непомѣрными поборами, причемъ и себя не забывали. См. Страхова Состояніе калм. народа, 27.

[3]) Жаловаться на произвольные поборы подвластные могли только на зайсанговъ. Зинз. улож. 42.

касались лишь нѣкоторыхъ владѣльцевъ и улусовъ, не имѣли значенія общихъ и обязательныхъ для всѣхъ законовъ. Владѣльцы продолжали собирать съ подвластныхъ поборы, когда и сколько заблагоразсудилось. Въ случаяхъ жалобъ на обременительные налоги, правительство (какъ это было въ 1801 г) ограничивалось иногда простыми предписаніями мѣстной администраціи «присматривать стороною, чтобы нойоны не разоряли слишкомъ своихъ подвластныхъ». Установленіе общаго покибиточнаго сбора въ пользу владѣльцевъ и зайсанговъ въ строго-опредѣленномъ количествѣ появилось впервые не раньше изданія положенія о калмыкахъ 1834 г. (§§ 218 — 220); правила, развитыя этимъ положеніемъ, доселѣ служатъ руководящими началами въ дѣлѣ тягловыхъ отношеній калмыковъ, подвластныхъ своимъ родоправителямъ[1]).

Родовая зависимость подвластныхъ калмыковъ имѣла строгій наслѣдственный характеръ. Каждый простолюдинъ, въ силу своей подвластности, долженъ былъ, какъ уже замѣчено (см. стр. 223), всю жизнь свою стоять на стражѣ у своего роднаго куреня и цѣлыхъ союзовъ, безсмѣнно нести повинности ратника и тяглаго плательщика податей и сборовъ на потребу племенныхъ вождей и пр. Подвластный калмыкъ, старавшійся путемъ перекочевки сдѣлаться независимымъ отъ своего владѣльца-нойона и освободиться отъ лежавшихъ на немъ повинностей, считался «перебѣжчикомъ» (Sabssar), который по калмыцкому праву безусловно подлежалъ возвращенію въ его родовой союзъ. Калмыцкіе законы наказываютъ не только перекочевки людей зависимыхъ, но и «незаконныя просьбы, имянно безъ всякихъ заслугъ и отличій, освободиться отъ владѣльца, выбыть изъ аймака своего зайсанга» (Зинз. уложеніе 101 п. 12)[2]). Освобожденіе отъ родовой «подвластности»

---

[1]) См. Костенкова о калм., 38, 46.

[2]) Такимъ же образомъ смотрятъ на дѣло и русскіе законы. Въ 1741 г. велѣно было — «калмыковъ, которые приходятъ и просятся на волю

могло быть лишь послѣдствіемъ «заслугъ и отличій» въ ратное и мирное время и притомъ вполнѣ зависѣло отъ владѣльцевъ, обѣлявшихъ своихъ выслужившихся подвластныхъ отъ родовой зависимости отпускомъ ихъ на «волю», посредствомъ выдачи имъ льготныхъ и отпускныхъ ярлыковъ — тарханныхъ грамотъ. Этотъ-то классъ людей вольныхъ, или правильнѣе — «вольноотпущенныхъ», вышедшихъ изъ родовой зависимости, и составляли тарханы и эркете, освобождавшіеся отъ служебныхъ и тягловыхъ сервитутовъ людей подвластныхъ и переходившіе въ классъ почетныхъ простолюдиновъ, а затѣмъ нерѣдко, за новыя заслуги, причислявшіеся къ зайсангамъ.

Разсмотрѣнными общественными разрядами замыкались военно-родовые союзы монголовъ въ эпоху изданія ойратскаго устава. Развитая въ немъ, служебно-родовая организація общественныхъ разрядовъ удержалась неприкосновенной и въ быту русскихъ калмыковъ, какъ это вполнѣ констатируется Зинзилинскимъ уложеніемъ. Лишь послѣ него появились «на русской почвѣ» нѣкоторыя измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ калмыковъ; тѣмъ не менѣе ихъ сословія въ существенныхъ чертахъ доселѣ сохраняютъ старую служебно-родовую организацію. Организація эта, какъ мы видѣли, развилась у всѣхъ монгольскихъ племенъ, какъ результатъ дружинно-родоваго быта, къ условіямъ котораго приспособлялась вся общественная и правовая жизнь степныхъ кочевниковъ. Развившись такимъ образомъ у монголовъ съ незапамятныхъ временъ, родовыя сословія получили затѣмъ почти совершенно неподвижный характеръ, существуютъ доселѣ у калмыковъ и другихъ

безъ всякаго письменнаго вида отъ помѣщиковъ, такихъ за такое своевольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ помѣщикамъ и прочимъ». Точно также въ 1821 г. предписывалось главному Приставу имѣть наблюденіе и не допускать, чтобы калмыки откочевывали отъ своихъ нойоновъ подъ предлогомъ неудовольствій, такъ какъ они, принося жалобы, стараются быть независимыми отъ нойоновъ и освободиться отъ возложенныхъ на нихъ повинностей. См. Костенкова 41, 44.

среднеазіатскихъ кочевниковъ монгольскаго корня.—Но рядомъ съ дружинно-родовыми классами людей знатныхъ и простыхъ (бѣлой и черной кости), калмыцкое право трактуетъ еще о двухъ другихъ общественныхъ разрядахъ, стоявшихъ внѣ родовой организаціи предыдущихъ сословій и никогда съ ними не смѣшивавшихся, — о рабахъ, большею частію изъ безправныхъ чужеродцевъ—ясырей (плѣнныхъ), и духовенствѣ, составлявшемъ по своей политической организаціи и исключительности своего рода statas in statu въ составѣ родовыхъ союзовъ монголовъ. Мы сперва разсмотримъ основныя положенія калмыцкихъ уставовъ, формулировавшихъ юридическое положеніе рабовъ.

c) *Рабство* составляетъ непремѣнный институтъ военно-родоваго, хищническаго быта всѣхъ кочевыхъ народовъ. Рабы (ясырь, Jassir) составляли у старыхъ монголовъ одинъ изъ главныхъ предметовъ военной добычи; продажа ихъ была доходной статьей для воинственныхъ кочевниковъ. Калмыцкіе уставы говорятъ о рабствѣ, какъ о старомъ институтѣ, и даютъ нѣсколько указаній на источники рабства и на юридическое положеніе рабовъ[1]).

Прежде всего замѣтимъ, что ни древніе монгольскіе законы, ни уставы современныхъ калмыковъ, вовсе не знаютъ института «закупничества», возникавшаго у осѣдлыхъ народовъ изъ долговыхъ отношеній, какъ одинъ изъ способовъ обезпеченія правъ кредитора и погашенія долга (ради чего должникъ могъ, до отработки или уплаты долга, отдавать себя въ распоряженіе кредитора) У кочевниковъ, особенно съ организованнымъ, военно-родовымъ бытомъ и съ установленіемъ дружинно-родовыхъ классовъ, несшихъ наслѣдственные сервитуты

[1]) Уставъ 1640 г. и Зинз. уложеніе говорятъ о рабахъ и рабыняхъ, дѣвкахъ, человѣкѣ. Кромѣ того, Зинз. уложеніе разъ упоминаетъ о «крестьянахъ, желающихъ избѣгнуть власти господина», и противополагаетъ здѣсь крестьянъ калмыкамъ, «подвластнымъ» владѣльцамъ-нойонамъ, подобно тому, какъ въ старомъ уставѣ подвластные противополагаются рабамъ.

въ отношеніи къ родамъ и ихъ вождямъ, закупничество, какъ и вообще добровольное вступленіе въ рабство, не могло имѣть мѣста по многимъ причинамъ, вытекавшимъ изъ самаго склада дружинно-родоваго быта кочевниковъ. Закупничество не могло имѣть мѣста, во 1-хъ, по неразвитости въ родовыхъ союзахъ имущественнаго и хозяйственнаго оборота отдѣльной личности. Въ родахъ имущество принадлежитъ всему союзу и всѣ хозяйственные обороты производятся на счетовъ родовъ же, а не отдѣльныхъ лицъ; при такомъ же порядкѣ, если и могли быть долговыя отношенія, то не столько между лицами, сколько цѣлыми союзами. Собственно только родоправители являлись субъектами имущественнаго оборота; ихъ же обязательства могли обезпечиваться всѣмъ хозяйственнымъ фондомъ подчиненныхъ имъ родовъ[1]). Во 2-хъ, развитію закупничества мѣшали дружинно-тягловые интересы родовыхъ союзовъ. Ихъ члены, подвластные родоправителямъ-владѣльцамъ, въ силу родовой зависимости, не могли сами собой отдаваться въ личное рабство, хотя бы даже временное,—никто не могъ продавать себя въ рабы, ни временно (за долги), ни въ «обель»—вѣчное рабство, какъ это вполнѣ допускаетъ Русская Правда. Если есть извѣстія, что въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе байгучи (бѣдняки, лишавшіеся скота) ради пропитанія отдавались въ рабы[2]), то это было результатомъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, въ которыхъ очутились калмыки въ русскихъ степяхъ, и рабство байгучей не развилось у монгольскихъ племенъ въ обычно-правовой институтъ, который бы формулировался въ обще-племенныхъ уставахъ.

---

[1]) Въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе нойоны, въ случаѣ долговъ. обыкновенно отдавали въ залогъ кредиторамъ своихъ подвластныхъ или же облагали ихъ непомѣрными налогами. См. Страхова Состояніе калмыцкаго народа, 25, 28. Костенкова о калм., 41.

[2]) См выше, стр. 203.

Главнымъ источникомъ рабства у монголовъ было военное хищничество, добыча плѣнныхъ, обращавшихся въ рабы. Ойратскій уставъ 1640 г. упоминаетъ объ «erbeuteten Sclaven» и ихъ Eigenthümmer[1]); приплодъ отъ такихъ «ясырей» (невольниковъ) считался по рожденію также въ рабскомъ состояніи. Другимъ источникомъ рабства было преступленіе, — рабство было у монголовъ удѣломъ чужеродца-врага и изгоя, врага изъ своихъ же однородцевъ, лишавшагося вслѣдствіе преступленія родовой защиты и трактовавшагося въ такой же мѣрѣ безправнымъ, какъ и врагъ-чужеродецъ, взятый на войнѣ въ качествѣ военной добычи. Хищничество и внѣсоюзная безправность — главная почва, на которой развилось и постоянно держалось рабство у всѣхъ монгольскихъ племенъ[2]).

Въ ойратскомъ уставѣ есть, далѣе, указанія на то, что рабовъ могли имѣть въ своемъ личномъ обладаніи, кромѣ владѣльцевъ и зайсанговъ, также люди средніе — владѣльческіе служители и приближенные воины, также эркете и вообще по-

---

[1]) См. уст. 143

[2]) Въ ойратскомъ уставѣ упоминается нѣсколько случаевъ обращенія преступниковъ въ полное или временное (до уплаты или отработки штрафа) рабство. Такъ, по 13 статьѣ (по сп. Палл.) кто увидитъ непріятельскую орду и не дастъ о томъ знать, подлежитъ разоренію и отдачѣ съ «своими» въ рабство. Въ рабство обращается, далѣе, жена за убійство своего мужа или другой его жены (уст. по сп. Палл. 37), также явный воръ, три раза обвиненный въ воровствѣ (такъ же, 136), воръ несостоятельный, обвиненный въ кражѣ чужаго скота, выдается «головою» въ временное рабство хозяину послѣдняго до уплаты штрафа или до его отработки (тамъ же 101). По законамъ Дербетевскаго улуса, рабству подлежатъ всѣ явные воры: ихъ можно продать въ Крымъ, на Кубань или въ другое мѣсто, таже судьба постигаетъ простаго вора, если онъ не въ состояніи удовлетворить потерпѣвшаго, — воръ выдается ему въ рабы, съ правомъ продажи другому; кромѣ того, въ рабство обращается воръ, который при его поимкѣ кого нибудь ранитъ (уст. по сп. Цалл 153, 160) По Зинз. уложенію въ рабство выдается также несостоятельный воръ: онъ самъ выдается головою хозяину украденнаго «въ заработку вдвое» и, кромѣ того, выдаются «по цѣнѣ» его жена и дѣти. (См. Зинз. улож. 111 п. 7; 196).

четные простолюдины. Кромѣ того, были родовые рабы, находившіеся во владѣніи «подвластныхъ» простолюдиновъ и принадлежавшіе не лично каждому изъ нимъ, но приписанные къ цѣлымъ родовымъ союзамъ, преимущественно хотонамъ [1]).

У старыхъ монголовъ невольничество имѣло наслѣдственный характеръ и соединилось съ полной принадлежностію раба своему господину [2]). Ойратскій уставъ 1640 г., впрочемъ, не вполнѣ отрицаетъ правоспособность раба, въ особенности запрещаетъ его убійство, и при томъ запрещеніе это касается не только постороннихъ, но и самаго господина: за убійство своего раба положенъ штрафъ въ 45 скотинъ, а рабыни въ 27 скот. (убійство лицъ другихъ сословій оплачивается «великимъ штрафомъ»—въ тысячу овецъ) [3]). Установленіе пени за убійство раба объясняется не столько родовыми воззрѣніями, приравнивавшими рабовъ къ челяди (у киргизовъ, доселѣ живущихъ въ родовомъ быту, тѣмъ не менѣе еще древнее уло-

---

[1]) Право родоправителей и почетныхъ простолюдиновъ владѣть рабами подтверждается 13 ст. стараго устава о произвольномъ уходѣ изъ боя: въ составъ штрафа вводится опредѣленное число кибитокъ «людей» (по сп. Пал.—Sclaven), при чемъ количество кибитокъ опредѣляется соразмѣрно съ общественнымъ состояніемъ виновныхъ, начиная съ владѣльцевъ и оканчивая эркете; рабы не взыскиваются только съ воиновъ-простолюдиновъ, вѣроятно потому, что они лично не владѣли ими. Но ничто не мѣшало цѣлымъ хотонамъ имѣть въ своемъ распоряженіи родовыхъ рабовъ, получавшихся ими при раздѣлѣ военной добычи и принадлежавшихъ не лично тому или другому ратнику, но всему его хотону Точно также, несостоятельный воръ могъ быть выдаваемъ въ рабы тому хотону, скотъ котораго былъ имъ похищенъ. Словомъ по ойратскому уставу рабы могли лично принадлежать владѣльцамъ, зайсангамъ и почетнымъ простолюдинамъ, — подвластные же простолюдины владѣли родовой челядью, приписанной къ цѣлымъ хотонамъ На это прямо указываетъ 112 ст. устава (по сп. Палл.): въ ней говорится о «подвластныхъ людяхъ»—перебѣжчикахъ, наказываемыхъ лишеніемъ половины всего ихъ имущества—«bis auf die Knechte und das Leben» (рабовъ и животовъ или пожитковъ).

[2]) См Березина Очеркъ, 50.

[3]) Уст. 42; ср. 8.

женіе признавало за господиномъ «право жизни и смерти» надъ рабами)[1]), сколько вліяніемъ религіозныхъ воззрѣній монголовъ-ламаитовъ, основанныхъ на буддійскомъ ученіи о пощадѣ жизни и состраданіи ко всему живому и потому, какъ уже замѣчено выше, запрещавшихъ убійство не только людей, но и животныхъ[2]). Съ другой стороны, убійство чужаго раба ойратскій уставъ разсматриваетъ съ точки интересовъ владѣльца, терявшаго въ убитомъ рабочую силу и потому получавшаго извѣстное вознагражденіе[3]). И далѣе: за спасеніе раба (напр. во время пожара или изъ воды) платитъ не самъ рабъ, но господинъ, какъ и за спасеніе его скота и другихъ вещей[4]). Тѣкимъ же образомъ оплачивается изнасилованіе рабыни: виновный платитъ вознагражденіе не изнасилованной или ея роднымъ, но въ пользу ея господина, какъ и за порчу всякой чужой вещи[5]). На томъ же основаніи господинъ получалъ вознагражденіе за принадлежавшую ему дѣвицу, если она выходила замужъ безъ его согласія, или кто либо уводилъ рабу и женился на ней безъ господскаго дозволенія[6]); владѣлецъ, женившій на своей «служащей дѣвкѣ-рабынѣ» кого либо принятаго имъ въ свою семью, имѣлъ право удержать за собой рабу, если затѣмъ ея мужъ отходилъ въ семью природнаго своего отца[7]).

Такимъ образомъ, кромѣ убійства раба, запрещавшагося ойратскимъ уставомъ подъ вліяніемъ буддійскихъ воззрѣній,

---

[1]) См. мое соч. — Др. монг. уст. 246.

[2]) Выше сказано, что за убійство рабыни платится 27 скот, между тѣмъ, по другой статьѣ (37 по сп. Палл) платится только 3 скот. Но изъ контекста этой статьи видно, что здѣсь рѣчь идетъ собственно о рабѣ наложницѣ, убиваемой господиномъ при ея удаленіи; въ томъ же случаѣ за жену платится 45 скотинъ.

[3]) См. уст. 70 и 71.

[4]) Тамъ же, 84.

[5]) Тамъ же, 92.

[6]) Тамъ же, 146.

[7]) Тамъ же, 146; Зинз. улож. 156.

личность раба трактуется калмыцкимъ правомъ исключительно съ точки интересовъ владѣльца, считавшагося полнымъ собственникомъ раба. Отсюда понятно, что рабъ, какъ лице безправное, не имѣлъ никакого общественнаго значенія и, напримѣръ, на судѣ не допускался къ свидѣтельскимъ показаніямъ [1]) и пр. Вообще говоря, господскія права на рабовъ имѣютъ характеръ неограниченной собственности, — произволъ господина ограничивался лишь запрещеніемъ убивать рабовъ. Лишь въ законахъ Галдана находимъ правило, имѣвшее въ виду сколько нибудь ограничить произволъ владѣльцевъ: «кто доселѣ имѣлъ рабовъ, долженъ ими владѣть, но не должень оказывать имъ никакой несправедливости» [2]). Въ уставѣ 1640 г. нѣтъ указаній на ограниченіе права владѣльцевъ продавать рабовъ и вообще вести людскую торговлю. Ограниченіе послѣдней установлено законами Галдана, запрещавшаго впрочемъ собственно продажу иностранцевъ (Fremdlinge) и вообще тайную торговлю людьми (рабы въ такомъ случаѣ дѣлаются свободными) [3]). Въ позднѣйшихъ законахъ калмыковъ нѣтъ никакихъ ограниченій касательно продажи рабовъ; напротивъ, законы Дербетевскаго улуса даже прямо установляютъ — всѣхъ, кто отданъ въ рабство по преступленіямъ (явныхъ воровъ и пр.), продавать въ Крымъ, на Кубань и пр., лишь съ тѣмъ, чтобы о продажѣ ихъ предварительно было заявлено въ опредѣленное мѣсто [4]). — Далѣе,

---

[1]) Старый уставъ въ русскомъ переводѣ говоритъ о недопущеніи свидѣтельства только рабыни; у Палласа же запрещеніе распространено вообще на рабовъ. Ихъ показанія принимаются во вниманіе лишь при полной достовѣрности, когда они подкрѣпляются другими доказательствами (см. уст. 1640 ст. 127). Въ Зинз. уложеніи просто сказано: «раба и рабу свидѣтелями не принимать» (ст. 108),

[2]) Уст. по сп Палл. 143.

[3]) При этомъ дѣлается такая оговорка: «если владѣлець не можетъ терпѣть у себя плѣннаго раба, то пусть лучше выгонитъ его голымъ, чѣмъ продавать. См. уст. по сп. Палл. 143.

[4]) Уст. по сп. Палл. 153.

рабы подобно всякой вещи могутъ быть предметомъ воровства [1]) судебныхъ исковъ, штрафовъ и судебныхъ пошлинъ [2]). Господинъ могъ отпустить раба на волю,—могъ даже выгнать его отъ себя голымъ (ganz nackend von sich jagen) [3]); но сами «люди», безъ согласія владѣльца, не въ правѣ были уходить изъ его власти. Бѣглыхъ людей владѣлецъ имѣлъ право искать вездѣ и брать къ себѣ обратно [4]); Зинзилинское уложеніе строго наказываетъ «крестьянъ» (какъ и простолюдиновъ, подвластныхъ нойонамъ) даже за одни «незаконныя» просьбы, безъ всякихъ заслугъ и отличій, «избѣгнуть власти господина» [5]).

d) *Ламайская духовная община*, какъ ясно видно изъ калмыцкихъ уставовъ, всегда стояла внѣ дружинно-родовой организаціи монгольскихъ сословій «бѣлой и черной кости» и представляла почти до начала нынѣшняго столѣтія въ составѣ

---

[1]) По Зинз уложенію, «кто сманитъ или украдетъ человѣка», тотъ предается суду и наказывается, какъ за убійство (ст. 80).

[2]) По 12-й ст стараго устава, «изъ десяти человѣкъ, заплаченныхъ въ чей либо искъ, изъ суда посыланный (судебн. посланецъ) за тѣмъ дѣломъ за трудъ свой имѣетъ взять одного человѣка». Въ системѣ штрафовъ по преступленіямъ, наравнѣ съ скотомъ и оружіемъ, входятъ и рабы, нерѣдко въ значительномъ числѣ кибитокъ. (См. уст. 13, 41 и пр.) Какъ ужэ замѣчено, штрафъ «калмыками» существуетъ также въ обычномъ правѣ киргизовъ.

[3]) Уст. по сп. Пал л 143.

[4]) Старый уставъ предписываетъ всякому, къ кому уйдутъ бѣглые, возвращать ихъ хозяину; въ вознагражденіе за это дозволяется удерживать половину имущества, съ какимъ пришли бѣглые (уст. ст. 7) Кто приметъ чьихъ бѣглыхъ людей и будетъ «подъ претекстомъ» своихъ защищать, тотъ платитъ «главному владѣтелю» (тайшѣ или хану) опредѣленный штрафъ (100 панцырей, 100 верблюдовъ и тысячу лошадей) и «пожилое» за держаніе бѣглыхъ ихъ господину «вполы противъ упомянутаго штрафа» (уст. 10). Иная плата положена за передержательство «перебѣжчиковъ»,—подвластныхъ простолюдиновъ, перекочевавшихъ изъ своихъ родовыхъ союзовъ,—именно за каждаго перебѣжчика платится по 2 верблюда и 20 лошадей (уст. ст. 3).

[5]) Зинз. улож ст. 101, п. 12.

родовыхъ союзовъ монголовъ и калмыковъ своего рода status in statu — корпорацію, жившую своими особыми интересами и мало зависѣвшую отъ племенныхъ вождей кочевниковъ. По остроумному замѣчанію акад. Палласа, корпорація эта въ теченіе почти двухъ вѣковъ обладала «неодолимымъ господствомъ» (unwiederstehliche Herrschaft), дѣлавшимъ ее страшной для «Kaysern u. Kónigen» и уподоблявшимъ ее «духовной монархіи» католическаго духовенства средневѣковой Европы [1]). Если классы людей знатныхъ и простолюдиновъ, какъ мы видѣли, образовались у монголовъ на почвѣ дружинныхъ началъ родоваго быта кочевниковъ, то духовная община ламайскихъ буддистовъ является въ быту послѣднихъ главнымъ представителемъ и проводникомъ *теократизма*, игравшаго не маловажную роль въ общественной и частной жизни всѣхъ среднеазіатскихъ кочевниковъ. Чтобы опредѣлить надлежащимъ образомъ общій характеръ и своеобразную организацію ламайскаго духовенства у монгольскихъ племенъ вообще и у калмыковъ въ особенности, необходимо сначала выяснить, какъ общій вопросъ о значеніи жречества у степныхъ кочевниковъ, такъ и тѣ мѣстныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ жречество тибетскихъ ламаитовъ съ такой силой привилось въ быту среднеазіатскихъ монголовъ и русскихъ калмыковъ.

Мы уже имѣли случай указать на огромное значеніе жреческаго элемента въ общественной и правовой жизни всѣхъ монгольскихъ племенъ: племена эти «изстари жили подъ исключительными опредѣленіями дружинно-родовыхъ и теократическихъ началъ, въ сильной степени квалифицировавшихъ весь ихъ общественный бытъ» [2]). Родоправители да жрецы являлись

---

[1]) Палл. Saml. II, 109—110.

[2]) См. мое соч.—Др. монг. уст. 16. Въ другомъ мѣстѣ мы выразили ту мысль, что у народовъ родоваго типа «идея права создается военно-родовымъ нарядомъ, формулируется въ сознаніи рода, или правильнѣе — въ сознаніи главы рода, представителя родовой власти и наряда» (Журн. Мин. Пр. 1874, іюль, 130). Обычное право при такихъ условіяхъ является, какъ

у монголовъ, какъ и у другихъ кочевниковъ родоваго типа, главными проводниками и органами правоваго сознанія народа. Что касается спеціально жреческаго элемента, то, какъ видно изъ ойратскаго устава 1640 года, жречество весьма сильно вліяло на ойратское право монголовъ. Этотъ уставъ, какъ и калмыцкое уложеніе 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, — продукты законодательной дѣятельности однихъ духовныхъ и родовыхъ вождей кочевниковъ; о «народномъ» участіи въ составленіи этихъ уставовъ нѣтъ и намека. Обычаи Дербетовскаго улуса были записаны одними духовными главами безъ участія родовыхъ вождей. Тѣ же самыя явленія подтверждаются наблюденіями надъ современнымъ бытомъ русскихъ калмыковъ. Бар. Бюлеръ очень хорошо констатируетъ фактъ образованія правовыхъ обычаевъ калмыковъ подъ исключительно-монопольнымъ вліяніемъ родоправителей (владѣльцевъ-нойоновъ) и ламайской духовной общины: калмыки-простолюдины не имѣютъ никакого понятія о своемъ обычномъ правѣ — «іосунъ»; его *знаютъ* лишь владѣльцы да ламы [1]). Явленіе это ставитъ въ тупикъ изслѣдователей, не совсѣмъ вѣрно объясняющихъ его «невѣжествомъ, апатіей и раболѣпствомъ» калмыковъ-простолюдиновъ, — «привычкой считать каждое ихъ (владѣльцевъ и ламъ) приказаніе закономъ, власть же ихъ — освященную вѣ-

---

исключительный результатъ правоваго сознанія родовыхъ вождей и жрецовъ. Той же самой почвы военно-родовыхъ и теократическихъ опредѣленій держалось и монгольское право, развившееся у всѣхъ отдѣльныхъ племенъ лишь въ видѣ «заповѣдей» и «велѣній» вождей и жрецовъ. Не даромъ персидскій историкъ Хавендемиръ выразился, что «большая часть законовъ и обычаевъ, существовавшихъ донынѣ у монголовъ, поставлены Чингисъ-ханомъ» (см. Березина Очеркъ, 24): въ этомъ положеніи высказано совершенно вѣрное воззрѣніе о происхожденіи и характерѣ стараго монгольскаго права. Но отсюда нельзя заключать, что родовые вожди могли издавать законы на перекоръ обычаю, считавшемуся религіозной святыней, велѣніемъ самаго божества, лишь констатируемымъ родовыми вождями и жрецами.

[1]) См. От. Зап. 1846, № 11, стр. 11, 13—16. Въ этомъ отношеніи дѣло это стоитъ у калмыковъ точно также, какъ и у теперешнихъ евреевъ. «Ламы и гелюнги (геелены) калмыковъ и другихъ племенъ — ламаитовъ играютъ у нихъ такую же господствующую роль, какую у евреевъ талму-

ковымъ обычаемъ» и пр. Корни сказаннаго явленія, очевидно, лежатъ глубже; ихъ нужно искать въ цѣломъ складѣ дружинно родовыхъ и теократическихъ началъ народнаго быта, въ силу которыхъ родовые нарядники и жрецы монгольскихъ племенъ обладали и обладаютъ доселѣ монополіей правоваго сознанія. Въ упомянутомъ явленіи сказывается сила и значеніе у кочевниковъ, не только родоправителей, но и дѣйствующей въ ихъ средѣ ламайской духовной общины. По словамъ очевидцевъ, она вноситъ въ народной судъ калмыковъ «правила вѣры, которыя у калмыковъ составляютъ какъ будто духъ невидимой, но законодательной власти духовенства» [1]). Подобно тому, какъ говорить о религіи и разъяснять священныя тибетскія книги считается для «непосвященныхъ» смертнымъ грѣхомъ [2]), такъ и въ общественныхъ дѣлахъ могутъ дѣйствовать лишь своего рода «посвященные», — родовые вожди и жрецы, изстари усвоившіе монополію наряда и «знанія»,—монополію, развившую огромное вліяніе жрецовъ не только на религіозное, но и правовое сознаніе народа. Упрочившееся на такой почвѣ, «вмѣшательство въ мірскія дѣла» со стороны калмыцкаго духовенства офиціально воспрещено у насъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ сравнительно недавнее время; хотя на дѣлѣ оно и до сихъ поръ остается въ прежней силѣ, именно потому, что «вмѣшательство» такого рода коренится въ религіозныхъ догматахъ ламайской духовной общины.

дизмъ — созданіе раввината—имѣетъ значеніе кодифицированнаго обычнаго права, помимо котораго у евреевъ немыслимо свободное развитіе правоваго сознанія въ народѣ, такъ и у калмыковъ ламаизмъ—главный источникъ народной мудрости вообще и правоваго сознанія въ частности». См. мое соч.—Др. монг. уст. 16, примѣч.

[1]) Изъ офиціальнаго отзыва главнаго пристава калмыковъ въ 1810 г. См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 11, стр. 73.

[2]) Тамъ же, 108. По Пратимокша-Сутрѣ, къ числу запрещенныхъ «поступковъ» (pâcittiyâ) относится, «если духовный въ связномъ изложеніи объясняетъ законъ непосвященному», — «если духовный сообщитъ непосвященному о высшихъ человѣческихъ законахъ». См. Прат.-Сутра, перев. Минаевымъ, стр. 42. п 4 и 8

Вліяніе ламаизма на ойратское право монголовъ XVII в. и право современныхъ калмыковъ въ сильной степени отразилось въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ началъ, до значительной степени модифицировавшихъ нѣкоторые изъ древнихъ институтовъ племеннаго права монгольскихъ племенъ. Въ ойратскомъ уставѣ и Зинз. уложеніи изложенъ рядъ статей, непосредственно относящихся къ каноническому праву буддистовъ. Таковы статьи, опредѣляющія общественное положеніе ламайскаго духовенства (о расхищеніи ламинскихъ улусовъ, о выкупѣ ламинскихъ людей, о личныхъ правахъ духовныхъ, о льготахъ отъ повинностей, о шаманствѣ, о вступленіи въ духовное званіе и оставленіи его, о буддійскихъ обѣтахъ и ихъ нарушеніи и пр.)[1]). Дербетовскій уставъ, изданный высшей духовной властью калмыковъ, есть собственно каноническій уставъ ихъ духовенства, построенный на началахъ ламаизма. Мало того: въ ойратскій уставъ вошелъ цѣлый рядъ общихъ статей, выросшихъ не столько подъ вліяніемъ родовыхъ началъ, сколько на почвѣ гуманитарныхъ воззрѣній ламайскаго буддизма. Такова система имущественныхъ штрафовъ (скотомъ, оружіемъ и пр.), развитая ойратскимъ правомъ монголовъ, вмѣсто системы «убійства» и истязаній преступниковъ и вообще наказаній по типу родовой мести, несомнѣнно господствовавшей у монголовъ до принятія ламаизма; старая система наказаній въ ойратскомъ правѣ уступила мѣсто системѣ композицій подъ напоромъ буддійскихъ воззрѣній о «состраданіи» ко всякому живому существу, съ запрещеніемъ убійства и истязаній, какъ «поступковъ» (расі), не терпимыхъ буддійскимъ культомъ. Тѣже самыя гуманитарныя начала буддизма легли въ основу такихъ ойратскихъ правилъ, какъ о наградахъ за спасеніе погибающихъ въ огнѣ и водѣ, самоубійцъ, одержимыхъ болѣзнями, — о помощи женщинѣ въ родахъ, путнику въ дорогѣ, жаждущему, убогому, голодному и пр.[2]). Отрекаясь отъ родо-

[1]) Уст. 1640 ст. 6, 11, 21—24, 139 и пр Зинз. улож. гл I.

[2]) Уст. 1640 ст. 81—86, 109—111, 114, 144, 151—154 и пр.

вой мести и внутренняго хищничества, или установляя институтъ родоваго призрѣнія убогихъ и пр., ойратскіе роды, конечно, могли дѣйствовать въ своихъ ближайшихъ интересахъ; въ дѣлѣ напр. обязательнаго для родовъ призрѣнія убогихъ могли лежать мотивы чисто бытовые — сбереженіе личныхъ силъ родовой обороны, — силъ, находимыхъ родомъ въ своихъ членахъ и пр. Но всѣ такіе интересы и мотивы находили для себя могучее подспорье и поддержку въ ученіи ламайскихъ буддистовъ, — возводились въ религіозно-правовыя нормы подъ вліяніемъ «родоваго гуманизма» (алтруизма), съ его идеей служенія интересамъ не индивидуальной, но общей, родовой жизни. Все это завершается, наконецъ, квалификаціями, обнявшими на почвѣ ламайства весь политическій бытъ среднеазіатскихъ монголовъ: какъ сейчасъ скажемъ, онъ сталъ съ конца XVI вѣка въ сильной степени проникаться теократическими тенденціями «державной власти» тибетскихъ Далай-Ламъ, — верховныхъ главъ монголовъ-ламаитовъ, игравшихъ въ средней Азіи почти такую же политическую роль, какъ и «непогрѣшимые» папы средневѣковой Европы.

Такимъ образомъ, ойратское право и весь бытъ среднеазіатскихъ монголовъ развивались подъ «античными» вліяніями буддійской культуры южно-азіатскихъ народовъ. Причины, почему буддійское ученіе, особенно въ новѣйшей фазѣ его развитія — въ формѣ тибетскаго ламаизма, получило такое огромное соціальное и политическое значеніе у среднеазіатскихъ кочевниковъ монгольскаго корня, легко объясняются, не только территоріальными условіями — сосѣдствомъ кочевья монгольскихъ племенъ съ родиной (Тибетомъ) ламаизма, но и главнымъ образомъ всѣмъ складомъ его коренныхъ основъ и принциповъ. Буддизмъ — по выраженію Вурма, религія «des reinen Humanismus», культъ «состраданія» (Mitleid) ко всякой живой твари и растенію[1]) — по своимъ этическимъ и

[1]) См .В Wurm. d. ind. Religion. 1874, стр 134 и слѣд.

соціальнымъ основамъ являлся всегда культомъ «рода», а не «личности», весьма далекимъ отъ признанія тѣхъ истинно-гуманныхъ началъ индивидуализма, какія внесены въ человѣческую жизнь христіанскимъ гуманизмомъ, съ его свѣтлой идеей свободной и сильной человѣческой личности, независимой ни отъ какихъ родовыхъ опредѣленій и квалификацій. Буддизмъ, напротивъ, возводитъ въ чистую, религіозную догму родовыя начала алтруизма, — начала, цѣликомъ основанныя на полномъ отрицаніи идеи личности. Коренной догматъ буддизма, доведенный съ формальной стороны до крайнихъ, почти абсурдныхъ результатовъ въ ученіи ламаитовъ, — отреченіе отъ личной жизни, не только въ силу ея ничтожества, но и въ видахъ служенія «роду», борьбы «подвижничества и отшельничества» съ «мірскимъ зломъ». Эти-то воззрѣнія вполнѣ подходили къ застарѣлымъ основамъ племенно-родоваго быта монголовъ, рѣшительно укладывались въ рамки родоваго ихъ сознанія и потому легко и прочно прививались на монгольской почвѣ. Буддійскій культъ сходился съ родовымъ бытомъ монголовъ и въ другомъ пунктѣ: первычныя идеи «родопочитанія», несомнѣнно господствовавшія въ родовомъ сознаніи монгольскихъ кочевниковъ, были не только не чужды ламайскому буддизму, но именно облекались въ немъ въ цѣлую систему формулъ и догмъ буддійскихъ возрожденій и воплощеній. Словомъ, буддизмъ, какъ онъ развился у средніе-азіатскихъ ламаитовъ, вносилъ въ монгольскій бытъ много знакомыхъ, родныхъ началъ, взятыхъ ламаитами, между прочимъ, и изъ древняго шаманства среднеазіатскихъ кочевниковъ. И старое шаманство[1]) монголовъ, по крайней мѣрѣ въ древнія эпохи, мо-

[1]) Корни его нѣкоторые историки ищутъ въ древнемъ иранскомъ культѣ Зороаста, въ которомъ начало родоваго алтруизма было развито не меньше индійскаго буддизма (см. Палласа Saml. II, 17. Христиана Религіи др. міра 487 и слѣд.). У старыхъ монголовъ XIII вѣка шаманство еще не было такъ извращено, какъ это видимъ теперь у сибирскихъ инородцевъ, и могло удерживать многое изъ гуманизма иранскаго культа.

гло обладать также на свой манеръ «родовымъ гуманизмомъ» и вносить его, напр., въ «великую ясу» Чингиса, признававшую вѣротерпимость (сродную съ иранскимъ культомъ) и другія начала, во многомъ напоминающія приведенныя выше буддійскія правила ойратскаго устава 1640 г.[1]). Что въ старину высказывалось въ неясныхъ правилахъ, то теперь, въ ламаизмѣ, подъ ферулой буддійской общины ламайскихъ отшельниковъ, возводится въ религіозно-правовую догму. Какъ извѣстно, въ собственныхъ видахъ ламайское духовенство приспособляло свое ученіе къ старымъ религіознымъ вѣрованіямъ и обычаямъ среднеазіатскихъ кочевниковъ и этимъ путемъ быстро и прочно утверждало и распространяло между ними свое господство. Ламайскій буддизмъ, утвердившійся между монголами, есть не больше, какъ помѣсь стараго ихъ шаманства съ индійскимъ буддизмомъ[2]). Путемъ помѣси въ существѣ сродныхъ системъ лишь упрочивался культъ «родовой жизни» (алтруизма) въ ущербъ индивидуальной, вмѣстѣ съ полнымъ установленіемъ служебнаго значенія личности, опутанной безконечнымъ рядомъ буддійскихъ обѣтовъ воздержанія отъ самостоятельной личной жизни и служенія интересамъ «рода». Все это было весьма пригодной почвой для прочнаго усвоенія ламаизма всѣми среднеазіатскими кочевниками: родовому сознанію ихъ былъ вполнѣ доступенъ и понятенъ весь догматизмъ, вся обрядность и обѣды ламайскихъ буддистовъ. Но тутъ же коренилась и вся несостоятельность и безсиліе ламаизма придать народному быту сколько нибудь прогрессивный характеръ; напротивъ, ламаизмъ заковывалъ его въ совершенно неподвижныя, внѣшнія нормы родоваго быта, возведенныя у ламаитовъ въ строгія формулы, при крайнемъ ограниченіи личныхъ этическихъ

---

[1]) См. фрагменты ясы — 11, 12, 13, 16, 17 и пр. Мое соч.—Др. монг. уст. 192.

[2]) См. Палласа Saml. II, 17, 341. Хрисанеа Религ. др. вост. I, 389, 431.

началъ, обязательныхъ для мірянина-ламаита[1]). Отсюда-то окаменѣлый характеръ всей общественной культуры монголовъ; роль главнаго фактора въ этомъ случаѣ лежитъ прежде всего на сторонѣ неподвижной подкладки буддійскаго «гуманизма», вмѣстѣ съ застарѣлыми формами кочеваго быта народа[2]).

Ламаизмъ представляетъ самостоятельную форму буддизма, какъ онъ развился первоначально въ Тибетѣ, а затѣмъ и у другихъ среднезіатскихъ кочевниковъ[3]). Монголы принадлежатъ къ особой сектѣ сѣверо-тибетскихъ ламаитовъ, извѣстной подъ именемъ «желтошапочной» («Schara-Malachatà или Malachai) и признающей своимъ верховнымъ главой Далай-Ламу, въ отличіе отъ южно-тибетской секты «красношапочной» (Ulan Malachatà) съ ея главой — Богдо Ламой. Расколъ ламаитовъ на двѣ указанныя секты возникъ во второй половинѣ

---

[1]) Обѣты мірянъ ламаитовъ ограничиваются тремя запрещеніями: не прелюбодѣйствуй, не укради, не убей. Отсюда понятно, что «человѣкъ, отъ котораго религія такъ мало требуетъ, не способенъ къ движенію по пути умственнаго и экономическаго прогресса». См. Бентковскаго, въ Сб. св по Ставр. губ. VII. 24—25.

[2]) Здѣсь же отчасти коренится и подмѣченный въ настоящее время фактъ принадлежности калмыковъ къ *вырождающимся расамъ*. Перепись населенія калмыцкой степи (1861—69 г.) обнаружила факты, которые, по словамъ Костенкова (бывшаго главнаго попечителя калмыковъ), указываютъ на «предстоящее уменьшеніе его (калмыцкаго народа) количества и даже на исчезновеніе въ весьма недалекомъ будущемъ» (о калм. 161 и слѣд.). Оказывается, что женское населеніе степи роковымъ образомъ уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ (теперь на четверть меньше мужскаго населенія). Несоразмѣрность отношеній между полами осложняется большимъ составомъ безбрачнаго духовенства, также ограниченностью контингента женщинъ, съ которыми калмыкъ можетъ вступать въ бракъ (только съ ламаитками) — трудовой жизнью женщины въ степномъ обыходѣ, большой смертностью и пр.

[3]) Основателемъ индійской секты буддистовъ считается Шакья-Муни (родивш. за 6 ть вѣковъ до христ. эры) — «отшельникъ (пустынникъ) изъ царскаго рода Шакья». Его называютъ также «Шраманъ Готама» (блаженный пустынникъ) и признаютъ донынѣ царствующимъ Буддою. Въ ойратскомъ уставѣ въ молитвословіи, стоитъ на первомъ планѣ «Шакджи Муни Лама». См. мое соч. Др. монг. уст. 65 и 178.

XIV вѣка вслѣдствіе споровъ о необходимости очистить ламаизмъ отъ шаманства путемъ установленія строгой системы буддійскихъ обѣтовъ. Основателемъ новой секты считается Цзонхава или Зункоба (Sunkkaba, Ssonchoba, Tsonchaba,— у калмыковъ Sunkoba, Saunwanchaba)[1]); онъ провозгласилъ ученіе о безбрачіи духовныхъ и другіе догматы, отвергнутые южными ламаитами и общимъ ихъ главой — Богдо Ламой. Ламаиты сѣвернаго Тибета, ставшіе на сторонѣ ученія новаго реформатора, провозгласили своимъ главой новое воплощеніе будды — Далай Ламу, успѣвшаго упрочить за собой преобладаніе и власть надъ сѣвернымъ Тибетомъ, а затѣмъ и надъ другими среднеазіатскими кочевниками[2]). У монголовъ ламаизмъ сталъ распространяться еще до распаденія его на двѣ отдѣльныя секты. Его послѣдователи появляются между монголами уже вскорѣ послѣ Чингиса[3]); но шаманство держалось у нихъ до второй половины XVI вѣка, когда началась усиленная пропаганда между монголами ламаизма, сдѣлавшагося къ концу этого вѣка господствующимъ монгольскимъ культомъ. Возгорѣвшаяся въ это время борьба за господство между ламаитскими сектами южнаго и сѣвернаго или большаго Тибета окончилась въ пользу сторонниковъ Далай-Ламы, лишь благодаря дѣятельной поддержкѣ монгольскихъ вождей; къ ихъ-то «ойратству», въ видахъ взаимной поддержки и защиты отъ враговъ, и примкнулъ тибетскій духовный глава послѣ того, какъ монгольскіе вожди съ своими ордами, на

---

[1]) Въ веденіи къ уставу 1640 г основатель секты желтошапочниковъ титулуется такъ: «Его же (т. е. Шакджи Муни Ламы) наслѣдникъ и духовной власти государь, и въ здѣшней странѣ вѣру показавшій и ученіе распространившій, вышній Господь Зункубай» (Зонкубай, Зункабай). См мое соч. Др. монг. уст. 66, 158. Подобно первому основателю буддизма, Шакья Муни, Зункубай считается воплощеніемъ Будды и причисляется ламаитами къ высшимъ богамъ (бурханамъ-буддамъ). Цзонхава род. 1357 г. ум. 1419 года. Его біографія изложена въ соч. Батыръ Убаши Тюменя — Сказ. о Дерб.—ойрат. въ перев. Лыткина, въ Астр. г. вѣд. 1861, № 26

[2]) См. Палл. Saml. II, 14, 19—21, 114

[3]) Березина Очеркъ, 50. Палл. Saml. II, 16.

общемъ родовомъ съѣздѣ, признали Далай-Ламу своимъ верховнымъ главой и провозгласили ламаизмъ народнымъ культомъ среднеазіатскихъ монголовъ[1]). Политическіе интересы духовнаго вождя монголовъ, угрожаемые происками южной ламайской секты и хищничествомъ самыхъ монголовъ, требовали не распаденія ихъ ойратства, но подчиненія ойратовъ главенству ламайскаго «папы» и расширенія его власти на весь міръ монгольскихъ ламаитовъ. Къ тому же должны были вести и чисто религіозные интересы ламаизма: основные его принципы гуманизма какъ нельзя больше совпадали съ идеей монгольскаго ойратства и шли въ положительный разрѣзъ съ хищническими основами внѣсоюзнаго быта монголовъ. Для осуществленія принциповъ буддизма необходимо было сплоченіе монголовъ-ламаитовъ въ одну «Prâsakas» (общину мірянъ-буддистовъ),

---

[1]) Обстоятельства, сопровождавшія принятіе монголами ламайства въ концѣ XVI в., довольно подробно разсказаны Палласомъ (см. Saml. I, 17, 26—27, II, 112. 144). Съ половины этого вѣка является между монголами ревностный проповѣдникъ ламаизма въ лицѣ тибетскаго ламы, Цаганъ-Номинъ-Хана, нашедшаго также сильное содѣйствіе со стороны ойратскаго тайши, Батуръ Байбегуша (Baatur Baibeghus или Boibegusch). По настоянію послѣдняго, всѣ ойратскіе вожди приняли ламаизмъ вмѣстѣ съ признаніемъ Далай-Ламы своимъ духовнымъ главой. Около этого-то времени (ок. 1580 г.) возникаетъ кровавая распря между желто — и красно-шапочниками; при чемъ сторонники Далай-Ламы одержали верхъ надъ противниками, лишь благодаря поддержкѣ младшаго брата Байбегуша, хана Гюйши, въ союзѣ съ зюнгарскимъ конъ-тайшей Батуромъ и другими монгольскими вождями. Въ это время монгольскіе вожди, на родовомъ съѣздѣ, признали Далай Ламу не только своимъ верховнымъ жрецомъ, но и свѣтскимъ главой Тибета. Но вскорѣ союзъ нарушается однимъ изъ зюнгарскихъ тайшей, Шюкеромъ (всѣ эти вожди упоминаются въ нашемъ уставѣ) рядомъ его нападеній на Тибетъ. Союзъ снова возстановленъ монгольскими вождями; даже больше: на новомъ съѣздѣ монгольскіе вожди признали себя вассалами Далай Ламы, примкнувшаго къ ойратству, какъ его верховный глава; монголы обязались защищать его, отражать пословъ, посвящать ему часть своихъ «подвластныхъ» и пр., при чемъ ойратскій тайша Гюйши сдѣланъ былъ въ Тибетѣ свѣтскимъ правителемъ и намѣстникомъ Далай Ламы

въ одно «ойратство», связанное единой вѣрой и едиными обѣтами воздержанія отъ хищничества, отрицаемаго буддизмомъ во всѣхъ его видахъ и формахъ. Такъ возникъ въ политическомъ быту монголовъ новый, связующій элементъ—ламаизмъ, облекавшій въ лицѣ Далай-Ламы широкими политическими полномочіями «державную» духовную общину ламаитовъ. Тибетскіе Далай-Ламы пользовались своимъ политическимъ верховенствомъ надъ монголами-ламаитами почти въ теченіе двухъ вѣковъ, съ конца XVI и до половины прошлаго вѣка, когда «державность» Далай-Ламы ограничилась лишь однимъ Тибетомъ, предоставленнымъ китайскимъ правительствомъ съ 1751 г.[1]) въ безконтрольное управленіе Далай-Ламы, не только какъ духовному, но и свѣтскому главѣ, какъ бы въ вознагражденіе за отторженіе изъ-подъ его главенства среднеазіатскихъ монгольскихъ ордъ. Въ этой державности Далай-Ламы надъ Тибетомъ нужно видѣть остатокъ отъ старой власти его надъ всѣми монголами-ламаитами. Тому же политическому главенству тибетскаго папы подчинялись и калмыки, перекочевавшіе въ русскія степи, вплоть до самаго ухода калмыцкой орды въ Китай въ 1771 г.; хотя, какъ будетъ сказано ниже, есть указанія на то, что открытыя связи калмыковъ съ Тибетомъ поддерживались и позже и прекратились лишь въ начальныхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.[2])

---

[1]) Еще въ 1720 г. китайское правительство, вступившее въ борьбу съ монгольскими ойратами, «подарило» весь Тибетъ Далай Ламѣ; но затѣмъ вскорѣ послѣдовали безпорядки, вслѣдствіе которыхъ послѣдовало назначеніе свѣтскаго верховнаго правителя. Окончательное установленіе духовнаго управленія Тибетомъ послѣдовало въ 1751 г. См. Тимковскаго Пут. II, 200. Іакинфа Описаніе Тибета, 201—205.

[2]) Выше замѣчено, что ламаизмъ — помѣсь стараго шаманства съ индійскимъ буддизмомъ. Какъ видно изъ наблюденій надъ бытомъ монголовъ и калмыковъ, у нихъ почти доселѣ удерживаются многіе обычаи шаманскіе, приспособленные къ новому культу. Не говоря о калмыкахъ алтайскихъ и отчасти бурятъ (у нихъ и тунгусовъ буддизмъ утвердился съ 1741 г., — см Нила Буддизмъ, 251), слѣдуетъ замѣтить, что многіе шаманскіе обряды у

Организація ламайскаго духовенства по ойратскому уставу 1640 г. опредѣляется общими іерархическими началами, развитыми современнымъ каноническимъ правомъ тибетскихъ ламаитовъ[1]). Тѣмъ же началамъ въ существѣ остается вѣрнымъ и Зинз. уложеніе; но въ немъ находимъ и новыя правила, не извѣстныя старому ойратскому уставу. Какъ уже замѣчено нами (см. выше стр. 169), Зинзилинское собраніе, стоявшее на почвѣ своего мѣстнаго каноническаго права, стремилось къ возстановленію чистоты буддійскихъ правилъ жизни, — имѣло въ виду поднять бытъ калмыцкихъ духовныхъ на уровень буддійскихъ идеаловъ. При этомъ, вмѣстѣ съ старыми буддійскими правилами, собраніе могло руководиться и мѣстными обычаями и порядками, которыя самобытно выработывались калмыцкимъ духовенствомъ, изолированнымъ отъ остальнаго міра среднеазіатскихъ ламаитовъ и развившимъ въ своемъ быту нѣкоторыя особенности не только въ обрядовомъ и іерархическомъ, и догматико-каноническомъ отношеніяхъ[2]). Въ этомъ случаѣ,

---

калмыковъ удерживались не только въ прошломъ, но и въ текущемъ столѣтіи. Палласъ нашелъ у нихъ шамановъ (Bŏh) и шаманокъ (Udu-gun), особыя капища съ идолами и пр. (См. Saml. II, 16, 341—347). На шаманство у ойратовъ XVII вѣка указываетъ ихъ уставъ, въ статьяхъ о шаманахъ, ихъ обрядахъ и идолахъ — «куклахъ» (ст. 139, 140 и 142). О шаманствѣ у сибирскихъ инородцевъ см. Нила (219) и другихъ.

[1]) Основныя начала устройства буддійской общины изложены въ цитированной не разъ «Пратимокша-Сутрѣ» старыхъ буддистовъ въ переводѣ Минаева. Послѣднему же принадлежитъ прекрасное изслѣдованіе вопроса о «духовной буддійской общинѣ» (Журн. Мин Пр. 1879, янв.), гл. обр. на основаніи каноническихъ книгъ южныхъ буддистовъ; вопроса о ламайскомъ духовенствѣ авто. касается лишь вскользь.

[2]) По словамъ І. В. Бентковскаго, «эту древнюю религію (буддизмъ) востока слѣдуетъ еще изучать, такъ сказать, въ натурѣ, на томъ основаніи, что ламайское духовенство въ Россіи, удаленное отъ Тибета, и въ продолженіе болѣе двухъ столѣтій не имѣющее съ главою религіи Далай-Ламою общенія, не смотря на монгольскій консерватизмъ, легко можно измѣнить, вслѣдствіе толкованій мѣстныхъ ламъ, не только религіозную обрядность, которая у нихъ замѣтимъ, довольно сложная, но даже догматическую и ка-

если изученіе каноническихъ правилъ ойратскаго устава 1640 г. даетъ указанія на іерархическій старой ламаизма въ эпоху его упроченія между ойратскими племенами средней Азіи въ значеніи ихъ народнаго культа, то Зинзилинское уложеніе представляетъ рядъ интересныхъ данныхъ касательно іерархическаго строя и значенія ламайскаго духовенства у русскихъ калмыковъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія

Ламайское духовенство (Chubarag, хуваракъ или хуаракъ монг., шуваракъ или хувракъ калм.)[1]) составляетъ издавна у среднеазіатскихъ монголовъ самый многочисленный классъ народа. Тимковскій въ 20-хъ годахъ засталъ въ одной Халхѣ цѣлую армію «ламъ», подчиненныхъ мѣстному ламайскому первосвященнику (кутухтѣ), — именно до 20 тыс., кромѣ «шабиновъ» (простолюдовъ, подвластныхъ кутухтѣ)[2]). По Пржевальскому, въ одной Ургѣ (главномъ городѣ Халхи) числится при Богдо-куренѣ, мѣстопребываніи первосвященника, до 10 тысячъ ламъ, живущихъ на всемъ содержаніи послѣдняго; во всей Монголіи по крайней мѣрѣ треть (если даже не больше) мужскаго населенія принадлежитъ къ духовнымъ[3]). До послѣдняго времени тоже самое было и въ калмыцкой степи: въ 40-хъ годахъ бар. Бюлеръ писалъ, что «въ каждомъ улусѣ множество духовныхъ, даже нѣтъ аймака, гдѣ бы

моническую сторону вѣроученія». См. Объясненіе калм. праздниковъ, въ Сбор стат. свѣд. по Ставроп. губ. 1876, VII, 23.

[1]) У среднеазіатскихъ монголовъ въ обычаѣ называть все сословіе духовныхъ «ламами», хотя это названіе относится собственно къ высшему духовенству; духовное лице называется вообще «хуваракъ». Послѣднее наименованіе усвоено и калмыками. См Палласа Saml. II. 135. Тимковскаго Путеш. I, 130; III, 400 Іакинѳа Опис. Тибета, 12. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 120. Пржевальскаго Монг. I 55. Бентковскаго въ Сбор. св. по Ставр. губ. VII, 27.

[2]) Тимковскаго Путеш. I, 76; III, 400.

[3]) Пржевальскаго Монг. I, 7, 54.

не было нѣсколькихъ кибитокъ ихъ»[1]). Лишь въ послѣднее время число «хувараковъ» въ калмыцкой степи сдѣлалось меньше противъ прежняго[2]).

Ламайское духовенство представляетъ собой общину лицъ, «оставившихъ міръ» и посвятившихъ себя отшельническимъ обѣтамъ, установленнымъ буддійскимъ культомъ. Весь іерархическій строй этой общины опредѣляется основными началами буддизма, отрицательно относящагося къ личной жизни и полагающаго высшій нравственный идеалъ въ полномъ отреченіи отъ «міра». Выходя изъ той идеи, что «человѣкъ самъ собою не можетъ нравственно возвыситься, если ему не будетъ указанъ путь, по которому бы онъ слѣдовалъ въ семъ мірѣ»[3]), буддійское ученіе даетъ такія указанія посредствомъ сложной системы обѣтовъ, подраздѣленныхъ на цѣлыя категоріи нравственной усовершимости буддійскихъ отшельниковъ. Чѣмъ сложнѣе избираемыя послѣдними категоріи обѣтовъ, тѣмъ цѣльнѣе становится жизнь буддиста, тѣмъ выше поднимается его значеніе въ буддійской общинѣ, въ особенности тѣмъ больше достигается цѣль буддійскаго отшельничества — избѣжать бѣдствій, соединенныхъ по буддійскимъ вѣрованіямъ съ перерожденіями, на которыя осужденъ всякій, кто не достигъ буддійскаго идеала — полнаго отреченія отъ міра и личной жизни[4]). По степенямъ такого отреченія установился іерархическій

---

[1]) От. Зап. 1846, № 8, стр. 120.

[2]) По послѣдней ревизіи 60-хъ годовъ на 68 тыс. муж. населенія калм. степи приходится всего 1201 хуварахъ (см. Костенкова о калм. 158). Старая численность хувараковъ зависѣла отъ льготной ихъ жизни, обычая монголовъ посвящать въ духовные хоть одного члена семьи и пр. Теперь этотъ обычай значительно стѣсненъ.

[3]) См. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. VII, 24.

[4]) Не разъ цитированный буддійскій служебникъ, извѣстный подъ именемъ «Пратимокша-Сутра», есть собственно показанный уставъ, въ которомъ подробно формулирована система обѣтовъ обязательныхъ для членовъ общины буддійскихъ отшельниковъ — О догматѣ «перерожденія» и «переселенія душъ», какъ этотъ догматъ развился у ламайскихъ буддистовъ, см. Палласа

составъ общинъ буддійскихъ отшельниковъ: «оставившихъ міръ», но не посвященныхъ, мірянъ-буддистовъ, стоящихъ на первыхъ степеняхъ обѣтовъ, и «посвященныхъ» монаховъ, исполняющихъ полный циклъ буддійскаго отшельничества. По древнимъ уставамъ индійскихъ буддистовъ, община отшельниковъ называлась «сангха» и состояла изъ покинувшихъ міръ, изъ монаховъ и старцевъ; внѣ общины, но связанные съ нею общею вѣрою, были вѣрующіе міряне и мірянки. Первая духовная степень — «упасака», т. е. мірянинъ-буддистъ, покидавшій міръ и отдававшійся подъ защиту Будды, его закона и сангхи; «оставившій міръ» естъ членъ сангхи, но не есть еще «посвященный». Къ «непосвященнымъ» но покинувшимъ міръ, относились «саманеры» — послушники или ученики (atevasi). Съ этими первыми степенями буддійской іерархіи связывалось исполненіе опредѣленныхъ буддійскихъ обѣтовъ. Остальные члены сангхи составляютъ «посвященныхъ» отшельниковъ — учителей (acariya) и наставниковъ (upadiya). У китайскихъ буддистовъ точно также отличаются отъ мірянъ монашествующіе: «шами» (мальчики) и «шамини» (дѣвицы), приготовляющіяся съ дѣтства при кумирняхъ къ жизни братства; «шича-моно», т. е. вдовы или дѣвицы, приготовляющіяся на дому ко вступленію въ «сэнъ» (сангха)—монашескую общину; «бхикшу» и «бхикшуни», посвятившія себя безбрачію, безмолвію, изученію буддизма и обѣту жить подаяніемъ. Послѣдніе два разряда составляютъ собственно буддійскую общину (сэнъ), у которой все общее—имущество, занятія, слова и мысли. Высшій разрядъ духовныхъ составляютъ «бодхисатвы» — тоже, что высшіе ламы и хубилганы (перерожденцы) тибетскихъ ламаитовъ[1]).

Saml. II, 61—69, 110, 138 и др. Нила Будд. 79, 92 Тимковскаго Путеш. I, 33, 231; III, 399. Бентковскаго Взглядъ на кочевую культуру, 25, 27 Ср. также общія изслѣдованія о буддизмѣ: Кеппена (Die Religion d. Buddha), Васильева (Буддизмъ), Вурма (Gesch d. ind. Religion), Хрисанфа (Религіи древн. міра) и др.

[1]) См. Минаева Община будд. монаховъ, въ Жур. Мин. Пр. 1879, Генв. 5, 7, 9, 17, 23.

Таже самая градація степеней буддійскихъ обѣтовъ и отреченія отъ міра легла въ основу организаціи ламайскаго духовенства (сѣвернаго Тибета), реформированнаго во второй половинѣ XIV вѣка Цзонхавою. По установленной имъ системѣ обѣтовъ, ламайская духовная община слагается изъ нѣсколькихъ ранговъ или духовныхъ степеней[1]), унаслѣдованныхъ также монгольскими ламаитами, съ бо́льшими или меньшими отклоненіями отъ первычныхъ прототиповъ буддійской іерархіи, какъ она была развита у древнихъ буддистовъ. Ойратскій уставъ 1640 г. упоминаетъ о высшихъ ламайскихъ первосвященникахъ (Банценъ, Далай-Лама и Кутухты) и затѣмъ констатируетъ нѣсколько степеней подчиненнаго имъ духовенства высшаго (ламъ) и низшаго (хуваракъ) У калмыковъ, оторванныхъ отъ центра ламаизма, естественно могли выработаться своеобразные мѣстные порядки, какъ это и видно изъ Зинз. уложенія, въ которомъ идетъ рѣчь только о мѣстныхъ ламахъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ улусовъ, и о «прочемъ калмыцкомъ духовенствѣ», безъ намека на высшихъ ламайскихъ первосвященниковъ[2]).

Къ высшему рангу ламайскихъ *первосвященниковъ* принадлежатъ «богды» или «господи»—Далай-Лама, Банценъ и Кутухты. Они считаются земными воплощеніями Будды (божества)[3]),

---

[1]) См. Бентковскаго въ Сборн. по Ставр. губ. VII, 24.

[2]) См. уст. 1640 ст. 6, 21, 24 и пр. Зинз. улож. гл. I, п. 2; ст. 1, 2, 4 и др.

[3]) См. Пржевальскаго Монг. I, 7, 54 «По ламайскому ученію, эти святые, составляя земное воплощеніе божества, никогда не умираютъ, но только обновляются смертію. Душа ихъ, по смерти тѣла, въ которомъ она имѣла мѣстопребываніе, переходитъ въ другаго новорожденнаго мальчика и, чрезъ это, является людямъ въ болѣе свѣжемъ и юномъ образѣ». О ламайскомъ догматѣ высшихъ «перерожденцевъ», Chubilgan см. Палл. II, 110, 138 и пр. Нила Буддизмъ, 79—81, 90—92. Тимковскаго Путеш. I, 33. 231, III, 399. О «богда», какъ наименованіи ламайскихъ первосвященниковъ, см. Тимковскаго Путеш. III, 307. Титулъ «господи» принадлежитъ уставу 1640 г.

вообще представляютъ высшія духовныя степени въ ламайской іерархіи[1]).

Далай-Лама — высшая святыня ламайскаго міра, глава всей духовной іерархіи ламаитовъ. Этотъ первосвященникъ, носящій священное у ламаитовъ имя верховнаго или «величайшаго ламы»[2]) и имѣющій свое мѣстопребываніе въ центрѣ среднеазіатскаго ламаизма[3]), почитается ламаитами, какъ дѣйствительно живущее между людьми божество, которое путемъ воплощеній постоянно возрождается и никогда не умираетъ[4]). Далай-Лама принадлежитъ къ высшимъ «перерожденцамъ» (хубилганамъ), которые, по выраженію Нила, «освящены самою природою, — хотя и въ мірѣ, но къ міру не принадлежатъ»[5]). По ламайскому ученію, преемство достоинства Далай-Ламы опредѣляется по системѣ возрожденія: послѣ смерти Далай-Ламы, его душа переходитъ въ новорожденнаго, отыскиваемаго въ качествѣ вновь возродившагося первосвященника, на основаніи установленныхъ ламайскимъ ритуаломъ гаданій и признаковъ, въ большинствѣ же случаевъ по указанію самаго Далай-Ламы, обязаннаго еще при жизни предсказать себѣ преемника[6]). Въ ойратскомъ уставѣ 1640 года Далай-Лама

---

[1]) Нила Будд. 79. Палласа Saml. II, 110. Тимковскаго Пут. III, 307. Пржевальскаго Монг. I, 6 и слѣд.

[2]) Dalaj — величайшій; Lahma — тангутское слово, означающее «мать душъ». У монголовъ наименованіемъ ламы обозначается все посвященное духовенство до самыхъ низшихъ степеней; у калмыковъ же имя это прилагается только къ высшимъ разрядамъ духовныхъ въ томъ смыслѣ, что «духовные любятъ всѣ живыя существа и души, заботятся о нихъ и своими молитвами и поученіемъ стараются сдѣлать ихъ счастливыми, подобно матери заботящейся о своихъ дѣтяхъ». См. Палласа Saml. I, 112.

[3]) Далай Лама живетъ въ столицѣ сѣвернаго Тибета — Лассѣ (Лхассѣ, Lhassa), въ капищахъ Buddala и Seragomba или Brepun gomba См Палл. Saml. II, 11. Тимковскаго Пут. I, 34. Пржевальскаго I, 7.

[4]) Палл. Saml. II, 110.

[5]) Нила Будд. 84—86.

[6]) См. Пржевальскаго Монг. I, 7, 54. При назначеніи Далай Ламы играетъ теперь главную роль, секретно, китайское правительство, подъ вліи-

титулуется «господомъ, въ чистомъ мѣстѣ резидующимъ и всѣмъ помоществующимъ». Кромѣ значенія духовнаго главы всего ламайскаго міра (почему Далай-Лама назначаетъ подчиненныхъ ему жрецовъ, разсылаетъ идоловъ по улусамъ и пр.), Далай Лама, какъ уже замѣчено, становится съ конца XVI вѣка во главѣ монгольскаго ойратства и пріобрѣтаетъ надъ ойратскими вождями политическую власть, во многомъ напоминающую власть средневѣковыхъ папъ надъ христіанскими государями католическаго міра. Далай-Ламы сообщали грамоты на званія хановъ, конъ-тайшей и пр. и даже имѣли право предоставлять простолюдинамъ доступъ къ родовому наряду

ніемъ котораго намѣстникъ ламайскаго первосвященника всего чаще набирается изъ бѣдныхъ и незнатныхъ фамилій. По словамъ Пржевальскаго, «личное ничтожество Далай Ламы, при отсутствіи родственныхъ связей съ сильными фамиліями страны, служитъ для китайцевъ лучшимъ ручательствомъ, если не подчиненія Тибета, то, покрайней мѣрѣ, безопасности со стороны непокорнаго сосѣда» (тамъ же, 54). Такова же подкладка правилъ, развитыхъ въ современномъ уложеніи среднеазіатскихъ монголовъ о назначеніи кандидатовъ на высшія духовныя должности ламаитовъ (правила эти имѣютъ силу и у сибирскихъ буддистовъ,— см Нила Буддизмъ, 257) Мы приведемъ здѣсь эти правила, такъ какъ они служатъ руководствомъ и при избраніи кандидатовъ въ Далай ламы «Тѣ, которымъ предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого либо хутухты или ламы высшей степени, и объявлять мѣста ихъ возрожденія, отнюдь не должны указывать, какъ на тѣхъ дѣтей мужскаго пола, кои соединены родствомъ съ самимъ Далай Ламою и съ Баньчень-эрдени, такъ и на дѣтей и внуковъ всѣхъ монгольскихъ хановъ, равно степенныхъ князей и тайцзіевъ: иначе подвергнутся они строжайшей отвѣтственности. Но они могутъ указывать на дѣтей тайцзіевъ, которые не отправляютъ никакихъ общественныхъ должностей, равно на малолѣтнихъ сыновей простыхъ монголовъ и тангутовъ и возвѣстить, что умершій переродился или сдѣлался хубилганомъ (перерожденцемъ) въ томъ или другомъ семействѣ. Ни подъ какимъ предлогомъ не должно открывать вновь перерожденцевъ и особенно по смерти ламъ, начальствовавшихъ въ незначительныхъ монастыряхъ, въ которыхъ прежде не являлись хубилганы. Никакой хубилганъ не можетъ быть признанъ таковымъ, если не будетъ утвержденъ въ семъ званіи законнымъ порядкомъ отъ установленныхъ властей. Избраніе же и утвержденіе хубилгановъ должно производиться слѣдующимъ образомъ: писать на жребіяхъ, нарочно для сего приготовленныхъ, имена младенчествую-

путемъ пожалованія имъ грамотъ на зайсанское званіе[1]). Монгольскіе вожди обязывались къ «повиновенію» Далай-Ламѣ, отправлялись лично для поклоненія, снаряжали посольства съ дарами и пр. При нарушеніи должныхъ отношеній къ нему, монгольскіе вожди наказывались тибетскимъ папой при посредствѣ мѣстнаго клира, нерѣдко лишались родоваго наряда, уступая его другимъ нойонамъ, возводившимся Далай-Ламой въ званіе тайшей и хановъ. Если Далай-Ламы лично не прини-

---

щихъ кандидатовъ на достоинство хубилгановъ; жребій класть въ чашу, находящуюся въ большомъ золотомъ духовномъ сосудѣ, состоящемъ въ храмѣ тибетскомъ Чжоо, а пекинскомъ Хуля-сун-кугурунъ. Вынимать же оные жребіи въ Тибетѣ Далай Ламѣ, вмѣстѣ съ тамошнимъ генераломъ (правителемъ Тибета), а въ Пекинѣ членамъ палаты съ главнымъ пекинскимъ Хутуктою · счастливый жребій долженъ рѣшить сіе дѣло, которое приводится въ исполненіе вышеозначенными властями. Чтожъ касается до возрожденія Кукунугорскаго (Синеозерскаго) Номун-Хагана то избраніе его не должно подводить подъ общія правила. Но по уваженію къ тому, что съ высокимъ его духовнымъ саномъ соединена свѣтская власть — управленіе цѣлымъ княжествомъ, надлежитъ смотрѣть при семъ случаѣ не столько на родъ и происхожденіе избираемаго, сколько на расположеніе и преданность къ нему того народа, который имѣетъ поступить въ его управленіе. Такимъ образомъ народное желаніе должно сопроводить жребій избираемаго въ золотой сосудъ— бумба, и извлечь его изъ онаго къ общему удовольствію». Отъ такихъ ограниченій не изъятъ и Далай Лама И при его избраніи, «судьба жребіями своими не прежде начинаетъ располагать, какъ посовѣтовавшись съ законами». Безъ этого же условія самые очевидные признаки совершившагося перерожденія теряютъ свое значеніе. См. Нила Буддизмъ, 90—92.

[1]) Подобныя грамоты доселѣ сохраняются въ нѣкоторыхъ родахъ зайсанговъ, предки которыхъ возводились въ это званіе Далай Ламами еще въ пору кочеваній калмыковъ въ среднеазіатскихъ степяхъ. Пожалованія такія имѣли потомственный характеръ и соединялись съ нѣкоторыми привиллегіями и преимуществами. Изъ калмыцкихъ дѣлъ напримѣръ видно, что въ 1840 г. зайсангъ Бодма Му-Шараповъ представлялъ суду зарго грамоту на монг. языкѣ, въ подтвержденіе правъ на владѣніе аймакомъ Ачинерова рода. Это была грамота, данная тибетскимъ Дал. Ламою Базаръ-Дара дербенъ-ойратскому зайсангу Баянъ Дарханъ Убушѣ; этой грамотой пожаловано ему съ потомствомъ зайсангское званіе. См. Бюлера, въ От. Зап. 1846 № 11, стр. 36.

мали участія въ родовыхъ собраніяхъ монгольскихъ вождей, то на нихъ присутствовали ихъ послы—кутухты и пр.[1]). Такая сила главы ламайскаго духовенства лишь позже была ограничена китайцами, — какъ уже мы знаемъ, съ 1751 года Далай-Лама ограниченъ однимъ Тибетомъ, которымъ онъ обладаетъ на правахъ свѣтскаго «государя»[2]). Хотя тибетскій папа считается донынѣ вассаломъ Китая, но подчиненіе его чисто номинальное и выражается главнымъ образомъ въ дарахъ, посылаемыхъ Богдыхану разъ въ три года[3]). Въ прежнее время политическая власть Далай-Ламы простиралась и на русскихъ калмыковъ. Они утверждали ихъ вождей въ званіи хановъ[4]); калмыцкіе вожди иногда ѣздили въ Тибетъ (напр. Дайчинъ) не для одного благословенія духовнаго главы, но для дѣйствительнаго утвержденія въ ихъ достоинствѣ, отправляли въ знакъ «послушанія» пословъ съ дарами и пр. Въ свою очередь, Далай-Ламы присылали калмыкамъ жрецовъ, духовныя книги, идолы и пр. Собственно лишь со времени ухода калмыковъ въ 1771 г. сношенія ихъ съ Далай-Ламой стали рѣже, а къ на-

---

[1]) Такъ, на халхаскомъ съѣздѣ 1687 г. присутствовалъ посолъ Далай Ламы (см. Энцикл. лекс. Т XIII, 148). Такое же значеніе имѣютъ четыре Кутухты, упоминающіеся въ введеніи къ уставу 1640 г.

[2]) См. Палласа Saml. I, 59, II, 112—113.

[3]) См. Пржевальскаго Монг. I. 53.

[4]) Бакунинъ, напр., говоритъ въ своей рукописи (стр 5 оборот.): «Да отъ Далай Ламы первой онъ (Аюка) испросилъ себѣ около 1690 года титулъ ханской», — Аюка получилъ отъ Далай Ламы печать (цоло), грамоту и всѣ знаки ханскаго достоинства (см. Костенкова, 6). Подобнымъ же образомъ въ 1734 г. Далай Лама далъ Черенъ Дондуку «ханскій чинъ». См. рукоп. Бакунина, 105. Бакунинъ сообщаетъ подъ 1734 г., что «возвратились въ Сибирь калмыцкіе посланцы, къ Далай Ламѣ посыланные», привезшіе отъ него грамоту на ханскій «чинъ» Черенъ Дондуку (Рукоп. 92). На запросъ правительства о посланцахъ, калмыки отвѣчали, что «по ихъ калмыцкому закону ханами бываютъ у нихъ по указу Далай Ламы, а по свѣтскому обычаю бываютъ тѣ, которые могутъ дѣла исправлять съ благополучіемъ народа» (тамъ же, 95).

чалу текущаго столѣтія офиціально прекращаются вовсе и, если теперь бываютъ, то лишь тайно и въ рѣдкихъ случаяхъ[1]).

Вторая святыня ламаитовъ — *Банценъ*[2]), относящійся по ламайскому ученію къ такимъ же земнымъ воплощеніямъ божества, какъ и Далай-Лама. Это старѣйшій глава тибетскихъ ламаитовъ, считавшійся ихъ верховнымъ первосвященникомъ до реформы Цзонхавы, когда его главенство ограничилось южно-тибетской сектой красношапочниковъ (Ulan-Malachatä). Какъ духовный глава этой секты, Банценъ назначаетъ для нея жрецовъ и вообще находитъ въ южно-тибетскомъ населеніи такихъ же послѣдователей, какъ Далай-Лама — въ сѣверныхъ желтошапочникахъ. Съ теченіемъ времени первоначальная рознь между обѣими сектами стала до того сглаживаться, что оба первосвященника сошлись на почвѣ полнаго примиренія. Если монголы-ламаиты считаютъ теперь въ іерархическомъ отношеніи Далай-Ламу выше Банцена, то по святости отдается предпочтеніе послѣднему, какъ первоначальному ламайскому главѣ и древнѣйшему воплощенію Будды[3]). Такое воззрѣніе установилось у монголовъ уже въ началѣ XVII в. Это видно изъ ойратскаго устава 1640 г.: въ молитвословіи устава Банценъ стоитъ выше Далай-Ламы, — обоимъ придается титулъ «господей», которымъ равно поклоняются монгольскіе ламаиты, спеціально же Банцену — въ силу его святости, какъ господу, «Абида (т. е. Будды) Бурхана чинъ и одѣяніе воспринявшему». Съ тѣмъ же почитаніемъ относились

---

[1]) О сношеніяхъ калмыковъ съ Далай Ламой см. Бюдера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 117—118, Костенкова о калм. 2, 5, 6, 33. Палласа I, 27, 59. II, 109, 110, 112—114.

[2]) Такое наименованіе встрѣчается въ молитвословіи, изложенномъ въ введеніи къ уставу 1640 г. Древнее названіе — *Богдо Лама*; монголы титулуютъ *Баньчань*, *Бань-цинь*, *Bandschen*, *Pantschen*. Съ 1714 г. китайское правительство прибавило къ Баньчань титулъ *Эрдени* (драгоцѣнный). См. Палл. Saml. II, 113. Тимковскаго II, 176—177. Пржевальскаго I, 7.

[3]) Пржевальскій называетъ Бань-цинь несовсѣмъ вѣрно «помощникомъ» Далай Ламы. См. Монг. I, 7.

къ Банцену и калмыки. Есть извѣстія, что въ прошломъ вѣкѣ, пока не прекратились офиціальныя сношенія калмыковъ съ Тибетомъ, они отправляли посольства съ дарами къ обоимъ тибетскимъ первосвященникамъ[1]).

Третій рангъ ламайскихъ богдъ и хубилгановъ (перерожденцевъ) составляютъ *хутукты* (монг. кутухты, тангут. Gussee). Въ іерархическомъ отношеніи они составляютъ намѣстниковъ Далай-Ламы и Банцена, управляютъ духовными дѣлами отдѣльныхъ областей въ значеніи старшихъ ламъ, съ титуломъ «гыгеновъ», подчиненныхъ непосредственно Далай-Ламѣ; нѣкоторые и живутъ при немъ или же при кумирняхъ въ разныхъ мѣстахъ монгольскаго кочевья. Подобно Далай-Ламѣ, они считаются воплощеніями и земными представителями божества, почему имъ воздается такое же поклоненіе, какъ и высшимъ первосвященникамъ. По молитвословію ойратскаго устава, хутукты носятъ титулы «господей», «Шакджи-Мунієвыхъ іереевъ» — титулы, общіе для всѣхъ ламайскихъ патріарховъ, считающихся перерожденцами (хубилганами). Назначеніе новыхъ хутуктъ зависитъ отъ избранія Далай-Ламы и сопровождается испытаніемъ избраннаго въ духовномъ собраніи; въ настоящее время требуется утвержденіе правительства[2]). У мон-

---

[1]) См. Палласа Saml. I, 19, 21, 26 — 27; II, 110 — 115. Тимковскаго. Путеш II, 176—178; III, 399. Нила Будд. 84.

[2]) По словамъ Тимковскаго, кутухты «не имѣютъ столько силы, чтобы по собственному произволу (какъ Далай Лама) могли являть себя въ новыхъ тѣлахъ. Далай Лама назначаетъ дѣтей, въ коихъ душа кутухты должна переселиться или уже переселилась. Избранный для сего мальчикъ, большею частію изъ знатныхъ семействъ, воспитывается прилично будущему его званію, чтобы потомъ торжественно наслѣдовать прежнему кутухтѣ. Когда душа кутухты перейдетъ въ новое тѣло, т. е. когда онъ умретъ, ламы, въ соблюденіе принятаго обряда, стараются отыскать то мѣсто, гдѣ сей чудный первосвященникъ паки возвратился на сей свѣтъ. По открытіи, какъ бы нечаянно, готоваго преемника, посылаютъ старыхъ ламъ для освидѣтельствованія его. Они берутъ съ собой нѣсколько вещей, принадлежавшихъ покойному кутухтѣ, перемѣшиваютъ ихъ съ другими и представляютъ ихъ новому

головъ кутухты не пользуются одинаковымъ значеніемъ. Главнымъ намѣстникомъ Далай-Ламы у среднеазіатскихъ монголовъ считается гыгенъ или кутухта ургинскій, живущій въ Ургѣ, (Куренѣ — главномъ городѣ Халхи); ему подчиняется все духовенство Монголіи вмѣстѣ съ мѣстными кутухтами, живущими въ разныхъ частяхъ Монголіи при отдѣльныхъ кумирняхъ[1]). По свидѣтельству очевидцевъ, монгольскіе гыгены находятся подъ постоянной опекой приближенныхъ ламъ, въ собственныхъ интересахъ поддерживающихъ умственную ограниченность этихъ земныхъ воплощеній божества. «Она обезпечиваетъ господство послѣднихъ (ламъ), которые до того ревниво оберегаютъ свое значеніе, что способные мальчики, попавшіе въ такое званіе, иногда отравляются своими же блюстителями»[2]).

За кутухтами слѣдуетъ, въ порядкѣ іерархическаго подчиненія, классъ *ламз* — высшихъ улусныхъ жрецовъ, завѣ-

---

кандидату, который хватаетъ первый съ поспѣшностію, а послѣдній отвергаетъ. Потомъ дѣлаютъ ему вопросы касательно событій, случившихся при его предшественникѣ, и онъ отвѣчаетъ удовлетворительно. Тогда всѣ признаютъ его за прежде бывшаго кутухту». (См. Путеш. I, 34). Нилъ свидѣтельствуетъ, что вообще ламайскіе перерожденцы познаются по извѣстнымъ признакамъ и указаніямъ «жребія судебъ». Если умиралъ хубилганъ, то «буддійскіе законовѣды обращаются къ жребіямъ судебъ, цо ихъ указаніямъ отыскиваютъ слѣды странницы (души), а потомъ узнаютъ и самое существо, въ которое она вновь облеклась». См. Буддизмъ, 80. См. выше стр. 397, правила монг. уложенія объ избраніи хубилгановъ.

[1]) Такихъ кутухтъ насчитывается въ Монголіи болѣе сотни. См. Іакинфа Стат. описаніе Кит. имперіи, II, 60. Они раздѣляются на нѣсколько степеней — простыхъ хубилгановъ, шаварановъ и бишерелту — разныхъ святошей, производящихъ чудеса, таковы напр. бродячіе чудесники и пр См. Нила Будд. 79—81.

[2]) Но это бываетъ и по наущенію китайскаго правительства, опасающагося видѣть сколько нибудь самостоятельную личность во главѣ духовной іерархіи монголовъ. См Пржевальскаго Монг. I, 8 — О кутухтахъ см. Пал. Saml. II. 117—119. Нила Будд. 79—83. Тимковскаго Пут. I, 33—34, 231; II, 198, III, 399—400. Пржевальскаго Монг. I, 6—8, 54.

дывающихъ въ своихъ округахъ низшимъ духовенствомъ. У среднеазіатскихъ ламаитовъ классъ ламъ слагается изъ нѣсколькихъ степеней или ранговъ. На первомъ планѣ стоитъ цорджи (Zordschâh-Lama)[1]) — духовный глава отдѣльной орды или улуса, поставляемый Далай-Ламой или главнымъ хутукту съ знатными ламами; по святости и знанію религіознаго закона цорджи считается выше другихъ ламъ въ цѣлой ордѣ. Второй рангъ монгольскихъ ламъ составляютъ Rab — bjdschamba (Arandshymba), находящіеся при отдѣльныхъ кумирняхъ; въ этотъ рангъ поставляютъ кутухты въ тибетскихъ духовныхъ собраніяхъ изъ духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своей святостію и ученостію. Въ тибетскихъ монастыряхъ, кромѣ того, есть особый рангъ ламъ, подъ названіемъ Gabdshu (Chadbshu), — жрецовъ, которыхъ обязанность состоитъ въ толкованіи священныхъ книгъ въ общихъ собраніяхъ духовенства. Есть еще четвертый рангъ ламъ — отшельниковъ, Dajandschi, посвящаемыхъ Далай-Ламой или кутухтой изъ духовныхъ высшей степени святости, дающихъ обѣты уединеннаго служенія богамъ и пр. Изъ этихъ ранговъ избирается, съ утвержденія Далай-Ламы, въ каждой большой ордѣ высшій лама въ значеніи духовнаго главы, завѣдывающаго всѣмъ улуснымъ духовенствомъ; но иногда изъ этихъ же ранговъ поставлялись ламы и въ небольшіе улусы подчиненныхъ нойоновъ[2]).—Калмыцкое духовенство состоитъ собственно изъ ламъ и простаго или низшаго духовенства[3]). Калмыцкіе уставы различаютъ два ранга ламъ: главныхъ или верховныхъ ламъ и цорджи. Въ прежнее время у калмыковъ было нѣсколько главныхъ ламъ, возводимыхъ въ этотъ санъ Далай-Ламой, — по старымъ калмыцкимъ обычаямъ, каждый улусъ имѣлъ своего главнаго ламу, завѣдывавшаго улуснымъ духовенствомъ и всѣми

---

[1]) По Палласу Zordschah означаетъ «Nom» — религіозный законъ Saml. I, 119.

[2]) Палл. Saml. II, 119—120, 435.

[3]) Уст. 1640 г. ст. 6. Зинз. улож. 1, 3, 4 и пр.

духовными дѣлами улуса. Со времени прекращенія сношеній калмыковъ съ тибетскимъ Далай-Ламой, присылавшимъ въ ихъ улусы высшихъ жрецовъ, избраніе послѣднихъ стало въ зависимость отъ калмыцкихъ владѣльцевъ и мѣстнаго духовенства. Зинз. уложеніе говоритъ о ламахъ «владѣльческихъ», управлявшихъ духовными дѣлами при улусныхъ владѣльцахъ-нойонахъ, и ламахъ, принадлежавшихъ къ казеннымъ или вымороченымъ улусамъ; первые поставляются по выбору самаго владѣльца, вторые — по выбору и съ согласія «общества»[1]). Съ 1800 г. требуется также утвержденіе правительствомъ ламъ въ ихъ должностяхъ[2]). Позже (съ 1834 г.) число главныхъ калмыцкихъ ламъ ограничено двумя (по назначенію правительства); съ 40-хъ годовъ калмыки подчиняются одному верховному ламѣ, завѣдывающему всѣмъ калмыцкимъ духовенствомъ[3]). Цорджи упоминаются въ ойратскомъ уставѣ и доселѣ существуютъ у калмыковъ въ значеніи старшихъ жрецовъ, подчиненныхъ верховному ламѣ и находящихся въ каждомъ улусѣ при главныхъ кумирняхъ, какъ ихъ настоятели, управляющіе приписаннымъ къ нимъ улуснымъ духовенствомъ[4]). — Въ эпоху стараго ойратства монголовъ ламы, какъ главные улусные намѣстники тибетскаго Далай-Ламы, весьма мало зависѣли отъ монгольскихъ родоправителей, — давать приказанія ламамъ могли одни ойратскіе главы — ханы и конъ-тайши[5]). Тоже самое было въ прежнее время и у калмыковъ. Ихъ улусные ламы стали въ прямую зависимость отъ владѣльцевъ со времени уничтоженія у калмыковъ ханскаго наряда и подчиненія ихъ управленію отдѣльныхъ улусныхъ нойоновъ[6]).

---

[1]) Зинз. улож. 1, 4.

[2]) П. С. З. № 19600.

[3]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 119. Ср. Нила Буддизмъ 68, 93.

[4]) Уставъ 1640 г. ст. 21. Ср. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставропольской губ VII, 26.

[5]) См. мое соч.—Др. монг. уст. 237.

[6]) Бакунинъ такъ характеризуетъ значеніе калмыцкихъ ламъ въ про-

Простое духовенство, подчиненное ламамъ, раздѣляется на нѣсколько улусныхъ округовъ (Kürö)[1]) и состоитъ изъ трехъ разрядовъ, различающихся по обѣтамъ и іерархическимъ правамъ и обязанностямъ: посвященныхъ жрецовъ (геленовъ), служитей вѣры (гецулей) и учениковъ вѣры (тоиновъ или бандинеровъ).

Гелены (гелюнги, гэлуны монг., Gellüng, Gellong, Gellun) составляютъ классъ «посвященныхъ» жрецовъ — духовныхъ, отправляющихъ при кумирняхъ всѣ жреческія службы и подчиненныхъ непосредственно ламамъ. По ламайскимъ обычаямъ, для полученія званія гелена требуется прохожденіе низшихъ степеней (гецуля и манжи) и посвященіе улуснымъ ламой въ собраніи мѣстнаго духовенства, съ согласія и утвержденія владѣльцевъ[2]). Въ калмыцкихъ уставахъ различаются старшіе гелены (бакши) отъ низшихъ, отправлявшихъ различныя должности при кумирняхъ (хурулахъ)[3]).—*Бакши* (Bakschi) соотвѣтствуетъ «бхикшу» старыхъ буддистовъ[4]). По старому ойратскому уставу, бакши означаетъ «духовнаго учителя», по Зинз. же уложенію — «въ родѣ архимандрита», представляющаго въ улусѣ второе духовное лице послѣ ламы и заступающаго мѣсто послѣдняго въ случаѣ его небытности[5]). Это старѣйшій геленъ, спеціально занимающійся руководствомъ

шломъ столѣтіи: «колѣноприклоненіемъ почитаютъ да и впрочемъ ихъ (духовныхъ), а паче ламу или кутухту (послѣднихъ монголы) за *меньшихъ боговъ своихъ* считаютъ». См. рукопись Бакунина, 107.

[1]) Въ прошломъ вѣкѣ духовенство торгоутской орды дѣлилось на 20 округовъ или епархій; у дербетовъ было 6 округовъ, въ другихъ улусахъ меньше. См. Пал. II, 127.

[2]) Въ прежнее время Далай Лама посылалъ калмыкамъ геленовъ изъ Тибета. См. рукопись Бакунина, 107.—Зинз уложеніе обязываетъ владѣльцевъ наблюдать, чтобы въ ихъ улусахъ было положенное число гелюновъ, и чтобы въ случаѣ убыли ихъ недостатокъ пополнялся изъ гецулей «лучшаго дарованія» (ст. 4, 14, 16). Ср. Палл. Saml. II, 437. Пржеваль. I, 55.

[3]) См. уст. 1640 г. ст. 21. Зинз. улож. ст. 5. 17.

[4]) См. Минаева Община буд. монаховъ, въ Жур. Мин. Пр., 1879 янв. 34.

[5]) Уст. 1640 ст. 21. Зин. ул. 1, 4.

«учениковъ вѣры» и обученіемъ дѣтей[1]); онъ завѣдываетъ также духовными собраніями въ своемъ округѣ[2]). Послѣ бакши второй санъ геленовъ составляетъ, по Зинз. уложенію, *унзудз* — «въ родѣ игумена»[3]). Остальные гелены отправляютъ при хурулахъ (кумирняхъ) должности благочинныхъ (*гепкю*, Ghepku, Ghezku), хранителей бурхановъ (боговъ, — *бурхачи*), ключарей, завѣдывающихъ хурульною казною и утварью (*гешкз*), экономовъ по продовольственной части (*нирбо*) и регентовъ хористовъ (*гунзудз*)[4]). Есть также гелены, посвящающіе себя гаданіямъ и волхвованіямъ при разныхъ случаяхъ (во время свадьбъ, родинъ и пр.), — *зурхачи* (гадатели—астрологи) и *задычи* (волхвы); другіе занимаются медициной — *эмчи* (тангут. Memda)[5]).

Гецуль (Gödsüll)[6]) — «служитель вѣры», рангъ средній между жрецомъ и ученикомъ вѣры, принадлежитъ къ посвященнымъ духовнымъ (поставляетъ улусный лама) въ значеніи помощника гелена. Гецулы живутъ при кумирняхъ, — участву-

[1]) Законы Галдана обязываютъ родителей отдавать дѣтей въ обученіе бакши. См. уставъ 149 Бакши «владѣльческій» (состоящій при ставкѣ владѣльца) считается выше улуснаго (при родовыхъ хурулахъ). См. уст. 1640, ст. 21, 39.

[2]) О бакши см. Палл. Saml. II, 126. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 120. Нила Будд. 56, 71, 182.

[3]) Зинз улож. 4 Этотъ санъ не упоминается въ старомъ уставѣ и нѣтъ указаній на него въ трудахъ изслѣдователей

[4]) Гепкю, по Зинз. уложенію, управляетъ хуруломъ—капищемъ и духовенствомъ (ст. 4, 5). Онъ избирается изъ почетныхъ членовъ всѣмъ хурульнымъ духовенствомъ на годъ. Выборный же характеръ имѣютъ и остальныя должности. Гунзуды избираются изъ геленовъ и гецулей. См. Палл. Saml. II, 126. Бюлера № 8, стр. 120. Бентковскаго о праздн. 26.

[5]) Тѣ и другіе руководятся священными книгами ламаитовъ. См. Палласа Saml. II, 126. Небольсина Библ. 1852, № 6, стр. 93—94, № 7 стр. 55. Бюлера От Зап. 1846, № 8 стр. 122—123 Бентковскаго о праздн. 26 По Бакунину. въ прошломъ вѣкѣ калмыцкіе эмчи лечили по тангутскимъ книгамъ, выписываемымъ изъ Тибета. другіе же — волшебствомъ. См. рукопись Бакунина 107.

[6]) Калмыки называютъ ихъ «гезыль», сибирскіе ламаиты — гецулъ и унзатъ. См. Бюлера, № 8, стр. 120. Нила, 72.

ютъ въ молитвослуженіяхъ и исправляютъ жреческія требы наравнѣ съ геленами. Нѣкоторые гецулы находятся при отдѣльныхъ хотонахъ, особенно отдаленныхъ, для поданія духовной помощи мірянамъ въ нужныхъ случаяхъ. Зинз. уложеніе требуетъ «на мѣста гецулей ставить изъ манжи, понятіемъ одаренныхъ»[1]).

Низшій классъ духовныхъ составляютъ монгольскіе *тоины*, калм. *бандинеры* (бандинаръ-шабинеры, церковнослужители, низшій причтъ)[2]). По обѣтамъ и служебнымъ обязанностямъ бандинеры раздѣляются на два разряда — баньди и убаши. *Баньди* или *манжи* (Mandshi, Mandshiki, тибет. рабцюнъ)[3]) соотвѣтствуетъ «саманера» (послушникъ, ученикъ) древнихъ буддистовъ и означаетъ испорчен. санскрит. «bandja»—чтимый[4]). Манжи — «ученикъ вѣры», приготовляющійся къ посвященію въ духовныя степени (гецуля и гелена),—ученикъ, оставившій міръ, но еще «не посвященный», отдавшійся подъ руководство жрецовъ (бакши) для изученія правилъ вѣры и утвержденія въ буддійскихъ обѣтахъ[5]) Въ кумирняхъ, при богослуженіи, манжи исполняетъ должность прислужника (дьячка по Зинз. улож.)[6]). — *Убаши* (убуши, монг. обуши, тибет.

---

[1]) См. уст. 1640 ст. 145. Зин. улож. 2, 16. Ср. Палл. Saml. II, 131. Тимковскаго Пут. III, 401. Нила, 72. Бентковскаго о праздн. 26.

[2]) О тоинахъ см. Тимковскаго Путеш. III, 401; Бентковскаго о праздн. 26. О бандинерахъ — Зинз. улож. 2, 11.

[3]) Баньди и Mandshi стараго устава (по рус. сп. 20, по сп. Палласа 18, 145) соотвѣтствуетъ манжи Зинз. уложенія (2, 10, 11, 16). О рабцюнъ см. Тимковскаго Путеш. III. 401.

[4]) См. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр. 1879, янв., 7, 10, 17, 34. По объясненію Палласа манжи значитъ «рожденный къ духовному призванію» (см. Saml. II, 133).

[5]) У монголовъ и калмыковъ нерѣдко и взрослые люди, особенно вдовцы, оставляютъ міръ и посвящаютъ себя въ манжи, проходя затѣмъ всѣ духовныя степени. См. Палл. Saml. II, 135.

[6]) О банди и манжи см. Палл. Saml. II, 133—136. Нила Будд. 71. Тимковскаго Пут. I, 130, III, 401. Бентковскаго о праздн. 26.

генинъ) соотвѣтствуетъ «упасака» древнихъ буддистовъ, — первой степени членовъ буддійской общины; это «непосвященные» буддисты-міряне, обязавшіеся извѣстными обѣтами[1]). Ламайскіе обычаи дозволяютъ принимать обѣты убаши и женщинамъ, называющимся *убасунца* (убасанца, убашенца). Принимая благочестивые обѣты, убаши и убасунца носятъ особую одежду и примыкаютъ къ общинѣ духовныхъ; почему въ Зинз. уложеніи они называются монахами и монахинями[2]). Убаши могутъ жить при капищахъ подъ руководствомъ бакши, въ качествѣ капищныхъ служителей и служительницъ[3]); но они могутъ также не оставлять своей семьи и жизни въ мірѣ, — могутъ даже вести брачную жизнь. Въ этомъ собственно заключается различіе между калмыцкимъ манжи и убаши: первый всегда находится при хурулѣ, въ школѣ бакши, и въ случаѣ брака долженъ былъ вовсе оставить свое званіе,—второй могъ жить въ мірѣ и отправлять обѣты убаши. Наконецъ, калмыцкіе манжи и убаши могли вовсе оставить духовную общину и возвратиться въ свой родъ; монгольскіе баньди, напротивъ, подобно посвященнымъ жрецамъ, связываются обѣтами навсегда (см. ниже). Въ Тибетѣ и у среднеазіатскихъ монголовъ убаши доселѣ остаются въ прежнемъ почетѣ, тогда какъ у теперешнихъ калмыковъ званіе это вовсе исчезло[4]).

Кромѣ рядоваго духовенства, принадлежащаго къ общинѣ посвященныхъ ламъ и другихъ духовныхъ разныхъ степеней, у монголовъ и другихъ буддистовъ-ламаитовъ существуетъ также классъ *отшельниковъ* (пустынниковъ) и *монашествующихъ*, не причисляющихся къ духовной общинѣ и ведущихъ благочестивую жизнь. Первую степень составляютъ у калмыковъ

---

[1]) См. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр 1879, янв. 8, 16, 34.

[2]) Зин. улож. ст. 2. Впрочемъ такое наименованіе не совсѣмъ точно,— классъ монаховъ носилъ особое названіе (см. ниже).

[3]) Уст 1640 ст. 21

[4]) См. Палл. Saml. II, 128, 135. Іакинѳа Опис. Тибета, 213. Тимковскаго Пут. III, 401. Нила Будд. 71. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 120.

вдовы и другія женщины, которыя съ благословенія ламъ получаютъ наименованіе *улуссунуа* и посвящаютъ себя постоянной молитвѣ и нѣкоторымъ обѣтамъ, не оставляя однако семейной жизни, — онѣ могутъ выходить замужъ, безъ нарушенія принятыхъ обѣтовъ. Вторую степень подвижничества представляютъ *шабаганцы* (Tschebagantsi)[1]) — дѣвственницы, отрекающіяся отъ брачной жизни и принимающія посвященіе вмѣстѣ съ ношеніемъ особой духовной одежды. Такіе же обѣты принимаютъ отшельники — *Süsükta* или *Ommantschi*; нѣкоторые изъ нихъ даютъ обѣты пустынножительства, ведутъ бродячую жизнь, питаются подаяніемъ и пр. Высшую степень отшельниковъ составляютъ упомянутые выше *Dajantschi*, принадлежащіе къ классу ламъ—пустынножителей[2]). У сибирскихъ буддистовъ есть такіе же подвижники: шимнанци—дѣвственницы, живущія въ своихъ семьяхъ и родахъ и дающія на всю жизнь обѣтъ цѣломудрія, поста и молитвъ, и діанчи—пустынники, отрекшіеся отъ міра и посвятившіе себя служенію богамъ[3]).

[1]) См. уст. 1640 ст. 21.

[2]) См. Палл. Saml. I, 120, 135—137. Тимковскій свидѣтельствуетъ, что монгольскія «чабханьци» (по Пржевальскому, шабганцза — калм. шабаганци), принимая обѣты подвижничества, могутъ и не отрекаться отъ семейной жизни, оставаясь въ своихъ семьяхъ съ мужьями (см. Тимк. Пут. III, 403; Пржевальскаго Монг. I, 56). Въ Тибетѣ (напр. близь Хлассы — столицы Далай Ламы) есть цѣлые монастыри дѣвицъ-отшельницъ съ ихъ настоятельницами — Пагму или Хутуктай (см. Тимковскаго III, 176). Палласъ записалъ слѣдующій любопытный обычай, сохранявшійся въ его время въ быту калмыцкихъ дѣвственницъ (шабаганци): до 30 ти лѣтъ онѣ должны жить цѣломудренно, но затѣмъ тайно и въ извѣстныя ночи спать съ незнакомыми имъ мужчинами, дитя, родившееся отъ такой связи, считается у калмыковъ святымъ и посвящается богамъ. Палласъ, впрочемъ, не ручается за полную достовѣрность этого обычая. (См. Saml. II, 137).

[3]) См. Нила Будд. 176—177. Пріютомъ пустынникамъ служатъ горы и вертепы; онъ не долженъ входить въ жилые дома,— вся жизнь его должна проходить въ умерщвленіи плоти, постоянной молитвѣ и постѣ. «Пусть звѣрь разверзаетъ пасть свою или змѣя жалитъ пяту; пусть рушатся и падаютъ надъ головою скалы или воды грозятъ потопленіемъ: діанчи не долженъ прерывать начатую молитву, ни даже измѣнять своего молитвеннаго положенія». Тамъ, же 179.

Вмѣстѣ съ указаніями на исчисленные разряды духовенства, калмыцкіе уставы излагаютъ правила касательно вступленія въ духовное званіе и выхода изъ него, также правъ, принадлежащихъ цѣлому духовенству и лично каждому духовному, — наконецъ касательно духовныхъ обѣтовъ (запрещенныхъ заповѣдей).

По обычаямъ древнихъ буддистовъ, принятіе въ духовную общину первоначально не подлежало особеннымъ ограниченіямъ: въ нее могъ поступить всякій, вѣровавшій въ Будду и его законъ, какъ въ свои двѣ защиты,—позже прибавилась третья защита — сама община (сангха). Для посвященія въ ея члены требовалось одно заявленіе о желаніи сдѣлаться «упасака»; больше ничего не требовалось, — ни условій свободы, ни возраста и пр. Позже появился цѣлый рядъ требованій, которымъ долженъ былъ удовлетворять всякій, кто искалъ посвященія въ духовные. Сангха могла принимать «покидавшихъ міръ» въ опредѣленномъ числѣ и при соблюденіи извѣстныхъ условій. Такъ, только по достиженіи 20-ти лѣтъ могло быть совершено «посвященіе»,—ниже этого возраста можно было «оставлять міръ», и то съ согласія родителей (но сынъ взрослый посвящался и безъ согласія отца, особенно если между ними послѣдовала ссора и пр.). Саманеровъ (послушниковъ) могли «дарить» сангхѣ не только отдѣльныя семьи, но и цѣлыя деревни, которыя могли обратиться къ сангхѣ съ предложеніемъ: «выберите кого хотите и даруйте ему посвященіе». Къ посвященію не допускались: рабы (безъ отпущенія на волю), сектанты-отступники, прокаженные, — воины, царскіе слуги и люди, состоявшіе на жалованьи, — разбойники и завѣдомо лихіе люди,—люди, высѣченные кнутомъ (пока будутъ оставаться знаки), должники, евнухи, «воровскіе сожители» (т. е. кто самъ оставитъ міръ и будетъ вести себя какъ момахъ), убійцы матери, отца и пр.,—лица съ физическимъ уродствомъ и пр.[1]).

[1]) См. обстоятельное и подробное изслѣдованіе вопроса о принятіи въ

У среднеазіатскихъ ламаитовъ установились также опредѣленные обычаи, изстари соблюдающіеся при принятіи въ ламэйское духовенство. У монголовъ доселѣ каждый отецъ семьи, по обычаю, считаетъ обязанностью посвятить хоть одного сына въ духовное званіе[1]). У калмыковъ точно также каждый отецъ, имѣющій трехъ и болѣе сыновей, непремѣнно посвящаетъ одного въ манжи[2]). Въ прежнее время предоставлялось на волю каждаго простолюдина отдавать сына въ духовное званіе; люди же знатные, даже нойоны, обязаны были отдавать дѣтей въ духовные ученики (безъ посвященія) или по крайней мѣрѣ обучать ихъ у духовныхъ (бакши) въ теченіе опредѣленнаго времени. Обычай не установлялъ точныхъ лѣтъ, на которыя родители должны были посвящать дѣтей духовному званію; отъ родителей зависѣло отдавать ихъ отъ 4 до 15-ти лѣтъ, послѣ чего манжи, окончивъ обученіе у бакши, выходилъ въ свѣтское званіе или же, при желаніи остаться духовнымъ, посвящался въ дальнѣйшія духовныя степени. Самое посвященіе могло имѣть мѣсто, главнымъ образомъ, подъ условіемъ заявленія отца гелену о желаніи сына принять посвященіе въ духовное званіе, послѣ чего кандидатъ, послѣ руководства духовнаго учителя (бакши), наставлявшаго въ обѣтахъ и правилахъ вѣры, посвящался въ степени гецулей и геленовъ[3]). Въ старыхъ калмыцкихъ законахъ не находимъ особыхъ постановленій о принятіи въ духовное званіе и отдачѣ дѣтей въ духовные ученики. Эти вопросы впервые затрогиваются законами Дербетовскаго улуса и въ особенности подробно опредѣлены

древнюю будд. общину, въ цитированной не разъ статьѣ Минаева Община и пр. 8—18.

[1]) См. Тимковскаго Путеш. I, 76, III, 400. Пржевальскаго I, 55. Іакинфомъ записаны самые обычаи вступленія въ духовное званіе См. его Зап. о Монг. IV, 228—230.

[2]) См. Страхова Сост. калм. народа, 22. Неведьева о волж. калм 95. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 121.

[3]) См. Палласа Saml. II, 133.

Зинз. уложеніемъ. Обязывая «знатныхъ» родителей отдавать дѣтей до 15-ти лѣтъ въ духовные ученики, Дербетовскіе законы вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ за правило, чтобы, при принятіи молодыхъ людей въ духовное званіе, брали во вниманіе всѣ «Fähigkeiten u. Vorzüge», «Gaben u Würden»[1]) Нѣкоторыя изъ такихъ условій констатированы Зинз. уложеніемъ. Въ немъ признается обязательной для всѣхъ, кромѣ простолюдиновъ[2]), отдача сыновей духовному учителю (бакши) до опредѣленныхъ лѣтъ (именно до 15-ти)[3]), и затѣмъ констатируются правила принятія учениковъ въ духовное званіе, съ нѣкоторыми ограниченіями и измѣненіями прежнихъ обычаевъ, главнымъ образомъ въ родовыхъ интересахъ «общества», изъ среды котораго по старымъ обычаямъ наиболѣе дѣятельные и «нужные» члены обязательно исторгались духовной общиной. Такимъ образомъ, Зинз. уложеніе не признаетъ старой обязанности родителей отдавать сына въ духовное званіе. Въ немъ лишь говорится, что каждый «воленъ» отдать своего сына учителю вѣры для посвященія въ духовное званіе. Отданный долженъ обучаться грамотѣ до 17 лѣтъ, — срокъ, по достиженіи котораго, при желаніи ученика (манжи), дозволялось по ламайскимъ обычаямъ посвящать въ духовныя степени гецулей и геленовъ. Поставивъ поступленіе ученика въ духовную общину въ зависимость отъ собственнаго желанія ученика и воли отца, калмыцкіе законы затѣмъ обращаютъ вниманіе также на обще-

---

[1]) См. уст. 147, 149.

[2]) Отдавать дѣтей учителю для обученія простолюдины могутъ «по силѣ возможности»; но и для нихъ обязательно обученіе дѣтей чтенію монгольскаго письма (ст. 127, 128).

[3]) Отдача дѣтей въ обученіе подъ руководствомъ бакши служитъ на дѣлѣ лучшей школой, развивающей въ ученикахъ охоту и желаніе вступить въ «манжики» и затѣмъ въ посвященные жрецы. Эта-то подготовительная школа изстари находится въ исключительныхъ рукахъ буддійскаго духовенства, въ собственныхъ интересахъ поддерживающаго въ молодомъ поколѣніи стремленіе войти въ составъ привиллегированной общины духовныхъ.

ственные интересы, ставятъ принятіе въ духовное званіе въ связь съ согласіемъ «общества» (т. е. рода, къ которому принадлежитъ ученикъ) и родоправителей — зайсанга и владѣльца. Если ученикъ, достигнувъ указаннаго возраста, пожелаетъ посвятиться въ гецули или гелены, то отецъ или ближайшіе родичи должны испросить соизволеніе общества или зайсанга — послѣдніе могутъ не изъявить согласія, «признавая его нужнымъ». Затѣмъ, при ихъ согласіи, объявляется о томъ владѣльцу и, если будетъ согласіе и съ его стороны, кандидатъ «представляется хурулу» для совершенія обряда посвященія. Мало того: Зинзилинское собраніе установляетъ новое ограниченіе въ видахъ гарантіи родовыхъ интересовъ, именно поддержанія рода, — запрещаетъ посвящать въ гецули и гелены, если у отца только одинъ сынъ, «дабы тѣмъ не пресѣклось поколѣніе». Коммиссія калмыцкихъ дѣлъ пошла еще дальше, положивъ не посвящать въ духовенство и «изъ двухъ сыновей»[1]).

Обѣты, принимавшіеся «посвященными» духовными и открывавшіе имъ доступъ къ жреческимъ функціямъ, соединялись съ «оставленіемъ міра» навсегда. Кто разъ оставилъ міръ, тотъ не могъ уже по собственной волѣ занять въ немъ прежняго общественнаго положенія: духовный, своевольно оставляющій свой «чинъ», считается по калмыцкимъ законамъ «противникомъ священной вѣры и нарушителемъ благословеннаго достоянія, непріязненнымъ калмыцкому народу», и потому подлежитъ опредѣленному наказанію — по ойратскому уставу лишенію половины пожитковъ и скота[2]), а по Зинз. уложенію,

---

[1]) См. Зинз. уложен. ст. 15; къ ст. 15. Объ обычаяхъ принятія и посвященія въ духовное званіе у современныхъ калмыковъ см Бентковскаго, О праздн. 25—26.

[2]) Уст. 1640 ст. 22. По сп. Цалл уставъ говоритъ объ оставленіи сана посвященнымъ жрецомъ (geweyhten Priester); но тоже правило должно было касаться и гецулей, принадлежавшихъ также къ «посвященнымъ въ духовный чинъ».

кромѣ того, зачисленію въ «сословіе простыхъ подвластныхъ»[1]). Владѣльцамъ и зайсангамъ вмѣняется въ обязанность отвращать и не допускать духовныхъ, «оставившихъ мірскую жизнь временнаго свѣта», самовольно обращаться къ ней, совлекая съ себя «ризу нетлѣнія», по фигуральному выраженію Зинзил. уложенія[2]). Лишь въ одномъ случаѣ дозволяется духовнымъ обращаться къ мірской жизни и оставлять свой санъ, именно если «по опредѣленію судьбы, мірская надобность встрѣтится оказывать покровительство его родственникамъ, къ улучшенію ихъ жребія, къ чему и самая справедливость неотмѣнно потребовала бы обращать собственное его вниманіе»[3]). Съ другой стороны, калмыцкіе законы допускаютъ «разстриженіе» духовныхъ противъ ихъ желанія, въ случаѣ нарушенія ими «запрещенныхъ заповѣдей» (духовныхъ обѣтовъ), — нарушенія, при которомъ, по буддійскому каноническому праву, нарушитель обѣтовъ «не можетъ жить вмѣстѣ съ духовными, онъ долженъ занять свое прежнее положеніе (сдѣлаться мірянином), быть отлученъ и исключенъ изъ сожительства»[4]). Правила, запрещающія оставленіе духоваго званія, касаются всѣхъ «посвященныхъ» въ духовныя степени (гецулей, геленовъ и пр.). У монголовъ къ посвященнымъ относятся наравнѣ съ жрецами и

---

[1]) Зинз. улож. ст. 3, 17. Зачисленіе въ податные классы бывшихъ духовныхъ, по рожденію принадлежавшихъ большею частію къ знатнымъ или извѣстнымъ въ обществѣ людямъ, было во всякомъ случаѣ деградаціей, прямымъ наказаніемъ.

[2]) Зинз. улож. 17.

[3]) Но и въ такихъ случаяхъ требуется, чтобы духовный подробно объяснилъ хурулу и владѣльцу о причинахъ, заставляющихъ его вступить «въ сословіе свѣтскихъ людей». (Зинз. улож. 18). Оцѣнка уважительности такихъ причинъ, очевидно, принадлежала хурулу и владѣльцу, отъ которыхъ зависѣло не увольнять просителя, если заявленныя имъ причины окажутся неуважительными.

[4]) См. Пратимокша-Сутра, 31. Калмыцкіе законы относятъ къ причинамъ разстриженія духовныхъ: прелюбодѣяніе и вообще нарушеніе обѣта безбрачія, пьянство, несоблюденіе 10-ти заповѣдей (см. ниже) и пр. См. уст.

ученики вѣры (баньди): въ силу мѣстныхъ каноническихъ правилъ, они считаются навсегда связанными обѣтами своего званія (главнымъ образомъ, обѣтомъ безбрачія) и потому не могутъ безъ особенныхъ причинъ выходить въ оставленную ими «мірскую жизнь». Въ иномъ положеніи находятся у калмыковъ манжи, сближающіеся въ этомъ отношеніи съ убаши: какъ уже замѣчено, манжи, по окончаніи обученія у бакши, могутъ изъявить желаніе посвятиться въ гецули, но могутъ и оставить званіе ученика безъ особенныхъ ограниченій и возвратиться въ свой родъ, въ качествѣ мірянъ, слагая съ себя обѣты, соединенные съ духовнымъ званіемъ[1]).

Улусное духовенство распредѣляется по *округамъ* (Küro), подвѣдомственнымъ отдѣльнымъ ламамъ, и живетъ въ разныхъ мѣстахъ монгольскаго кочевья, главнымъ образомъ при ламахъ и владѣльческихъ ставкахъ, вблизи которыхъ обыкновенно располагаются ламайскія кумирни или капища, служащія главными средоточіями ламайскихъ «монастырей». Духовныя лица живутъ также при отдѣльныхъ кочевыхъ таборахъ-аймакахъ и хотонахъ[2]). Въ этомъ отношеніи въ калмыцкихъ законахъ замѣчается стремленіе по возможности сосредоточить улусное духовенство въ *общежительства*, какъ этого требуютъ вообще

1640 ст. 146. Зинз. улож. 6, 8—10, 12, 13. Разстриги не «занимаютъ своего прежняго положенія», но обращаются въ податныхъ людей.

[1]) См Палласа Saml II, 133—135. Ср уст. 1640 ст. 23-я объ «оженившемся бандѣ» (по сп. Палл.—о духовныхъ, оставлявшихъ свое званіе и вступавшихъ въ бракъ, что дозволялось только убаши и баньди). Разсмотрѣнныя выше правила Зинз. уложенія о принятіи и посвященіи въ духовное званіе (см. ст 15) прямо констатируютъ положеніе, въ силу котораго ученикъ вѣры (манжи), достигнувъ 17-ти лѣтъ, могъ «пожелать» посвятиться въ гецули, но онъ могъ и не пожелать, какъ и «общество» могло (по той же статьѣ) не изъявить согласія на посвященіе принадлежащаго къ его составу манжи, «признавая его нужнымъ»: въ обоихъ случаяхъ (т. е. при собственномъ нежеланіи ученика и несогласіи общества) манжи оставлялъ свое званіе, входилъ въ «общество», нуждавшееся въ немъ.

[2]) См. Палл. Saml. II. 127.

буддійскіе обычаи, въ силу которыхъ еще старые буддисты-отшельники жили отдѣльными общинами (сангхи). На этомъ основаніи Зинз. уложеніе запрещаетъ духовнымъ кочевать отдаленно отъ своего «монастыря», ламы или владѣльца; право откочевки въ другія мѣста можетъ быть предоставлено духовному лишь ламой или владѣльцемъ, «и тогда имѣютъ они находиться въ мѣстахъ, приличныхъ ихъ званію»[1]). Въ настоящее время калмыцкое духовенство обыкновенно живетъ при мѣстной кумирнѣ общежительствомъ, которое «можно назвать монастыремъ, тѣмъ болѣе, что живущіе въ немъ совмѣстно, хотя и въ отдѣльныхъ кибиткахъ, имѣютъ общую трапезу, а по особому уставу собираются на моленія»[2]). Такія общежительства составляютъ духовныя собранія—*хурулы* (Churull)[3]), напоминающія собой сангхи, или собранія (общины) древнихъ буддистовъ. Мѣстные хурулы — монастыри управляются «хурульными старѣйшинами»—бакши, гепкю и др.[4]) и считаются у кочевниковъ средоточіемъ ихъ религіозной святыни. У калмыковъ хурулы служатъ убѣжищемъ для преступниковъ[5]); при хурулахъ духовные и міряне, провинившіеся въ нарушеніи

---

[1]) Зинз. улож. 4. У сибирскихъ буддистовъ также назначено пребываніе духовныхъ въ монастыряхъ. См. Нила Будд. 257.

[2]) См. Бевтковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставр. губ. I, 88.

[3]) Въ калмыцкихъ уставахъ подъ хуруломъ разумѣется духовное собраніе, монастырь—молитвенныя кибитки съ живущимъ при немъ духовенствомъ, — также кумирня или капище, наконецъ дворъ (Hoflager) высшаго улуснаго ламы (см. уст. 1640 ст. 135, 146; Зинз. улож. 4, 13, 18 и пр. Ср. Небольсина, въ Библ. CXIII, № 6 стр. 145; Пржевальскаго I, 56). У сибирскихъ буддистовъ капища называются дасаны или дацаны (См. Нила, 93). По Бюлеру хурулъ у калмыковъ означаетъ собственно «богослужебный обрядъ», но мѣстное калмыцкое управленіе употребляетъ его для обозначенія капищъ или кочевыхъ монастырей калм. духовенства. (См. От. Зап. 1846, № 8, стр. 121.

[4]) Уст. 1640 ст. 147; Зинз. улож. 4, 5 и пр. Объ устройствѣ ламайск. кумирень см. Небольсина въ Библ. CXIII, № 6 стр. 145. Нила 93. Пржевальскаго I, 56.

[5]) См. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 124.

обѣтовъ, держатся въ качествѣ кающихся на работѣ, молитвѣ и постѣ[1]). Здѣсь же, особенно при главныхъ улусныхъ капищахъ, учреждаются малыя и большія *собранія духовныхъ* (хурулы въ собственномъ смыслѣ). Собранія малыя (Chuгull) составляются изъ мѣстнаго духовенства, приписаннаго къ данному капищу, для общихъ моленій въ обыкновенные дни и для «общихъ покаяній» въ дни постовъ (мацаковъ, бывающихъ 8, 13 и 15 числъ въ каждомъ мѣсяцѣ)[2]) и пр. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ кочевья, обыкновенно при ставкахъ главныхъ владѣльцевъ, учреждаются по временамъ большія собранія (Jike Chuгull), куда стягиваются изъ разныхъ мѣстъ духовные цѣлаго округа или улуса, напр. въ большіе народные праздники и въ чрезвычайныхъ случаяхъ—при выборѣ въ прежнее время хановъ (теперь владѣльцевъ), по случаю ихъ смерти и пр.[3]). По древнимъ буддійскимъ обычаямъ, духовныя собранія (сангхи), въ отношеніи къ совершаемымъ на нихъ обрядамъ, раз-

[1]) См Зинз. улож ст 1.

[2]) См. Зинз. улож. 149, 150. Ср Бентковскаго, въ Сборн св. по Ставр. губ. VII, 24

[3]) См. Палл. Saml. II, 127. Бакунинъ описываетъ періодическія собранія тибетскихъ ламаитовъ въ монастырѣ (близь Хлассы), «въ которомъ обрѣтается духовныхъ служителей нѣсколько тысячъ: когда востребуетъ нужда, тогда всѣ духовные сбираются въ помянутое капище и сѣдши по мѣстамъ своимъ съ великимъ благоговѣніемъ читаютъ молитвы» и пр. (Бакун. Рукоп 108 оборот). У него же описано большое собраніе калмыцкаго духовенства въ 1735 г по случаю объявленія грамоты Далай Ламы о пожалованіи Черенъ Дондука ханскимъ чиномъ (см. тамъ же, 105 и слѣд.). У среднеазіатскихъ монголовъ находится при каждой кумирнѣ масса ламъ, представляющихъ собраніе въ нѣсколько сотъ, иногда до тысячи и больше духовныхъ (Пржеваль. I, 56). По Тимковскому, въ монгольскихъ капищахъ иногда помѣщается до 4-хъ тысячъ ламъ во время торжественныхъ собраній; особенно масса ламъ собирается въ случаяхъ празднованія появленія новыхъ кутухтъ. Въ Ургѣ по этому случаю въ 1729 г. собралось до 25 тыс. ламъ. Въ ургинскомъ капищѣ собирается ежемѣсячно, въ каждое 15-е число, для общихъ моленій до 4 хъ тысячъ ламъ, а въ большіе праздники ихъ собранія доходятъ до 14 тысячъ ламъ. См Тимковскаго Путеш. I, 46, 113; III, 400.

дѣлялись на нѣсколько видовъ и состояли изъ положеннаго числа посвященныхъ духовныхъ (бикшу). Сангха, состоявшая меньше четырехъ членовъ, не могла совершать никакихъ обрядовъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ требовалось собраніе не меньше четырехъ бикшу (напр. обряды всеобщей исповѣди Vposatha каждаго 15 числа ежемѣсячно), для другихъ не меньше пяти, десяти и двадцати бикшу, — послѣднее собраніе могло совершать всѣ обряды[1]). Въ калмыцкихъ уставахъ встрѣчаемъ лишь правила, запрещавшія являться въ собранія (хурулы) духовнымъ, уличеннымъ въ несоблюденіи обѣтовъ или «запрещенныхъ заповѣдей», — самый порядокъ собраній калмыцкаго духовенства опредѣляется ихъ каноническими уставами[2]).

Ламайское духовенство, организованное въ отдѣльную автономическую общину подвижниковъ, вышедшихъ «изъ міра», живетъ по своимъ особымъ уставамъ, приспособленнымъ къ цѣлямъ и задачамъ буддійскаго отшельничества[3]), управляется особой «духовной властію» и подлежитъ «духовному суду»[4]) Автономія ламайской общины, дѣлавшая ее въ старое время поч-

---

[1]) См. введеніе къ «Пратимокша Сутрѣ», изд. Минаевымъ, стр. XL Въ текстѣ самаго служебника изложены указанія на порядокъ собраній (сангхи), въ 15-е число каждаго мѣсяца, для всеобщей исповѣди (Vposatha) Тамъ же, стр. 25—29.

[2]) См уст 1640 ст. 146, Зинз. улож. ст. 1

[3]) О духовныхъ законахъ говорятъ Дербетовскій уставъ и Зинз. уложеніе. Въ 145 ст. стараго устава по сп. Палласа упоминаются «Gesetze der Geistlichkeit, — въ Зинз улож. ст. 4 — «уставъ священнаго сана», въ ст. 11 — «духовный законъ». О каноническомъ правѣ ламайскихъ буддистовъ см. мое соч. — Др. Монг. уст. 212—214.

[4]) См. уст. 1640 ст. 6, 145, 146, 148; Зин. улож. 4, 5, 7, 11, 43, 52, 157, 159. Въ слѣдующей части мы разсмотримъ церковную администрацію и судъ въ связи съ общей администраціей по калмыцкимъ уставамъ. Здѣсь замѣтимъ, что духовные лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ подлежатъ по этимъ уставамъ свѣтскому суду, — для нихъ компетентенъ судъ «духовенства» вообще и въ частности «духовной власти», «знатныхъ изъ духовенства», «хурульныхъ старѣйшинъ и настоятелей», «гепкю» и пр. Кромѣ духовныхъ лицъ, и міряне подлежатъ духовному суду—по дѣламъ о семейныхъ ссорахъ, разводахъ и пр.

ти вовсе независимой и даже «страшной» (по выраженію Палласа)[1]) для монгольскихъ вождей, не избавляетъ калмыцкое духовенство отъ значительнаго вліянія владѣльцевъ, констатированнаго въ особенности въ Зинзилинскомъ уложеніи. Оно предоставляетъ владѣльцамъ, имѣющимъ свои хурулы, избирать ламъ, смотрѣть за соблюденіемъ въ хурулахъ порядка и духовныхъ правилъ, разрѣшать пріемъ въ духовное званіе новыхъ членовъ, возлагать на духовныхъ лицъ свѣтскія обязанности и пр.[2]). Съ другой стороны, духовные у монголовъ еще со временъ Чингиса принадлежатъ къ тарханникамъ, свободнымъ отъ всякихъ даней и повинностей въ пользу вождей и родовыхъ союзовъ[3]), — правило, вполнѣ констатированное и въ калмыцкихъ уставахъ[4]).

Въ свою очередь, улусное духовенство монголовъ изстари принимало самое дѣятельное участіе въ общественной и частной жизни мірянъ. Верховенство Далай Ламы придавало ламайской духовной общинѣ такую силу, съ которой должны были считаться въ старину самые могущественные вожди монголовъ. Безъ участія представителей этой общины не предпринималось монгольскими вождями никакое общественное дѣло и предпріятіе. Для старыхъ ойратскихъ вождей ламы были первыми и ближайшими совѣтниками и думцами: въ зарго (думѣ) ойратскихъ хановъ и тайшей знатные ламы стояли выше свѣтскихъ Sargatschiner[5]). У калмыковъ духовные (гелены) так-

---

[1]) См. выше стр. 380.

[2]) См. Зинз. улож. 3, 4, 15—18, 31.

[3]) См мое соч. — Др. монг. уст. стр. 191 п. 10.

[4]) См. уст. 1640 ст. 24, Зинз. улож ст. 39, гл. о подводахъ п. 1. — Ср. Палласа Saml. II. 120. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 121. У среднеазіатскихъ монголовъ духовенство свободно отъ ратной службы, податей и повинностей; лишь въ особыхъ случаяхъ духовные привлекаются къ сборамъ и личной службѣ. Духовные, состоящіе при должностяхъ, вполнѣ свободны отъ повинностей, за нештатныхъ же платятъ ихъ семейства. См. Тимковскаго III, 401. Пржевальскаго I, 55.

[5]) См. Палл. Saml. I, 188.

же избирались до 30-хъ годовъ въ ихъ улусные зергачи (члены улуснаго суда—зарго)[1]). Далѣе, калмыцкіе уставы вполнѣ констатируютъ фактъ участія ламайскаго духовенства въ дѣлѣ законодательства не только духовнаго, но и свѣтскаго[2]) Принимая дѣятельное участіе въ родовомъ нарядѣ монголовъ, ламайское духовенство, въ лицѣ своихъ высшихъ главъ (ламъ), сопутствовало въ старину родовымъ вождямъ монгольскихъ ордъ въ ихъ хищническихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ ламы играли такую же видную роль, какъ и въ мирное время въ родовомъ нарядѣ[3]).

Еще выше поднимается значеніе ламайской общины въ частномъ быту мірянъ. «Почитаніе» духовныхъ составляетъ одинъ изъ старинныхъ догматовъ буддійскаго культа[4]), упро-

---

[1]) Гелюнги, «присвоившіе себѣ монополію знаній» между калмыками, до 1825 г избирались, въ числѣ двухъ, въ народный судъ Найманъ-Зарго, а съ того времени до 1836 г. назначались въ улусный судъ два члена изъ гелюновъ. См. Бюлера, От. Зап 1846, № 11, стр. 16—17.

[2]) Въ ряду лицъ, участвовавшихъ въ составленіи устава 1640 г, на первомъ планѣ стоятъ 4 кутухты Законы Дербетевскаго улуса составлены 6-ю высшими духовными лицами. Наконецъ, Зинз. уложеніе составлено на собраніи главъ свѣтскихъ и духовныхъ—ламъ и гелюновъ.

[3]) Роль ламъ въ военныхъ предпріятіяхъ старыхъ ойратовъ констатирована въ военномъ ярлыкѣ второй половинѣ XVII в., записанномъ въ Абаканской писаницѣ. См. мос соч. — Др. монг уст. 235—237

[4]) Приведемъ изъ Тимковскаго извлеченія изъ старыхъ каноническихъ книгъ монголовъ касательно почитанія ламъ Книга «Номунъ Далай» (море книгъ) предписываетъ слѣдующее· «почитать ламу должно не пренебреженіемъ, но признаніемъ всего содѣяннаго имъ за добро; не опроверженіемъ, но принятіемъ за совершенное всего проповѣданнаго въ книгахъ священныхъ; и наконецъ выполненіемъ того, что веселитъ духъ ламы и отверженіемъ отъ всего, противнаго тому». По другому древнему источнику (книгѣ «Цагунъ Курдуну») «достигнете величайшей премудрости, если так. обр. будете прославлять ламу, самое солнце, освѣщающее непостижимую мглу, одолжено восхожденіемъ своимъ прославленію ламы, самыя грѣховныя страсти излѣчаются уваженіемъ врача ламы Отъ прославленія вышняго ламы, бурханы и бодисаду (ихъ праведники) пріобрѣтаютъ благую волю уклоняться отъ зла и творить добро; чрезъ ублаженіе царя ламъ наслаждаемся

чившій чрезвычайное значеніе духовныхъ среди монгольскихъ кочевниковъ. «Помолиться святому, коснуться его платья или получить благословеніе, считается (у среднеазіатскихъ монголовъ) великимъ счастіемъ»[1]). Не меньшимъ значеніемъ пользуется и калмыцкое духовенство: кочевникъ шагу не сдѣлаетъ безъ совѣта съ своимъ жрецомъ. Послѣдній — единственный руководитель и наставникъ молодаго поколѣнія, — «начиная съ глубокой древности и до нашего времени, въ рукахъ буддійскаго духовенства, главнымъ образомъ, сосредоточивается, какъ воспитаніе молодаго поколѣнія, такъ и храненіе религіозныхъ преданій»[2]). Жрецъ необходимъ для мірянина въ пору обычныхъ у кочевниковъ гаданій, требъ и жертвъ умплостивительныхъ, при кочевыхъ передвиженіяхъ, особенно при скотскихъ

крѣпостію силъ, молодостію лѣтъ, выгодами и славою. Когда одинъ день, съ откровенностію въ сердцѣ, непритворными устами и бдительною волею посвятите *ублаженію ламы*: то всѣ прегрѣшенія, содѣянныя вами въ безчисленныхъ перерожденіяхъ, очистятся, *человѣкъ дѣлается тогда бурханомъ* (богомъ). Въ противномъ же случаѣ, утративъ столькожъ добродѣтельныхъ заслугъ, онъ впадаетъ въ адъ По мѣрѣ злобной хулы противу ламы, теряются добродѣтельныя заслуги, пріобрѣтенныя въ теченіи тысячныхъ переселеній. Хула злобная, состоящая въ презрѣніи святости ламской, наказывается измѣненіемъ въ безобразный видъ, умноженіемъ болѣзней и пр. Хула противу заповѣди ламы наказывается косноязычіемъ, легкомысліемъ и пр; хула на духъ ламской наказывается бѣснованіемъ, совершеннымъ помраченіемъ памяти и разума и переселеніемъ въ мѣста вѣчныхъ мукъ. По мѣрѣ злобной хулы противу ламы, теряются добродѣтельныя заслуги, пріобрѣтенныя въ переселеніяхъ, и должно будетъ на толикое же число переселеній подвергнуться тяжкимъ мученіямъ ада и пр. Хула сія превышаетъ всякое зло. Кто не укротитъ величайшую болѣзнь злости, тому не будетъ спокойствія: ни тѣлу, ни языку ниже духу его... Почему и должно, какъ предписывается въ книгахъ, прославлять вышняго ламу постояннымъ терпѣніемъ». См. Тимковскаго Путеш. III, 397—399.

[1]) Счастіе это, впрочемъ, «обходится не дешево, такъ какъ всякій вѣрующій долженъ непремѣнно сдѣлать при этомъ извѣстное приношеніе, иногда довольно значительное» См. Пржевальскаго Монг. I, 54.

[2]) См. Бентковскаго, въ Сборн. по Ставр. губ. VII. 25. Ср. Неболь сина, въ Библ. СХШ, № 6. стр. 112

падежахъ и другихъ бѣдствіяхъ степной жизни; онъ необходимъ для каждаго ламаита во всякую пору его жизни — въ минуту болѣзни и смерти, при родахъ и свадьбахъ, и притомъ не только какъ духовникъ, но и какъ единственный, компетентный врачъ и гадатай (зурхачи), который, руководясь буддійскими книгами, назначаетъ счастивые дни для всякаго дѣла и предпріятія и пр.[1]). Если верховный лама является неизбѣжнымъ совѣтникомъ и думцемъ родоправителей, то простой геленъ и гецулъ будутъ такими же совѣтниками для простаго кочевника: при малѣйшей сдѣлкѣ семейной, имущественной и пр. онъ нуждается въ помощи своего гелена, и обладающаго монополіей «знанія» не только религіозной догмы, но и правовыхъ обычаевъ, кодифицированныхъ въ священныхъ буддійскихъ книгахъ. Вес это должно было развить до громадныхъ размѣровъ вліяніе ламайскаго духовенства на народъ. И дѣйствительно, вмѣша тельство духовныхъ въ частную жизнь мірянъ приняло у монголовъ и калмыковъ характеръ обязательной, религіозной догмы «ублаженія» духовныхъ, —догмы, соблюденіе которой, по каноническому ученію ламаитовъ, «человѣка дѣлаетъ бурханомъ»[2]). И нужно сказать, что ламайскіе отшельники съумѣли съ замѣчательной цѣпкостью поддержать этотъ догматъ, на почвѣ котораго (какъ показываютъ наблюденія надъ старымъ и новымъ бытомъ монголовъ и калмыковъ) они развили эксплуатацію суевѣрныхъ кочевниковъ до неслыханныхъ размѣровъ. Дѣло въ томъ, что буддизмъ, съ его гуманитарно-практическимъ направленіемъ, привился къ быту монгольскихъ племенъ, какъ ихъ господствующій культъ, уже въ то время, когда политическая самобытность этихъ племенъ близилась къ концу, и когда всѣ общественныя формы, сложившіяся вѣка назадъ, приняли окаменѣлый характеръ,

---

[1]) См. Небольсина, тамъ же, № 6 стр. 93—116; № 7 стр 55.

[2]) См. выше стр. 421 примѣчаніе — извлеченія изъ монг. книгъ о «почитаніи» ламъ.

мало пригодный къ воспринятію новыхъ жизненныхъ началъ. Буддизмъ долженъ былъ самъ приспособляться къ этимъ формамъ, не въ силахъ былъ обновить застарѣлую хищническую культуру кочевниковъ. Мало того: духовная буддійская община, приспособляя свои догмы къ условіямъ монгольскаго быта, сама подчинилась ихъ вліянію, быстро всосала въ себя всѣ воззрѣнія и идеалы, развившіеся на почвѣ монгольскаго хищничества. Буддійскіе обѣты воздержанія и уклоненія отъ «мірской злобы» сдѣлались для монгольскихъ ламъ и ховраковъ лишь парадным знаменемъ, подъ прикрытіемъ котораго скрывалась и скрывается доселѣ хищническая эксплуатація народа со стороны своихъ ламъ и всей отшельнической общины «посвященныхъ служителей вѣры». Положеніе дѣла въ такомъ именно направленіи констатируется не только офиціальными данными, но и цѣлымъ рядомъ интересныхъ наблюденій старыхъ и новыхъ изслѣдователей, близко изучавшихъ бытъ монголовъ и калмыковъ, — Палласа, преосвященнаго Нила и др. Въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка Палласъ встрѣтилъ въ калмыцкихъ геленахъ огуломъ сущихъ «кровопійцевъ» простолюдина,—праздношатаекъ, которые, кромѣ своихъ требъ, ничего не дѣлаютъ, только ѣдятъ, пьютъ, спятъ да «fremde Weiber miszbrauchen», не знаютъ никакихъ семейныхъ заботъ, не платятъ никакихъ податей, обманываютъ суевѣрный народъ, какъ хотятъ, и пользуются каждымъ несчастьемъ и болѣзнію, чтобы грабить и пр.[1]). Не лучше отзывы о калмыцкомъ духовенствѣ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1803 году главный калмыцкій приставъ сообщалъ такія свѣдѣнія о калмыцкомъ духовенствѣ: «духовные составляютъ между калмыками десятую часть народа, обогащаютъ себя обманывая его, ведутъ себя непристойно и нагло, присвоивъ себѣ право согрѣшать безгрѣшно, вмѣшиваются во всѣ дѣла, тяжбы и ссоры, принимаютъ въ свое сословіе всѣхъ молодыхъ людей, избѣгающихъ трудовъ и

[1]) См. Палласа Saml. II, 130—131.

лужбы, сбирая за это много денегъ»[1]). Чрезъ 30 лѣтъ опять слышатся официальные отзывы въ томъ же духѣ: «духовенство калмыцкое, за исключеніемъ весьма немногихъ, вмѣсто того, чтобъ служить образцомъ доброй нравственности для народа, подаетъ собою соблазнительный примѣръ въ жизни. Пьянство, карточная игра, волокитство, суть отличительная черта почти каждаго духовнаго лица Развратъ наиболѣе замѣтенъ между гелюнгами, которые, безпрестанно отлучаясь отъ своихъ хуруловъ, скитаются по хотонамъ, аймакамъ, сосѣднимъ селамъ и городамъ, разсказываютъ нелѣпыя новости, поселяютъ раздоры и несогласія между калмыками, подстрекаютъ своими совѣтами къ недѣльнымъ тяжбамъ, пишутъ ябедническія просьбы, принимаютъ на себя званіе ходатаевъ по присутственнымъ мѣстамъ, втираются въ посредники или примирители по домашнимъ ссорамъ и выдаютъ себя за лекарей, употребляя при леченіи больныхъ разнаго рода шарлатанства. Вмѣшательство гелюнговъ и вообще духовенства въ дѣла свѣтскія имѣетъ въ виду одну цѣль, именно — пріобрѣтеніе безъ труда денегъ, дабы употребить оныя на распутство»[2]). Подобная эксплуатація и распущенность калмыцкаго духовенства вызвала въ Зинзилинскомъ уложеніи рядъ мѣръ, имѣвшихъ въ виду установить строгія наказанія духовныхъ за пьянство, наложничество и пр., съ запрещеніемъ оставлять хурулы и съ ограниченіями касательно пріема въ духовное званіе, въ особенности же съ отмѣной всякаго вмѣшательства духовныхъ въ общественныя и частныя дѣла мірянъ (напр. въ качествѣ ходатаевъ «въ судилищахъ по дѣламъ общественнымъ или по тяжбамъ родственниковъ и прочимъ претензіямъ»), «ибо сіе сану ихъ неприлично и вредно»[3]). Послѣдняя мѣра, т. е. запрещеніе духовнымъ вмѣшиваться въ мірскія дѣла, была осуществлена правительствомъ въ 1836 г. особымъ закономъ[4]). Тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы послѣ того значительно

[1]) См. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8 стр. 120.

[2]) Тамъ же, стр. 121.

[3]) См. Зинз. улож. 3, 4, 17.

[4]) См. Бюлера, № 11, стр. 17.

измѣнилось дѣло къ лучшему: бар. Бюлеръ, изучавшій бытъ калмыковъ въ 40-хъ годахъ, свидѣтельствуетъ, что «вліяніе его (духовенства) на народъ въ теченіи послѣдняго десятилѣтія осталось въ прежней силѣ, при чемъ отличительныя черты этого класса составляютъ понынѣ корыстолюбіе, алчность, тупеядство и невѣжество»[1]). Тѣми же красками рисуютъ очевидцы бытъ духовенства сибирскихъ буддистовъ и китайскихъ монголовъ. Преосвящ. Нилъ, наблюдавшій въ 50-хъ годахъ духовенство сибирскихъ буддистовъ—бурятъ и др., описываетъ самую неприглядную картину эксплуатаціи народа буддійскимъ духовенствомъ, которое по своей распущенности и хищничеству ничѣмъ не лучше калмыцкихъ геленовъ[2]). Точно также, по словамъ Пржевальскаго, «ламское сословіе составляетъ самую страшную язву Монголіи, такъ какъ занимаетъ лучшую часть мужскаго населенія, живетъ паразитомъ на счетъ остальныхъ собратій и своимъ безграничнымъ на нихъ вліяніемъ тормозитъ народу всякую возможность выйдти изъ того глубокаго невѣжества, въ которое онъ погруженъ»[3]).

[1]) См. тамъ же, № 8, стр. 121 «Столь же суевѣрные и грубые, какъ бо́льшая часть народа, гелюнги удерживаютъ его въ суевѣрной зависимости, и она до того велика, что если гелюнгъ, надутый азіатской спѣсью, сближаясь съ чернью только въ случаѣ надобности, скажетъ слово простому калмыку или подастъ ему совѣтъ, то слово это для него становится ненарушимо и свято» (тамъ же) И до настоящаго времени слышатся отзывы вообще далеко не въ пользу калмыцкаго духовенства. Въ 1876 г. такъ отозвался І. В. Бентковскій — близкій знатокъ современнаго калмыцкаго быта: «буддизмъ, въ противоположность браминизму, отвергнувъ кастичность духовенства и предписавъ ему обѣтъ безбрачія, тѣмъ самымъ сплотилъ своихъ послѣдователей, такъ — сказать, въ одну цѣльную народную массу и въ тоже время отдалъ мірянъ въ крѣпкія руки духовенства Неудивительно, если будд. духовенство, въ теченіи многихъ вѣковъ, пользуясь широкимъ вліяніемъ на народъ, успѣшно достигаетъ личныхъ цѣлей прежде всего путемъ воспитанія, а потомъ проповѣдью и поученіями... Иныхъ послѣдствій впрочемъ и быть не можетъ, когда великіе учители буддизма признали, что «нѣтъ подаянія равнаго проповѣди», и когда каждый духовный, за поданную ему милостыню, долженъ по обѣту вознаградить благодѣтеля проповѣдью или краткимъ поученіемъ». См. Сборн. по Ставр. губ. VII, 25.

[2]) См. Нилла Буддизмъ, 258—261.

[3]) См. Пржевальскаго Монголія, I, 56

Калмыцкое духовенство извлекаетъ для себя содержаніе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Сюда нужно относить прежде всего находящійся въ исключительномъ его завѣдываніи, особый классъ калмыковъ-простолюдиновъ, извѣстныхъ подъ именемъ *хурульныхъ*, обязанныхъ содержать хурулы всѣмъ «достояніемъ своимъ», вмѣстѣ съ личными послугами хурульному духовенству. Появленіе у монголовъ особаго класса людей, подвластныхъ ламайскому духовенству, совпадаетъ съ утвержденіемъ у нихъ ламаизма и съ признаніемъ верховенства Далай Ламы, когда всѣ монгольскіе вожди, вступившіе съ нимъ въ ойратство, посвятили тибетскому папѣ часть своихъ подвластныхъ улусниковъ въ значеніи его «собственности» (Eigenthum), съ тѣмъ, что такіе подвластные остаются при своихъ князьяхъ (т. е. кочуютъ съ своими родами) и подчиняются юрисдикціи послѣднихъ[1]). Съ появленіемъ затѣмъ въ монгольскихъ ордахъ и улусахъ многочисленной общины ламайскихъ духовныхъ, содержаніе послѣднихъ обезпечивалось улусными родоправителями, выдѣлявшими изъ своихъ подвластныхъ цѣлые роды и улусы въ исключительное завѣдываніе духовенства, вмѣстѣ съ освобожденіемъ ихъ отъ всякой зависимости отъ мірскихъ родоправителей. Этимъ путемъ «ламинскіе люди» монголовъ становились къ своимъ новымъ владѣльцамъ-ламамъ и прочимъ духовнымъ въ тѣже самыя отношенія, въ какихъ въ центрѣ ламаизма (Тибетѣ) весь народъ стоялъ къ своему верховному главѣ — Далай Ламѣ и цѣлой общинѣ ламайскихъ отшельниковъ[2]). Ойратскій уставъ 1640 г. уже знаетъ цѣлые аймаки и улусы, подчиненные ламамъ и духовенству, говоритъ о разореніи ихъ людей и «имѣнія» и

---

[1]) См. Палл Saml. I, 27.

[2]) Интересныя указанія на «суверенность» тибетскаго духовенства даетъ Бакунинъ въ своей лѣтописи, подъ 1718 г.: говоря о пожалованіи ханомъ Аюкою прибывшему отъ Далай Ламы, изъ Тибета, Шукуръ ламѣ улуса, принадлежащаго «ламинскому чину», Бакунинъ затѣмъ сообщаетъ, что этотъ Шукуръ «былъ ламою въ тамошнемъ (тибетскомъ) одномъ монастырѣ, на-

о выкупѣ людей изъ «рукъ ламинскихъ»[1]). У среднеазіатскихъ монголовъ до сихъ поръ существуетъ многочисленный классъ духовныхъ «крѣпостныхъ» извѣстныхъ подъ именемъ «шаби» (шабины) или «шабинскаго», вѣдомства и приписанныхъ къ ставкамъ кутухтъ, ламъ и отдѣльныхъ хуруловъ, съ обязанностью ухода за хурульнымъ скотомъ, платежа податей и сборовъ для содержанія духовенства и личныхъ послугъ при хурулахъ и ставкахъ духовенства[2]). Такой же классъ подвластныхъ духовенству людей (шабины, шабинеры, шангуды, люди или служители ламинскіе и хурульные) доселѣ существуетъ у русскихъ калмыковъ[3]). Классъ хурульныхъ образовался изъ потомковъ людей подвластныхъ, которыхъ жертвовали въ прежнее время ханы и владѣльцы ламамъ[4]) и хуруламъ, въ частности бурганамъ и монгольскимъ первосвященникамъ (Далай-

---

зываемомъ Шакуръ, и губернаторомъ надъ провинціею, тому монастырю подчиненною, а таковыхъ монастырей въ Тангускомъ народѣ находится семь, по которымъ и народъ Тангутской раздѣляется на семь провинцій, а оными не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, управляютъ яко губернаторы духовные ихъ ламы, изъ каковыхъ и тотъ Шакуръ лама былъ». (См. Рукоп. Бакун 10). Здѣсь констатируется свѣтская власть духовенства въ Тибетѣ далеко раньше признанія ея Китаемъ Выше уже замѣчено о признаніи такой власти за Далай Ламой ойратскими вождями еще въ концѣ XVI вѣка.

[1]) См. уст. ст. 6 и 11. Въ русскомъ уставѣ говорится о «ламинскомъ улусѣ».

[2]) Ургинскій кутухта владѣетъ цѣлой арміей крѣпостныхъ шабиновъ,— Тимковскій засталъ ихъ до 30 тыс, а Пржевальскій насчитываетъ до 150 тыс. шабиновъ, зависѣвшихъ непосредственно отъ ургинскаго кутухты. Въ верхней Монголіи есть цѣлыя мѣстности, населеніе которыхъ находится въ исключительномъ управленіи ставки монгольскаго первосвященника. См. Тимковскаго Пут. I, 40, 49. Пржеваль. I, 8.

[3]) См. уст. 1640 ст. 6 Зинз. улож. I, 2. Страхова нынѣш. сост. калм. нар. 25 Небольсина въ Библ. CXIII № 5, стр. 44. Какъ видно изъ Бакунина (стр. 10), въ прошломъ вѣкѣ хурульные назывались «шабины», какъ и у монголовъ

[4]) По сообщенію Бакунина, въ 1718 г. «прибылъ въ калмыцкіе улусы чрезъ Сибирь отъ Далай Ламы, по прошенію хана Аюки отправленной,

Ламѣ и кутухтѣ), ламамъ и даже отдѣльнымъ геленамъ[1]). Шабинеры жертвовались не только тому или другому духовному чину, но и лично — извѣстному ламѣ или гелену; по смерти послѣднихъ, принадлежавшіе имъ люди, какъ и все ихъ имущество, дѣлались общимъ достояніемъ хурула и приписаннаго къ нему духовенства[2]). Есть, кромѣ того, указанія, что въ прежнее время калмыцкіе ламы пріобрѣтали шабинеровъ путемъ покупки подвластныхъ людей у владѣльцевъ «на собственное достояніе ламы единственно для спасенія души въ нынѣшнемъ и будущемъ вѣкѣ»[3]). Путемъ такихъ пожертвованій и покупокъ сосредоточилась въ рукахъ калмыцкаго духовенства значительная часть простолюдиновъ, исключительно зависѣвшихъ отъ него на такихъ же основаніяхъ, какъ вообще «подвластные» зависятъ отъ своихъ владѣльцевъ[4]). Въ прошломъ столѣтіи калмыцкіе шабинеры раздѣлялись по «чинамъ» и бурханамъ, которымъ они были пожертвованы, — были шабинеры Burchanin, Sunkabain, Chutuktin, Lamain, Zordshin, Bakschin и пр[5]). Въ новое время установилось раздѣленіе

знатной ихъ духовный, называемой Шукуръ лама, котораго онъ Аюка принялъ съ великою честію и отдалъ ему во владѣніе калмыцкой *улусъ*, *принадлежащій ламинскому чину*, именуемой *шабинами*, котораго въ то время считалось до четырехъ тысячъ кибитокъ» См. Рукоп Бакунина, 10).

[1]) См Палл. Saml I, 222; II, 120 Страхова, 25 Бюлера, № 11 стр. 41. Небольсина, № 5 стр. 14. О пожаловании шабинеровъ геленамъ, въ особенности прославившимся своими познаніями въ медицинѣ и астрологіи, см. Небольсина указан. цитату. Въ прошломъ вѣкѣ у калмыковъ были шабинеры, называвшіеся Bakschin, Zordshin, — по пожертвованію ихъ «чинамъ» бакши и цорджи См. Палл. Saml. I, 222

[2]) Ст. Небольсина въ Библ СХІІІ, № 5, стр. 44 Ср. Палл. II, 120.

[3]) См. Бюлера въ От. Зап. № 11 стр. 40 — 41.

[4]) Выше приведена изъ Бакунина цитата, изъ которой видно, что въ началѣ прошлаго вѣка ламинскій улусъ состоялъ изъ 4 хъ тыс. кибитокъ. По Палласу, въ одной тогоутской ордѣ было нѣсколько тысячъ кибитокъ шабиновъ (Saml II, 120). Въ началѣ текущаго столѣтія Страховъ сообщалъ, что «этихъ вредныхъ чирьевъ отъ испорченной народной крови находится между калмыками едва ли не *пятая часть*». См. нын сост. калм. нар 26.

[5]) См. Палл. Saml. II, 222

шабинеровъ на ламаинъ и хурульныхъ, т. е. приписанныхъ къ «ламинскому чину» или къ отдѣльнымъ хуруламъ, — затѣмъ собственно шабинеровъ и шангудовъ — пожертвованныхъ или купленныхъ, съ изъятіемъ ихъ изъ природныхъ ихъ хотоновъ и родовъ (отъ которыхъ шабинеры отчислялись непосредственно къ хуруламъ), или же (какъ шангуды) съ оставленіемъ ихъ на родовыхъ кочевьяхъ (съ изъятіемъ только изъ вѣдомства улусныхъ родоправителей)[1]). Непосредственное управленіе хурульными принадлежитъ тому лицу, чину или хурулу, которымъ жертвовались зависимые люди, — хурульные цѣлаго улуса подчиняются на общемъ основаніи высшему улусному ламѣ, владѣвшему также непосредственно принадлежавшими ему ламинскими людьми[2]). Всѣ хурульные издавна считаются «духовной собственностію», принадлежащею хуруламъ и духовенству на правѣ «вѣчнаго владѣнія»[3]), изъ котораго можно было выходить на волю (напр. выкупомъ) на томъ же основаніи, какъ и изъ родовой зависимости отъ владѣльцевъ[4]). Со времени за-

---

[1]) См Нефедьева о волж калм. 99 Бюлера въ От Зап 1846, № 11 стр. 41. Небольсина въ Библ СХШ № 5 стр 44. Въ положеніи шангудовъ были подвластные, пожертвованные въ концѣ XVI вѣка ойратскими вождями Далай Ламѣ (см. выше). Ламайское управленіе показало въ 1844 году, что шабинеры дѣлятся на обыкновенныхъ или общихъ такъ называемыхъ по «родоназванію» ихъ (собственно шангуды), и на особенныхъ — пожертвованныхъ и купленныхъ (см Бюлера указан. цитату). По Небольсину теперь хурульные дѣлятся на шабинеровъ и шангудовъ, т. е. на дворовыхъ, живущихъ при самыхъ хурулахъ, и задворныхъ, живущихъ при своихъ родахъ

[2]) См. Палл Saml. I, 222. Небольсина, № 5 стр. 44. Бюлера, № 11, стр. 39 — оммисія калм дѣлъ, при пересмотрѣ Зинз. уложенія, предположила изъять людей подвластныхъ изъ личнаго владѣнія ламъ и прочихъ духовныхъ и передать ихъ родичамъ или хуруламъ въ «собственность» (См Зин ул. I, ст. 2). Но показанія Нефедьева и другихъ говорятъ, что у калмыковъ до послѣдняго времени подвластными владѣли не только хурулы, но и лично духовные, особенно ламы и старшіе гелены

[3]) См. Палл Saml. II, 120. Зинз. улож. I, 2. Страхова 25 Бюлера, № 11, стр 41.

[4]) Уст. 1640 ст. 11.

численія зависимыхъ людей въ разрядъ хурульныхъ, послѣдніе вступаютъ къ своему духовенству въ такія же тягловыя отношенія, въ какихъ прежде находились къ владѣльцамъ: они содержатъ «достояніемъ своимъ» родовые или ламайскіе хурулы, состоятъ въ услуженіи хурула и духовенства, занимаются пастьбой и уходомъ за хурульнымъ скотомъ, платятъ сборы и взносы и пр.[1]). Въ прошломъ вѣкѣ, по показаніямъ Палласа, улусные ламы ежегодно получали отъ хурульныхъ добровольные взносы, — при смерти же ламы, шабинеры должны были давать отъ всего своего имущества десятину, которая, вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ умершаго ламы, дѣлилась между его клиромъ, съ выдѣломъ лишь незначительной доли его роднымъ[2]). Не видно, чтобы этотъ обычай сохранился въ текущемъ столѣтіи. Наконецъ, нужно считать стародавнимъ обычнымъ правиломъ изъятіе хурульныхъ отъ владѣльческихъ и улусныхъ податей и повинностей[3]).

Кромѣ пользованія «достояніемъ» и службою хурульныхъ, калмыцкое духовенство владѣетъ большими стадами *скота*, принадлежащаго хуруламъ и лично духовенству. Для пастьбы скота, духовенство по обычаю пользуется вмѣстѣ съ народомъ отведенною ему землею; для хуруловъ, кромѣ того, выдѣляются отдѣльныя пастьбища, охраняемыя отъ потравы посторонними людьми[4]). Подъ вліяніемъ духовенства установился, далѣе, рядъ народныхъ обычаевъ, служащихъ для перваго обильнымъ источникомъ доходовъ. Таковъ обычай, въ силу котораго *иму-*

---

[1]) Страхова 25, Неѳедьева 100. Бюлера, № 11, стр. 40, 42. Небольсина, № 5, стр. 44.

[2]) См. Палл. Saml II, 120

[3]) См Палл. Saml. I, 222; II, 120. Страхова 26. Неѳедьева 99 — 100. Ср въ особенности обстоятельное изслѣдованіе бар. Бюлера объ обычаяхъ, освобождающихъ хурульныхъ отъ податей и повинностей. См. От. Зап. 1846, № 11, стр. 39 — 42 Объ изъятіи хурульныхъ отъ вліянія владѣльцевъ и зайсанговъ см. Неѳедьева о волж калм. 100.

[4]) См. Зинз. улож. 18, п. 18 и 19 Ср. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр 122.

щество умершаго, кромѣ обыкновенной части, выдѣляемой хурулу наслѣдниками при общемъ раздѣлѣ наслѣдства, забирается жрецами «на хурулъ» иногда до послѣдняго платья и кибитки, какъ въ видѣ платы жрецамъ за умилостивленіе боговъ въ пользу умершаго и пр., такъ и на основаніи поддерживаемаго духовенствомъ вѣрованія, что «имущество покойнаго не можетъ быть благомъ для наслѣдниковъ, а для самаго умирающаго пагубно»[1]). Большіе доходы калмыцкое духовенство получаетъ, наконецъ, въ видѣ *добровольныхъ приношеній* мірянъ, *платы* за совершаемыя требы, моленія и «поученія», за леченіе больныхъ, гаданія зурхачей, обученіе дѣтей и пр[2]).

Что касается *имущественныхъ правъ*, лично принадлежащихъ каждому члену ламайской духовной общины, то въ этомъ отношеніи вышеизложенныя данныя о вліяніи духовенства на мірянъ и о средствахъ его содержанія ясно говорятъ о полномъ отклоненіи ламайской общины отъ буддійскихъ идеаловъ, ставившихъ цѣлыя «сангхи» (духовныя буддійскія общины) и отдѣльныхъ членовъ въ положеніе оставившихъ міръ «отшельниковъ» — неимущихъ, питавшихся исключительно подаяніемъ вѣрующихъ мірянъ буддистовъ. Въ старыхъ общинахъ буддійскихъ духовныхъ господствовалъ строгій принципъ «общежительства», въ силу котораго у нихъ было «все общее — имущество, занятія, слова и мысли»[3]). Сангха и ея члены «не жнутъ и не сѣютъ», не промышляютъ и не торгуютъ: «подаяніе», милостыня (и то въ размѣрахъ лишь самаго необходимаго

---

[1]) См. Палл. Saml. II, 131. Страхова 22 Неофедьева 203 Нила 260. Небольсина въ Библ. CXIII № 6, стр. 128. Бюлера въ От. Зап. 1846, № 11 стр. 26 — 27.

[2]) См. Палл. II, 130 — 131. Бюлера, въ От. Зап. 1846, № 8, стр. 121 — 124. Ср Нила Будд. 258 — 261. Здѣсь констатируются поразительные факты эксплуатаціи ламайскимъ духовенствомъ суевѣрія кочевниковъ, — эксплуатаціи, намѣренно задерживающей народъ въ глубокомъ невѣжествѣ.

[3]) См. Минаева община, въ Жур. Мин. Пр. 1879, янв. 23

для строгой отшельнической жизни), не личный трудъ и промыслъ — единственные источники пропитанія цѣлыхъ сангхъ и отдѣльныхъ ея членовъ. Отсюда отрицаніе за буддійскими отшельниками индивидуальныхъ правъ на имущество и на добываніе его личнымъ трудомъ. По буддійскимъ уставамъ «собственностію» духовнаго можетъ быть лишь «милостыня», «подаяніе», и то только въ видѣ вещей и предметовъ первой необходимости — одежды (чивары), чаши, постилки, сѣдалища и пр., притомъ строго опредѣленныхъ размѣровъ, качества и количества[1]). Строгія правила подвижничества старыхъ буддійскихъ общинъ, питавшихся лишь скуднымъ подаяніемъ, остались и остаются доселѣ «темнымъ преданіемъ» въ быту и самыхъ уставахъ ламайской духовной общины. Калмыцкіе уставы по крайней мѣрѣ показываютъ, что духовные ламаиты владѣютъ «людьми» и «пожитками», «имѣніемъ», стадами скота и пр.: За провинности противъ обѣтовъ духовные штрафуются лишеніемъ скота и пожитковъ, лично имъ принадлежа-

---

[1]) Буддійскій служебникъ — Пратимокша Сутра — доводитъ до минимума имущественную правоспособность буддійскаго духовенства. Были такіе періоды въ году («лѣтованія» или «время дождей»), когда отшельники должны были скрываться въ пустынѣ и ходить совершенно нагими: «одни собирались въ дупла сухихъ деревьевъ;... другіе безъ всякаго покрова страдали попеременно отъ жары и холода, были такіе, которые подъ открытымъ небомъ, при сильномъ дождѣ, забиралисъ въ колоды или же подобно пастухамъ жили въ шатрахъ» (Прат.-Сутра, XXIX, XXXI) По буддійскому служебнику, духовные живутъ во время дождей «въ пустынныхъ мѣстахъ опасныхъ и страшныхъ», отказываясь отъ всякаго имущества, оставаясь безъ одежды шесть ночей, а съ разрѣшенія сангхи, — и долѣе (Пратим. 41). Въ остальное время духовные владѣютъ лишь самымъ необходимымъ. «Домохозяева» (т. е люди съ достаткомъ) принадлежали къ «отверженнымъ», не имѣвшимъ права присутствовать при собраніяхъ сангхи Духовный могъ имѣть одежду (чивару), полученную лишь подаяніемъ, — неподаренной нельзя ни носить, ни имѣть у себя Каждый членъ сангхи могъ имѣть не больше трехъ чиваръ опредѣленнаго размѣра, брать одежду, какъ подаяніе, или же просить ее у другаго, дозволялось лишь въ томъ случаѣ, когда наличная чивара погибла, украдена или пришла въ негодность; изъ даруемыхъ

щихъ какъ и простымъ мірянамъ[1]). Какъ уже замѣчено (см выше стр. 169), Зинзилинское собраніе стремилось къ возстановленію въ калмыцкомъ духовенствѣ чистоты буддійскихъ правилъ жизни, имѣло въ виду поднять его на уровень буддійскихъ идеаловъ и съ этой цѣлью установило нѣкоторыя ограниченія въ правахъ духовныхъ. Къ такимъ правиламъ, между прочимъ, относится положеніе, развитое въ 12 статьѣ Зинзилинскаго уложенія и основанное на буддійскомъ ученіи объ отреченіи «посвященныхъ» отъ «міра»: гелюнгъ, какъ «отрекшійся отъ всего мірскаго», не въ правѣ требовать себѣ выдѣла принадлежавшей ему (по родству) части изъ имѣнія родственниковъ, — послѣдніе обязаны, «по возможности и состоянію», лишь давать «отъ удѣла» подъ вьюкъ кибитки его двухъ верблюдовъ и дойный скотъ[2]). Не смотря однако на всѣ эти ограниченія, калмыцкое духовенство, вмѣсто класса «неимущихъ» отшельниковъ, живущихъ по буддійскимъ уставамъ общежительно, однимъ подаяніемъ, представляетъ, по

многихъ чиваръ можно въ такихъ случаяхъ взять не больше двухъ. Духовный не въ правѣ принимать отъ другаго сборъ напр. на одежду, но беретъ самую вещь, и притомъ сдѣланную не по его заказу, но милостинодателя. Далѣе, духовный можетъ имѣть лишь одну чашу опредѣленной формы — одну постилку (опредѣленнаго качества и безъ перемѣны ея въ теченіе 6-ти лѣтъ), сѣдалище и пр. На «испрошенныя» средства онъ можетъ наконецъ построить хижину, но опредѣленныхъ размѣровъ и на извѣстныхъ мѣстахъ. Принимать и имѣть у себя золото и серебро, перлы и драгоцѣнности, заниматься ихъ мѣной, какъ и вообще продавать и покупать, — все это проступки, не дозволительные для духовнаго по буддійскому ученію. См. Пратим.-Сутра, стр 28, 32, 36—41, 48, 52—53.

[1]) См. уст. 1640 ст 6, 22, 24 145. Зинз. улож. I п. 2; ст 3, 6, 18 п. 18 и 19. За несоблюденіе обѣтовъ духовный штрафуется скотомъ въ пользу того хурула, гдѣ онъ совершалъ до того богослуженіе (Зинз. улож. 6), — правило, ясно указывающее на то, что хурульное духовенство владѣетъ стадами, не принадлежавшими хурулу и составлявшими личную собственность духовныхъ.

[2]) Геленъ можетъ получить свою часть лишь послѣ оставленія духовнаго званія, съ зачисленіемъ въ податное сословіе. См. Зинз. улож. 12.

свидѣтельству очевидцевъ, самый богатый и достаточный послѣ владѣльцевъ классъ, обладающій множествомъ источниковъ къ легкой наживѣ и обогащенію, — старыя буддійскія правила отшельничества «теперь никѣмъ не соблюдаются[1]).

Коренное различіе ламайскихъ сектъ красношапочной и желтошапочной высказывается въ догматѣ *безбрачія* духовныхъ. Какъ мы видѣли, догматъ этотъ развитъ ученіемъ реформатора Цзонхавы — основателя тибетскаго ламаизма желтошапочниковъ, въ отличіе отъ южно-тибетской секты, допускающей для духовныхъ брачную жизнь на общемъ основаніи съ мірянами[2]). Тотъ же догматъ признанъ калмыцкими уставами, запрещающими духовнымъ нарушать обѣтъ цѣломудрія[3]). По Зинз. уложенію духовный, вступившій въ бракъ или принявшій наложницу, долженъ развестись и принести покаяніе; иначе ему воспрещается являться въ хурулъ и съ требами къ людямъ, вмѣстѣ съ разстриженіемъ въ податные люди[4]).

---

[1]) См. Бюлера, въ От Зап. 1846, № 8, стр. 122. Бентковскаго, въ Сборн. ст. св. по Ставроп. губ. VII, 27.

[2]) См. Палл. Saml. II, 128, 131. Небольсина въ Биб. CXIII, № 6, стр. 102 Нила Будд. 68, 257. Тимковскаго III, 401. Пржевальскаго I, 287. — По Бакунину «калмыцкіе и мунгальскіе геленъ или попы женъ не имѣютъ, а которые изъ нихъ похотятъ жениться, и таковые изъ духовныхъ ихъ чиновъ исключаются». См. Рукоп. 106 обоьот

[3]) Ст. уст 1640 по сп Палл. ст. 145—146. Выше замѣчено, что баньди могли оставить свое званіе и вступить въ бракъ безъ особыхъ ограниченій. См. уст. 1640 ст. 23.

[4]) См. Зинз. улож. ст. 13. — По свидѣтельству Палласа, у калмыцкихъ геленовъ въ прошломъ вѣкѣ существовали иные обычаи. Жрецы, въ особенности знатные, открыто держали у себя наложницъ, — «trosten sich in ihrem ehelosen Stande durch junge Haushalterinnen» (Nirma) Для калмыцкихъ папъ были открыты и другія средства смягчать иго воздержанія (Joch der Enthaltsamkeit) · во всякой кибиткѣ мірянина геленъ пользовался въ своихъ разъѣздахъ ночлежнымъ правомъ занимать ложе хозяина и правомъ гостепріимнаго гетеризма,—почему «die Frau von rechts wegen sich zu demselben schlafen legt». У селенгинскихъ бурятъ каждый жрецъ точно также имѣлъ наложницъ изъ проститутокъ и молодыхъ вдовъ—Ubaschenza, причислявшихся съ Ubaschi къ первой духовной степени. См. Палл II, 128. Выше мы привели разсказъ Палласа объ обычаѣ калмыцкихъ монахинь по

Догматъ «почитанія» духовенства, строго развитый ламайскимъ каноническимъ правомъ (см. выше), поднималъ до высокой степени *личное значеніе* духовныхъ. Калмыцкіе уставы строго наказываютъ оскорбленіе личной чести духовныхъ ругательствомъ, побоями, даже простымъ прикосновеніемъ руки[1]). Ойратскій уставъ, въ статьѣ о побояхъ, на первомъ планѣ ставитъ «учителя» (бакши)[2]), а затѣмъ уже говоритъ о родителяхъ[3]). Мало того: сравнивая плату за безчестье, наносимое духовнымъ, съ безчестіемъ владѣльцевъ и другихъ рассрядовъ, мы видимъ, что лишь главные владѣльцы стояли въ этомъ отношеніи выше улусныхъ духовныхъ лицъ (но не верховныхъ первосвященниковъ и ламъ), — остальные ранги владѣльцевъ, по безчестію, стоятъ ниже геленовъ; мечьшіе владѣльцы равны баньди (ученику вѣры, причетнику), а зайсанги — убаши[4]).

достиженіи 30-ти лѣтъ отдаваться первому встрѣчному мужчинѣ. Обычаи религіознаго и гостепріимнаго гетеризма ламайское духовенство калмыковъ и монголовъ унаслѣдовало отъ стараго ихъ шаманства. Древніе уставы монголовъ оставляли вполнѣ безнаказаннымъ сожительство шамановъ съ наложницами. Тѣже обычаи въ прошломъ вѣкѣ существовали у большинства калмыцкаго и монгольскаго духовенства. См. мое соч. Др мон. уст. 303. Ср. Іакинѳа опис. Чжуньгаріи, II, 158.

[1]) См. уст. 1640 ст. 21, 23, 39. Зинз. улож. 1, 2.

[2]) Бакши составляли высшій рангъ геленовъ.

[3]) См. уст. 39.

[4]) Замѣтимъ при этомъ, что ойратскій уставъ вовсе не касается безчестія высшихъ классовъ духовныхъ, хубилгановъ—первосвященниковъ и верховныхъ ламъ: они достигали такой святости, что было немыслимо оскорбленіе этихъ «святыхъ». Приведемъ параллельно штрафы за безчестіе духовныхъ и мірянъ бѣлой кости:

духовенство:	*міряне*:
цорджи 81 скотинъ	вел. владѣлецъ — разореніе.
бакши 45 скотинъ	
геленъ 27 скотинъ	чиновны влад. и табангоуты—10 ск.
баньди и шабаганца 5 скотинъ	меньшіе владѣльцы — 5 скотинъ.
убаша и убасунца 1 лошадь.	ясашн. сборщики (зайсанги) 1 лош. и 1 овца.
См. уст. 21.	См. уст. 25—28.

Калмыцкіе уставы констатируютъ, наконецъ, общую систему *запрещенныхъ заповѣдей*, или обѣтовъ, по буддійскому ученію обязательныхъ для членовъ духовной общины, вмѣстѣ съ установленіемъ наказаній и штрафовъ за нарушеніе заповѣдей. Зинзилинское уложеніе упоминаетъ вообще о 10-ти заповѣдяхъ духовныхъ, затѣмъ о четырехъ главныхъ, нарушаемыхъ прелюбодѣяніемъ, лжесвидѣтельствомъ, клятвопреступленіемъ и злоупотребленіемъ святости; кромѣ того, уставы относятъ къ духовнымъ обѣтамъ — воздержаніе отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, хожденіе въ оркомжи (поясѣ, обязательномъ для ношенія духовными), соблюденіе постовъ (мацаковъ — 8, 15 и 30 чиселъ ежемѣсячно, съ всеобщимъ покаяніемъ) и молитвенныхъ дней[1]). Наказанія, налагаемыя на духовныхъ за несоб-

---

[1]) См. уст. 1640 ст. 145. 146, 148. Зинз. улож. 3. 4, 6, 13, 18 (п. 17), 148—150 — Десять заповѣдей упоминающихся въ Зинз. улож., принадлежатъ къ кореннымъ обѣтамъ духовенства имѣвшимъ силу еще въ старыхъ буддійскихъ общинахъ. Сюда относится воздержаніе 1) отъ убіенія всего живаго, (этотъ обѣтъ и соединенный съ нимъ обычай употребленія постной (не мясной и растительной пищи такъ объясняются въ рукописи Бакунина: «онижъ (калмыки) исповѣдуютъ переселеніе душъ изъ человѣка въ животное и изъ животнаго въ человѣка и множество міровъ, т е. въ солнце и луне (луну) и въ звѣздахъ, и для того нѣкоторые изъ нихъ законники, такъ же какъ и индѣйцы, не ѣдятъ мяса и рыбы, а питаются молокомъ, масломъ, хлѣбомъ и другими плодами» (ст. 105 обор.), — 2) отъ присвоенія недаренаго (не укради), — 3) отъ прелюбодѣянія, — 4) отъ лжи. — 5) отъ пьянства (какъ причины охлажденія къ вѣрѣ). — 6) отъ ѣды не во время,— 7) отъ пляски, пѣнія, музыки и зрѣлищъ, — 8) отъ гирлянъ, благоуханій и всего украшающаго, — 9) отъ высокихъ и большихъ сѣдалищъ и постилокъ, — 10) отъ пріема золота и серебра (см. Минаева Община, въ Жур. Мин. Пр. 1879. янв. 17). Буддійскій служебникъ, по которому происходитъ всеобщая исповѣдь духовныхъ (15 числа каждаго мѣсяца), подраздѣляетъ всѣ проступки противъ духовныхъ обѣтовъ на слѣд. разряды: *4 смертныхъ грѣха* (прелюбодѣяніе, кража, убіеніе живаго существа и злоупотребленіе святости, т. е. самомнѣніе, увѣренность въ полномъ знаніи), *13 грѣховъ отпускаемыхъ* (сознательный онанизмъ, прикосновеніе къ тѣлу женщины, сладострастныя рѣчи женщинѣ съ цѣлью плотскаго соитія и пр., — сводничество, постройка хижины не на подаяніе и противъ правилъ, оговоръ другаго въ смертномъ грѣхѣ, внесеніе раздора въ духовную общину и пр.), 2 *неопредѣ-*

люденіе «запрещенныхъ заповѣдей», слагаются по калмыцкимъ уставамъ изъ слѣдующихъ разрядовъ: разстриженія, т. е. удаленія изъ духовной общины, съ зачисленіемъ въ податные люди (главнымъ образомъ, за несоблюденіе главныхъ десяти обѣтовъ), — затѣмъ штрафовъ скотомъ и пожитками (по Зинз. уложенію, также деньгами), ударовъ палкою въ хурулѣ, услуженія при хурулѣ и покаянія[1]).

ленныя дѣйствія, *30 отбрасываемыхъ проступковъ*, *92 проступка* и *4 грѣхи*, искупаемые покаяніемъ. За грѣхи смертные положено полное отлученіе изъ общины, — за остальные — отлученіе временное (болѣе или менѣе продолжительное) и покаяніе (См. Пратим.-Сутра, стр. 30—53). Обѣты мірянъ раздѣлялись на главные (не убей, не укради, не лжи и не прелюбодѣйствуй) и второстепенные (не пьянствуй, не украшай волосъ цвѣтами и пр.). (См. Минаева Община, ib. 23). Цзонхава, основатель тибетскаго ламаизма, обязалъ мірянъ исполнять три главные обѣты (не прелюбодѣйствуй, не укради и не убей); изъ Зинз. уложенія видно, кромѣ того, что міряне должны въ три поста (мацаки) каждаго мѣсяца соблюдать восемь запрещенныхъ заповѣдей (очевидно, аналогическихъ съ главными обѣтами духовныхъ; см. Зинзил. ул. 149; ср. Бентковскаго, въ Сборн. св. по Ставроп. губ. VII, 24). Для духовенства же ламайскій реформаторъ установилъ обѣты сообразно съ духовными степенями: 8 для простыхъ тойновъ, 40 для гецулей и 220 для гелюнговъ. См. Бентковскаго, тамъ же 24. Ср. его же Взглядъ на кочев. культур. 25. Тимковскаго Пут. I, 63; III, 405.

[1]) См. уст. 1640 ст. 22, 145—148. Зинз. улож. 1, 5—11, 13.

Академія
Академіи

ОПЕЧАТКИ.

стран.	строка.	*Напечатано:*	*слѣдуетъ читать*
5	20 св.	онъ	по
7	7 »	и за онаго	и за онаго
26	14 »	Улускаго	Улуснаго
61	5 »	воздумаетъ	вздумаетъ
68	6 »	Пом.	Ком.
70	13 »	Уничтожаются	Уничтожается
74	1 сн.	собраніи	собратіи
100	1 сн.	всѣ, т	ствѣ
123	12 »	«гебке»	«гебкю»
125	7 св.	родитеди	родители
128	7 »	188 (п. 2)	169, 188 (п. 2)
137	1 »	168	35 (п. 13), 168
—	9 сн.	(гл. V, п. 1)	(гл VI, п 1)
143	17 св.	Хошоуты. 199	Хошоуты. 119
163	14 сн.	имущественныхъ	имущественныхъ
168	19 св.	найги	найти
174	12 сн.	«прибавленіи»	«прибавленія»
193	16 св	наложницами	наложницами
198	1 сн.	Щанова	Щапова
227	19 св.	шебинеры	шабинеры
—	22 св.	шебинёровъ	шабинеровъ
233	7 »	вслѣдъ стадами	вслѣдъ за стадами
234	2 сн.	Березина	Березина
238	7 »	положсяія	положеніе
255	7 св.	1687	1787
296	17 »	франгментовъ	фрагментовъ
297	18 сн.	и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во главѣ крыло съ центромъ и имѣли во	и лѣвое крыло съ центромъ и имѣли во

стран.	строка.		
297	12	сн.	изъ ограды за	изъ ограды; за
304	16	св	телю	телью
307	12	»	отствав	отставав
308	19	»	калмыцкой	калмыцкой
335	5	»	организаціи	организація
336	13	»	сервитутовъ	сервитутовъ
355	5	»	зяйсанга	зайсанга
376	6	»	соединилось	соединялось
381	1	сн.	какую у евреевъ талму-	какую у евресвъ доселѣ удерживаетъ раввинатъ. Какъ у евреевъ талму-
384	4	»	Буддизмъ	Буддизмъ
386	17	св	полпымъ	полнымъ
—	10	сн.	обѣды	обѣты
387	16	»	1831	1868
389	4	»	обкаались	обязались
391	10	»	и догматико	но и догматико
—	3	»	можно	могло
392	2	св.	старой	строй
397	12	»	иабира	избира